Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1884

1.

Стр.

1. Записки Московскаго мартиниста сенатора **И. В. Лопухина**. Новое изданіе, съ примѣчаніями и портретомъ 1
2. Страницы прошлаго. **Ѳ. И. Тимирязева**. 155
3. Письма **императора Николая Павловича** къ шефу жандармовъ графу А. Х. Бенкендорфу. 1837 181
4. Императоръ Николай Павловичъ и Петербургскіе старообрядцы 190
5. Ночь съ 17 на 18 Февраля 1855 года. Разсказъ доктора **Мандта** 192
6. Воспоминанія **Григорія Ивановича Филипсона**. (Анрепъ. — Муравьевъ Амурскій.—Походъ въ землю Убыховъ. 1841) 199
7. Разсказы изъ недавней старины. **И. С. Листовскаго** 223
8. Письмо **К. Н. Батюшкова** къ Д. В. Дашкову 230
9. Записочка **В. А. Жуковскаго** къ Д. В. Дашкову 232
10. Письмо **К. Н. Батюшкова** къ В. А. Жуковскому 233
11. Изъ забытыхъ стихотвореній: Пародія на „Братьевъ-Разбойниковъ“.—Къ графу З. (Н. Ф. Павлова).—Русская пѣсня (Чѣмъ я Западъ огорчила). — „Въ патріотическомъ задорѣ“.—На б. А. К. М. (С. А. Соболевскаго).—На И. И. Д.—Издателю „Вѣсти“ (Ѳ. И. Тютчева) 237
12. Некрологи. (Н. Н. Розонова, А. Ѳ. Томашевскаго, А. И. Кошелева) 242
13. Письмо П. А. Плетнева къ Ѳ. И. Іордану. 248
14. О Матлевскомъ ожерельѣ 248

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Портретъ И. В. Лопухина. II. Роспись Русскаго Архива за первыя двадцать лѣтъ изданія (1863 — 1882). Особою тетрадью.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

ВЫШЛА XXIX КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Письма иностранцевъ къ графамъ Воронцовымъ: Пиктета (въ томъ числѣ три письма о восшествіи Екатерины Великой на престолъ), Павловскаго библіотекаря Лафермьера, Даламбера, Питта Старшаго, Рейфенштейна, Миранды, Ламбро-Качони, Костюшки, лорда Витворта, графа Местра, Гедувиля, астронома Делиля, г-жи Сталь и пр. О Россіи при воцареніи Александра Павловича, политическая записка графа А. Р. Воронцова.

Цѣна **три** рубля съ пересылкою.

*

Въ Конторѣ **Русскаго Архива** (Москва, Ермолаевская Садовая, 175) продаются по **5** р. три книги на Французскомъ языкѣ Исторической переписки Кристина съ княжной Туркестановой.

*

Тамъ же можно получать новыя дешевыя изданія стихотвореній **Хомякова** (30 к.), **Баратынскаго** (40 к.) и **Тютчева** (50 к.).

СОЧИНЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА.

Томъ первый: статьи литературно-политическаго содержанія.

Томъ второй: статьи богословскаго содержанія, полный текстъ съ предисловіемъ *Ю. Ѳ. Самарина* и съ гравированнымъ портретомъ автора.

Томъ третій: Записки о всемірной исторіи.

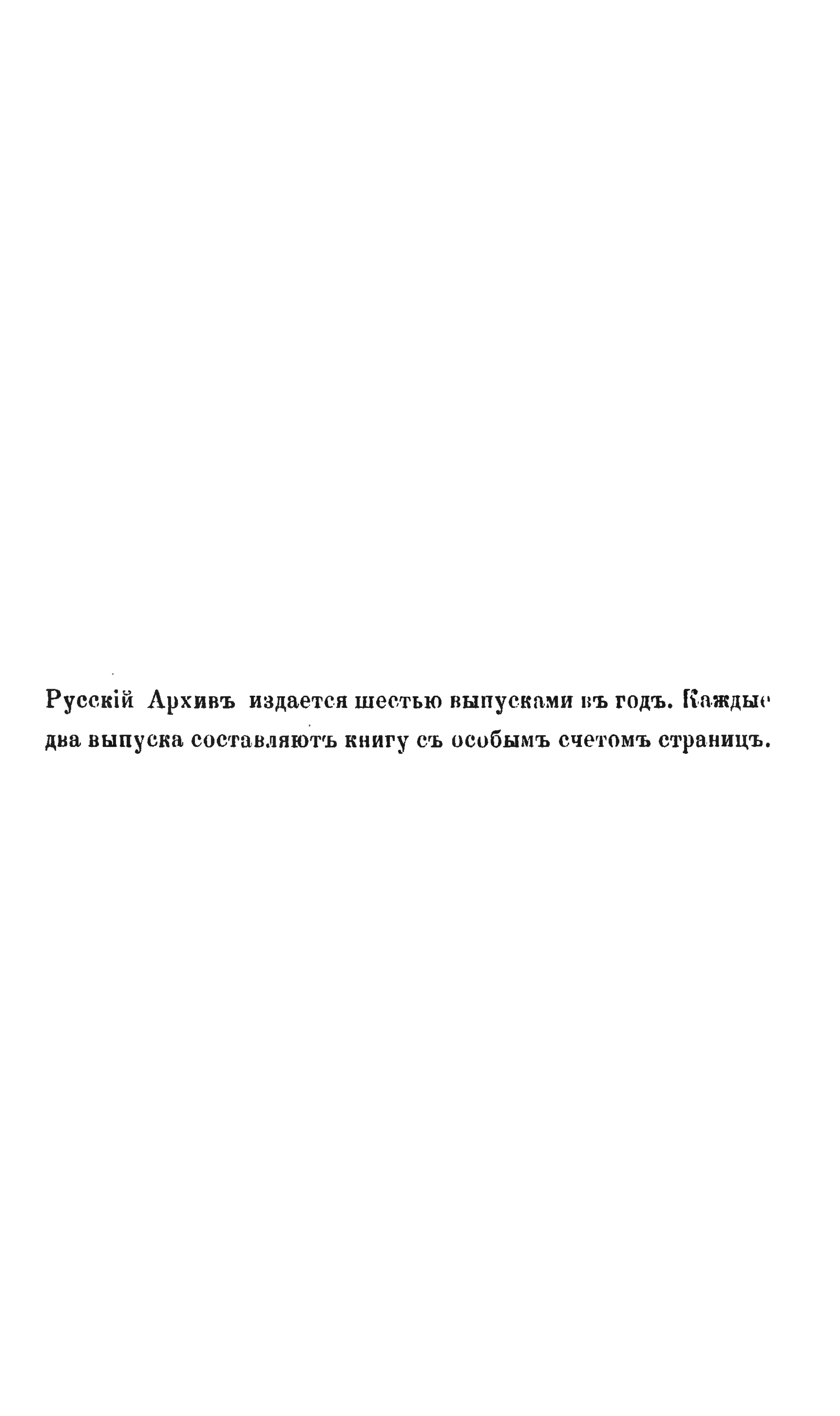
Цѣна каждому тому ТРИ рубля съ пересылкою.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1884.

1.



Русскій Архивъ издается шестью выпусками въ годъ. Каждые два выпуска составляютъ книгу съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

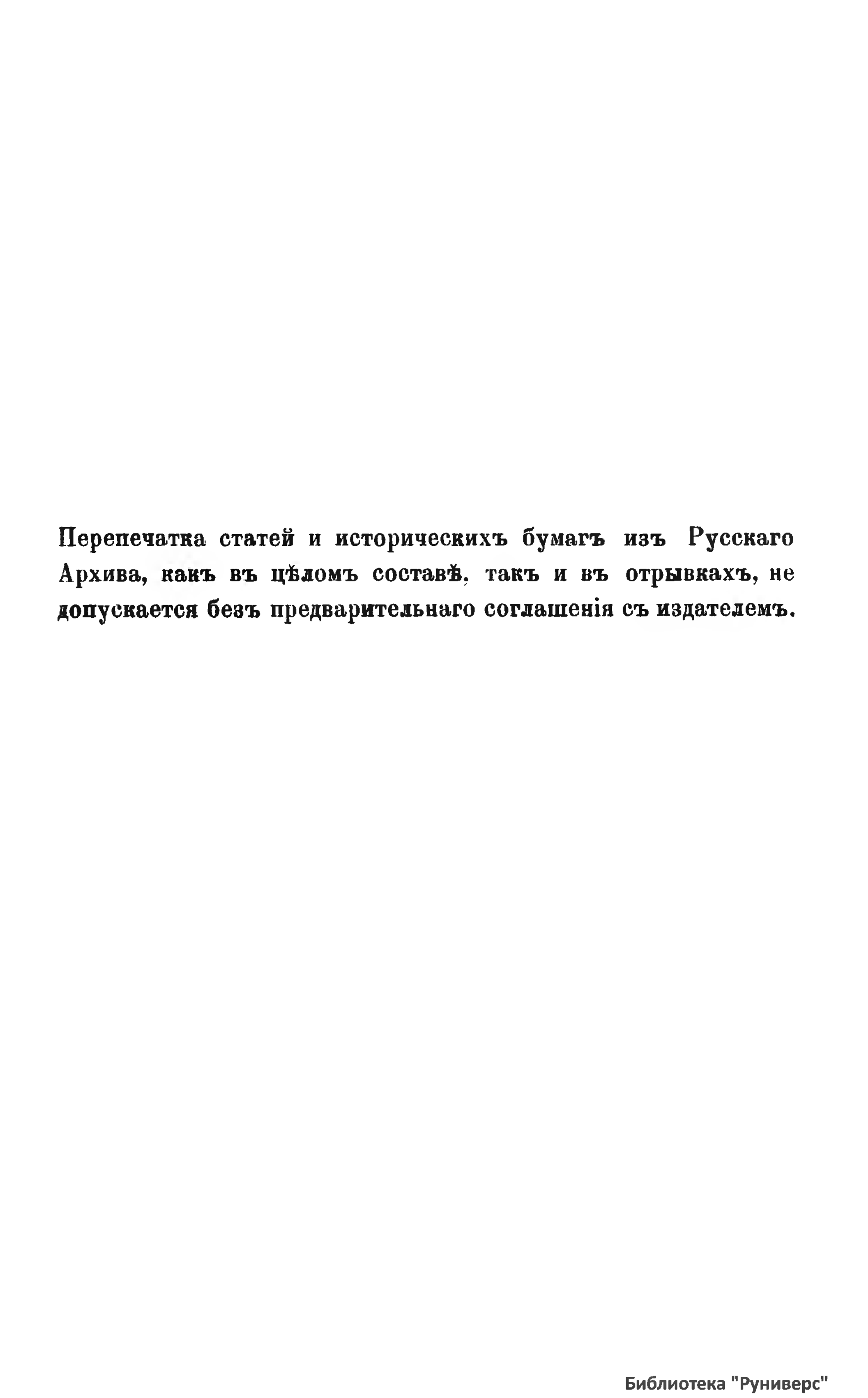
Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1884.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1884.



ЗАПИСКИ

МОСКОВСКАГО МАРТИНИСТА

СЕНАТОРА

И. В. ЛОПУХИНА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ.

Фото-Гравюра Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Иванъ Владимировичъ Лопухинъ.

(1756 — 1816.)

ЗАПИСКИ НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ТАЙНАГО СОВѢТНИКА, СЕНАТОРА И. В. ЛОПУХИНА, СОЧИНЕННЫЯ ИМЪ САМИМЪ.

Записки Лопухина, еще прежде изданія ихъ въ свѣтъ О. М. Бодянскимъ (въ Чтеніяхъ 1860 года), были довольно извѣстны въ рукописи. Самъ Лопухинъ старался объ ихъ распространеніи и дарилъ ихъ многимъ своимъ знакомымъ. Въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ хранится три современныхъ списка ихъ, и на одномъ изъ нихъ Лопухинъ надписалъ: „Въ библіотеку Московскаго Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ поставилъ самъ Лопухинъ 24 Декабря 1810". Въ концѣ этой рукописной книги приклеены слѣдующія строки автора, обращенныя къ тогдашнему начальнику Архива (Н. Н. Бантышу-Каменскому):

„Ваше превосходительство, какъ просвѣщеннаго любителя всякихъ произведеній Исторіи и Словесности и отличающагося въ нихъ искусствомъ, а при томъ, по всегдашней пріязни, осмѣливаюсь дѣлать моимъ душеприкащикомъ, вручая книгу моихъ Записокъ, съ просьбою поставить ее въ библіотеку Архива, гдѣ есть и должно быть собраніе всей, не одной только золотой, древности. Не знаю, понравится ль моя книга. Впрочемъ есть пословица: Не любо не слушай, а врать не мѣшай. Въ пословицѣ сказано: лгать не мѣшай; только я это слово по совѣсти выкинуть былъ долженъ, для того что я, въ повѣсти о моихъ быляхъ, не все разсказалъ ихъ, однако подлинно не сказалъ ни одной небылицы".

Вотъ этого именно и жаль, что Лопухинъ далеко не все свои были разсказалъ и что Записки его имѣютъ значеніе не столько автобіографіи, какъ апологіи: это самозащита одного изъ главныхъ представителей Русскаго масонства. Они начаты около 1809 г., когда Лопухинъ утратилъ милостивое расположеніе императора Александра Павловича. Въ это время большое влія-

ніе на Государя имѣла великая княгиня Екатерина Павловна, жившая въ Твери. Секретаремъ ея супруга былъ извѣстный впослѣдствіи питомецъ Лопухина Ѳ. П. Лубяновскій, который не могъ не сообщить ему, какъ сочувственно слушались въ Тверскомъ дворцѣ разсказы графа Ростопчина, заклятаго врага Масоновъ, утверждавшаго даже, что они злоумышляли на жизнь императрицы Екатерины и что именно Лопухинъ имѣлъ такое порученіе отъ своихъ сообщниковъ. Отзывы графа Ростопчина о личности Лопухина были также нещадны. Слѣдовательно, оправдываться былъ поводъ. (Р. Арх. 1875, III, 77 и 80).

Записки Лопухина не отличаются особенною искренностью. Съ умыслу или спроста, многаго не досказалъ онъ изъ того что̀ пережилъ, что̀ зналъ и чему былъ свидѣтелемъ. Занятый филантропіею и масонствомъ, онъ не дорожилъ историческими преданіями своего семейства и разсказами отца своего, который живо помнилъ еще Петра Великаго и умеръ на 95 году отъ роду *). Дѣдъ Лопухина, Иванъ Петровичъ, приходился двоюроднымъ братомъ опальной царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ; а отецъ, Владимиръ Ивановичъ (1703—1797), былъ генералъ-поручикомъ и Кіевскимъ губернаторомъ. Мать Ивана Владимировича, Евдокія Ильинишна (1717—1774) была родомъ Исаева, дочь Ильи Исаевича Исаева, одного изъ замѣчательныхъ Русскихъ дѣятелей въ Прибалтійскомъ краю. Живучи въ Кіевѣ, она подружилась съ знаменитою старицею Фроловскаго монастыря Нектаріею (княгинею Н. Б. Долгорукою). Дѣтство Лопухина протекло посреди Кіевской святыни **). Съ раннихъ лѣтъ усвоенное благочестіе въ богатомъ и знатномъ юношѣ приняло, какъ увидимъ, особенное направленіе, чему, можетъ-быть, содѣйствовали какъ его болѣзненность, такъ и излишество неудовлетворяющей обрядности, которою онъ былъ окруженъ.

Нынѣшнее изданіе печатается съ рукописи, подаренной сочинителемъ В. А. Жуковскому, котораго Лопухинъ полюбилъ въ домѣ своего пріятеля и единомышленника И. П. Тургенева, гдѣ Жуковскій былъ близкимъ человѣкомъ по товариществу и крѣпкой дружбѣ съ сыновьями Тургенева. Рукопись эта, которую сообщилъ намъ покойный В. А. Елагинъ, тоже не собственноручная (Лопухинъ не самъ писалъ, а диктовалъ свои Записки). П. Б.

---

*) Ѳ. П. Лубяновскій записалъ со словъ Владимира Ивановича Лопухина нѣкоторые его разсказы и въ томъ числѣ важное преданіе о томъ, что Петръ Великій тайкомъ ѣзжалъ въ Ладожскій на Волховѣ монастырь къ своей царицѣ-монахинѣ, просиживалъ съ нею въ келіи и привозилъ ей денегъ (Р. Архивъ 1872, стр 118).

**) „Другъ Юношества“, 1810 года, кн. 1-я.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

„Человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный". Псаломъ 102-й, ст. 15.

Я родился 24-го Февраля 1756 года [1]). Младенчество мое было самое болѣзненное. Воспитанъ я въ разсужденіе тѣла въ крайней нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи. Родители мои были самые чадолюбивые и, бывши весьма добродушны и отъ природы отлично разумны, всѣми силами старались наставлять меня въ честности и благонравіи; но сами, имѣвъ воспитаніе того времени, въ которомъ не учились иностраннымъ языкамъ и знаніямъ, нынѣ обыкновеннымъ, не могли они, при всемъ своемъ желаніи наилучшаго мнѣ воспитанія, достаточно съ этой стороны успѣвать въ немъ.

Русской грамотѣ училъ меня домашній слуга. По французски училъ Савояръ, не знавшій совсѣмъ правилъ языка. По Нѣмецки Берлинецъ, которой ненавидѣлъ языка Нѣмецкаго и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ [2]), а хвасталъ Французскимъ и, сколько умѣлъ, училъ меня ему тихонько, пользуясь охотою моею къ чтенію. Нѣмецкія же книги держали мы на учебномъ столѣ своемъ для одного виду, и я, выучась только читать по нѣмецки, разумѣть, чтò читаю на немъ уже научился больше, нежели чрезъ десять лѣтъ послѣ окончанія мною такого ученья, научился отъ сильнаго желанія разумѣть на языкѣ семъ духовныя книги.

Такимъ образомъ, на 17 году моего возраста кончилось мое воспитаніе и ученіе языковъ, которыхъ ни одного, какъ и своего природнаго, не знаю и по сіе время грамматическихъ правилъ, хотя на послѣднемъ я очень много писалъ и даже сочинялъ книги. Однимъ словомъ, естьли я чтò знаю, то подлинно самоучкою.

Слабость моего здоровья столько же, какъ и обыкновенное родителямъ, особливо въ старости ихъ, желаніе имѣть дѣтей при себѣ, не дозволяли имъ рано отпустить меня на службу. Я страстенъ былъ къ военной и, сидя дома, водилъ строи и давалъ баталіи по Пюисегюру и Фолярду. Кампаніями армій нашей противъ Турокъ войны,

---

[1]) Въ селѣ Ретяжахъ или Воскресенскомъ, Кромскаго уѣзда, Орловской г. Тамъ Лопухинъ и похороненъ. Свѣдѣніе это находится въ надписи на портретѣ Лопухина, хранящемся въ Моск. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ.

[2]) Берлинецъ подражалъ въ этомъ своему королю и всему высшему обществу въ Германіи.

начавшейся въ 1768 году, я такъ горячо занимался, какъ бы по чрезмѣрному усердію очень обязаннаго участвовать въ планахъ ихъ операцій: нѣсколько ночей безпокойно спалъ отъ ожиданія, чѣмъ рѣшится кампанія князя Голицына подъ Хотинымъ, и хотя почти уже 40 лѣтъ не имѣлъ я въ рукахъ описанія дѣйствій той войны, но и теперь, конечно, помню почти всѣхъ ихъ числа [3]).

Около сего времени лишился я моей матери. Она умерла отъ болѣзни нѣсколько лѣтъ продолжавшейся. Я отмѣнно къ ней былъ привязанъ. При началѣ ея болѣзни, будучи ребенкомъ лѣтъ десяти, я очень горячо молился о ея выздоровленіи, и вотъ какая была моя робяческая молитва. Я помню, что однажды, спрятавшись за занавѣсъ кровати, молился я тихонько и просилъ Бога очень усердно, чтобъ Онъ лучше отнялъ у меня палецъ и даже всю руку, а только бы она не умерла.

Я былъ записанъ въ гвардію унтеръ-офицеромъ и въ 1775 году имяннымъ указомъ пожалованъ въ прапорщики Преображенскаго полку. Послуживъ нѣсколько мѣсяцевъ, я сдѣлался такъ болѣнъ, что цѣлые три года не могъ выходить изъ комнаты, кромѣ какъ въ лѣтніе и самые хорошіе дни. Потомъ еще года три сряду въ каждый мучила меня лихорадка. Это время, самыя бурныя лѣта молодости, было для меня большая опытная школа терпѣнія и много послужило въ пользу охотѣ моей къ чтенію. Ослабленныя силы здоровья и случившійся притомъ нѣкоторой припадокъ, препятствующій верховой ѣздѣ, принудили меня на вѣкъ проститься съ военною службою.

Любовь къ службѣ, при невозможности удовлетворяться военною, устремила склонность мою къ гражданской. Особливо занимала меня часть уголовная. Съ большою прилежностью собиралъ я всевозможныя по сей части свѣдѣнія, интересовался обстоятельствами и сужденіемъ всякаго уголовнаго дѣла, о которомъ слышалъ, и, по болѣзнямъ моимъ въ отпуску, живучи тогда въ деревнѣ, часто бывая у пріятеля моего, городничаго въ уѣздномъ городѣ, рѣдко выѣзжалъ изъ него безъ того, чтобъ не побывать въ тюрьмѣ для разговоровъ на сей предметъ съ колодниками и для примѣчаній на нихъ.

Въ началѣ 1782 года, по просьбѣ моей, за болѣзньми, отставленъ я изъ капитанъ-порутчиковъ гвардіи къ статскимъ дѣламъ полковни-

---

[3]) Тринадцатилѣтній мальчикъ Лопухинъ, конечно, подражалъ въ этомъ старшему своему окруженію. Неудачи подъ Хотинымъ, въ первую войну геніальной женщины, очутившейся на Всероссійскомъ престолѣ какъ бы игрою случая, должны были отмѣнно занимать тогдашнихъ Москвичей. Военныя же извѣстія, каковы бы они ни были, при Екатеринѣ не утаевались, какъ то было при Александрѣ Павловичѣ.

комъ, а въ концѣ того же года, при открытіи, по новымъ учрежденіямъ, Московской губерніи, опредѣленъ я былъ въ ней совѣтникомъ Уголовной Палаты.

Въ должности сей принялъ я себѣ за правило наблюдать, чтобъ какъ невинной не былъ никогда осужденъ, такъ бы и виноватой не избѣжалъ наказанія, но по человѣколюбію сколько можно больше умѣреннаго, не удаляясь, однакоже, отъ силы законовъ. Я думаю, что предметъ наказаній долженъ быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій. Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества и одно всегда безполезное тиранство. Ненадежность избѣжать наказанія гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго. Намѣреваясь къ преступленію, естественнѣе человѣку ослѣпляться мыслями, что преступленіе его не откроется, нежели соображать мѣру наказанія, которому онъ подвергаетъ себя, особливо, когда оно относится къ страданію тѣлесному или потерянію свободы. Вѣроятно, что никто не покусится на преступленіе при увѣреніи, что не избѣжитъ такого рода казни. Ожесточенный въ злодѣяніяхъ не думаетъ объ ней; но не находящійся еще въ такомъ степени разврата, конечно, собираясь сдѣлать уголовное преступленіе, не ласкается тѣмъ, что ему дадутъ двадцать, а не пятьдесятъ ударовъ.

Весьма также опасался я осуждать по заключеніямъ изъ обстоятельствъ, безъ совершеннаго изобличенія и признанія судимыхъ. Не можно, по мнѣнію моему, почитать доказательствами соображенія умствованій, сколько бъ онѣ ясны и основательны ни казались. Такого рода доказательства едва ли когда могутъ быть совершенныя и такія, чтобъ исключали уже всѣ возможности къ показанію невинности обвиняемаго. Гдѣ одна вѣроятность, тамъ истинной разумъ не можетъ находить полнаго увѣренія, какъ бы сильна ни была она. Все, что̀ можно только выдумать противъ доказательствъ, составляемыхъ умственнымъ соображеніемъ, уже ихъ опровергаетъ, и по множеству опытовъ извѣстно, какъ ошибочны въ уголовныхъ судопроизводствахъ заключенія, которыя основаны были такими соображеніями на одной вѣроятности, пріемлемой за моральную извѣстность.

При такихъ сужденіяхъ, кромѣ недовольнаго вниманія и корыстныхъ пристрастій, весьма можетъ заводить въ погрѣшности одно самолюбіе, столь много свойственное большей части людей, особливо тѣмъ, коихъ страсть отличаться умомъ. Желаніе показать свой разумъ въ открытіи виноватаго весьма легко и нечувствительно можетъ заставить найти его въ невинномъ. Тѣ только судьи не будутъ подвержены такимъ ошибкамъ, которые стараются дѣлать правду для самой правды, всѣмъ сердцемъ любя ее, а не для того, чтобъ ею

прославиться, или которые во всякомъ, ими судимомъ, сердечно видятъ прямо ближняго своего. Безъ сего расположенія не можетъ быть истинно-добрыхъ судей, а такіе, по несчастію, очень рѣдкіе судьи и не послѣдуютъ, конечно, оному образу сужденія.

Но можетъ ли быть правило мудрѣе и справедливѣе того, что лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ, нежели одного невиннаго осудить, и случаи преступленій, коихъ совершенно доказать не можно, предоставлять правосудію Всевидящаго? Иные мудрователи при семъ скажутъ: «Что же? И такъ людямъ ничего не надобно дѣлать, а все оставлять дѣйствовать Богу, и силъ разума, отъ Него же данныхъ, употреблять, стало, не надобно». Нѣтъ, надобно ихъ употреблять наиприлежнѣйше; но тамъ, гдѣ они недостаточны, съ кротостью признавать ихъ слабость и страшиться жребіемъ ближняго своего жертвовать самолюбію.

Какъ странно видѣть, когда люди напрягаютъ всѣ свои силы найти виноватаго, для того только, чтобъ его наказать и, безъ совершеннаго увѣренія въ его винѣ, спѣшатъ осудить его, и сіе часто изъ мнимаго правосудія и усердія къ сохраненію порядка, какъ будто безъ того оной бы совершенно возмутился, и остановилось бы дѣйствіе невидимо, но всегда и вездѣ безпогрѣшно, дѣйствующаго источника его. Страннѣе еще иногда видѣть, съ какимъ рвеніемъ нѣсколько грабителей и мздоимцевъ, при чувствахъ, самой видъ добраго усердія имѣющихъ, стараются натянуть доказательства къ обвиненію какого-нибудь бѣдняка, впадшаго и въ неважное преступленіе, и по какому-нибудь, можетъ быть, особливо несчастному стеченію обстоятельствъ.

Съ такимъ же вниманіемъ старался я соблюдать всю точность и обрядовъ законныхъ, почитая всякое ихъ нарушеніе вреднымъ, сколько для существа правосудія, сколько же по вліянію чрезъ примѣръ и на порядокъ службы, которой онъ долженъ быть душею.

Одинъ случай относительно къ сему расположенію моему, въ бытность мою совѣтникомъ Московской Уголовной Палаты, заслуживаетъ, чтобъ разсказать его.

Внесено было въ Палату на ревизію изъ Губернскаго Магистрата дѣло о подложныхъ векселяхъ одного купца. По сему дѣлу явились нѣкоторыя подозрѣнія на двухъ изъ знатныхъ и богатыхъ купцовъ Московскихъ, кои были обвинены и приговорены подъ стражу. Они скрылись и уѣхали въ Петербургъ искать защиты у самой Императрицы. Государыня приказала взять изъ Палаты дѣло для предварительнаго разсмотрѣнія. Имянной о семъ указъ объявилъ бывшій тогда въ 6-мъ Сената департаментѣ оберъ-прокуроръ князь Гагаринъ [1]).

[1]) Въ Полномъ Собраніи этого указа мы не нашли.

Но какъ, по узаконенію, оберъ-прокуроры не имѣютъ права объявлять имянныхъ указовъ, то я не согласился отдавать дѣло изъ Палаты и подалъ о томъ голосъ [5]). Дѣло отослано было по большинству голосовъ; но я остался при своемъ, не смотря на всѣ устращиванія, на всѣ предвѣщанія мнѣ за то бѣдъ, и даже на самое принужденіе съ большою досадою бывшаго тогда главнокомандующимъ графа Захара Григорьевича Чернышова.

Предсѣдатель Палаты [6]) скоро отлучился въ Петербургъ искать себѣ лучшаго мѣста, а я остался, какъ старшій совѣтникъ, отправлять его должность. Старался служить очень усердно, и какъ тогда, такъ и съ начала вступленія моего въ Палату, да и до самаго выхода изъ нея, едвали было одно рѣшительное опредѣленіе, которое бы не самъ я сочинилъ.

Правила умѣренности въ наказаніяхъ держался я неоступно. Будучи старшимъ въ Палатѣ, въ которую скоро опредѣленъ я былъ и предсѣдателемъ, гораздо удобнѣе мнѣ было сохранять его; ибо безспорно соглашались товарищи мои [7]) со мною въ томъ, что̀ прежде долженъ я былъ одерживать спорами и часто самыми жаркими.

Неохотники до меня и столько же, кажется, вообще до человѣчества, тамъ гдѣ нѣтъ въ немъ ихъ интересовъ, вопіяли осужденіями, такъ называвшагося ими, милосердія моего. Говорили, что я развожу злодѣевъ и воровъ. Однако, по счастью моему что ли, гораздо ихъ меньше стало съ открытія въ Москвѣ Уголовной Палаты, при умѣренныхъ ея, какъ описываю, наказаніяхъ, заступившихъ мѣсто тѣхъ лютостей торговой казни, коими передъ тѣмъ Московское правительство нѣсколько лѣтъ отличалось и о которыхъ безъ ужаса вспомнить нельзя.

И такъ, не взирая ни на что, продолжалъ я держаться вышесказаннаго мною расположенія, а главнокомандующій графъ Захаръ Григорьевичъ подкрѣплялъ меня согласіемъ своимъ на всѣ мои приговоры. Сколько сей почтенный мужъ достоинъ похвалы, о томъ говорить излишне. Онъ весьма извѣстенъ [8]).

---

[5]) Смотри журналъ Московской Уголовной Палаты 22 Ноября 1783 г. и послѣдовавшее о томъ въ протоколѣ. *Примѣч. автора.*

[6]) Бригадиръ Павелъ Ивановичъ Фонвизинъ, братъ писателя.

[7]) Этими товарищами Лопухина, были: другой совѣтникъ Уголовной Палаты князь Борисъ Михайловичъ Черкасскій, и ассессоры: Николай Ѳеодоровичъ Вележевъ и гвардіи прапорщикъ Дмитрій Ив. Нарышкинъ.

[8]) Знаменитый графъ Захаръ, первый любимецъ Екатерины, въ молодости охотникъ пожить и не нашедшій себѣ счастья въ суровой своей супругѣ Аннѣ Родіонов-

Слѣдуя оному расположенію и соображая общественную пользу, рѣшился я за воровство, кражу и мошенничество цѣною свыше двадцати рублей (ибо о наказаніяхъ за преступленія сего рода на меньшую цѣну заработкою, уже существовало узаконеніе), наказывать не кнутомъ, а тѣлесно же, но такимъ образомъ, чтобъ наказанные могли отдаваться въ рекруты. Товарищи мои не спорили противъ меня. Они знали, что это дѣлается мною съ согласія главнокомандующаго, хотя оное на бумагѣ и не изъявлялось, потому что въ то время не вносились еще на разсмотрѣніе начальниковъ губерній опредѣленія о таковыхъ наказаніяхъ. Однако я сіе дѣлалъ, не отступая и отъ закона. Рѣшенія основывались на той статьѣ Морскаго Устава, въ коей сказано: «За первую, другую и третью кражу наказывать, что̀ разъ, то жесточае, по разсмотрѣнію» (книга V, гл. 17, ст. 127). Чрезъ сіе считалъ я соблюдать то правило, чтобъ преступленіе не оставалось безъ наказанія, но наказаніе бы (сколько можно не нарушая законовъ) было умѣренно и общественной пользѣ тѣмъ соотвѣтственно, что не оставались въ тягость селеніямъ такимъ образомъ наказанные за преступленія, которые между людьми низкаго состоянія, по грубости ихъ нравовъ и невѣжеству, особливо часты. Изданныя послѣ того черезъ нѣсколько лѣтъ, и нынѣ существующія, узаконенія о наказаніи за преступленія онаго рода оправдываютъ мои рѣшенія и подтверждаютъ ихъ пользу. Уставъ о наказаніи только рабочимъ домомъ за воровство, кражу и мошенничество не свыше двадцати рублей, конечно, сдѣланъ въ томъ же намѣреніи, чтобъ за преступленія, кои въ народѣ особливо часто случаются, не существовало такое наказаніе, отъ котораго многіе дѣлались увѣчными и негодными въ рекруты (воровство же при всемъ томъ не уменьшалось, какъ извѣстно изъ опытовъ) конечно, въ томъ намѣреніи, а не для того, чтобъ цѣною кражи цѣнить нравственное количество преступленія: ибо, ежели судить о преступленіяхъ по тѣмъ побужденіямъ, изъ коихъ оныя производятся и которыя, когда они достовѣрно извѣстны, могутъ быть единственно истиннымъ основаніемъ правильнаго опредѣленія мѣры наказаній; если судить, говорю, по онымъ побужденіямъ, то чѣмъ меньше соблазните-

---

нѣ, которая однажды дорогою, повздоривъ съ нимъ (уже Бѣлорусскимъ намѣстникомъ), велѣла ему выйти изъ кареты и оставила въ полѣ (слышано отъ Н. Н. Муравьева-Карскаго). Онъ прибылъ главнокомандующимъ въ Москву изъ Бѣлоруссіи уже членомъ масонской ложи. Правителемъ его канцеляріи былъ извѣстный впослѣдствіи Поздѣевъ. При немъ и процвѣла Московская дѣятельность масоновъ.

ленъ предметъ преступленія, тѣмъ оно больше, и тѣмъ вящій означается степень разврата въ преступникѣ.

Мщеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплею не должно вливаться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Все же, превосходящее сію мѣру, есть только безплодное терзаніе человѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему или лютости. Всѣ казни должны быть соразмѣрны оной цѣли и такъ распредѣлены, чтобъ, сколько можно дѣйствительнѣе достигая къ ней, сколько же можно меньше изнурительны и мучительны для человѣчества были. Сіе, кажется, есть неоспоримое правило человѣколюбія въ законодательствѣ, коего одинъ предметъ долженствуетъ быть—благо человѣчества на землѣ и всевозможное приготовленіе его къ оному въ вѣчности.

Такъ, конечно. Цѣль наказаній и мѣры ихъ должны быть не иныя, какъ выше сказанныя мною. Мѣра ихъ и образъ должны также сообразоваться съ господствующими качествами нравовъ народа и съ тѣмъ, чтó дѣйствительнѣе дѣлаетъ въ нихъ впечатлѣніе, соотвѣтственно разнымъ состояніямъ людей, народъ составляющимъ.

Еслибъ можно было всегда проникать въ побужденія къ преступленіямъ, то свойство и мѣра побужденій были бы, конечно, лучшими и самыми естественными указателями правила въ опредѣленіи казни. И тогда, многія дѣла или извиняемыя или за преступленія несчитающіяся, по справедливости, подверглись бы наказанію столько же тяжкому, какъ самыя важныя преступленія, и такія, коими гнушаются и безъ всякой пощады стремятся за нихъ наказывать тѣ сами, которымъ весьма обыкновенны оныя, какъ я сказалъ, преступленія, ими и въ нихъ даже часто непримѣчаемыя.

Напримѣръ, судья, который не истощаетъ всего своего вниманія, судя человѣка въ уголовномъ дѣлѣ и безъ совершеннаго увѣренія, или хотя и съ малымъ небреженіемъ осуждаетъ его на тяжкую казнь, столько жъ самъ ея заслуживаетъ и столько жъ преступникъ, есть-ли не больше, какъ неумышленный убійца, и даже такой, который убилъ, разсерженъ будучи. Кто наклонилъ вѣсы суда, и хотя не изъ мздоимства, но изъ уваженія къ пріязни или въ угожденіе лицу сильнаго, и чрезъ то лишилъ кого-либо собственности его несправедливо, конечно, не меньше виноватъ бѣднаго невѣжи, укравшаго отъ крайности и отъ того, что не имѣлъ при ней довольно разума и твердости духа одолѣть себя при соблазнѣ.

Думаю, что также не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что въ христіанскихъ правительствахъ

исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ, и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ не исполнится, и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни.

Что́ касается до смертной казни, то она, по мнѣнію моему, и безполезна, кромѣ того, что одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка Его божественнаго строенія. Такія наказанія и заточенія, употребляемыя вмѣсто смертной казни, при способахъ, какъ я сказалъ, исправленія наказуемыхъ, къ возможному еще улучшенію жребія ихъ и въ здѣшней жизни, сохраняя ихъ всегда на полезную для государства работою службу, столько же могутъ примѣромъ устрашать и удерживать отъ злодѣяній, если еще не больше, какъ смертная казнь. Не рѣдко случается, что люди сами себя лишаютъ жизни отъ страха наказаній и лишенія свободы. Извѣстны примѣры христіанскихъ мучениковъ, сихъ героевъ истинныхъ, предававшихъ себя на истязанія изъ подвига вѣры и чистой любви къ Богу Спасителю; также и героевъ языческихъ, потерпѣвшихъ муки изъ любви къ отечеству и для славы, искомой самолюбіемъ; но злодѣи малодушны и слишкомъ привязаны къ сладостямъ жизни, чтобъ не страшиться страданій и неволи.

Могутъ сказать, что смертная казнь нужна для избавленія общества отъ такого государственнаго злодѣя, котораго жизнь опасна для общаго спокойства. Но и въ семъ случаѣ рѣдкомъ и, конечно, важнѣйшемъ, строгое заключеніе можетъ отвратить ту опасность, а время ослабляетъ и наконецъ уничтожаетъ ее. Впрочемъ, вѣроятно, что такого рода злодѣи не думаютъ о смерти при своихъ предпріятіяхъ; а что они предпочитаютъ ее страданіямъ и заточеніямъ, то доказывается многими примѣрами, что они по большей части готовились отравлять себя при неудачахъ и умерщвляли себя при оныхъ.

Обращаюсь къ предсѣдательству моему въ Московской Уголовной Палатѣ.

Графа Захара Григорьевича Чернышова не стало въ 1784 году лѣтомъ. Преемникъ его, главнокомандовавшій въ Москвѣ, сначала очень обласкалъ меня, но скоро открылся моимъ гонителемъ. Я его извиняю по привычкѣ его къ властолюбію, коей угожденіями дали въ немъ укорениться, и по тому предубѣжденію противъ меня, съ которымъ онъ отправился изъ самаго Петербурга и которому, въ разсужденіи силы его источника, не имѣлъ онъ довольно твердости не по-

кориться [9]). Слабость такая въ немъ была слишкомъ обыкновенная многимъ придворнымъ. О семъ обстоятельнѣе скажу въ своемъ мѣстѣ по приличности. Теперь же объ немъ только относительно ко мнѣ въ Палатѣ.

Первое неудовольствіе его собственно противъ меня было за то, что малое число ударовъ Палатою опредѣлялось. Онъ возвратилъ мнѣ внесенный къ нему на утвержденіе приговоръ, коимъ опредѣлено было одному убійцѣ дать пятьдесятъ ударовъ, каковаго числа больше при мнѣ никогда не полагалось, возвратилъ съ тѣмъ, чтобъ перемѣнить и гораздо прибавить. Я не согласился и сперва очень учтивымъ и, надѣясь лучше успѣть, нѣсколько шуточнымъ образомъ отговаривался и представлялъ ему мои причины; но когда онъ, не внимая имъ, упорствовалъ въ своемъ требованіи, думая даже, что имѣетъ къ тому право, и настаивалъ уже съ досадою, то я ему твердо и рѣшительно сказалъ, что опредѣленіе не будетъ перемѣнено, что никогда жесточайшихъ при мнѣ наказаній не будетъ, что какъ Палата, по учрежденіямъ, не должна перевершивать своихъ рѣшеній, такъ и онъ не имѣетъ права возвращать ихъ. А ежели онъ не согласенъ и не угодно ему такое число ударовъ, то можетъ прибавку испрашивать представленіемъ своимъ Правительствующему Сенату.

Можно себѣ вообразить, какъ разгнѣвался г. главнокомандующій. Однако нисколько не оказалъ грубости, много только горячился и кричалъ. «Какъ, разбойникамъ и смертоубійцамъ давать только по 50-ти ударовъ!» — «По скольку жъ бы, ваше сіятельство думали?» спросилъ я его.—«По скольку?» отвѣчалъ: «двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ».—«Да эдакъ будемъ всегда засѣкать до смерти».—«Чегожъ ихъ жалѣть?» говорилъ онъ, «и это же наказаніе вмѣсто смертной казни».—«Такъ», отвѣчалъ я, «но отмѣна смертной казни, къ величайшей славѣ Россійскаго скипетра, въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія; а ежели, вмѣсто того, чтобъ отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранскій, и всякая такая мѣра наказанія сего рода, которая можетъ лишить жизни, уже есть большое преступленіе онаго закона милосердія».

---

[9]) Въ то время Новиковское общество еще только навлекало на себя подозрѣнія Екатерины. Генераломъ-прокуроромъ и ежедневнымъ докладчикомъ Государыни былъ князь А. А. Вяземскій, котораго супруга не могла равнодушно относиться къ этому обществу: два ея брата, князья Юрій и Николай Никитичи Трубецкіе, раззорялись на печатаніе множества масонскихъ, врядъ ли кому вполнѣ понятныхъ, книгъ.

Графъ мой сталъ тише.—«Однакожъ», говорилъ мнѣ, «странно, что вы такъ разсуждаете: вѣдь можетъ иногда случиться, что наказуемый умретъ и отъ 10 ударовъ».—«Конечно», я говорилъ, «это можетъ иногда случиться по какимъ-нибудь непридвидѣнымъ причинамъ и съ моей стороны безвинно. Но если я буду давать такія сотни ударовъ, то, при явномъ тиранствѣ семъ, долженъ быть увѣренъ, что люди и умирать будутъ подъ кнутомъ непремѣнно».—«Но какъ же вы узнаёте мѣру?» спросилъ онъ меня уже самымъ снисходительнымъ и серьезнымъ тономъ.—«Смотря по лѣтамъ, по сложенію, по состоянію здоровья и проч.», отвѣчалъ я ему.

Вдругъ онъ мнѣ говоритъ: «Я вамъ очень благодаренъ. Вы одолжили меня, вы меня вразумили; признаюсь, что я никогда не видалъ такъ ясно этой истины и всегда думалъ, что при наказаніяхъ, вмѣсто смерти, такого разбора не надобно. Вы меня убѣдили. Соглашаюся съ вашимъ опредѣленіемъ и даю вамъ слово никогда съ вами не спорить». Онъ подлинно сдержалъ его, и даже во время пущей своей злобы, наконецъ, противъ меня, не останавливалъ ни одного приговора палатскаго.

Я разсказалъ сіе происшествіе, какъ достойное примѣчанія и по той чести, какую оно дѣлаетъ особливо самому не соглашавшемуся, и тѣмъ больше, чѣмъ онъ упрямѣе былъ и самолюбивѣе. Жаль только, что такія нужныя истины такъ поздно становятся знакомы людямъ, занимающимъ важнѣйшія въ государствѣ мѣста и управляющимъ нѣсколькими губерніями. И, конечно, ни одинъ изъ нихъ графъ Брюсъ бывалъ въ подобномъ заблужденіи, но немногіе столь почтенно какъ онъ, и съ такою пользою, признавались въономъ.

Расположеніе его тѣснить меня, однакожъ, продолжалось, и думаю, отъ того сильнаго предубѣжденія, которому, какъ сказалъ я выше, не могъ онъ сопротивляться. Всевозможныя выискивалъ онъ къ тому средства: посадилъ въ Палату двухъ членовъ, коимъ онъ покровительствовалъ, съ тѣмъ, чтобъ они всячески шли противъ меня [10]). Но, не смотря на обѣщанныя имъ отъ него за то награды и на ужасныя угрозы за противное, они всегда были со мною согласны.

Такое согласіе со мною, какъ въ это время, такъ и во всю бытность мою предсѣдателемъ въ Палатѣ, меня даже безпокоило. Часто пенялъ я за него моимъ товарищамъ, говоря: «Для чего никогда они не спорятъ? Неужель я никогда не ошибаюсь! А ошибки въ

---

[10]) Это были князья Николай Θедоровичъ Барятинскій и Дмитрій Александровичъ Прозоровскій (племянникъ того, что̀ былъ потомъ гонителемъ масоновъ).

уголовныхъ дѣлахъ страшны.» Они всегда отвѣчали, что нельзя и не смѣютъ спорить противъ справедливости и порядка. Можетъ быть, они и пристрастны ко мнѣ были, но что я всѣми силами старался о правдѣ и порядкѣ, то истинно. Также отзывались самому покровителю своему и два члена, опредѣленные отъ него для войны со мною, при всѣхъ имъ отъ него ругательствахъ, и онъ, наконецъ, рѣшился наглымъ образомъ открыть свое гоненіе.

Пришло время производить въ Палатѣ то дѣло о купцахъ, о которомъ я описывалъ по случаю несогласія моего принять имянной указъ, не въ должномъ порядкѣ объявленный. Дѣло сіе было очень пространное и требовало еще пополнительнаго производства. Главнокомандующій вдругъ даетъ предложеніе, въ которомъ пишетъ, что дѣло оное, отъ нерадѣнія присутствующихъ въ Палатѣ, и особливо предсѣдателя, утопаетъ въ медленности, чтобъ оно непремѣнно въ двѣ недѣли было рѣшено; а ежели не рѣшится въ это время, то предсѣдатель и члены отрѣшены будутъ.

По сему предложенію дѣлается справка, и на другой день подается главнокомандующему отъ Палаты отвѣтъ, въ которомъ изъясняется, что дѣло, коего окончанія требуетъ онъ въ двѣ недѣли, въ одномъ экстрактѣ своемъ на тысячѣ листахъ и еще производствомъ не совсѣмъ окончено, а потому въ назначаемый имъ срокъ никакъ рѣшено быть не можетъ и что, впрочемъ, не имѣетъ онъ законнаго права назначать такихъ сроковъ, когда Генеральнымъ Регламентомъ на сочиненіе однихъ опредѣленій по обширнымъ дѣламъ дается времени шесть недѣль; что, наконецъ, исправность Палаты доказывается числомъ дѣлъ рѣшенныхъ съ начала ея открытія, изъ которыхъ ни одно не было остановлено главнокомандующимъ, и имъ самимъ. При такомъ отвѣтѣ вручилъ я графу Брюсу, для представленія Сенату, и просьбу о увольненіи меня отъ службы.

Онъ ее принялъ, однакожъ не послалъ въ Сенатъ, а на первой почтѣ написалъ жестокую на меня жалобу Государынѣ: представилъ меня непослушнымъ, надменнымъ, упрямымъ и такимъ, надъ которымъ нужно оказать примѣръ строгости. Однако Государыня съ кротостію, которая отличала ее, изволила только отвѣчать ему, чтобъ онъ «не оставилъ, призвавъ меня къ себѣ, объявить мнѣ отъ себя, что неприлично было бы преемника моего обременять такимъ дѣломъ, которое долженъ былъ рѣшить я самъ; чтобъ я остался рѣшить его, и что не буду я отставленъ прежде его рѣшенія».

Главнокомандующій, на первой же почтѣ получивъ отвѣтъ сей на его донесеніе, о которомъ я совсѣмъ и не зналъ, вмѣсто того чтобъ призвать меня къ себѣ, велѣлъ въ Губернскомъ Правленіи объ-

явить мнѣ оный указъ, съ исключеніемъ изъ него словъ «отъ себя» и съ прибавленіемъ въ предложеніи своихъ выговоровъ. Объявленіе такое въ присутствіи Правленія дѣлалъ мнѣ губернаторъ. Я отвѣчалъ, что очень жалѣю, что нѣтъ въ присутствіи самаго главнокомандующаго, и что я не могу ему лично сказать, что онъ самый дерзкій нарушитель закона, объявляя именной и подписной указъ съ перемѣною словъ его (ибо я уже зналъ точныя слова рескрипта); что ея величество, какъ мудрая Государыня и Законодательница, конечно, не изволитъ столь торжественно отвергнуть никакого закона, особливо такъ важнаго, какъ есть указъ о вольности дворянства, дозволяющій ему оставлять службу, но когда ей угодно было не исполнить мою просьбу, то она о томъ именно повелѣла главнокомандующему объявить мнѣ только «отъ себя»; что впрочемъ, повелѣніе сіе пріемлю я знакомъ высочайшей ко мнѣ довѣренности и хорошаго обо мнѣ заключенія ея величества; ибо безъ того неестественно было бы оставлять меня въ службѣ для рѣшенія важныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ остался я предсѣдательствовать въ Палатѣ, въ которой между прочими, рѣшилось, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и оное большое о купцахъ дѣло. По особливому уваженію его въ разсужденіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, и наипаче относительно къ графу Захару Григорьевичу Чернышову, при коемъ оно началось и котораго злоба и клевета хотѣли представить пристрастно въ немъ участвующимъ, приказано было отъ Государыни, чтобъ, когда оно рѣшится, то, ни въ какомъ случаѣ не приводя въ исполненіе приговора, представить его чрезъ главнокомандующаго ея величеству. Тогдашній главнокомандующій представилъ его съ мнѣніемъ своимъ противнымъ, но Государынѣ угодно было опредѣленіе Палаты, съ коимъ согласно рѣшилъ и Сенатъ по ея волѣ.

Послѣ рѣшенія дѣла сего въ Палатѣ графъ Брюсъ тотчасъ отослалъ удержанную имъ у себя просьбу мою объ отставкѣ въ Сенатъ съ прописаніемъ, вмѣсто аттестата, всего происшествія, и съ повтореніемъ своей на меня жалобы; однако я уволенъ былъ съ награжденіемъ чина статскаго совѣтника. Сіе было въ Маѣ 1785 года.

КНИГА ВТОРАЯ.

Время отставки было для меня самое спокойное, самое пріятное и самое интересное.

Проживъ лѣто, осень и половину зимы 1785 года въ деревнѣ съ отцомъ и братомъ моимъ [1]), возвратились мы въ Москву, въ которой съ того времени жилъ я больше десяти лѣтъ сряду, внѣ ея не ночевавъ ни одной ночи. На первыхъ дняхъ нашего въ нее пріѣзду отецъ мой, имѣвъ слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ, лишился зрѣнія, и главнымъ упражненіемъ моимъ было попеченіе о семъ родителѣ, истинно-добромъ и чадолюбивомъ.

Свободные часы проводилъ я въ чтеніи духовныхъ книгъ, которыя стали тогда моими любимыми [2]); въ бесѣдахъ съ друзьями, имѣвшими туже склонность, много занимался, какъ уже и за нѣсколько передъ тѣмъ лѣтъ, извѣстнымъ обществомъ, которое и понынѣ называютъ Мартинистскимъ и о коемъ много было и есть странныхъ и ложныхъ заключеній, происходящихъ или отъ пристрастія, или отъ злобы, или отъ невѣжества. Мартинистскимъ же назвали его пото-

---

[1]) Это былъ старшій и единственный братъ Лопухина, бригадиръ Петръ Владимировичъ (1752—1805). Оба брата не оставили потомства.

[2]) Никогда не былъ еще я постояннымъ вольнодумцемъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства.

Читая извѣстную книгу Système de la Nature, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ „Устава натуры“ (Code de la Nature). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣвать его въ рукописяхъ. Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе: не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, „Разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями“ и проч., которое въ первый разъ напечатано, помнится, въ 1780 году. Теперь у меня нѣтъ ни одного экземпляра. Вторымъ изданіемъ въ 1787 году, съ котораго напечатано въ нынѣшнемъ 1809, въ Февральской книжкѣ ежемѣсячнаго изданія „Друга Юношества“. Сіе происходило года за два до вступленія моего въ общество. Первыя же книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были: извѣстная „О заблужденіяхъ и истинѣ“, и Арндта „О истинномъ Христіанствѣ“. *Примѣч. автора.*

му, что въ тоже время, какъ оно сдѣлалось здѣсь извѣстнымъ, Мерсье [3]), въ своей «Картинѣ Парижа», называлъ тамъ Мартинистами нѣкоторое число людей, съ особливымъ любопытствомъ занимавшихся чтеніемъ недавно вышедшей извѣстной книги *О заблужденіяхъ и истинѣ*, которая тогда же и у насъ была переведена и напечатана, и которой сочинитель былъ нѣкто *Сенъ-Мартенъ*, мужъ почтенный своими знаніями и добродѣтелями.

Цѣль сего общества была издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности истинно-евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая особливо готовящимся на проповѣдь Слова Божія чрезъ удобнѣйшія средства пріобрѣтать знанія и качества, нужныя къ оному званію, для чего и воспитывалось у насъ больше 50 семинаристовъ, которые отданы были отъ самихъ епархіальныхъ архіереевъ, съ великою признательностію [4]).

Члены общества сего упражнялись въ познаніи самаго себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ, въ Книгѣ Премудрости гл. VII, ст. 17—22 [5]), содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ. Возможность же откровенія онаго во всѣ времена несомнительна для всякаго разумнаго и вѣрующаго христіянина, и самый не-христіянинъ, но только бытіе всемогущаго Бога не отрицающій и здравой имѣющій смыслъ, не можетъ отвергать возможности сей, безъ ощутительной погрѣшности противъ разсудка.

Вотъ какое было наше упражненіе. Мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшно, но простолюдинская пословица: *Вѣкъ живи, вѣкъ учись*, гораздо умнѣе такого смѣха.

Когда человѣкъ сколько нибудь съ благоразуміемъ помыслитъ о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди, и самыми

---

[3]) Французскій литераторъ (1740 — 1814).

[4]) Лопухинъ и ближайшіе друзья его старались всячески дѣйствовать на юношество. Къ числу молодыхъ людей,которымъ они благодѣтельствовали,принадлежалъ и Ѳ.П. Лубяновскій. См. его Воспоминанія въ Русскомъ Архивѣ 1872 года.

[5]) Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе неложное, познати составленіе міра и дѣйствіе стихій, начало, и конецъ, и средину временъ, возвратовъ премѣны и измѣненія временъ, лѣтъ круги и звѣздъ расположенія, естество животныхъ и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиліе и помышленія человѣковъ, разнство лѣтораслѣмъ и силы кореній:

разумными слывущіе, занимаются тѣмъ, что́ необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія и для истиннаго блага въ самой здѣшней жизни, которое состоитъ въ томъ единомъ, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ. Единое сіе заключается въ духѣ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка; въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственный источникъ совершенной добродѣтели. Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: «люби Бога, люби ближняго», но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна; какъ бы разслабленнаго больнаго, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляли ходить и работать. Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродиться: тогда евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго, и очень возможно будетъ ему исполненіе заповѣди обращать другую щеку ударившему по одной, заповѣди, которой смыслъ есть, конечно, тотъ, чтобъ въ самомъ глубокомъ смиреніи и безъ гнѣва сносить обиды. Примѣръ чувствованій, съ какими сносимъ мы, порочны будучи, огорченіе и обиды отъ тѣхъ, коихъ мы любимъ по страстямъ нашимъ, легко можетъ объяснять намъ во́зможность неограниченнаго терпѣнія и любви къ ближнимъ и къ самымъ врагамъ своимъ у людей, имѣющихъ сердца, очищенныя Божественною добродѣтелью.

Сіе моральное перерожденіе, чрезъ которое только человѣкъ становится образомъ и подобіемъ Божіимъ и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій Христіанской Церкви, не можетъ, конечно, произойти безъ дѣйствія силы всемогущей; но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля человѣческая, коей свобода дана отъ Бога, какъ даръ величайшій и особенно составляющій величіе человѣка. Самопознаніе долженствуетъ руководствовать оное содѣйствіе, открывая человѣку, сколь далеко онъ совратился съ пути истиннаго, съ пути нерушимаго блаженства своего. Познаніе Творца и творенія открываетъ человѣку связь его съ ними и цѣль его созданія. Безъ сего познанія не можетъ быть основательное познаніе самаго себя; безъ познанія же самаго себя не можно имѣть премудрости. Страхъ Божій есть начало ея. О семъ пишутъ и говорятъ при всякомъ воспитаніи, но нимало не пекутся вселять спасительный страхъ сей въ души.

Здѣсь представляется вся глубина того паденія и забвенія, въ которой мы живемъ. Всякой скажетъ, что онъ нимало не сомнѣвается въ томъ, что Богъ вездѣ, все знаетъ, все видитъ и все слышитъ, въ чемъ не можно, конечно, и сомнѣваться, не сомнѣваясь въ бытіи Божіемъ. Но ежели бъ имѣли мы въ сердцахъ истинную, какъ должно, къ сему вѣру, то какъ бы могли мы, зная, что всегда мыс-

лимъ и дѣйствуемъ предъ очами Божіими, мыслить и дѣйствовать такимъ образомъ, какъ бы мы постыдились или убоялись и предъ человѣкомъ цѣломудреннымъ или почтеннымъ?

Не можно довольно съ самаго младенчества и до конца жизни воспитывать въ людяхъ оной святой навыкъ ощущенія вездѣприсутствія Божія. Одно сіе ощущеніе можетъ раждать страхъ Божій, которой есть соль истинной добродѣтели, коего совершенство должна быть любовь, побуждающая вести жизнь угодную Богу, не изъ страха наказаній отъ Него, а изъ любви къ Нему; подобно тому какъ дѣти, прямо любящія родителей чадолюбивыхъ, опасаются огорчить ихъ не для того, что боятся ихъ наказаній: они увѣрены въ ихъ любви, коей нѣжность оскорбить боятся. Но самыя наказанія Божіи въ здѣшней жизни и по смерти суть только очистительныя дѣйствія любви Его къ намъ и слѣдствія нашей собственной нечистоты и грѣховъ нашихъ, какъ боль рѣзца въ рукахъ врача бываетъ иногда необходимымъ и спасительнымъ средствомъ къ исцѣленію болѣзни, которая есть слѣдствіемъ порока и невоздержности.

Вотъ нѣкоторыя черты предмета бывшаго у насъ общества и нашихъ въ немъ упражненій. Люди, какъ бы почитающіе себѣ за должность осуждать другихъ и порицать то, чего совсѣмъ не знаютъ, распускали разные о насъ толки. Шумъ былъ великъ, потому что людей такихъ много, и больше еще тѣхъ, которые столько же охотно вѣрятъ всякому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить доброму.

Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ. Для чего въ собраніяхъ, такъ называемыхъ, лучшихъ людей или публики, не только никогда не говорятъ, да и не можно говорить, о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ, сколь порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи и пр?

Между тѣмъ коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанныя, старались представлять насъ подозрительными и для спокойства общаго небезопасными. Такимъ образомъ дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было немало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ (хотя при разныхъ переворотахъ и жизнь его скончалась среди блеску онаго) для поддержанія себя выдумалъ навлечь подозрѣніе на существовавшую будто связь съ обществомъ нашимъ одной особы самой близкой къ престолу [6]).

---

[6]) Говорится вѣроятно про генералъ-прокурора князя Вяземскаго.

Искусно внуша такое подозрѣніе, искусно же не допускалъ онъ и до розыска, вѣроятно, для того, что, не имѣвъ сердца жестокаго, при всей своей политической нещадности, не хотѣлъ онъ жертвовать людьми, никакого зла ему не причинившими, каковыя жертвы подобные ему характеры приносятъ себѣ только тогда, когда сіе необходимо требуется ихъ интересами, для которыхъ они кромѣ себя всѣмъ жертвуютъ. Сіе вѣроятно; а извѣстно то, что розыскъ бы обличилъ его выдумку, которая тогда обратилась бы во вредъ ему самому. И такъ онъ старался только питать вселенное имъ подозрѣніе, выставляя себя за знающаго все, что́ въ государствѣ происходитъ, съ тѣмъ, что когда онъ хранитель особы государыниной, то ей нечего опасаться: онъ все предупредитъ.

По сему расположенію удерживалъ онъ отъ строгостей, и всѣ слѣдствія возбужденнаго подозрѣнія и гнѣва Государыни на общество долго ограничивались тѣмъ, что нѣсколько разъ запечатаны были и пересматриваны изданныя нами книги, нѣкоторыя изъ нихъ запрещены, и Н. И. Новиковъ отосланъ былъ на испытаніе въ законѣ къ Московскому архіепископу, который нашелъ его такимъ христіаниномъ, какихъ бы желалъ онъ, чтобъ было больше. Сими словами доносилъ преосвященный Платонъ о порученномъ ему испытаніи.

Первое же дѣйствіе придворнаго негодованія на общество наше явно открылось противъ меня; и сіе-то было оное сильное предубѣжденіе, съ которымъ графъ Брюсъ пріѣхалъ начальствовать въ Москву и коимъ особливо побуждаясь, гналъ онъ меня, какъ я описывалъ [7]).

По пріѣздѣ своемъ въ Москву не только обходился онъ со мною крайне ласково и учтиво, но даже увѣрялъ и, казалось, искренно, въ желаніи имѣть самое короткое и пріятельское со мною знакомство, изъявляя при томъ особливое ко мнѣ уваженіе. Сіе продолжалось нѣсколько времени и послѣ разсказаннаго мною спора моего съ нимъ о числѣ ударовъ, при которомъ поступилъ онъ такъ похвально.

Но вдругъ графъ Брюсъ говоритъ мнѣ наединѣ, что извѣстно, что я нахожусь въ ономъ обществѣ, и что хотя онъ самъ бывалъ въ подобномъ и, зная всю святость его цѣли и упражненій, понесетъ

---

[7]) Любопытно было бы узнать, съ какого именно времени Павелъ Петровичъ поступилъ въ орденъ Франъ-масоновъ (въ Стогкольмѣ, во дворцѣ, есть его портретъ въ орденскомъ одѣяніи). Черезъ супругу свою онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Прусскаго двора, а Прусскій наслѣдный принцъ принадлежалъ къ числу самыхъ ревностныхъ членовъ ордена. Екатерина все это близко знала.

онъ въ сердцѣ своемъ уваженіе къ нимъ и во гробъ (сіи были точныя его слова), однако въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже непристойно симъ заниматься. «Естьли это таково, какъ ваше сіятельство сказывать изволите», отвѣчалъ я ему, «то мнѣ кажется, что чѣмъ больше лѣтъ и чиновъ имѣетъ человѣкъ, и чѣмъ важнѣйшею обязанъ должностію, тѣмъ пристойнѣе и нужнѣе упражняться ему въ томъ что̀ его просвѣщаетъ, учитъ добродѣтели и заставляетъ исполнять ея правила».

Разговоръ нашъ былъ длинной и долго съ обѣихъ сторонъ довольно равнодушный. Предметъ его былъ тотъ, что графъ Брюсъ настоятельно требовалъ, чтобъ я оставилъ общество и упражненія оныя, и что это будетъ угодно Государынѣ. «Волю ея о семъ, что ли», спросилъ я его, «объявляете вы мнѣ?» — «Нѣтъ», говорилъ онъ, «но можете разумѣть, что не отъ себя говорю я вамъ это». — «Что жъ», отвѣчалъ я, «неужели Государыня изволитъ знать о моихъ связяхъ и упражненіяхъ? Я думаю, едва ли ей извѣстно мое имя и существованіе на свѣтѣ». — «Да», сказалъ онъ, «вы ей слишкомъ извѣстны, и она непремѣнно требуетъ отъ васъ того, что́ вы отъ меня слышите». — «Позвольте мнѣ усумниться», говорилъ я, «чтобъ такой мудрой Государынѣ было неугодно такое доброе дѣло, какимъ и вы его признаете». «Да она не такъ думаетъ», отвѣчалъ онъ. — «Можетъ быть, потому», говорилъ я, «что оно ей не прямо извѣстно: такъ сто́итъ только ей объяснить; а объ дѣлахъ добрыхъ не только полезно, да и долгъ вѣрнаго подданнаго объяснять государямъ правду». — «Ты поди, объясняй ей», сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ, и съ очень сильнымъ, требовалъ моего согласія на его предложеніе.

Я говорилъ, что осмѣливаюсь сказать ему откровенно, и такъ, что онъ можетъ донести мои слова самой Государынѣ, что не могу я повѣрить, чтобъ Ея Величеству угодно было, чтобъ кто нибудь оставилъ столь хорошія упражненія. Естьли жъ она того желаетъ по противному объ нихъ понятію, не имѣя способовъ получить истиннаго, то я думаю угождать въ такомъ случаѣ мыслямъ ея была бы слабость и чувство противное тому уваженію, какое имѣть естественно къ столь великой Государынѣ; и что великодушіе ея представляю я себѣ въ столь высокомъ степени, что такіе-то подлые угождатели должны быть ей больше всего неугодны.

«Знайте жъ», сказалъ мнѣ графъ мой голосомъ, дрожащимъ отъ досады, «что съ теперешней минуты буду я всякое вамъ зло дѣлать», и побѣжалъ вонъ, хлопнувъ дверью; а я спокойно поѣхалъ домой.

На другой день далъ онъ то грозное предложеніе Палатѣ, о коемъ я описывалъ, и къ дѣлу о купцахъ онъ только придрался. Принося на меня Государынѣ жалобу за поданное мною объясненіе и

удержанную имъ просьбу мою объ отставкѣ, описывая упрямство мое будто по службѣ, описалъ онъ, конечно и съ оттѣнками еще своими, и послѣднюю оную между нами сцену. Государыня имѣла привычку его жаловать, и онъ къ ней писывалъ свободно [8]).

И такъ въ концѣ 1784 года открылись давно уже продолжавшіяся негодованія и подозрѣнія двора противъ нашего общества. Коварство, клевета, злоба, невѣжество и болтовство самое публики питали ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность, а это дѣлалось около времени Французской революціи; третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню. Иные разсказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, не вѣря притомъ существованію духовъ [9]), и разныя разглашали нелѣпости, которымъ столько жъ неблагоразумно вѣрить, сколько непохвально распускать ихъ. Однако всѣ сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны; ибо и святые, и бунтовщики, и проказники, и суевѣры, и замысловатые обманщики: всего этого, разсудя, нельзя связать хорошенько.

У страха, говорятъ, глаза велики. Вотъ отъ чего прямо родились и возрасли негодованія оныя и подозрѣнія. А сему содѣйствовали довѣренность къ навѣтамъ, обычай слушать шпіоновъ, которые должны необходимо лгать (потому что ежели они будутъ правду доносить о тѣхъ, коихъ подозрѣваютъ напрасно, то естественно потеряютъ несчастную къ нимъ довѣренность и съ нею корысть свою), обычай также полагаться на искусство полиціи, которая почти всегда строитъ свою фортуну на безпокойствѣ жителей, вмѣсто того, чтобъ ей сохранить ихъ покой.

Много также дѣйствовали предубѣжденія и ненависть, которыми съ невѣжествомъ исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемыя нами книги.

Все сіе усилилось началомъ революціи въ Парижѣ въ 1789 году, которой произведеніе тогда приписывали тайнымъ обществамъ и системѣ философовъ; только ошибка въ этомъ заключеніи была та,

---

[8]) Брюсъ былъ женатъ на давней пріятельницѣ Екатерины, графинѣ Прасковьѣ Александровнѣ Румянцовой.

[9]) Вѣруя, что есть Богъ, всемогущій творецъ, духъ непостижимый и конечно вездѣсущій, весьма безразсудно думать, что строенія его ограничиваются однимъ видимымъ нами твореніемъ и не вѣрить бытію существъ невидимыхъ; а полагая бытіе оныхъ, безразсудно же не вѣрить, чтобъ они могли имѣть вліяніе на человѣковъ. *Примѣч. автора.*

что общества оныя и система были совсѣмъ непохожи на наши. Нашего общества предметъ былъ добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; а система наша, что Христосъ—начало и конецъ всякаго блажества и добра въ здѣшней жизни и въ будущей. Той же философіи система—отвергать Христа, сомнѣваться въ безсмертіи души, едва вѣрить, что есть Богъ, и надуваться гордостію самолюбія. А обществъ оныхъ предметъ былъ: заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству.

Но изъ того, что бываютъ тайныя общества вредныя, никакъ не можно съ благоразуміемъ заключить, чтобъ не могли быть и полезныя. Извѣстны примѣры, что давали отраву въ Причастіи. Но что́ жъ изъ того заключить можно противъ Причастія? Мистеріи древнихъ служатъ сильнымъ доказательствомъ возможности добрыхъ и полезныхъ обществъ тайныхъ.

Впрочемъ, главною причиною революціи ставить самую оную философію и общества, похоже, мнѣ кажется, на то, какъ иногда больные, изнуривъ себя и всѣ свои соки испортивъ невоздержностью и неосторожностью, не желая признаваться въ прямыхъ причинахъ своихъ болѣзней, стараются ихъ приписывать какимъ-нибудь неважнымъ постороннимъ случаямъ, въ коихъ они невинны и которые бы для нихъ совсѣмъ нечувствительны были, еслибъ разслабленное тѣло ихъ не было уже готово разрушиться.

Злоупотребленіе власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ: вотъ прямые и одни источники революцій. Всѣ законодательства, всѣ училища, всѣ устройства, безъ истиннаго живаго духа вѣры, безъ духа Христова, безъ свѣта премудрости Божіей, суть то для тѣла политическаго, что́ безъ кровочистительныхъ лѣкарства и пластыри, могущіе залѣчивать наружныя болячки для больнаго, у котораго кровь нечистотами испорчена.

Неудовольствія оныя правительства, подозрѣнія, скрытые присмотры полиціи, толки и шумы публики, то уменьшаясь, то прибавляясь, продолжались лѣтъ семь. Много имѣли мы непріятелей, а защитниковъ съ голосомъ никого, ни при дворѣ, нигдѣ. Мы столько были невинны, что и не старались оправдываться, а только при случаяхъ простодушно говорили правду о цѣли и упражненіяхъ нашего общества; но намъ не вѣрили.

Хотя и собранія наши, наконецъ, пресѣклись, однако подозрѣніе на насъ нисколько не уменьшилось. Открывали на почтѣ наши пись-

ма, и всѣхъ моихъ писемъ копіи, особливо къ одному тогда пріятелю [10]), бывшему въ чужихъ краяхъ, отсылались къ Государынѣ. Я симъ нимало не безпокоился и, знавши, писалъ всегда такъ, какъ бы я говорилъ наединѣ, въ полной откровенности.

Однажды вздумалось мнѣ воспользоваться симъ обстоятельствомъ, чтобъ въ письмѣ къ моему пріятелю, кстати расположа, описать все существо и дѣйствіе нашего общества, и такъ справедливо, что никакими бы слѣдствіями и розысками инаго не могло открыться, потому что самъ Серцевѣдецъ видѣлъ, что инаго не было. И подлинно, въ планѣ и общихъ дѣйствіяхъ нашего общества не было ничего, кромѣ очень добраго и полезнаго для сердецъ нашихъ и для отечества. Если же и были между нами частныя, въ обществахъ людскихъ неизбѣжныя, слабости или ошибки, то они имѣли не больше вліянія на общее государства, какъ слабости и ошибки милліоновъ, составляющихъ его и подверженныхъ таковымъ недостаткамъ въ человѣчествѣ.

Въ письмѣ томъ къ пріятелю моему повторилъ я сказанное мною нѣкогда графу Брюсу, что и государи могутъ ошибаться, и что ежели Государыня, не имѣя прямаго понятія о какой-нибудь доброй вещи, дурныхъ объ ней мыслей, то никакъ нѣтъ долга сообразоваться съ такимъ ея заключеніемъ, и угождать ему была бы величайшая подлость, измѣна въ душѣ правиламъ добродѣтели, грѣхъ предъ Богомъ и предъ ея собственно истиннымъ величіемъ. Я написалъ сіе точно для того, чтобъ она прочитала.

Еще изданіемъ и публичною продажею нѣкотораго Катихизиса употребилъ я средство представить въ самыхъ истинныхъ и краткихъ чертахъ всѣ начáла науки и нравственности нашего общества. Сіе мнѣ случилось нечаянно. Часто бывалъ я тогда у преосвященнаго Платона, митрополита Московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего общества, однакожъ разставались мы всегда пріятелями. Однажды, разговаривая съ нимъ, при возраженіяхъ на его критику, родилась у меня мысль объ ономъ Катихизисѣ, и я его тутъ же составилъ такъ, что, пріѣхавъ домой, тотчасъ его написалъ и,

---

[10]) А. М. Кутузову въ Берлинѣ. Вотъ отзывъ о немъ графа Ростопчина (тоже бывшаго въ Берлинѣ): „Человѣкъ умный и фанатикъ, поселился въ Берлинѣ, откуда совершалъ поѣздки въ Гамбургъ, Брауншвейгъ, Саксенъ-Готу и Мюнхенъ; онъ былъ министромъ или повѣреннымъ Русскихъ Мартинистовъ при иностранныхъ обществахъ. Этотъ человѣкъ, проживши нѣсколько времени въ роскоши, кончилъ тѣмъ, что умеръ въ крайней бѣдности, въ Берлинской долговой тюрьмѣ, такъ какъ Московская ложа, за упраздненіемъ ея въ 1792 году, не могла уже платить его долговъ“. (Р. Арх. 1875, III, 75).

переведя на Французскій языкъ и напечатавъ его въ типографіи компаніи нашей, отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ. Все сіе тогда извѣстно было только троимъ изъ самыхъ короткихъ моихъ.

Я помѣщу его здѣсь. Не знаю, сходноль это будетъ съ порядкомъ историческаго сочиненія; но я уже сказалъ, что я не ученой; слѣдовательно несоблюденіе мною правилъ учености извинительно, особливо въ сихъ Запискахъ, которыя пишу только для пріятелей и для любопытныхъ [11]), изъ коихъ, можетъ быть, охотники до сказокъ будутъ быль мою читать тѣмъ охотнѣе, что это подлинно было, и тетрадка та можетъ быть пріятна будетъ ихъ любопытству. Вотъ она.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЙ

КАТИХИЗИСЪ

ИСТИННЫХЪ Ф-КЪ М-ВЪ [12]).

Аще Сынъ вы свободитъ, тогда свободни будете.

1. Истинный ли ты Ф. М.?

Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля, и тѣ воды, на коихъ носился духъ великаго Строителя вселенной при ея сотвореніи.

2. Чѣмъ наипаче отличается истинный Ф. М.?

Духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ христіанскимъ.

3. Какая цѣль ордена истинныхъ Ф. М.?

Главная цѣль его таже, что̀ и цѣль истиннаго Христіанства.

4. Какой главный долгъ истиннаго Ф. М.?

Любить Бога паче всего, и ближняго, какъ самого себя, или еще болѣе, по примѣру Св. Павла, который желалъ даже быть анаѳема и отлученъ быть отъ Іисуса Христа, ради своихъ братій. Рим. IX. 3.

5. Какое должно быть главное упражненіе (работа) истинныхъ Ф. М.?

Послѣдованіе Іисусу Христу.

6. Какія суть дѣйствительнѣйшія къ тому средства?

Молитва, упражненіе воли своей въ исполненіи заповѣдей евангельскихъ и умерщвленіе чувствъ лишеніемъ того, что̀ ихъ наслаждаетъ; ибо истинный

---

[11]) Записки сіи диктовалъ я по вечерамъ, для провожденія времени, и никогда бы онѣ сочинены не были, если бъ мнѣ писать своею рукою. *Примѣч. автора.*

[12]) Т. е. Франкъ-масоновъ (вольныхъ каменщиковъ).

Ф. М. не въ иномъ чемъ долженъ находить свое удовольствіе, какъ токмо въ исполненіи воли небеснаго Отца.

7. Гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?

Посреди сего міра, не прикасаяся сердцемъ къ суетамъ его, и въ томъ состояніи, въ которое каждый былъ призванъ. 1 Кор. VII, 20.

8) Какія суть самыя вѣрные знаки послѣдованія Іисусу Христу?

Чистая любовь, преданность и крестъ.

9. На какой матеріи работаютъ мудрые отцы истинныхъ Ф-къ М-въ?

На той же, изъ которой все сотворено.

10. Въ чемъ состоитъ ихъ искусство?

Въ наукѣ вѣдать тайны царствія Божія, кои другимъ сообщаютъ они въ притчахъ, поколику то нужно къ созиданію царства сего.

11. Гдѣ мѣсто ихъ пребыванія?

Въ обновленномъ Едемѣ.

12. Почему таинство ордена не можетъ быть всякому извѣстно?

Потому же, почему не всякій можетъ видѣть и ощущать присутствіе Бога вездѣсущаго.

13. Чѣмъ пріобрѣтается оное таинство?

Возрожденіемъ.

14. Что́ открывается симъ таинствомъ?

То, чего око не видѣло, и ухо не слышало, и на сердце человѣку не всходило: сіе-то Богъ чрезъ таинство оное открываетъ возлюбленнымъ Своимъ.

15. Всѣ ли Ф-къ М-ны должны искать онаго таинства?

Изучаясь познавать въ натурѣ пути, къ нему ведущіе, должны они всѣ искать, во первыхъ, царствія Божія и правды его, и каждому изъ нихъ потребное приложится волею Божіею, которую одну любить должно.

16. Какихъ свойствъ долженъ быть тотъ, который можетъ получить (имѣть) оное таинство?

Онъ долженъ быть таковъ, что, хотя бы имѣлъ способъ излѣчать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ, по примѣру древнихъ праотцевъ, со всѣмъ тѣмъ могъ бы терпѣливо сносить и не помогая себѣ жесточайшую боль, и быть въ готовности на завтра умереть безъ роптанія; также чтобъ былъ готовъ сносить величайшую бѣдность, обладаючи способами производить богатства, превосходящія богатства всего міра и, имѣя средство бесѣдовать съ Ангелами, могъ бы смиренно пребывать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно волѣ Источника свѣта и, имѣя съ Іисусомъ Навиномъ силу остановить солнце и съ Иліею отверзать и затворять небо, считалъ бы себя менѣе всѣхъ, и могъ бы скитаться безъ роптанія по землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ на оной преклонить главу свою. Однимъ словомъ, ничѣмъ бы не же-

лалъ наслаждаться и на все бы рѣшился, естьли бы оное потребно было для исполненія воли небеснаго своего Владыки.

17. Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего государя?

Онъ долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому. 1. Петр. II, 17, 18. Ефес. VI, 5, 7.

18) Какія его обязанности въ разсужденіи властей управляющихъ?

Онъ долженъ быть покоренъ вышнимъ властямъ, не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти. Рим. XIII, 1—5.

19. Какая обязанность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи внѣшняго богослуженія?

Почитая его установленія и обряды, долженъ онъ прилежно ими пользоваться, какъ средствомъ для внутренняго, чему надлежитъ быть ихъ предметомъ во всѣхъ христіанскихъ учрежденіяхъ богослуженія внѣшняго.

20. Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ подвластными ему?

Наиболѣе долженъ онъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ во страхѣ и ученіи Господнемъ; обязанъ наблюдать между ними правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у Котораго нѣтъ лицепріятія. Ефес. VI, 4, 9. Колос. IV, 1.

21. Какъ долженъ онъ поступать со всѣми людьми вообще?

Всѣхъ долженъ любить для Бога, желать имъ всѣмъ всякаго въ Немъ блага и вспомоществовать имъ, сколько ему возможно.

22. Какъ онъ долженъ расположенъ быть противу своихъ враговъ?

Любить ихъ.

23. А противъ тѣхъ, кои клянутъ его?

Благословить ихъ.

24. Какъ онъ долженъ поступать съ ненавидящими его?

Дѣлать имъ добро.

25. А съ тѣми, которые гонятъ его?

Молиться за нихъ.

26. Какъ долженъ истинный Ф. М. поступать съ тѣми, которые у него просятъ?

Онъ не долженъ отказывать тому, кто хочетъ у него занять; просящему долженъ давать; и когда даетъ милостыню, то чтобъ его лѣвая не знала, что̀ дѣлаетъ правая [13]).

---

[13]) Истинные Ф. М. должны наблюдать сіе правило во всѣхъ добрыхъ поступкахъ; также должны они молиться тайно, постясь умащать главу свою и умывать лице, какъ сказано въ Евангеліи, и слѣдовать всѣмъ принятымъ въ общежительствѣ обычаямъ, какъ-то въ нарядахъ, въ обхожденіи, въ образѣ домашней жизни и проч. тому подобномъ, избѣгая и виду лицемѣрія. Матѳ. V, 42; VI, 3, 6. *Примѣч. автора.*

27. Чтò долженъ истинный Ф. М. дѣлать съ тѣмъ, кто хочетъ съ нимъ судиться и лишить его принадлежащаго ему?

Естьли кто хочетъ съ нимъ судиться и отнять у него платье, то долженъ онъ отдать ему и рубашку; и естьли кто пожелаетъ заставить его идти съ собою версту, то идти съ нимъ и двѣ. Матѳ. V, 40, 41.

28. Чтó долженъ онъ дѣлать съ тѣмъ, кто его обидитъ?

Естьли кто ударитъ его по одной щекѣ, то онъ долженъ оборотить ему и другую.

29. Слѣдовательно, онъ не можетъ быть на войнѣ?

Истинный Ф. М. чтитъ царя и повинуется властямъ управляющимъ.

30. Какое должно быть правило истиннаго Ф. М. въ исправленіи долга своего къ отечеству?

Зная, что не только каждое дѣйствіе и каждое слово, но даже каждая мысль, каждой взглядъ, каждый вздохъ, служатъ къ распространенію царствія Божія или къ сопротивленію оному, и имѣя непрестанно сіе въ виду, долженъ онъ помнить при всемъ, чтò бы онъ ни дѣлалъ, что чрезъ оное могутъ открываться правда или благость Господня, Котораго воля должна ему быть драгоцѣннѣе всего.

31. Какія чувства истинный Ф. М. долженъ имѣть къ своимъ родителямъ?

Долженъ ихъ почитать, слушать и любить (Ефес. VI, 1, 2), но такою любовію, которая бы не препятствовала ему быть ученикомъ Іисуса Христа, рекшаго: „Аще кто грядетъ по мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матерь, и жену, и чадъ, и братія, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ". Лук. XIV, 26, т. е. не можетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ тотъ, кто не только всѣми оными естественными связями, но даже и любовію къ самому себѣ и всякимъ къ себѣ прилѣпленіемъ не пожертвуетъ дѣятельному исполненію ученія Христова, и изъ ревности къ нему не везненавидитъ или не отвергнетъ въ оныхъ всего того, чтò можетъ ему препятствовать.

32. Можетъ ли истинный Ф. М. жениться?

Богъ, видя, что человѣкъ утопаетъ во снѣ грѣховномъ, благоволилъ сотворить ему помощницу и, отдѣля отъ него натуру (часть) женскую, сдѣлалъ изъ оной жену. Быт. II, 21, 22.

Ученики Христовы, услыша слова Его о брачномъ состояніи, сказали ему: „лучше есть не женитися". Онъ же рече имъ: „Не вси вмѣщаютъ словесе сего (не всѣ могутъ не жениться), но имъ же дано есть; суть бо скопцы, иже скопишася отъ человѣкъ, и суть скопцы, иже исказиша сами себе царствія ради небеснаго. Могій вмѣстити, да вмѣститъ". Матѳ. XIX, 10—12.

Въ Откровеніи Іоанновомъ сказано, говоря о 144.000 искупленныхъ отъ земли: „Сіи суть, иже съ женами не осквернишася, зане дѣвственницы

суть; сіи послѣдуютъ агнцу, амо же аще пойдетъ; сіи суть куплени отъ людей, первенцы Богу и агнцу, и во устѣхъ ихъ не обрѣтеся лесть; безъ порока бо суть предъ престоломъ Божіимъ". Апок. XIV, 4, 5.

Іовъ сказалъ: „Завѣтъ положихъ очима моима, да не помыслю на дѣвицу". гл. XXXI, 1. А св. апостолъ Павелъ къ Коринѳяномъ говоритъ: „Хощу бо, да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ (въ безбрачіи и необщеніи плотскомъ съ женами); ащели не удержатся (естьли похоти плотской воздержать не могутъ), да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разжизатися". І. Кор. VII, 7 — 9.

33. Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ своею женою?

Долженъ ее любить, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь, беречь ее и содержать, какъ свое собственное тѣло, и стараться, чтобъ она была освящена и омыта чистотою крещенія въ словѣ жизни. Ефес. V, 25, 26.

34. Какъ долженъ онъ воспитывать своихъ дѣтей?

Онъ долженъ, какъ скоро только возможно, начать воспитывать ихъ къ оному новому рожденію, безъ котораго не можно войти въ царствіе Божіе, какъ говоритъ Христосъ. Іоан. III, 5.

35. Какъ истинный Ф. М. долженъ употреблять свое имѣніе?

Считая себя токмо орудіемъ Божіимъ, долженъ онъ знать, что всякая полушка можетъ служить или къ строенію дѣла Его и прославленію святаго имени Его на землѣ, или къ умноженію того, что̀ оному препятствуетъ, и по сему долженъ поступать со ввѣреннымъ ему имѣніемъ.

36. Какъ долженъ онъ поступать въ разсужденіи пищи и питія?

Дѣлая все во славу Божію, долженъ тоже наблюдать и при вкушеніи пищи и питія. 1. Кор. X, 31; употреблять оныя долженъ умѣренно, не въ удовольствіе сластолюбія, но дабы только подкрѣпить тѣло, какъ храмину, которой надлежитъ быть яслями возрожденія и земною обителью истиннаго человѣка внутренняго и духовнаго, сотвореннаго по образу и по подобію Божескому. 1 Кор. II, 14, 15.

37. Какимъ образомъ истинный Ф. М. долженъ готовиться къ смерти?

Непрестанно стараясь умирать грѣху. Рим. VI.

38. Когда начинается истинная работа въ нравственности?

Когда человѣкъ начнетъ совлекаться ветхаго Адама.

39. Когда она оканчивается?

Тогда, какъ ветхій Адамъ совлеченъ совершенно.

40. Когда престанетъ всякой трудъ и работа?

Когда не останется на земли ни единой воли, которая бы не совершенно предалась Богу; когда золотой вѣкъ, который Богъ хощетъ прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, распространится вездѣ и явится внѣшне, и когда царство самой натуры освободится отъ проклятій и возвратится въ средоточіе солнца.

Могій вмѣстити, да вмѣститъ.

Катихизисъ сей, съ нѣкоторыми исключеніями и прибавками, по пристойности, назвавъ краткимъ изображеніемъ качествъ и должностей истиннаго Христіанства, присоединилъ я послѣ къ сочиненной мною въ тоже почти время книгѣ, подъ названіемъ: *Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели*, которая два раза напечатана: первой разъ въ 1798, а второй въ 1801 году. Она переведена очень хорошо на Французскій языкъ, и сей переводъ также напечатанъ въ С.-Петербургѣ; а послѣ вышло онаго изданіе въ Парижѣ съ аллегорическою картиною въ заглавіи, моего же сочиненія, изображающаго храмъ натуры и благодати, съ моимъ же изъясненіемъ, которое на Русскомъ при картинѣ оной въ большомъ видѣ выгравировано въ Москвѣ [14]). Недавно картина сія съ Французскимъ изъясненіемъ наилучшимъ образомъ выгравирована въ Лондонѣ. Оной же Катихизисъ точно въ томъ содержаніи, въ какомъ онъ написанъ и здѣсь помѣщенъ, присоединилъ я къ сочиненной мною, охотникамъ извѣстной, піесѣ, подъ именемъ *Духовный Рыцарь* или ищущій премудрости, которое сочиненіе диковиннымъ случилось образомъ.

Вдругъ за обѣдомъ пришла мнѣ объ немъ мысль. Отобѣдавши тотчасъ пошелъ я прогуливаться. Въ прогулкѣ составился весь планъ, и я, съ Покровки дошедши только до Ниренбергскихъ лавокъ [15]), скорыми шагами воротился домой, принялся писать; почти не вставая съ мѣста, писалъ часовъ шесть, и кончилъ сіе сочиненіе, содержащее въ себѣ листа четыре печатныхъ, въ 8-ку, мелкими литерами.

Въ этой піесѣ краткими чертами представлены главные пункты герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и нача́ла самопознанія и глубокой морали.

Для того же предмета, для котораго издалъ я свой нравоучительный Катихизисъ, заставилъ я написать извѣстную книжку: *Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ?* которая также переведена на Французской и пущена была въ продажу. Сочинилъ ее по моему плану самый ближайшій другъ мой, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, сей честнѣйшій человѣкъ, коего память всегда любезна будетъ всѣмъ его знавшимъ и любящимъ добродѣтель.

Сочиненіе мое *О внутренней церкви*, хотя напечатано еще въ то время, когда печатаніе подобныхъ матерій весьма правительствомъ

---

[14]) Самой хорошій переводъ книги сей на Нѣмецкомъ языкѣ сдѣланъ нѣкоторымъ г. Эвальдомъ, и помѣщенъ въ его Христіанскомъ мѣсячномъ изданіи. *Прим. автора.*

[15]) Т. е. на Ильинкѣ.

терпимо было, однако, познакомивъ со мною многихъ, которыхъ вниманіе должно быть для меня лестно, навлекло мнѣ много и непріятелей. Нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе, но время имъ въ томъ не благопріятствовало.

Для меня же сочиненіе сей книги будетъ всегдашнимъ утѣшеніемъ, потому что ощутительная мнѣ помощь Божія въ сочиненіи семъ удостовѣряетъ меня въ его пользѣ. При всемъ томъ, однакожъ, очень умножилось удовольствіе мое отъ сдѣланнаго одобренія г. Эккартсгаузеномъ, который называлъ книгу сію драгоцѣнною и истинною мудростью исполненною. Признаюсь также откровенно, что удовольствію оному причиною сколько самолюбіе мое, которое весьма еще далеко отъ своей смерти (сей единственной совершительницы чистой добродѣтели), столько же и подкрѣпленіе въ ономъ увѣреніи о пользѣ книги, какое естественно быть должно отъ такого мужа, коего по справедливости можно считать изъ величайшихъ свѣтилъ божественнаго просвѣщенія, извѣстныхъ въ нашемъ времени. Вниманіе его ко мнѣ всегда будетъ очень лестно для меня. И смиренію у него бы мнѣ учиться надобно. Онъ писалъ ко мнѣ послѣднее, можетъ быть, въ жизни своей письмо, писалъ дней за десять до своей смерти, и прислалъ ко мнѣ въ манускриптѣ послѣднее же, думаю, сочиненіе свое о согласіи внѣшнихъ законовъ натуры съ внутренними законами духа, подъ названіемъ: *Наставленіе Клоаса, жреца натуры, Софрониму*. Въ письмѣ томъ пишетъ, что ежели сіе его сочиненіе заслужитъ мое одобреніе, то онъ будетъ продолжать его. Читая сіе, я закраснѣлся, при всемъ столь живомъ, какъ сказалъ я выше, самолюбіи моемъ.

Оное сочиненіе г. Эккартсгаузена, нѣчто совершенное въ своемъ родѣ и впрочемъ превосходящее всякую похвалу мою, переведенное на Русской языкъ, помѣщено въ отрывкахъ изъ его сочиненій, изданныхъ другомъ моимъ, Александромъ Ѳедоровичемъ Лабзинымъ, которой перевелъ и напечаталъ многія сочиненія сего великаго мужа, какъ и другихъ подобныхъ, и коего труды въ изданіи книгъ, споспѣшествующихъ распространенію свѣта божественной мудрости и назиданію глубокаго Христіанства, при дѣятельности, великодушною твердостью примѣрной, по всей справедливости обязываютъ къ нему почтеніемъ и признательностью всѣхъ любителей истины и просвѣщенія сердечнаго. Одно изданіе извѣстнаго *Сіонскаго Вѣстника* должно дѣлать имя его любезнымъ и безсмертнымъ.

Книгу *О внутренней церкви* сочинялъ я въ 1789 году, оправляясь послѣ жестокой болѣзни, и многое изъ нея написано мною карандашемъ, въ старомъ саду графа Разумовскаго, что̀ на Гороховомъ

полѣ [16]), который тогда открытъ былъ для народнаго гулянья и въ которомъ я часто прохаживался.

Неожиданный переломъ болѣзни оной къ совершенному выздоровленію сто́итъ того, чтобъ описать его. Всѣ знающіе, какъ дѣйство силы милосердія Божія, чрезъ вѣру и раствореніе сердца любовью, разливается и на физическую натуру, съ удовольствіемъ, конечно, прочтутъ сіе описаніе. Отъ простуды сдѣлалась у меня, при безпрестанномъ почти кашлѣ, боль въ груди и въ боку и нѣсколько недѣль продолжалась уже изнурительная лихорадка (fièvre lente), вѣрная предвѣстница чахотки, которую медики, и въ числѣ ихъ одинъ искренній мой пріятель, мнѣ и объявили рѣшительно, успокоивая только меня тѣмъ, что, въ разсужденіи лѣтъ моихъ, уже не самыхъ молодыхъ, могу еще я нѣсколько ихъ прокашлять.

Занемогъ я въ Великой постъ. На Страстной недѣлѣ семейство наше всегда имѣло обычай говѣть. Отецъ мой, въ разслабленномъ его состояніи, не могъ ѣздить въ церковь и причащался дома. По болѣзни своей, и я также дома долженъ былъ тогда причаститься, послѣ обѣдни. Въ день причастія долго утромъ пролежалъ я отъ болѣзни въ постели, насилу всталъ. Между тѣмъ торопили меня идти къ отцу моему въ спальню слушать правило. Все это тревожило нетерпѣніе, больному еще больше свойственное. Отслушавъ правило, пришелъ въ свои комнаты одѣваться. Я спѣшу, а камердинеръ мой еще и умываться мнѣ не приготовилъ. Разсердился я до изступленія, ругалъ его, не билъ только отъ говорившаго еще нѣсколько во мнѣ чувства долговременной любви къ нему и вниманія по отлично хорошему его поведенію. Но брань моя была такими язвительными словами, что побои легче бы ему, конечно, были. Онъ дрожалъ, блѣднѣлъ, синія пятна показывались на лицѣ его. Увидѣвъ это, почувствовалъ я вдругъ всю мерзость моего поступка и, залившись слезами, бросился въ ноги къ моему камердинеру. Можно себѣ представить, какая это была сцена. Тутъ мнѣ сказали, что священникъ пришелъ съ дарами. Я пошелъ въ слезахъ же и рыдая причащался, и причастился подлинно. Проводя священника, легъ я отдохнуть. Уснулъ съ часъ и, проснувшись, почувствовалъ въ тѣлѣ моемъ такую теплоту здоровья, какой медики уже для меня въ натурѣ не предполагали. Словомъ, я проснулся здоровъ. Скоро послѣ того пріѣхалъ ординарный дома нашего докторъ. Посмотрѣвъ у меня пульсъ, удивился: «Вы совсѣмъ здо-

[16]) Нынѣ Елисаветинскій Институтъ въ Москвѣ.

ровы», говорилъ онъ мнѣ; «въ пульсѣ вашемъ не только уже нѣтъ нисколько лихорадки, да онъ такой чистый и свѣжій, какъ бы у самаго здороваго человѣка. Ну, радъ я», прибавилъ онъ, «что порошки мои такъ вамъ помогли; однако скорость перемѣны необыкновенная». Надобно примѣтить, что онъ мнѣ лѣкарства выписывалъ, а я ихъ не принималъ и всѣ уже тогда давно оставилъ. За нѣсколько дней предъ тѣмъ принялъ было я одинъ именно изъ тѣхъ, по его мнѣнію, цѣлительнѣйшихъ порошковъ его; но у меня пошла кровь горломъ, и одинъ медикъ, который по пріязни меня всякій день посѣщалъ, совѣтовалъ ихъ не принимать, какъ могущихъ ускорить разрушительныя слѣдствія моей болѣзни. Такимъ образомъ я совершенно выздоровѣлъ отъ болѣзни смертельной; только слабость нѣкоторая продолжалась почти все лѣто. Поютъ: «Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ»; но ежели можно осмѣлиться сказать, то Онъ еще дивнѣе въ грѣшникахъ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Обратимся къ такъ называемой исторіи Мартинистовъ въ Москвѣ.

Подозрѣнія, шпіонства и всѣ виды притѣсненія обществу нашему до крайней степени возрасли при вступленіи въ управленіе оною столицею князя Прозоровскаго, смѣнившаго Петра Дмитріевича Еропкина, который былъ человѣкъ разумный, богобоязливый и самыхъ честныхъ правилъ, а потому и дѣлалъ онъ развѣ только то, что̀ необходимо принужденъ былъ дѣлать, исполняя порученія.

Портрета князя Прозоровскаго писать я не буду, для того, чтобъ не дать какъ нибудь пищи своему пристрастію; ибо онъ такъ много былъ лично противъ меня, какъ только бы можно быть противъ своего злодѣя человѣку, не имѣющему даже понятія о томъ, что должно прощать врага своего; а я не только никогда ему зла не желалъ, не дѣлалъ и не могъ дѣлать, да̀ и сердитъ на него не бывалъ. Его же такого непріязненнаго ко мнѣ расположенія, кромѣ многихъ доказательствъ, видѣлъ я одно самое сильное въ своеручныхъ его письмахъ, кои писалъ онъ тогда въ глубочайшемъ секретѣ и, конечно, не воображалъ, чтобъ я могъ когда нибудь ихъ читать.

Напрасно, однакожъ, думаютъ, чтобъ князь сей былъ причиною всего того, что̀ мы наконецъ потерпѣли. Нѣтъ. При описанномъ уже мною расположеніи Государыни, это было дѣйствіе замысловатѣйшихъ и сильнѣйшихъ при дворѣ, нежели онъ, которые дѣйствіе сіе вмѣщали въ планъ упрочиванія и бо̀льшаго со временемъ возвышенія

своей фортуны, а князя Прозоровскаго только выставляли и употребляли, какъ самое надежное, по характеру его, орудіе.

И подлинно, онъ вездѣ видѣлъ зло и опасность. Особливо подозрѣвалъ онъ раздачу милостыни. Обо мнѣ отзывался, между прочимъ, что я такъ много ея роздаю, что едва ли не дѣлаю фальшивыхъ ассигнацій, и даже, какъ я слышалъ отъ людей весьма вѣроятія достойныхъ, навлекалъ въ томъ на меня сомнѣніе, приплетая тутъ и типографію, которая была нѣкогда подъ моимъ именемъ и тогда давно уже не существовала. А что представлялъ онъ меня человѣкомъ небезопаснымъ для общественнаго покоя, то видѣлъ я въ оныхъ его своеручныхъ письмахъ.

Кстати о милостынѣ. Странно, какъ очень многіе противъ ея умствуютъ. Главная тому причина, кажется, желаніе оправдывать свое нехотѣніе подавать ее.

Правительству, конечно, нужно и должно стараться, чтобъ нищіе не шатались по улицамъ и по дорогамъ; однако такими средствами устройства, чтобъ, вопервыхъ, не было ихъ, естьли то можно, и наконецъ, чтобъ, ихъ переведя, не сдѣлать вдвое несчастныхъ, то-есть чтобъ не лишать людей сихъ единственнаго способа къ пропитанію, и притомъ еще съ притѣсненіемъ. Но частному человѣку, имѣющему въ сердцѣ хотя искру любви къ ближнему, какъ отказать ему въ помощи? Какая можетъ быть въ томъ ошибка, что поданныхъ нѣсколько копѣекъ иной пропьетъ? А ежели отъ сдѣланнаго по сему отказа иногда человѣкъ долженъ будетъ сутки, или больше, терпѣть голодъ, или покусится на преступленіе, или замараетъ душу свою ропотомъ на судьбу: то каково должно это быть душѣ того, кто откажетъ, ежели въ ней есть чувствительность истиннаго человѣколюбія?

И мнѣ случалось иногда отказывать и съ нѣкоторою досадою, потому что просящій милостыни покажется мнѣ пьянымъ; однако признаюсь, я всегда очень радъ бывалъ, когда въ такомъ случаѣ, воротивъ того, кому отказалъ, заслуживалъ ему и себя какъ бы наказывалъ дачею ему вдвое, говоря себѣ въ мысляхъ: Чтò! Развѣ ты самъ не преступалъ никогда предѣловъ трезвенности, и развѣ бѣдному и подлинно крайнюю нужду имѣющему не можетъ случиться лишнее выпить? Впрочемъ, я въ себѣ расположеніе къ милостыни никакъ не считаю добродѣтелью: это во мнѣ природная склонность, какъ въ иныхъ бываетъ къ разнымъ охотамъ. Дѣлать удовольствіе людямъ всегда была страсть моя. Будучи еще ребенкомъ, я нарочно проигрывалъ мальчику, служившему при мнѣ, деньги, какія у меня случа-

лись и любовался его о томъ радостью [1]). Но съ того времени, какъ я, по счастію, узналъ, въ чемъ состоитъ истинная добродѣтель, уже я старался склонность оную обращать на исполненіе закона сей добродѣтели, чувствами дѣланія, для угожденія Источнику любви, Которой повелѣлъ: *просящему давать*. Помощь ближнему, при стараніи дѣлать ее изъ искренняго къ нему состраданія и для Бога, особливо воспитываетъ духъ чистой любви, которая есть магнитъ, привлекающій вездѣсущаго Духа Божія, готоваго всегда соединиться съ духомъ человѣческимъ, а въ семъ соединеніи состоитъ все истинное просвѣщеніе и блаженство.

Въ такомъ расположеніи милостыня всегда бываетъ полезна дающему, естьли бъ она и не нужна была тому, кому подается; какъ, напротивъ, благодѣяніе, сдѣланное въ прямую пользу того, кому оно сдѣлано, но изъ тщеславія или самолюбія, нисколько не приноситъ благословенія благодѣтелю и не только не удобряетъ сердца его, но еще ожесточаетъ его въ самолюбіи, которое есть корень всѣхъ въ человѣкѣ пороковъ и коего владычеству должно совсѣмъ истребиться, дабы Духъ Божій воцарился въ человѣка.

Но князь Прозоровскій отмѣнной былъ неохотникъ до такой морали, и подаватели милостыни казались ему бунтовщиками [2]). Представленія его не усиливали, конечно, нѣсколько уже лѣтъ постоянно существовавшаго противъ насъ расположенія, но естественно, что частыми напоминаніями питали его.

Въ началѣ 1791 года князь Безбородько, бывшій тогда графомъ, подъ видомъ прогулки пріѣхалъ въ Москву съ Николаемъ Петровичемъ Архаровымъ для того, чтобъ произвести надъ нами слѣдствіе, съ указомъ о томъ князю Прозоровскому, какъ главнокомандующему въ Москвѣ [3]). Врученіе указа сего для исполненія предоставлено было

---

[1]) Вотъ отзывъ о Лопухинѣ князя П. А. Вяземскаго, знавшаго его лично: „Одною рукою раздавалъ онъ милостыню, другою занималъ деньги направо и налѣво, и не платилъ долговъ своихъ. Облегчая участь иныхъ семействъ, онъ разорилъ другихъ. Онъ не щадилъ и пріятелей своихъ и товарищей по мартинизму: вдова Тургенева, мать извѣстныхъ Тургеневыхъ, долго не могла выручить довольно значительную сумму, которую Лопухинъ занялъ у мужа ея“. (Р. Арх. 1873, 2150).

[2]) Князь Прозоровскій, передъ тѣмъ Орловскій и Курскій намѣстникъ, назначенъ въ Москву главнокомандующимъ 19 Февраля 1790 г., еще при жизни Потемкина, который предостерегалъ Екатерину противъ его правительственной неумѣлости. Уже 25 Апрѣля того же года Храповицкій отмѣтилъ: „Недовольны княземъ Прозоровскимъ. Нарочно стояли при его докладахъ. Любитъ много говорить“.

[3]) Безбородко выѣхалъ изъ Петербурга 30 Янв., а возвратился 13 Февр. 1791 г. Послѣ исторіи его съ актрисой Сандуновой ему неловко было при дворѣ, и онъ самъ

усмотрѣнію на мѣстѣ князю Безбородьку. Однако онъ, подлинно, погулявъ нѣсколько недѣль въ Москвѣ, возвратился, ничего не предпринимая и не отдавъ указа князю Прозоровскому, какъ слышалъ я отъ самаго послѣдняго, при сѣтованіи за то на князя Безбородьку.

Безбородько ни къ чему не приступилъ, по своей проницательности, по мягкосердечію своему и, можетъ быть, по нѣкоторымъ личнымъ уваженіямъ дворскимъ. Впрочемъ, онъ и по разсужденію своему былъ совершенно противъ всего того, что̀ съ нами дѣлали, и послѣ мнѣ даже говорилъ, почти при первомъ свиданіи знакомства его со мною (въ 1794 году), еще при жизни Государыни, когда я жилъ въ отставкѣ и подъ нѣкоторымъ присмотромъ, что сіе дѣло несоотвѣтственно ея славѣ. Но не могъ онъ, или не имѣлъ довольно твердости, не исполнить сдѣланнаго ему порученія, какъ ненужнаго, а представилъ причину неудобности исполнить его и такую, которая на нѣсколько мѣсяцевъ удержала слѣдствіе, но подозрѣніе умножила до крайности. Онъ сказалъ, что я сжегъ бумаги, и что чрезъ то скрылись слѣды къ уликѣ и къ основательному изслѣдованію. Съ чего же это онъ взялъ, о томъ я разскажу, какъ о весьма достойномъ примѣчанія съ той стороны, что иногда самые невинные поступки, по связи съ обстоятельствами, могутъ имѣть всѣ виды подозрѣнія и неоправдательнаго. Сіе особливо полезно для вниманія судей въ дѣлахъ уголовныхъ.

Имѣвъ большую дирекцію и большую переписку по обществу нашему, имѣлъ я у себя много и бумагъ такого рода. Собираясь переходить въ новыя комнаты, хотѣлъ я очистить свои бюро и, разобравъ бумаги, нѣсколько лѣтъ копившіяся,降 дралъ и жегъ самыя неважныя и ненужныя, а нужнѣйшія и важнѣйшія оставлялъ, и теперь могу поклясться, что точно такъ было. Сіе дѣлалось мѣсяца за три до пріѣзда князя Безбородька и когда я не ожидалъ никакого слѣдствія, особливо обыска въ домѣ отца моего [4]), съ которымъ я жилъ всегда вмѣстѣ; шпіонство, окружавшее насъ, о семъ донесло. Князь Прозоровскій принялъ это по своему, а Безбородько, узнавъ, обрадовался этому случаю, по своимъ же видамъ, и совсѣмъ инымъ.

Я и не подозрѣвалъ того, и вотъ какъ сперва свѣдалъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда князя Безбородька, разговаривая

отпросился побывать въ Москву. (См. Храповицкаго). Между тѣмъ въ Запискахъ Державина (VI, 635) есть намёкъ, что къ этому именно времени относится изготовленіе бумагъ относительно устраненія Павла Петровича отъ наслѣдія престоломъ. Эти распоряженія, вслѣдъ за кончиною Потемкина, были дѣломъ естественной предусмотрительности.

[4]) Если не ошибаемся, на Пречистенкѣ.

наединѣ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ [5]) о происходящемъ противъ нашего общества, говорилъ я ему, что мнѣ удивительно, какъ Государыня, при отлично-великомъ умѣ своемъ и чрезвычайной проницательности, не можетъ открыть невинность нашего общества и успокоиться отъ напрасныхъ на него подозрѣній; что самой обыкновенной, только опытной взоръ полицейской увидѣть это можетъ, что дѣйствія наши явныя, и по нихъ судить можно. Мы воспитывали, говорилъ я, нѣсколько молодыхъ людей; стоитъ только изслѣдовать образъ мыслей, которой мы старались имъ вселить. Мы издали много книгъ. Конечно, на каждой страницѣ, естьли не на каждой строкѣ, почти каждой изъ нихъ найдете вы поученіе, что надобно истреблять въ себѣ самолюбіе, смиряться, все сносить, принимая все отъ руки Божіей, покоряться властямъ, какъ отъ Него поставленнымъ и тому подобное. Что можно, не понимая, или не любя такихъ правилъ, ихъ охуждать; но несходно съ разсудкомъ внушающихъ такія правила подозрѣвать въ замыслахъ мятежническихъ. Пусть можно ими закрываться затѣйщикамъ, притворно проповѣдуя ихъ иногда словами, обкладывая себя такими книгами; но такъ усердно и прилежно разсѣвать ихъ чрезъ такое множество книгъ въ народѣ-было бы точно притуплять свои орудія и дѣйствовать совершенно противъ себя; что можно провѣдать о свойствахъ и поведеніи составляющихъ общество, и увидѣли бы, что они не хуже лучшихъ изъ прочихъ; и что тѣ которые въ службѣ изъ нихъ отправляютъ ее не хуже и не съ меньшимъ усердіемъ, нежели другіе. Что можно нечаянно схватить наши бумаги.

При семъ-то графъ, который меня лично столько же любилъ, сколько былъ противъ общества нашего и правилъ его, а по связямъ большой близости своей тогдашней ко двору многое зналъ и во многомъ скрытно участвовалъ, и при семъ дѣлѣ сказалъ мнѣ: «Какія же схватить бумаги, когда ты ихъ сожжешь?»—«Почему жъ», говорю, думать, что ихъ жгутъ?»—«Да ты первой», отвѣчалъ онъ мнѣ, «сжегъ, предъ пріѣздомъ сюда Безбородьки съ Архаровымъ».

Я истинно даже и забылъ, что жегъ бумаги, какъ описывалъ выше, и долго увѣрялъ его, что этого не бывало; но онъ разсказалъ мнѣ даже почти часы тѣ и положеніе мѣста. Я вспомнилъ и разсказалъ ему, что такое подлинно было и что совсѣмъ напротивъ: что я жегъ только самое ненужное и напрасно занимавшее у меня ящики, а самое интересное и нужное у меня цѣло, и я

---

[5]) Графъ А. Г. Орловъ по женѣ своей († 1784) находился въ родствѣ съ Лопухинымъ.

могу то доказать. Однако, онъ, при всей любви своей ко мнѣ и отлично-хорошемъ обо мнѣ заключеніи, этому не вѣрилъ и умеръ съ тѣмъ.

Вотъ какъ откровенность коварствомъ, и самое обыкновенное, ничего незначущее дѣйствіе, важнымъ и злымъ казаться могутъ.

Наконецъ, въ Апрѣлѣ 1792 года рѣшилось много разъ и нѣсколько лѣтъ предпріемлемое пораженіе нашего общества [6]).

Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, также типографію и книжные магазины Новикова и домы его наполнили солдатами, а онъ изъ Подмосковной взятъ былъ подъ тайную стражу съ крайними предосторожностьми и съ такими воинскими снарядами какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы.

Остро и смѣшно при семъ случаѣ сказалъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій князю Прозоровскому, который ему разсказывалъ о важности ареста Новикова и о всѣхъ своихъ къ тому распоряженіяхъ: «Вотъ расхвастался, какъ городъ взялъ! Старичонку, скорченнаго гемороидами, взялъ подъ караулъ; да одного бы десятскаго, или будошника, за нимъ послать, такъ бы и притащилъ его».

Новиковъ содержался недѣли три въ Москвѣ и потомъ отвезенъ окольными дорогами въ Шлиссельбургъ. Его везли на Ярославль и на Тихвинъ. Приставу отъ князя Прозоровскаго предписано было съ особливою опасностію проѣзжать Ярославль, потому-де, что въ немъ

---

[6]) Умонастроеніе Екатерины за это время выражено въ письмахъ ея къ Гримму отъ 4 и 14 Апрѣля 1792 года: „Якобинцы всюду разглашаютъ, что они меня убьютъ; три или четыре человѣка уже отправлены ими для этой цѣли. Мнѣ со всѣхъ сторонъ присылаютъ ихъ примѣты. Думаю, что если бы они дѣйствительно имѣли это намѣреніе, то не кричали бы о томъ такъ, что слухи доходятъ до меня. Въ Варшавѣ Маззей побился объ закладъ, что 3-го Мая меня не будетъ въ живыхъ, а меръ Петіонъ увѣрялъ, что къ 1-му Іюня я уже буду на томъ свѣтѣ... Увѣряютъ меня, будто Вольтеръ проповѣдывалъ такое ученіе. Вотъ какъ дерзко клевещутъ на людей.“ Екатерина пишетъ полу-шутя; а между тѣмъ она принимала свои мѣры. У Храповицкаго, подъ 8-мъ числомъ Апрѣля 1792 г., записано: „Секретный указъ здѣшнему губернатору, чтобы искать Француза (Басевиля), проѣхавшаго черезъ Кенигсбергъ 22 Марта нашего стиля съ злымъ умысломъ на здравіе Ея Величества. Взяты предосторожности на границѣ и въ городѣ. Даны указы Кашкину и Токареву, чтобъ строго смотрѣть за пріѣзжающими въ Царское Село и Софію, а паче за иностранцами.“ Въ Парижѣ образовался такъ называемый „легіонъ цареубійцъ“. 1-го Марта этого года послѣдовала загадочная кончина энергическаго и благоразумнаго императора Леопольда II-го; 5 Марта, по сосѣдству съ Петербургомъ, заколотъ Густавъ III-й. Если справедливо показаніе гр. Ростопчина, читавшаго въ кабинетѣ Екатерины бумаги о Московскихъ Мартинистахъ и увѣряющаго, что въ числѣ этихъ

была нѣкогда масонская ложа, подъ покровительствомъ бывшаго тамъ генералъ-губернаторомъ Алексѣя Петровича Мельгунова, котораго тогда и съ ложею уже нѣсколько лѣтъ на свѣтѣ не было. Я описываю подробности сіи для того, чтобъ представить, какъ дѣйствовали. Можно прямо сказать, что съ тѣнью своею сражались.

Въ Петербургъ Новиковъ ни на часъ привезенъ не былъ [7]), а извѣстной Шешковской ѣздилъ его допрашивать въ Шлиссельбургъ. Мѣсяца три ничего не открывалось о томъ, что̀ тамъ происходило, и вдругъ князь Прозоровской получилъ секретной имянной указъ, чтобъ князя Николая Никитича Трубецкаго, Ивана Петровича Тургенева и меня, какъ главныхъ сообщниковъ, допросить, по приложеннымъ отъ Государыни пунктамъ, и потомъ объявить намъ ссылку на житье въ дальнихъ отъ Москвы деревняхъ, подъ присмотромъ и безъ выѣзду изъ тѣхъ губерній, въ которыя мы отправимся.

Тургенева не было тогда въ Москвѣ. Послѣ очень скораго окончанія въ одно утро допроса Трубецкому, призвалъ для онаго же Прозоровской меня къ себѣ. Я очень спокойно принялъ этотъ призывъ и поѣхалъ съ присланнымъ за мною его генеральсъ-адъютантомъ, которой, крайне удивляясь моему спокойству, простодушно говорилъ мнѣ, что онъ, видя меня, совершенно увѣренъ въ моей невинности. Спокойство мое не заслуживало удивленія; ибо оно подлинно, при невинности, естественно было, и напрасно многіе думаютъ, что безъ вины страдать тяжелѣ: при чувствахъ совѣсти вина̀, конечно, тяжелѣ казни, а невинность въ человѣкѣ немалодушномъ или торжествуетъ, или спокойна.

Безпокоила меня только мысль о томъ, что происходящее со мною можетъ поразить отца моего, которой тогда имѣлъ уже ококо девяноста лѣтъ и, лишенный зрѣнія, былъ въ крайней слабости тѣла, кромѣ головы, коей здравость сохранилась въ немъ почти до послѣдняго часа его жизни, а для того и старался я все отъ него скрывать.

Князь Прозоровской приступилъ къ допросу моему съ весьма строгими изъясненіями о важности дѣла. Я имѣлъ честь быть главною

бумагъ находились повинныя тѣхъ лицъ, которыя за тайнымъ ужиномъ метали между собою жребій, кому посягнуть на жизнь Государыни, то арестъ Новикова (22 Апрѣля) весьма понятенъ. Къ тому же это было время самыхъ напряженныхъ отношеній между Екатериной и ея сыномъ, которому твердили изъ Берлина объ его правахъ на престолъ.

[7]) Графъ Ростопчинъ положительно говоритъ, что Новикова привозили въ Петербургъ (Р. Арх. 1875, III, 77), что̀ подтверждается Дневникомъ Храповицкаго, гдѣ сказано, что только 1-го Августа послѣдовалъ указъ о содержаніи Новикова въ теченіи 15-ти лѣтъ въ Шлюссельбургской крѣпости. Не въ Москвѣ же все съ 22 Апрѣля онъ содержался.

цѣлью его сіятельства. Онъ ожидалъ раскрыть во мнѣ превеликаго злодѣя государственнаго и надѣялся, что доведется меня арестовать, что̀ ему позволено было, естьли бъ открылось что-нибудь важнѣйшее изъ нашихъ допросовъ и изъ бумагъ, кои велѣно было отъ насъ отобрать. Но какъ уже было предубѣжденіе, что бумаги сожжены, то въ вопросныхъ пунктахъ сказано было только, чтобъ мы при семъ представили наши бумаги, подъ страхомъ смертной казни за малѣйшую утайку.

И такъ ласкаясь, что доведется оказать со мною всевозможныя строгости, князь Прозоровской призвалъ къ себѣ въ Петровской подъѣзной дворецъ, гдѣ онъ тогда жилъ и гдѣ все сіе происходило, оберъ-полицмейстера [*]) очень скрытно и посадилъ его одного въ особую комнату, часу въ пятомъ послѣ обѣда, въ которомъ и я къ нему пріѣхалъ. Занимаясь со мною, забылъ князь объ оберъ-полицмейстерѣ, которой, въ ожиданіи приказа, просидѣлъ одинъ до полуночи безъ свѣчъ: забыли, или не смѣли ихъ къ нему внести, а это дѣлалось уже въ Августѣ. Князь, противъ чаянія своего, не нашедъ ему упражненія со мною, отпустилъ его домой съ извиненіемъ, что такъ продержалъ его. Это мнѣ сказывалъ самъ тогдашній оберъ-полицмейстеръ, признаваясь, что не одну сотню бранныхъ словъ, которыхъ непристойно пересказывать, отпустилъ онъ въ потемкахъ намъ съ княземъ Прозоровскимъ.

Предисловіе князя сего къ допросу было предлинное, гораздо свысока и жестко. Наскучивъ, сказалъ я ему, что когда онъ имѣетъ отъ Государыни указъ и вопросные мнѣ пункты, то, я думаю, ему слѣдуетъ только по нимъ исполнять, а отъ себя прибавлять, кажется, излишній только трудъ для него будетъ: прошу мнѣ дать пункты, такъ я буду отвѣчать.—«Очень хорошо», говорилъ онъ, спрашивая меня, самъ ли я буду писать отвѣты, или позвать секретаря, и весьма уже смягчился.—«Я бы желалъ самъ писать, ежели можно», сказалъ я, «но только не знаю, не много ли будетъ помарокъ».—«Тѣмъ лучше», отвѣчалъ онъ мнѣ: «ибо мнѣ приказано прислать отвѣты ваши въ чернѣ, и точно въ такомъ видѣ, какъ они напишутся». И подлинно, ему такъ предписано было.

Все сіе происходило у насъ съ нимъ наединѣ, въ его кабинетѣ. Я сѣлъ за его бюро и началъ писать на лучшей съ золотымъ обрѣзомъ приготовленной для того бумагѣ, очень по рукѣ очиненными перьями. Онъ давалъ мнѣ на особливыхъ листахъ списанные пунктъ за пунктомъ такъ, чтобъ, отвѣчая на одинъ, не зналъ я содержанія слѣдующаго. Всѣхъ пунктовъ было, помнится, осьмнадцать, а въ

[*]) Это былъ Павелъ Михайловичъ Глазовъ.

отвѣты на нихъ исписалъ я кругомъ 20 листовъ, и безъ одной помарки; въ двухъ мѣстахъ поправилъ только по одному слову, поставя тѣ, которыя мнѣ казались складнѣе. Сего, конечно, при всемъ самолюбіи, нельзя мнѣ приписать моему искусству или уму.

Вопросы сочинены были очень тщательно. Сама Государыня изволила поправлять ихъ и свои вмѣщать слова. Все мѣтилось на подозрѣніе связей съ той ближайшею къ престолу особою, какъ я упоминалъ выше; прочее же было, такъ сказать, подобрано только для расширенія завѣсы.

Въ четвертомъ или пятомъ пунктѣ начиналась эта матерія, и князь Прозоровской, отдавая мнѣ его дрожащею, правда немножко, рукою, такимъ же голосомъ говорилъ: «Посмотрю, что̀ вы на это скажете?» — «О! на это отвѣчать всего легче», сказалъ я и написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сіе, конечно, участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной особы. Князь Прозоровской, прочитавъ отвѣтъ сей, съ чрезвычайною досадою бросилъ листъ на бюро и, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: «Что̀ жъ, развѣ злыхъ-то умысловъ не было у васъ?»—«Да какъ же быть-то! Не было», холодно я отвѣчалъ ему, сидя за бюро.

Онъ далъ мнѣ для отвѣта слѣдовавшій за тѣмъ пунктъ и пошелъ ходить по комнатѣ, которая была пребольшая. Отошедъ отъ меня такъ далеко, что думалъ, я не могу слышать, говоритъ про себя: «Не такъ бы съ ними надобно».—Подходя ближе ко мнѣ, говоритъ будто про себя, однако такъ, чтобъ я слышалъ: «Теперь Новиковъ-то здѣсь, такъ съ нимъ можно тотчасъ и свести». Признаюсь, что симъ удалось ему на нѣсколько минутъ смутить меня, не для того, чтобъ я боялся очной ставки съ Новиковымъ, которой, конечно, также невиненъ былъ, какъ и я; но, представивъ себѣ, что его привезли въ Москву, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія въ Тайной Экспедиціи, изнуреннаго, обросшаго бородою, можетъ быть, окованнаго, прискорбно было ожидать такого тутъ свиданья съ человѣкомъ, котораго я всегда очень любилъ и съ коимъ такъ долго былъ въ самомъ короткомъ знакомствѣ.

Послѣ сихъ розыскныхъ стратагемъ князь Прозоровской, подошедъ къ бюро, за которымъ я писалъ свой отвѣтъ, говоритъ мнѣ: «Новиковъ-то вить во всемъ признался».—«Не сомнѣваюсь», отвѣчалъ я ему; «я думаю, что Новиковъ также невиноватъ; а естьли въ чемъ виноватъ, то, конечно, признался: онъ не дуракъ и боится Бога».

«Однако», говорилъ мнѣ князь Прозоровской, «съ Французами-то вы имѣли переписку?»—«Кто?» спросилъ я.—«Вы, и имянно вы, сирѣчь, ты».—«Имѣлъ», отвѣчалъ я. Обрадовался мой князь и съ весе-

лымъ вдругъ лицемъ, самымъ ласковымъ тономъ, продолжалъ: «Это хорошо, что вы чистосердечны, да и дѣло уже извѣстное. Скажи, пожалуй, о чемъ же и когда вы къ нимъ писывали?» — «Не упомнишь», отвѣчалъ я, «всего, о чемъ и когда».—«Однако, сколько можешь вспомнить».—«Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобъ прислать табаку, вина̀, конфектъ, сукна какого-нибудь, игрушекъ въ подарки дѣтямъ».—«Вы шутите», осердясь, говорилъ мнѣ князь. «Къ какимъ же Французамъ вы писывали это?»—«Къ лавочникамъ здѣшнимъ, а то къ какимъ же?»— «Нѣтъ, вы были въ перепискѣ съ Якобинцами».—«А ваше сіятельство бывали съ ними въ перепискѣ?» — «Можетъ ли это быть, чтобъ я съ ними переписывался?» говорилъ онъ.— «Такъ знайте жъ», сказалъ я ему, сидя и гораздо не учтивясь, что въ чести, въ вѣрности къ Государю и отечеству я никакъ вамъ не уступлю, и не смѣйте мнѣ дѣлать такихъ вопросовъ!»

Князь, очень сбавивши своего жару, говорилъ мнѣ: «Что жъ ты эдакъ на меня нападаешь: вить не я; Государыня объ этомъ тебя спрашиваетъ!» — «Гдѣ же этотъ вопросъ?»—«Вотъ будетъ».—«А я буду отвѣчать».— «Чтó жъ отвѣчать будешь, скажи пожалуй?»—«Тогда увидите».—«Лучше, скажи, пожалуй, прежде: такъ, можетъ быть, мы и посовѣтуемся», и очень прилежно уговаривалъ меня разсказать ему напередъ этотъ отвѣтъ. «Скажу вамъ только», отвѣчалъ я, «что ежели Государыня изволитъ меня объ этомъ спрашивать, то я, конечно, въ отвѣтѣ своемъ ей шутить не буду; и чѣмъ онъ будетъ серіознѣе, тѣмъ основательнѣе отразится клевета».

Я продолжалъ писать отвѣты и, ни въ одномъ пунктѣ не нашедъ такого вопроса, сказалъ князю Прозоровскому, что такой поступокъ съ его стороны слишкомъ явно доказываетъ неблагорасположеніе его ко мнѣ и не принесетъ ему, конечно, никогда славы.—«Да», говорилъ онъ, «въ присланныхъ отъ Государыни пунктахъ нѣтъ такого вопроса; но мнѣ поручено спрашивать, о чемъ я разсужу, естьли бъ того и не было въ тѣхъ пунктахъ».—«Такъ ваше сіятельство очень несправедливо разсудить изволили», отвѣчалъ я ему; «и еще вамъ скажу, что въ обязанностяхъ вѣрнаго подданнаго и сына отечества не уступлю я ни вамъ, никому; а образъ спрашиванья вашего неоспоримо открываетъ личное недоброжелательство». Замолчалъ, однако, князь мой.

Описываю только главныя черты обращенія со мною князя Прозоровскаго; все же описывать было бы слишкомъ пространно и не весьма интересно. Но описываю точно, какъ было, и какъ самъ онъ, конечно, призна́ется, еще здравствуя и въ по-

лезнѣйшихъ, вѣроятно, стратагемахъ упражняясь теперь на берегахъ Дуная [9]).

Одно еще обстоятельство отмѣнно характеристическое съ его стороны при оныхъ допросахъ разсказать надобно.

Въ тѣхъ же годахъ была въ Германіи секта подъ именемъ Иллюминатовъ, подлинно вредная и намѣреніями своими противная Христіанству и властямъ. Незнающіе смѣшивали съ нею общество наше, которое совершенно противныхъ было правилъ, и у насъ даже сочиненъ былъ планъ, какъ остерегаться отъ всякаго прикосновенія оной секты, и мѣры къ сему прилежно внушены были каждому члену. Планъ сей въ главномъ правленіи общества нашего сочинялъ я.

Во время допроса князь Прозоровской говоритъ мнѣ, что мы Иллюминаты. Я ему отвѣчалъ, что мы не только не они, да мы ихъ непріятели и, зная всю вредность этой секты, постановили самыя строгія мѣры осторожности отъ нея, чему и планъ, за нѣсколько лѣтъ назадъ мною сочиненный, привезу я къ нему, хотя сейчасъ черной, писанный моей рукою. «Очень хорошо», сказалъ онъ, «завтра привезите». Привезъ я завтра. Это было въ другой день моей съ нимъ допросной бесѣды. Прочитавъ бумагу мою, князь мнѣ ее возвращаетъ, говоря, что она «ничего не значитъ».—«Она только то значитъ, что мы не Иллюминаты», отвѣчалъ я; «такъ прошу принять ее въ оправданіе».—«Пусть вы не они», говорилъ мнѣ Прозоровской, «да все тоже».—«Уже какъ скоро это доказываетъ, что мы не Иллюминаты, какими насъ считаютъ, то естественно доказываетъ и ложность заключенія объ насъ; слѣдовательно, и оправдываетъ», говорилъ я. «Но еслибъ это мнѣ и казалось только оправданіемъ, то я думаю ваше сіятельство должны отъ меня принять эту бумагу: ибо я не думаю, чтобъ было намѣреніе только винить насъ».—«Не приму», отвѣчалъ онъ мнѣ рѣшительно.

Между тѣмъ, продолжая писать отвѣты, увидѣлъ я, что въ одномъ вопросѣ сказано, чтобъ я при семъ представилъ всѣ мои бумаги, подъ опасеніемъ наистрожайшей казни за сокрытіе хотя одной. Тутъ я обрадовался, что Прозоровской не принялъ отъ меня той бумаги, потому что онъ, съ расположеніемъ своимъ, могъ бы ее, принявъ особо, и утаить; а то я подумалъ про себя: принужу тебя, князь, принять эту бумагу, и такимъ образомъ, что уже нельзя будетъ тебѣ скрыть ее. Замолчавъ объ ней, спрашивалъ я его: «Какъ же могу я при семъ представить всѣ мои бумаги? Ихъ со мною нѣтъ, и такъ ихъ

---

[9]) 1 Генваря 1809 года. *Примѣч. автора.* Кн. Прозоровскій былъ тогда главнокомандующимъ въ войнѣ съ Турками. И такъ Записки Лопухина начаты еще въ 1808 г. Письмо его къ В. А. Жуковскому съ приложеніемъ рукописной книги Записокъ помѣчено 15 Іюня 1809 г.

много, что я всѣмъ имъ и реестра въ скоромъ времени сдѣлать не могу».—«Да это и не нужно», говорилъ онъ мнѣ, «а вы ихъ привезите послѣ; только всѣ и за вашею печатью».

На другой день поутру привезъ я ихъ къ нему безъ разбору, запечатанныя въ нѣсколькихъ большихъ пакетахъ. Когда онъ ихъ принялъ, то я, вынувъ изъ кармана ту неугодную ему бумагу, просилъ особо ее принять. «Я уже вамъ сказалъ, что не приму ея», отвѣчалъ онъ мнѣ, «и никакъ отнюдь не приму», и, оборотясь къ случившемуся тутъ по тому же дѣлу князю Н. Н. Трубецкому, говоритъ ему: «Помилуй, уговори его! Навязываетъ на меня эту бумагу; къ чему она?» Трубецкой не поддержалъ меня. Однако я, продолжая мнимое свое для нихъ упрямство, говорилъ кн. Прозоровскому: «За что такъ особливо не нравится эта бумага вашему сіятельству?»—«Она ничего не значитъ, и я уже сказалъ, что не приму ея», отвѣчалъ онъ мнѣ. «Такъ позвольте же сказать», продолжалъ я: «вы должны ее принять, какая бъ она ни была. Когда Государыня приказываетъ представить мнѣ всѣ мои бумаги, то я обязанъ всѣ ихъ отдать, а вы обязаны принять». Одумался князь и, съ нѣкоторою торопостію принимая ту бумагу отъ меня, говорилъ: «Извольте, я ее приму, если то вамъ непремѣнно надобно». Когда онъ принялъ, то я просилъ его дозволить мнѣ въ отвѣтахъ моихъ прибавить, что я, въ исполненіе требованія, отдалъ ему всѣ бумаги. «За чѣмъ же?» говорилъ онъ. «Государыня мнѣ и безъ того вѣритъ.»—«Не сомнѣваюсь», отвѣчалъ я, «но признаюсь, что я немножко педантъ и въ приказной службѣ къ формамъ сдѣлалъ привычку».—«Пожалуйте, позвольте!» Онъ вынулъ изъ бюро своего тетрадь моихъ отвѣтовъ, и я въ ней приписалъ, что отдалъ ему всѣ мои бумаги, и въ какой формѣ. О врученіи же ему спорной оной описалъ особо, представя обстоятельно ея содержаніе и причину, для чего я вручилъ ему ее особливо.

Отвѣты писалъ я два дни, въ которые отдыху мнѣ было только что въ первой ѣздилъ ночевать домой, а въ другой обѣдалъ у князя Прозоровскаго, и обѣдъ нашъ точно представлялъ трапезу Тайной Экспедиціи. Кромѣ княгини-хозяйки [10]) сидѣли за нимъ только служители сей экспедиціи и хозяйскіе адъютанты, которые во все это время одни и въ домѣ его находились; ибо онъ тогда не принималъ никого, даже губернатора. Однако въ кабинетъ никто изъ нихъ не входилъ, и мы со лбу на лобъ съ княземъ Прозоровскимъ бесѣдовали въ немъ по крайней мѣрѣ часовъ двадцать. Во всѣхъ вопросахъ важнѣйшее было, какъ я описывалъ, о связяхъ съ оною ближайшею къ престолу особою, и еще поважнѣе два пункта: 1) Для чего общество наше

[10]) Анна Михайловна, дочь Екатерининскаго приверженца кн. М. Н. Волконскаго.

было въ связи съ герцогомъ Брауншвейгскимъ [1]) и въ чемъ состояла наша съ нимъ переписка? 2) Для чего имѣли мы сношенія съ Берлинскими членами подобнаго общества въ то время, когда мы знали, что между Россійскимъ и Прусскимъ дворами была холодность?

На первое отвѣчалъ я, что хотя, по вступленіи моемъ въ наше общество, не было уже никакихъ отношеній къ герцогу Брауншвейгскому, но извѣстно мнѣ, что оныя ни въ чемъ иномъ состояли, какъ въ церемоніальныхъ къ нему отзывахъ, по обрядамъ извѣстнаго масонства, въ коемъ былъ онъ тогда титулярнымъ начальникомъ нѣкоторыхъ ложъ въ Европѣ; а что̀ касается до содержанія переписки съ нимъ, то я объ ней только то помню, что нечего помнить.

На второе: что хотя съ Берлинскими сообщниками никогда въ перепискѣ не было ни одного слова, касающагося до политики; но когда узнали мы о холодности между дворами, то всякая съ ними переписка пресѣклась, что̀ можетъ быть доказано всякимъ изслѣдованіемъ и подлинными бумагами.

Прочіе вопросы сочинены были, какъ я уже сказалъ, только для расширенія той завѣсы, которая закрывала главной предметъ подозрѣнія; а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ. Спрашивали, на примѣръ: гдѣ собирались, для чего скрытно отъ полиціи, объ обрядахъ, о числѣ ложъ, о составлявшихъ оныя и тому подобное. На все отвѣчалъ я со всею искренностію и очень подробно. Нигдѣ, по совѣсти, не обвинялъ я ни себя, ни общества. Вездѣ изъяснялъ пользу цѣли его и упражненій. Что жъ касается до скрытности отъ полиціи, то писалъ я, что не можно правосудно почитать бывшія наши собранія отъ нея тайными, когда не только она про нихъ знала, но въ праздничныя собранія и команду давала для порядка въ разъѣздѣ и проч.

Заключилъ я отвѣты свои обращеніемъ прямо къ лицу Государыни въ слѣдующихъ словахъ: «Всѣ бумаги отдалъ, ничего важнѣйшаго даже забвеніемъ не сокрылъ и проч. Государыня! Я не злодѣй. Мать Отечества! Я одинъ изъ вѣрнѣйшихъ Твоихъ подданныхъ и сыновъ его. Мать моя! Я исполненъ нѣжнѣйшею къ Тебѣ любовію. Никогда мысль одна противъ Тебя не обращалась въ душѣ моей. Никогда не упражнялся я въ томъ, гдѣ бы не только находилъ, но даже подозрѣвалъ хотя одну тѣнь криминальнаго. Свидѣтель сему

---

[1]) Извѣстный полководецъ, въ то время понапрасну озлобленный противъ Екатерины за погибшую въ 1787 г. въ замкѣ Лоде, подъ Ревелемъ, дочь свою (родную бабку великой княгини Елены Павловны).

Царь Царей, Господь Богъ мой, Спаситель, надежда и утѣшеніе. Сіе чистосердечное исповѣданіе мое печатлѣю я слезами. Не слезами страха и ропота, Государыня: ибо я не дерзаю и усумниться въ правосудіи и милосердіи Твоемъ, и ежели дѣло сіе не во всѣхъ еще отношеніяхъ изслѣдовано, или буде существуетъ какая на меня клевета, то я твердо увѣренъ, что все исчезнетъ отъ единаго воззрѣнія Твоей прозорливости на сіе чистосердечное мое исповѣданіе. И такъ не слезами страха и ропота печатлѣю его, но слезами чувствительности сердца, во всей полнотѣ ощущающаго невинность свою и любящаго, смѣю сказать, добродѣтель. Твой вѣрный по гробъ подданный *И. Лопухинъ*».

Долго помнилъ я всѣ мои отвѣты, такъ что могъ бы записать ихъ почти отъ слова до слова; но я столько усталъ отъ упражненія въ оригинальномъ ихъ сочиненіи, что очень много дней послѣ того приняться за перо была самая тяжкая для меня работа. Заключеніе же оное вытекло изъ такого сильнаго во мнѣ впечатлѣнія, что я никогда не могъ его забыть. Писавъ его, я подлинно плакалъ — обливался, можно сказать, слезами, и точно отъ причинъ въ немъ изображенныхъ. Князь Прозоровской, любитель и любимецъ жестокосердой Беллоны, не короткое, кажется, имѣя знакомство съ такими слезами, не видавъ что́ я пишу, а видя только, что плачу, обрадовался, подумавъ, что я наконецъ струсилъ и началъ меня успокоивать: «Укрѣпитесь! Чего вы робѣете?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ я, «робость очень далеко отъ меня, и я плачу не отъ нея».—«Отъ чего же?»— «Увидите изъ того, что́ я пишу».

Окончавъ, подалъ я ему, и когда онъ дочиталъ до словъ: «буде существуетъ какая на меня клевета», то, измѣнясь въ лицѣ, говорилъ мнѣ: «Ежели вы тутъ обо мнѣ разумѣли, то напрасно.»—«Нѣтъ, ваше сіятельство», отвѣчалъ я: «писавши это, я истинно на васъ не мѣтилъ, какъ и то правда, что ожидалъ, что возмете вы это на свой счетъ.» Сіе точно я думалъ писавши, и останавливался, опасаясь, въ размягченныхъ тогда сильно чувствахъ моихъ, оскорбить его.

«Почему жъ ожидали вы того?» спрашивалъ онъ меня.—«Какъ чистосердечно увѣряю», отвѣчалъ я, «что не цѣлилъ я на васъ, писавши о клеветѣ, также признаюсь, что считаю васъ большимъ мнѣ непріятелемъ, и справедливость моего заключенія могу доказать очень основательно». Тутъ я говорилъ ему о томъ, какіе онъ отъ себя выдумывалъ вопросы, какъ старался меня запутывать и проч.

Сія сцена была послѣдняя нашихъ допросовъ. Былъ при ней и князь Николай Никитичъ Трубецкой, котораго онъ призвалъ тогда для объявленія намъ вмѣстѣ указа о ссылкѣ. Послѣ онаго изъясненія

со мною, князь Прозоровской объявилъ намъ указъ сей, коимъ рѣшалось все вообще дѣло, прочитавъ изъ него только то, что касалось до нашего осужденія и показавъ намъ подпись на немъ Государыни. Всего же содержанія не читалъ. Мнѣ оное случилось уже прочесть лѣтъ чрезъ десять послѣ и, признаюсь, что читалъ съ превеликимъ негодованіемъ, коего во все производство надъ нами суда и по выслушаніи самаго незаслуженнаго мною приговора и тѣни во мнѣ не было. Можно поистинѣ сказать, что весь указъ составленъ былъ только изъ словъ, подобранныхъ для распещренія покрова обвиненія невинности.

Князь Прозоровской, по снисхожденію къ товарищу моему, князю Трубецкому, и потому, что онъ находился тогда при должности въ казначействѣ, о сдачѣ коей ничего предписано не было при указѣ о ссылкѣ, которой шелъ по Тайной Экспедиціи, далъ ему десять дней времени прожить здѣсь для распоряженія своихъ дѣлъ, въ ожиданіи возвращенія курьера, котораго онъ отправитъ съ нашими отвѣтами, и при томъ спросится о смѣнѣ князя Трубецкаго. А мнѣ сказалъ: «Вы, вить, не въ службѣ, такъ можете скоро отсюда выѣхать.» — «Очень бы скоро могъ и выѣхалъ», отвѣчалъ я, «естьли бъ не нужно мнѣ было подумать, какъ объявить отцу, лежащему почти на смертномъ одрѣ; а при томъ мнѣ около сорока лѣтъ; одинадцать жилъ сряду въ Москвѣ, такъ и у меня натурально также должны быть дѣла, которыя бы распорядить надобно».

Князь Прозоровской позволилъ мнѣ пробыть въ Москвѣ десять же дней.

Я бы скорѣе выѣхалъ; но писавъ мои отвѣты, и особливо ихъ заключеніе, я точно ожидалъ, по какому-то неизъяснимому предчувствію, что Государыня, прочитавъ ихъ, перемѣнитъ свои мысли; хотя она уже рѣшило дѣло, не ожидая отвѣтовъ, которые трудно придумать, для чего и требовались, ибо осужденіе уже было сдѣлано. Надеждою перемѣны сей ласкался я совсѣмъ не для того, чтобъ не ѣхать въ ссылку, которую принялъ я очень равнодушно, не ставилъ ея себѣ въ безчестье, почитая всегда стыдъ въ винѣ, а не въ наказаніи, и въ иныя минуты даже радовался ею, какъ отдыхомъ и удаленіемъ отъ всѣхъ тѣхъ подысковъ, которые мнѣ въ столько лѣтъ уже наскучили; но прискорбно мнѣ было разстаться съ отцемъ, привыкшимъ, въ глубокой его старости и болѣзняхъ, къ моей помощи. Я думалъ, что все происшедшее и скрыть можно будетъ отъ него навсегда, ежели ссылка моя отмѣнится.

Для сего-то съ удовольствіемъ питался я мечтаніемъ этой отмѣны и неравнодушно ожидалъ возвращенія курьера, отправленнаго съ на-

шими отвѣтами, располагая, что ежели быть перемѣнѣ рѣшенія, то она послѣдуетъ тотчасъ по прочтеніи отвѣтовъ, или никогда. Князь Прозоровской, посылая отвѣты мои и князя Трубецкаго, писалъ, что онъ посылаетъ два отвѣта совсѣмъ въ разномъ вкусѣ (это были точныя его слова, какъ я видѣлъ послѣ въ своеручномъ его письмѣ), что князь Трубецкой сильно раскаевается и заслуживаетъ помилованія, а я все скрываю, упорно стою въ своихъ мнѣніяхъ и проч. Однимъ словомъ, такъ меня описалъ, что ссылка была бы для меня подлинно еще большая милость.

Между тѣмъ нужно было приготовиться къ объявленію отцу моему. Оное приняли на себя, по пріязни, графы Орловы (Алексѣй и Ѳеодоръ). Я хотѣлъ, чтобъ объявленіе то сдѣлано было сколько можно позже, ожидая перемѣны. Графъ Алексѣй Григорьевичъ говорилъ мнѣ съ сожалѣніемъ, что я помѣшался, думаетъ онъ, на этомъ пунктѣ: можно ли, чтобъ Государыня отмѣнила указъ, ею подписанный и объявленный? Этого не дѣлала она ни одного разу во все свое царствованіе и не сдѣлаетъ, конечно, никогда. «Я коротко ее знаю», говорилъ онъ мнѣ. Однако я просилъ его подождать до самаго послѣдняго дня, который уже былъ одиннадцатый по объявленіи указа и отсылки нашихъ отвѣтовъ.

Курьеръ не возвращается. Князь Прозоровской торопитъ меня выѣхать, измуча между тѣмъ агентовъ своего шпіонстволюбія подзорами за мною. По разсчету времени, потерявъ уже надежду получить ожидаемое, просилъ я графовъ Орловыхъ объявить отцу моему. Они пріѣхали и объявили ему безъ меня передъ обѣдомъ. Минуты объявленія сего были для меня таковы, что я думаю, немучительнѣе были бы они для меня на эшафотѣ. При всей безпредѣльной любви ко мнѣ и привязанности отца моего, Богъ помогъ ему, точно чудеснымъ образомъ, терпѣливо принять сей ударъ.

Все къ отъѣзду у меня уже было готово: подорожная взята, ввечеру привели почтовыхъ съ тѣмъ, чтобъ на завтра до свѣту мнѣ выѣхать. Но часу въ 12 по полудни прислалъ за мною князь Прозоровской и объявилъ полученный имъ именный указъ, въ коемъ было написано, что Государыня изволила читать наши отвѣты и, вслѣдствіе того, повелѣваетъ: о князѣ Трубецкомъ исполнить точно по данному прежде объ насъ указу, должность же его поручить старшему подъ нимъ, а меня оставить въ Москвѣ.

Государыню тронули отвѣты мои до слезъ, какъ я слышалъ отъ Василія Степановича Попова, который читалъ ихъ предъ нею также въ слезахъ. Тогда не зналъ онъ меня еще и въ лице, а гораздо послѣ познакомясь, разсказывалъ мнѣ это, сказывая при томъ и о многихъ

противъ меня, отъ нѣкоторыхъ, ополченіяхъ, и злыхъ и смѣшныхъ, коихъ я не хочу описывать, чтобъ не черниться ѣдкостью. И недавно, при одномъ случаѣ, писалъ онъ ко мнѣ: «Помню, какъ я плакалъ, читавши ваши отвѣты предъ растроганною Императрицею».

Государыня, съ такими чувствами принявъ мои отвѣты, точно перемѣнила обо мнѣ свое заключеніе и рѣшилась освободить меня отъ ссылки. Но имѣвъ, какъ извѣстно, особливую твердость поддерживать основательность своихъ повелѣній, строго сохранять весь видъ порядка, при такой (и подлинно, можетъ быть, во все ея царство однажды случившейся) отмѣнѣ ея указа, предлогомъ поставила опасность сразить престарѣлаго отца моего, хотя она знала о его состояніи и подписывая указъ о моей ссылкѣ, и гораздо прежде въ нѣсколько лѣтъ ея противъ меня предубѣжденія [12]). Я очень ей извѣстенъ былъ, какъ знала она и то, чей я сынъ.

Легко можно себѣ представить, сколько оставленіе меня въ Москвѣ утѣшило отца моего, и меня для него. Онъ конечно бы и не свѣдалъ ничего о томъ, что́ со мною происходило, еслибъ курьеръ, который отвозилъ наши отвѣты, сутки двое лишнихъ не былъ удержанъ, по причинѣ пребыванія въ то время Государыни въ Царскомъ Селѣ. Всѣ удивлялись случившейся со мною перемѣнѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, можно сказать, пораженъ былъ удивленіемъ, и тѣмъ больше, говорилъ онъ, что правила Государыни очень ему извѣстны. Не хотѣлъ онъ вѣрить, чтобъ я не имѣлъ сильной при дворѣ партіи. И подлинно, у меня была самая сильная—невинность, и одинъ вѣрный ея Покровитель.

Итакъ, я остался въ Москвѣ. Кн. Н. Н. Трубецкой и И. П. Тургеневъ отправились на житье въ деревни. Новиковъ заключенъ былъ на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Студенты Колокольниковъ и Невзоровъ [13]) оставлены также подъ тайною стражею.

---

[12]) Это напоминаетъ другой случай, бывшій за двадцать лѣтъ прежде. М. А. Пушкинъ уличенъ былъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій и осужденъ въ Сибирь. Екатерина приказала не объявлять рѣшенія, пока не разрѣшится отъ бремени и не оправится его супруга. (Слышано отъ ея внуки, Праск. Алексѣевны Пушкиной).

[13]) Они ѣздили въ чужіе краи на моемъ иждивеніи обучаться Медицинѣ и, когда кончивъ ученіе и получа докторскій градусъ, возвращались въ Россію, то, по подозрѣнію на общество наше, взяты были въ Ригѣ и по Тайной Экспедиціи привезены въ Невскій монастырь, оттуда переведены въ Петропавловскую крѣпость, а наконецъ въ секретную больницу, гдѣ Колокольниковъ умеръ; а Невзоровъ, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ, освобожденъ императоромъ Павломъ I съ милостью. Нынѣ служитъ онъ въ Московскомъ Университетѣ надворнымъ совѣтникомъ и особливо извѣстенъ по изданію преполезнаго

Домы Новикова остались подъ арестомъ, также и магазины съ книгами. Разборъ имъ продолжался нѣсколько лѣтъ. Множество сожжено и все почти исчезло. Многимъ участвовавшимъ въ прежде бывшей между нами типографической компаніи нанесло оное крайніе убытки, и мнѣ особливо. Это главная причина долговъ моихъ. Но я не жалѣю, потому что намѣреніе къ издержкамъ было самое доброе. А какъ при арестѣ Новикова запечатаны были въ Москвѣ всѣ Русскія книжныя лавки, при разборѣ коихъ нашлись у нѣкоторыхъ книгопродавцевъ въ продажѣ запрещенныя книги, то книгопродавцы сіи преданы были публичному суду.

До конца 1796 года жилъ я въ Москвѣ очень спокойно, занимаясь попеченіями о престарѣломъ отцѣ моемъ, любимымъ своимъ чтеніемъ [14]), знакомствомъ съ малымъ числомъ добрыхъ друзей и про-

---

журнала подъ именемъ „Друга Юношества", который издаетъ онъ единственно отъ ревностнаго усердія къ общему благу, для распространенія доброй нравственности.

Поступокъ сего Максима Ивановича Невзорова съ извѣстнымъ покойникомъ Степаномъ Ивановичемъ Шешковскимъ въ крѣпости, заслуживаетъ того, чтобъ его разсказать. Невзоровъ былъ боленъ и не могъ отвѣчать, да и нечего отвѣчать было; а Шешковскій думалъ, что онъ упрямится и таитъ нѣчто важное.—„Знаешь ли, гдѣ ты?" говоритъ ему Шешковскій. Невзоровъ: „Не знаю"—Ш. „Какъ не знаешь? Ты въ Тайной".—Н. „Я не знаю, что́ такое Тайная. Пожалуй, схватя, и въ лѣсъ заведутъ въ какой-нибудь станъ, да скажутъ, что это Тайная, и допрашивать станутъ"—Ш. „Государыня приказала тебя бить четвертнымъ полѣномъ, коли не будешь отвѣчать."—Н. „Не вѣрю, чтобъ это приказала Государыня, которая написала Наказъ Коммиссіи о сочиненіи уложенія".—Шешковскій вышелъ съ досадою, и послѣ принесъ записку руки Государыни, коею повелѣвала она Невзорову отвѣчать.—„Я не знаю" говорилъ Невзоровъ, „руки Ея Величества; можетъ-быть вы заставили написать жену свою, да кажете мнѣ ея руку вмѣсто государыниной".—Ш. „Да знаешь ли, кто я?"—Н. „И того не знаю".—Ш. „Я Шешковскій".—Н. „Слыхалъ я про Шешковскаго, а вы ли онъ, не знаю; да впрочемъ мнѣ съ Шешковскимъ никакого и дѣла быть не можетъ. Я принадлежу Университету, и по его уставу долженъ отвѣчать не иначе, какъ при депутатѣ университетскомъ, и проч. Наконецъ принуждены были отвести Невзорова для допроса къ самому первому куратору, Ивану Ивановичу Шувалову. Допросъ былъ неважный, потому что нечего было отвѣчать, какъ не о чемъ было бы спрашивать. *Примѣч. автора.*

[14]) Упражнялся я также, по охотѣ моей къ литературѣ, въ разныхъ переводахъ и мелкихъ сочиненіяхъ. Нашелъ было на меня духъ поэзіи, и я, совсѣмъ не зная ея правилъ и никогда не писавъ стиховъ, переложилъ шесть псалмовъ, обращая все на внутреннюю жизнь обновленія души, которые напечатаны подъ именемъ: *Подражаніе нѣкоторымъ пѣснямъ Давидовымъ.* Естьли бъ нѣчто не отвлекло меня тогда, отъ чего піетическій духъ этотъ во мнѣ скрылся, то бы, думаю, переложилъ и всю Псалтирь въ нѣсколько дней: такъ сильно онъ дѣйствовалъ. Послѣ же не могъ я написать ни одного стиха. *Примѣчаніе автора.*

гулкою пѣшкомъ, которая всегда очень мнѣ полезна была къ сохраненію здоровья и которая также давно, на смѣхъ сказать, подвержена была толкамъ во вредъ моему поведенію, представленному, какъ уже я выше писалъ, небездостойнымъ уваженія въ разсужденіи общественнаго покоя.

Нѣкоторые, доброжелательствуя мнѣ, и даже изъ тѣхъ коимъ тайно порученъ былъ за мною присмотръ, убѣдительно мнѣ совѣтовали оставить привычку мою къ ходьбѣ, какъ навлекающую мнѣ опасность, хотя и безвинно. Я имъ, смѣючись, отвѣчалъ, что не оставлю, и по причинѣ самой основательной. Вѣдь никто изъ смертныхъ, говорилъ я, не можетъ мнѣ больше сдѣлать вреда, какъ лишить меня жизни, чего, вѣроятно, и не случится; а ежели я разнакомлюсь съ ходьбою своею и съ воздухомъ, то вѣрно самъ себя тѣмъ скоро убью.

Пока былъ въ Москвѣ главнокомандующимъ князь Прозоровской, я все окруженъ былъ подсмотрами; только, спасибо, онъ ихъ такъ учреждалъ, чтобъ я не могъ объ нихъ и догадываться, а я не хотѣлъ объ нихъ знать, хотя и очень зналъ. До того даже не безпокоился я симъ, что, зная, что въ собственномъ домѣ моемъ есть подкупленные, и виду о томъ не показывалъ. Однажды вздумалось мнѣ изъ любопытства только поручить моему камердинеру, человѣку очень вѣрному, обстоятельно о томъ развѣдать, но въ туже минуту жалѣя, что и ему сказалъ, строго запретилъ ему исполнять мое порученіе, и совсѣмъ забыть его не только приказывалъ, но просилъ.

И такъ жилъ я довольно спокойно, кромѣ того, что вскорѣ послѣ самой описанной мною развязки нашего дѣла ссылкою въ деревни моихъ товарищей, князя Трубецкаго и Тургенева и оставленіемъ меня въ Москвѣ, правительство Московское сдѣлало ко мнѣ безстыдную привязку, по приказанію ли князя Прозоровскаго, которой тогда, однако, ѣздилъ по губерніи и, возвратясь, увѣрялъ меня, что при немъ бы того не случилось, или въ подлое угожденіе ему, или въ мнимое, далѣе не знаю.

При разборѣ бумагъ Новикова нашли одинъ реестръ, мною подписанной, коимъ требовалъ я, по оставшемуся мнѣ кредиту, при разсчетѣ съ бывшею у насъ типографическою компаніею, на нѣсколько сотъ рублей книгъ, и въ томъ числѣ на семь съ копѣйками запрещенныхъ. Сіе случилось слѣдующимъ образомъ.

Былъ въ Орлѣ священникъ Іоаннъ, который и нынѣ еще живъ, мужъ достойный отличнаго уваженія, по его примѣрной благодѣтельности. Стараніями христіанской любви своей завелъ онъ больницу, богадѣльню, призрѣніе несчастнорожденныхъ младенцевъ и училище. Между прочими къ тому средствами желалъ онъ моей помощи нѣ-

которому въ Москвѣ книгопродавцу. Я бралъ для того книги на свой счетъ, которыя отдавалъ купцу оному, съ уступкою полтины и шести гривенъ отъ рубля. Сіе дѣлалось нѣсколько лѣтъ и обыкновенно такъ, что купецъ принесетъ ко мнѣ реестръ надобныхъ ему книгъ, многихъ десятковъ разныхъ званій, а я, не читая его, подпишу: «Отпустить по сему реестру на столько-то рублей книгъ на мой счетъ». Не имѣлъ я и никакой надобности читать, бывши тутъ не продавцемъ, а покупщикомъ книгъ, совсѣмъ не обязаннымъ знать о запрещенныхъ, о коихъ никогда мнѣ и объявляемо не было.

Изъ такихъ-то реестровъ одинъ, упомянутый мною, присланъ былъ съ прочими бумагами въ наряженное надъ книгопродавцами собраніе суда, которое составлено было изъ Уѣзднаго, Надворнаго и Магистрата. Вдругъ мнѣ повѣстка, чтобъ я явился въ оное собраніе. Это было въ 1792 году 17 Сентября. День былъ прекрасной, и я очень спокойно отправился туда пѣшкомъ, заботился только, какъ бы успѣть воротиться домой къ батюшкѣ, которой тотъ день пускалъ кровь, при чемъ я обыкновенно бывалъ.

Вошедъ въ оное нижнихъ судовъ собраніе, я тотчасъ увидѣлъ, что они сами очень нерады своей коммиссіи, и едва могли выговорить причину моего призыва. Я уже старался облегчить ихъ и, не смотря на то, что у нихъ даже и никакой надлежащей формы постановлено не было, взялъ бумаги и тутъ же написалъ прямо на бѣло отвѣтъ листахъ на двухъ кругомъ. Началъ его тѣмъ, что я очень радъ, что мнѣ представляется случай публично оправдать наши дѣла. И подлинно, привязавшись къ этому обстоятельству, говорилъ я о невинныхъ, или лучше сказать, добрыхъ намѣреніяхъ нашихъ въ продажѣ и печатаніи книгъ и пр., словомъ, о всѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ нашего общества. На причину же требованія меня къ суду оправдаться слишкомъ легко было. Отдавъ сей отвѣтъ судьямъ, пошелъ я домой, и они, какъ слышалъ я, прочитавъ его, говорили: «Чтó жъ дѣлать? Онъ уже все рѣшилъ самъ».

Однако, въ тотъ же день заготовилъ я письмо къ Государынѣ съ тѣмъ, что ежели еще отнесутся ко мнѣ по сему дѣлу, то жаловаться ей на такое притѣсненіе, описавъ всю его наглость.

На другой, или на третій, день послѣ того князь Прозоровской, возвратясь въ Москву 22 числа, въ которое праздновали тогда коронацію, зоветъ меня къ обѣденному столу. Послѣ обѣда изъявляетъ свое сожалѣніе о томъ, что меня безъ него обезпокоили, и что не только произошло это не по его приказанію, да онъ уже и пожурилъ гораздо тѣхъ, которые отъ неразумѣнія такую путаницу, какъ говорилъ онъ, надѣлали. Я отвѣчалъ, что не хочу и знать, отъ кого это

шло, и что теперь радъ былъ случаю публично написать то, что я написалъ; но ежели еще хотя мало коснутся до меня, то я пошлю къ Государынѣ письмо, которое и показалъ ему, заготовленное въ чернѣ. Онъ убѣдительно просилъ меня это оставить, увѣряя, что уже больше ни малаго безпокойства я не потерплю.

Между тѣмъ, однакожъ, дѣло производилось, хотя и безъ всякаго ко мнѣ отношенія, и когда, по обыкновенному порядку, пришло на ревизію Уголовной Палаты, то князь Прозоровской настаивалъ, чтобъ непремѣнно обвинить меня. Озлобился на однаго искуснаго и хорошаго судью, которой ему доказывалъ, что обвинить меня никакъ не можно; потому что я точно не продавалъ, а покупалъ запрещенныя книги, въ чемъ по законамъ виновны тѣ, кои отпускали ихъ, бывъ обязаны ихъ не продавать, а не тотъ, кто требовалъ и кому никогда оное запрещеніе объявлено не было, и что, наконецъ, никто съ разсудкомъ не можетъ предположить во мнѣ злаго намѣренія въ дѣлѣ о семи рубляхъ съ копѣйками. Разсердился князь Прозоровской, выгналъ судью, однако послѣ велѣлъ оставить ревизію, чтобъ, по крайней мѣрѣ, не оправдать меня.

Вотъ какъ мнѣ случилось быть и предсѣдателемъ Уголовной Палаты, и подъ судомъ ея, быть подъ судомъ Тайной Экспедиціи и всѣ дѣла ея имѣть въ рукахъ своихъ, при нечаянной въ жизни моей перемѣнѣ, о которой опишу я въ слѣдующей книгѣ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

6 Ноября 1796 года скончалась Екатерина Великая. Кончина ея поразила меня, какъ и всѣхъ усердныхъ сыновъ отечества, коего она была истинная благодѣтельница. Любовь къ славѣ была ея страсть, которой пріятнѣйшая для нея пища была слава Россіи. Величіе ума ея было источникомъ всѣхъ ея великихъ и благотворныхъ дѣяній. Изъ него проистекала и та неподражаемая кротость, коею столь искусно облегчала она бремя полезнаго и необходимаго для пространства Россійскихъ предѣловъ скипетра самодержавія, при которой, однако, въ превосходномъ степени умѣла она содержать подданныхъ въ страхѣ къ ней, безъ робости, и въ ободрительной всегда надеждѣ на нее. Подъ ея державою, при недреманномъ бдѣніи нужной строгости полицейской, всякій, однако, мечталъ иногда себя живущимъ въ полной свободѣ и независимости.

Всѣ ея уставы цѣлію имѣли благоустройство и на человѣколюбіи основаны были. Одна отмѣна пытокъ уже дѣлаетъ имя ея без-

смертнымъ въ бытіяхъ благотворителей человѣчеству. Она первая отринула сію, звѣрской паче, лютость, тиранствомъ изобрѣтенную, и къ стыду просвѣщенными слывущихъ государствъ столь многіе вѣки безплодно терзавшую въ нихъ человѣчество.

Ежели въ тайныхъ ея судахъ гнѣвъ иногда наклонялъ вѣсы правосудія [1]), то сіе дѣйствіе небезгрѣшности, общей и царямъ со всѣми смертными, въ высочайшемъ степени покрывается неизмѣннымъ ея снисхожденіемъ и умѣренностью въ судопроизводствахъ публичныхъ, и всегда пользовалась она прелестнѣйшимъ государей правомъ укрощать строгость законовъ и миловать.

Однимъ словомъ, Екатерина была примѣръ великихъ государей, и царство ея было самое благотворное для Россіи, кромѣ нѣкоторыхъ жертвъ славолюбію, особливо въ войнахъ, коихъ не всегда предметомъ была одна истинная польза и безопасность Имперіи, и еще кромѣ нѣкоего попущенія роскоши, которое почитала она даже долженствующимъ содѣйствовать къ блеску процвѣтанія монархическаго, хотя роскошь, кажется, есть самая опасная зараза для тѣла всякаго народа, неизцѣльно разслабляющая его вообще, и всѣ части его составляющія, порабощеніемъ неизбѣжному игу суетной зависимости.

Дня чрезъ три послѣ перваго въ Москвѣ извѣстія о кончинѣ Государыни, получилъ я отъ друга своего, Сергѣя Ивановича Плещеева, письмо, въ которомъ описывалъ онъ мнѣ всѣ обстоятельства оной и занятія вступившаго на престолъ Императора. Письмо это было длинное. Плещеевъ, при недосугахъ, диктовалъ его, а въ концѣ своею рукою только приписалъ: «Естьли вы намѣрены принять службу, то сообщите о семъ преданнѣйшему вашему другу Плещееву».

Предложеніе его несказанно смутило меня; мнѣ тогда, и особливо такъ скоро, очень не хотѣлось въ службу. Успокоивался я нѣсколько

---

[1]) Прошу читателя не подумать, чтобъ сіе относилось къ описанному въ третьей книгѣ сихъ моихъ Записокъ суду, по Тайной Экспедиціи, надо мною и надъ бывшимъ обществомъ нашимъ. Нѣтъ! Свидѣтель тому Сердцевѣдецъ, равно какъ искренность слѣдующаго мнѣнія. Мы конечно невинны были, но Государыня считала насъ очень виноватыми по вселенному въ нее предубѣжденію, отъ котораго кто же изъ смертныхъ всегда избѣжать можетъ, и какими непроницаемыми иногда стѣнами закрыта отъ царскихъ очей истина, Всевидящему одному всегда извѣстная? И такъ, разсуждая, что въ понятіи Государыни самовластной были мы преступники важные, по справедливости должно признаться, что судъ надъ нами Екатерины былъ весьма милостивой, а продолжавшаяся столько лѣтъ нерѣшимость ея приступить къ оному означаетъ обладаніе движеніями гнѣва своего и кро-

тѣмъ, что, зная его безпредѣльную ко мнѣ дружескую привязанность, былъ я увѣренъ, что онъ ни къ чему не приступитъ безъ моего согласія, и первая моя забота была какъ можно чаще подтверждать ему мою просьбу съ дружескимъ заклятіемъ, чтобъ не только ни словомъ не касаться до вступленія моего въ службу, но и всячески стараться отвратить этотъ жребій, естьли бъ случилось ему на меня падать и безъ его напоминаній. Такъ писалъ я къ Плещееву, не пропуская ни одного знакомаго мнѣ случая, а курьеровъ тогда по нѣскольку изъ Москвы скакало всякой день. Я просилъ, чтобъ матерію о службѣ моей оставить, по крайней мѣрѣ, до личнаго свиданія въ Москвѣ, во время пріѣзду въ нее двора для коронаціи.

Между тѣмъ сообщалъ я Плещееву, который очень близокъ былъ къ Государю, въ дружеской откровенности, мысли мои о разныхъ предметахъ государственнаго правленія и о многихъ, столь быстро, ежедневно дѣлаемыхъ, перемѣнахъ новымъ Императоромъ. Писалъ я, въ самомъ пламенномъ усердіи къ нему и отечеству, много, можетъ быть, и полезнаго. Плещеевъ, находя оное таковымъ же и до пристрастія имѣя ко мнѣ вниманіе, намѣренъ былъ показать Государю мои письма; но, по счастью, время и обстоятельства не дозволили ему скоро того сдѣлать, а послѣ опыты очень ясно открыли, что это бы только безъ пользы могло навлечь гнѣвъ государевъ на него и на меня.

Откровеннѣе и сильнѣе еще собирался я писать съ отправлявшимся въ Петербургъ, по государеву повелѣнію, тогдашнимъ, церкви Іоанна Воина въ Москвѣ, священникомъ, Матвѣемъ Михайловичемъ Десницкимъ, что̀ нынѣ Черниговскій архіепископъ Михаилъ [2]). Сей, по истинѣ, великой въ званіи своемъ мужъ, коего сочиненія весьма

тость, удивленія достойныя. Я слышалъ отъ самаго князя Прозоровскаго, что Государыня нѣсколько разъ говорила ему: „Для чего не арестуетъ онъ Новикова?“—„Тотчасъ, есть ли только приказать изволите“, отвѣчалъ всегда князь.—„Нѣтъ, надобно прежде найти причину“, всегда отзывалась Самодержица, предубѣжденная гнѣвомъ. Кто жъ былъ Новиковъ? Содержатель типографіи, поручикъ отставной, котораго она считала совершеннымъ злодѣемъ. Такая деликатность замѣтна была бы и въ губернаторѣ, досадующемъ въ своей губерніи на человѣка подобнаго состоянія. Но на прим. въ дѣлѣ по Тайной Экспедиціи, о послѣднемъ заточеніи извѣстнаго Ростовскаго митрополита Арсенія, въ 1767 и въ началѣ 1768 года, видно, до чего и Великая Екатерина могла быть на гнѣвъ подвигнута. Сіе дѣло возникло за слова, тогда уже, какъ Арсеній нѣсколько лѣтъ находился въ ссылкѣ, въ монастырѣ Архангелогородской епархіи, лишенъ епископскаго и священническаго сана за представленія противъ отбора монастырскихъ вотчинъ. *Примѣч. автора.*

[2]) Позднѣе митрополитъ Новгородскій и Петербургскій.

извѣстныя въ народѣ, исполненномъ безмѣрной къ нему любви и уваженія, между твореніями учителей Россійской Церкви могутъ сравниваться только съ сочиненіями Дмитрія Ростовскаго и Тихона, перваго епископа Воронежскаго, былъ особливо привязанъ ко мнѣ съ самаго студенческаго его состоянія, и дружбу его, 25 лѣтъ продолжающуюся, почитаю я лестною для себя честію.

Я назначилъ придти ему ко мнѣ проститься и письма взять 25 Ноября по утру; но наканунѣ, поздно въ вечеру, между прочими, съ почты, письмами, получилъ я, въ письмѣ Григорья Григорьевича Кушелева, бывшаго тогда генералъ-адъютантомъ, имянное повелѣніе ѣхать въ Санктпетербургъ и явиться прямо у Государя. Письмо Кушелева дни два пролежало въ Москвѣ на почтѣ, потому что тогда, не имѣя съ Петербургомъ обыкновенной переписки, изъ дому нашего и не ходили на почту въ тѣ дни, когда она изъ столицы сей приходитъ; а ходили за письмами деревенскими изъ Орла и отъ нѣкоторыхъ пріятелей, жившихъ въ семъ городѣ, съ которыми и Кушелева письмо принесли.

Императоръ такъ приказалъ написать ко мнѣ, чтобъ никто о томъ не зналъ. Не знали даже самые ближайшіе при немъ друзья мои, Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ и князь Николай Васильевичъ Репнинъ, котораго также, въ послѣднія 12 лѣтъ его жизни, имѣлъ я счастіе быть первымъ, смѣю сказать, другомъ. Дружбу сихъ двухъ изъ достойнѣйшихъ между смертными считаю я истиннымъ и отличнымъ въ жизни моей счастіемъ. Христіанскія добродѣтели, примѣрное благородство души и рѣдкія дарованія ума Плещеева извѣстны всѣмъ, знавшимъ его безпристрастно. Что же касается до кн. Репнина, то онъ, конечно, былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мужей, о которыхъ чувствованія любви къ высочайшей добродѣтели и почтенія къ истинному геройству съ восхищеніемъ удивленія читаютъ въ исторіи, и коихъ величію не понимающіе возможности его и совершенства добродѣтели не имѣютъ силы вѣрить. Естьли бъ мои правила дозволяли мнѣ давать волю самолюбію, то я не просилъ бы другой на гробѣ моемъ надписи, кромѣ слѣдующей: «Онъ другъ былъ Репнина».

Чрезъ нѣсколько уже дней по отправленіи ко мнѣ указа, Государь сказалъ Плещееву пофранцузски: «Я тебѣ скажу новость. Лопухинъ нашъ. И. В. скоро сюда будетъ. Я послалъ за нимъ». Дружеская связь моя съ Плещеевымъ и съ княземъ Репнинымъ давно была извѣстна Государю, у котораго они были въ особливой довѣренности, когда онъ еще былъ наслѣдникомъ престола; и хотя основаніе связи сей было самое чистое, безкорыстное и весьма удаленное отъ всяческихъ политическихъ видовъ, но она-то была наиболѣе при-

чиною отмѣннаго на меня устремленія, при происшествіи съ бывшимъ нашимъ обществомъ въ 1792 году, которое, однакожъ, тѣмъ чудеснѣе такъ легко, въ разсужденіи меня, кончилось, какъ описано мною въ повѣсти о судѣ семъ.

Потомъ Государь приказалъ еще Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому, которой тогда былъ статсъ-секретаремъ, отписать ко мнѣ съ курьеромъ, чтобъ я скорѣе пріѣхалъ и прямо бы представился Его Величеству, причемъ угодно было Государю приказать, написать ко мнѣ, что отъ него самаго узнàю я о томъ употребленіи, къ коему онъ меня назначать изволитъ, по отличному его ко мнѣ благоволенію и по извѣстнымъ моимъ достоинствамъ.

Чрезъ пять дней послѣ полученія перваго указа отправился я въ Петербургъ. Прискорбно мнѣ было разставаться съ отцомъ моимъ, которой тогда уже не вставалъ съ постели и почти ежечасно требовалъ моей помощи, сдѣлавъ къ ней привычку многихъ лѣтъ. Не только не радовался онъ моей, такъ называемой, фортунѣ, но съ начала досадовалъ на меня, подумавъ, что я самъ ее проискивалъ. Я успокоивалъ его, лаская надеждою скораго возвращенія. Надежда сія подлинно подкрѣплялась во мнѣ чувствомъ, что не рожденъ я ни для какого двора.

4 Декабря 1796 года предсталъ я предъ Павла Перваго. Онъ такъ милостиво меня принялъ и такой имѣлъ даръ приласкать, когда хотѣлъ, что ни съ кѣмъ во всю мою жизнь не былъ я такъ свободенъ при первомъ свиданьи, какъ съ симъ грознымъ Императоромъ. Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, который ввелъ меня въ его кабинетъ и одинъ былъ въ немъ при семъ первомъ моемъ представленіи, удивляясь моей смѣлости, послѣ дружески мнѣ совѣтовалъ обращаться съ Государемъ осторожнѣе. Однако я всегда смѣлъ былъ предъ нимъ и никогда нисколько его не робѣлъ, даже во время самой его холодности ко мнѣ, о которой опишу въ своемъ мѣстѣ.

Въ Государѣ семъ, можно сказать, безпримѣрно соединялись всѣ противныя одно другому свойства до возможной крайности; только острота ума, чудная дѣятельность и щедрость безпредѣльная являлись въ немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно. Пылкость гнѣва его никогда, однакожъ, не имѣла послѣдствій невозвратныхъ. Къ строгости побуждался онъ точно стремленіемъ любви, правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда въ глазахъ его предубѣжденіемъ. Сильное впечатлѣніе въ нравъ его дѣлало, конечно, то, что отъ самаго дѣтства напоенъ онъ былъ, такъ сказать, причинами къ страхамъ и подозрѣніямъ, и что безмѣрная дѣятельность его стѣснялась невольнымъ бездѣйствіемъ до тѣхъ немолодыхъ уже лѣтъ, въ кото-

рыхъ вступилъ онъ на престолъ. Я увѣренъ, что при рѣдкомъ государѣ больше, какъ при Павлѣ I, можно было бы сдѣлать добра для государства, естьли бъ окружавшіе его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не видами собственной корысти.

Первой разговоръ его со мною былъ о Московскомъ митрополитѣ Платонѣ, на котораго онъ тогда гнѣвался за то, что Платонъ, по его призыву, не только отмѣнно милостивому, но, можно сказать, дружескому, не поспѣшилъ къ нему пріѣхать, и представлялъ противъ начатаго Императоромъ жалованья духовнымъ особамъ знаковъ орденовъ кавалерскихъ. При чемъ Государь спрашивалъ меня, какъ я думаю объ этомъ жалованьи? Я ему отвѣчалъ, что истинной Церкви Христіанской такія почести, самолюбіе питающія, конечно, неприличны; но пріемля правленіе Церкви нынѣ больше учрежденіемъ политическимъ, небезполезно, по моему мнѣнію, употребляться могутъ такія отличія для награды и поощренія онаго членовъ, коихъ весьма не можно въ прямомъ смыслѣ почитать истинно-духовными. L'habit ne fait pas le moine (платье монахомъ не дѣлаетъ), прибавилъ я. «Правда твоя», сказалъ Государь.

Я старался оправдывать Платона, сколько могъ; а Государь сильно обвинялъ его, и съ нѣкоторымъ огнемъ неудовольствія даже противъ меня, при всемъ, несказанно-милостивомъ со мною обращеніи. Однако я смѣло продолжалъ и имѣлъ счастіе много помочь къ умилостивленію Государя. Кончилось тѣмъ, что онъ изволилъ мнѣ сказать: «Ну видно, ты прямо любишь Платона; и естьли такъ, какъ ты говоришь, то мы съ нимъ помиримся. Пусть онъ сюда пріѣдетъ!»

Тотъ же день писалъ я все это къ митрополиту, совѣтуя поспѣшить пріѣздомъ. Но онъ прежде еще воротился съ дороги, получа весьма гнѣвное отъ Императора письмо, отправленное къ нему еще до моего пріѣзда, и по его же повелѣнію съ жестокимъ выговоромъ изъ Синода указъ, о коемъ опредѣленіе члены подписывали въ день воскресный, въ алтарѣ придворной церкви, въ самое время совершенія литургіи. Отъ сего онъ занемогъ и не смѣлъ уже ѣхать. Увѣдомляя меня о томъ, благодарилъ онъ меня точно такими словами, что и батюшка его родной не могъ бы больше для него сдѣлать. Съ моей стороны и по сей часъ не было иныхъ чувствъ, кромѣ искренней дружбы и почтенія къ сему знаменитому дарованіями своими мужу и пастырю, рѣдкимъ благоразуміемъ украшенному.

Послѣ разговора со мною, Императоръ, при первомъ свиданіи съ Новгородскимъ митрополитомъ Гавріиломъ, сказалъ ему: «Пожалуйте, оставьте Платона въ покоѣ, и безъ меня не касайтесь до него. Мы и такъ пересолили.»

5 Декабря выносили въ Петропавловской соборъ тѣла Императора Петра III и преставившейся Императрицы [3]). Въ сей церемоніи шелъ я за Государемъ, который въ тотъ день пожаловалъ меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ повелѣніемъ находиться при немъ. Такимъ образомъ тогда, какъ и при покойной Императрицѣ и прежде, опредѣлялись статсъ-секретари.

Въ вечеру того же дня Государь, призвавъ меня къ себѣ, приказалъ мнѣ объявить въ Сенатѣ генералъ-прокурору волю его объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по Тайной Экспедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ. О сихъ послѣднихъ приказалъ Государь усугубить попеченіе къ возможному излѣченію, для освобожденія также ихъ по выздоровленіи, а между тѣмъ, сколько можно, ихъ покоить. И вообще приказалъ онъ по сей экспедиціи принять мѣры къ лучшему и сколько можно спокойнѣйшему содержанію арестантовъ. Я обнималъ колѣна Государя, дававшаго сіе повелѣніе, точно, кажется, по одному чувствованію любви къ человѣчеству.

Конечно, всякое возможное облегченіе судьбы подвергнувшихся заключенію подъ стражу тайную, требуется сколько человѣколюбіемъ, столько жъ и самою справедливостью; ибо тѣсны и строги могутъ быть нѣкоторыя тюрьмы публичныя для исправленія кратковременнымъ въ нихъ содержаніемъ нѣкотораго рода преступниковъ, и для удержанія примѣромъ симъ другихъ отъ преступленій подобнаго рода. Но тѣснымъ и тягостнымъ въ темницахъ содержаніемъ угнетать такихъ людей, которые иногда и по основательнымъ причинамъ осуждаются на заключеніе подъ стражу тайную, было бы единственно презрѣніе человѣчества или месть, нетерпимая не только правилами Христіанства, но и самаго великодушія.

Милость и довѣренность государевы ко мнѣ были неописанныя. Его снисхожденіе даже до того простиралось, что онъ позволилъ мнѣ быть при немъ, по моей должности, только въ послѣобѣденные часы для того, что, по тогдашней моей привычкѣ, очень мнѣ тяжело было рано поутру вставать, и я просилъ отъ утреннихъ пріѣздовъ меня

---

[3]) По словамъ графа Ростопчина, мысль объ этихъ удивительныхъ похоронахъ внушена была другомъ Лопухина С. И. Плещеевымъ. Въ связи съ ними преслѣдованіе Чесменскаго героя и княгини Дашковой. Изъявленіями приверженности къ памяти Петра III-го Павелъ Петровичъ подтверждалъ въ общемъ мнѣніи свои наслѣдственныя права, которыхъ Екатерина лишала его, о чемъ первый проговорился Державинъ въ своихъ стихахъ на воцареніе Александра Павловича: „Давно я зло предупреждала, назначивъ внука вамъ царя“. Письма Екатерины къ Гримму несомнѣнно о томъ свидѣтельствуютъ.

уволить. Часто были такія минуты, въ которыя тысячи душъ для себя выпросить стоило бы мнѣ одного слова.

Милость такая родила противъ меня зависть, какъ обыкновенно при дворахъ бываетъ. Всего больше непріятнымъ для нѣкоторыхъ меня сдѣлало опредѣленіе Государемъ должности моей въ томъ, чтобъ извѣстны мнѣ были всѣ дѣла по Тайной Экспедиціи; чтобъ всегда открытъ былъ мнѣ входъ ко всѣмъ заключеннымъ по ней во всей Имперіи, и чтобъ я могъ, когда заблагоразсужу, присутствовать при слѣдствіяхъ, въ ней производившихся.

Тогдашній генералъ-прокуроръ [1]), пользуясь родствомъ своимъ и моею дружбою съ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ, два раза самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ его уговорить меня отказаться отъ оной должности. Князь вмѣстѣ со мною удивлялся такой просьбѣ. Мы думали, что въ подобныхъ дѣлахъ надобно бы еще радоваться товарищамъ. Неужели, говорили мы, свидѣтели при нихъ въ тягость?

Скоро открывшаяся неспособность моего характера держаться при дворѣ успокоила моихъ завистниковъ. Особливо примѣтили они это изъ слѣдующаго случая.

Государь приказываетъ мнѣ съѣздить къ Трощинскому, разсмотрѣть конфирмованный уже имъ докладъ Сената о нѣкоторыхъ осужденныхъ по дѣлу объ утратѣ въ Государственномъ Банкѣ, начавшемуся еще при жизни Императрицы; остановить исполненіе и найти способъ оправдать, или гораздо облегчить участь, одного изъ осужденныхъ иностранца, котораго имя я забылъ. «Меня объ немъ просилъ сынъ, Александръ Павловичъ», сказалъ мнѣ Государь, «а его разжалобила жена этого арестанта, которую онъ видѣлъ у мужа ея, посѣщая арестантовъ по должности военнаго губернатора Петербургскаго». Я поѣхалъ къ Трощинскому, у котораго, изъ короткой записки о семъ дѣлѣ, увидѣлъ, что осужденный оной признанъ равно виноватымъ съ нѣсколькими другими и къ одинакому приговоренъ публичному наказанію. Конфирмованный Государемъ докладъ возвращенъ уже былъ въ Сенатъ, а изъ Сената, какъ я и тамъ справился, посланъ уже былъ указъ къ второму военному губернатору о исполненіи.

Сообразивъ обстоятельства дѣла, я думалъ, что простить, или облегчить казнь, всегда прилично милосердію самовластнаго Государя; но изъ осужденныхъ къ равному наказанію равныхъ преступни-

[1]) Князь А-й Б. Куракинъ.

ковъ одного исключить, или очень меньше наказать предъ другими, было бы нарушить правосудіе съ наглымъ презрѣніемъ къ человѣчеству. Всего лучше, казалось мнѣ, естьли нельзя всѣхъ простить, то перемѣнить наказаніе всѣхъ, равно съ онымъ иностранцемъ, приговоренныхъ на содержаніе въ смирительномъ домѣ или въ какихъ другихъ тюрьмахъ, и его освободить прежде и сіе сдѣлать, естьли угодно Государю, скрытнѣе, чтобъ, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь при томъ въ наружности сохранить порядокъ правосудія.

Съ такими мыслями возвратился я къ Государю. Онъ былъ тогда въ кабинетѣ съ наслѣдникомъ, Александромъ Павловичемъ, и княземъ Безбородькой. Скоро вошелъ въ секретарскую нашу комнату, которая была предъ самимъ кабинетомъ и, подошедъ ко мнѣ, спрашиваетъ тихонько: «Что́ я сдѣлалъ?» Я доложилъ ему о моей справкѣ и мысли свои представилъ.—«Какъ же», сказалъ Государь, «всѣхъ! Они виноваты!»—«Да и онъ виноватъ», отвѣчалъ я. Государь подошелъ къ Безбородькѣ и также говорилъ съ нимъ тихо. Я остался у своего секретарскаго стола. Поговоривъ нѣсколько съ Безбородькою, Государь, оборотясь ко мнѣ, изволилъ сказать: «Что жъ не подойдешь ты къ намъ, Иванъ Владимировичъ? Мы говоримъ о твоемъ дѣлѣ». Я подошелъ. Государь продолжалъ: «Вотъ и Александръ Андреевичъ говоритъ, что можно его освободить и послать только, какъ хорошаго художника (не помню, какого только мастерства), на житье въ бывшій городъ Воскресенскъ, Московской губерніи, гдѣ онъ и полезенъ будетъ для отдѣлки монастыря».—«А прочихъ-то», докладывалъ я, «съ коими онъ равно виноватъ, куда же?»—«Въ ссылку, по приговору», отвѣчалъ Государь.—«Воля ваша», сказалъ я, «только это будетъ несходно съ правдою и порядкомъ».—«Да онъ же почти и невиноватъ», выговорилъ притомъ князь Безбородько.—«Какъ же», говорилъ я, «невиноватаго Сенатъ осудилъ, и Государю казнь его подписать дали?» На сіе Государь мнѣ съ гнѣвомъ: «Полно, братецъ, перестань!»

Замолчавъ, отошелъ я къ своему столу. Государь, поговоря опять тихонько же съ Безбородькою, подошелъ ко мнѣ и уже милостиво спрашивалъ: «Ну, что жъ ты думаешь сдѣлать?» — «Я сдѣлаю то, что́ Ваше Величество приказать изволите; а думаю, что не сравнять наказаніе будетъ несправедливо и несходно съ вашимъ великодушіемъ».—«Нѣтъ», сказалъ Государь, «эдакъ нельзя: я прикажу Архарову». Послѣ сей-то сцены товарищи мои, какъ мнѣ одинъ изъ нихъ послѣ самому сказывалъ, надежно заключили, что не удержусь я при дворѣ. Однако послѣ ея Государь нисколько еще не отмѣнилъ своего милостиваго со мною обращенія.

Но вотъ чтоне мало замѣчательнаго при семъ надобно сказать. Въ комнатѣ, гдѣ оное происходило, были только Императоръ, наслѣдникъ, князь Безбородько, человѣка два изъ самыхъ ближнихъ при Государѣ и я, да первый государевъ камердинеръ стоялъ у дверей. Не больше, конечно, какъ черезъ полчаса послѣ оной сцены, я поѣхалъ домой, а на завтра, какъ я проснулся, камердинеръ мой говоритъ мнѣ: «Что это вы такъ спорите съ Государемъ, какъ вчерась сказываютъ. Вѣдь бѣда будетъ!»—Отъ кого онъ это слышалъ? спрашивалъ я. — «Отъ бывшаго за мной лакея».—«А онъ отъ кого?»—«Отъ придворнаго».

Окружавшимъ Государя не нравилась также связь моя съ княземъ Репнинымъ и Плещеевымъ, и тѣмъ больше, что основанію ея предполагали они правила столько же твердыя, сколько съ образомъ ихъ мыслей несходныя. Ожидали, что связь сія можетъ очень усилиться и распространиться.

Когда Государь, по моему представленію, приказалъ послать за стариннымъ же другомъ моимъ, Захаромъ Яковлевичемъ Карнѣевымъ, человѣкомъ исполненнымъ честности и рѣдкихъ къ службѣ способностей, бывшимъ тогда въ Орлѣ вице-губернаторомъ, то заключеніе оное подкрѣпилось, и на языкѣ, часто при дворахъ употребительномъ, говорили, что я подбираю себѣ партію. Но у меня истинно того никогда и въ мысляхъ не было. Во всю бытность мою при дворѣ одинъ предметъ мой былъ: служить Государю вѣрно, вездѣ, гдѣ только мнѣ представится случай, соблюдать пользу государства и человѣчества вообще, и милость государеву сохранять, доколѣ то будетъ угодно единому Источнику милости непреложной.

Вотъ что, при посылкѣ за Карнѣевымъ, случилось примѣчательнаго со стороны мечтательности интрижныхъ заботъ придворныхъ. Въ то время, какъ я еще и не думалъ представлять объ немъ, уже говорили, что я стараюсь опредѣлить его въ секретари по военной части при Государѣ, и одинъ изъ любимцевъ его всякой день спрашивалъ меня: «Послали ль за Карнѣевымъ?» не хотя мнѣ вѣрить, что не послали. Чрезъ нѣсколько дней послѣ такихъ вопросовъ, самой этотъ любимецъ, сидя со мною на канапе предъ государевымъ кабинетомъ, фамильярнымъ и очень будто дружескимъ тономъ, какой онъ уже тогда употреблялъ со мною, проситъ меня еще въ откровенности ему сказать, послали ль за Карнѣевымъ? Я увѣряю его, что нѣтъ, развѣ безъ меня, что нельзя и глупо было бы мнѣ таить это, и что ежели чрезъ меня призываться будетъ Карнѣевъ, то я тотчасъ ему скажу. Только что кончили этотъ разговоръ, Государь, не помню за чѣмъ, изволилъ позвать меня къ себѣ въ кабинетъ, и я тутъ имѣлъ случай

доложить о Карнѣевѣ, какъ о человѣкѣ, коего служба при немъ полезна быть можетъ. «Пошли жъ за нимъ», сказалъ мнѣ Государь. Вышедъ изъ кабинета, написалъ я къ генералъ-прокурору письмо, съ объявленіемъ воли государевой о пріѣздѣ Карнѣева въ Петербургъ, и показалъ оное любопытному пріятелю моему придворному.

Никогда, однако, не считалъ я за полезное быть Карнѣеву по военной части, отъ которой онъ тогда уже лѣтъ двадцать отсталъ. Но я думалъ всегда, что по всѣмъ частямъ правленія нужно быть при Государѣ особливымъ секретарямъ или докладчикамъ, кромѣ управляющихъ частями или министровъ, коихъ доклады о своихъ же производствахъ, по большей части, должны быть естественно не иное, какъ ходатайство за то, чтό только имъ пріятно и надобно. Такой перевѣсъ весьма бы, конечно, былъ полезенъ, особливо по дѣламъ Сената, коего большинство голосовъ давно уже сдѣлалось однимъ только отголоскомъ генералъ-прокурора. «Согласенъ съ предложеніемъ его превосходительства, или сіятельства, или свѣтлости», только почти и слышится и пишется въ общихъ собраніяхъ онаго.

Карнѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Все уже противъ него настроено было. Одинъ самой ближній при Государынѣ комнатной человѣкъ мнѣ рѣшительно сказалъ, что никакъ его не допустятъ остаться при дворѣ. Государь откладывалъ его представленіе день за день, и Карнѣевъ первой разъ представленъ былъ Государю вмѣстѣ съ прочими уже благодарить за опредѣленіе его губернаторомъ въ Минскъ съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, которое опредѣленіе послѣдовало по многому старанію, чтобъ, по крайней мѣрѣ, не напрасно онъ мною вызванъ былъ. Продолженіе службы сего достойнаго человѣка доказываетъ, сколько онъ полезенъ для нея.

Съ того времени Государь сдѣлался холоденъ ко мнѣ; только прямой тому причины я и теперь не знаю [5]). Признаюсь, что и не любо-

---

[5]) Графъ Растопчинъ въ запискѣ своей о Мартинистахъ приписываетъ себѣ остуду къ нимъ императора Павла: „Я воспользовался случаемъ, который представила мнѣ поѣздка наединѣ съ Государемъ въ Таврическій дворецъ. Возразивши на одно его замѣчаніе, что Лопухинъ только глупецъ, а не обманщикъ (какъ товарищи его по вѣрованіямъ), я распространился о многихъ обстоятельствахъ, сообщилъ о „письмѣ изъ Мюнхена (Баварскихъ Иллюминатовъ къ Новикову), объ ужинѣ, на которомъ бросали жребій (кому убить Екатерину), объ ихъ таинствахъ и пр., и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что этотъ разговоръ нанесъ Мартинистамъ смертельный ударъ и произвелъ сильное броженіе въ умѣ Павла, крайне дорожившаго своею самодержавною властію и склоннаго видѣть во всякихъ мелочахъ зародыши революціи. Лопухинъ, успѣвши написать всего одинъ указъ о пенсіи какой-то камеръ-юнгферѣ, отправленъ въ Москву сенаторомъ. Новиковъ, кото-

пытствовалъ много знать ее, зная, что я съ своей стороны не подалъ никакой. Вообще, кажется, можно вѣрно заключить, что главною причиною было затрудненіе, въ которое поставили Государя противъ меня тѣ, коимъ я былъ ненадобенъ, и которые ему больше были надобны, нежели я. Особое свойство великодушія потребно государямъ, чтобъ одолѣвать сіе затрудненіе.

Не только уже Императоръ не дѣлалъ мнѣ никакихъ препорученій и не призывалъ меня въ свой кабинетъ, но пересталъ и говорить со мною. Чувствуя, что ничѣмъ не заслужилъ я гнѣва его, былъ я очень спокоенъ. Знатоки придворнаго дѣла осуждали мое равнодушіе и совѣтовали мнѣ хотя притворяться огорченнымъ. Почитая всегда притворство искусствомъ самымъ презрительнымъ, продолжалъ я свою откровенность, и даже чаще тогда веселъ былъ, какъ бы отъ предчувствія того, что скоро освобожусь я отъ бремени придворной жизни.

Нѣсколько разъ намѣренъ и былъ объясниться съ Государемъ въ кабинетѣ. Но тотъ, кто обыкновенно докладывалъ о входѣ въ него, не смѣлъ доложить обо мнѣ, а пріятели, искренно мнѣ добра желавшіе и которые больше знали нравъ Государя, не совѣтывали мнѣ того дѣлать. Наконецъ, уже очень явно стало, что никакъ не можно мнѣ оставаться при Государѣ, и я открыто говорилъ, что сколько бы желалъ я сохранить милость къ себѣ государеву, столько же порадовался бы увольненію моему отъ двора.

Тотъ же самый ближній комнатный человѣкъ, о которомъ сказалъ я выше, предлагалъ мнѣ подать отъ меня Государю письмо о моемъ отъ него увольненіи, въ которомъ я могу просить себѣ многаго, что онъ увѣренъ, что Государь при отпускѣ моемъ все сдѣлаетъ въ мое удовольствіе, и за это отвѣчаетъ. Я не соглашался. «Вы философъ», говорилъ онъ мнѣ, «а двора, позвольте сказать, не знаете. Теперь вамъ случай, я вѣрно знаю, такъ много получить, какъ уже никогда не удастся, ежели упустите его. Лента ли вамъ надобна, Государь тотчасъ ее надѣнетъ на васъ, чинъ также получите. Естьли же вамъ надобна тысяча душъ или больше, гдѣ вамъ угодно, то я берусь,

---

раго Императоръ, по освобожденіи его изъ тюрьмы, полюбопытствовалъ видѣть, высланъ изъ Петербурга и отданъ подъ надзоръ. Неудивительно, что въ его мнѣніяхъ произошла такая скорая перемѣна: есть рядъ людей и родъ услугъ, которые нравятся наслѣдникамъ престола до ихъ воцаренія, но отъ которыхъ они отворачиваются послѣ, даже наказывая тѣхъ, кто прежде казался необходимымъ и потомъ въ награду получаетъ одно презрѣніе". (Р. Арх. 1875, III, 78 и 79).

по подачѣ вашего письма, вынести вамъ на то указъ и позволяю вамъ сдѣлать со мною, что́ хотите, ежели того не исполню».

— «Нѣтъ», отвѣчалъ я ему, «я не соглашусь на ваше предложенiе, хотя и увѣренъ я въ его успѣхѣ (и подлинно я былъ увѣренъ). Я не философъ, но правда, что люблю держаться правилъ философскихъ. Двора подлинно я не знаю, и никогда, думаю, очень знако́мъ съ нимъ быть не могу; только въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, и придворныя обстоятельства вижу я тонѣе вашего. Я не искалъ быть при Государѣ. Онъ самъ изволилъ призвать меня и принялъ съ отличною милостью. Гнѣва его я не заслужилъ. Возвратится милость его ко мнѣ, я буду очень радъ; продолжится гнѣвъ его, все я не виноватъ буду. Уволитъ онъ меня отъ себя съ милостью, я буду счастливъ, съ немилостью — несправедливость не на моей сторонѣ будетъ. Но когда я самъ буду просить увольненiя и наградъ отъ него, не заслужа ихъ, то я оправдаю гнѣвъ его; и тогда-то, естьли не удастся мнѣ, потеряю я то, чего уже, конечно, никогда возвратить не можно во всякомъ смыслѣ».

Въ такомъ расположенiи продолжалъ я всякой день спокойно быть свои часы предъ кабинетомъ государевымъ, и нѣсколько въ нихъ разъ видѣть его въ гнѣвѣ, или очень холоднаго ко мнѣ. Между тѣмъ я старался сыскивать хорошiй способъ удалиться отъ двора. Вѣрный другъ мой, Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, помогалъ мнѣ въ томъ, хотя и онъ тогда былъ уже не въ прежней милости и довѣренности у Государя. Однажды, воспользуясь очень благосклоннымъ разговоромъ Государя въ Эрмитажѣ, Плещеевъ говоритъ ему обо мнѣ и проситъ уволить меня, естьли я ему неугоденъ, съ милостью. Государь отказалъ, сказавъ: «Полно, дайте время! Мы съ нимъ уживемся». Но вотъ что надобно при семъ разсказать, какъ весьма характеризующее покойнаго Государя.

По званiю моему статсъ-секретаря былъ при мнѣ коллежскiй совѣтникъ Александръ Алексѣевичъ Лѣнивцевъ, человѣкъ съ рѣдкими дарованiями ума и сердца. Онъ былъ давно другъ Плещееву и мнѣ, и Государю извѣстенъ былъ. Плещеевъ, настаивая о увольненiи меня, выговорилъ Государю: «А когда Лопухина изволите отъ себя уволить, то Лѣнивцева прошу пожаловать, опредѣлить ко мнѣ».—«Такъ-то», отвѣчалъ Государь съ жаромъ: «хорошъ же ты другъ Ивану-то Владимировичу! Его прочь для того, чтобы Лѣнивцева къ себѣ. Такъ знай же, что мы не разстанемся съ нимъ никогда», и съ тѣмъ отошелъ отъ Плещеева.

Послѣ этого можно было думать, что Государь перемѣнитъ обращенiе свое со мною на прежнее, однако оно нисколько не перемѣни-

лось. Странный и любопытства достойный случай рѣшилъ, наконецъ, увольненіе мое отъ Государя.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ кончиною императрицы Екатерины II-й, заключенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость нѣкто изъ монаховъ или послушниковъ монастырскихъ, которой предсказывалъ о ея кончинѣ, и точно въ то время, какъ она случилась. При освобожденіи всѣхъ по Тайной Экспедиціи, привезенъ былъ и онъ въ Петербургъ. Бумаги его хранились у Новгородскаго митрополита Гавріила. Въ одинъ вечеръ Государь, переговоря въ своемъ кабинетѣ съ митрополитомъ, принесшимъ къ нему оныя бумаги, призвалъ къ себѣ С. И. Плещеева и, отдавъ ему ихъ, приказалъ показать мнѣ, и истребуя мнѣніе мое какъ о сихъ предсказательныхъ бумагахъ, такъ и о томъ, что̀ дѣлать съ ихъ сочинителемъ, донести оное ему, только съ тѣмъ, чтобъ Сергѣй Ивановичъ все это производилъ со мною отъ себя, отнюдь не открывая мнѣ волю о томъ, въ разсужденіи меня, государеву.

Разсмотрѣвъ оныя бумаги, нашелъ я въ нихъ смѣсь мрака съ нѣкоторыми отсвѣчиваніями просвѣщенія. Соединеніе такое весьма возможно отъ слиянія непрестанныхъ дѣйствій безчисленныхъ посредствъ на неизмѣримой лѣствицѣ свѣта и глубокихъ впечатлѣній тьмы. А потому не всякой предсказатель и правды, самымъ лучемъ свѣта открываемой, есть всегда святой, просвѣщенной, и сколько несправедливо отвергать возможность истинныхъ предсказаній, столько жъ неблагоразумно и вредно уважать всякое предсказаніе и на немъ основываться. О сочинителѣ бумагъ оныхъ полагалъ я, что какъ онъ уже посвятилъ себя трудничеству и уединенію монашескому, то всего лучше опредѣлить его въ какой нибудь выгодной [6]) монастырь и къ такому настоятелю, которой бы могъ его руководствовать и къ очищенію его понятій, въ коихъ подлинно было много смутнаго.

Мнѣніе мое очень понравилось Государю. При донесеніи Плещеева, онъ много съ нимъ обо мнѣ разговаривалъ, сказывалъ хорошее свое обо мнѣ заключеніе, хвалилъ мои способности; «только не имѣю я», говорилъ онъ, «довольно тѣхъ, какія ему надобны въ находящихся при особѣ его». Плещеевъ убѣдительно просилъ моего увольненія, какъ того, чего единственно я желаю. Государь согласился меня уволить отъ себя, но не иначе какъ съ награжденіемъ, и для того приказывалъ Плещееву сказать мнѣ, чтобъ я подалъ записку о томъ, чего хочу. Плещеевъ, зная меня, увѣрялъ, что я никакъ того не сдѣлаю, а совершенно предаюсь милостивой его волѣ. Долго Государь настаивалъ о запискѣ, но наконецъ, повѣря Плещееву, что я доволенъ

[6]) Сличить выше мнѣніе Лопухина о духовенствѣ по поводу раздачи орденовъ.

буду сенаторствомъ въ Москвѣ, пожаловалъ меня тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ въ Московскіе департаменты.

Сіе происходило поутру 20 Генваря 1797 года. Только что я проснулся, явились ко мнѣ фельдъегери съ поздравленіемъ и съ копіею подписаннаго уже обо мнѣ указа, присланною отъ моихъ товарищей, которые очень не жалѣли о разлукѣ со мною; однако также непріятно имъ было и такое скорое мое повышеніе. Это точно такъ было, хотя нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались послѣ уже хорошими мнѣ пріятелями.

Я поѣхалъ во дворецъ благодарить Государя. Онъ тогда былъ въ кабинетѣ. Докладчикъ и отверзатель дверей кабинетныхъ, тотъ же ближній комнатный, о которомъ я уже два раза говорилъ, хотя по пословицѣ: *хоть съ ангелами ликуй....* [7]) однако, желая мнѣ добра, говорилъ мнѣ, что лучше поблагодарить послѣ обѣда; что Государь теперь возвратился съ вахтъ-парада очень невеселъ, а ему хотѣлось бы, чтобъ Государь принялъ меня въ кабинетѣ, и увѣренъ, что непремѣнно изволитъ то сдѣлать, и съ милостью, только въ лучшій часъ. Я опять спорилъ съ нимъ, увѣряя, напротивъ, что этого не будетъ, и смѣючись говорилъ ему, что никакъ [8]) я о себѣ во всемъ лучше знаю придворную карту, нежели онъ, хотя, впрочемъ, онъ ее гораздо тверже моего знаетъ. «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «повѣрьте, что будетъ такъ, какъ я говорю съ вами; объ какомъ угодно закладѣ ударюсь, только пріѣзжайте послѣ обѣда».—«Пробьешь», сказалъ я ему.

Пріѣхалъ я послѣ обѣда. Онъ пошелъ въ кабинетъ докладывать Государю. Былъ тамъ необыкновенно долго; ибо обыкновенно онъ, только отворяя двери, называлъ Государю того, кому есть надобность войти въ кабинетъ или, вошедши въ него, тужъ минуту отворялъ двери для входу кому надобно, или отказывалъ по волѣ государевой. Тогда же, побывъ у Государя около четверти часа, вышелъ ко мнѣ, дожидавшемуся у дверей кабинета, и съ улыбкою, сперва тихонько, мнѣ сказалъ: «Вы правы»; а потомъ въ слухъ, при нѣсколькихъ тутъ бывшихъ: «Государь извиняется, что не можетъ васъ принять въ кабинетѣ; онъ теперь занятъ письмомъ и тотчасъ сюда выйдетъ».

Чрезъ нѣсколько минутъ Государь вышелъ. Въ дверяхъ онъ громко кашлянулъ, и когда я, ставъ на колѣно, поцѣловалъ у него руку, то онъ, поцѣловавъ меня два раза въ щеку, сказалъ; «Vous m'avez fait tousser» (я отъ тебя закашлялся). Чтó значили сіи слова, не знаю и по сіе время, и никто изъ очень знавшихъ покойнаго Государя не могъ никогда мнѣ ихъ растолковать.

---

[7]) Этой пословицы въ сборникѣ Даля мы не нашли.

[8]) Т. е. по нынѣшнему: *кажется.*

Такимъ образомъ кончилось придворное бытіе мое, и въ самое короткое время, въ часы почти, испыталъ я всѣ соблазны придворной жизни и такъ называемаго счастія временщиковъ.

Чтò же сказать о жизни придворной? Картина ея весьма извѣстна и всегда таже, только съ нѣкоторою перемѣною въ тѣняхъ. Корысть— идолъ и душа всѣхъ ея дѣйствій. Угодничество и притворство составляютъ въ ней весь разумъ, а острое словцо въ толчокъ ближнему— верхъ его.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Возвращеніе мое въ Москву неописанно обрадовало отца моего. Но недолго утѣшался онъ житьемъ моимъ съ нимъ и покоился продолженіемъ попеченій моихъ объ немъ, лежавшемъ уже на одрѣ смерти: въ томъ же году лѣтомъ скончался онъ на рукахъ моихъ, и хотя онъ былъ девяноста двухъ лѣтъ и въ крайнемъ разслабленіи, однако смерть его огорчила меня столько, какъ бы и за много лѣтъ предъ тѣмъ случилась.

Въ Москвѣ началъ я присутствовать въ Сенатѣ. Сходно съ желаніемъ моимъ, былъ я опредѣленъ въ 5-й департаментъ, чтó нынѣ 6-й уголовный, въ которомъ и тогда производились, по большой части, также уголовныя и слѣдственныя дѣла, переданныя изъ Петербургскихъ департаментовъ. При семъ еще, какъ о знакѣ благоволенія ко мнѣ Императора, надобно сказать, что онъ, какъ при пожалованіи меня въ сенаторы, узнавалъ отъ Плещеева, гдѣ пріятнѣе для меня будетъ служить сенаторомъ, въ Москвѣ, или въ Петербургѣ, такъ и послѣ пожалованія приказалъ генералъ-прокурору спросить меня, въ которомъ изъ Московскихъ департаментовъ хочу я присутствовать.

Я началъ присутствовать въ Сенатѣ по тѣмъ же правиламъ, по которымъ служилъ я въ Уголовной Палатѣ. Большаго труда стоило мнѣ успѣвать въ пощадѣ человѣчества, по причинѣ того несчастнаго предубѣжденія, коимъ исполнены были мои товарищи, что Государю будто угоденъ судъ самой строгой. Товарищей у меня было много. Собраніе сенаторовъ очень тогда умножилось пожалованными вновь и опредѣленіемъ въ сенаторы всѣхъ отмѣненныхъ въ то время генералъ-губернаторовъ и правившихъ ихъ должность. Въ томъ числѣ были старики и привыкшіе считать себя знатоками. Несмотря ни на что, я съ ними спорилъ и доказывалъ, что оскорбительно и думать, чтобъ Государь услаждался жестокостью, что мнѣ очень извѣстно, что онъ

желаетъ только правосудія, и что я увѣренъ, что ему пріятно будетъ даже всякое возможное, съ законами только соображенное, облегченіе участи судимыхъ. Долго не соглашались со мною. Но много мнѣ помогло незнаніе сперва товарищей моихъ о томъ, въ какомъ точно отношеніи находился ко мнѣ Государь при увольненіи меня отъ себя: многіе и изъ самыхъ прозирателей въ дворскую политику думали, что довѣренность его ко мнѣ еще продолжается, что не тайное ли око его я въ Московскомъ Сенатѣ и, судя по нраву Государеву, заключали, что я могу скоро къ нему возвратиться и въ бо́льшую еще милость.

Такое ложное заключеніе послужило, однакожъ, къ избавленію многихъ несчастныхъ отъ жесточайшаго наказанія. Согласились со мною раза два-три, а тамъ уже трудно было и не соглашаться: разнообразное рѣшеніе законами запрещается.

Итакъ, во все царствованіе Павла I, во время присутствія моего въ Сенатѣ, ни одинъ дворянинъ пятымъ департаментомъ не былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію, и по всѣмъ дѣламъ истощалась законная возможность къ облегченію осуждаемыхъ. Всѣ дѣла сего департамента конфирмованы были Императоромъ. Два, или три только, помнится, отмѣнилъ онъ убавкою опредѣляемаго наказанія. Изъ сего можно видѣть, по склонности ли строгъ былъ Государь сей?

Послѣ кончины его нѣкто изъ разумнѣйшихъ сенаторовъ Петербургскихъ, покойникъ же теперь, разсказывалъ мнѣ, съ какимъ прискорбіемъ принужденъ онъ былъ подписать кнутъ и ссылку сыну короткаго знакомца своего, да и безвинному почти. «Для чего жъ?» спросилъ я. «Боялись иначе», отвѣчалъ онъ.—«Что́», говорилъ я, «такъ именно приказано было, или Государь особливо интересовался этимъ дѣломъ?»—«Нѣтъ», продолжалъ онъ: «да мы по всѣмъ боялись не строго приговаривать и самыми крутыми приговорами старались угождать ему». Промолчавъ о такой бѣдственной услугѣ, сказалъ я только моему товарищу: «Мы, далекіе отъ двора, Московскіе сенаторы, простѣе живемъ, и не отвѣдалъ бы, конечно, знакомецъ твой кнута, естьлибъ случилось дѣлу его быть въ пятомъ департаментѣ».

Въ Мартѣ пріѣхалъ Государь въ Москву короноваться. Пребыванія его въ сей столицѣ было мѣсяца два. Всякую недѣлю имѣлъ я честь обѣдать и ужинать за столомъ его: ни разу не вычернилъ онъ меня изъ реестра, каковой выключкѣ иногда знатнѣйшіе меня подвергались; однако не говорилъ со мною ни слова. Я былъ при томъ спокоенъ, по правилу моему: «Чтобъ не заслужить только гнѣва царскаго».

Впрочемъ, у Государя въ сердцѣ противъ меня, конечно, ничего не было, а какъ я прежде сказалъ, что сила моихъ недоброхотовъ, кото-

рые ему нужнѣе или пріятнѣе меня казались, поставила преграду изъявленіямъ милости его ко мнѣ.

Тому же что милость сія всегда продолжалась, въ доказательство разскажу я, между прочимъ одинъ слѣдующій случай. Когда Государь, въ числѣ нѣкоторыхъ сенаторовъ, пожаловалъ и меня кавалеромъ ордена святыя Анны 1-го класса, то я, пославъ по обычаю, давно водившемуся, камердинерамъ триста рублей, сверхъ того одному старшему тогда при Государѣ камердинеру, молодому человѣку, очень любезному и которой, въ бытность мою при Государѣ, безъинтересно любя меня, обязывалъ учтивствомъ своимъ и нѣкоторыми услугами въ каморѣ, послалъ на кафтанъ бѣлаго бархату съ золотыми травками. Сей молодой человѣкъ, бывшій тогда въ большой уже у Государя милости, въ первый праздникъ пришелъ къ нему въ кафтанѣ, спитомъ изъ моего бархата. Государь былъ очень веселъ. «Ты заставишь и меня, К. *), носить Французскіе кафтаны. Что̀ это за прелестной бархатъ! Откуда у тебя?» К. сказалъ. «Такъ стало, Ив. Влад. любитъ тебя; смотри же, заслуживай любовь его: это тебѣ и у меня аттестатъ», изволилъ сказать Государь; и еще пространнѣе, какъ мнѣ послѣ разсказывалъ самъ К.

Въ началѣ 1800 года отправлены были сенаторы для осмотра всѣхъ губерній; и я съ М. Г. Спиридовымъ посланъ былъ въ Казанскую, Вятскую и Оренбургскую.

Осмотры такіе, конечно, весьма полезны для сохраненія порядка и обузданія отъ злоупотребленій, хотя нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ, и важнѣйшія, суть такого рода, что рѣдко могутъ быть изобличены для наказанія судомъ, а необходимо иногда исправлять ихъ слѣдствія и сколько можно отвращать ихъ средствами, хотя гораздо меньше строгими, нежели бы по суду, основываясь единственно на довѣренности къ ревизорамъ. Почему и выборъ ревизоровъ долженъ быть весьма остороженъ.

Сіе особливо въ разсужденіи взятковъ, сей неизлѣчимо̀й отравы суда: чѣмъ большій мздоимецъ, тѣмъ труднѣе изобличить его.

Кажется, справедливо сказать можно, что едва ли не тщетны почти всѣ старанія о искорененіи взятковъ. Надобно сдѣлать прежде, естьли можно, чтобъ въ людяхъ лакомства не было, чтобъ они нуждъ и прихотей не имѣли, чтобъ, наконецъ, боялись Бога, какъ свидѣтеля всего, или бы страстно любили правду, что̀ безъ любви къ небесному ея Источнику невозможно, или весьма ненадежно.

*) Иванъ Павловичъ Кутайсовъ.

Касательно сей матеріи помѣщу я здѣсь нѣчто изъ писаннаго мною къ царствующему нынѣ Государю Императору.

«Выписка изъ донесенія моего въ 1803 году, по нѣкоторому случаю, изъ, Крыма».

«Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше, конечно, простите мнѣ, что я, отъ безпредѣльннаго усердія къ священной и (простите еще сыновне-искренней свободности моей) къ любезнѣйшей для меня особѣ вашей и къ драгоцѣнному для меня отечеству, коего благо долженъ быть и есть первый предметъ вашихъ желаній и попеченій, осмѣливаюсь и не о томъ, что̀ настояще до меня касается, приводить мои свидѣтельства и мнѣнія».

«Итакъ, при семъ скажу, что опредѣленіе хорошихъ начальниковъ есть лучшее средство къ благоустройству правленія и самое вѣрное врачеваніе корыстолюбія и лихоимства, столь много издавна заразившихъ службу во всѣхъ земляхъ, проходимую большею частью людей слабыхъ, разнымъ порокамъ подверженныхъ. Лучшее средство истребить взятки есть такъ дѣлать, чтобъ или совсѣмъ не за что, или сколько можно меньше было, за что давать взятки. Когда главные начальники будутъ хорошо разумѣть и сами отправлять дѣла своей должности, тогда нижнимъ чинамъ нельзя будетъ, или крайне трудно и рѣдко возможно (и то въ самыхъ неважныхъ случаяхъ) вредить пользѣ службы, естьлибъ и хотѣли. Таковымъ средствомъ гораздо удобнѣе искоренить или, по крайней мѣрѣ, сколько можно, умѣрить пагубное дѣйствіе лихоимства, нежели самымъ строгимъ за оное наказаніемъ, для коего способы къ изобличенію весьма трудны, и, какъ давно извѣстно изъ опытовъ, тѣмъ труднѣе, чѣмъ важнѣе преступленія и лицы».

«Немалымъ способомъ къ обнаруженію сего послужить бы могла и отмѣна того закону, который равному подвергаетъ наказанію и пріемлющаго взятки и дающаго. Осмѣлюсь сказать, что послѣдняго довольно бы оставить сужденію только внутреннему строгости, тончайшей нравственности, самой высокой добродѣтели, коея правила заставляютъ безъ изъятія жертвовать собственностью во всемъ общей пользѣ и чести истинной, и которой столько же неестественно быть между милліонами людей общею, какъ и быть каждаго обязанностью, подъ взысканіе земскихъ законовъ подходящею. Объ отмѣнѣ онаго закона, по всегдашнему усердію моему, при одномъ случаѣ перваго осмотра губерній, дерзалъ я представлять еще въ Бозѣ опочившему Государю Императору, родителю вашему, и тѣмъ свободнѣе нынѣ пространно представляю Вашему Императорскому Величеству мое мнѣніе, что слышалъ я, что неутомимому попеченію вашему, Государь, о законодательномъ утвержденіи основаній порядка и правды благоугодно

было повелѣть во всѣхъ отношеніяхъ разсмотрѣть оную важную въ кругѣ государственныхъ узаконеній статью Правительствующему Сенату, коего и я имѣю честь быть сочленомъ, имѣвшимъ счастіе въ нѣсколькихъ случаяхъ доказать, по крайней мѣрѣ, желаніе быть достойнымъ онаго званія».

Осмотръ нашъ очень былъ угоденъ Государю. Всѣ наши представленія были уважены, и всѣ рекомендованные нами чиновники пережалованы, а мы съ товарищемъ получили командорскіе кресты ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, въ числѣ тѣхъ изъ обозрѣвшихъ губерніи сенаторовъ, кои за отличные при томъ труды всѣ награждены были онымъ знакомъ милости.

Я старался осматривать не только формы, но и существо производства дѣлъ. Послѣднее очень трудно. Всѣхъ дѣлъ пересмотрѣть не можно; и какъ же попасть именно на тѣ, которыя не хорошо произведены, особливо съ умысломъ? Такія и таятся особливо. Удача часто мнѣ въ томъ помогала; напримѣръ, въ одной Палатѣ Уголовной приказываю я предсѣдателю подать мнѣ одно изъ обревизованныхъ уже и рѣшенныхъ дѣлъ. «Какое?» спрашиваетъ онъ. «Какое попадется», говорилъ я, «только прикажите подать скорѣе». Что жъ! Предсѣдатель принесъ дѣло, и такъ безпорядочно произведенное и беззаконно рѣшенное, что и на выборъ бы нельзя было выставить худшаго. При всей осторожности отъ строгостей излишнихъ, надобно было, однакожъ, двухъ членовъ за это дѣло выгнать изъ службы.

Главныя черты образа осмотра нашего любопытные охотники до службы могутъ видѣть въ напечатанной тетрадкѣ, подъ названіемъ: «Выписка наставленій и приказаній, данныхъ гг. сенаторами при осмотрѣ Вятской губерніи, въ Мартѣ 1800 года». Сія книжка удостоилась одобренія многихъ знатоковъ, и нѣкоторые изъ разумныхъ и почтенныхъ ревизоровъ, при порученіяхъ имъ осмотра губерній, очень желали имѣть ее отъ меня, и потомъ говорили мнѣ искренно, что никогда въ подобныхъ случаяхъ безъ нея не поѣдутъ.

Напечаталъ я ее съ напечатанныхъ уже порознь въ Вятской типографіи предписаній оныхъ, въ самое время дачи ихъ, для скорѣйшей разсылки въ разныя присутственныя мѣста и уѣзды. Напечаталъ въ особую книжку для того больше, чтобъ показать публикѣ, какъ напрасно многіе въ ней винили меня за послѣдовавшее тогда отрѣшеніе всѣхъ чиновниковъ Вятской губерніи, кромѣ губернатора. Въ выпискѣ же той, по коей одной тогда и Сенатъ судилъ о семъ отрѣшеніи, есть наставленія, замѣчанія, исправленія; но ничего нѣтъ такого, по чему бы можно было отрѣшить безъ суда.

Правда, что отрѣшеніе сіе сдѣлалось вслѣдствіе нашего донесенія Государю объ осмотрѣ Вятской губерніи (о которой при иномъ случаѣ писалъ я Его Величеству, что «она золотое дно, изъ котораго ненасытная алчность давно привыкла черпать всякими неправдами»), конечно, вслѣдствіе нашего донесенія, писаннаго совершенно справедливо, но совсѣмъ не такъ, чтобъ можно было отъ него ожидать такихъ строгихъ послѣдствій. Сіе вотъ какъ происходило.

Осмотрѣвъ Вятскую губернію, спѣшили мы, по причинѣ наставшей уже тогда распутицы, въ Казань. При отъѣздѣ же изъ Вятки послали мы въ Сенатъ короткій рапортъ, приложа, для усмотрѣнія образа осмотра нашего, оную напечатанную нынѣ выписку, и притомъ сказавъ, что подробнѣе донесемъ обо всемъ изъ Казани, сообразивъ нѣкоторыя статьи, имѣющія связь въ оя губерніи съ Вятскою. Сіе больше касалось до лѣсовъ, о коихъ мнѣніе наше тогда особливое уваженіе заслужило.

Въ тоже время, донося Государю объ отъѣздѣ нашемъ въ Казань и о подробнѣйшемъ изъ нея донесеніи, по сдѣланіи вышесказаннаго соображенія, писали мы, что: «осмотрѣвъ Вятскую губернію, возможное, по данной намъ власти, на мѣстѣ исправили, къ лучшему впередъ устройству, въ чемъ нужно, предписали наставленія; по жалобамъ, доносамъ и подозрѣніямъ на нѣкоторыхъ чиновниковъ, велѣли мы судить; что важнѣйшія злоупотребленія примѣчаются особливо по Волостнымъ Правленіямъ, и для того мы на часть сію особенное обратили вниманіе и всѣ возможныя установили средства къ пресѣченію оныхъ злоупотребленій и наказанію ихъ судомъ; что, наконецъ, обыкнувъ говорить предъ августѣйшимъ престоломъ Его Величества правду, не можемъ мы сказать, чтобъ какое-нибудь присутственное мѣсто, или чиновникъ въ губерніи Вятской, заслуживали представленными быть въ особливое благоволеніе государево. А что принадлежитъ до гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тютчева, то сей, въ честности состарѣвшійся, чиновникъ (ему тогда было лѣтъ 80 по крайней мѣрѣ) истощаетъ послѣднія свои силы къ наилучшему исполненію своей должности, и голосъ всей губерніи свидѣтельствуетъ о его правдолюбіи и добродушіи».

Вотъ вся сила нашего донесенія. Сочиняя его, не могъ я и вообразить того, что̀ послѣдовало. Государь, прочитавъ сіе донесеніе, тотчасъ далъ два указа: однимъ приказалъ губернатора, за старостью, уволить отъ дѣлъ, съ полнымъ въ пенсіонъ жалованьемъ за усердную его службу, а прочихъ всѣхъ безъ изъятія чиновниковъ Вятской губерніи отрѣшить и предать суду.

Возопили на меня за Вятскихъ, и на меня именно, какъ писали ко мнѣ тогда же съ пріятельскими упреками нѣкоторые, имѣвшіе въ то время большое вліяніе на дѣла при Государѣ и въ Сенатѣ. Скоро однакожъ, и на тѣхъ же почти дняхъ, успѣли ближніе при Государѣ исходатайствовать снисхожденіе милости его и дозволеніе, прежде исполненія указа объ отрѣшеніи, разсмотрѣть въ Сенатѣ наши бумаги и, сдѣлавъ постановленіе о томъ, какимъ образомъ исполнять его, поднести докладъ. Сдѣлали сіе весьма похвально, только не додѣлали.

Сенатъ, разсмотрѣвъ помянутую нашу выписку (которая тогда одна еще объ осмотрѣ Вятскомъ и была получена отъ насъ, и по содержанію коей никого отрѣшать по справедливости не слѣдовало) положилъ, однако, отрѣшить всѣхъ присутствующихъ Губернскаго Правленія и Палатъ, кромѣ Казенной, которую защитилъ государственный казначей, присутствуя при семъ положеніи въ Сенатѣ. Въ числѣ опредѣленныхъ къ отрѣшенію были и такіе, кои только что вступили въ должность и не могли быть ни въ чемъ виноваты. О прочихъ же чиновникахъ положилъ Сенатъ разсмотрѣть на мѣстѣ, кому отъ Государя указано будетъ, и о семъ поднесъ ему докладъ. Государь изволилъ докладъ конфирмовать, а разсмотрѣніе препоручить намъ же.

Сіе-то отправляя къ намъ для исполненія, писали мнѣ тѣ пріятельскіе упреки, что будто я причиною, что столько людей пострадало. Удивлялся я такому неосновательному заключенію. Отвѣчая откровенно, писалъ я свое удивленіе, говоря притомъ, что донесеніе наше (которое подлинно я сочинялъ) написано со всею справедливостью, но съ сохраненіемъ при ней и всей возможной умѣренности; что если, однакожъ, неожидаемо и было оно поводомъ тому, что̀ произошло въ первомъ движеніи гнѣва государева, то послѣ, когда уже дѣло было въ ихъ рукахъ и Государь соизволилъ на ограниченіе своего указа, очень могли бы они, вмѣсто такого, безъ всякихъ справокъ и безъ разбора опредѣленнаго ими, отрѣшенія, представить о разсмотрѣніи на мѣстѣ вообще и о всѣхъ чиновникахъ, подобно тому, какъ о большомъ числѣ они положили и проч. На одного же меня все сѣтованіе обращалось потому, что извѣстно было, что мой товарищъ, хотя человѣкъ разумный, долговременною опытностью въ службѣ отличный, въ судныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ превосходное знаніе имѣющій, мало однако входилъ въ производство осмотра нашего и, по какой-то безпредѣльной ко мнѣ довѣренности, ни въ чемъ не противорѣчилъ мнѣ, и все то подписывалъ, что̀ я напишу.

Но сіе самое послѣ (по обороту ли внушеніями подстрекнутаго самолюбія, или по какому другому, неизвѣстному мнѣ отношенію) со-

вершенно лишило меня пріязни сего почтеннаго товарища, съ которымъ во все время вояжу нашего по губерніямъ, около восьми мѣсяцевъ продолжавшагося, жили мы неразлучно въ однихъ экипажахъ и въ однѣхъ квартирахъ, и даже косо другъ на друга не глядѣли.

Кромѣ одного происшествія съ Вяткой, ничего особливо заслуживающаго описанія при осмотрѣ нашемъ губерній не нахожу я. Надобно только разсказать еще анекдотъ, въ той же Вяткѣ лично со мною случившійся, и смѣшной, и достойный вниманія, по отношенію къ правиламъ народнымъ.

Въ городѣ Вяткѣ, который тогда, по крайней мѣрѣ, похожъ былъ больше на богатое село, нежели на губернскій городъ, обычай у поселянскихъ дѣвокъ торговать калачами, булками, пряниками и всякою мелочью. Онѣ сидятъ всѣ рядомъ въ лубочныхъ своихъ лавочкахъ, которыя тамъ называются балаганами, а ихъ нѣсколько десятковъ, можетъ быть, и подъ сотню. Въ пѣшихъ своихъ прогулкахъ часто я покупалъ калачи и булки, давая имъ всегда по нѣскольку копѣекъ лишнихъ. Однажды, покупая у одной изъ нихъ, дѣвки лѣтъ осьмнадцати, не красавицы, однако лица пріятнаго, я, примѣтивъ изъ разговора съ нею, что она отмѣнно не глупа, подарилъ ей на расторжку пятирублевую бумажку. Дѣвка очень обрадовалась. Пять рублей калашницѣ— капиталъ. На другой день поутру сказываютъ мнѣ, что пришелъ мужикъ, имѣющій нужду говорить со мною. Я его къ себѣ позвалъ. Мужикъ въ слезахъ мнѣ въ ноги: «Помилуй, батюшка, спаси дочь мою! Ты погубилъ ее; она хочетъ удавиться или въ Вятку броситься. Вчерась ты ей пожаловалъ пять рублей, такъ всѣ дѣвки, товарки ея, цѣлый день ей житья не давали: ты была у сенатора, да и только; за что жъ бы ему пожаловать тебѣ пять рублей? Дочь моя воетъ, въ удавку лѣзетъ, не можемъ уговорить ее, мать отъ нея не отходитъ».

Смѣшно, правда, мнѣ было подозрѣніе меня въ такомъ молодечествѣ, однако тревога мужика съ его семействомъ была для меня еще чувствительнѣе. «Неужель ты этому вѣришь?» говорилъ я ему. «Да естьли бъ дочь твоя была у меня, такъ я бы ей пять рублей, или больше, далъ у себя, а не въ балаганахъ при всѣхъ.»—«Родимой», говоритъ мнѣ мужикъ, «да кто этому повѣритъ? Мы знаемъ, что неправда; да проклятыя-то завистницы ее съ ума сводятъ, а она дѣвчонка молодая, глупая; помилуй, батюшка!» кричитъ мой мужикъ, валяяся въ ногахъ.

Даю ему деньги—не беретъ. Давалъ ему ужъ столько, что, по состоянію его дочери, могло бы составить изрядную часть ей приданаго—мужикъ все не беретъ, а только кричитъ: «Помилуй, спаси дочь

мою! Не быть ей живой: она удавится; не вѣкъ сидѣть надъ ней, а хоть и сидѣть, такъ все она сойдетъ съ ума отъ печали».

«Что жъ мнѣ дѣлать?» говорю я ему. «Не жениться жъ на ней! Я ей подарилъ отъ доброй души, а ужъ это несчастье, что̀ съ нею случилось. Дай мнѣ подумать; авось какъ-нибудь поправимъ: приди ко мнѣ завтра!» И насилу уговорилъ я его отойти отъ меня до завтра.

Между тѣмъ, видя такое безпритворное огорченіе и находя себя, хотя невинною, однако причиною ему, былъ я очень неравнодушенъ. Думалъ и не зналъ чѣмъ поправить. Денегъ не пожалѣлъ бы я и много, да цѣломудренной калашницѣ съ отцомъ ея ничего было не надобно. Вдругъ пришла мнѣ мысль, которой исполненіе все дѣло поправило. Послалъ я въ Казенную Палату нѣсколько сотъ рублей размѣнять на пятирублевыя ассигнаціи и, пошедъ прогуливаться, всякой дѣвкѣ-торговкѣ подарилъ по пятирублевой бумажкѣ на расторжку же. Отецъ отчаянной калашницы пришелъ ко мнѣ на другой день, не съ тѣмъ уже, чтобъ толковать о томъ, какъ уладить наши хлопоты, а благодарить меня, что успокоилъ я дочь его. «Богъ тебя надоумилъ, родимой», говорилъ онъ мнѣ, однако съ слезами радости: «теперь ужъ ея не дразнятъ, всѣ дѣвки веселы и съ нею ватажутся, и никто ужъ на нее ничего не думаетъ, и всякъ говоритъ, что ты это жалуешь только изъ милости.» Признаться, что и мнѣ весело стало. Хотѣлъ я, однако, отдать мужику то, что̀ прежде давалъ я ему на приданое дочери его, такой честной дѣвушкѣ. Но онъ никакъ не согласился принять, кланяясь и говоря очень искреннимъ голосомъ: «Батюшка, уволь; вѣдь опять тоже баить (говорить) станутъ.».

Въ концѣ Августа 1800 года возвратился я, обозрѣвъ губерніи, въ Москву и безвыѣздно изъ нея присутствовалъ въ Сенатѣ до самой кончины императора Павла Перваго.

Въ Сентябрѣ того же года случилась извѣстная отставка многихъ сенаторовъ, сверхъ всякого ихъ чаянія, и осталось насъ тогда въ департаментахъ очень не по большому числу.

Въ тоже время прибылъ къ намъ товарищъ (покойникъ уже теперь), человѣкъ почтенной, остроумной и много служившій, которой обходился со мною давно пріятельски и съ особливымъ вниманіемъ, но по дѣламъ его самолюбіе что-то имѣло противъ меня очень настроенное. Онъ все говорилъ, какъ мнѣ сказывали, что надобно мнѣ ошибить перья. Я, на его языкѣ сказать, никогда не любя опушаться и не привыкши ни для кого поджиматься, велъ себя съ нимъ также, какъ и съ прежними своими товарищами. Онъ всегда спорилъ со

мною, и часто, для того, чтобъ безъ продолженія [*]) рѣшить дѣло по справедливости, надобно мнѣ было идти противъ ея. Тогда уже онъ всякой разъ ее защищалъ.

Однажды, интересуясь очень дѣломъ своего знакомаго, говоритъ онъ оберъ-секретарю, чтобъ доложить его безъ меня, почему-то считая, что я буду противъ; и подлинно, былъ я противъ, потому что онъ желалъ несправедливаго. Дѣло было тяжебное. Тогда еще нѣсколько дѣлъ сего рода оставалось въ 5-мъ департаментѣ. Оберъ-секретарь, человѣкъ честной и шутливой, сказывая мнѣ о приказаніи моего товарища, говорилъ съ улыбкою: «Не лучше ли доложить безъ его высокопревосходительства»?—«Нѣтъ», отвѣчалъ я, «доложите; только, пожалуйте, въ такой день, когда и онъ и я будемъ въ присутствіи.»

Докладываютъ дѣло. Я тотчасъ вооружился противъ справедливой стороны, и взялъ ту, которую хотѣлось защищать оному моему почтенному товарищу. Споръ у насъ сдѣлался прежаркой. Онъ выставилъ всѣ резоны въ пользу той стороны, которую я про себя держалъ. Наконецъ я, будто уставши спорить и убѣдясь его резонами, которые тутъ подлинно сильны были, согласился съ нимъ: «Ну», говорю, «мастеру и книги въ руки». Онъ всталъ, поѣхалъ съ торжествомъ и на другой день подписалъ резолюцію: отнять деревню или землю, теперь не помню, у своего знакомаго, котораго онъ совершенно обнадежилъ своею защитою.

Сей послѣдній, черезъ нѣсколько дней узнавъ это, пріѣзжаетъ къ сенатору, покровителю своему, и плачется о своей потерѣ. «Не можетъ это быть», говоритъ ему мой товарищъ, и увѣряетъ его, что дѣло точно рѣшено въ его пользу, не помня рѣшенія, а только помня, что я былъ противъ, и что онъ надо мною взялъ верхъ. Пріѣхавши въ Сенатъ, спрашивалъ у секретарей, какъ рѣшено это дѣло. Докладываютъ ему, какъ оно рѣшено. «Возможно ли», говоритъ онъ, «чтобъ я согласился такъ рѣшить?» — «Да вы-де изволили и резолюцію давать, и журналъ уже подписанъ: вотъ и опредѣленіе, къ подписанію уже подано.» Посмотрѣлъ журналъ, покраснѣлъ, осердился и подписалъ опредѣленіе.

Жалѣю и, можетъ быть, невозвратно, что при одномъ особливо случаѣ не догадался я употребить добронамѣренной моей хитрости противъ того же товарища. Отъ этой недогадки моей, можетъ быть, невинные сосланы на каторгу, или подъ торговою казнью жизнь свою скончали. Вотъ о чемъ говорю я.

---

[*]) По нынѣшнему, безъ промедленія.

Докладываютъ уголовное дѣло, по которому люди нижняго состоянія приговорены были Палатою къ тѣлесному наказанію, вмѣсто смертной казни, и къ ссылкѣ на каторгу, не только безъ собственнаго ихъ признанія, безъ довольныхъ доказательствъ, но даже существо дѣла подходило нѣкоторымъ образомъ подъ милостивый манифестъ. Мы слушаемъ его, сидя за сенаторскимъ столомъ, двое только съ тѣмъ товарищемъ; а прочіе, бывшіе тутъ товарищи наши, слушаютъ стоя и ходя по комнатѣ. Онъ меня спрашиваетъ, какъ я думаю объ этомъ дѣлѣ. «Его можно», говорю я, «съ нѣкоторой стороны уничтожить и по милостивому манифесту; а всего справедливѣе и съ точными словами закона сходнѣе, кажется мнѣ, предать суду Божію, по недостатку доказательствъ.»—«Не лучше ли», говоритъ онъ, «по манифесту? Или, какъ вы послѣднее полагаете—и то очень хорошо». Сказавъ это, онъ всталъ и пошелъ разговаривать съ товарищами.

Скоро дочитали дѣло, которое было короткое и очень ясное. Я сказалъ секретарю свою резолюцію и взялся за другія бумаги. Секретарь пошелъ отбирать мнѣнія отъ прочихъ господъ сенаторовъ, и къ первому подошелъ моихъ перьевъ ошибателю. Ну, остригъ онъ, правда, бѣдныхъ судимыхъ. Онъ спросилъ тихонько секретаря: «Что̀ сказалъ Ив. Влад.?»—«Предать суду Божію», отвѣчалъ секретарь. —«А я утверждаю рѣшеніе Палаты», сказалъ его высокопревосходительство, и продолжалъ досказывать товарищамъ что-то о вѣстяхъ Петербургскихъ, или о вчерашнемъ клубѣ, съ радостною насмѣшливостью, которая была ему свойственна и которая, по крайней мѣрѣ тогда, не кстати была для осужденныхъ-то Палатою.

Пошло дѣло на голосахъ. Нашлись такіе, которые и къ нему пристали. Вошло въ общее собраніе Московскихъ департаментовъ. Въ нихъ также согласно не рѣшилось. Тогда, въ подобныхъ случаяхъ, изъ общаго собранія Московскихъ переходили дѣла въ общее же С.-Петербургскихъ департаментовъ. Чѣмъ оно тамъ кончилось, я не знаю. А можетъ быть, утвердили и рѣшеніе Палаты. Нерѣдко случалось мнѣ видѣть вдругъ наитіе духа безпощадной строгости на иныхъ гг. сенаторовъ, особливо когда око юстиціи, не всегда здраво зрящее въ плоти прокурорской, не ясно разглядитъ мелкое человѣчество въ людяхъ породы незнатной или скудной благами земли. Но ежели и годъ лишній напрасно люди въ тюрьмѣ просидѣли только потому, что его высокопревосходительство рѣшился ошибать мнѣ перья! Случай сей описалъ я больше для того, чтобъ показать, какъ и самыя суетныя пристрастія въ тѣхъ даже, кои почитаются между лучшими, хладнокровно играютъ жребіемъ жизни человѣческой. Судить такъ не все ли равно, что̀ рѣзать людей! И ежели положить на вѣсы, съ одной сторо-

ны, воспитаніе такого судящаго, просвѣщеніе, состояніе его въ обществѣ и проч., а съ другой состояніе какого-нибудь крестьянскаго сына, въ грубомъ невѣжествѣ выросшаго, развращеннаго пьянствомъ, который, заворовавшись, укрывается въ лѣсахъ и рѣжетъ людей для того, чтобъ чрезъ нихъ не быть пойманнымъ и сосланнымъ на каторгу или повѣшеннымъ: то не трудно отгадать, которая перетянетъ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Когда Государь Императоръ Александръ Павловичъ воцарился, то я, имѣвъ счастіе, по службѣ моей при государѣ-родителѣ его, быть нѣсколько извѣстнымъ Его Величеству, принялъ смѣлость всеподданнѣйшимъ письмомъ изъявить ему чувствованія моего вѣрноподданническаго усердія и любви. Всемилостивѣйше отвѣчая мнѣ на сіе (отъ 25 Марта 1801 года), Государь изволилъ увѣрить меня во вниманіи его на службу и труды мои.

Вступленіе свое на престолъ благодѣтельный Монархъ сей ознаменовалъ явленіями милостей, предвозвѣщавшими времена Титовъ и Маркъ-Авреліевъ.

Между прочими дѣлами его милосердія уничтоженіе Тайной Экспедиціи весьма было блистательное. Оно имѣло въ предметѣ ея злоупотребленія; ибо, впрочемъ, тайный судъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ столько жъ необходимъ, сколько никогда не можетъ справедливо быть наказаніе тайное, развѣ только когда одна цѣль его есть отечески исправить наказуемаго, скрывая притомъ его отъ стыда. Намѣреніе государево при уничтоженіи оной эспедиціи самое благотворное было; но не соотвѣтствовало ему положеніе Сената, которому предоставилъ Государь постановить, какимъ образомъ производиться роду бывшихъ въ ней дѣлъ.

Сенатъ положилъ ввести дѣла сіи въ общій кругъ судопроизводства и о людяхъ нижняго состоянія оканчивать по рѣшеніямъ палатъ, съ согласія начальниковъ губерній, на основаніи законовъ.

Между кѣмъ же дѣлъ такихъ (и самыхъ пустыхъ, но тѣмъ не меньше бѣдственныхъ), особливо по словамъ, случиться не можетъ, какъ не между людьми нижняго состоянія, въ разсужденіи ихъ невѣжества и грубости нравовъ? Сколько бы жалкихъ жертвъ было строгости законовъ, которую цари, и самые грозные, укрощали, когда подобныя дѣла доходили до ихъ собственнаго рѣшенія, и отъ коей кромѣ ихъ, никто не имѣетъ власти удалиться?

Не могли бы начальники губерній съ палатами нисколько облегчать судьбу судимыхъ, не смѣли бы представлять о томъ, естьли бъ не сыскались еще и такіе, которые бы стали въ сихъ случаяхъ отмѣнною строгостью выслуживаться. Не дерзко предполагать сіе, когда недавно видѣли, что въ самомъ Правительствующемъ Сенатѣ по дѣлу такого рода произошелъ между гг. сенаторами споръ единственно о числѣ ударовъ, и дѣло вошло по тому одному въ общее собраніе [1]).

И такъ, уничтоженіе Тайной могло имѣть гибельнѣйшія для человѣчества слѣдствія, нежели ея существованіе во времена величайшей строгости.

По усердію моему къ общему благу, къ истинной славѣ государевой, и по любви къ человѣчеству, хотѣлъ я представить о семъ отъ себя чрезъ письмо, которое, для поднесенія Государю, располагалъ я отдать другу моему, Сергѣю Ивановичу Плещееву, отправлявшемуся тогда въ С.-Петербургъ, проѣздомъ въ чужіе края. Началъ

---

[1]) Дѣло сіе слушано въ общемъ собраніи Московскихъ департаментовъ 3-го Іюля 1808 года. Оно производилось по доносу о словахъ, относящихся къ оскорбленію царскаго величества. За доносъ недоказанной Уголовная Палата опредѣлила, наказавъ двухъ человѣкъ (отца съ сыномъ) тѣлесно, вмѣсто смертной казни, сослать на каторгу. Въ 6-мъ департаментѣ одни гг. сенаторы утвердили рѣшеніе Палаты, съ опредѣленнымъ сю числомъ ударовъ; а другіе также утвердили и точно тѣми же словами, только съ прибавкою числа ударовъ вдвое. Не могли согласиться, и дѣло перешло въ общее собраніе, въ коемъ наконецъ всѣ согласились на меньшее число ударовъ. Я одинъ не полагалъ ихъ нисколько, и долгомъ совѣсти и самаго законнаго порядка счелъ подать слѣдующій голосъ: „Нахожу въ дѣлѣ семъ возможность какъ умышленной клеветы.... такъ равно и упорства.... въ признаніи вины своей, и при справедливомъ, можетъ быть, показаніи первыхъ: ибо, хотя въ мудрое укрощеніе неосновательныхъ и ложныхъ доносовъ опредѣляется законами тяжкое наказаніе за доносъ недоказанной, однако по многимъ опытамъ извѣстно, что иногда самой справедливый доносъ не можетъ быть доказанъ, или не докажется по нѣкоторому только стеченію обстоятельствъ; а въ сихъ случаяхъ наипаче достойны сожалѣнія неосторожные или простодушные и часто усердные доносители, и на такіе-то случаи весьма кстати, по мнѣнію моему, обращаемъ можетъ быть самимъ правосудіемъ, столько же строгимъ, сколько и человѣколюбивымъ, нареченный законъ, что лучше безъ совершеннаго удостовѣренія десять виноватыхъ простить, нежели осудить на казнь одного невиннаго. Но настоящее дѣло, важное преступленіе въ себѣ заключающее, со всѣхъ сторонъ представляется принадлежащимъ къ такому роду дѣлъ, кои свой источникъ пріемлютъ отъ людей зловредныхъ и коихъ отношенія могутъ имѣть вліянія для общаго спокойства оскорбительныя; а потому я считаю приличнѣйшимъ дѣло сіе для надлежащаго окончанія предоставить разсмотрѣнію извѣстнаго комитета, учрежденнаго высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату въ прошломъ 1807-мъ году Генваря въ 13-й день“. *Примѣч. автора.*

было я и писать его, но приключившаяся вдругъ мнѣ болѣзнь помѣшала. Плещеевъ уѣхалъ, я долго пронемогъ, и между тѣмъ разсудилъ оставить оное до удобнѣйшаго случая, который и подлинно мнѣ скоро представился, какъ опишу я въ своемъ мѣстѣ.

Государь изволилъ прибыть въ Москву на короткое время для коронаціи. Во время пребыванія его въ Москвѣ, общее собраніе Сената составляли 1, 5 и 6-й департаменты. Въ собраніи самъ Государь изволилъ быть однажды и очень долго.

Въ присутствіи Его Величества разсматривали мы дѣло по жалобамъ о сборахъ въ одной губерніи въ пользу нѣкоторыхъ чиновниковъ и для угощенія губернатора и разныхъ проѣзжающихъ знатныхъ лицъ. При семъ было между нами разсужденіе вообще о такихъ угощеніяхъ и о подносѣ хлѣба-соли. Одни находили то дозволительнымъ, а другіе нѣтъ, и я былъ въ числѣ послѣднихъ. Съ двумя изъ важныхъ сенаторовъ вышелъ у меня громкой споръ. «Какъ», говорили они мнѣ, «по обычаю хлѣба-соли не принимать и не пріѣхать на обѣдъ, когда приглашаютъ? Вы сами много ѣздили по губерніямъ; неужели не принимали вы хлѣба-соли и не ѣздили на званые обѣды?»—«Всегда я принималъ и приму», отвѣчалъ я, «хлѣбъ печеный и какую-нибудь глиняную или серебряную, рублей въ пятокъ, солонку; обѣдать пойду ко всякому, начиная отъ перваго изъ чиновниковъ губерніи до послѣдняго купца; но не приму я хлѣба-соли, ежели поднесутъ ее мнѣ на золотомъ блюдѣ и въ осыпанной алмазами солонкѣ, подъ какимъ видомъ можно выдумать способъ и большую деревню поднести. Также не соглашусь я на праздникъ для меня, про которой бы узналъ я, что въ тягость будетъ тому, отъ кого онъ мнѣ дается; а естьли свѣдаю, что собирается давать его цѣлый городъ, причемъ обыкновенно дѣлается денежный сборъ, то поспѣшу запретить и пресѣчь, какъ злоупотребленіе».

Одинъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій держалъ мою сторону. Статью о сборахъ на угощенія и проч. въ оной губерніи положили мы изслѣдовать по порядку судомъ, что̀ и Государь подтвердить изволилъ, а о хлѣбѣ-соли только поговорили. Но на другой, или на третій, день изданъ имянной указъ, коимъ повелѣвается, съ очень подробнымъ изъясненіемъ, отнюдь ничего не подносить и не принимать въ хлѣбъ-соль.

При семъ осмѣлюсь сказать, что намѣреніе сего указа изящное; но, въ разсужденіи долгимъ временемъ укоренившагося обычая, легче обуздать злоупотребленія, могущія происходить посредствомъ подноса хлѣба и соли въ вещахъ драгоцѣнныхъ, нежели совсѣмъ перевести простоты нравовъ обычай: въ хлѣбѣ-соли подносить вещи, подноси-

камъ ничего почти нестоющія, какъ-то, напримѣръ, плоды и тому подобное. Я думаю, что чѣмъ труднѣе обязательства закона, тѣмъ осторожнѣе издавать его должно. Ничто столько не ослабляетъ силу законовъ, какъ ихъ неисполненіе. А требовать исполненія невозможнаго, или крайне труднаго, есть только умножать виноватыхъ.

Еще громкое тогда было дѣло въ общемъ собраніи Сената, но не въ присутствіи въ немъ Государя, Н. П. А-ва съ нѣкоторымъ Малышевымъ, по условію о запроданномъ имѣніи и проч., рѣшенное 3-мъ департаментомъ и по жалобѣ А-ва внесенное въ общее собраніе. Я не зналъ объ этомъ дѣлѣ, хотя вездѣ объ немъ говорили; но я всегда отмѣнно нелюбопытенъ былъ знать чужія дѣла такого рода, и признаться, что часто, изъ благопристойности, слушая ихъ, не слышу. Разсказывали мнѣ объ немъ нѣкоторыя барыни-вѣщуньи; только я или не слыхалъ, какъ говорю, ихъ разговоровъ, или не понялъ ихъ. Помню только, что они А-ва и казнили, и вѣшали, сказывая, что и самъ Государь, слышно, расположенъ противъ него.

На другой день послѣ сихъ разсказовъ, пріѣхавши въ общее собраніе, примѣтилъ я, что они не совсѣмъ неправду сказывали. Генералъ-прокуроръ говоритъ мнѣ, что рѣшеніе 3-го департамента святое, и что я, конечно, съ нимъ согласенъ буду. «Посмотрю» отвѣчалъ я: «естьли найду справедливымъ, то вѣрно соглашусь».

Только что сѣли мы на свои мѣста, читаютъ имянной указъ о разсмотрѣніи онаго дѣла въ общемъ собраніи, а затѣмъ въ слѣдъ и дѣло стали докладывать. Необыкновенная такая спѣшность удивила меня и подтвердила мнѣ о томъ, что подлинно уже заключеніе о дѣлѣ сдѣлано. Я спрашиваю оберъ-секретаря, для чего онъ такъ спѣшитъ?— «Приказано», отвѣчаетъ онъ мнѣ тихонько.

Изо всего видѣлъ я, что дѣло это трактоваться будетъ не безъ предубѣжденій, шумно и, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, въ которыхъ принялъ я всегда себѣ за правило, сказать или написать свое мнѣніе—«да» и «какъ изволятъ». А потому, сохраняя слабую грудь свою отъ напраснаго спора и крика, взялъ я поскорѣе короткую изъ дѣла записку и, увидѣвъ изъ нея, что А-въ по законамъ правъ, тутъ же написалъ въ пользу его мое мнѣніе, которое и отдалъ оберъ-секретарю, сказавъ, что я при немъ и останусь. Нѣкоторые сенаторы, и изъ знатнѣйшихъ, согласились съ моимъ мнѣніемъ, только другими словами. Большинство же голосовъ было противъ, и объ иныхъ генералъ-прокуроръ, вѣроятно, прежде отобравъ ихъ мнѣнія, приказывалъ такъ записывать: «Ну пиши, братецъ, что онъ согласенъ съ 3-мъ департаментомъ».

Замѣчательно было то, что послѣ А-вы, узнавъ о моемъ голосѣ, удивили крайнею благодарностью князя П. В. Л. [2]), считая, что онъ, по знакомству своему съ ними, непремѣнно убѣдилъ меня къ тому своею просьбою; а я отъ него не слыхалъ о дѣлѣ ихъ ни слова, и помнится, не успѣлъ еще тогда и видѣться съ нимъ по пріѣздѣ его изъ Петербурга. Изумились они, какъ князь имъ это сказалъ. Они не привыкли видѣть такихъ нелицепріятій въ случаяхъ подобныхъ ополченій.....и особливо не ожидали отъ меня, потому что никогда не былъ я съ ними въ пріятельскихъ связяхъ, а съ большимъ А-мъ было у насъ по службѣ Московской и неудовольствіе нѣкоторое.

Государь, предъ возвращеніемъ своимъ въ Петербургъ, изволилъ послать меня съ Юрьемъ Александровичемъ Нелединскимъ-Мелецкимъ осмотрѣть Слободскую Украинскую губернію и произвести въ ней нѣкоторыя изслѣдованія. Сей товарищъ мой, весьма извѣстной по рѣдкимъ дарованіямъ его разума и столько же благородствомъ души отличающійся, имѣлъ ко мнѣ довѣренность уже до пристрастія. Онъ, конечно, сдѣлалъ бы все, и сдѣлаетъ не хуже меня, но ни во что не входилъ отъ сказаннаго мною пристрастія и даже, можно сказать, ослѣпленія, при всей необыкновенной остротѣ его ума. Не только во всемъ соглашался онъ со мною, но не хотѣлъ, чтобъ я и требовалъ его согласія, хотя не переставалъ я требовать онаго во всемъ.

При семъ-то осмотрѣ губерніи открылся мнѣ случай сдѣлать давно лежавшее у меня на сердцѣ представленіе о злоупотребленіяхъ, могущихъ произойти отъ постановленія Сената по дѣламъ уничтоженной Тайной Экспедиціи.

Въ тюрьмѣ уѣзднаго города Богучара, между колодниками, увидѣлъ я одного въ оковахъ на рукахъ и на ногахъ, имѣющаго лице замѣтное по чертамъ добронравія и по глубокому на немъ унынію. Когда я подошелъ къ нему, то онъ, зарыдавъ, повалился мнѣ въ ноги и просилъ, чтобъ избавить отъ погибели его съ дѣтьми, коихъ у него было одиннадцать. Успокоивая его надеждою на милосердіе Императора, спросилъ я, по какому онъ содержится дѣлу, и гдѣ оно? «По секрету», сказалъ мнѣ на ухо городничій, «а дѣло въ Уѣздномъ Судѣ». Я велѣлъ привести его къ вечеру къ намъ на квартиру, а уѣздному судьѣ съ секретаремъ принести все дѣло. Поговоря съ колодникомъ, разсмотрѣли мы съ товарищемъ дѣло и нашли, что содержаніе его самое глупое, и что судимый не заслуживаетъ никакого наказа-

---

[2]) Тогдашняго министра юстиціи, князя Лопухина. А—вы кажется—Архаровы, братья Николай и Иванъ Петровичи.

нія; однако, по порядку законному, долженъ быть непремѣнно обвиненъ и наказанъ, вмѣсто смертной казни.

Въ празничный день добрый однодворецъ этотъ зашелъ въ питейный домъ выпить чарку вина. Тутъ же случился отпущенной въ домовой отпускъ матросъ, которой за разныя шалости отданъ былъ въ рекруты изъ того же селенія, когда братъ однодворца былъ въономъ головою. По старой злобѣ на брата, сталъ матросъ къ однодворцу придираться. Смирной однодворецъ отмалчивался и только сказалъ глупую простолюдинскую пословицу, которой, по непристойности въ ней словъ, нельзя написать. Матросъ, переговоря и ее иначе, закричалъ: «Такъ-то ты говоришь?» и донесъ начальству на однодворца въ словахъ оскорбительныхъ царскому величеству, коихъ однодворецъ и не говорилъ. Десять свидѣтелей подтвердили доносъ клеветника.

По законамъ должно основываться на свидѣтельскихъ показаніяхъ, когда обвиняемый не можетъ ихъ ничѣмъ отвести, т. е., не можетъ доказать, чтобъ они, по враждѣ на него или по чему ни есть, могли имѣть причину свидѣтельствовать ложно. Но можетъ ли это всегда доказано быть? Иногда человѣкъ имѣетъ себѣ такихъ непріятелей, которые готовы на него все всклепать и всякое ему зло сдѣлать, но онъ ничѣмъ такого расположенія ихъ доказать не можетъ. У меня перваго не безъ такихъ, и у многихъ конечно. Сверхъ того, можетъ иногда свидѣтель ложно сказать и по тому только, что или не такъ ему послышалось, или забылъ точныя слова, или не такъ ихъ понялъ; а въ подобныхъ дѣлахъ иные и отъ робости, отъ торопости, не вслушаясь, говорятъ ложь. Потому-то я думаю, что справедливо обвинять можно по свидѣтельствамъ такихъ только свидѣтелей, которые не только не имѣютъ причины, но и не могутъ лжесвидѣтельствовать.

Не имѣя власти уничтожить дѣло, велѣли мы однодворца опять отвести въ тюрьму, только уже безъ оковъ, которыя велѣлъ я съ него снять прежде, для того, что неприлично, говорилъ я, городничему въ спальню къ сенаторамъ вводить скованнаго; а послѣ обнадежилъ я его, что колодникъ не уйдетъ. Уѣздному же судьѣ приказалъ я подать намъ, при секретномъ рапортѣ, выписку изъ сего дѣла, поручивъ проворному секретарю поскорѣе это исполнить.

Отпустивъ ихъ, принялся я писать донесеніе Государю для отправленія по отходившей утромъ на другой день почтѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вострой секретарь, вбѣжавъ ко мнѣ, спрашиваетъ, прикажу ли я законы выписать? Знавъ коротко, какъ въ уѣздахъ водится, я тотчасъ право догадался, для чего онъ меня спрашиваетъ, сказавъ, что когда дѣлается выписка, то порядокъ требуетъ, чтобъ

и законы подведены были, и говорилъ я ему: «Скажи мнѣ правду, для чего ты объ этомъ спрашивалъ?»—«А для того, ваше превосходительство», отвѣчалъ мнѣ бойкой секретарь, «что, по данной вамъ власти, не угодно ли будетъ завтра при васъ приказать и экзекуцію сдѣлать?»

Нарочно описалъ я сіе, чтобъ показать образъ мыслей и расположеніе о дѣлахъ сего рода по уѣздамъ и губерніямъ, въ коихъ было оныя о большей части народа и оканчивать начали.

О дѣлѣ однодворца написалъ я отъ обоихъ насъ съ товарищемъ Государю донесеніе, въ коемъ, въ надеждѣ на его человѣколюбіе, представляли мы о семъ дѣлѣ, какъ о незаслуживающемъ уваженія, однако такомъ, которое по законамъ не можетъ быть уничтожено, и судьба страждущаго не можетъ облегчена быть иначе, какъ властію императорскою; а по сдѣланному Сенатомъ о дѣлахъ сего рода постановленію, дѣло оное не можетъ дойти до Его Величества, и что мы, приказавъ продолжать слѣдствіе по точному обряду законовъ, осмѣлились предписать губернатору, чтобъ когда оно внесется къ нему на разсмотрѣніе, то бы онъ никакого не дѣлалъ по оному исполненія до полученія высочайшаго указа.

Къ находившемуся же тогда при Государѣ Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому послали мы, для объясненія, при докладѣ выписку изъ дѣла; а я приложилъ къ нему, для поднесенія Государю, записку, съ пространнымъ разсужденіемъ моимъ о дѣлахъ сего рода и о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя могутъ выйти отъ самого уничтоженія Тайной Экспедиціи, какъ описывалъ я выше.

Въ запискѣ моей представлялъ я, съ какою тонкостью разбирать должно дѣла, особливо о словахъ, которыя иногда означать могутъ рѣшительное расположеніе ко злу, иногда еще нерѣшительное, а иногда произносятся только отъ вѣтренности или невѣжества и пр., чего однакожъ законы не различаютъ. Но что, впрочемъ, сколь ни строги у насъ законы на дѣла сего рода, только я думаю, что, по уваженію ко всѣмъ отношеніямъ нравовъ и состоянія народнаго, неудобно спѣшить ихъ перемѣною; а всего лучше повелѣть всѣ по первымъ двумъ пунктамъ дѣла, по коимъ обвиняются люди, представлять Сенату и Его Величеству, дабы и справедливость въ производствѣ ихъ точнѣе соблюдена была, и Государь бы имѣлъ способы, въ отраду человѣчества, являть небесное свойство милосердія, особливо въ дѣлахъ, до оскорбленія лица его касающихся, и проч. и проч.

Представленіе сіе принято было человѣколюбивымъ Государемъ съ отличнымъ благоволеніемъ, и на другой же день по полученіи его (17 Генваря 1802 года) поскакалъ въ Харьковъ курьеръ съ повелѣніемъ немедленно освободить однодворца; а Сенату данъ указъ, чтобъ

всѣ дѣла сего рода, подъ названіемъ преступленій противъ первыхъ двухъ пунктовъ извѣстныя, согласно оному представленію, вносить въ Правительствующій Сенатъ, а ему съ мнѣніемъ своимъ о каждомъ доносить Его Императорскому Величеству и ожидать утвержденія.

Отъ 20 Генваря увѣдомилъ меня о семъ Д. П. Трощинскій слѣдующимъ письмомъ:

Изъ всемилостивѣйшаго рескрипта вашему превосходительству, вмѣстѣ съ Юріемъ Александровичемъ даннаго, вы изволили видѣть, съ какимъ расположеніемъ Его Императорскимъ Величествомъ приняты донесенія ваши объ окончаніи порученнаго вамъ въ Слободско-Украинской губерніи слѣдствія. Послѣднее ваше донесеніе объ однодворцѣ Саласинѣ, судившемся въ Богучарскомъ уѣздѣ, не менѣе привлекло на себя монаршее вниманіе и, въ слѣдствіе онаго, не только данъ высочайшій указъ объ освобожденіи однодворца сего, но и вообще предписано дѣла сего рода не совершать въ губернскихъ мѣстахъ, но, по ревизіи ихъ, представлять въ Правительствующій Сенатъ, а ему доносить Государю Императору. Принося вашему превосходительству истинную благодарность мою за всѣ благосклонныя выраженія и знаки довѣренности, коими угодно вамъ было почтить меня во все теченіе сего дѣла, считаю себѣ пріятнымъ долгомъ соединить съ вами совершенное мое удовольствіе, что труды и просвѣщеніе ваши обратили на себя монаршее благоволеніе, и проч.

Всегда благодарю я Бога за оное сдѣланное мною представленіе, которымъ помогъ Онъ конечно многимъ избавиться отъ бѣдъ.

Товарищъ мой, который, по окончаніи осмотра нашего, почти прямо проѣхалъ въ Петербургъ по своимъ надобностямъ, писалъ оттуда ко мнѣ: «Дѣло Саласина (секретное въ Богучарѣ) не только рѣшилось къ его избавленію личному, но и будетъ имѣть вліяніе на всѣ прочія таковыя же дѣла, изъ которыхъ по поводу сего многіе уже (сказывалъ мнѣ Дмитрій Прокофьевичъ), разсматриваны и привели въ удивленіе».

Случай оной въ Богучарѣ былъ уже на возвратномъ пути нашемъ въ Москву изъ Харькова, откуда и донесенія всѣ объ осмотрѣ губерніи нами уже отправлены были.

Осмотръ сей удостоился отличнаго благоволенія монаршаго, и мы имѣли счастіе получить слѣдующій рескриптъ:

Господа тайные совѣтники и сенаторы, Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій! Съ совершеннымъ удовольствіемъ получилъ я послѣднее донесеніе ваше объ оконченномъ вами слѣдствіи по жалобамъ жителей Богучарскаго уѣзда. Производство сего дѣла, исполненіе и другихъ

порученій, особенно вамъ отъ меня данныхъ, собственныя ваши примѣчанія на всѣ части Слободско-Украинской губерніи, дѣлаютъ честь вашему просвѣщенію, правотѣ и видамъ справедливаго человѣколюбія. Изъявляя вамъ за сіе благодарность и пріемля за благо всѣ представленія ваши, я далъ надлежащее по тому предписаніе; а въ уваженіе свидѣтельства вашего, пожаловалъ Харьковскаго вице-губернатора, статскаго совѣтника Картылина, въ дѣйствительные статскіе совѣтники, директора училища, коллежскаго ассесора Кудрицкаго, въ надворные совѣтники и, сверхъ того, опредѣлилъ ему въ пенсіонъ, кромѣ жалованья, двѣсти пятьдесятъ рублей, въ подкрѣпленіе самому училищу приказалъ отпустить пять тысячь рублей, предполагая и впредъ дѣлать ему вспоможеніе; титулярнаго совѣтника Шишкина утвердилъ въ Харьковѣ городничимъ, и находившихся при васъ чиновниковъ, Щепина, Добачевскаго и Яковенкова, произвелъ слѣдующими чинами. Пребываю вамъ благосклонный.

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. Генваря 14-го 1802 года.

Случившееся при осмотрѣ Слободско-Украинской губерніи, касательно называющихся Духоборцами, требуетъ также особливаго и подробнѣйшаго описанія.

Проѣзжая вмѣстѣ съ товарищемъ въ Харьковъ, остановились мы на сутки въ Бѣлѣгородѣ. Обѣдали у архіерея. Вспомня, что при покойной императрицѣ Екатеринѣ поручено ему было увѣщаніе находившихся въ тамошнихъ окрестностяхъ Духоборцовъ, полюбопытствовалъ я обстоятельно объ нихъ узнать отъ него. Нашедъ въ семъ пастырѣ только судью имъ самаго строгаго, коего и горячность излишняя въ разговорѣ объ нихъ мѣшала ему довольствовать мое любопытство, перервалъ я разговоръ. Тутъ же обѣдалъ одинъ чиновникъ, бывшій земскимъ исправникомъ во времена розысковъ надъ Духоборцами, который помогалъ хозяину бранить ихъ.

День былъ зимній, самый ясный. Послѣ обѣда пошелъ я по городу прогуливаться съ онымъ чиновникомъ и распрашивалъ его наединѣ о Духоборцахъ. Повѣсть его состояла только въ брани же.— «Да изволите ли вы ихъ знать?» спросилъ онъ меня.—«Нѣтъ». И подлинно мнѣ тогда еще не случалось ни одного изъ нихъ видѣть. — «Извольте жъ ихъ посмотрѣть», продолжалъ онъ: «похожи ли хоть мало на Христіанъ? Кровинки въ лицѣ нѣтъ. Они, злодѣи, и въ церкви хаживали; да полно что въ церкви стоитъ, а не это думаетъ. Только, бывало, и отрада душѣ, что оттуда ихъ вытащить, да въ однихъ рубашкахъ палочьемъ дуть».

«Почему жъ», спрашивалъ я его, «знать было вамъ, что они думаютъ?»—«Какъ же-съ, это видно», отвѣчалъ онъ мнѣ.

Я видѣлъ, что говорить съ нимъ больше нечего, и уже довольно узналъ, какъ поступали съ этими людьми. Скоро имѣлъ я случай и съ нѣкоторыми изъ нихъ разговаривать.

Пріѣхавши въ Харьковъ, между прочими вѣдомостями, потребовалъ я особливую вѣдомость и о томъ, что̀ происходило и происходитъ съ Духоборцами, живущими въ тамошней губерніи.

Губернаторъ подалъ мнѣ вѣдомость. При немъ же читая ее, нашелъ я, что въ царство покойной императрицы нѣкоторые изъ нихъ заключены были въ тѣсныя заточенія и не возвратились. А при государѣ покойномъ всякой генералъ-прокуроръ, въ слѣдствіе губернаторскихъ представленій, объявлялъ именной указъ о ссылкѣ ихъ цѣлыми семействами въ разныя мѣста на поселеніе и на каторгу, и сослано ихъ такимъ образомъ не одно сто.

Всегда сопровождаемая мудрою терпимостью благость, воцарившаяся въ Государѣ Императорѣ Александрѣ I отверзла всѣ темницы въ Россіи, и страдальцы оные освободились. Велѣно было ихъ водворить въ прежнія жилища и оставить въ покоѣ, предоставляя, въ случаяхъ нужды, духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, но безъ всякаго принужденія. Въ Августѣ возвратились они въ свои домы, или лучше сказать, на мѣста опустошенныхъ домовъ ихъ, а въ Октябрѣ, по отзывамъ нѣкоторыхъ поповъ и чиновниковъ земской полиціи, начали ихъ уже опять увѣщевать. И для того отряжены были епархіальнымъ архіереемъ два ученѣйшіе, какъ въ вѣдомости сказано было, священника, и Земскаго Суда засѣдатель съ командою.

«Вы сдѣлаете бунтъ», говорилъ я губернатору: «люди не успѣли вздохнуть покойно, а ихъ опять тревожатъ». Губернаторъ извинялся тѣмъ, что распоряженіе о увѣщаніи ихъ сдѣлано въ его отсутствіе, но что, конечно, никакихъ безпокойныхъ слѣдствій имѣть оно не будетъ. «За послѣднія вы будете отвѣчать», сказалъ я ему, «и прикажите командѣ возвратиться; а чтобъ священники теперь погодили трудиться, о томъ переговорите съ преосвященнымъ».

Это происходило у меня съ губернаторомъ ввечеру поздно.

На другой день, который былъ почтовый, поутру, только что я сѣлъ писать на почту, вбѣжалъ ко мнѣ губернаторъ блѣдный, съ бумагою въ рукахъ, и говоритъ мнѣ: «Ваше превосходительство отгадали. Въ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ происходило увѣщаніе, бунтъ, и я пропалъ: Духоборцы не слушаются; говорятъ, что они Государя помазанникомъ Божіимъ не признаютъ, распятому Господу Іисусу Христу не покланяются и никакихъ податей платить и государственныхъ повинностей исполнять не хотятъ. Вотъ о семъ и секретный рапортъ

ко мнѣ отъ засѣдателя съ нарочнымъ (при которомъ приложенъ и напѣвъ ихъ, пѣснь или псаломъ, дурными стихами сочиненная), доказывающій ихъ безбожіе. Нѣкоторые изъ нихъ взяты подъ стражу, и Земскій Судъ отправился на мѣсто для слѣдствія».

Успокоивалъ я губернатора надеждою, что мы этотъ бунтъ не только укротимъ, да и предупредимъ; совѣтовалъ ему больше остерегаться и меньше робѣть.

«Что жъ прикажете дѣлать? спрашивалъ онъ меня. — «А вотъ что», сказалъ я ему. «Повѣрьте, что все это произошло отъ того, что стали увѣщевать этихъ людей не вó время, безъ нужды, неискусно, ожесточили ихъ и не такъ поняли. Доказательство тому — самой присланный къ вамъ напѣвъ ихъ; читайте его: онъ присланъ въ обличеніе ихъ невѣрія къ Спасителю, а преисполненъ благоговѣнія къ Нему [3]). Вѣрно ихъ спрашивали, чтó думаютъ о коронаціи, которая недавно была. Извѣстно, что обрядовъ никакихъ они не уважаютъ, то, конечно, и о семъ надлежащаго понятія не имѣютъ. Да какая же нужда всякаго теперь мужика, который встрѣтится, спрашивать, чтó онъ думаетъ о коронаціи? Вѣрно ихъ заставляли кланяться образу, и они, по своимъ понятіямъ, не послушались. Вѣрно ихъ спрашивали, будутъ ли платить подати? Они, будучи теперь разоренные, нищіе, которые сами требуютъ помощи, ожесточились такимъ вопросомъ, и проч. И такъ, вотъ что вы сдѣлайте. Пошлите тотчасъ туда нарочнаго. Прикажите всѣхъ, взятыхъ подъ стражу, освободить. Донесеніе объ увѣщаніи припишите тому, что не такъ ихъ поняли, какъ и подлинно. Земскому Суду сдѣлайте самый строгій выговоръ за то, что онъ въ такомъ дѣлѣ, не описавшись къ вамъ и безъ вашего наставленія, осмѣлился отправляться для слѣдствія на мѣсто; прикажите ему и съ командою тотчасъ выѣхать въ городъ, а засѣдателю явиться сюда къ отвѣту. О возвращеніи же увѣщателей-священниковъ извольте отнестись оффиціально къ преосвященному; а мы, на нынѣшней же почтѣ, донесемъ о всемъ томъ Государю».

Губернаторъ вышелъ отъ меня исполнять порученное, а я началъ писать донесеніе Государю.

Товарищъ мой тогда былъ нездоровъ и спалъ еще. Когда онъ проснулся, я ему все разсказалъ и прочиталъ заготовленное мною донесеніе. При всемъ благоразуміи своемъ и человѣколюбіи, находилъ

---

[3]) Въ напѣвѣ семъ написано было: „Покланяемся Христу, не мѣдному, не серебряному, не золотому, не кованному, и не литому, и не писанному, а Христу, Сыну Божію, Спасу міра", и проч., и проч. *Примѣч. автора.*

онъ поступокъ мой слишкомъ рѣшительнымъ и снисходительнымъ и, при всей неограниченной ко мнѣ довѣренности, этотъ разъ согласился онъ, кажется, только изъ нѣкоторой нѣжности, особливо его характеризующей.

Первое донесеніе о семъ Государю было слѣдующее:

Изъ Харькова, Ноября 12-го дня 1801 г.

Высочайшее Вашаго Императорскаго Величества имѣя повелѣніе обратить здѣсь вниманіе на всѣ предметы, заслуживающіе уваженіе, особливымъ долгомъ поставили мы обратить оное на произшедшее по Изюмскому уѣзду относительно такъ-называемыхъ Духоборцевъ, о чемъ, подробно изъясня въ представленной у сего выпискѣ Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше доносимъ слѣдующее. Прежде нашего сюда пріѣзда, начальство здѣшнее, отъ избытка, конечно, усердія, но не проникнувъ въ прямое существо высочайшаго о Духоборцахъ оныхъ указа вашего, Государь, предприняло ихъ увѣщевать и обращать, едва только освободившихся отъ тяжкихъ узъ, разрѣшенныхъ милосердіемъ и мудрою терпимостью, воцарившимися въ священной особѣ Вашего Императорскаго Величества. При ономъ нарядномъ увѣщаніи, вопросы, неискусно конечно сдѣланные, исторгли изъ увѣщеваемыхъ отзывы, какъ доносятъ увѣщатели, противные вѣрноподданническимъ обязанностямъ. Но весьма вѣроятно, что вновь раздраженный фанатизмъ отвѣтствовавшихъ, прежними ихъ бѣдствіями угнетенныхъ и раззоренныхъ, облекъ слова ихъ жестокостью, въ сердцахъ несуществующею, или недостаточное просвѣщеніе увѣщателей превратно ихъ поняло, а предразсудокъ уже противъ говорившихъ представилъ имъ оныя въ краскахъ гораздо больше черныхъ, нежели они въ самомъ дѣлѣ суть.

Такое заключеніе, думаемъ мы, основательно можно дѣлать, Всемилостивѣйшій Государь, изъ самаго противорѣчія, находящагося въ донесеніяхъ увѣщателей относительно къ образу мыслей Духоборцевъ оныхъ въ религіи: ибо между прочими статьями доносятъ, что они «Распятому Господу Іисусу Христу не покланяются», а въ нѣкоторомъ, такъ-называемомъ, напѣвѣ (находящемся въ прилагаемой выпискѣ), котораго нелѣпость, въ свидѣтельство ихъ беззаконія, приводятъ, все показываетъ вѣру и благоговѣніе оныхъ людей къ воплощенію Господню. Заключеніе оное подкрѣпляемъ еще мы тѣмъ, что, въ прилежныхъ, съ ласковостію, разговорахъ нашихъ съ нѣкоторыми изъ такихъ же Духоборцевъ въ Харьковскомъ уѣздѣ, несомнѣнно открыли мы, при чувствахъ особенной благодарности къ Вашему Императорскому Величеству, готовность повиноваться монаршей власти и всѣ земскія обязанности исполнять.

По выше донесенному слѣдствію увѣщанія, Изюмскій Нижній Земскій Судъ, движимый необдуманною ревностію и неопытностію, конечно, въ подобныхъ дѣлахъ, поспѣшилъ отправиться на мѣсто въ то селеніе, гдѣ происходило оное увѣщаніе, для изысканія и производ-

ства изъ того криминальнаго дѣла, и о такомъ опредѣленіи своемъ донесъ губернатору съ нарочнымъ. Но когда губернаторъ насъ о томъ увѣдомилъ, то мы, за долгъ сочтя весьма обратить на случай сей вниманіе, сообразно, думаемъ, августѣйшей благотворной волѣ Вашего Императорскаго Величества и дѣйствительнымъ средствамъ сохраненія общаго спокойства, толико драгоцѣннаго отеческому сердцу Вашему, настояли, чтобъ все оное приписано было недоумѣнію и неискусству увѣщателей, всякое тамъ слѣдствіе и розыскъ были бы тотчасъ пресѣчены, чтобъ никакого никому стѣсненія по сему дѣлу чинено не было, и если кто взятъ подъ стражу, то, нимало не мѣшкавъ, былъ бы освобожденъ, а чтó по время полученія сего отвѣтнаго предписанія уже произошло, о томъ бы, для надлежащаго уваженія, обстоятельно судъ рапортовалъ и ожидалъ повелѣнія, какъ-то означено въ предписаніи губернаторскомъ, въ копіи находящемся въ прилагаемой выпискѣ, а губернаторъ бы донесъ Вашему Императорскому Величеству, для высочайшаго благоусмотрѣнія.

Настояніе о такомъ поступкѣ въ случаѣ семъ отъ главнаго здѣсь начальства сочли мы за нужное, дабы не воспалить фанатизмъ, котораго лучшая пища есть бросаться въ огонь и оковы, всего болѣе его усиливающія и распространяющія, и дабы отвратить непремѣнное принесеніе жертвъ невинности или невѣжества и крайней строгости правосудія, не могущей тутъ дѣйствовать съ пользою и успѣхомъ. Еще и потому разсудили мы за правильное такъ сдѣлать, что образъ мыслей оныхъ Духоборцовъ довольно уже испытанъ правительствомъ чрезъ прежніе розыски по Тайной Экспедиціи, которую упразднила именемъ и дѣйствіемъ таже великодушная благость Вашего Императорскаго Величества, которая и людей оныхъ изъ заточенія освободила.

Долгомъ также почитаемъ мы, касательно увѣщанія и вообще обхожденія съ оными Духоборцами (коихъ всѣхъ здѣсь небольшое число) изъяснить здѣшнему начальству августѣйшую волю вашу, Государь, изображенную въ доставленныхъ намъ о томъ документахъ такъ: что въ повелѣніи предоставлять духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, безъ всякаго съ ихъ стороны принужденія, не должно разумѣть безвременныхъ, нарядныхъ, въ видѣ суда (образомъ, смущать и устрашать могущимъ) производимыхъ увѣщаній, но дѣлать то кстати, наблюдая расположеніе, стараясь въ самыхъ мѣстахъ ихъ жилищъ имѣть при церквахъ священниковъ, не столько отличающихся блескомъ школьнаго ученія и искусствомъ въ словопреніи, какъ истиннымъ благочестіемъ и усердною любовію къ закону Божію и Евангельскому ученію, жизнію своею свидѣтельствующихъ чувствованія свои и правила. Таковые пастыри, естественно, вкореня о себѣ доброе мнѣніе, привлекутъ къ себѣ довѣренность, найдутъ время, случаи и мѣста къ бесѣдамъ своимъ и самыми простыми способами откроютъ пути къ подѣйствованію на сердца ихъ и умы, желающіе просвѣщенія и къ закону Божію внутренно ревностные, но заблуждающіе въ образахъ и средствахъ. Что же касается до вѣрноподданническаго долгу и обязанности, то, слѣдуя мудрому

Вашего Императорскаго Величества соизволенію, при обхожденіи съ ними съ кротостію и терпѣніемъ, требовать отъ нихъ, какъ отъ всѣхъ вообще, исполненія обязанностей, предписанныхъ указами Вашего Императорскаго Величества и государственными законами, по общему гражданскому и земскому состоянію, съ неисполняющихъ оныя чинить взысканія по тѣмъ же законамъ, не входя въ мысленные источники и причины неисполненія; если бы же кто на дѣлѣ оказался прямо возмутителемъ противу власти и общаго спокойства, съ тѣмъ поступать по всей точности и строгости законовъ.

Не оставимъ мы, Всемилостивѣйшій Государь, устремлять своего вниманія на оное дѣло, во все время бытности нашей въ здѣшней губерніи, для исполненія высочайшихъ препорученій намъ отъ Вашего Императорскаго Величества, которыя всѣ стараемся со всякою рачительностію наилучшимъ образомъ исполнять, и о всемъ будемъ въ свое время доносить вамъ, Государь, съ искренностью и откровенностью, свойственными безпредѣльному усердію, съ коимъ повергаемся къ освященнымъ Вашимъ стопамъ.

Возвратившіеся увѣщатели подтвердили мою догадку.

Въ отчетѣ своемъ сказали они, что подлинно первый отъ нихъ вопросъ Духоборцамъ былъ о коронаціи. Духоборцы, не имѣющіе къ обрядамъ уваженія, не могли сдѣлать имъ отвѣта удовлетворительнаго и сказали, что они всякаго царя почитаютъ отъ Бога постановленнымъ, добраго—даромъ Божіимъ, а злаго—бичемъ за грѣхи. Поставили передъ нихъ образъ Спасителевъ и спрашивали ихъ, вѣруютъ ли они въ предстоящаго предъ ними Спасителя. Духоборцы отвѣчали: «Это не Спаситель, а доска расписанная». Наконецъ, ихъ спрашивали: «Будутъ ди они платить подати и рекрутъ ставить?» Они съ досадою говорили: «Мы нищіе, чѣмъ намъ подати платить? Какіе отъ насъ рекруты? Остался старый, да малый, да изувѣченный. Мы прежде служили Государю какъ и другіе, а теперь—власть его, не можемъ».

Скоро собралось у насъ много Духоборцовъ. Нѣсколько ихъ пришло и изъ Екатеринославской губерніи. Хотя для порядка сохранялъ я въ дѣлѣ ихъ форму секретнаго производства, однако, чтобъ не подавать видовъ, смущающихъ и привлекающихъ излишнее отъ народа любопытство, говаривалъ я часто съ ними и при всѣхъ, и обыкновенно ходили они ко мнѣ всякой день поутру. Они очень полюбили меня и говорили со мною откровенно. Кромѣ безмѣрныхъ, фанатическихъ, можно сказать, предразсудковъ противъ всякой наружности и скептическаго особничества и предпочтенія себя, нашелъ я въ нихъ понятія о Христіанствѣ самыя коренныя и правильныя. Сила духа вѣры въ нихъ весьма замѣчательная и общая. Никто почти изъ

нихъ грамотѣ не знаетъ хорошенько; писать изъ многихъ, бывшихъ тогда у насъ, худо умѣлъ только одинъ, а всякій о законѣ говоритъ какъ книга.

Соглашаяся съ ними, и по справедливости, въ томъ, что все существенное заключается во внутреннемъ, убѣждалъ я ихъ въ надобности и пользѣ ходить въ храмы, исполнять всѣ внѣшнія обязанности, повиноваться всѣмъ уставамъ церковнымъ. «Дѣлайте это», говорилъ я имъ, «хотя изъ любви къ ближнему, безъ которой не можно быть христіаниномъ; дѣлайте это, по крайней мѣрѣ, для того, чтобъ ближнихъ вашихъ не вводить въ грѣхъ отвращенія отъ васъ и вражды. Да для чего жъ», спрашивалъ я ихъ, «перестали вы ходить въ церковь? Вѣдь вы прежде ходили и все исполняли какъ и прочіе?»

«Признаемся», отвѣчали они мнѣ, «въ грѣхѣ своемъ, что перестали ходить отъ досады, и теперь не можемъ переломить себя».— «Отъ какой досады?—«Ну, да какъ насъ начали изъ церквей-то таскать, да въ однихъ рубашкахъ бить палочьемъ, приговаривая: «Въ церкви стоишь, а не то думаешь.»

Что они не лгали, въ томъ я очень увѣренъ былъ отъ самаго бывшаго господина исправника, которой мнѣ хвалился такою палочною противъ нихъ войною, и которой изъ числа ихъ почиталъ христіанами только тѣхъ, у кого въ щекахъ румянецъ играетъ.

Наконецъ, Духоборцы подали намъ прошеніе, въ коемъ, изъявляя свою вѣрность и усердіе къ Государю, просили исходатайствовать имъ позволеніе отдѣлиться въ особое поселеніе.

Вслѣдствіе сего написали мы къ Государю включаемое здѣсь донесеніе.

Изъ Харькова. Декабря 3 дня 1801 года.

Вслѣдствіе нашего всеподданнѣйшаго донесенія Вашему Императорскому Величеству, отъ 12 числа Ноября, о происшедшемъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, по случаю безвременнаго увѣщанія такъ называемыхъ Духоборцовъ, нынѣ за долгъ считаемъ донести, что, продолжая обращать самое прилежное вниманіе на дѣло сіе, всегда находили мы подтвержденіе нашего заключенія о томъ, что безвременное увѣщаніе оное производимо было и образомъ неискуснымъ, и вопросами неосторожными и напрасными, и что отвѣты увѣщеваемыхъ совсѣмъ не такъ были поняты.

Наконецъ, самые тѣ изъ оныхъ, которые наиболѣе и съ такою важностью обвиняемы были, и которые и по прежде бывшимъ розыскамъ изъ главныхъ почитались, будучи, по настоянію нашему, освобождены, на сихъ дняхъ пришли къ намъ оправдать себя, и въ ласковомъ обращеніи, испытывая ихъ лично, мы совершенно удостовѣрились въ справедливости нашего прежняго заключенія. Потомъ, испро-

сивъ позволеніе, они намъ подали прошеніе, которое подтвердили при насъ и при губернаторѣ здѣшнемъ и которое мы при семъ осмѣливаемся въ подлинникѣ представить высочайшему воззрѣнію Вашего Императорскаго Величества. Въ немъ совсѣмъ противное тому, что̀ имъ приписывали, и мы свидѣтели искреннихъ чувствъ ихъ вѣрности, благодарности и почтенія къ августѣйшей особѣ вашей, всемилостивѣйшей Государь, простыми изреченіями въ прошеніи ономъ изображенныхъ.

Давно и довольно долженъ быть извѣстенъ ихъ образъ мыслей, хотя едва ли когда, осмѣлимся сказать, при испытаніи ихъ поступлено было съ полнымъ равнодушіемъ и со всѣмъ должнымъ уваженіемъ къ человѣчеству вообще, безъ различія лицъ. Однако, довольно извѣстно, что они, пріемля только духовное поклоненіе и совершеніе таинствъ единственно духомъ же во внутренности, отметають всякую наружность въ религіи; а посему естественно, что не могутъ они уважать и обрядъ мѵропомазанія. Но они признаютъ государей отъ Бога поставленными и за долгъ считаютъ имъ повиноваться, какъ и всѣмъ властямъ, отъ нихъ учрежденнымъ. А къ особѣ Вашего Императорскаго Величества они, можно сказать, проникнуты признательностію и любовію и, говоря о Вашемъ Величествѣ, всякой разъ прибавляютъ: «Онъ нашъ Государь и человѣкъ добрый и милостивой». Смѣло повторяемъ мы сіи слова ихъ простодушія, вѣдая, что вѣрноподданническая преданность въ простомъ чувствованіи особливо угодна истинно-отеческой любви вашей и великодушной благости.

Изъ всѣхъ селеній здѣшнихъ, Духоборцы, гдѣ они есть, и нѣкоторые изъ Новороссійской губерніи были у насъ, всемилостивѣйшій Государь, и всѣ изъявляли желаніе отдѣлиться въ особое поселеніе, не назначая никакихъ себѣ къ тому мѣстъ, и въ оныхъ, какъ и въ нужномъ имъ для того вспоможеніи, совершенно предаваясь всемилостивѣйшей волѣ вашей.

Мы за нужное считаемъ донести о семъ Вашему Императорскому Величеству, предполагая, что не найдется ли какого образа исполненія онаго на общую пользу государственную и къ успокоенію самыхъ сихъ людей, устраненіемъ ихъ отъ случаевъ и причинъ быть притѣсняемыми иногда невѣжествомъ, или безразсудною ревностію, и удаленіемъ ихъ отъ вредныхъ послѣдствій вражды съ прочими поселянами, которые подлинно ихъ не терпятъ, какъ и всѣ почти жители; а при томъ не пресѣкутся ли, или, по крайней мѣрѣ, не затруднятся, чрезъ самое сіе способы имъ размножаться обращеніемъ къ себѣ другихъ.

Имѣвъ нынѣ довольно случая узнать оныхъ Духоборцовъ, осмѣливаемся сказать, что естьли бы заблагоразсуждено было переселить ихъ въ особыя мѣста, то, кажется, удобнѣе бы, не учреждая между ими, какъ между прочими поселянами, своихъ волостныхъ правленій, учредить надъ ними начальство, по примѣру бывшихъ въ экономическихъ волостяхъ коммисаровъ или управителей, опредѣляя чиновниковъ честныхъ, добронравныхъ и несуевѣрныхъ.

Не теряя также, по связи общей, изъ виду полнаго присоединенія ихъ къ господствующей въ Россіи Православной Церкви средства-

ми, истинному духу Христіанства приличными и сообразными сохраненію повсемѣстнаго спокойства, небезполезно, конечно, было бы тогда селенія оныя помѣстить не въ самой большой отдаленности отъ городовъ, или такихъ селеній, въ которыхъ могли бы просвѣщенные истиннымъ познаніемъ закона священники, славою благочиннаго прохожденія своей должности, добраго житія и убѣдительнаго, сердечнаго проповѣданія Слова Божія, привлекать къ себѣ оныхъ людей, которымъ, конечно, не столько нужно доказывать пользу и необходимость обрядовъ, какъ-то, что никакіе обряды не могутъ препятствовать существенному богослуженію и поклоненію внутреннему, которое подлинно есть коренное и котораго они не отвергаютъ.

Мудрая терпимость, каковую Ваше Императорское Величество столь великодушно являть изволите, и снисходительное, такъ сказать, забвеніе оныхъ людей со стороны ихъ образа мыслей, всего дѣйствительнѣе могутъ ослабить энтузіазмъ, которымъ они весьма сильно и единственно водятся. Всякое принужденіе раздражитъ только энтузіазмъ сей, всякое утѣсненіе воспалитъ его. Прочіе раскольники, держимые закоснѣлостію навыка, или особливо выгодами корысти привлекаемые, могутъ, одни отвлекаться отсѣченіемъ средствъ пріобрѣтать оныя выгоды, или даже приведеніемъ въ состояніе необходимо терять предъ другими; иные могутъ убѣждаемы быть въ своихъ заблужденіяхъ, которымъ они слѣдуютъ часто болѣе по навыку и которыя не укоренилися въ душахъ ихъ, а въ сердцахъ, по большей части, и вовсе не существуютъ. Но, такъ называемые, Духоборцы оные совершенно восхищены однимъ энтузіазмомъ, и столь бѣдны, что терять имъ нечего.

Бѣдность ихъ, Государь, прекрайняя: ибо они до конца разорены ссылкою со всѣми семействами на заточенія и въ работы, изъ коихъ освободило ихъ милосердіе и человѣколюбіе Вашего Императорскаго Величества. Домы ихъ и всѣ пожитки проданы. И хотя повелѣно было полученныя за оные деньги имъ доставить, и доставлены въ мѣста бывшей ихъ неволи, но все сіе продано за безцѣнокъ, и не могло иначе быть продано; а впрочемъ какъ все оное въ подобныхъ случаяхъ дѣлается, то конечно извѣстно, осмѣлимся мы сказать, спасительной для ввѣренныхъ вамъ народовъ опытности вашей, Государь, и прозорливости.

Бѣдное состояніе оныхъ людей, коихъ и число здѣсь не велико, столько жалостно, что по истинѣ достойно обратить на себя воззрѣніе великой щедроты Вашего Императорскаго Величества, дающаго примѣръ земнымъ владыкамъ священнаго уваженія къ человѣчеству.

За долгъ поставили мы все оное всеподданнѣйше донести Вашему Императорскаму Величеству и мнѣніе наше смѣло и свободно представили, руководимы будучи безпредѣльнымъ усердіемъ къ августѣйшей особѣ Вашего Императорскаго Величества и къ пользѣ отечества. Вѣрноподданническою любовію цѣлуя скипетръ благоденствія его держащую руку вашу, повергаемся къ священнымъ вашимъ стопамъ.

Сіе донесеніе отправили мы уже по окончаніи осмотра Слободской-Украинской губерніи и, собираясь вмѣстѣ съ товарищемъ возвратиться въ Москву чрезъ Богучарской уѣздъ той же губерніи, въ которомъ надобно еще намъ было произвести нѣкоторое изслѣдованіе.

На первое донесеніе наше о Духоборцахъ не имѣли мы еще отвѣта. Признаюсь, что и не ожидалъ я пріятнаго. Я очень надѣялся на прозорливость и человѣколюбіе Государя, но не былъ совершенно увѣренъ въ томъ, чтобъ нисколько не могли подѣйствовать толки иныхъ изъ окружающихъ, такихъ, которые хотятъ выслуживаться, представляя вездѣ опасности (хотя ни одной прямой отвратить не умѣютъ) и которые хвалятъ или порочатъ дѣло не по тому, каково оно, а по тому, кѣмъ оно сдѣлано [1]). Тѣмъ больше, думалъ я, толки такіе могли навлечь препятства, что тогда, со стороны образа мыслей моихъ, не могъ я еще столько извѣстенъ быть Государю, какъ послѣ имѣлъ я къ тому счастіе чрезъ нѣкоторые особливые случаи.

---

[1]) Особливо могъ я такъ думать по тому, что клевета и недоразумѣніе давно разглашаютъ, будто я превеликой защитникъ всякой секты и расколовъ, и заключеніе сіе обо мнѣ простирается до слѣпоты. Довольно сказать о томъ только два примѣра.

1. Передъ самою сею поѣздкою въ Харьковъ, видя у одного отлично-разумнаго и ученаго архіерея (который былъ то пріятелемъ, то гонителемъ моимъ и умеръ, кажется, первымъ), разговаривалъ я съ нимъ о расколахъ и о средствахъ укротить ихъ, представляя къ тому самыя дѣйствительныя, кромѣ жестокостей и тѣлесныхъ истязаній. На другой день архіерей сей, въ собраніи Синода, бывшаго тогда въ Москвѣ, разсказываетъ, что онъ съ ужасомъ вчерась слышалъ отъ меня самаго, какой я защитникъ и покровитель всѣхъ раскольниковъ, и что это такого рода расположеніе мое, которое не бездостойно даже вниманія правительства. Другой архіерей, съ которымъ мнѣ случилось говорить точно тоже и въ тотъ же самый день, только ввечеру позже, съ удивленіемъ отвѣчалъ ему, что онъ наканунѣ же слышалъ отъ меня, напротивъ, самыя сильныя и дѣйствительныя средства къ пресѣченію расколовъ, но только жаль, что уже поздно ихъ употреблять и пересказывалъ, какія. Гонитель мой, при всей лютости своего ополченія, смягчился, однакожъ, и утихъ, посовѣстясь, слово въ слово тоже, что̀ и ему я говорилъ, слыша за мое же отъ своего товарища, и еще старшаго.

2. Вошла въ Сенатъ жалоба отъ раскольника-крестьянина на своего помѣщика (именно та, о которой говорю я ниже въ сей второй части моихъ Записокъ), въ коей онъ особливо жалуется на то, что помѣщикъ мѣшаетъ ему раскольничать. Въ Сенатѣ дается резолюція, пособляющая просителю. Я за болѣзнію тогда не присутствовалъ. Не согласясь на такую резолюцію, далъ я голосъ, чтобъ жалобу эту передать въ уголовный департаментъ, для поступленія по строгости законовъ, въ укрощеніе буйства. При чтеніи моего голоса товарищи, въ первомъ движеніи, закричали: „Ну, извѣстно, что онъ за раскольника!“ Это даже забавно. *Примѣч. автора.*

Впрочемъ, при всемъ производствѣ онаго дѣла о Духоборцахъ, съ начала самаго не ожидалъ я себѣ пріятности за него по службѣ, а предметомъ имѣлъ оказать услугу общей государства пользѣ и человѣчеству, хотя бы самому и много потерпѣть за то досталось.

Наканунѣ выѣзда изъ Харькова, по обыкновенію своему проснувшись рано поутру, нашелъ я въ своей предспальнѣ дожидавшагося меня почтмейстера, который вручилъ мнѣ по эстафетѣ полученный отъ Императора рескриптъ.

Готовъ уже будучи прочитать себѣ неудовольствіе, долго не распечатывалъ я его, и распечаталъ гораздо послѣ, распрощавшись съ почтмейстеромъ.

Но вотъ какой это былъ рескриптъ:

Господа тайные совѣтники и сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій! Пріимите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ Духоборцовъ. Я нахожу его столько же сообразнымъ просвѣщенію и благоразумнымъ вашимъ правиламъ, сколько и основаннымъ на справедливости и настоящемъ положеніи сихъ людей; и въ слѣдствіе того поручаю вамъ, въ продолженіе пребыванія вашего въ Слободско-Украинской губерніи, наблюсти, дабы распоряженія, вами сдѣланныя, воспріяли точное ихъ дѣйствіе и послужили мѣстному начальству и на будущее время образцомъ поведенія его съ симъ родомъ людей. Вмѣстѣ съ симъ вразумляю я губернатора, какимъ образомъ должно располагать ему назначенное при возвращеніи сихъ Духоборцовъ увѣщаніе и, находя, между тѣмъ, что прежде предпріятаго тамошнимъ правительствомъ наряднаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе бы было помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ правительству, должно бы было дать имъ почувствовать, что правительство сіе въ разоренномъ ихъ положеніи готово простерть имъ руку помощи и покровительства, я предписываю ему, войдя въ ихъ состояніе и описавъ ихъ нужды, представить мнѣ, имѣютъ ли они домы, и естьли не имѣютъ, то сколько потребно будетъ на ихъ построеніе, дабы можно было дать имъ немедленно нужное пособіе.

Впрочемъ пребываю вамъ благосклонный Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. Ноября 27-го 1801 года.

До восхищенія пріятенъ былъ, конечно сей, рескриптъ, коего слова, изъявляющія терпимость и щедроту Государя, должны неизъгладимыми буквами начертаться въ славнѣйшихъ дѣяніяхъ человѣколюбія и просвѣщенія.

Успокоился и порадовался очень и товарищъ мой, и вотъ что онъ при этомъ сдѣлалъ. Черта почтеннаго характера, достойная быть извѣстною. На одной эстафетѣ съ рескриптомъ симъ получилъ я пись-

мо отъ Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, въ которомъ сей министръ, отличною твердостью и рѣдкимъ въ дѣлахъ государственныхъ искусствомъ одаренный, писалъ ко мнѣ о томъ удовольствіи, коимъ онъ искренно участвовалъ при семъ случаѣ въ благоволеніи монаршемъ, и въ концѣ письма своего писалъ поклонъ моему товарищу. Товарищъ мой, благодаря его письмомъ, которое изготовилъ онъ послать съ фельдъегеремъ (коего, наканунѣ отъѣзда нашего изъ Харькова, надобно намъ было отправить въ Петербургъ) въ письмѣ ономъ написалъ, что «онъ нисколько не можетъ участвовать въ благоволеніи отъ Государя, намъ оказанномъ, потому что онъ во все время ничего больше не дѣлалъ, какъ только то подписывалъ, что̀ я напишу». Письмо это показалъ онъ мнѣ. Я хотѣлъ его пріятельски изодрать, но онъ, слишкомъ серьозно сказавъ, что поссорится со мною, вырвалъ его у меня, запечаталъ и отдалъ фельдъегерю. Шутя, я попробовалъ взять письмо у фельдъегеря; только тутъ дошло было подлинно до брани [5]).

Такимъ образомъ кончилась исторія Духоборцовъ, которые, по нашему представленію, сходному съ ихъ желаніемъ, переселены въ особое жилище, на Молочныя Воды, съ щедрыми пособіями отъ милосердія Государева, и составляютъ теперь одну изъ лучшихъ колоній.

Поступокъ нашъ въ дѣлѣ семъ поставленъ былъ за образецъ начальствамъ всѣхъ губерній высочайшимъ именнымъ указомъ, которой чрезъ генералъ-прокурора объявленъ всѣмъ губернаторамъ въ томъ же Декабрѣ 1801 года.

Въ публикѣ иные хвалили это дѣло, а большая часть осуждали, и всѣ критики и порицанія устремлялись на меня.

Бранили меня нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все, касающееся до религіи, есть ихъ монополія, и что безъ рясы и клобука не можно имѣть истиннаго просвѣщенія въ сей религіи, коея начало и конецъ есть Сый, вездѣ и вся исполняяй.

Бранили меня благочестивыми слывущіе старцы, кои не пропускаютъ обѣдней и прилежно разбираютъ, рыба ли вязига *) и можно ли въ постные дни чай пить съ сахаромъ, потому что въ него-де кладется кровь, и которые готовы безъ разбора подписывать людямъ

---

[5]) Подлинно зналъ я одну барыню, очень богомольную, разумную и еще мастерицу по-французски и по-нѣмецки, которая толковала съ архіереями, можно ли ѣсть вязигу въ тѣ дни, въ которые по уставу не положено ѣсть рыбу; и ей разрѣшили, почему-то, не упомню, вязигу къ рыбѣ не причитая. *Примѣч. автора.*

ссылку и всякую неправду для пріятеля, особливо для вельможи придворнаго.

Бранили думающіе о себѣ, что они философы и выше, какъ говорятъ они, предразсудковъ; которые презираютъ всѣ секты и расколы, хотя не знаютъ прямо, чтó такое секта, или расколъ; не знаютъ сами хорошенько, какой они религіи и съ надменной улыбкою слабыхъ умовъ говорятъ: «Какъ будто нѣтъ честныхъ людей между язычниками, и какъ будто не было ихъ до Христа», Коему они не вѣрятъ.

Бранили охотники вмѣшиваться въ политику, которые, какъ бы заботясь о благосостояніи и твердости государства, кричатъ, что секты не должны быть терпимы, хотя также ни знаютъ, ни вѣдаютъ, что̀ такое секта и въ чемъ состоитъ благосостояніе государства, и хотя они сами изъ ленточки, изъ титла какого-нибудь превосходительства, и особливо изъ знатной суммы ходячихъ достоинствъ, готовы на все пуститься.

Брани и толки такихъ господъ, и доселѣ продолжающіеся, принималъ я всегда очень равнодушно; но, узнавъ, что и тамъ объ ономъ дѣлѣ Духоборцовъ перемѣняются заключенія, откуда вліяніе ихъ можетъ простираться и на общую пользу (не говоря о томъ, что и мнѣ лично въ нѣкоторый вредъ, ибо я о себѣ въ такихъ случаяхъ мало привыкъ думать, и по самому природному моему нраву, равнодушіе тутъ для меня нетрудно), узнавъ о семъ, разсѣялъ я одну рукопись, къ которой описалъ все оное происшествіе съ Духоборцами, причины моего съ ними поступка, образъ мыслей моихъ о расколахъ и о томъ, какъ съ ними поступать вообще. Я помѣщу здѣсь сію рукопись, которая не могла быть напечатана, исключа изъ нея сказанное уже мною выше о семъ случаѣ. Къ сочиненію ея особливо побужденъ я былъ однимъ извѣстнымъ мнѣ письмомъ первенствующаго въ Синодѣ архіерея, въ коемъ онъ, по нѣкоторому случаю, говоря о Духоборцахъ, писалъ: «Сей родъ сильно умножается и, не зная, что̀ дѣлать съ нимъ, зѣло винятъ Ивана Владиміровича».

Выписка изъ рукописи подъ названіемъ отзывъ искренности.

Слышу, что умножается число такъ называемыхъ Духоборцовъ и что за сіе винятъ меня. Естьли бы я зналъ, что обвиненіе такое заключается только въ разныхъ толкахъ невѣжества и въ злорѣчіяхъ моихъ непріятелей (хотя я ихъ развѣ отъ того много имѣю, что никогда не могъ быть и не есмь никому непріятелемъ), то я бы не только постыдился, да и полѣнился бы, право, себя оправдывать.

Но какъ разглашенія такія могутъ ввести въ ложное понятіе и изъ самыхъ благомыслящихъ людей тѣхъ, которые не знаютъ прямо обстоятельствъ, и какъ статья сія относится къ важному состоянію религіи и къ общественному благоустройству, то я, по чувствамъ моего благоговѣнія къ Церкви и ревностной любви къ отечеству, считаю за нужное нѣчто о семъ сказать.

I. Никогда, не только на бумагѣ, но ниже на словахъ, и съ самыми короткими пріятелями, не одобрялъ я оную секту. Всякая секта должна имѣть, и конечно имѣетъ, свои заблужденія.

Истинная религія есть ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, а новая тварь во Христѣ Іисусѣ, есть истинная натура Христіанства. Кто сего евангельскаго и апостольскаго о Христіанствѣ заключенія не приметъ, тотъ или врагъ Христіанству, или совсѣмъ никакого объ немъ чувства и понятія не имѣетъ.

Но для возведенія падшихъ грѣхомъ людей на оный таинственный путь христіанской жизни, и для постояннаго ихъ къ тому препровожденія, при содѣйствіи благодати свыше, нужны церковные уставы, обряды, служенія, правительства, начальства и проч. А посему и надобность учрежденной религіи етть самая священная и спасительная. И изъ всѣхъ, истину исповѣдающихъ, т. е. христіанскихъ религій, уставъ Греко-восточной Церкви почитаю я наилучшимъ, не потому только, что я ней родился, но по убѣжденію сердца моего и разума.

II. Исторія раздѣленій Церкви извѣстна. Они столько жъ естественны, сколько естественно заблужденіе людямъ, не могущимъ видѣть истину изъ точки прямаго на нее зрѣнія, а испытывающимъ ее по образамъ и оттѣнкамъ, слабостью разсудка природнаго. Отъ сего произошли всѣ раздѣленія (секты) и расколы. Политическія побужденія были всегда уже вторыми причинами. Фанатизмомъ ли суевѣрія, честолюбіемъ или сребролюбіемъ руководствовались учредители сектъ, но всегда пользовались они заблужденіемъ людей, слѣпотствующихъ на путяхъ къ истинѣ.

Источникъ всѣхъ почти расколовъ есть усердіе непросвѣщенное, исканіе лучшаго образа богослуженія, которое, конечно, рождается отъ усердія къ Богу; но безъ просвѣщенія, на самомъ подвигѣ усердія сего, въ заблужденіе войти можно. Для того же, кто, называясь христіаниномъ, во Христа не вѣруетъ, о Богѣ не помышляетъ, конечно, все равно, тотъ или другой образъ поклоненія, или совсѣмъ никакого. Таковой, конечно, не уклонится ни въ какую секту, и уклоняться ему не отъ чего. Итакъ самая ревность къ закону Божію, но свѣтомъ истиннаго разума не управляемая, заводитъ въ разнообразныя заблужденія и производитъ различные расколы и раздѣленія. Не постигающій силы духа и внутренняго качества христіанскаго и заключающій все въ одной внѣшности, боготворитъ ее и ею соблазняется. Разница въ литерахъ, въ какомъ нибудь обрядѣ, соблазняетъ и совращаетъ его. Онъ лучше согласится не величать Христа, нежели говорить тѣми, а не другими словами, лучше совсѣмъ не будетъ молиться, нежели не тѣ употреблять внѣшніе знаки поклоненія, какіе употребляли его пред-

ки. На семъ совратившихся самое большое число. Въ подвигѣ усердія непросвѣщеннаго, при суевѣрномъ обожаніи внѣшности, гораздо удобнѣе слабостямъ человѣческимъ удовлетворяться ея исполненіями, нежели сражаться со страстьми и отрицаться самолюбія.

Другіе впадаютъ въ противное, но также въ заблужденіе, и столько же удаляются отъ пути истиннаго. Понимая, что не во внѣшности заключается существенное, но не понимая пользу внѣшности и необходимость ея, какъ средства къ внутреннему, отвергаютъ внѣшнее, презираютъ образное, но не постигаютъ истиннаго, не вѣдаютъ существенной внутренности духовнаго. Разсужденія о Богѣ принимаютъ за созерцаніе божественнаго; молитву неустную, мысли о молитвѣ—за поклоненіе духомъ и истиною; безразсудное неуваженіе всякой внѣшности, при размышленіи о духовномъ и при нѣкоторомъ стараніи естественными силами исполнять поверхность христіанскихъ обязанностей, съ большимъ пожертвованіемъ самолюбію, почитаютъ жизнью духовною, внутреннимъ Христіанствомъ. Не вѣдаютъ, что созерцаніе небеснаго свойственно быть можетъ только чистому оку божественной премудрости, которая не входитъ въ злую душу и не обитаетъ въ тѣлѣ, оскверняющемся грѣхами; что поклоненіе духомъ и истиною есть жертвоприношеніе сердца, исполненнаго страха Господня, при живомъ, вѣрою и любовію, ощущеніи присутствія Божія; что духовная жизнь внутренняго Христіанства есть безпрестанное распятіе плоти и страстей на внутреннемъ крестѣ самоотверженія и смиренія.

III. Изъ оной-то смѣси стремленія къ чистѣйшему поклоненію и ложнаго понятія о духовномъ родилась секта такъ называемыхъ Духоборцовъ. Кто именно ее учредилъ и точное время начала ея неизвѣстно. Нѣкоторые изъ нихъ меня увѣряли, что уже слишкомъ сто лѣтъ существуетъ у нихъ такой образъ исповѣданія. Правительству же стали они извѣстны около 1770 года. Впрочемъ, хотя отъ начала своего имѣли они правиломъ не уважать ничего наружнаго и все заключать единственно во внутренности и въ дѣятельномъ исполненіи евангельскихъ заповѣдей, однако они всегда ходили въ храмы, бывали у Св. Причастія, въ храмахъ крестились, бракомъ сочетались и всѣ внѣшнія обязанности религіи исполняли. Сіе между ими продолжалось до самаго послѣдняго времени ихъ ссылокъ и заточеній.

Никакая секта въ новѣйшія времена не была столь строго преслѣдуема, какъ оные Духоборцы, и, конечно, не по тому только, что они всѣхъ вреднѣе. Разными образами истязывали ихъ, цѣлыми семействами ссылали въ тяжкія работы, заключали въ самыя жестокія темницы. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ такихъ, гдѣ ни стоять во весь ростъ, ни лежать протянувшись нельзя было. Это мнѣ сказывалъ, хвалясь своимъ распоряженіемъ, одинъ изъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они содержались.

IV. Взятыхъ подъ стражу въ Слободско-Украинской губ. Духоборцовъ велѣли мы съ товарищемъ тотчасъ освободить и уничтожить всякое надъ ними слѣдствіе, въ надеждѣ на прозорливость и человѣколюбіе Государя; а притомъ зная, что въ подобныхъ случаяхъ средства

строгости всегда обращаются или въ несправедливое истязаніе слабости и невѣжества, или въ пищу фанатизму, который тѣмъ укрѣпляется и воспаляется больше. Слѣпоту разума должно исцѣлять просвѣщеніемъ разума. Заблужденія духовныя исправлять надобно убѣжденіемъ духа, силою истины. Я думаю, что одна проповѣдь евангельскаго ученія словами и книгами, при добродѣтельныхъ примѣрахъ, можетъ выводить изъ заблужденія совращающихся съ прямаго пути религіи. Исполненныхъ предразсудками противъ всякой внѣшности, или безразсудно прилѣпленныхъ къ какимъ либо особливымъ обрядамъ, никогда не убѣдишь въ пользѣ тѣхъ, а не другихъ. Опыты многихъ вѣковъ сіе доказываютъ. Но когда заблуждающіе въ ономъ будутъ просвѣщены и сердечно убѣждены въ существѣ животворнаго внутренняго Христіанства, тогда всякая для нихъ преграда на правильный путь сама собою разрушится, и они, при истинномъ на него вступленіи, узнàютъ и необходимую при томъ пользу внѣшности и обрядовъ для людей, изъ души и тѣла составленныхъ.

Совершенное отметаніе Духоборцами всякой наружности, конечно, есть великое заблужденіе. Кромѣ установленныхъ въ Церкви таинствъ, коихъ предметъ есть освящать души и цѣлить тѣла силою вѣры, отверзая пути сокровенному дѣйствію Духа Божія, всѣ уставы и обряды церковные спасительны и полезны; ибо въ нихъ устроены способы внѣшними упражненіями обращать самыя внѣшнія чувства на вспоможеніе духу, возбуждать сердце трогательностію совершенія служебныхъ обрядовъ и, видимыми образами, описаніями, чувственнымъ пѣніемъ невидимыхъ истинъ, сообщать объ нихъ разительное понятіе разуму.

Итакъ, отверженіе всякой наружности есть, конечно, заблужденіе, но оно должно исправляться просвѣщеніемъ, а не жестокостью, хотя бы то и не въ сотняхъ семействъ. Убѣжденія нужны. Жестокость же не убѣждаетъ, но только раздражаетъ или принуждаетъ надѣвать личину, которая въ религіи хуже раскола: лучше, при усердномъ намѣреніи угождать Богу, отъ невѣжества заблуждать въ образѣ поклоненія, нежели играть имъ въ угодность людямъ.

Принявъ все сіе въ уваженіе, безпристрастные, разсудительные, уважающіе человѣчество и знающіе соотношеніе пользъ государственныхъ, конечно, не осудятъ того, чтó въ случаѣ семъ сдѣлалъ я съ моимъ почтеннымъ товарищемъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Въ самой первой день 1802 года возвратился я изъ Харькова въ Москву присутствовать въ Сенатѣ.

Весною очень заболѣли у меня ноги. Я собирался лѣчиться и въ лѣтній мѣсяцъ отдохновенія пользоваться деревенскимъ воздухомъ, про-

гуливаясь въ прекрасномъ моемъ Аглинскомъ саду въ подмосковной, и въ немъ, на Юнговомъ острову [1]), у памятника Фенелону, герою моему, изъ первыхъ между мужами истинно-великими, питать свое сердце самыми душецѣлительными чувствами нѣжной любви къ человѣчеству. Съ большимъ утѣшеніемъ занимался я планомъ этой моей деревенской жизни; но нечаянное призваніе къ новой должности опечалило было меня препятствомъ ему.

Меня выбрали совѣстнымъ судьею въ Москвѣ въ то время, какъ я не зналъ, что и выборъ производится. Я не хотѣлъ принять сей должности безъ соизволенія государева, и всегда бы неохотно ее принялъ, потому что не предполагаю я возможности много въ ней успѣть дѣйствительнаго добра сдѣлать; однако отказаться нельзя было. Но, при всемъ усильномъ требованіи дворянства и настояніи губернскаго начальства Московскаго о вступленіи моемъ въ оную должность, не вступалъ я прежде нежели извѣстна мнѣ будетъ о томъ воля государева; почему и представлено ему было о семъ выборѣ отъ тогдашняго Московскаго военнаго губернатора, фельдмаршала графа Салтыкова.

Для того неохотно принималъ я должность совѣстнаго судьи, что и подлинно въ судѣ семъ, съ наилучшемъ намѣреніемъ учрежденномъ, но въ правилахъ своихъ требующимъ еще, кажется, дополненія, не знаю я, что́ можно по сіе время основательно сдѣлать лучшаго, нежели во всякомъ другомъ судѣ.

Совѣстной Судъ вообще судитъ такъ, какъ и всѣ прочіе, по законамъ, и правила его: 1) человѣколюбіе; 2) почтеніе къ особѣ ближняго, яко человѣку; 3) отвращеніе отъ угнетенія человѣчества (Учрежд. Губерн. 397) суть тѣже, кои должны быть основаніемъ каждаго суда, и безъ коихъ правосудіе отправляться не можетъ. Уголовныя дѣла судятся въ немъ только почти объ однихъ малолѣтнихъ, и по тѣмъ же законамъ, по которымъ дѣла сіи судились еще до учрежденія Совѣстнаго Суда.

Самой приличной Совѣстному Суду образъ сужденія былъ бы, конечно, по дѣламъ уголовнымъ: испытывать, такъ сказать, въ совѣсти побужденія къ преступленіямъ, или входить въ изслѣдованіе самыхъ

---

[1]) Рисунокъ этого острова и памятника Фенелону приложенъ къ № 4-му Вѣстника Европы въ Февралѣ 1809 года, и короткое описаніе ихъ и всего сада моего на стр. 298 сдѣлано издателемъ, Васильемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, который отличается рѣдкими дарованіями въ литературѣ и чувствованіями прекраснаго сердца. *Примѣч. автора.* Памятникъ Фенелону поставленъ былъ Лопухинымъ въ сельцѣ Савинскомъ (нѣкогда владѣніи графа Брюса), Богородскаго уѣзда.

сокровенныхъ ихъ причинъ, соображать качество и мѣру преступленій съ нравственными качествами каждаго преступника и съ силою возможности въ немъ удержать или преодолѣть себя, и потому соразмѣрное опредѣлять каждому въ надлежащемъ степени наказаніе. Но сіе невозможно. Не говоря уже о томъ, что недостанетъ человѣческой проницательности на точность таковыхъ испытаній и соображеній, невозможно оное и потому, что и въ законахъ бы требовалась для того различительность и постепенность неестественныя. Не бываетъ, конечно, двухъ преступленій равныхъ, ежели во всей точности соображать ихъ съ побужденіями, предметами, обстоятельствами, свойствами и силами преступниковъ.

Отъ сего-то нерѣдко и случается, что два преступника, весьма различествующіе по внутреннему расположенію къ одинакому по внѣшнему своему виду преступленію, подвергаются равномѣрному наказанію закономъ, которымъ всѣхъ оныхъ оттѣнковъ различить и степени опредѣлить невозможно. И оное по внутреннему уравниваетъ уже одинъ Всевидящій Праведный Судія, въ очахъ Коего иногда преступникъ, подъ мечемъ лютѣйшей и по суду человѣческому самой справедливой казни, достойнѣе такого, коего честности и добродѣтелямъ, по заключеніямъ же человѣческимъ, сплетаютъ вѣнцы и хвалы поютъ. Въ дѣлахъ тяжебныхъ рѣшенія Совѣстнаго Суда тогда только дѣйствительны, когда всѣ имѣющіе между собою тяжбу, или довольны, или когда которая-нибудь сторона по миролюбію прекратитъ дѣло; безъ того же тщетенъ весь трудъ Совѣстнаго Суда, и плоды наилучшихъ его рѣшеній бываютъ тѣ, что тяжущіеся безотчетно объявятъ на нихъ свое неудовольствіе, и поведутъ свое дѣло надлежащимъ порядкомъ по законамъ, какъ будто бы въ Совѣстномъ Судѣ оно и не было. Миролюбивые найдутъ способъ и безъ суда помириться между собою, или судомъ посредниковъ, которой есть самой естественной и основательной совѣстной судъ, когда добрая воля судящихся избираетъ его и повинуется его заключеніямъ. А охотники до тяжебъ и лицемѣры иногда съ тѣмъ именно пойдутъ въ Совѣстный Судъ, чтобъ протянуть и больше запутать дѣло, притворяясь притомъ и въ миролюбіи, и зная, что они, когда хотятъ, уничтожить могутъ все производство Совѣстнаго Суда.

Я думаю, что полезно было бы для нѣкотораго удержанія отъ напрасныхъ въ Совѣстномъ Судѣ начинаній дѣлъ и объявленій неудовольствія на справедливыя рѣшенія его, опредѣлить, по крайней мѣрѣ, тяжелый штрафъ, который взыскивать съ тѣхъ, кои, будучи недовольны рѣшеніемъ Совѣстнаго Суда, пойдутъ, куда по законамъ над-

лежитъ, и послѣ всѣхъ апелляцій окончательнымъ рѣшеніемъ обвинены будутъ. Здѣсь, по мнѣнію моему, тяжелый штрафъ столько жъ можетъ быть полезенъ, сколько неумѣренный во всѣхъ судныхъ и тяжебныхъ дѣлахъ (прочими присутственными мѣстами по обыкновенному теченію производимыхъ) можетъ судящихся иногда подвергать большимъ убыткамъ и, въ одобреніе неправой стороны, устрашать отъ справедливыхъ жалобъ, а судей угрожать раззореніемъ, и чрезъ то честныхъ принуждать выходить изъ службы или не входить въ нее, а иныхъ торговаться съ тяжущимися и брать взятки вдвое за то, какъ рѣшить, да на расплату штрафа, въ случаѣ, что такое рѣшеніе не утвердится высшимъ мѣстомъ, которое также небезпогрѣшно.

О злоупотребленіи неумѣренныхъ штрафовъ, опредѣленныхъ за неправильныя рѣшенія и неограниченныхъ законами пеней, произвольно налагаемыхъ, кстати при семъ впишу я голосъ, которой подалъ я въ общемъ собраніи Московскихъ Сената департаментовъ, по случаю наложеннаго однимъ бывшимъ начальникомъ въ Москвѣ и ея губерніи взысканія на присутствующихъ Московскаго Магистрата.

Голосъ сей, по предложенію министра юстиціи, докладомъ согласившагося съ нимъ общаго собранія, поднесенъ былъ Государю Императору, съ тѣмъ, что не благоугодно ли ему будетъ повелѣть Коммиссіи о составленіи законовъ, принять сей голосъ мой въ уваженіе для дальнѣйшихъ постановленій, на который докладъ и послѣдовало высочайшее соизволеніе Его Величества [1]).

Голосъ оной есть слѣдующій:

1) За нужное считаю возобновить дѣятельнѣйшія мѣры къ воздержанію начальниковъ губерній и Губернскихъ Правленій отъ преступленія предѣловъ власти ихъ и должности, законами опредѣленныхъ, которое преступленіе есть источникъ всѣхъ въ губерніяхъ неправдъ, безпорядковъ и притѣсненій.

2) При семъ же долгомъ поставляю, сообразя многіе опыты, сказать, чтобы точностью соблюденія законовъ и самымъ существомъ правосудія требовалось заключить взысканія и положеніе пеней и штрафовъ единственно въ тѣхъ случаяхъ и количествахъ, которые именно и точно опредѣлены законами, строго отвращая опредѣленіе пеней въ количествахъ произвольныхъ, и произвольное также обра-

---

[1]) Дѣло оное было по долговой претензіи купца Василья Девятаго на Московскомъ мѣщанинѣ Григорьевѣ. А жалоба отъ присутствующихъ Магистрата принесена была Сената въ 7 департаментъ, въ коемъ произошли разныя мнѣнія, и потому дѣло разсматривалось въ общемъ собраніи, гдѣ поданъ оный голосъ. Докладъ же по сему голосу отправленъ былъ 17-го Іюля 1807 года, а именное повелѣніе о препровожденіи голоса въ Коммисію объявлено общему собранію 9-го Августа того же года. *Примѣч. автора.*

щеніе взысканій въ штрафахъ на судей и чиновниковъ по такимъ дѣламъ, по коимъ оныя взысканія именно не повелѣваются законами.

За упущеніе въ самомъ важномъ уголовномъ дѣлѣ, и можетъ быть иногда умышленное, но со стороны умысла недоказанное, чиновникъ наказывается выговоромъ, строжае, нѣкоторымъ вычетомъ изъ жалованья, по крайней уже строгости отрѣшеніемъ отъ мѣста; а за погрѣшность, и часто неумышленную, въ производствѣ, сопряженномъ съ интереснымъ искомъ, можетъ вышесказаннымъ взысканіемъ не только самъ подвергнуться нищетѣ, но всего лишиться могутъ такого чиновника дѣти и наслѣдники, которые, по мудрости милосердаго въ Россіи законодательства государскаго, не лишаются имѣнія и за важнѣйшія государственныя преступленія отцовъ и родственниковъ.

Не могутъ въ наказаніи таковыми взысканіями сохраниться и равенство и единообразіе, естественныя правосудію; ибо когда упущеніе неумышлено, то вина его равна, какъ въ дѣлѣ о маломъ, такъ и о большомъ искѣ. Но въ первомъ сдѣлавшій такое упущеніе наказывается почти нечувствительно, особливо при безденежномъ состояніи, а въ послѣднемъ, и при самомъ иногда достаткѣ, совершенному разоренію и съ цѣлымъ семействомъ подвергается.

Тяжкіе сего рода штрафы могутъ, устрашая добронамѣренныхъ и честныхъ, но не безподверженныхъ, конечно, ошибкамъ, лишать службу полезнаго ихъ въ ней пребыванія, а злорасположенныхъ и лихоимцовъ побуждать къ большему удовлетворенію корыстолюбія, заставляя ихъ, собираясь на преступленіе беззаконнымъ производствомъ, усугубить оное еще предвареніемъ, чрезъ преступленіе же, для запасу на то, чѣмъ бы было расплатиться за оное беззаконіе.

Самымъ тяжкимъ лишеніемъ чести личное наказаніе лица виновнаго, справедливѣе, конечно, нежели одно денежное наказаніе, но въ такомъ количествѣ, которое вмѣстѣ съ лицомъ симъ повергаетъ въ бѣдствіе и невинныхъ дѣтей и родственниковъ.

Я думаю, что къ лучшему отправленію суда подѣйствовать можетъ не столько тяжесть денежныхъ штрафовъ, отъ которой коварство лихоимства уклоняться найдетъ способы съ избыткомъ, и самая невинность часто пострадать можетъ, а честность, зная свойственную человѣчеству небезпогрѣшность и, благоразумно не надѣясь избѣжать ея, будетъ страшиться службы и совсѣмъ отъ нея удаляться; не столько, говорю, тяжесть оныхъ штрафовъ и взысканій подѣйствовать можетъ къ лучшему и нелицепріятнѣйшему судопроизводству, какъ постепенное по начальству, и чрезъ разные, учрежденіями доставленные, пути, вниманіе на теченіе и производство дѣлъ, для сужденія и строгаго личнаго наказанія за пристрастія судящихъ и для очищенія службы отъ таковыхъ, кои явнымъ невѣжествомъ или малодушіемъ, ежели и непристрастіемъ, вредятъ ей и оскорбляютъ святость суда. Напримѣръ: разнообразныя рѣшенія, ежели не всегда означаютъ умышленную неправду, то непремѣнно, однакоже, обнаруживаютъ неспособность или невнимательность дѣлающія недостойными званія судейскаго. Частое отступленіе отъ своихъ мнѣній и перемѣна ихъ, ежели и не по лицепріимству, отъ сребролюбія производятся, то уже, ко-

нечно, или отъ неуваженія правды, или отъ малодушнаго лицепріятія, уступчивости и боязни сильныхъ происходятъ, что̀ столько же несовмѣстно почтенному характеру судейскому. Желательно, чтобъ на сіе больше обращалось вниманіе, и чтобъ учредились удобнѣйшіе способы къ обнаруженію оныхъ поступковъ, заражающихъ судопроизводство.

Я осмѣлился о семъ распространиться, считая долгомъ званія моего, при всѣхъ случаяхъ, откровенно и съ полнымъ усердіемъ, дѣлать представленія, по мнѣнію моему, нужныя къ пользѣ правосудія и служенія государственнаго. И гдѣ же приличнѣе и полезнѣе могутъ быть такія разсужденія, какъ не въ собраніи сего верховнаго правительствующаго судилища?

*

И такъ я ожидалъ соизволенія государева на выборъ меня въ Москвѣ совѣстнымъ судьею, неохотно готовясь вступить въ эту должность, и жалѣя, что она помѣшаетъ мнѣ долѣе прожить въ любезной моей подмосковной.

Но порученіе мнѣ другой должности, столь же нечаянное, отвело меня на нѣсколько лѣтъ отъ Москвы и на край Россіи. Наканунѣ полученія о выборѣ меня въ совѣстные судьи представленія, Государь изволилъ подписать указъ о предсѣдательствованіи мнѣ въ коммисіи, учрежденной для разбора споровъ и опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ. Послѣ имѣлъ я счастіе слышать изъ устъ самаго Государя, что онъ самъ избралъ меня къ сему порученію, зная, какъ угодно ему было при томъ сказать, мое безпристрастіе и любовь къ правдѣ и порядку. И не слыхалъ я даже, что учреждается такая коммисія, прежде нежели получилъ указъ о ея мнѣ порученіи, при которомъ прислано было ко мнѣ начертаніе правилъ ея, обнародованныхъ напечатаніемъ на Русскомъ и Татарскомъ языкахъ.

Причиною учрежденія сей коммисіи были жалобы Татаръ, подстрекнутыхъ завистью, непріязнью между собою и разными личностями дворянъ и чиновниковъ, начиная отъ нижнихъ до самыхъ вышнихъ, такъ что сіе касалось и до игранія знатнѣйшихъ ролей при дворѣ. Однимъ словомъ, сія коммисія родилась больше отъ споровъ на паркетѣ, по которому охотники ходить всегда тѣснятся и скользятъ, нежели въ обильныхъ долинахъ и великолѣпныхъ горахъ романтической Тавриды; потому что, при самомъ отправленіи ко мнѣ указа, ближайшіе по государственнымъ дѣламъ къ Государю писали ко мнѣ, что Его Величество изволилъ поручить мнѣ сію коммиссію, зная мое безпристрастіе, опытность и особливо твердость.

Хотя не имѣлъ я никакого понятія о положеніи Крымскомъ, но тотчасъ увидѣлъ изъ присланныхъ ко мнѣ правилъ неудобность исполненія. Не могъ я, однако, никакихъ сдѣлать о томъ представленій, не изслѣдуя и не удостовѣрясь на мѣстѣ.

Въ концѣ лѣта пріѣхавши въ Крымъ, открылъ я засѣданіе коммиссіи, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ собрала во всѣхъ подробностяхъ всѣ нужныя свѣдѣнія и, по соображеніи съ мѣстными обстоятельствами, постановя разсужденіе о всѣхъ неудобствахъ исполненія, какъ со стороны справедливости, такъ и порядка, просилъ я Государя о дозволеніи мнѣ пріѣхать въ Петербургъ для личныхъ объясненій.

Государь очень милостиво соизволилъ на пріѣздъ мой. И такъ я отправился изъ Крыма черезъ Москву, въ которой просилъ я позволенія, для дѣлъ своихъ, прожить двѣ или три недѣли, какъ и въ Петербургъ просился на самое короткое время. Но за особыми, кромѣ коммисіи, отъ Государя порученіями, не успѣвъ до позднихъ чиселъ Февраля выѣхать изъ Крыма, пріѣхалъ я въ Москву уже по начинавшей портиться дорогѣ, и не могъ въ ней больше пробыть осьми или десяти дней, а въ Петербургъ на короткое-то время пріѣхавши въ Мартѣ 1803 года, выѣхалъ изъ него въ Августѣ 1804 г.

Государь изволилъ принять меня съ отмѣнною милостью. Скоро по пріѣздѣ имѣлъ я честь у него обѣдать, и первыя слова его мнѣ были, что «онъ съ особливымъ удовольствіемъ всегда дѣлаетъ мнѣ порученія, и съ такимъ же читаетъ всѣ мои бумаги; о Харьковской поѣздкѣ моей не забудетъ никогда».

Представленія мои по коммисіи Государь изволилъ одобрить и найти достойными вниманія; но какъ сіе дѣло Крымское, очень уважаемое Государемъ, трактовано было прежде въ Государственномъ Совѣтѣ, въ коемъ и коммисіи основаніе положено, то угодно было Государю, чтобъ и мои представленія разсмотрѣлъ Совѣтъ, при которомъ разсмотрѣніи и я бы всегда въ немъ былъ.

Въ первое о семъ собраніе свое Совѣтъ потребовалъ отъ меня соображенія всѣхъ предметовъ моихъ представленій и мнѣнія, какимъ образомъ удобнѣе все это исполнить. Сочиненіе сіе о рѣшительномъ жребіи хозяйственнаго состоянія Крымскихъ жителей немалаго, конечно, мнѣ стоило труда. Замѣчательно, что весь планъ его случилось мнѣ придумать, прогуливаясь въ Таврическомъ саду.

Въ туже мою бытность въ Петербургѣ, желая сдѣлать оборотъ въ долгахъ моихъ, просилъ я Государя о покупкѣ у меня въ казну деревни и о пожалованіи мнѣ заимообразно денегъ. Записку о томъ, поднесенную Его Величеству, помѣщу я здѣсь, какъ такую, въ коей

весьма справедливо и откровенно описаны всѣ причины моихъ долговъ, и какъ объясняющую самое нравственное мое расположеніе, кстати для сихъ историческихъ моихъ Записокъ.

Дерзая испрашивать всемилостивѣйшаго вспоможенія въ разстроенномъ состояніи моего имѣнія, нужнымъ считаю коротко разсказать исторію долговъ моихъ съ простосердечіемъ и откровенностью, которая мнѣ свойственна, особливо предъ монаршимъ престоломъ.

Не родился я, конечно, охотникомъ до денегъ, но всегда ненавидѣлъ мотовство. Нельзя сказать, чтобъ никогда ничѣмъ я не жертвовалъ страстямъ моимъ и слабостямъ; однако жертвы мои имъ, естьли имѣли, то самое малое вліяніе на долги мои. Не только не любилъ я пировъ и праздниковъ, и никогда не давалъ ихъ, но, можетъ быть, слишкомъ всегда былъ противъ ихъ предубѣжденъ. Не только не игралъ я никогда въ большія игры, но даже и въ такія, какихъ меньше не играютъ въ знатныхъ бесѣдахъ. Въ самыя малыя играя, не проигрывалъ я, конечно, никогда нѣсколькихъ рублей безъ сожалѣнія, какъ, напротивъ, никогда не подавалъ я бѣдному безъ нѣкотораго безпокойства о томъ, что немало ли даю ему. Были обстоятельства, въ которыхъ разумъ мой считалъ должнымъ и силился удерживать мою руку, но ни одного, конечно, раза не успѣлъ. Простодушно описываю правду.

Съ одной стороны увѣренъ будучи, что частные люди очень могутъ содѣйствовать къ просвѣщенію государства и что всѣ попеченія правительства, смѣю сказать, безъ сего содѣйствія не могутъ совершенно достигнуть въ томъ истиннаго предмета; а съ другой любя, страстно любя, полезное просвѣщеніе и ближнихъ, жертвовалъ я многимъ иждивеніемъ на воспитаніе юношества въ полезныхъ обществу наукахъ и на изданіе книгъ, утверждающихъ корень чистой нравственности и добродѣтели. Въ томъ числѣ знатныя суммы употребилъ я не съ намѣреніемъ прибытка, однако не имѣвъ намѣренія употребить ихъ и безвозвратно. Но какъ стеченіе разныхъ случаевъ, обстоятельствъ и расположеній человѣческихъ, все оное несчастно представя въ видахъ совсѣмъ превратныхъ, наконецъ, разстроило весьма поразительнымъ разрушеніемъ, то я изъ тѣхъ суммъ, которыя возвратить мнѣ слѣдовало, едвали гривну получилъ за рубль.

Всѣ тѣ издержки дѣлалъ я въ долгъ, и въ томъ былъ, конечно, очень неосторожень. Но не для того, чтобъ себя оправдывать, а чтобъ искренно сказать только всему прямую и естественную причину, скажу, что неосторожность оная во мнѣ происходила изъ одного источника съ тѣмъ, по чему разумъ мой никогда не могъ удержать моей руки. Въ долгъ же все для того, что жилъ при отцѣ моемъ, которой девяноста двухъ лѣтъ скончался въ 1797 г. И хотя онъ былъ самой доброй и благодѣтельной отецъ, и любилъ меня какъ только можно, однако, смотря на вещи по заключеніямъ своего времени, не только избыточнаго, но и многаго необходимо-нужнаго, не давалъ на содержаніе, не отъ скупости или нелюбви къ дѣтямъ, но точно по смерть

свою не вѣря, чтобъ рубля стоило то, за что въ новыя времена надобно было платить десять. Особливо такъ думалъ онъ въ послѣднія одиннадцать лѣтъ своей жизни, въ которыя онъ, лишась зрѣнія, не выходилъ изъ комнатъ и крайне ослабѣвалъ въ тѣлѣ, но, память имѣя здравую до послѣднихъ часовъ жизни, самъ управлялъ и распоряжалъ имѣніемъ, не позволяя мнѣ съ братомъ никакъ въ томъ участвовать. Мы хранили покой его и нисколько не нарушали его волю; даже необходимыя, по пристойности времени, для содержанія дому его, издержки, должно было дѣлать, скрывая отъ него и въ долгъ. Очень дорого мнѣ иногда стоило не допустить до него о долгахъ моихъ. Онъ былъ столь хорошаго расположенія, что мнѣ бы, конечно, простилъ и ничего бы не лишилъ меня, но для себя бы огорчился несносно. Между тѣмъ корыстолюбіе, съ которымъ я принужденъ былъ имѣть дѣло и повиноваться ненасытнымъ его требованіямъ, всѣми возможными ему способами пользовалось моими обстоятельствами. И какъ же надобно было возрастать долгамъ моимъ при такихъ трудныхъ оборотахъ и нѣкоторыхъ, отмѣнно критическихъ, положеніяхъ чрезъ многіе годы!

Наконецъ, не смотря на все, не только не хотѣлъ я отослать моихъ кредиторовъ къ платежу въ бывшій вспомогательный банкъ, но, получая билетами его платежъ отъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ тѣхъ, которые по нѣскольку лѣтъ должны были отцу моему, съ заплатою пяти указныхъ процентовъ (коихъ больше не бралъ онъ никогда, что̀ также, смѣю примѣтить, не очень обыкновенно), получая тѣ билеты, промѣнивалъ я ихъ, и большія суммы, на ассигнаціи для заплаты своимъ кредиторамъ, которыхъ бы безъ того ввелъ я, конечно, въ убытокъ, какъ и собою тутъ испыталъ; ибо я промѣнивалъ или прибавлялъ, платя по десяти и по одиннадцати на сто. Лучше хотѣлъ я самъ понести убытокъ и разорительной, нежели не сохранить моихъ обязательствъ другимъ.

Все сначала мною здѣсь сказанное извѣстно большей части безпристрастной публики обѣихъ столицъ.

Въ концѣ 1796 и въ началѣ 1797 года имѣлъ я вѣрные случаи нѣсколькими словами освободиться отъ моихъ долговъ, сохранивъ все имѣніе мое. Но хотя я думаю, что помощь отъ щедротъ царскихъ есть самая справедливая, однако не могъ я воспользоваться тѣми случаями по нѣкоторой непобѣдимой стыдливости въ нравѣ моемъ говорить о себѣ и просить. А при томъ, хотя я имѣлъ честь отмѣнно лестно быть призванъ, но я никогда не могъ легко и вообразить себѣ возможность просить даровъ и наградъ безъ заслугъ. Дѣла же мои между тѣмъ день отъ дня больше разстроивались.

И теперь, при всемъ неописанномъ моемъ увѣреніи на самую благость, царствующую въ Россіи, Посадившій ее на престолъ видитъ, съ какою прискорбностью пишу я о себѣ, и что ни слова бы не сказалъ я, естьли бы не крайность заставила. Прибѣгаю къ средству сему, чтобъ сохранить мою честь, которою дорожу я въ видахъ любви къ правдѣ и человѣчеству; чтобъ успокоить жизнь мою, которую, право, я всегда провождалъ и расположенъ провождать или въ горячей любви

къ престолу и отечеству, или въ усердной имъ службѣ, и чтобъ особливо сберечь какой нибудь кусокъ для моего брата, которой не только не дѣлился со мною, но въ единственный, можетъ быть, примѣръ дружбы и добродѣтели, всею своею частью знатнаго имѣнія безропотно жертвовалъ мнѣ на помощь.

Крайность исторгла изъ меня и то изъясненіе о состояніи дѣлъ моихъ, которое осмѣлился я написать къ Государю Императору въ моей всеподданнѣйшей просьбѣ изъ Тавриды о позволеніи пріѣхать сюда для представленій, и прожить нѣсколько дней на дорогѣ въ Москвѣ. Довѣренность къ великой и щедрой душѣ его водила моею рукою, и по истинѣ ему первому, во всю мою жизнь, говорилъ я о себѣ съ такою откровенностью.

И по всему тому, приступая нынѣ къ просьбѣ, въ полной же откровенности скажу, что всемилостивѣйшее ей вниманіе будетъ государская милость для меня великая, но дѣло щедроты его тутъ будетъ справедливое. Я не прошу чрезвычайнаго, и не прошу такого, чего бы и безъ отличнаго благоволенія не получили служившіе не больше меня, не лучше, и ужъ конечно не усерднѣе, ибо въ семъ не уступлю я никому. Я прошу, чтобъ повелѣно было купить въ казну деревню, которую имѣю я въ Калужской губерніи, и проч.

Впрочемъ, предаюсь благоутробной волѣ Государя Императора и повергаясь къ освященнымъ стопамъ монаршимъ, сердечною любовію лобызая руку Александра Всемилостивѣйшаго. Скажу: дѣло вѣрнаго подданнаго и сына отечества по возможности всѣми силами служить Государю и отечеству; а Государю, отцу отечества, единственно принадлежитъ мудростью цѣнить заслуги и способности, благостью же щедроты своей опредѣлять милости.

Подать сію записку принялъ на себя графъ В. П. Кочубей, сей благоразумной, добронамѣренной, трудолюбивой министръ, которому останусь я навсегда благодарнымъ за его обязательное ко мнѣ расположеніе. Государь изволилъ отозваться, что онъ охотно благоволилъ бы исполнить мою просьбу, но что онъ деревень въ этотъ годъ ни у кого не покупаетъ, что денегъ въ Кабинетѣ нѣтъ, но что давно угодно ему оказать мнѣ милость пожалованіемъ хорошей аренды, которую и пожаловалъ.

Подалъ я въ Государственномъ Совѣтѣ требованное имъ отъ меня мнѣніе о Крымскихъ дѣлахъ, и послѣ того мѣсяца три былъ я всякое собраніе въ присутствіи Совѣта. Много разсуждали, толковали, спорили, часто ничего не дѣлали—наконецъ рѣшили. Большинство голосовъ было согласно съ моимъ мнѣніемъ, а три голоса были противъ. Но когда поднесены ему были, для подписанія, заготовленныя къ тому бумаги, то онъ, не подписавъ ихъ, оставилъ всѣ у себя.

Государь разсудилъ особливо за неудобное то, что Совѣтъ полагалъ мнѣ оставаться только директоромъ коммиссіи и, присутствуя

въ Сенатѣ, ѣздить въ Крымъ, когда заблагоразсужу, или когда надобность того потребуетъ. Мысль государева о семъ была такая, что въ учрежденіи имъ коммиссіи много участвовала милостивая его довѣренность лично ко мнѣ, но что ежели я не буду всегда тамъ на мѣстѣ, то онъ не надѣется успѣховъ. И еще не могъ Государь никакъ согласиться на установленіе апелляціи на коммиссію, о которой я представилъ и сильно настаивалъ, говоря, между прочимъ, слѣдующее:

Хотя за особливую честь себѣ поставлю ту высокую довѣренность, коею опредѣленъ я предсѣдательствующимъ въ такой рѣшительной коммиссіи, которая есть, конечно, одно судилище, не имѣющее въ учрежденіи на себя апелляціи; однако, по открывшимся на мѣстѣ причинамъ и по изъясненнымъ мною правиламъ пользы и правосудія, долгомъ любви къ правдѣ и благоустройству считаю представить, что нужно, справедливо и съ общимъ порядкомъ сходно учредить на коммиссію сію апелляцію въ Правительствующій Сенатъ.

Впрочемъ, и безъ того, по долгу правосудія, надобно же будетъ разсматривать жалобы на коммиссію, коихъ нельзя, чтобъ послѣ не было, или отъ естественнаго многимъ ослѣпленія въ правахъ своей собственности, или подлинно на погрѣшности разбора, каковымъ въ дѣлахъ подобныхъ я первый не имѣю самолюбія считать себя неподверженнымъ. Надобно уже будетъ принимать и разсматривать жалобы на коммиссію; но, безъ учрежденнаго порядка апелляціи, то будетъ смутно, для вышняго правительства затруднительно, а для приносящихъ жалобы не только неудовольственно, ненадежно, но даже возмутительно быть можетъ, особливо для невѣжества и возженныхъ притязаній Татарскихъ.

Учрежденіе въ концѣ прошлаго 1808 года комитета для разсмотрѣнія рѣшеній коммиссіи, вслѣдствіе разныхъ изъ Крыма жалобъ, оправдало оное, еще въ 1803 году, настоятельное представленіе мое о учрежденіи апелляціи надлежащимъ порядкомъ.

Послѣ вышесказанной мною остановки дѣла, для котораго пріѣхалъ я въ Петербургъ, еще мѣсяца три или болѣе, не зналъ я, да и нѣкоторые изъ самыхъ ближнихъ къ Государю ничего же не знали о его участи. Многіе, не зная этого, а иные изъ такихъ, кои могли бы очень знать и знали, толковали, однакожъ, что я по своей охотѣ живу въ Петербургѣ и чего-то добиваюсь. Много поводу къ сему подалъ за долго до того разнесшійся слухъ, что я буду министромъ юстиціи. Откуда онъ произошелъ, я по сіе время не знаю; только онъ родился въ Петербургѣ, и такъ распространился въ немъ, какъ бы въ старой вѣщательницѣ. Москвѣ. Но я никогда бъ и не пожелалъ быть онымъ министромъ, для того, что, по мнѣнію моему, ничьихъ глазъ и ушей

не достанетъ всего того только прочитать и выслушать, что̀ необходимо надобно въ семъ званіи, для истиннаго исполненія всей должности и для дѣйствительной пользы, не говоря о тѣхъ особливыхъ знаніяхъ и опытности въ разныхъ родахъ дѣлъ, которыя нужны министру юстиціи.

Слуху оному вѣрили нѣкоторые знатные и весьма чиновные, и для смѣху скажу, что онъ меня дарилъ иногда отмѣнными и очень примѣтными ласками отъ иныхъ изъ самыхъ такихъ господъ. Однако слухъ сей и разные умножившіеся при немъ обо мнѣ толки сдѣлали, думаю, то, что и мнѣ тогда поскользнуло прежняго на паркетѣ стало, хотя никогда очень твердою ногою на немъ не стоялъ. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ казалось, изъ обхожденія со мною тѣхъ, кои, глядя на людей, составляютъ лица свои по справкамъ о фортунѣ ихъ при дворѣ.

Но я былъ при томъ очень равнодушенъ, какъ и при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, распространяя на всѣ ихъ смыслъ стиха:

Le crime fait la honte et non pas l'echaffaud.

Не казнь приноситъ стыдъ, а преступленіе.

Итакъ, послѣ неизвѣстности, нѣсколько мѣсяцовъ продолжавшейся, о участи рѣшеннаго въ Совѣтѣ Крымскаго дѣла, и въ концѣ уже Февраля 1804 года, вдругъ объявляются мнѣ отъ Государя, чрезъ министерство, многіе пункты, въ опроверженіе моихъ представленій и согласія совѣтнаго, содержащіе въ себѣ новое положеніе, и на все оное требуется мое мнѣніе. Вникнувъ прилежно въ предложенное мнѣ, отвѣчалъ я, что все зависитъ отъ воли Государя; но когда ему угодно знать мое мнѣніе, то не могу я чистосердечно сказать иначе, что все оное неудобно и съ прямою пользою мѣстною, въ соображеніи ея съ общею государственною, несогласно, и на все подалъ возраженіе на бумагѣ.

Тогда-то больше, нежели когда нибудь, заключали обо мнѣ, что я спорщикъ и упрямецъ, и между министерства, при всей ласковости обхожденія со мною, заочно говорили: «Что́ дѣлать съ нашимъ спорщикомъ-мартинистомъ? Противъ всего споритъ». Надобно примѣтить, что на ихъ языкѣ мартинистомъ называется тотъ, кто вѣритъ Христу и Евангелію, а спорщикомъ — кто не соглашается на все изъ угожденія двору и имъ не притакиваетъ.

Нѣкоторые осуждали меня за то, что я представляю, и столько настоятельно, противъ того, что̀ уже Государемъ учреждено и обнародовано. Иные хвалили мою смѣлость и твердость. Были и такіе, которые сравнивали меня съ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ. Но я ничего не находилъ въ поступкѣ своемъ, кромѣ долга.

Я думаю, что не представлять Государю о правдѣ и о томъ, чего требуетъ общее государства благо, есть похищеніе истинной славы государевой и собственности общаго и частнаго благосостоянія, татьба, важнѣйшая многихъ родовъ ея, съ крайнимъ безчестьемъ строго по законамъ наказуемыхъ. Впрочемъ, для меня сдѣлать неправду въ судѣ и не спорить или не представлять противъ того, что̀ мнѣ кажется вредно и несправедливо, есть тоже, что̀ нѣкоторымъ иныя кушанья, которыхъ желудокъ ихъ никакъ не варитъ и которыхъ они въ ротъ взять не могутъ. Это во мнѣ, какъ бы сказать, природный вкусъ, а не добродѣтель, которая должна быть дѣйствіе побѣды надъ собою. Это столько жъ мнѣ славно, какъ одному черные, а другому русые волосы.—Кстати о князѣ Яковѣ Ѳедоровичѣ Долгорукомъ и о смѣлости и твердости патріотической.

Не хочу я, конечно, снять ни одного изъ неувядаемыхъ цвѣтовъ, покрывающихъ почтенный прахъ сего знаменитаго мужа, но скажу откровенно, что разодраніе имъ указа государева и удержаніе утвержденнаго самимъ же Государемъ опредѣленія сенатскаго, которое Долгоруковъ, не подписавъ, запечаталъ съ заготовленными о исполненіи его указами, не почитаю я столь великими дѣлами твердости и смѣлости, какими ихъ привыкли прославлять.

Что разодралъ князь Яковъ Ѳедоровичъ, это, конечно, не есть поступокъ великодушія, а запальчивости нрава, и въ такой степени, въ коей себя и преодолѣвать неестественно. Слѣдственно, такія дѣла и не́-хотя дѣлаются. Расположеніе сіе нрава, конечно, поощрялось и образомъ тогдашняго обхожденія, и нравомъ самаго Петра Великаго, которой ближнимъ позволялъ обходиться съ нимъ просто и свободно, иногда до крайности; а князя Якова Ѳедоровича онъ не только называлъ дядею, да и подлинно весьма близкимъ считалъ къ себѣ, уважая его и по лѣтамъ, которыми онъ много старѣе былъ Государя.

Но какое же при томъ было слѣдствіе оныхъ поступковъ Долгорукова? Не исполнить по волѣ государевой для того, чтобъ замѣнить это тѣмъ, что̀ еще гораздо угоднѣе и пріятнѣе ей будетъ. Надобенъ былъ Государю хлѣбъ; Долгоруковъ, противясь средству, къ тому назначенному, представляетъ другое, которое еще удобнѣе и столько жъ скоро исполниться можетъ. Надобны были работники; Долгоруковъ, оспоривая сдѣланное о томъ распоряженіе, находитъ способъ имѣть тѣхъ же работниковъ, и много выгоднѣе. Это похоже на то, какъ бы, напримѣръ: пріятель мой, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, писалъ при мнѣ къ деревенскому своему управителю, чтобъ въ самую трудную пору и прежде времени собрать въ оброкъ десять тысячъ, а я бы

вырвалъ у него письмо, изодралъ и сказалъ ему: «Что ты дѣлаешь? Вѣдь ты крестьянъ-то разоришь! Вотъ тебѣ пятнадцать: возьми у меня; они теперь мнѣ ненадобны, а послѣ мнѣ заплатишь». Можетъ быть, въ первомъ движеніи пріятель, особливо нравомъ горячій, на меня и разсердился бы, но конечно скоро бы поблагодарилъ еще больше.

Смѣлость и твердость патріотическая истинно являются въ такихъ представленіяхъ, коими заставляешь того, кому представленія сіи дѣлаются, оставлять любимыя его предпріятія, предпріятія, такъ сказать, страстей его и прихотей, безъ всякой имъ замѣны, совершенно обнаруживая ихъ вредность, или въ замѣчаніяхъ о безвозвратномъ сдѣланіи неправды или погрѣшности политической; однимъ словомъ, такія представленія, которыя въ корнѣ трогаютъ самолюбіе того, кому представляются; и чѣмъ далѣе отъ престола представляющій, тѣмъ почтеннѣе его представленія, чѣмъ бóльшей онъ при томъ опасности подвергаетъ себя, тѣмъ онъ истиннѣе патріотъ-герой.

Наконецъ, совсѣмъ рѣшилось дѣло по моимъ представленіямъ о Крымскихъ земляхъ. Издано дополненіе къ начертанію правилъ коммиссіи, во многомъ основанное на моемъ мнѣніи, а порядокъ производства дѣлъ и весь мой принятъ. Главная цѣль представленій моихъ исполнена утвержденіемъ для тамошнихъ помѣщиковъ прáва собственности, которое рѣшеніями по прежнимъ правиламъ совершенно бы поколебалось.

Весьма желательно, чтобъ все, по оному дополненію, приведено было скорѣе къ концу, съ точнымъ наблюденіемъ справедливости и должнаго удовлетворенія Татарамъ и помѣщикамъ. Знаю, что меня укоряли въ медленности дѣйствій коммисіи; не безъ основанія думаю, что сіе внушено было самому Государю. Были такіе вѣтреницы и въ знатныхъ постахъ, которые даже въ письмахъ своихъ увѣряли, что я продолжаю коммисію для того, что мнѣ выгодно жить въ Крыму и пріятно въ немъ властвовать, и сіе писали въ самое то время, когда я, по самой убѣдительной моей просьбѣ къ Государю о увольненіи меня отъ Крымской коммисіи, получилъ уже предварительное извѣстіе о его на то соизволеніи. Итакъ считали, что отъ меня медленно идетъ дѣло коммисіи; но я уже скоро четыре года какъ оставилъ ее, а она еще, кажется, очень не близка къ своему окончанію, не говоря о томъ, что еще только что учредился комитетъ о пересмотрѣ ея рѣшеній, коихъ неприкосновенность и надобность подвергать аппелляціи такъ жарко защищали, при настояніяхъ моего мнимаго упрямства и сполюбія.

Когда при отъѣздѣ изъ Петербурга откланивался я Государю, то онъ очень милостиво изволилъ обойтиться со мною; приказалъ мнѣ обѣдать за его столомъ, и послѣ обѣда, увѣря меня въ счастливой для меня надеждѣ Его Величества на мое усердіе, искусство, какъ изволилъ говорить, и любовь къ справедливости, сказалъ, что, наконецъ, онъ видитъ, что нельзя такъ скоро кончить дѣлъ коммисіи и, съ отмѣнною милостью обнявъ меня, отпустить изволилъ.

Проживши нѣсколько времени въ Москвѣ, по высочайшему дозволенію, возвратился я въ Крымъ въ концѣ 1804 года и приступилъ къ распоряженію производствъ коммисіи по изданному вновь дополненію къ ея правиламъ. Тяжбы еще не рѣшились, ибо предварительно надобно было дѣлать вызовы тяжущимся и выжидать срока на явку ихъ и документовъ. И я, ежели никакимъ рѣшеніемъ не одолжилъ никого, то ни однимъ же никого и не обидѣлъ, а государственный интересъ сохранилъ самой важной—справедливость и порядокъ.

Между тѣмъ я не могъ никакъ, по домашнимъ обстоятельствамъ моимъ, оставаться въ Крыму, въ которой этотъ разъ и ѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ, побывъ тамъ нѣсколько времени, для исполненія воли государевой, непремѣнно просить увольненія отъ коммисіи, и, чрезъ три мѣсяца послѣ пріѣзда моего въ Крымъ, послалъ я о томъ въ собственныя руки прямо къ Государю письмо. Ни одинъ человѣкъ въ Крыму не зналъ, что я прошусь изъ него. Я просилъ Государя наиубѣдительнѣйшимъ образомъ. Писалъ къ нему:

Воля Вашего Императорскаго Величества для меня священна. Но на колѣнахъ предъ вами признаюсь, Государь, что оставаться здѣсь было бы для меня тяжкое несеніе долга, а не то радостное исполненіе, съ какимъ я стремился всегда исполнять всякую волю моего Государя, и особливо Александра, великаго благостью, восхищающею меня, и тѣмъ мудрымъ правленіемъ, предъ которымъ я благоговѣю, и которое насаждаетъ блаженство въ моемъ отечествѣ.

Дѣла коммисіи здѣшней нѣсколько лѣтъ должны производиться непремѣнно, какъ я неоднократно доносилъ Вашему Императорскому Величеству, по справедливости, которую говорить предъ монаршимъ престоломъ считаю я обязанностью первою въ служеніи ему. Но самое нужное и главное сдѣлано. Правила учреждены, и я имѣлъ счастіе и смѣлость представить Вашему Императорскому Величеству надобность того преобразованія оныхъ, которое требовалось пользою края, пользою общею государства и честію имени Вашего. Впрочемъ, Государь, готовъ я всю жизнь мою истощать на службу В. Императорскаго Величества, но отсюда всеподданнѣйше прошу увольненія и пр.

Отправя свою просьбу, ѣздилъ я для нѣкоторыхъ обозрѣній по нагорной сторонѣ Крыма и наслаждался зрѣлищемъ сего неописан-

наго собранія многихъ тысячъ величественныхъ, прелестныхъ, ужасныхъ и восхитительныхъ картинъ, представляющихся во всей изящности разнообразія натуры. На Страстной недѣлѣ говѣлъ я и причащался въ Егоріевскомъ монастырѣ, котораго мѣсто есть самая скрытая страшными романтическими скалами пустыня, на великолѣпнѣйшемъ берегу Чернаго моря. Въ сіи, истинно мирные дни моей жизни, составилъ я книжку подъ именемъ: «Отрывки для чтенія вѣрующимъ», которую посвятилъ другу моему, архіерею Черниговскому Михаилу.

Послѣ сладостныхъ сихъ дней, послѣдовали горькія предчувствія печали, коею поразило меня скоро полученное извѣстіе о смерти роднаго моего брата и друга ближайшаго. Онъ былъ образецъ честности и любви братской. Во всю жизнь нашу не выходили мы за порогъ въ досадѣ другъ на друга.

Долго не получалъ я никакого отвѣта на мою просьбу. Мѣсяца черезъ два получилъ я отъ графа Кочубея письмо, коимъ онъ меня увѣдомилъ, что Государь соизволяетъ на мое увольненіе, но воля его есть, чтобъ я оставался въ Крыму до назначенія мнѣ преемника, коего выборомъ Его Величество затрудняется. Потомъ еще мѣсяца черезъ два обрадованъ я былъ полученіемъ слѣдующаго рескрипта:

«Иванъ Владимировичъ! Получивъ въ свое время прошеніе ваше объ увольненіи васъ отъ предсѣдательства въ коммисіи о разборѣ Крымскихъ земель, указомъ вмѣстѣ съ симъ Правительствующему Сенату даннымъ, повелѣлъ я васъ отъ должности уволить, предоставляя вамъ присутствовать по прежнему въ Правительствующемъ Сенатѣ. Удовлетворяя симъ желанію вашему, я считаю справедливымъ поблагодарить васъ за ваши труды и изъявить вамъ мое сожалѣніе, что далѣе не могли ихъ продолжать. Пребываю вамъ благосклонный

Въ С.-Петербургѣ, Іюля 1 дня 1805 года.

Александръ.

Въ послѣднихъ словахъ сего рескрипта, хотя очень милостивыхъ, примѣтилъ я однако неудовольствіе Государя на то, что я просилъ увольненія отъ коммиссіи. Примѣчаніе мое и подтвердилось послѣ; но я спокоенъ былъ, потому что просился не по недостатку усердія, а по совершенной невозможности долѣе оставаться въ Крыму, гдѣ и необходимости въ пребываніи моемъ для истинной пользы не было. О семъ, при нѣкоторомъ случаѣ, откровенно изъяснился я и Государю.

О выѣздѣ моемъ изъ Крыму жалѣлъ тамошній народъ, которой очень полюбилъ меня. Это тѣмъ замѣчательнѣе, а для меня лестнѣе, что я долженъ былъ быть противъ его, защищая по справедливости

права дворянъ и новыхъ помѣщиковъ, которые, какъ я слышалъ, не столько, однако, меня любятъ.

Но тамошніе жители почти вообще, конечно, довольны мною. Недовольны были только тогдашніе начальники губерніи, потому что пребываніе мое тамъ немножко ихъ ограничивало; и особливо досадовали они на меня за то, что я вступался за нѣкоторыхъ бѣдняковъ, у которыхъ вымучили напрасное признаніе въ покражѣ казенныхъ червонцовъ и оговоря въ отдачѣ ихъ будто одному честному и достаточному мурзѣ, коего также безъ всякаго основанія обыскивали, держали въ самой тѣсной тюрьмѣ, срамили, водя по городу, какъ важнаго преступника. По званію сенатора, принявъ отъ всѣхъ ихъ жалобы, обратилъ я вниманіе суда на сдѣланныя невиннымъ истязанія, которыя изслѣдованіемъ и изобличены. Между тѣмъ я представилъ Сенату, и дѣло вошло въ него.

При слушаніи сего дѣла присутствовалъ уже я, возвратясь въ Москву, опять въ 6-мъ департаментѣ. Я далъ голосъ о защитѣ и воздаяніи невинности и о поступкѣ по строгости законовъ съ тѣми, кои, гоня ее, столь много ихъ нарушили. Нѣкоторые согласились со мною, а иные съ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ тамъ гражданскою частью, которой, въ своемъ представленіи, всячески старался навлекать подозрѣніе на невиннаго Джантемиръ-мурзу, и обвинять вклепавшихъ на себя отъ пытки. Пошло дѣло въ общее собраніе. Лишь только въ него оно вступило, получается рапортъ, что подлинные воры найдены, а всѣ оные мученики Таврическаго начальства нисколько виноваты не были.

Въ общемъ собраніи оставалось мнѣ только удержать свой прежній голосъ. Съ нимъ тѣми или другими словами согласились въ общемъ собраніи всѣ; только я слышалъ, что смѣялись нѣкоторые тому, что я, на высланной мною изъ дѣла запискѣ (ибо тотъ день я въ присутствіи не былъ), написалъ: «Радуясь, что, наконецъ, столь торжественно оправдалась невинность, которую имѣлъ я счастливый случай защищать, остается мнѣ только сослаться на прежній мой голосъ въ департаментѣ данной», и проч. Смѣхъ надъ этими словами означаетъ немилость ко мнѣ товарищей, которую также я не заслужилъ, какъ Джантемиръ-мурза не заслуживалъ тюрьмы; а если смѣялись небезграмотные, то жаль ихъ.

Еще вотъ что странно. Оправданіе мертваго Каласа *) читаютъ съ восторгами; а что свои безпокровные бѣдняки живые сидѣли въ

---

*) Сочиненіе Вольтера.

тюрьмахъ безвинно и пытаны, это дѣло кажется очень неважнымъ, и сдѣлается по немъ что-нибудъ развѣ по тому, что ужъ нельзя иначе, или когда нѣтъ никакой подпоры тѣмъ, которые тѣснили и пытали! Неужели отъ того, что тамъ Вольтеръ, Каласъ и Францiя, а здѣсь Джантемиръ-мурза, поселяне, Мухинъ съ Гласовымъ и Русская Таврида? Впрочемъ, я удивляюсь, какъ можно защиту невинности и великимъ дѣломъ почитать: это дѣло должно быть самое натуральное. Не защитить невинность, когда можно, есть адская холодность, хуже злодѣйства, имѣющаго какое-нибудь побужденiе.

Въ Сентябрѣ 1805 года, возвратясь въ Москву, началъ я присутствовать по прежнему въ 5-мъ департаментѣ Сената, который тогда былъ переименованъ 6-мъ уголовнымъ.

Но въ департаментѣ семъ нашелъ я уже не по прежнему. Въ строгое, какъ говорятъ, время Павла I-го и въ первый годъ царствованiя благодѣтельнѣйшаго изъ монарховъ Александра, въ которомъ отлучился я изъ присутствiя онаго департамента, старались общими силами, сколько можно, облегчать несчастную судьбу судимыхъ; но тогда уже, напротивъ, стремились осуждать сколько можно строжае, и не только нимало не принимали на себя труда сыскивать въ законахъ и обстоятельствахъ дѣлъ способы къ пощадѣ человѣчества, но не уважали ихъ и тамъ, гдѣ они сами собою представлялись зрѣнiю и разсудку. Напримѣръ: были споры о томъ, чтобъ не недѣлю, а мѣсяцъ продержать въ смирительномъ домѣ. Основанiе такого спора столько жъ трудно доказывать, сколько излишне распространяться о его неосновательности. Были голоса, чтобъ сѣчь по жеребью десятаго. Хотя и прежде подобныя рѣшенiя случались, но надобно, конечно, признаться, что напрасно и придумывать искать тому причинъ въ законной или естественной справедливости.

Было дѣло, что Уѣздный Судъ по догадкамъ заключилъ нѣсколько человѣкъ наказать нещадно кнутомъ и со всѣми обыкновенными знаками, вмѣсто смертной казни, сослать на каторгу. Палата, ревизуя, нашла, что по законамъ никакъ нельзя приговорить къ такой казни, ибо судимые не признались, и нѣтъ противъ ихъ также доказательствъ, которыя бы исключали всю возможность къ ихъ невинности (да и едва ли можно когда рѣшиться, не опасаясь ошибки, утвердить такiя доказательства по одному изслѣдованiю обстоятельствъ, ежели строго соображаться при томъ съ совѣстью и съ правилами основательнаго разумѣнiя). Но чтобъ не поощрять къ непризнательности, Палата полагала сослать тѣхъ людей, по крайней мѣрѣ, на поселенiе; но и того, говорила она, по законамъ сдѣлать не можно, ибо они

въ повальномъ обыску не опорочены, а съ мнѣніемъ своимъ о томъ (съ коимъ согласился и губернаторъ) представила Сенату.

Что жъ Сенатъ сдѣлалъ? Большая часть утвердили заключеніе Уѣзднаго Суда. Я, съ своей стороны, далъ голосъ, что не слѣдуетъ и разсматривать такого дѣла, по которому и приговора законнаго не сдѣлано, и что его должно возвратить въ Палату съ выговоромъ ей и губернатору; ибо спрашиваться дозволяется о томъ только, на что нѣтъ законовъ, а на всѣ уголовныя и сему подобныя дѣла законы весьма ясны и достаточны. Итакъ, чтобъ она сама прежде постановила надлежащее по оному дѣлу рѣшеніе, которое и будетъ имѣть теченіе законное. Споръ этотъ былъ, помнится, послѣдній отъ меня въ 6-мъ департаментѣ и, къ удивленію, конечно, ни одинъ не произвелъ больше въ немъ пустаго противъ меня шуму.

Много участвовало уже тогда въ такихъ несогласіяхъ учрежденіе раздачи, прежде слушанія дѣлъ, извѣстныхъ изъ нихъ записокъ. Въ собраніяхъ Сената уже не разсуждали о дѣлахъ, а высылали записки съ мнѣніями, на скорую руку написанными, или пріѣзжали съ готовыми въ засѣданіе и, не обременяя себя дальними разсужденіями, соглашались съ бóльшимъ числомъ мнѣній, или съ кѣмъ больше понравится (я имѣлъ честь не быть уже въ такихъ угодныхъ), или весьма съ предложеніемъ оберъ-прокурора и тому подобными отношеніями.

Впрочемъ, учрежденіе сихъ записокъ весьма полезно, если бъ всегда сохранилась прямая цѣль его, и оно, какъ учрежденіе консультаціи, дѣлаетъ честь предпріимчивому, къ общему благу усердному министру и большому генію-поэту *), которой представлялъ о сихъ учрежденіяхъ. Скажу только, что онъ не соблюлъ тутъ должной нѣжности къ формѣ, которая, однако, во многомъ заслуживаетъ священнаго уваженія.

Такимъ перемѣнамъ въ Сенатѣ прилично выходитъ по имяннымъ подписнымъ указамъ, а не по докладамъ министровъ или генералъ-прокуроровъ. Доклады пристойно министрамъ подавать о тѣхъ департаментахъ, коими они управляютъ, а Сенатъ Государь удостоиваетъ особливо своимъ предсѣдательствомъ, и, конечно, ему извѣстно должно быть все, чтò относится къ образу производствъ и правилъ Сената, который есть то верховное правительствующее судилище, коего распространеніе правъ внесено и въ хронологію вещей достопамятныхъ.

Но не министръ оный началъ, и не онъ послѣдній не соблюлъ той, по мнѣнію моему, почтенной нѣжности, о которой я сказалъ.

*) Т.-е. Державину.

Итакъ, вышеписанная мною новость въ 6-мъ департаментѣ очень затрудняла меня. Я выбралъ самую, по мнѣнію моему, лучшую въ такихъ случаяхъ сторону: омывать, по крайней мѣрѣ, свои руки и, подавая голоса, крѣпко держался ихъ, какъ и всегда.

Иные и соглашались со мною. Но еслибъ и никто не согласился, то это не можетъ благомыслящаго человѣка отвести отъ справедливаго мнѣнія. Мнѣ часто говаривали (чтó жалко и повторять): «Вѣдь не будетъ же по твоему». Какъ будто надобно рѣзать и грабить людей для того, что многіе ихъ грабятъ и рѣжутъ!

Однако больше, нежели вѣроятно, что иные споры мои были причиною, что, при новомъ росписаніи сенаторовъ, очутился я въ 8-мъ департаментѣ, въ которомъ слишкомъ довольно сенаторовъ было и къ дѣламъ котораго я совсѣмъ не имѣлъ привычки.

Хотя министъ юстиціи на очень рѣзкое письмо мое о томъ къ нему отвѣчалъ мнѣ, что «самъ Государь изволилъ меня назначить, а онъ только тому радовался, желая, чтобъ всѣ лучшіе г.г. сенаторы были въ апелляціонныхъ департаментахъ, гдѣ больше соблазновъ», но я не могу повѣрить, что сей родственникъ *) и впрочемъ, конечно, доброжелатель мой, не участвовалъ въ ономъ переводѣ меня и съ своей стороны. Отдавая всю справедливость сему отлично-проницательному министру, знаю однакожъ, что неуступчивые очень ему непріятны.

Сначала недолго я присутствовалъ въ 8-мъ департаментѣ. Особое порученіе отлучило меня на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Москвы.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Молніеносные подвиги Наполеона, сего Провидѣніемъ избраннаго орудія на доказательство того, что всуе трудятся зиждущіе, аще не Господь созидаетъ, въ концѣ 1806 года приближали опасность и къ Россійскимъ предѣламъ. Сіе побудило тогда къ извѣстному и весьма памятному учрежденію временнаго земскаго войска или милиціи. Нѣсколько сенаторовъ отправлены были по губерніямъ съ особливыми наставленіями, для наблюденія при семъ учрежденіи земскаго порядка, и особливо внутренняго спокойства и тишины. Моему надзору ввѣрены были губерніи: Тульская, Калужская, Владимирская и Рязанская.

Чтобъ лучше представить, какимъ образомъ исполнялъ я сіе важное порученіе, и обстоятельства онаго времени, включу здѣсь вы-

*) Князь П. В. Лопухинъ.

писку изъ моихъ донесеній, которыя я долженъ былъ тогда еженедѣльно посылать непосредственно къ Государю Императору.

Изъ Тулы, 4 Генваря 1807.

Отъ сердца, пылающаго любовію къ вамъ и отечеству, всеподданнѣйше приношу Вашему Императорскому Величеству поздравленіе съ началомъ отторженія врага всемірнаго спокойства.

Поспѣшивъ изъ Москвы къ исполненію повелѣннаго мнѣ въ губерніяхъ, имѣлъ я первый неописанное удовольствіе обрадовать сею побѣдою *) жителей здѣшнихъ и по дорогѣ. Никогда не видалъ въ народѣ даже похожаго на ту чувствительность, съ какою приняли сію вѣсть. Крестьяне плакали отъ радости. Скорое учрежденіе милиціи безпримѣрно глубокое впечатлѣніе на нихъ сдѣлало. Страхъ имъ представился ближе, нежели когда-либо, при покровительствѣ свыше, можетъ онъ вѣроятно быть для Россіи. А потому всякое отдаленіе страха сего есть не только нынѣ радость, но оживленіе народу.

И для того-то, Государь, осмѣлюсь представить, что, при необходимости уже, конечно, составленія земскаго войска, сохраняя во всѣхъ случаяхъ, особливо настоящемъ, столь нужную дѣятельность, весьма однако полезно не спѣшить, или лучше сказать, не оказывать торопости, которая тотчасъ разливаетъ страхъ въ народѣ. Въ три дни здѣсь испыталъ я, сколько онъ успокоивается, сколько ободряется внушеніемъ того, чтобъ неослабно и съ наилучшимъ стараніемъ каждой, содѣйствуя въ спасительномъ дѣлѣ сооруженія общей обороны отечества (и, можетъ быть, больше орудія успокоенія цѣлой Европы), не думалъ однакожъ чтобъ нѣсколько часовъ, нѣсколько дней промѣшкать опасно было, ибо разстояніе страха отъ предѣловъ нашихъ не днями считать должно: слава мощи, ихъ охраняющей!

Я увѣряю, и подлинно такъ думаю, что вооруженіе сіе есть точно временное, что, Боже избави Россію превратиться въ государство военное, что свойственно ей по праведнымъ однимъ причинамъ метать громы свои далеко за своими предѣлами; а между тѣмъ мирному ея поселянину природно, изощряя плугъ свой, о войнахъ и знать только по тѣмъ побѣдамъ, о коихъ разсказываетъ ему посѣдѣвшій въ нихъ ратникъ, котораго покоитъ онъ лаврами увѣнчанную старость.

Между тѣмъ, Государь, вездѣ усердіе и вѣрность достойны сыновъ Россійскаго отечества. Гнусная лесть была бы однако увѣрять Ваше Величество, что учрежденіе милиціи не считаютъ крайне-отяготительнымъ. Многіе мнѣ въ откровенности и здѣсь говорили, что гораздо бы лучше еще по одному, даже по два рекрута взять со ста, естьли уже необходимость того требуетъ.

---

*) При Пултускѣ.

Государь! Усердіе и любовь моя къ вамъ и отечеству истинно неописанны. Я не хочу пережить спокойства и славы его и вашей. Итакъ, конечно, говорю вамъ правду. Я жилъ въ Москвѣ, и общій образъ мнѣнія извѣстенъ мнѣ. Весьма коротко знакомы мнѣ люди всѣхъ состояній. Нѣтъ никого, кромѣ водимыхъ видами личныхъ выгодъ или легкомысліемъ, кто бы не находилъ учрежденія милиціи тягостнымъ и могущимъ разстроить общее хозяйство и мирность поселянской особливо жизни. Кто скажетъ вамъ иное, Государь, тотъ обманщикъ, недостойной выговаривать именованіе царскаго престола, коего одно истинное украшеніе есть всемѣрное попеченіе о благѣ царства, не могущемъ существовать безъ спокойства и личной безопасности, безъ которой не только безопасность предѣловъ государства, но и вся возможная слава и сила внѣ не дѣлаютъ народовъ счастливыми.

Еще съ вѣрноподданническимъ и патріотическимъ восхищеніемъ скажу, что повиновеніе, готовность, усердіе вездѣ являются во всемъ своемъ пространствѣ; но сіе-то общее чувство и требуетъ, конечно, самаго рачительнаго сбереженія, какъ самый драгоцѣнный залогъ прямой силы и твердости отечества.

Расположеніе къ пожертвованіямъ денежнымъ и проч. возбуждено до чрезмѣрности. Конечно, во времена самой нужды только сіе можетъ быть пріемлемо. Похваляя здѣсь такое расположеніе, не считаю, однакожъ, Государь, за нужное, по видамъ истинной и прочной для государства пользы, усиливать возбужденіе оное. Истощеніе частныхъ силъ и способовъ есть подрывъ общаго обилія и могущества.

Я былъ въ Москвѣ свидѣтелемъ того знатнаго приношенія, которое Московское купечество, славяся, сдѣлало раскладкою по гильдіямъ; но видѣлъ я отъ того ропотъ даже не между бѣднымъ купечествомъ, а у послѣдняго видѣлъ я и слезы отчаянія. Впрочемъ, они же это наложатъ на товары, и возвышеніемъ цѣнъ усугубится общественная трата. Обыкновенно, нѣсколько человѣкъ завлекаютъ большее число по личнымъ видамъ собственной корысти или честолюбія. И то, что̀ кажется услугою обществу, и пріемлется таковою, и награждается, часто бываетъ, въ прямомъ существѣ своемъ, совершеннымъ злодѣйствомъ обществу.

Когда должно говорить, то не могу говорить неправду Государю, и не такому, какъ вамъ, рожденному быть истиннымъ отцемъ отечеству и примѣромъ благости царскаго сана Вамъ, Государь, говоря правду, я выигрываю: ибо надѣюсь, что пріобрѣтаю чрезъ то вашу милость. Но не побоялся бы я за правду для отечества и гнѣва царскаго, потому что отечество люблю больше себя.

Осмѣливаюсь еще представить Вашему Императорскому Величеству слѣдующее:

1. Весьма бы нужно самое ясное предписаніе и точное во всѣхъ потребностяхъ опредѣленіе отношеній милиціоннаго начальства къ состояніямъ градскимъ и сельскимъ и къ вѣдомствамъ земскимъ, дабы заградить всѣ возможные пути къ притязаніямъ излишнимъ, нарушающимъ хозяйскія права и спокойство и могущимъ смущать порядокъ

гражданской части, пути, которые неопредѣленностью и неограниченностью точныхъ отношеній естественно отверзаются. Противодѣйствіе двухъ властей, конечно, можетъ воспрепятствовать успѣху дѣла. Нужно, весьма нужно, взаимное содѣйствіе и согласіе; но послѣднее столько же между людьми рѣдко, ежели не совсѣмъ при такихъ случаяхъ ненатурально, при движеніи страстей, свойственныхъ человѣчеству.

Власть, главнокомандующимъ областнымъ, столь торжественно и, вѣроятно, по самымъ основательнымъ причинамъ данная, не прострется, думаю, нисколько за предѣлы управленія милиціею.

2. Хотя и не сообщена еще намъ инструкція или грамота, имъ данная 20 Декабря минувшаго года, но мнѣ извѣстно, что при назначеніи дней для экзерцицій милиціонныхъ, назначается въ ней день изъ опредѣленныхъ для работъ на помѣщиковъ.

Дни назначить, конечно, должно, и всего приличнѣе то сдѣлать по соображенію съ хозяйственною удобностью помѣщиковъ. Но, всемилостивѣйшій Государь, повергаясь на колѣна предъ вами, какъ вѣрнѣйшій подданный и сынъ отечества, усердствуя о спокойствіи его, всеподданнѣйше, всеубѣдительнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству инымъ образомъ изъясненія о томъ повелѣть, чтобъ не возобновился указъ, раздѣляющій время работъ крестьянскихъ на себя и на помѣщиковъ, ограничивающій власть послѣднихъ несходно съ общею пользою, указъ, котораго памятны слѣдствія при изданіи его и который, смѣю сказать, хорошо, что оставался какъ бы безъ исполненія.

Въ Россіи ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самаго нашествія непріятельскаго, и не въ настоящемъ положеніи вещей. Я могу о семъ говорить безпристрастно, никогда истинно не дороживъ правами господства, стыдясь даже выговаривать слово холопъ, до слабости, можетъ быть, снисходителенъ будучи къ своимъ крестьянамъ. Первый, можетъ быть, желаю, чтобъ не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, естьли бъ только то безъ вреда для нея возможно было и, наконецъ, будучи наканунѣ (по извѣстнымъ Вашему Величеству обстоятельствамъ долговъ моихъ) не имѣть, можетъ быть, ни одной деревни.

Итакъ голосъ мой тутъ не только есть, но и долженъ быть, безпристрастенъ. И въ сихъ-то чувствахъ я увѣренъ, что ничего не можетъ быть пагубнѣе для внутренней твердости и общаго спокойства Россіи, какъ разслабленіе оныхъ связей. Внушенія никакія не помогутъ, ежели дѣйствія соотвѣтствовать не будутъ.

Я даже осмѣлился главнокомандующему здѣшней области, генералу Тутолмину, въ бесѣдѣ съ нимъ по дѣламъ милиціи, при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, обстоятельнѣйше совѣтовать, чтобъ, при назначеніи дней, не объявлять точно словами, раздѣляющими дни работъ крестьянъ на себя и на помѣщиковъ. Простите мнѣ, Государь: я доношу все откровенно. Духомъ несказанной преданности вѣрноподданнической цѣлую благотворную вашу руку. Да подписываетъ она только миръ и благоденствіе Россіи!

Изъ Тулы, 11 Генваря 1807.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что въ губерніи Тульской все благополучно, и изъ прочихъ, обозрѣнію моему ввѣренныхъ, ничего, кромѣ пріятнаго, не получалъ.

Поспѣшивъ изъ Москвы нарочно къ первому дню Новаго Года сюда, я засталъ еще здѣсь большую часть собранія дворянскаго, а предсѣдателей всѣхъ. Особо собравъ ихъ, съ предводителемъ губернскимъ, дѣлалъ я имъ надлежащія внушенія.

Рачительное также внушеніе сдѣлано отъ меня купечеству и мѣщанству. Сіе послѣднее, и вообще людей низшаго состоянія, почитаю за особливо нужное вразумлять и убѣждать. И дѣлаю то не нарядно, а въ короткости простаго обхожденія, въ простотѣ образа моей жизни, ходя пѣшкомъ и со всякимъ разговаривая. Въ такой же простотѣ осмѣливаюсь и Вашему Величеству доносить, чтобъ яснѣе представить.

Составъ земскаго войска идетъ съ наилучшимъ успѣхомъ и усердіемъ во всѣхъ, высочайше ввѣренныхъ обозрѣнію моему губерніяхъ, Тульской, Калужской, Рязанской и Владимирской.

Общій духъ рвенія и вѣрности не можно описать довольно. Но не могу я также скрыть, Государь, и Боже меня избави скрывать отъ васъ что либо, до спокойства и общей пользы отечества относящееся; не могу скрыть, что частно, особливо въ тѣхъ состояніяхъ, изъ коихъ рядовые ратники набираются, много неудовольствій. Отцы, матери, естественно, жалѣютъ дѣтей, дѣти ихъ, и тому подобное.

Не можно еще ихъ увѣрить, чтобъ составляемое земское войско было временное, и что не тотчасъ они подвинуты будутъ противъ непріятеля, котораго каждой изъ нихъ, по безпримѣрной скорости учрежденія, и такова чрезвычайнаго, какъ есть учрежденіе столь многочисленной милиціи, считалъ, по крайней мѣрѣ, далеко уже внутри Россійскихъ предѣловъ, ежели не близко дверей своихъ. Едва и теперь отдыхаютъ отъ сей мысли.

Поразительное для всѣхъ впечатлѣніе нечаяннымъ учрежденіемъ симъ сдѣлано прежде, а распоряженія успокоивающія, пришли послѣ, какъ-то: убѣжденія большія о временности земскаго войска, повелѣніе оставаться ему въ прежней одеждѣ, не брить лба и бороды, распоряженіе о пребываніи въ домахъ своихъ и проч.

Но и сіе не можетъ совершенно успокоить никакого рода поселянъ, ни помѣщиковъ. Хозяйство вообще разстроивается, не говоря еще о слѣдствіяхъ неисправимой на опытѣ неудобности сліянія властей, въ столь близкихъ и сплетенныхъ отношеніяхъ.

Повелѣвается поселянъ, вписанныхъ въ милицію, не употреблять ни въ какія посылки или дѣла, которыя бы слишкомъ удаляли ихъ отъ мѣстъ жительства и проч., какъ и естественно; но обыкновенная и необходимая въ самыхъ пахатныхъ мѣстахъ промышленность крестьянская и польза помѣщиковъ требуютъ нерѣдкихъ отлучекъ отъ домовъ, и по положеніямъ оныхъ отъ городовъ неблизкихъ, для продажи хлѣба и издѣлья, для закупки лѣса, всякихъ надобностей домаш-

нихъ и проч. Есть же губерніи въ числѣ назначенныхъ для милиціи, которыя и обилуютъ единственно отъ того, что большая часть лучшихъ изъ ихъ поселянъ занимаются промыслами въ отдаленныя мѣста и на долгое время. Каменьщики, плотники, трепачи, которые пеньку обдѣлываютъ, и пр. и пр. И то селеніе въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, въ коемъ остается сколько можно меньшее число людей для работъ домашнихъ.

Въ губерніяхъ, порученныхъ моему обозрѣнію, приходитъ съ 15 не съ большимъ, и безъ малаго съ 14-ти ревизскихъ душъ, по одному ратнику. Изъ числа же ревизскихъ душъ, въ самыхъ людныхъ селеніяхъ обыкновенно не больше половины бываетъ работниковъ. Таковыми въ деревняхъ считаются люди отъ пятидесяти лѣтъ (а здоровые иногда и старѣе) до 15 и 14 лѣтъ. Сколько же изъ такихъ въ милицію годныхъ остается? И изъ сколькихъ же по прямому разчисленію долженъ вступить въ нее? Третій, четвертый и едва ли гдѣ пятый опредѣлится въ милицію изъ работниковъ, коихъ въ иныхъ мѣстахъ большая половина на большую часть года отлучаются, и далеко отъ домовъ своихъ, для тѣхъ обыкновенныхъ ихъ промысловъ, коими единственно содержатся тамъ селенія въ безбѣдномъ состояніи, какъ, напримѣръ извѣстно мнѣ въ губерніи Калужской.

При всей благоразумной дѣятельности и самомъ ревностномъ попеченіи тамошняго губернатора, неуповательно, чтобъ точно въ назначенный срокъ можно было собрать въ оной губерніи все положенное съ нея число ратниковъ; ибо Калужская губернія промышленная, а большая часть жителей ея въ расходѣ по разнымъ и отдаленнымъ мѣстамъ. По симъ причинамъ губернаторъ пишетъ ко мнѣ, что не торопится круто и требуетъ моего наставленія. Я осмѣлюсь, Государь, предписать ему съ своей стороны, чтобъ, имѣя въ предметѣ точность исполненія и нисколько въ немъ не ослабѣвая (въ чемъ на г. Львова весьма положиться можно) сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, гдѣ можно, однако, снисходилъ бы, не теряя ни одного возможнаго способа къ скорѣйшему успѣху. Осмѣлюсь предписать сіе для существенной пользы, для сохраненія общаго покоя, и наконецъ по необходимости. Крутость возмущаетъ; а людей разсыпанныхъ по всей Россіи вдругъ отыскать нѣтъ возможности. Въ селеніяхъ же промышленныхъ губерній, и особливо въ зимнее время, остаются по большой части люди, имѣющіе свыше 50 и меньше 20 лѣтъ.

По убѣдительной просьбѣ здѣшняго градскаго общества, которое, какъ и дворянское, отличилось здѣсь усердіемъ и важностію пожертвованій, осмѣлился я также отсрочить на семь дней наборъ или вписаніе въ милицію Тульскихъ мѣщанъ. Они просили для того, чтобъ въ это время отыскать сколько можно изъ нихъ находящихся въ отлучкахъ, для назначенія справедливѣйшаго и для поставки людей больше годныхъ. Сего требуетъ дѣйствительная польза. А что нѣсколько дней отсрочки ни въ какомъ тутъ случаѣ вредной разницы сдѣлать не могутъ, то кажется ощутительно. Сколько же неторопливость въ настоящихъ обстоятельствахъ успокоиваетъ и ободряетъ

народъ, начиная отъ самаго дворянства, то имѣлъ я удовольствіе, Государь, весьма видѣть здѣсь изъ опытовъ.

Истинная слава Вашего Императорскаго Величества и благо отечества, въ которомъ единственно и она блистать можетъ, суть первые у меня предметы въ дѣлѣ, высочайшею вашею доверенностью порученномъ. По искреннему моему къ нимъ усердію, еще откровенно донесу, что здѣсь, и въ самой Москвѣ, соблазняются тѣмъ, что въ то время, какъ одна часть Имперіи обязывается важною и затруднительною повинностію состава, вооруженія и снабженія земскаго войска, другая (не говоря о пограничныхъ губерніяхъ), манифестомъ 6 Декабря минувшаго года, только приглашается къ добровольнымъ пожертвованіямъ. И подлинно, Государь, не сохраняется тутъ, по крайней мѣрѣ, видъ уравненія, толь облегчающаго общее ношеніе всякой тягости. Можетъ быть, что оныя, въ составъ милиціи не вошедшія, губерніи и больше принесутъ, особливо при разныхъ средствахъ возбужденій, которыя (какъ уже я осмѣлился, по откровенности моей, доносить) не содѣйствуютъ, однакожъ, существенно къ основательной пользѣ отечества; кромѣ того, что разрождается отъ того междусобная зависть и размножаются случаи, подъ личиною рвенія, изощряться лукавству честолюбія, или корысти, на счетъ же общій, тѣмъ или другимъ образомъ. Можетъ быть, принесутъ они и больше; но они имѣютъ право и ничего не приносить, тогда какъ прочія манифестомъ же обязаны непремѣнно къ повинности въ мѣрѣ опредѣленной и тягостной. И право сіе дается имъ съ монаршаго престола, однимъ изъ тѣмъ во всенародное извѣстіе объявляемыхъ актовъ, коихъ правильность священнѣйшею печатью быть долженствуетъ.

Милосерднѣйшій Государь! Прости мнѣ. Не могу о вашемъ дѣлѣ, объ отечествѣ, говорить вамъ не то, чтó у меня на сердцѣ, не то, чтò въ мысляхъ у меня. Много бы сказалъ я, за долгъ почелъ сказать, у ногъ вашихъ, естьли бъ я имѣлъ счастіе быть при августѣйшемъ лицѣ вашемъ во время сихъ учрежденій.

Ваше Императорское Величество, конечно, милосердно бы простили и дерзость сыновняго усердія и погрѣшность, если бы представленія мои, при всей искренности ихъ, неосновательны были. Но опять донесу, что тоже бы представилъ и самому немилосердому государю. Я былъ бы, конечно, жертвою моей преданности къ престолу и отечеству, но жертвою такою быть столько же для меня пріятно, сколько благоденствовать подъ скипетромъ Александра, не гнѣвающагося, конечно, за правду, а любящаго слышать ее.

За особливо нужное еще считаю представить благоусмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества, для единообразнаго и общаго постановленія по милиціи, касательно убыли изъ нея людей, которую отъ смерти и утечки естественно предполагать должно.

Ежели числу ихъ быть непримѣннымъ чрезъ всегдашнее наполненіе изъ тѣхъ же селеній (каковое положеніе кажется мнѣ есть, по крайней мѣрѣ, въ мысляхъ у милиціоннаго начальства), то сіе было бы не только неудобно, ибо всѣ бы въ селеніяхъ связаны были, и мѣщане, но и крайне-несправедливо и неуравнительно. Напримѣръ:

изъ двухъ селеній разнаго владѣнія, имѣющихъ въ себѣ по тысячѣ ревизскихъ душъ, изъ каждаго впишется въ милицію по 70 человѣкъ. Между одними изъ сихъ помретъ и разбѣжится въ одинъ годъ половина, а между другими ни четвертой доли, что̀ весьма можетъ случиться по массѣ селеній. За что же первыхъ собрать, и поселянамъ, наполненіемъ изъ нихъ же, усугубится отягощеніе, и безвинно: ибо они могутъ быть всѣ столько же невинны въ утечкѣ собратьевъ своихъ, какъ и въ смерти ихъ. Розыскъ тутъ строгой по селеніямъ, особливо въ настоящее время, будетъ всегда притѣснителенъ, иногда возмутителенъ, и чаще безуспѣшенъ. Возлагать же за утечки оныя отвѣтственность на помѣщиковъ или начальства сельскія, волостныя и мѣщанскія, было бы творить виноватыхъ.

Изъ Тулы, 18-го Генваря 1807.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣше доношу, что въ Тульской губерніи все благополучно; и въ прочихъ губерніяхъ, обозрѣнію моему ввѣренныхъ, вообще спокойство и тишина царствуютъ. Чтобъ видѣть все ближе, былъ я въ разныхъ уѣздахъ. Вездѣ одинъ духъ усердія и покорливости.

Наилучшимъ образомъ приняты всѣ мѣры къ снаряду, продовольствію и вооруженію земскаго войска; люди готовы. Встрѣчается только индѣ та неудобность, что по скорости назначенія надобно вписывать и одинокихъ; а изъ семейныхъ, въ отлучкахъ для обыкновенныхъ промысловъ, иные скрываются, чего нельзя было и не ожидать.

Нѣкоторыхъ видѣлъ я и весело, охотно записывающихся. Видѣлъ даже крестьянъ, очень здраво разсуждающихъ о нуждѣ усилить отечественное ополченіе. Всѣ пылаютъ одолѣніемъ неистоваго врага спокойства.

Не внесетъ онъ оружія своего въ нѣдра нашего отечества. По крайней мѣрѣ не хотѣть дожить до того должно быть лучшимъ чувствомъ Русскаго патріота. Едва ли сколько-нибудь съ успѣхомъ проникнуть сюда можетъ и адское коварство его, къ дѣйствіямъ чрезъ обольщеніе черни *). Но дай, Боже, чтобъ, кромѣ такихъ непосредственныхъ и едва ли сбыточныхъ вліяній, сохранились въ ней связи подчиненности; чтобъ въ дворянствѣ и состояніяхъ учащихся не торжествовало ложное просвѣщеніе, на безвѣріи основанное, и чтобъ, наконецъ, не изострилось внутри пагубнѣйшее оружіе отъ злоупотребленій самаго земскаго войска! Не чрезъ мятежи и волненія его, но чтобъ столь природное людямъ властолюбіе его начальства, своевольство чиновниковъ его, на которое при такихъ случаяхъ неисчетные пути отверзаются, и могущая отъ того послѣдовать распутность толь многочисленной толпы рядовыхъ его ратниковъ, не обратилось бы въ оскорбленіе несносное и въ тягость возмутительную народу!

*) Предполагали, что непріятель будетъ дѣйствовать внутри Россіи чрезъ обольщеніе черни своими тайными агентами. *Примѣч. автора.*

Итакъ, Государь, вѣрность и рвеніе вездѣ общія. Все вамъ вѣрно, все любитъ васъ до восхищенія. Но чувство бремени отъ земскаго войска общее же, какъ доносилъ я откровенно.

Всѣ, говоря, что счастливѣйшая будетъ та минута, въ которую отмѣнится сіе войско, продолжаютъ думать, что лучше, вмѣсто его, взять со ста по одному, даже по два, въ случаѣ крайности, обыкновенныхъ рекрутъ, безъ большой только браковки.

Затрудняются до боязни вліяніемъ начальства его, столь тѣсно сплетеннаго съ управленіемъ гражданскимъ и хозяйственнымъ состояніемъ при толикой степени власти.

Полагая, что Ваше Императорское Величество изволили послать сенаторовъ для перевѣсу ея, радуются здѣсь очень и моему пріѣзду.

Врученіе областнымъ начальникамъ вдругъ такой власти всѣхъ поразило. Признаюсь, Государь, что и я содрогнулся, когда, не предвидя близкой причины, услышалъ такое торжественное разрѣшеніе смертной казни... въ Россіи, гдѣ мечъ ея прежде всѣхъ странъ земныхъ отринутъ былъ—разрѣшеніе отъ руки, которой опредѣлено, кажется, подписывать одну милость и счастье народамъ.

Государь! То время, что или все вѣрно, или смертная казнь не удержитъ. Но когда устрашала она злодѣевъ? Они ни думаютъ о казни, или бы бѣжали зла.

Государь! Пламеннымъ сердцемъ любви къ тебѣ и отечеству—у ногъ твоихъ, руки твои омывая слезами, говорю: будь только всегда Александръ, великій благостью! Она все преодолѣетъ.

Откровенно представляю образъ мнѣнія народнаго и свою душу раскрываю предъ вами, Государь. Руководствуюсь одними чувствами безпредѣльной вѣрности подданнаго, сына отечества и десять лѣтъ имѣющаго честь носить званіе сенатора, не для имяни только.

Изъ Тулы, 24 Генваря 1807.

Въ трехъ донесеніяхъ моихъ предъ симъ Вашему Императорскому Величеству со всею откровенностью безпристрастія представилъ я все. На сей разъ важнѣйшаго донести ничего не имѣю.

Пріемлю только смѣлость представить вамъ, Государь, слыша, что начальствомъ здѣшней области предполагается учредить нѣкоторой однорядокъ въ одеждѣ и рядовыхъ милиціи, какъ-то: кафтаны покроя крестьянскаго, но по сотнямъ уравненные; особые пояса, на рукахъ перевязки съ шифрами, шапки одного манера и цвѣта и проч., и проч., что́, конечно, не иное, какъ плодъ любви къ единообразію устройства и состарѣвшагося въ искусствѣ его генерала Тутолмина.

Но, по соображенію мѣстному, гораздо лучшимъ считаю все сіе оставить бы, естьли можно: ибо оно хотя въ мелочахъ, но все обязываетъ на повинности еще новыя и небезубыточныя, умножаетъ случаи къ излишнимъ притязаніямъ, при злоупотребленіяхъ, ни въ чемъ и нигдѣ неизбѣжныхъ, и, что́ всего важнѣе, больше утвердить можетъ народъ въ мысляхъ о невременности земскаго войска, и самаго его, или чрезъ сіи же мысли еще приводить въ уныніе, или особен-

ностью такою, какъ и всякою, болѣе поощрять къ буйству, которое и безъ того весьма трудно будетъ отвращать при сліяніи властей, крайне всегда неудобномъ для нашего народа. Наконецъ, всякое такое установленіе представляется отмѣною даннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ указа и Правительствующему Сенату, чтобъ людей, въ милицію поступить имѣющихъ, одѣвать не иначе, какъ по примѣру обыкновенныхъ наборовъ, въ таковую же одежду, въ каковой они прежде ходили. А потому откровенно донесу, что и слухъ объ однорядкѣ ономъ не съ удовольствіемъ пріемлется. Вся же одежда и проч., по точному исполненію повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, уже всѣми приготовлена; и такъ отмѣна еще съ немалымъ всѣхъ убыткомъ затруднитъ. Смѣло донося Вамъ, Государь, что́ знаю и думаю, повергаюсь къ освященнымъ стопамъ вашимъ и цѣлую руку, отъ которой ожидаютъ всѣ побѣдъ и милостей.

Послѣднее оное донесеніе приготовилъ я ввечеру, спѣша въ ту же ночь ѣхать въ Рязань. Ожидалъ только почты, которой надобно было придти въ тотъ вечеръ, считая, что я могу получить какой нибудь отзывъ на мое первое донесеніе.

И подлинно получилъ я государевъ рескриптъ отъ 16 Генваря, въ которомъ и милость и гнѣвъ изъявлялись. Начатъ рескриптъ свидѣтельствомъ благоволенія за усердное исполненіе по манифесту о милиціи. Потомъ Государь, сказавъ мнѣ, что «не скроетъ онъ отъ меня, что не безъ удивленія нашелъ онъ въ донесеніи моемъ разсужденія, совсѣмъ постороннія сдѣланному мнѣ препорученію», изволитъ описывать причины составленія временнаго ополченія и заключать рескриптъ слѣдующими словами: «Я увѣренъ, впрочемъ, что каковъ бы ни былъ образъ вашихъ мыслей касательно составленія земскаго войска, но вы столько чувствуете долгъ вашъ, что потщитесь исполнить со всею ревностію и усердіемъ возложенную на васъ обязанность.»

О полученіи сего донесъ я слѣдующимъ письмомъ:

«Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества отъ 16 Генваря я удостоился получить.

Священнымъ долгомъ считалъ я откровенно доносить Вашему Императорскому Величеству образъ мнѣнія народнаго, а собственныхъ чувствъ моихъ не могъ скрыть отъ васъ, и не скрою никогда. Тѣмъ же чистосердечіемъ исполнены и всѣ мои донесенія. И несчастнѣйшая минута жизни моей будетъ та, въ которую навлечетъ она гнѣвъ на меня Государя моего, несчастнѣйшая по безпредѣльной вѣрности и любви моей къ нему и отечеству. Что касается до ревностнаго и усерднаго исполненія возложенной на меня обязанности, всемилостивѣйшимъ ожиданіемъ чего заключается Высочайшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества, то осмѣлюсь сказать, что въ ревности

и усердіи исполнять повелѣнія ваши не уступлю я никому. Всеподданнѣйше подношу при семъ донесеніе, которое уже написано было при полученіи рескрипта.»

Написавъ сіе донесеніе, запечаталъ я его въ одинъ кувертъ съ приготовленнымъ прежде отъ того жъ числа и, отдавъ почтмейстеру для отправленія, спокойно сѣлъ въ кибитку и поѣхалъ въ Рязань.

Я продолжалъ писать къ Государю съ тою же искренностью и смѣлостью правды, какъ увидятъ изъ слѣдующихъ донесеній.

Продолженіе выписки изъ донесеній.

Изъ Рязани, 30-го Генваря 1807.

Духъ покорности и пламенной любви къ вамъ, Государь, и отечеству, тотъ же здѣсь, какъ и вездѣ. Равно и образъ общаго мнѣнія о учрежденіи земскаго войска такой же, какъ я прежде въ моей вѣрноподданнической откровенности доносилъ Вашему Императорскому Величеству. Не изобильны пожертвованія въ Рязанской губерніи, имѣющей въ себѣ много бѣдныхъ дворянъ и купцовъ, но весьма добровольно и непрерывно приносятся.

Къ правильному назначенію рядовыхъ въ милицію представляетъ въ иныхъ мѣстахъ здѣшней губерніи нѣкоторое затрудненіе отлучка мѣщанъ и поселянъ въ разные промыслы, какъ-то: въ извозъ, въ работы, наемъ въ дальнія мѣста и проч., особливо изъ семейныхъ, такъ что должно неизбѣжно иногда обращаться къ отягощенію одинокихъ. Есть такіе, кои скрываются или нарочно удаляются, имѣя пашпорты, полученные прежде манифеста о составленіи земскаго войска.

Безпокоятся и здѣсь также тѣми однорядками, о неудобности которыхъ представлялъ я Вашему Императорскому Величеству въ моемъ послѣднемъ донесеніи.

Изъ Калуги, 7 Февраля 1807 г.

Нельзя пересказать, сколько народъ утѣшенъ всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ отъ Вашего Императорскаго Величества отпускать и въ дальніе работы и промыслы *). Желательно только, чтобъ образъ исполненія сего установился, и сколько можно удобнѣйшій, чтобъ формы и разномысліе (ежели не прихоти исполнителей) не стѣсняли нисколько пользу сего, отеческою милостію къ народу начертаннаго

---

*) Тогда вышло повелѣніе отпускать въ работы и промыслы; а до того, съ начала изданія манифеста о милиціи, всѣхъ держали въ домахъ своихъ, къ отягощенію крайнему. *Примѣч. автора.*

повелѣнія, и чтобъ миличное начальство въ связи своей, при исполненіи ономъ съ начальствомъ гражданскимъ, руководствовалось всегда одними благородными видами частной хозяйской и общей отечества пользы. Истинно Государь, всякое облегченіе повинности земскаго войска неизобразимою благодарностью возноситъ къ престолу Вашего Императорскаго Величества сердца вѣрноподданныхъ, пылающія любовію къ вамъ и усердіемъ безпредѣльнымъ. Въ глубинѣ такихъ чувствованій повергается къ вашимъ священнымъ стопамъ и проч.

Изъ Калуги, 13 Февраля 1807 г.

Сердцемъ, которое горитъ желаніемъ, чтобъ все покорялось Россійскому скипетру, и чтобъ ваша рука управляла имъ до позднѣйшей возможности жизни человѣческой, цѣлуя благотворную руку сію, приношу Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше мое поздравленіе съ новою надъ врагами отечества знаменитою побѣдою [1]), которую торжествовали здѣсь при восторгахъ, свойственныхъ чувствамъ любви и усердія вашего народа къ Государю и отечеству.

Отъ 7 числа сего мѣсяца доносилъ я Вашему Императорскому Величеству, что въ Калужской губерніи земское войско готово, и все къ составленію его сдѣлано наилучшими мѣрами. Нынѣ же, какъ о существеннѣйшемъ, донесу, что съ восхитительнѣйшею радостью принято всемилостивѣйшее постановленіе Вашего Императорскаго Величества, опредѣляющее лѣта вступающимъ въ оное войско, отъ 17-ти до 50 [2]), и повелѣвающее на убылыя изъ него мѣста рядовыхъ другихъ не требовать. Послѣднее тѣмъ паче обрадовало, что въ инструкціи о должности чиновниковъ земскаго войска, отъ здѣшняго областнаго начальства составленной, къ неописанному затрудненію и отягощенію всѣхъ состояній, предписано уже было оное наполненіе, и изъ самыхъ тѣхъ участковъ, изъ коихъ случится убыль [3]), Вездѣ готовы люди, одѣты, снабжены и по возможности вооружены во всей точности, сходно съ манифестомъ о учрежденіи милиціи и данными о томъ указами Вашего Императорскаго Величества. Но отъ начальства ея требованія новыя, касательно образа одежды, рода и количества оружія и проч., производятъ во всѣхъ губерніяхъ затрудненіе тѣмъ состояніямъ, кои обязываются на исполненіе онаго.

При семъ, по откровенности безпредѣльнаго усердія моего, не могу я, Государь, удержаться, отъ вѣрноподданническаго дерзновенія сказать, что хотя Вашему Величеству благоугодно было облечь главнокомандующихъ областнымъ земскимъ войскомъ такою властію, чтобъ во всѣхъ случаяхъ, до устройства областнаго войска относя-

---

[1]) При Прейсишъ-Эйлау.

[2]) Сіи лѣта назначены были, съ отмѣною прежняго, сходно съ моимъ представленіемъ отъ 11 Генваря, въ коемъ представлялъ я и противъ онаго наполненія. *Пр. авт.*

[3]) Инструкціи, въ коей сіе предписано было, уже никогда послѣ не отыскивали. *Примѣч. автора.*

щихся, предписанія ихъ принимаемы и исполняемы были, какъ собственныя ваши повелѣнія, но сіе, конечно не о томъ, что̀ было бы въ отмѣну оныхъ, какъ и самый Правительствующій Сенатъ (коего указамъ монаршею довѣренностью издавна присвоена сія сила) не можетъ конечно дѣлать такихъ отмѣняющихъ предписаній. По возложенной на меня обязанности представлять Вашему Императорскому Величеству образъ общаго мнѣнія о настоящемъ случаѣ внутренняго вооруженія, долженъ я донести, что власть оная, или лучше, возможность ею дѣлать устраняющіяся отъ точности извѣстной и всенародно объявленной воли вашей предписанія такія и по такимъ предметамъ, о коихъ положенія должны и могутъ быть и не на мѣстѣ предвидѣны и вездѣ однообразны, по крайней мѣрѣ, приводитъ въ недоумѣніе всѣ земскія вѣдомства и большое разливаетъ стѣсненіе въ сердца. Еще долгомъ считаю донести, что, на представленіе вѣрноподданническаго усердія моего о неудобности назначать дни для сбора и ученья милиціи изъ дней подъ знаменованіемъ работныхъ на помѣщика, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было въ своемъ высочайшемъ ко мнѣ рескриптѣ изобразить, что оное, «хотя упомянуто въ данной грамотѣ господамъ главнокомандующимъ областными войсками, но сіе сказано собственно для нихъ»; однако въ помянутой же инструкціи *) отъ здѣшняго начальства сего войска (которая, по существу своему, конечно, всѣмъ извѣстна быть должна), именно назначаются два дни въ недѣли изъ работныхъ на помѣщиковъ. О семъ всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и первое мое представленіе осмѣлился сдѣлать.

Изъ Владимира, 1 Марта 1807 г.

«Въ губерніяхъ Тульской, Калужской, Рязанской и Владимирской спокойно все и благотишно. Въ послѣднюю пріѣхавъ, здѣшнюю обозрю и извѣдаю на мѣстѣ все повелѣнное Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Проѣзжая, видѣлъ я у городскихъ и сельскихъ жителей неописанную радость о тѣхъ облегченіяхъ по милиціи, которыя Ваше Величество всемилостивѣйше сдѣлать изволили. «Дай Богъ здоровья Государю!» говорятъ чистосердечно поселяне, прибавляя: «Когда-то совсѣмъ отмѣнится!» Убѣждая ихъ въ томъ, что крайняя была надобность въ такомъ вооруженіи, увѣряю, что оно весьма временное, и что конечно отмѣнится, какъ скоро только можно будетъ. «Дай-то Богъ, дай-то Богъ»! отвѣчаютъ съ такимъ чувствомъ оживительной надежды, котораго истинно безъ слезъ почти видѣть нельзя.

Всемилостивѣйшій Государь! Я думаю, что у монарха мудраго и добродѣтельнаго, истиннаго отца отечества, вѣрноподданническая любовь и усердіе больше должны давать право на смѣлость представленій и приближать къ престолу, нежели одинъ порядокъ чиновъ царедворскихъ должностей. Итакъ, въ моей предъ вами откровенности, кото-

*) Сія-то инструкція тотчасъ тогда исчезла.

рую всегда я для себя считаю священнымъ долгомъ, осмѣлюсь сказать, что въ самомъ благодѣтельномъ царствованіи Вашего Императорскаго Величества благодѣтельнѣйшій будетъ тотъ день, въ который отмѣнится земское войско. И четвертая часть его, обыкновеннымъ образомъ равно со всего государства собраннаго и воински устроеннаго, конечно, будетъ ополченіе гораздо дѣйствительнѣйшее, а для народу легчайшее; ибо совершенно общій образъ мнѣнія непрерывно есть тотъ, что лучше по одному, даже по два рекрута со ста. И отдѣленіе людей отъ настоящихъ званій въ прямое военное столько же было бы полезнѣе къ удобнѣйшему устройству и нужно строгому управленію единоначальствомъ воинской власти, сколько нынѣшнее сліяніе властей представляетъ неудобства; а развлекательное положеніе въ состояніяхъ и земледѣльца, иль промышленника, и купно ратника можетъ лишать ихъ способностей и къ тому, и къ другому, питая между тѣмъ духъ буйства и своеволія. Впрочемъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, до чрезвычайнаго числа умноженное войско можетъ со временемъ по разсмотрѣнію быть уменьшаемо, и изъ всякаго рода организаціи возвращаемо въ мирныя хозяйственныя состоянія *).

Примите, Государь, великодушно мои представленія; простите милосердо, если они неосновательны, но они всегда происходятъ единственно отъ такихъ чувствъ, по которымъ я имѣю счастіе быть до гроба вѣрнѣйшимъ подданнымъ.

Изъ Владимира, 8 Марта 1807 г.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что общая тишина и спокойство непрерывны въ здѣшней Владимирской и въ прочихъ, обозрѣнію моему ввѣренныхъ губерніяхъ, изъ коихъ еженедѣльно получаю извѣстія. Все касающееся до составленія земскаго войска со стороны гражданскаго начальства, при ревностномъ подвигѣ всѣхъ сословій Владимирской губерніи, весьма хорошо устроено. Духъ любви и усердія къ вамъ и отечеству безпредѣленъ здѣсь, какъ и во всякой державѣ Вашего Императорскаго Величества, равно и образъ общаго мнѣнія о вооруженіи земскомъ, точно здѣсь такой же, какъ по возложенному на меня долгу, въ откровенности, доносилъ я изъ прочихъ губерній.

Наитщательнѣйше внушаю я о временности онаго войска и о пребываніи рядовыхъ его въ нерушимости связей и повиновенія по ихъ кореннымъ состояніямъ. Сіе тѣмъ паче считаю нужнымъ, что уже появляется, какъ и естественно, хотя изрѣдка и въ неважномъ еще видѣ, расположеніе къ своевольству, отъ несмысленныхъ заключеній, что уже подъ особливымъ живутъ начальствомъ, и плодъ заблужденія сего, доселѣ не вящшій, какъ въ нѣкоторыхъ развратное и домы истощающее пьянство, уклонность отъ хозяйственныхъ упражненій, малыя ослушанія, что̀ все можетъ еще униматься не самыми

---

*) Милиція 1807 года помнилась Александру Павловичу, когда впослѣдствіи учреждалъ онъ свои роковыя военныя поселенія.

строгими, только не упустительными средствами, которыя и подтверждаю я бдительно употреблять въ самыхъ коренныхъ состоянiяхъ оныхъ оруженосцевъ, т.-е., въ земскомъ вѣдомствѣ и въ кругѣ волостныхъ и помѣщичьихъ властей, дабы исправляемые купно, съ исправленiемъ, больше убѣждались и въ томъ, что не выведены они изъ подчиненiя властямъ онымъ.

Изъ Москвы, 18 Марта 1807.

Узнавъ здѣсь о полезномъ преобразованiи земскаго войска съ столь знатнымъ его убавленiемъ, благословилъ я, и конечно съ миллiонами, любезнѣйшее отечеству имя ваше; духомъ неизобразимой радости поцѣловалъ вашу руку, коей скипетръ вручило милосердiе небесъ къ человѣчеству. Да, едвали была когда въ Россiи радость, столь общая и столь чувствительная всѣмъ въ ней состоянiямъ, какъ та, которая разольется онымъ спасительнымъ преобразованiемъ! Не могъ я не начать симъ, Государь, отъ безпредѣльнаго удовольствiя истинно вѣрноподданнической любви къ Вашему Императорскому Величеству и пламеннаго усердiя къ благу общему. Высочайше мнѣ повелѣнное исполнилъ я во всѣхъ четырехъ губернiяхъ, кои обозрѣнiю моему ввѣрены были. Во всѣхъ, относящееся къ внутреннему ополченiю учреждено и производится съ рвенiемъ, отличающимъ вашихъ подданныхъ. Пожертвованiя вездѣ продолжаются въ губернiяхъ: Тульской, Калужской, Владимирской и Рязанской, которыя, конечно, по справедливости удостоены будутъ всемилостивѣйшаго ознаменованiя высокомонаршаго благоволенiя Вашего Императорскаго Величества.

Исполнивъ все повелѣнное мнѣ, возвратился я къ своему мѣсту, какъ предписано въ высочайшемъ рескриптѣ Вашего Императорскаго Величества. Смѣю надѣяться, что образъ исполненiя моего угоденъ отеческой любви вашей къ подданнымъ, великой душѣ и мудрой прозорливости Вашего Величества, ибо я руководствовался единственно неописаннымъ усердiемъ къ истинной славѣ вашей и къ твердому благу отечества. Откровенность и вѣщанiе правды безъ всякихъ оттѣнокъ предъ монаршимъ престоломъ есть всегда для меня долгъ священный, неизгладимо впечатлѣвшiйся въ сердце, совершенно преданное служенiю вамъ и отечеству; а въ дѣлѣ, толико общественномъ и столь нѣжно касающемся непоколебимости благосостоянiя государственнаго, какъ есть настоящее вооруженiе внутреннее, и малое отступленiе отъ онаго правила моего было бы, по мнѣнiю моему, сущее предательство [1]).

---

[1]) Милицiя или ополченiе 1806—1807 годовъ имѣла великое, доселѣ мало оцѣненное значенiе въ жизни Русскаго народа. Послѣ такого безпримѣрнаго напряженiя послѣдовалъ Тильзитскiй миръ. Отъ старожиловъ (въ томъ числѣ отъ А. С. Хомякова) слышали мы, что до тѣхъ поръ особенно замѣтно ослабѣло пѣнiе въ нашемъ простонародьи. То было первое яркое проявленiе деспотическаго либерализма, не разлучно соединеннаго съ приниженностью передъ Западною Европою. П. Б.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Преобразованіе земскаго войска, о которомъ я писалъ въ послѣднемъ моемъ донесеніи, подлинно обрадовало всѣхъ и облегчило несказанно; оно было сдѣлано точно такимъ образомъ, о которомъ имѣлъ я смѣлость усердія представлять Государю отъ 1-го Марта изъ Владимира; только что не четвертая, а третья часть его оставлена была. Скоро послѣ того и совсѣмъ перестало, какъ извѣстно, существовать сіе войско и возвратилось въ свои прежнія состоянія, кромѣ тѣхъ, коихъ помѣщики, или общества мѣщанъ и поселянъ казенныхъ, пожелали оставить на службѣ, для зачета въ рекруты. Миръ, и съ сохраненіемъ чести Россійской державы, въ Тильзитѣ заключенный, все успокоилъ [1]). Онъ весьма желателенъ былъ и полезенъ. Одинъ только неизбѣжный притомъ разрывъ съ Англіею много навлекъ неудобствъ разнаго рода. Хотя я очень мало свѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ и коммерческихъ, однако при семъ могу, кажется, не безъ основанія осмѣлиться сказать, что главное искуство Россійской политики должно состоять въ томъ, чтобъ сколько можно не только меньше зависѣть отъ Европы, но и меньше связей съ нею имѣть, какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣю я обычаи, коихъ заразительная гнилость снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ Россійскихъ. Хорошо бы имѣть военныя силы, съ удержаніемъ всегда неустрашимаго духа и нравовъ Русскихъ, во внутренности ополченія устроенныя по тактикѣ Тюренновъ и Фридриховъ, для отраженія только непріятелей отъ предѣловъ Россійской имперіи, слишкомъ обширной, и, при нужномъ знаніи иностранныхъ языковъ, при упражненіяхъ въ изящныхъ и полезныхъ наукахъ и художествахъ, не стыдиться многихъ своихъ старинныхъ обычаевъ.

Покрой платья, цвѣтъ и доброта того, изъ чего оно шьется, не просвѣщаютъ, а покоряютъ частныхъ людей самой малодушной зависимости, цѣлое же государство непримѣтно подвергаютъ очень большой, къ ихъ ослабленію. Обѣдать не въ полдни, а въ шестомъ часу по полудни, и ужинать въ третьемъ за полночь, конечно, не есть ни умнѣе, ни великодушнѣе; а что тѣлу оно изнурительно и головѣ тяжело, то естественно. Я думаю, что не меньше полезно отучить отъ того, чтобъ не считали необходимымъ употреблять сахаръ и кофе; всякой почти день, или, по крайней мѣрѣ, всякой выѣздъ, женщинамъ

---

[1]) Иного отзыва Лопухинъ не дерзнулъ тогда произнести въ Запискахъ своихъ, которыя самъ онъ распространилъ въ рукописи.

быть въ новомъ платьѣ и тому подобное, нежели завоевать нѣсколько провинцій, хотя и не меньше трудно.

Истинной патріотизмъ въ томъ, чтобъ желать отечеству истиннаго добра и содѣйствовать тому всѣми силами; желать, чтобъ не на Французовъ или Англичанъ, походили Русскіе, а были бы столько счастливы, какъ только они быть могутъ.

Чтó такое любить отечество? Имѣть къ нему тѣ точно чувства любви, какія имѣютъ къ милой роднѣ своей, любить его подлинно, какъ добрыя дѣти любятъ своего отца. Будутъ ли они радоваться, видя, что отецъ ихъ въ красивыхъ нарядахъ и обширными владѣя дачами, таетъ и чахнетъ? И не будутъ ли лучше желать и стараться, чтобъ онъ выздоровѣлъ, когда еще можно?

Такъ, конечно: самыя суетныя привычки, самыя мелкія связи обычаевъ, обращаются въ тяжкія оковы. Не имѣли бы мы по привычкѣ такой надобности въ сахарѣ, кофе, сукнахъ тонкихъ и прочемъ подобномъ,—и разрывъ бы съ Англіею въ государствѣ едва извѣстенъ былъ.

Азіатцы, начиная отъ Пекина до Царяграда, могли бы, думаю, искреннѣйшими быть съ нами союзниками. Немного обезпокоятъ они и своею невѣрностью въ союзахъ. Всякая наша пушка у нихъ въ особомъ почтеніи. А размноженіе съ ними торговли, думаю, весьма бы могло быть полезно, съ большею удобностью сохранять въ ней всегда и перевѣсъ въ разсужденіи того, что меньше всегда причинъ уважать ихъ и опасаться. Сколько одной пшеницы выпускать можно съ Турецкой стороны, при полезномъ переселеніи на нее пахарей изъ мѣстъ малоземельныхъ, и при усовершенствованіи земледѣлія, сего источника обилія и силы государствъ. Истинное богатство ихъ должно состоять не въ множествѣ монеты, а въ малой надобности въ деньгахъ. Государство, какъ и человѣкъ частный, чѣмъ меньше имѣетъ надобностей, тѣмъ меньше и зависимости отъ другихъ, тѣмъ больше въ себѣ господства и силы. Я думаю, что составившаяся у насъ надобность Европейской торговли, въ такой пространной мѣрѣ, причиною, что хитрость иностранныхъ торговцевъ, пока не сбавятъ гораздо въ нихъ нужды, никогда не допуститъ и купечество наше быть столько богатымъ, сколько оно должно и можетъ быть. Хитрость сія въ змѣиномъ пронырствѣ своемъ неутомима. Естьли не можно сверху, то вползаетъ она снизу, и трудно изъ флёровыхъ ея сѣтокъ выпутываться безъ старинной Русской простоты и безсребренничества. Но про все это знаютъ большіе... а мнѣ пора оканчивать свои Записки.

Кромѣ того рескрипта отъ 16 Генваря 1807 года, которой вписалъ я здѣсь въ своемъ мѣстѣ, не получалъ я никакого отзыва на

всѣ мои донесенія Государю при обозрѣніи губерній, во время составленія земскаго войска, и ни одного отношенія по сему важному порученію ко мнѣ не было, послѣ перваго особеннаго отъ Государя наставленія, коимъ оное на меня было возложено. При всѣхъ разсыпанныхъ, какъ извѣстно, наградахъ за эту милицію, сенаторы, товарищи мои въ этомъ дѣлѣ, ничего не получили, по крайней мѣрѣ, двоимъ изъ Московскихъ департаментовъ, знаю я, что и благоволенія сказано не было. Думали, что не я ли тому былъ причиною; ибо исключить меня, конечно, по справедливости было не можно. А что Государь имѣлъ на меня неудовольствіе, то весьма открыто мнѣ было изъ самаго рескрипта его. Впрочемъ, не хочу я повѣрить, чтобъ онъ сколько-нибудь прогнѣвался за то, что я представлялъ правду; но онъ, вѣроятно, находилъ, что не мнѣ въ семъ случаѣ принадлежало дѣлать такія представленія. Я, однако, по совѣсти считалъ за долгъ дѣлать ихъ при тѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, какія тогда были и какія едва вѣками бываютъ. Зная неудовольствіе на меня государево, не безпокоился я ни одной минуты, по тѣмъ причинамъ, о которыхъ довольно изъяснено мною въ самыхъ донесеніяхъ, навлекшихъ отъ него оное на меня неудовольствіе. Время, и скоро, оправдало, конечно, въ очахъ его всѣ мои представленія, и онъ въ томъ же году ознаменовалъ ко мнѣ милость свою и притомъ характеръ свой прямо-царскій. Сія черта истинно означаетъ величіе души его и любовь къ правдѣ. Награждать за пріятное, естественно очень; но послѣ гнѣва, которой также, хотя и напрасной, естественъ въ кругѣ смертныхъ всѣмъ, никого не исключая, воспользоваться, такъ сказать, первымъ случаемъ къ награжденію знатнымъ отличіемъ того, на кого простирался гнѣвъ оный, есть дѣйствіе благотворительности великодушной, предпочитающей справедливое пріятному. 12 Декабря 1807 года, Государь пожаловалъ нѣсколькихъ тайныхъ совѣтниковъ по старшинству въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ числѣ ихъ я пожалованъ былъ послѣдній. Иные изъ нихъ, я знаю, что очень того желали и давно искали; а мнѣ и на мысль не приходило, тогда особливо, получить этотъ чинъ. И вотъ какимъ образомъ я пожалованъ, какъ слышалъ я отъ довольно вѣрныхъ.

Государь приказалъ подать списокъ тайныхъ совѣтниковъ, пожалованныхъ въ 1796 году. Повѣряя списки самъ по печатному списку, издаваемому Герольдіею, увидѣлъ мое имя первое подъ послѣднимъ изъ поданныхъ ему въ спискѣ. «Что́ жъ его тутъ не помѣстили?» спросилъ Государь.—«Онъ произведенъ въ 1797 году,» отвѣтствовали Его Величеству.—«Однако жъ въ началѣ,» отвѣчалъ Государь, «и такъ это мало разности,»—и самъ изволилъ приписать мое имя. Но хотя

бы это и не такъ происходило, все, однакожъ, пожалованіе меня последняго, несомнительно означаетъ особое благоволеніе. Не можно, конечно, при производствѣ обойти безобидно, и потому случается, что для того, чтобы пожаловать одного, жалуютъ, не желая, нѣсколькихъ, кои его старѣе; но послѣдній, безъ всякого вида несправедливости, при производствѣ оставленъ быть можетъ, и пожалованіе его уже непремѣнно значитъ вниманіе милости.

Я благодарилъ за чинъ Государя письмомъ, въ которомъ осмѣлился дать нѣсколько примѣтить, что я чувствую и при семъ случаѣ все величіе души его въ любленіи правды. Государь на первой почтѣ удостоилъ меня отвѣтомъ, въ которомъ изволилъ мнѣ сказать, что «ему пріятно было въ письмѣ моемъ видѣть изъявленіе извѣстныхъ ему моихъ чувствованій,» и проч. [1]) Нѣкоторые изъ ближайшихъ тогда къ Государю оказали себя въ разсужденіи меня совсѣмъ не подражающими его добродѣтелямъ. Они по сіе время злобятся на меня за образъ моихъ мыслей о милиціи, въ планѣ коей они наиболѣе участвовали, и не постыдились въ пристрастіи и злобѣ обличить себя дачею такого голоса по дѣлу о долгахъ моихъ въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ, въ которомъ совершенно отступили отъ всякой справедливости и законовъ. [2])

По возвращеніи моемъ въ Москву изъ губерній, бывшихъ подъ моимъ надзираніемъ по случаю составленія земскаго войска, продолжая присутствовать въ 8 департаментѣ, знакомился я съ аппелляціонными въ немъ дѣлами, кои прежде никогда почти въ рукахъ моихъ не бывали. Продолжалъ я также и обычай мой не соглашаться на то, что̀ несправедливымъ мнѣ кажется. Могу сказать, что я не выше неправды; но правда меня такъ выше, что я не смѣю и заикнуться противъ нея. Въ ономъ департаментѣ споры мои большею частію были по дѣламъ ищущихъ вольности отъ помѣщиковъ. Вдругъ приняли себѣ за правило всячески натягивать въ пользу таковыхъ ищущихъ, и это не по сердечному расположенію и не по законной справедливости, а для того, что угождать думаютъ тѣмъ Государю. Я никогда

---

[1]) Подтвержденіе онаго монаршаго благоволенія ко мнѣ имѣлъ я счастье видѣть въ пріѣздъ государевъ въ Москву въ первыхъ числахъ Декабря 1809 года, въ которой, при отлично милостивомъ обхожденіи со мною, изволилъ онъ пожаловать меня кавалеромъ ордена Св Александра Невскаго. (Это примѣчаніе автора взято изъ архивнаго списка).

[2]) Голосъ сей, съ пособіемъ малодушнаго угодничества, холодности къ правосудію и незнанія, былъ причиною, наконецъ, самаго несправедливаго и разорительнаго для меня рѣшенія онаго дѣла. *Примѣч. автора.*

не соглашался удовлетворять просьбамъ такихъ ищущихъ вольности, безъ совершеннаго, по законамъ, ихъ на то права.

Государю, конечно, угодно, чтобъ не оставались крѣпостными тѣ кои подлинно ими быть не должны, но освобождать изъ крѣпостей подборомъ подъ законы есть разрушеніе силы ихъ во вредъ общій. И кромѣ вреда сего, какой же плодъ такихъ рѣшеній? Нѣсколько десятковъ, или сотенъ, не будутъ подъ властью помѣщиковъ, съ тѣмъ, что большая изъ нихъ, можетъ быть, часть сопьются, или голодные и нагіе скитаться будутъ по улицамъ и по дорогамъ. Наконецъ, министръ юстиціи предложилъ, что не имѣетъ мѣста по такимъ дѣламъ и законъ о десятилѣтней давности, уничтожающій всякіе иски, и всѣ департаменты сіе приняли но я не согласился; и не соглашусь, прежде нежели будетъ на то указъ государевъ, который одинъ можетъ перемѣнять законы. Они должны исполняться по точнымъ ихъ словамъ, а въ толкахъ о разумѣ ихъ могутъ быть разномысліе и ошибки у всѣхъ министровъ и сенаторовъ.

Ежели въ оныхъ дѣлахъ не принимать закона о десятилѣтней давности, которой нынѣ одинъ ограничиваетъ время исковъ, то, натурально, и никакого времени уважать не должно; а за сто, за двѣсти, за триста лѣтъ, и для чего не больше, когда такъ—кто жъ найдутся крѣпостными? И такъ взволнуешь только людей самымъ малымъ числомъ такихъ рѣшеній, а многихъ сдѣлать общая польза конечно не допуститъ. Цѣлыя селенія, многія тысячи душъ, станутъ производить иски вольности. Начнется дѣло перьями стряпчихъ, питающихся ябедою и подущеньемъ на нее, а кончится пушками, или, по крайней мѣрѣ, кнутьями и ссылками, ежели не висѣлицами, чтó также бывало. И въ семъ случаѣ имѣю я предметомъ только общественную пользу; собственность моя нисколько тутъ не вмѣшивается и не можетъ вмѣшиваться, какъ я очень изъяснилъ въ первомъ письмѣ моемъ по милиціи къ Государю изъ Тулы, отъ 4 Генваря 1807 года.

Еще скажу, что я первой, можетъ быть, желаю, чтобъ не было на Русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, естьли бъ только то безъ вреда для нея возможно было. Но народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. Тираны изъ нихъ должны быть обузданы, но сіе должно быть такъ расположено, чтобъ начальники губерній, при обузданіяхъ тиранства, столько же бы страшились наказанія за малѣйшее при томъ излишество, или пристрастіе, и столько жъ бы увѣрены были не избѣжать того наказанія, сколько тираны за тиранство.

И еще скажу, что по сіе время въ Россіи ослабленіе связей подчиненности помѣщикамъ опаснѣе нашествія непріятельскаго. Свойственно мягкосердечію жалѣть и о томъ, когда не совсѣмъ еще отъ болѣзней оправившіеся могутъ только прогуливаться въ больничномъ саду и пить и ѣсть только то, что́ имъ велятъ лѣкари; свойственно доброму серцу желать, чтобъ они какъ можно скорѣе воспользовались полною для всѣхъ сводобою; но дать ее имъ прежде времени было бы ихъ же уморить.

У насъ въ рѣшеніяхъ принято оное правило всегда рѣшить въ пользу отбывающихъ отъ помѣщиковъ, отнюдь не изъ состраданія къ нимъ, и даже совершенно противъ своего желанія, но потому только ошибочному понятію объ угодномъ, какъ я выше сказалъ, и чтобъ не спорить съ министромъ юстиціи. На его предложеніе о томъ, что на дѣла сего рода десятилѣтняя давность не простирается, я, не согласясь, записалъ въ общемъ собраніи Московскихъ департаментовъ слѣдующій отзывъ:

«Естьли не простирать на подобныя дѣла десятилѣтней давности и никакимъ временемъ не ограничивать права ищущихъ вольности, то можетъ, въ общій подрывъ состоянія дворянскаго и коренными законами утвержденнаго преимущества его, неограниченное множество крѣпостныхъ людей отойти отъ своихъ помѣщиковъ. А при семъ сколько можетъ открыться путей и способовъ, къ поползновенію людей, злонамѣреніемъ или невѣжествомъ водимыхъ, смущать простодушіе, часто противъ истинной пользы своей, желающихъ оной свободы, и сколько можетъ возникнуть тяжебъ, разслабляющихъ неописанно полезныя для общественнаго покоя и благоустройства связи подчиненности!» 20 Марта 1808.

Иные изъ товарищей очень хвалили мой патріотизмъ, и всѣ согласилися съ министромъ.

Особливо настаивалъ я по дѣламъ подобнаго рода, чтобъ не лишать селенія солдатками безъ мужей своихъ прижитыхъ дѣтей, въ нихъ воспитанныхъ. Законы очень справедливо укрѣпляютъ ихъ за помѣщиками и въ селеніяхъ по воспитанію оставляютъ. Отступленіе отъ сихъ законовъ есть поколебаніе права, которое можетъ отнестися къ общему подрыву дворянскаго состоянія и коренными законами утвержденнаго преимущества его, а равно и къ неустройству общественному возбужденіемъ безчисленныхъ тяжебъ между крѣпостныхъ людей и помѣщиковъ, спокойно, полагаясь на законныя учрежденія и самымъ временемъ укрѣпленныя, владѣющихъ неограниченнымъ множествомъ подобныхъ, неосновательно вольности искать могущихъ, людей. Такимъ образомъ изъяснился я о семъ еще въ общемъ соб-

раніи Сената Московскихъ департаментовъ. И, кромѣ нарушенія законовъ и описанныхъ мною слѣдствій отъ лишенія помѣщиковъ и селеній людей оныхъ, теряется еще истинная польза, которую приносятъ они государству умноженіемъ самаго полезнаго въ немъ состоянія землепашцевъ, которое есть при томъ самой надежной и прочной запасъ воиновъ. Откуда, какъ не изъ за-сохи, брали побѣдителей Карла XII и Фридриха II?

Споры мои въ Сенатѣ нѣсколько умножились въ концѣ 1807 года отъ того, что я мѣсяца два не могъ ѣздить въ присутствіе за болѣзнью въ лѣвой рукѣ, которую зашибъ я, упавши, очень больно. Однако дома читалъ я изъ дѣлъ записки и опредѣленія подписывалъ. Послѣднія приносили ко мнѣ обыкновенно подписанныя уже товарищами, и когда я находилъ резолюціи несогласныя съ моимъ о дѣлѣ понятіемъ, то принужденъ былъ давать противной голосъ. Товарищи особливо со мною не любили соглашаться. «Неужели», говорили, «одинъ всѣхъ умнѣе?» Сильнѣе этого резона не слышно было.—«Неужели», говаривалъ я имъ также въ пріятельской шуткѣ, «одинъ генералъ-прокуроръ, или оберъ-прокуроръ, всегда всѣхъ умнѣе, а вы съ нимъ соглашаетесь?»—Иногда отвѣчали: «Ихъ это должность.» Какъ будто нѣтъ каждаго сенатора должности объявлять свое мнѣніе, и въ немъ по справедливости настаивать!

Расположеніе не соглашаться со мною отмѣнно оказалось въ одномъ дѣлѣ. Приходитъ въ 8 департаментъ жалоба отъ нѣкотораго крестьянина на господина и госпожу свою. Дается резолюція: «Возвратить жалобу просителю, какъ не принадлежащую до сего департамента.» Приносятъ ко мнѣ подписать о томъ опредѣленіе, уже подписанное моими товарищами. Я разсудилъ, что просьбу оную возвращать, какъ только не принадлежащую до департамента, есть то же, что́ заставлять просителя подавать ее въ другой, гдѣ она будто по приличности принята быть можетъ. А по законамъ—и весьма съ общею тишиною и благоустройствомъ сообраsженнымъ—отъ крѣпостныхъ людей на своихъ помѣщиковъ не велѣно принимать никакихъ жалобъ и доносовъ, кромѣ какъ по первымъ двумъ пунктамъ.

За весьма нужное почитая всегда уважать все то, что́ соблюдаетъ связь подчиненности помѣщикамъ, которой всякое ослабленіе ужасныя производило послѣдствія, и во исполненіе сказанныхъ законовъ, думалъ я, что должно просьбу оную передать въ уголовной департаментъ, для уваженія и поступленія по онымъ. Но, имѣя въ виду удовлетвореніе имъ и пользу истинную, а не то, чтобъ только заспорить или поставить на своемъ (чѣмъ, право, я даже гнушаюсь) и зная, сколько товарищи не любятъ со мною соглашаться, не пода-

валъ я голоса, а прежде приватно писалъ къ оберъ-прокурору и долго старался, чтобъ перемѣнили резолюцію безъ моего участія, при подписаніи въ присутствіи опредѣленія, которое однимъ или двумя, еще кромѣ меня, подписано не было. Однако и тутъ, т.-е., чтобъ передать только бумагу въ другой департаментъ: «Неужели одинъ всѣхъ умнѣе»?—подѣйствовало. Не согласились. Я принужденъ былъ подать голосъ, съ которымъ согласился одинъ изъ товарищей, не присутствовавшій при слушаніи сего дѣла и не подписавшій еще опредѣленія. Дѣло пошло въ общее собраніе, а мятежничество крестьянина, ожидавшаго отъ Сената рѣшенія, между тѣмъ питалось.

Когда вступило оно въ общее собраніе, то я на запискѣ было написалъ, что какъ уже дѣло въ общемъ собраніи, то, въ скорѣйшее укрощеніе буйства, не передавая въ 6-й департаментъ, прямо предписать губернскому начальству о поступленіи по законамъ. Но согласившемуся со мною товарищу показалось это почему-то ненадобнымъ. «Ты меня завелъ», говорилъ онъ, «въ свое мнѣніе, а теперь отступаешь». Хотя по моему понятію и не было это отступленіе, однако, въ удовольствіе моему товарищу, я вычернилъ написанное мною и подписалъ только, что остаюсь при своемъ голосѣ. Тѣмъ я доказалъ еще, что нѣтъ во мнѣ упрямства, которое многіе, право, очень напрасно во мнѣ полагаютъ.

Не отступалъ я, правда, въ общемъ собраніи никогда отъ своего мнѣнія и не соглашался въ отмѣну его ни съ однимъ генералъ-прокуроромъ, только это отнюдь не изъ упрямства или тщеславія, а подлинно думая, что мое мнѣніе справедливо. Кажется, и нельзя иначе думать, послѣ столькихъ переходовъ дѣла, ежели, разсудивъ объ немъ какъ должно, даешь свое мнѣніе. Едвали перемѣнялъ я, помнится, резолюцію свою и въ департаментѣ уголовномъ, потому что дѣла его мнѣ твердо знакомы, и что, производя ихъ съ тѣмъ вниманіемъ, какое требуется ихъ важностью, рѣдко, крайне рѣдко, развѣ случиться можетъ справедливая надобность перемѣнить резолюцію. При слушаніи въ общемъ собраніи дѣла по оной крестьянской жалобѣ, всѣ однако согласились съ моимъ мнѣніемъ; остались только тѣ при резолюціи 8-го департамента, которые въ немъ ее давали. Скоро дѣло сіе возвратилось и изъ консультаціи. Предложеніе по оному министра юстиціи довольно пространно. Заключеніе же его состоитъ въ томъ, что хотя сіе дѣло и принадлежитъ до 6 департамента, но теперь же отослать ту жалобу прямо изъ общаго собранія къ начальнику губерніи съ тѣмъ, чтобъ онъ велѣлъ, кому надлежитъ, по той просьбѣ изслѣдовать, и по изслѣдованіи дать сему дѣлу законное теченіе. Притомъ министръ говоритъ, что ежели жалоба крестьянина окажется

справедливою, то докажетъ недобронравіе и безчиніе (сирѣчь помѣщика) и проч.; ежели, напротивъ того, жалоба та будетъ несправедливою, то докажетъ возмутительность крестьянина», и проч. Всѣ по обычаю согласились съ предложеніемъ министра, а я записалъ слѣдующій отзывъ:

Имѣя предметомъ единственно скорѣйшее укрощеніе буйства и соблюденіе общаго порядка силою законовъ, соглашаюсь я съ предложеніемъ его свѣтлости къ непосредственной отсылкѣ просьбы крестьянина къ начальнику губерніи, но только съ тѣмъ, чтобъ было просто предписано о поступленіи въ семъ случаѣ по законамъ, нисколько въ предписаніи семъ не подавая поводу къ разбору между помѣщиками и крестьянами. 29 Генваря 1809 года».

Въ прошломъ 1808 году три были по Сенату происшествія, особливо достопамятныя:

1) Объявлено отъ Государя Императора неудовольствіе за разногласіе по многимъ дѣламъ въ 7 и 8 департаментахъ. 2) Для скорѣйшаго окончанія въ Московскомъ общемъ собраніи накопившихся дѣлъ, велѣно оному присутствовать и послѣ обѣда по середамъ. 3) Въ 7 и 8 департаментахъ докладывать по осьми и по десяти аппелляціонныхъ дѣлъ въ недѣлю.

Еслибъ между сенаторами была должная твердость единодушія, то надлежало бы о первомъ представить Государю въ справедливое оправданіе свое, а о послѣднемъ—изъ усердія къ истинному успѣху въ дѣлахъ, котораго не можетъ быть при скорости безмѣрной.

Могутъ голоса быть, конечно, и отъ охоты спорить и отъ разныхъ пристрастій, но можетъ быть разномысліе основано и на самомъ чистосердечномъ побужденіи къ правдѣ, при свойственныхъ человѣческому понятію ошибкахъ. А какъ и того и другаго безпогрѣшно всегда опредѣлить невозможно, то кажется полезнѣе для правосудія, чтобъ были споры, хотя иногда и неосновательные, нежели чтобъ не было ихъ, для того только, что боятся спорить.

Что жъ принадлежитъ до скорости, то она, по мнѣнію моему, гораздо вреднѣе медленности въ судопроизводствѣ. Лучше истцу подождать, но получить принадлежащее ему, нежели онаго лишиться чрезъ необдуманное, по скоропостижности, рѣшеніе. Лучше просидѣть годъ лишній въ тюрьмѣ невинному, нежели отъ незрѣлости уваженія поспѣшнаго суда отправиться на каторгу. И потому-то я не только не жалѣю теперь, что переведенъ изъ уголовнаго департамента, но очень бы опечалился, еслибъ случилось опять въ немъ присутствовать, при такомъ образѣ теченія дѣлъ. Спѣшить и хорошо дѣлать

естественно развѣ на пожарахъ; но и на нихъ часто ломаютъ лишнее въ напрасной убытокъ людямъ. Безмѣрною спѣшностію отнимутся всѣ способы хорошенько вникать въ дѣла, для должнаго объ нихъ разсужденія, и по неволѣ оставишь ихъ въ рукахъ у докладчиковъ, да у оберъ-прокуроровъ съ генералъ-прокуроромъ, отъ вліянія которыхъ они и такъ, по несчастію, всегда гораздо больше зависѣли нежели надобно.

Въ общемъ собраніи два раза въ недѣлю докладываютъ по два и по три дѣла въ каждое. Это можно сказать (хотя говоря о собраніяхъ такого важнаго правительства и неприлично бы) одно щегольство. Дѣйствительнаго же отъ того успѣха никакъ быть не можетъ. Вопервыхъ, едвали чьихъ силъ достанетъ на прилежное прочтеніе по столькимъ дѣламъ всѣхъ записокъ. Сіе должно естественно мѣшать хорошему разсмотрѣнію; а со стороны скорости, то расчисливъ время, нужное для консультаціи по всѣмъ симъ спѣшно рѣшимымъ дѣламъ, и для обращенія изъ нея въ Сенатъ къ окончанію надлежащаго производства, ясно откроется, что нисколько отъ оной спѣшности прямо скорѣе оканчиваться дѣла не могутъ, а хуже разсматриваться и рѣшиться будутъ непремѣнно. Впрочемъ, нынѣ почти труда не стоитъ заботиться сенаторамъ разсматриваніемъ дѣлъ въ общемъ собраніи и ломать свои головы о томъ, какое въ немъ дать мнѣніе, развѣ для того только, какъ я нѣгдѣ сказалъ, чтобъ омыть свои руки; ибо такъ уже укоренился несчастной обычай большинствомъ голосовъ соглашаться съ предложеніями министра юстиціи, или какого-нибудь моднаго оберъ-прокурора, что все равно, какъ бы они одни рѣшили дѣла, а сенаторскія разсужденія и труды совсѣмъ становятся лишніе. Самихъ же сенаторовъ слабость, конечно, тому виною. Всегдашнее отступленіе отъ своихъ мнѣній и согласіе съ такими предложеніями ясно обнаруживаютъ жалкое состояніе суда въ самомъ верховномъ судилищѣ и правительствѣ, коего долгъ наблюдать за правосудіемъ и во всемъ государствѣ. Тутъ-то можно бы кстати сказать: «Неужели одинъ всегда бываетъ всѣхъ умнѣе, и всегдашнее уваженіе къ такому одному не явно ли показываетъ презрѣніе правды и законовъ?» Безпристрастіе, зрѣлое уваженіе и точность въ наблюденіи судебнаго порядка должны быть неразрывны и составлять истинную натуру правосудія. Безъ того мертвы будутъ законы, сколько бъ хорошо они написаны ни были. Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать, что законы всѣ хороши, только бы исполнялись, и никогда, конечно, не бываетъ зла отъ недостатка законовъ, а все отъ того, что не слѣдуютъ имъ и справедливости. Могутъ, конечно, и законы быть хуже и лучше, и нужно перемѣнять ихъ иногда, такъ сказать,

по времени и возрастамъ народовъ. Перемѣну сію, удобнѣе, думаю, дѣлать частно, ознакомливая людей постепенно съ каждымъ новымъ узаконеніемъ. Перемѣна же вдругъ цѣлаго круга законодательства въ государствѣ, самымъ уже тѣмъ громомъ, который сопровождать ее долженъ, можетъ произвести въ умахъ колебаніе, коего послѣдствій вредъ или пользу трудно прежде отгадать. Но самое главное въ судопроизводствѣ дѣло — любовь къ правдѣ, вниманіе и порядокъ. Первая лучше не захочетъ судить, нежели спѣшить судомъ, а послѣднихъ при торопости сохранить невозможно. Отъ этой-то, думаю, торопости, разсуждать мѣшающей, или отъ желанія, чтобъ какъ можно меньше входило дѣлъ, для того, чтобы выслуживаться мнимымъ успѣхомъ въ томъ, что «нѣтъ у насъ дѣлъ, всѣ перерѣшены», думаю, отъ того, а не отъ совершенной, конечно, холодности къ человѣчеству, вотъ что произошло въ 6-мъ уголовномъ департаментѣ.

Вдругъ рѣшились: на производства по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ о людяхъ нижняго состоянія не принимать жалобъ, которыя всегда въ Сенатѣ принимались, и сдѣлали о томъ опредѣленіе. Оберъ-прокуроръ, не находя онаго противнымъ закону, не пропустилъ однакожъ опредѣленія, потому что оно отмѣняетъ прежнія. Перешло дѣло въ общее собраніе. Всѣ согласились съ опредѣленіемъ, чтобъ не принимать жалобъ. Я далъ голосъ съ изъясненіемъ о пользѣ принятія оныхъ жалобъ и о могущемъ быть злоупотребленіи отъ непринимапія ихъ. Со мною согласились трое. По обыкновенной отсылкѣ дѣла на консультацію, получено предложеніе отъ министра юстиціи, который также находитъ, что не должно принимать такихъ жалобъ; но какъ они уже давно принимались, то, чтобъ не поступить противно указу, запрещающему разность рѣшеній, надлежитъ объ отмѣнѣ принятія тѣхъ жалобъ поднести Государю докладъ. На сіе предложеніе министра записалъ я слѣдующій отзывъ:

Жалобы оныя, не апелляціоннымъ порядкомъ и безъ остановки безвременной теченія дѣлъ, болѣе 10-ти лѣтъ принимались въ 5-мъ (что́ нынѣ 6-й), департаментѣ, т.-е. съ того времени, какъ уголовныя и слѣдственныя дѣла переданы были въ него изъ 2-го. Но по симъ самымъ переданнымъ дѣламъ, весьма мнѣ извѣстнымъ (ибо я въ тоже время началъ присутствовать въ 5-мъ департаментѣ) видно, что во 2-мъ принимались оныя жалобы еще много лѣтъ прежде. До учрежденій о губерніяхъ принимаемы онѣ были также въ Сенатѣ на рѣшенія Юстицъ-коллегіи, Губернскихъ Канцелярій и проч., словомъ, едва ли не во все время существованія Правительствующаго Сената принимались онѣ. Итакъ опыты цѣлаго уже столѣтія доказываютъ, съ одной стороны, сколько принятіе оныхъ жалобъ служило нерѣдко къ защитѣ и избавленію невинности, столько, съ другой, что не доходило еще число

дѣлъ сего рода до такого множества, коимъ бы Сенатъ необпятно и для человѣчества безполезно затруднился. Естьли же бы до того, паче чаянія, и дошло, то и тогда было бы время принять мѣры къ ограниченію труда излишняго и безуспѣшнаго. Но доселѣ человѣчество часто избавлялось отъ напраснаго страданія чрезъ разсматриваніе оныхъ жалобъ, а Сенатъ еще никогда по справедливости слишкомъ обремененъ ими не былъ. Успѣхъ же въ первомъ стόитъ того, чтобъ продолжать трудъ послѣдняго, и въ большемъ гораздо количествѣ. Впрочемъ, Сенатъ всегда занимался уваженіемъ оныхъ жалобъ, только по мѣрѣ того, сколько которая изъ нихъ онаго заслуживала, и тогда только останавливалъ производство дѣлъ и приступалъ къ изслѣдованію объясненіями, когда находилъ обстоятельства основательныя, на неправость суда сомнѣніе навлекающія. Но, по крайней мѣрѣ существовало обузданіе на неправду въ судахъ, по части столь тѣсно сопряженной съ жребіемъ жизни человѣческой, и свободной открытъ былъ путь къ скорой защитѣ. Когда же обузданіе оное снимется, то естественно усугубятся злоупотребленія отъ небрежности или пристрастій неискоренимыхъ.

Не оскорбляя вообще самаго почтеннаго званія губернаторскаго, можно осмѣлиться сказать, что бывали губернаторы и не соотвѣтствовавшіе своему назначенію. Они получали и должное отъ правосудія за то возмездіе. Но естьли были такіе, то и впредь иногда быть могутъ, и пока подвергнутся справедливому оному возмездію, многіе и по сей важной части уголовной пострадаютъ отъ ихъ притѣсненія безъ преграды ему. Тоже можно сказать и о судьяхъ, которыхъ выборъ еще затруднительнѣе, въ разсужденіи большаго ихъ числа. И не дерзко предположить, что когда снимется обузданіе, налагаемое принятіемъ въ Сенатѣ частныхъ жалобъ на рѣшенія Уголовныхъ Палатъ и на производство дѣлъ уголовныхъ (ибо оставя принятіе первыхъ, несходно было бы даже съ естественнымъ порядкомъ принимать послѣднія); не дерзко, говорю, предположить, что, когда снимется оное обузданіе, то иногда случиться можетъ, что, по ссорамъ губернаторовъ и судей съ помѣщиками, цѣлыя деревни въ рабочую пору сидѣть будутъ въ тюрьмахъ и лучшіе крестьяне отправятся въ ссылку, а изъ казенныхъ поселянъ, мѣщанъ и прочихъ людей тѣхъ состояній, о коихъ дѣла не вносятся на ревизію Сената, богатые гораздо чаще подъ судъ попадаться станутъ. Неправда и неусмотрѣніе вездѣ, конечно, быть могутъ, и въ вышнихъ судахъ, какъ и въ нижнихъ. Но чѣмъ больше имъ преградъ, тѣмъ спасительнѣе для невинности.

А по всѣмъ симъ причинамъ, сказаннымъ мною въ подкрѣпленіе даннаго отъ меня мнѣнія въ общемъ собраніи Правительствующаго Сената по оному дѣлу о непринимании жалобъ, полагаю я, что не должно прерывать принятіе ихъ, столь многіе годы продолжавшееся и бывшее однимъ сколько-нибудь способомъ къ защитѣ для милліоновъ, коихъ судьба по дѣламъ уголовнымъ совершенно и часто невозвратно оставляется въ самой зависимости отъ рѣшеній губернскихъ.

Сверхъ того не нахожу я, чтобъ закономъ запрещалось принятіе въ Сенатѣ таковыхъ жалобъ, и чтобъ уваженіе оныхъ не принадлежало до верховнаго вниманія сего правительствующаго судилища, коему, въ высочайшемъ указѣ 1802 года 8 Сентября, правомъ, должностью и обязанностью постановлено: «Пещись, какъ хранителю законовъ, о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія и прекращеніи всякихъ противузаконныхъ дѣяній во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ». Докладъ же Его Императорскому Величеству считаю я за нужное и Сенату приличное, разсудя въ общемъ собраніи и сообразивъ къ устройству лучшія мѣры, поднести о слѣдующемъ.

Аппеляція на рѣшенія Палатъ по дѣламъ уголовнымъ дозволяется, кромѣ тѣхъ подсудимыхъ, которые осуждены къ лишенію жизни, или къ лишенію чести, или къ торговой казни, т.-е., по дѣламъ маловажнымъ. Кто теряетъ одну четверть земли или нѣсколько рублей, тотъ имѣетъ всѣ способы и время, по крайней мѣрѣ, въ трехъ инстанціяхъ, защищать право свое и всегда знать о теченіи своего дѣла. А по самымъ важнымъ дѣламъ, осуждаемый къ лишенію жизни, чести, или торговой казни, съ первой минуты начала надъ нимъ слѣдствія, или взятья его подъ стражу, до послѣдней, въ которую объявится ему рѣшительной приговоръ для отсылки его на казнь, не вѣдаетъ своей участи, не имѣетъ никакого способа опровергать несправедливыхъ объ немъ въ судѣ заключеній, какія бы сильныя на то доказательства имѣть ему ни случилось. Однимъ словомъ, совсѣмъ въ рукахъ у судящихъ; а безграмотной (каковыхъ по симъ дѣламъ большая часть)' и въ показаніяхъ своихъ, по коимъ его судятъ, зависитъ отъ тѣхъ, которые ихъ записываютъ. Другому никому за такого страдальца законы не только ходатайствовать явно не позволяютъ, но строго запрещаютъ и знать объ дѣлѣ. И весьма случаться можетъ, что истинно-невинной и въ невинности своей спокойно ожидающій свидѣтельства ея справедливости отъ суда, вдругъ услышитъ, при открытыхъ дверяхъ Палаты, кнутъ себѣ или ссылку. А Сенатъ просто и не свѣдаетъ никогда. Всѣ пути его блюстительства и прибѣжища къ нему пресѣкаются; одинъ оставался—принятіе оныхъ жалобъ, которой нынѣ самъ Сенатъ уничтожаетъ. Присылка экстрактовъ изъ колодничьихъ дѣлъ уже давно отмѣнена, хотя и въ мое присутствіе въ Сенатѣ не разъ, и по разсмотрѣнію экстрактовъ сихъ, возвращали съ каторги напрасно въ нее сосланныхъ.

Вотъ о чемъ, по мнѣнію моему, достойно Правительствующаго Сената поднести Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ, и хотя благонамѣреніемъ мудрости учреждена коммисія о сочиненіи законовъ, но въ дѣлахъ, спасающихъ отъ гибели человѣчество, дорогъ и часъ. Все сіе сказать при настоящемъ случаѣ счелъ я за долгъ званія сенатора, по совѣсти и по усердію къ общему благу государства, и за особенное счастіе всегда почту повторить оное предъ самымъ августѣйшимъ лицемъ Государя Императора. 29 Генваря 1809 года.

Въ общемъ собраніи большинствомъ голосовъ опредѣлено, согласно предложенію министра юстиціи, поднести Государю докладъ о непринимaніи оныхъ жалобъ. А я, оставшись при своемъ мнѣніи, послалъ, на той же почтѣ (8 Марта 1809 г.), на которой докладъ сей отправленъ къ Его Величеству, съ надписью: «Въ собственныя руки,» слѣдующее представленіе.

Правительствующій Сенатъ, въ общемъ собраніи Московскихъ департаментовъ, большинствомъ голосовъ опредѣлилъ поднести Вашему Императорскому Величеству докладъ о томъ, чтобъ не принимать въ Сенатѣ жалобъ на производство уголовныхъ дѣлъ о людяхъ нижняго состоянія, къ тяжкому наказанію присуждаемыхъ, такихъ жалобъ, кои всегда въ Сенатѣ принимались и которыя были для людей оныхъ однимъ путемъ прибѣжища къ вышнему правительству, въ случаѣ невинности или осужденій, превосходящихъ мѣру законнаго опредѣленія. Разсуждая, что слѣдствіемъ этого могутъ быть большія злоупотребленія, во вредъ человѣчеству и правосудію, дважды изъяснялъ я въ общемъ собраніи о всѣхъ оныхъ злоупотребленіяхъ, произойти могущихъ. При большинствѣ голосовъ, по настоящему учрежденію Сената, голосъ мой долженъ сокрываться недѣйствительностью. Но, считая, что дѣло сіе особливой есть важности, по существу своему въ общемъ кругѣ судопроизводства и по отношенію его къ жребію большаго числа людей въ государствѣ, пріемлю смѣлость донести объ немъ Вашему Императорскому Величеству, всеподданнѣйше представляя при семъ на высочайшее благоусмотрѣніе и данныя мною въ общемъ собраніи мнѣнія. Симъ, по крайней мѣрѣ, успокоиваются чувствованія долга моего званія, одушевляемыя безпредѣльнымъ усердіемъ къ истинной вашей славѣ и къ благу отечества.

*

Оканчиваю повѣсть о моихъ быляхъ. Не всѣ разсказалъ я ихъ здѣсь, но не сказалъ я ни одной небылицы. Будетъ ли что еще въ жизни моей достойное описанія, и успѣю ли его сдѣлать, не знаю.

Quis scit, an adjiciant hodiernae crastina summae
Tempora di superi? *)
Horat. Lib. IV, od. V.

Теперь, посреди службы и Москвы обширной, живу я въ пустынѣ. Лучшіе друзья мои почти всѣ разлучены со мною смертью или отсутствіемъ. Бесѣдою мертвыхъ друзей человѣчества, въ просвѣщен-

*) „Не знаю, доживу ли я до завтра.“ Переводъ короткой и самой вѣрной. *Пр. авт.*

ныхъ ихъ писаніяхъ, питаю я душу, а тѣло подкрѣпляю прогулкою и воздухомъ. Не ѣзжу я на вечерніе обѣды и на утренніе ужины. Не ѣзжу также въ театры, и для того, что не нашелъ я никогда ни одного, въ которомъ бы хотя на минуту можно забыть, что видишь актеровъ. Но довольно нынѣ заниматься зрѣлищемъ великаго театра вселенной, на которомъ чудесная быстрина сценъ весьма разительно вѣщаетъ, что міръ преходитъ....

Кстати скажу, что́ пишетъ о семъ ко мнѣ въ послѣднемъ письмѣ своемъ почтенной другъ Юнгъ-Штилингъ, сей Небомъ просвѣщенный проповѣдникъ истины и предвѣстникъ явленій ея царства.

«Что́ касается вообще до хода вещей», пишетъ онъ, «въ политическомъ мірѣ, то со дня на день все больше раскрывается, и кому духъ предсказанія отверзетъ очи, тотъ скоро увидитъ, чему изъ того выдти должно. Наше же дѣло есть только пребывать въ бдѣніи, въ молитвѣ и въ прилежной борьбѣ съ грѣхами, приготовляя свѣтильникъ свой на срѣтеніе Господа».

Гонитъ меня къ уединенію и наскучливость, такъ сказать, жизни, въ которой испыталъ я, хотя въ образчикахъ, всѣ мечты тщетнаго счастья, и знатность породы и чиновъ, коею такъ малодушно кичатся, и бренность богатства, и горечь сладострастія, и пустоту шумныхъ веселій, и тщетность похвалъ и почестей.

Пѣли меня стихотворцы, и не за деньги *). Меня пѣлъ, въ своемъ «Владимирѣ Херасковъ», которому недавно отданную справедливость, назначеніемъ отъ Россійской Академіи сочинить ему похвальное слово, читалъ я съ чувствительною признательностью къ уваженію достоинствъ, приносящихъ отечеству честь, къ которому нѣсколько лѣтъ питалъ я и доказывалъ искреннюю дружбу, и коего смерть оплакивалъ я всею нѣжностью сердца.

Итакъ, все часъ отъ часу болѣе убѣждаетъ меня, что для истиннаго счастья нужно только одно, которое вездѣ и всегда съ нами быть можетъ, и коего никто изъ смертныхъ не можетъ ни дать, ни отнять.

Подъ симъ первое добро есть дружба. Я имѣлъ друзей, конечно, по всему изъ лучшихъ въ государствѣ, нѣкоторыхъ и теперь имѣю.

---

*) Всего лестнѣе для меня посланіе ко мнѣ изъ Рязани въ 1807 году, напечатанное въ „Вѣстникѣ Европы“, а послѣ особо. Лестно особенно потому, что я совсѣмъ незнакомъ былъ съ сочинителемъ, не только чтобъ привлекъ его благосклонность какою-нибудь услугою; да онъ ни въ какой и надобности не имѣетъ. Впрочемъ, похвала сія не можетъ ослѣпить меня; ибо я знаю, сколько свойственно пристрастіе энтузіазма такому доброму и благородному сердцу, какимъ отличается изящной оной поэтъ, украшающій Россійскую литературу произведеніями рѣдкихъ его дарованій. *Примѣч. автора.*

Иные оставили меня, но я не переставалъ любить ихъ, хотя о потерѣ дружбы ихъ и не жалѣю, потому что они меня оставили. Однако, есть еще у меня друзья добрые, и есть люди, которые конечно, меня помнятъ и любятъ!

Заключу повтореніемъ конца того завѣщанія *), которое писалъ я къ нимъ нѣсколько лѣтъ назадъ, въ чувствованіяхъ очень непритворнаго памятованія о смерти.

Друзья и всѣ, которые знаютъ меня и любятъ! Когда я умру, не тратьте иждивенія на покровъ земли землею, художествомъ испещренною. Употребите оное лучше на возбужденіе въ добрыхъ сердцахъ скудости—благодаренія къ Источнику всѣхъ благихъ даровъ. Не пишите и не заставляйте писать мнѣ похвалъ. Да вы и сами сего не сдѣлаете, не для того только, что я ихъ не заслуживаю, но и для того, чтобъ не сравнять меня со всѣми тѣми, которыхъ хвалятъ. Одинъ вздохъ искренней любви больше усладитъ мою память, нежели книга похвалъ, написанныхъ рукою хладнаго искусства. Одна слеза нѣжности (слезамъ печали, друзья мои, не давайте воли, изъ уваженія къ закону великодушія и добродѣтели) одна слеза нѣжности, пролитая на простой, муравою одѣтой, могилѣ моей, болѣе прославитъ мой прахъ, нежели великолѣпнѣйшее надгробіе, поставляемое алчнымъ наслѣдникомъ, радующимся смерти оставившаго ему тысячи, омытыя плачемъ ближнихъ.

Нѣтъ, друзья мои, не похвалъ и памятниковъ хочу я отъ васъ.

Возобновите ко мнѣ въ сердцахъ своихъ неразрывный, вѣчный узелъ дружбы, не умирающей съ тѣломъ и не ограниченной временемъ. Поминайте меня горячею, вѣрною любовію ко всему тому, что́ было дорого и любезно моему сердцу. Когда вспомните, что сердце сіе было вѣрнымъ хранилищемъ драгоцѣннаго залога дружбы вашей, что оно рыдало о всякомъ огорченіи вашемъ и восхищалось всякимъ вашимъ удовольствіемъ; когда вспомните, что я плѣнялся красотами истины, хотя слабо соблюдалъ ея небесные уставы, что я усердно чтилъ во всемъ изящное, стремился любить человѣчество и ближнему служить готовъ былъ; что если кого и оскорбилъ, то безъ намѣренія и охотно бы согласился оное загладить величайшимъ прискорбіемъ самому себѣ; когда при томъ вспомните о моихъ порокахъ и слабостяхъ, гораздо превосходящихъ то малое добро, которое можетъ быть, мнѣ случилось въ жизни своей ощутить и сдѣлать: то друзья мои, изъ глубины пылающихъ любовію сердецъ вашихъ, пожелайте только, чтобъ не по заслугамъ моимъ, а по единымъ щедротамъ благости пилъ я неисчерпаемую чашу блаженства въ той непостижимой странѣ, гдѣ цвѣтетъ вѣчной садъ радости, гдѣ вѣчная

*) Сіе завѣщаніе напечатано при второмъ изданіи сочиненной мною драмы: „Торжество правосудія и добродѣтели или добрый судья“, 1798 года, въ Москвѣ.

жизнь, здравіе, спокойство, наслажденіе разливаются неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго происходитъ всякое доброе дѣло и всякая мысль добрая.

*

Записки И. В. Лопухина оканчиваются 1809 годомъ. Онъ тогда же началъ раздавать рукописныя ихъ книжки своимъ приверженцамъ и пріятелямъ. Всѣ эти книжки одинакой величины, въ четвертку, красиваго письма. Къ книжкѣ, подаренной имъ В. А. Жуковскому, приклеено письмо къ нему Лопухина, изъ Москвы, отъ 15 Іюня 1809, къ сожалѣнію отъ времени повредившееся. Въ «Другѣ Юношества» 1810 года напечатано даже хвалебное къ Лопухину письмо отъ неизвѣстнаго лица по поводу полученія этихъ Записокъ. Продолженія ихъ, вѣроятно, не было (хотя навѣрное сказать этого нельзя, такъ какъ подлинная рукопись доселѣ не отыскана).

Князь П. А. Вяземскій (Русскій Архивъ, 1875 года, II, 102), разсказываетъ со словъ Ѳ. П. Лубяновскаго, что императоръ Александръ Павловичъ имѣлъ намѣреніе назначить Лопухина министромъ народнаго просвѣщенія, но что тутъ вышелъ странный случай. Государь велѣлъ пригласить его къ обѣду. Хотя Лопухинъ не былъ пьяницей, но за этимъ обѣдомъ неосторожно выпивалъ все предлагаемое. «Къ тому же, его лице, краснокожее и расцвѣтающее почками багровосиними, напоминало стихи Княжнина:

Лице
Одѣто въ красненькій сафьянный переплетъ;
Не вѣрю я тому, а кажется онъ пьетъ.

«Императоръ держался самой строгой трезвости и былъ вообще склоненъ къ подозрѣнію. Возліянія и вліянія недогадливаго Лопухина не могли ускользнуть отъ наблюдательнаго и пытливаго его взгляда. Ему не только казалось, но онъ убѣдился, что Лопухинъ пьетъ».

Этимъ случайнымъ обстоятельствомъ задержались дальнѣйшіе его успѣхи по службѣ. Къ тому разстроились совершенно его денежныя дѣла. Кругъ его почитателей сталъ рѣдѣть; его остерегались, такъ какъ сближеніе съ нимъ вело къ выдачѣ денегъ безъ отдачи, хотя было извѣстно, что эти деньги употреблялъ онъ на помощь бѣднякамъ, которыхъ онъ не только встрѣчалъ, но и самъ отыскивалъ въ долгихъ, ежедневныхъ прогулкахъ своихъ по Московскимъ улицамъ и закоулкамъ. Про него говорили, что, имѣя 60 т. р. дохода, онъ разоряетъ цѣлыя семейства, и одною рукою подавая милостыню бѣдняку, другою отгоняетъ своихъ злосчастныхъ заимодавцевъ. Въ 1811 году графъ

Ростопчинъ писалъ про него ужасы великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. (Р. Арх. 1875, III, 80). Повторять ихъ недостаетъ у насъ духу. Извѣстно, что этому историческому показателю нельзя вполнѣ вѣрить; но все же доля правды непремѣнно должна находиться и въ его свидѣтельствѣ.

Лопухинъ прожилъ еще около семи лѣтъ послѣ того времени, на которомъ остановились его Записки. Если сохранились протоколы тогдашнихъ засѣданій Московскаго Сената, то въ нихъ вѣроятно могутъ найтись его «голоса» и дѣловыя записки. Въ особенности было бы любопытно узнать, принималъ ли Лопухинъ участіе въ сенатскихъ засѣданіяхъ 1812 года, передъ нашествіемъ Наполеона, когда возникло опасеніе, что непріятель захватитъ Сенатъ и предпишетъ ему какъ распоряжаться внутренними дѣлами Россіи. Лопухинъ уѣхалъ отъ непріятельскаго нашествія въ Орловское имѣніе своей матери, село Ретяжи. Разсказываютъ, что когда Французовъ выгнали, онъ служилъ у себя въ Ретяжахъ какую-то особенную торжественную *панихиду по Наполеонѣ*. Слѣды масонскихъ странностей и таинственныхъ затѣй Лопухина до сихъ поръ, какъ говорятъ, сохраняются въ этомъ Кромскомъ его имѣніи (нынѣ принадлежащемъ бывшему секретарю извѣстнаго Орловскаго преосвященнаго Смарагда).

На старости лѣтъ Лопухинъ сочетался бракомъ съ женщиной изъ простаго званія, Матреной Ефимовной Никитиной. У него былъ питомецъ Александръ Ивановичъ Ковальковъ, котораго онъ воспиталъ въ масонской обстановкѣ и въ масонскомъ ученіи, упражняя его безпрестанно въ переписываніи непонятныхъ простому смертному рукописей. (Вдова его друга и собрата, Наталья Ѳедотовна Плещеева, по смерти Лопухина, приняла Ковалькова подъ свое покровительство).

Лопухинъ скончался въ Ретяжахъ, 22 Іюня 1816 года. Тамъ онъ и похороненъ.

*

Врядъ ли кто возьмется произнести рѣшительный судъ надъ жизнію и дѣятельностью такого безспорно замѣчательнаго человѣка и своеобразнаго представителя цѣлой эпохи. Многія черты этой дѣятельности и до сихъ поръ вызываютъ сочувствіе и препятствуютъ вполнѣ согласиться съ строгими приговорами иныхъ изъ его современниковъ; но для полноты исторической должно привести нижеслѣдующій отзывъ графа Ростопчина вообще о Мартинистахъ Александровскаго времени:

«Секта имѣла, еще и доселѣ имѣетъ, въ средѣ своей множество людей хитраго ума, о которыхъ публика не знаетъ, которые встрѣчаются во всѣхъ сословіяхъ и заняты единственно распространеніемъ своихъ началъ. Они скрываютъ свои замыслы подъ покровомъ религіи, любви

къ ближнему и смиренія. Они отлично пьютъ и ѣдятъ, преданы роскоши и сладострастію, а между тѣмъ постоянно разглагольствуютъ о цѣломудріи, воздержаніи и молитвахъ. Черезъ это пріобрѣтаютъ они легковѣрныхъ послѣдователей и деньги. По книгамъ ихъ, прямое общеніе съ Создателемъ обѣщано каждой твари, которая посредствомъ духовнаго созерцанія отрѣшится отъ мірскихъ помысловъ и страстей. Совѣсть называется у нихъ внутреннею церковью, и по ихъ мнѣнію каждый Мартинистъ носитъ ее въ своемъ сердцѣ. Разсужденія, какія представляются уму на счетъ ихъ дѣйствій, весьма просты. Если они христіане, то почему проповѣдываютъ новыя ученія, почему замѣняютъ исполненныя простоты и краснорѣчія книги Св. Писанія мистическими сочиненіями, которыя всякій толкуетъ на свой ладъ и которыя, вмѣсто того чтобъ просвѣщать, только вводятъ въ заблужденія? Если они имѣютъ благотворительную цѣль, то къ чему таинственность? Скромность можетъ скрывать дѣла благотворенія, но добродѣтельный человѣкъ никогда не надѣнетъ личины лицемѣрія. Если они проникнуты смиреніемъ, то почему выставляютъ на показъ жалкія подаянія, хлопочутъ о выгодныхъ мѣстахъ, объ отличіяхъ и т. п.? Если они вѣрные подданные, то какая имъ надобность навлекать на себя подозрѣнія и возбуждать недовѣріе правительства, ходить понуривъ голову, говорить шопотомъ, отрекаться съ досадою отъ принадлежности къ сектѣ и стыдиться соучастія въ ней, тогда какъ безупречный человѣкъ открыто пользуется правомъ не бояться ничего ни за дѣянія, ни за слова свои, а тѣмъ менѣе за свои мысли?» (Р. Архивъ 1875, III, 80 и 81).

Писатель гораздо позднѣйшей, современной намъ эпохи выразился про такихъ людей, что они любятъ «заходить къ Богу съ задняго крыльца».

Человѣкъ, оглашающій печатно во главѣ своего вѣроученія слова: «Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля и тѣ воды, на коихъ носился духъ великаго Строителя вселенной при ея сотвореніи» (см. выше стр. 24), тѣмъ самымъ отводитъ себя въ область невмѣняемости; но сердоболіе несомнѣнное и постоянное, отертыя слезы бѣдняковъ, защита слабыхъ передъ сильными, гражданское мужество, выразившееся въ тотъ суровый вѣкъ отвѣтами князю Прозоровскому и посланіями къ Государю во время милиціи, все это даетъ И. В. Лопухину непререкаемое право на уваженіе безпристрастнаго потомства.

*

Приложенное къ этой книжкѣ изображеніе Лопухина снято съ его портрета, хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства

Иностранныхъ Дѣлъ, куда онъ поступилъ отъ покойнаго Михаила Михаиловича Евреинова (бывшаго въ родствѣ съ Лопухинымъ, по его матери Исаевой). Директоръ Архива, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ любезно дозволилъ намъ снять съ него геліографическій снимокъ, за что пріятно намъ выразить искреннюю благодарность. Портретъ поясной, писанъ масляными красками. На оборотѣ его большая надпись, гдѣ означены чины Лопухина, годъ его рожденія (невѣрно) и годъ кончины, и въ концѣ надписи слѣдующее современное двустишіе:

Для ближнихъ добрымъ быть считалъ одной отрадой.
Благотворителю безсмертіе наградой.

Въ заключеніе приведемъ выписку изъ стиховъ про Лопухина, сочиненныхъ М. И. Невзоровымъ и напечатанныхъ въ «Другѣ Юношества» 1810 года.

Любовь въ его глазахъ, любовь въ его устахъ,
Любовь во всѣхъ его поступкахъ и чертахъ.
Не трогается онъ, богатыхъ видя міра,
Украшенныхъ сребромъ и златомъ изъ Офира.
Хотя на самый верхъ кто славы возведенъ,
Не чувствуетъ въ душѣ своей онъ перемѣнъ.
Но духъ его тогда въ движеніе приходитъ,
Когда онъ бѣднаго и страждуща находитъ:
Вся внутренность его видна тогда извнѣ.
Друзьями избралъ онъ несчастныхъ всѣхъ себѣ.

Мы надѣемся, что настоящее изданіе Записокъ Лопухина вызоветъ на свѣтъ новыя его бумаги. П. Б.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛАГО.

Въ наше мудреное время, когда всѣмъ и каждому такъ трудно жить на свѣтѣ, болѣе чѣмъ когда-либо представляется душевнымъ отдыхомъ почаще и поглубже *оглядываться назадъ* и вспоминать свое прошлое. Въ этомъ чувствѣ сказывается не одно естественное и во всѣ времена повторяющееся желаніе вспомянуть то, что было дорого и мило, и даже не одна исключительная археологическая пытливость, но и какое-то безсознательное влеченіе, какая-то неотразимая потребность связать нашу старину съ настоящимъ и изъ этой связи вывести, хотя бы и гадательныя, заключенія о туманномъ будущемъ. Для Русскаго человѣка, мнѣ кажется, въ этомъ стремленіи есть и еще одна, весьма рѣзкая и знаменательная черта, не лишенная своеобразнаго, историческаго значенія. Юные по своему политическому росту, юные по умственному, общественному и государственному развитію, младшіе по опыту и образованію—мы въ тоже время, благодаря окну, прорубленному Петромъ въ Европу, сразу во многихъ отношеніяхъ усвоили себѣ послѣдніе результаты Европейской культуры, не справляясь, въ какой мѣрѣ они намъ пригодны и, такъ сказать, *„по Сенькѣ-ли пришлася шапка"*.

Но при этомъ по справедливости слѣдуетъ сознаться, что въ послѣднее время все болѣе и болѣе, все чаще и чаще высказывается сомнѣніе въ правильности избраннаго пути, и это возникающее и все возрастающее сознаніе, что путь этотъ ложный, что не таковъ долженъ быть ростъ этого *ребенка-молодца*, такъ властно и мощно явившагося на свѣтъ Божій, приводитъ даже къ сомнѣнію въ возможность вѣрить въ твердое и самостоятельное будущее скороспѣлаго и неправильно-развитаго ребенка. Такое сомнѣніе есть едва ли не самое тяжкое и пагубное послѣдствіе современнаго порядка вещей, и въ немъ чудится намъ самое вѣрное объясненіе

той апатіи и того равнодушія къ общественнымъ и государственнымъ интересамъ, которыя составляютъ отличительную черту настоящаго времени и едва ли не служатъ самою существенною преградою ко всякому благому начинанію.

Вотъ въ эти-то тяжкія минуты сомнѣнія, когда и самое будущее какъ бы заволакивается отъ насъ зловѣщими тучами, невольно любимъ мы *оглянуться* и въ невозмутимой, неподвижной глубинѣ прошлаго искать сперва минутнаго отдыха отъ гнетущей дѣйствительности, а затѣмъ и утѣшительныхъ указаній, что на этомъ твердомъ, мощномъ основаніи не могъ возрости одинъ *пустоцвѣтъ*, обреченный на раннюю, преждевременную погибель.

Намъ могутъ возразить, что во всѣ времена и во всѣхъ поколѣніяхъ повторялись тѣже ошибки, совершались всякія преступленія и что человѣчество, во всѣ эпохи своего историческаго развитія, носило въ себѣ зародыши все тѣхъ же пороковъ и заблужденій. Это безспорно, и отнюдь не съ цѣлью безусловнаго одобренія и предвзятаго пристрастія должны мы относиться къ этимъ „преданіямъ старины глубокой". Чѣмъ строже будемъ мы смотрѣть на событія нашего прошлаго, тѣмъ ярче и яснѣе будутъ проявляться его дѣйствительно-свѣтлыя стороны, и во всякомъ случаѣ даже самые его промахи и ошибки могутъ служить полезнымъ указаніемъ для грядущихъ поколѣній, лишь бы наша связь съ родною стариною не утрачивалась въ неустанныхъ стремленіяхъ къ новизнѣ.

Переживая на страницахъ „Русскаго Архива", „Русской Старины", „Историческаго Вѣстника" и другихъ подобнаго рода изданій, исторію нашего прошлаго, мы невольно поражаемся тою рѣзкою разницею, которая существуетъ между минувшимъ поколѣніемъ и настоящимъ. Провѣрка и изученіе этой разницы могутъ и должны принести несомнѣнную пользу и утвердить въ насъ убѣжденіе не въ необходимости подражанія (это немыслимо и нежелательно), а въ твердости тѣхъ основъ нашего историческаго развитія, которыя мы, въ наше шаткое время всяческихъ колебаній, готовы почти признать воображаемыми и несущественными.

Подводя къ одному итогу ощущенія и впечатлѣнія, вызываемыя этимъ перелистываніемъ страницъ нашего прошлаго, нельзя не поразиться тою *силою*, которою вѣетъ отъ нихъ, по сравненію съ современною дряблостью. Эта сила проявлялась и въ отдѣльныхъ характерахъ и убѣжденіяхъ, и въ общественной и государственной жизни; она же преобладаетъ въ сферѣ частной и семейной. Даже на физическомъ развитіи нашихъ предковъ во всѣхъ его проявленіяхъ, какъ нормальныхъ, такъ и неправильныхъ и даже предосудительныхъ—на всемъ видна печать какой-то мощи, цѣльности природы, цѣльности вѣрованій и началъ. Намъ опять возразятъ, что чѣмъ тѣснѣе гори-

зонтъ мышленія, чѣмъ проще и ограниченнѣе кругъ задачъ и понятій извѣстнаго поколѣнія, тѣмъ легче ему оставаться твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ и выполнять ихъ несложныя требованія. Не споримъ, быть можетъ это и такъ; но въ такомъ случаѣ, гдѣ же польза, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлаго общества и государства, если съ внезапнымъ, черезъ край бьющимъ наплывомъ новыхъ понятій, вѣрованій и требованій, нарушается то равновѣсіе, которое необходимо между силами вторгающимися и силами воспринимающими и переваривающими; а безъ этого равновѣсія организмъ ослабѣваетъ, притупляется и увлекается то въ ту, то въ другую сторону, лишенный внутренней точки опоры—единственной, которая можетъ придать смыслъ и устойчивость всей его дѣятельности? Иначе, какъ же объяснить, что чѣмъ дальше умъ человѣческій проникаетъ въ тайны видимой и невидимой природы, чѣмъ смѣлѣе, пытливѣе и успѣшнѣе онъ разоблачаетъ тайны своего бытія и покоряетъ себѣ силы, имъ открываемыя и изобрѣтаемыя, онъ, одновременно съ этимъ торжествомъ, утрачиваетъ вѣру въ собственныя дѣйствія, въ свое будущее, и впадаетъ въ то тяжелое, апатичное состояніе, въ которомъ мы его теперь видимъ? Не лежитъ ли въ основѣ этого явленія чрезмѣрное преобладаніе реальной стороны жизни, въ ущербъ ея духовной сторонѣ, и не лишаетъ ли это неустанное, неудержимое стремленіе впередъ и впередъ современнаго человѣка возможности сосредоточиться, разобраться и установить извѣстный, опредѣленный образъ мышленія и дѣйствій? Не напоминаетъ ли намъ это явленіе тотъ губернскій нашъ городъ, который упорно продолжаетъ понынѣ освѣщаться масляными фонарями и на всѣ настоятельныя требованія со стороны его гражданъ перейти, наконецъ, къ газовому освѣщенію, городская администрація неизмѣнно заявляетъ, что переходить къ газу не стоитъ, въ виду изобрѣтеннаго нынѣ усовершенствованнаго электрическаго освѣщенія и что слѣдуетъ подождать, не придумаютъ ли на дняхъ еще чего-либо лучшаго и болѣе дешеваго, и тогда уже сразу примѣнить къ уличному освѣщенію это послѣднее слово науки? Не ждемъ ли мы и во всемъ этого пресловутаго *послѣдняго слова науки*, а покуда считаемъ также возможнымъ жить безъ внутренняго, духовнаго освѣщенія, при какомъ-то переходномъ и постоянно смѣняющемся и колеблющемся мерцаніи новыхъ открытій, системъ и убѣжденій?

Наши предки проще смотрѣли на жизнь и ея требованія; но то что̀ разъ ими признавалось за истину, того они держались стойко, и поэтому большею частью ихъ образы выступаютъ такъ рельефно и ярко во всѣхъ изучаемыхъ нами мемуарахъ, запискахъ и слѣдахъ прожитаго времени. Кромѣ того, конецъ прошлаго столѣтія и первая половина настоящаго такъ богаты великими, міровыми событіями, что все до̀ нихъ относящееся невольно приковываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе современнаго большинства. Если даже

отчасти признать вѣрность теоріи, проводимой такъ упорно графомъ Л. Н. Толстымъ въ его романѣ „Война и Миръ“ о томъ, что „не событія созидаютъ людей, а напротивъ люди созидаютъ событія“,—то естественно придется придти къ убѣжденію, что предшествовавшія намъ поколѣнія дѣятелей заслуживали того, чтобы не только быть очевидцами, но и дѣйствующими лицами въ эти замѣчательныя эпохи историческаго развитія нашего отечества.

Этотъ невольный интересъ, постоянно возбуждаемый малѣйшимъ упоминаніемъ объ историческихъ моментахъ нашего ближайшаго прошлаго, и можетъ служить лучшимъ и единственнымъ оправданіемъ кождому изъ насъ, кто бы рѣшился предложить на судъ печати біографическій очеркъ не крупнаго какого-нибудь историческаго дѣятеля, а просто человѣка съ честью и достоинствомъ прошедшаго свое жизненное поприще и прикасавшагося непосредственно ко всѣмъ главнымъ событіямъ своего времени.

Подчасъ подобныя страницы, вырванныя изъ частнаго быта и частной дѣятельности, еще ярче и своеобразнѣе освѣщаютъ нѣкоторыя подробности извѣстной эпохи и придаютъ новые рѣзкіе штрихи и краски какому-нибудь крупному событію или выдающейся личности.

Предпринимая здѣсь попытку возстановить въ своей памяти дорогой для меня образъ моего отца, я встрѣчаю весьма существенное затрудненіе, которое весьма рѣдко достается кому-либо на долю. Обыкновенно подобные очерки прошлаго опираются на письменныхъ документахъ, на подлинныхъ запискахъ и автобіографическихъ свѣдѣніяхъ, которыя стоитъ лишь подобрать и въ крайнемъ случаѣ дополнить какими-нибудь поясненіями и толкованіями. Но въ данномъ случаѣ приходится восполнять все это мнѣ собственною памятью, такъ какъ отецъ мой не оставилъ ни одной писаной страницы о своей долгой и разнообразной жизни, и все мнѣ извѣстное и усвоенное заимствовано изъ его устныхъ разсказовъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ весьма неохотно, но не имѣлъ силы мнѣ въ нихъ отказывать въ виду того ненасытнаго вниманія, съ которымъ я къ нимъ прислушивался. Кромѣ того, его строгая сосредоточенная, цѣльная фигура плохо мирилась вообще со всѣми мемуарами и автобіографіями, считая ихъ въ большинствѣ проявленіемъ невольнаго самовосхваленія и мелкаго самолюбія; но подъ вліяніемъ моихъ разспросовъ, онъ иногда съ видимымъ увлеченіемъ погружался въ прошлое и своею мѣткою, рѣзкою и лаконическою рѣчью отмѣчалъ весьма живо многіе образы и картины своего времени. Вотъ почему, въ благоговѣйной памяти дорогаго мнѣ *скромно-гордаго облика*, я намѣренъ въ своихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ главнымъ образомъ останавливаться на тѣхъ крупныхъ лицахъ, съ которыми отецъ мой приходилъ въ соприкосновеніе и на тѣхъ событіяхъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ и особенно тѣхъ, гдѣ онъ былъ участникомъ, касаясь лишь между прочимъ и личныхъ моментовъ и постепенныхъ фазисовъ его жизни и предоставляя оцѣнку ихъ другимъ.

Каюсь чистосердечно, что этотъ трудъ имѣетъ для меня невыразимую прелесть, и всякій, кто имѣлъ счастіе до вполнѣ зрѣлаго и сознательнаго возраста провести жизнь подъ сѣнью правильнаго, строгаго, тѣсно-сплоченнаго семейнаго очага, пойметъ значеніе и обаятельную силу такого перелистыванія дорогихъ страницъ своего семейнаго прошлаго.

Отецъ мой, Иванъ Семеновичъ Тимирязевъ родился въ Москвѣ 16 Декабря 1790 года, въ приходѣ церкви Св. Симеона Столпника что́ на Поварской. Родитель его, а мой дѣдъ Семенъ Ивановичъ Тимирязевъ проводилъ въ то время всѣ зимы въ Москвѣ, а на лѣто уѣзжалъ въ свое имѣніе Рязанской губ., Ряжскаго уѣзда, село Свинушки (купленное впослѣдствіи извѣстнымъ откупщикомъ Рюминымъ, а нынѣ перешедшее по продажѣ съ публичнаго торга Данилѣ Даниловичу Шумахеру, бывшему Московскому городскому головѣ). Объ этомъ имѣніи и первыхъ годахъ проведеннаго въ немъ дѣтства отецъ мой всегда вспоминалъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Домъ былъ огромный, усадьба барская, церковь великолѣпная, раздолье луговъ и лѣсовъ вокругъ, со множествомъ ягодъ, грибовъ и дичи. Въ церкви была впослѣдствіи похоронена моя бабушка Ольга Михайловна и, когда это имѣніе перешло еще при жизни дѣда въ чужія руки, то отецъ мой, будучи уже самъ старикомъ въ 50-тыхъ годахъ и сенаторомъ въ Москвѣ, отправляясь лѣтомъ по дѣламъ въ нашу Тамбовскую деревню, заѣзжалъ неоднократно въ Свинушки поклониться праху своей матери и отслужить панихиду. Вообще воспоминаніе о матери оставалось, видимо, въ памяти его сердца какимъ-то смутнымъ, но завѣтнымъ уголкомъ, и при упоминаніи о ней подчасъ показывалась слеза на его глазахъ; а онъ былъ не слезливаго десятка и лишился матери, будучи 16 лѣтнимъ мальчикомъ. Но возвращаюсь къ моему дѣду Семену Ивановичу, о которомъ впрочемъ могу сообщить весьма мало подробностей. Знаю только, что онъ происходилъ отъ довольно древняго рода Татарскихъ князей; что чуть ли не въ XIV вѣкѣ у нѣкоего Татарскаго князя были три сына: Тимуръ, Юсуфъ и Урусъ и отъ нихъ идутъ три рода: Тимирязевы, Юсуповы и Урусовы; но почему послѣдніе два рода сохранили свой княжескій титулъ, а мы свой утратили—объяснить не сумѣю. Достовѣрно лишь то, что въ гербѣ нашемъ и понынѣ сохранилась княжеская порфира, и хотя съ теченіемъ времени тождественность герба утратилась, но вначалѣ фамильный гербъ Юсуповыхъ, Урусовыхъ и Тимирязевыхъ былъ одинъ и тотъ же.—У дѣда моего было нѣсколько братьевъ; но остальные умерли въ раннемъ возрастѣ, и отецъ мой упоминалъ только о старшемъ братѣ своего отца, Василіѣ Ивановичѣ, который постоянно жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи Калужской губ., Лихвинскаго уѣзда, селѣ Ржавцѣ (доставшемся послѣ него отцу моему по духовному завѣщанію) и извѣстенъ тѣмъ, что въ тяжкую годину 1812 года былъ Калужскимъ губернскимъ предводителемъ

дворянства и энергическимъ помощникомъ и пособникомъ Калужскаго губернатора Каверина въ дѣлѣ образованія народнаго ополченія и вооруженія мѣстнаго населенія на защиту отечества. Объ этомъ Васильѣ Ивановичѣ отецъ между прочимъ разсказывалъ, что онъ и физически былъ въ полномъ смыслѣ Русскій богатырь прежняго закала и когда отецъ однажды, въ 20-хъ годахъ, находясь въ отставкѣ, пріѣхалъ къ дядѣ въ с. Ржавецъ на святки и поутру вошелъ въ его уборную съ нимъ поздороваться, то нашелъ старика сидящимъ въ халатѣ передъ зеркаломъ съ открытымъ на половину окномъ. Когда отецъ отступилъ отъ окна, изъ котораго обдало его зимнею декабрьскою стужею, старикъ залился звонкимъ смѣхомъ и началъ укорять молодежъ въ зябкости и дряхлости. Чтó бы сказалъ онъ при видѣ нашей современной молодежи съ ея скороспѣлымъ увяданіемъ и поблеклымъ видомъ!

Дѣдъ мой Семенъ Ивановичъ былъ въ полномъ смыслѣ глава своей семьи и даже въ то патріархальное время неоспоримаго и прочнаго родительскаго авторитета извѣстенъ былъ, какъ человѣкъ крутаго нрава и непреклонной воли. О его воспитаніи и степени образованія ничего не могу сказать, но слѣдуетъ думать, что философскія вѣянія того времени остались не безъ слѣда и на немъ, потому что онъ завѣдомо принадлежалъ къ категоріи "des libres penseurs", и лишь на старости лѣтъ свершился въ немъ крутой переворотъ: со свойственною подобнымъ крѣпкимъ и цѣльнымъ натурамъ страстностью и крайностью онъ впалъ почти въ аскетизмъ, проводилъ все время въ молитвѣ, во время поста почти не принималъ никакой пищи и умеръ искреннимъ, образцовымъ христіаниномъ. Памятникомъ этого крутаго обращенія его служитъ въ нашей семьѣ икона Иверской Божьей Матери, совершенно такихъ же размѣровъ и въ такой же серебряной позолоченной ризѣ, какъ и образъ, находящійся въ извѣстной часовнѣ въ Москвѣ. По разсказамъ тетокъ моихъ, Настасьи и Авдотьи Семеновны Тимирязевыхъ, дѣдушка однажды безнадежно заболѣлъ и вслѣдствіе какого-то ночнаго видѣнія далъ обѣтъ, если онъ выздоровѣетъ, вымѣнять подобную икону и дѣйствительно выполнилъ въ точности это обѣщаніе. Икона эта, стоившая въ то время нѣсколько тысячъ р. асс., послѣ его смерти поступила къ вышеназваннымъ мною дочерямъ его, а отъ нихъ преемственно перешла къ сестрѣ моей, у которой и теперь находится въ особой кіотѣ и на твердомъ постаментѣ, занимающемъ половину стѣны.

Дѣдушка былъ женатъ на Ольгѣ Михайловнѣ Юрьевой, изъ богатой дворянской фамиліи Костромской губ. Братья ея по зимамъ постоянно живали въ Москвѣ, въ своемъ домѣ въ Охотномъ ряду, гдѣ теперь гостинница Лондонъ (бывшая Шора). Про этихъ Юрьевыхъ у меня осталось въ памяти лишь повѣствованіе о томъ, что они продали свои Костромскія (или Ярославскія?) имѣнія въ Коммисію построенія Храма Спасителя въ то первое время, когда по проекту Витберга онъ сооружался на Воробьевыхъ горахъ. Крестьяне

Юрьевыхъ были употребляемы на этихъ работахъ и разсказывали своимъ бывшимъ владѣльцамъ, сколько народа при этомъ погибало отъ разныхъ болѣзней, отъ непомѣрныхъ трудовъ въ борьбѣ съ природою на этихъ обрывахъ, покуда не признали невозможность продолжать осуществленіе этой грандіозной задачи. Но все же нельзя не пожалѣть, что не удалось выполнить этого гигантскаго проекта: подобный памятникъ своимъ величіемъ превзошелъ бы все, чѣмъ мы въ правѣ до сихъ поръ гордиться въ этомъ родѣ.

Первоначальное воспитаніе отца моего и старшаго брата его Аркадія Семеновича и послѣдующее ихъ образованіе, по обычаю зажиточныхъ дворянскихъ семей того времени, совершалось дома. Смѣнялась обычная въ то время серія гувернантокъ, гувернеровъ, домашнихъ учителей и наставниковъ, и все это регулировалось и направлялось безапеляціоннымъ руководствомъ строгаго родителя и по возможности изъ-подъ руки смягчалось нѣжнымъ, преданнымъ вліяніемъ матери. Но мой отецъ до конца жизни сохранилъ на себѣ отпечатокъ непосредственнаго самообразованія и саморазвитія. Чувствовалось, что все, что̀ предлагалось его вниманію, въ формѣ-ли научнаго чтенія и философскихъ теорій или внѣшнихъ событій, все это немедленно проводилось черезъ его вполнѣ своеобразное и самостоятельное мышленіе и принимало немедленно особую, лично ему принадлежащую окраску. Онъ былъ человѣкъ остраго, замѣчательнаго ума отъ природы, обширной наблюдательности и быстроты соображенія, подчасъ изумительной. Живость его природы и нетерпѣливость его характера почти не допускали не только кропотливаго, но даже и всякаго анализа; но за то вѣрность его порывистыхъ опредѣленій и способность разрѣшать всяческія затрудненія по существу поражали своею мѣткостью. Онъ не допускалъ никакихъ компромиссовъ ни для себя, ни для другихъ: черное всегда черно, бѣлое всегда бѣло; совѣсть или безусловно чиста, или туманна, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ большею частью не взвѣшивалъ степени этой туманности, а прямо отворачивался.—Но я отвлекся и забѣжалъ впередъ; возвращаюсь къ тому времени, когда эту будущую желѣзную полосу готовились только опустить въ горнило житейскаго опыта.

Чѣмъ бы кончилось воспитаніе двухъ братьевъ, Аркадія и Ивана, при нормальномъ ходѣ обстоятельствъ, неизвѣстно; но лѣтомъ 1807 года случилось въ Свинушкахъ событіе, приведшее къ нежданной развязкѣ ихъ судьбы. Послѣ недолгой, но острой болѣзни тихо скончалась бабушка моя Ольга Михайловна, и съ нею, по словамъ моего отца, какъ будто исчезла благодатная, спокойная, семейная жизнь. Потрясенный этою потерею, дѣдушка Семенъ Ивановичъ, на первое время, какъ бы растерялся и рѣшилъ двухъ старшихъ сыновей своихъ немедленно опредѣлить на службу, несмотря на то, что отцу моему еще не исполнилось тогда и 17-ти лѣтъ. Сборы были недолги, и осенью того же года ихъ отправили для поступленія въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. При нихъ отпустили стараго дядьку, четверку лошадей и

соотвѣтствующее количество прислуги. Дальнѣйшая судьба ихъ была поручена дѣдушкою Юрію Александровичу Нелединскому-Мелецкому, съ которымъ онъ издавна находился въ самыхъ близкихъ и пріязненныхъ отношеніяхъ и въ особенности любилъ и уважалъ жену Нелединскаго, такъ что неоднократно сопровождалъ ее больную въ деревню, когда Юрію Александровичу, по служебнымъ обстоятельствамъ, нельзя было оставлять столицу. Въ письмѣ къ Нелединскому дѣдушка поручалъ ему сыновей своихъ и предоставлялъ ему право опредѣлить ихъ, по его усмотрѣнію, въ какой угодно гвардейскій полкъ, но только *не въ конную гвардію.* Поводомъ къ этому исключенію служило то, что великій князь Константинъ Павловичъ состоялъ шефомъ этого полка и по слухамъ, доходившимъ до дѣдушки, былъ не только неумолимо строгъ съ юнкерами, но даже иногда и собственноручно съ ними расправлялся.

Ю. А. Нелединскій принялъ своихъ питомцевъ, какъ собственныхъ дѣтей и предложилъ имъ вскорѣ поступить юнкерами въ л.-гв. егерскій полкъ, шефомъ котораго былъ его близкій пріятель, всѣми любимый и уважаемый князь П. И. Багратіонъ. Молодые люди разумѣется на это охотно согласились (хотя мечтали о кавалерійской службѣ), были представлены Багратіону, обласканы имъ и даже перешли къ нему на жительство, въ какую-то пустую залу его дома, чтобы у него подъ глазами готовиться въ егерскій полкъ.

Въ это время въ Европѣ еще раздавались грозные раскаты Наполеоновскихъ побѣдъ; разгромленная Пруссія, лишь благодаря заступничеству императора Александра, сохранила свою самостоятельность, и Тильзитское свиданіе приковывало къ себѣ всеобщее вниманіе. Сѣверная сосѣдка наша, Швеція, подстрекаемая Англіею, начинала внушать намъ своими дѣйствіями настолько опасеній за наши окраины, что послѣдовало назначеніе Багратіона главнокомандующимъ войсками въ Финляндіи; а во время его отсутствія л.-гв. егерскій полкъ поступилъ подъ главное начальство великаго князя Константина Павловича. Это неожиданное перемѣщеніе совершилось еще до окончательнаго поступленія отца и дяди моего въ егерскій полкъ. Озадаченные сперва внезапною перемѣною, молодые люди вскорѣ сообразили, что она можетъ повести къ выполненію ихъ завѣтной мечты поступить на службу въ кавалерію и именно въ запрещенный, но желанный конногвардейскій полкъ. Они явились къ Нелединскому и заявили ему, что, разъ что судьба подчиняетъ ихъ непосредственно грозному великому князю, то не лучше ли и не выгоднѣе ли было бы прямо поступить въ любимый и балуемый имъ полкъ, чѣмъ подвергаться его строгости въ чуждомъ и навязанномъ ему полку? „Это вы не глупо придумали", замѣтилъ имъ на это Нелединскій и обѣщалъ написать о томъ отцу ихъ. Получивъ на то согласіе дѣдушки, онъ принялъ на себя ходатайство по этому дѣлу, и весьма быстро состоялось опредѣленіе нашихъ двухъ молодцовъ въ конную гвардію, и они приступили къ приготовленіямъ по обмун-

дированію и поступленію въ полкъ. Наконецъ, наступилъ торжественный день представленія нашихъ юнкеровъ грозному, августѣйшему ихъ шефу. Во время разсказа моего отца объ этомъ представленіи, на вопросъ мой о томъ, чувствовалъ ли онъ дѣйствительно сильную робость при этомъ случаѣ, онъ отвѣчалъ, что нимало не боялся и къ этому прибавилъ обычное свое замѣчаніе по этому поводу, что робость, по его мнѣнію, составляетъ результатъ нечистой совѣсти. „Трусость въ сраженіи", говорилъ часто мой отецъ, „иногда дѣйствительно можетъ не зависѣть отъ воли человѣка, а отъ исключительнаго, прискорбнаго состоянія его нервной системы; но робость по отношенію къ людямъ, какъ бы высоко они ни стояли, составляетъ первую ступень подлости и въ порядочномъ человѣкѣ существовать не можетъ и не должна." Подобный приговоръ едва ли безусловно справедливъ; но, какъ я уже упоминалъ выше, однажды сложившіяся у отца убѣжденія никакой апелляціи въ его мышленіи не подлежали, и въ теченіе всей своей служебной карьеры онъ постоянно относился съ особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ къ тѣмъ изъ своихъ подчиненныхъ, которые умѣли сохранять передъ нимъ свою самостоятельность, не взирая на всю его взыскательность и строгость по службѣ.

Но возвращаюсь къ своему разсказу о представленіи юнкеровъ грозному шефу. Отцу моему въ то время еще не исполнилось и 17-ти лѣтъ; будучи средняго роста, худощаваго сложенія, онъ имѣлъ видъ совершеннаго ребенка и, хотя тутъ же находилось еще нѣсколько юнкеровъ другихъ полковъ, но онъ рѣзко отличался отъ остальныхъ своею юностью.

Великій князь Константинъ Павловичъ, при входѣ въ залъ, окинулъ быстрымъ взоромъ, изъ-подъ нависшихъ своихъ бровей, всѣхъ присутствующихъ и повидимому пораженъ былъ дѣтскою фигурою новобранца, добровольно идущаго на закланіе. Когда дошла очередь до юнкеровъ, и ему названы были братья Тимирязевы, то онъ съ ясною, привѣтливою улыбкою подошелъ къ моему отцу, ласково взялъ его за ухо и своимъ отрывистымъ голосомъ спросилъ его: „Развѣ ты не боишься меня?"—„Никакъ нѣтъ, ваше высочество", бойко отвѣчалъ юноша. „Но вѣдь ты знаешь, что я шутить не люблю?" все также ласково продолжалъ великій князь.—„Если я буду служить какъ слѣдуетъ, чего же мнѣ бояться, ваше высочество?" отвѣчалъ отецъ, нимало не робѣя. „Молодецъ!" воскликнулъ великій князь и, потрепавъ его по щекѣ, приказалъ немедленно записать ихъ въ такой-то эскадронъ конно-гвардейскаго полка. Къ этому разсказу отецъ присовокупилъ, что ему инстинктивно чувствовалось, что съ самаго этого перваго момента его представленія великому князю въ Константинѣ Павловичѣ зародилось то расположеніе и довѣріе къ нему, которое оставалось всегда неизмѣннымъ во все время ихъ долгихъ, столь близкихъ отношеній, и въ этомъ случаѣ какъ будто подтвердилась и личная теорія моего отца, что строгій начальникъ всегда довѣрчиво относится къ нетрусливому и самостоятельному подчиненному. Въ дальнѣй-

шемъ ходѣ моего повѣствованія дѣйствительно обнаружится, въ какой мѣрѣ своенравная, вспыльчивая, крутая натура цесаревича могла быть кротка, пристрастна, почти нѣжна въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ считалъ возможнымъ и безопаснымъ давать волю болѣе мягкимъ сторонамъ своего въ сущности добраго сердца. Кромѣ того, онъ не могъ не сознавать того страха, который внушала его личность всѣмъ отъ него зависящимъ и въ особенности молодежи; онъ считалъ этотъ страхъ необходимымъ спутникомъ военной дисциплины и весьма часто какъ будто даже хвастался и гордился имъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно замѣчалъ, что молодые люди охотно избѣгали тѣхъ полковъ, которые находились подъ непосредственнымъ его начальствомъ и потому съ особеннымъ удовольствіемъ относился къ тѣмъ рѣдкимъ случаямъ, когда кто-либо добровольно изъявлялъ готовность служить подъ его командою. Какъ бы то ни было, но оба наши юнкера и въ особенности мой отецъ никогда не имѣли повода раскаяваться въ своемъ рѣшеніи и во все время своего пребыванія въ конно-гвардейскомъ полку, до 1813 года, не подверглись никакимъ не только уже личнымъ вспышкамъ грознаго шефа, но даже и какимъ-либо взысканіямъ по службѣ. Правда, что и чувство долга и дисциплины было у нихъ настолько развито, что сознаніе своего достоинства не допустило бы ихъ до нарушенія обязанностей.

Отецъ часто говаривалъ, что самое строгое подчиненіе чужой волѣ, въ сферѣ служебной іерархіи и по требованію законной дисциплины, не можетъ заключать въ себѣ ничего унизительнаго для самой гордой и самостоятельной натуры; но что крайне тяжело и невыносимо было бы подвергаться начальническому справедливому взысканію, а еще хуже того начальническому снисхожденію, за нарушеніе своего служебнаго долга. И это правило такъ согласовалось со строгою, исполненною собственнаго достоинства натурою моего отца, что мнѣ никогда не представлялось возможнымъ вообразить себѣ, чтобы когда-либо и кѣмъ-либо могло быть примѣнено къ нему нѣчто похожее на снисхожденіе.

Служба нашихъ юнкеровъ шла своимъ чередомъ; дядя мой Аркадій былъ произведенъ въ корнеты въ 1809 году, а отецъ мой въ началѣ 1810 года.

Объ этой эпохѣ въ жизни отца въ моихъ воспоминаніяхъ не сохранилось никакихъ разсказовъ, заслуживающихъ упоминанія. Онъ, повидимому, платилъ въ то время дань молодости въ очень большихъ размѣрахъ; и могу себѣ легко вообразить тотъ широкій размахъ, съ которымъ юноша его склада и темперамента, предоставленный самому себѣ, окунулся въ водоворотъ столичныхъ увлеченій и увеселеній. Онъ еще былъ слишкомъ молодъ, чтобы слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ и сознательнымъ интересомъ за развитіемъ тѣхъ новыхъ, либеральныхъ вѣяній, которыя высказывались въ нашемъ государственномъ строѣ со времени воцаренія императора Александра Павловича. Поглощенный службою и веселою, беззаботною жизнью, онъ не

могъ и по возрасту своему, и по роду служенія и товарищескому кругу, принадлежать къ юной партіи такъ называемаго прогресса. Впрочемъ, во всѣхъ своихъ отрывочныхъ сужденіяхъ объ этой эпохѣ такъ называемаго возрожденія, онъ, съ свойственною уму его прямотою и съ присущимъ ему въ высшей степени здравымъ смысломъ и яснымъ пониманіемъ людскихъ слабостей, идущихъ часто рядомъ съ самыми высокими дарованіями и достоинствами, всегда относился вполнѣ безпристрастно къ виднымъ дѣятелямъ того времени. Такъ напримѣръ, по личнымъ связямъ и отношеніямъ, ради искренней дружбы съ княземъ П. А. Вяземскимъ, а впослѣдствіи послѣ женитьбы своей и по семейному сближенію, онъ принадлежалъ къ такъ называемому Карамзинскому кружку. Относясь постоянно съ особеннымъ чувствомъ уваженія къ свѣтлой личности и историческимъ заслугамъ Н. М. Карамзина, онъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ о неизмѣнномъ расположеніи къ нему почтеннаго нашего исторіографа и всей его семьи и до конца жизни оставался вѣрнымъ другомъ наличныхъ членовъ этого семейства. Вѣрность и прочность отношеній составляли вообще отличительное свойство моего отца во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ основаніи ихъ лежало чувство уваженія и довѣрія; но при этомъ мнѣ извѣстны нѣкоторые случаи въ его жизни, гдѣ онъ круто обрывалъ интимное сближеніе, завязавшееся случайно среди кутящей молодежи, когда впослѣдствіи обнаруживалось, что это сближеніе не соотвѣтствовало его строгимъ и рѣзко опредѣленнымъ требованіямъ. Но, возвращаясь къ вышесказанному, относительно его принадлежности, такъ сказать, къ Карамзинскому кружку, я хочу досказать здѣсь, что онъ въ тоже время относился весьма безпристрастно и, такъ сказать, осторожно къ характеру дѣятельности другихъ видныхъ личностей совершенно противоположнаго лагеря, какъ напримѣръ, Сперанскаго и его послѣдователей. Онъ всегда упоминалъ съ крайнимъ недовѣріемъ объ установившемся въ то время убѣжденіи насчетъ преступныхъ, противогосударственныхъ побужденій, приписываемыхъ Сперанскому, и утверждалъ, что, по его мнѣнію, Сперанскій былъ, въ то тяжкое для Россіи время, жертвою общественнаго настроенія, взволнованнаго предстоящею войною съ Наполеономъ. Ему всегда казалось, что при нормальномъ положеніи политическаго строя въ Европѣ подобное обвиненіе, если бы оно даже и могло возникнуть, само собою и рушилось бы, не вызывая того внезапнаго и невыясненнаго паденія этого крупнаго государственнаго дѣятеля, которое послѣдовало, въ виду ополчавшейся на отечество наше Европейской коалиціи.

Наконецъ, наступила година 1812 года. Отецъ мой и старшій братъ его Аркадій выступили съ своимъ полкомъ въ Литву въ составѣ гвардейскаго корпуса, при которомъ совершалъ походъ и цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Здѣсь мнѣ приходится въ моихъ воспоминаніяхъ разстаться, такъ сказать, съ моимъ дядею Аркадіемъ Семеновичемъ, который вскорѣ поступилъ

ординарцемъ, а потомъ адъютантомъ къ князю Витгенштейну въ его особый, сѣверный корпусъ. Братья разошлись и уже не сходились болѣе на службѣ въ одной и той же части до конца.

Во время пребыванія императора Александра Павловича въ Вильнѣ получено было извѣстіе о вступленіи Наполеона въ предѣлы Россіи и началось то знаменитое отступленіе Русской арміи, которое въ то время возбуждало такіе разнообразные, противоположные толки и сужденія. Отецъ мой былъ безусловный поклонникъ Барклая-де-Толли вообще и его плана военныхъ дѣйствій въ особенности; онъ считалъ невозможнымъ открытый бой съ тѣми недостаточными силами, которыми мы въ то время располагали, и всегда повторялъ, что случись даже Бородинское сраженіе мѣсяцемъ ранѣе и не подъ Москвою, а гдѣ-либо въ Литвѣ или за Смоленскомъ, то послѣдствія его для Русской арміи были бы непоправимы. Вообще его всего болѣе плѣняла въ Барклаѣ та стойкость въ выполненіи однажды усвоеннаго и утвержденнаго плана дѣйствій; то ежедневное, до мелочей доходящее вниманіе къ выбору позиціи для отступленія; то невозмутимое хладнокровіе, съ которымъ онъ выносилъ едва сдерживаемые и даже не всегда вполнѣ сдерживаемые взрывы негодованія и недовѣрія со стороны многихъ окружавшихъ его военноначальниковъ. Съ прибытіемъ князя Багратіона, этого доблестнаго героя, столь любимаго войскомъ, ропотъ и неудовольствіе противъ главнокомандующаго достигли крайнихъ предѣловъ, и, подкрѣпленные авторитетомъ этого блестящаго представителя Суворовской школы, выразились въ общемъ обращеніи къ великому князю Константину Павловичу съ просьбою, чтобы онъ, какъ братъ Государя, могущій пользоваться относительною свободою слова и мнѣній, объяснилъ главнокомандующему, что дальнѣйшее продолженіе принятой имъ системы постояннаго отступленія деморализуетъ армію, распространяетъ ужасъ во всей Россіи и въ концѣ концовъ можетъ окончательно сокрушить воинственный духъ и всякую отвагу въ Русскомъ солдатѣ, не привычномъ къ подобному образу дѣйствій. Великій князь рѣшился исполнить желаніе своихъ сослуживцевъ и отправился къ главнокомандующему. Барклай съ величайшею учтивостью и полнѣйшимъ вниманіемъ выслушалъ горячую рѣчь цесаревича и затѣмъ заявилъ, что, не считая возможнымъ, при настоящемъ составѣ арміи, измѣнить утвержденную Государемъ систему дѣйствій, но въ тоже время признавая всю важность и значеніе представленныхъ великимъ княземъ возраженій, онъ проситъ его высочество приготовиться къ немедленному отъѣзду въ Петербургъ съ донесеніемъ отъ него Барклая, такъ какъ никто лучше его не сумѣетъ объяснить Государю Императору истиннаго положенія вещей. Великій князь дѣйствительно уѣхалъ; недовольные примолкли, и въ тотъ же вечеръ Барклай съ обычною невозмутимостью осматривалъ новую позицію для послѣдующаго отступленія. Весьма возможно, что этотъ эпизодъ былъ переданъ отцу моему впослѣдствіи самимъ цесаревичемъ, который часто и

охотно возвращался въ разговорахъ своихъ съ приближенными къ подробностямъ великаго похода.

Въ лагерь подъ Дриссою пришло извѣстіе о назначеніи новаго главнокомандующаго, а при Царевѣ-Займищѣ князь Кутузовъ уже вступилъ въ командованіе и яко бы произошелъ этотъ знаменательный полетъ орла надъ главою маститаго сподвижника великаго Суворова въ то время, когда войска впервыя проходили передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ. Роль Барклая кончилась, но онъ еще оставался нѣкоторое время при арміи и, по словамъ моего отца, въ Бородинскомъ сраженіи видимо искалъ смерти; его бѣлый конь и невозмутимая высокая, неподвижная фигура виднѣлись всюду, гдѣ была наибольшая опасность; но онъ не былъ даже раненъ. Замѣчательно при этомъ, что Русскій солдатъ, столь чуткій и опытный въ опредѣленіи личной храбрости и неустрашимости, во время командованія арміею Барклаемъ доходилъ до обвиненія его въ трусости и даже измѣнѣ и съ затаеннымъ, злобнымъ недовѣріемъ относился къ его имени. Послѣ же Бородинскаго сраженія, по отзыву моего отца, когда Барклай возвращался шагомъ съ послѣдняго осмотра поля битвы, молчаливый и задумчивый по обыкновенію, всѣ части войскъ, мимо которыхъ приходилось ему проѣзжать, по собственному, неудержимому побужденію, привѣтствовали его единодушнымъ, громогласнымъ „ура“ какъ бы въ видѣ возмездія за тяготѣвшее надъ нимъ доселѣ несправедливое и обидное обвиненіе. Невольно при этомъ вспоминается чудное стихотвореніе Пушкина „Полководецъ“, какъ бы схватившее на лету именно этотъ моментъ въ жизни Барклая.

Дѣдушка Семенъ Ивановичъ съ двумя дочерьми Настасьею и Авдотьею переѣхали изъ Рязанскаго имѣнія с. Свинушекъ въ Тамбовскую свою деревню, село Токмаково, гдѣ и провели всю послѣдующую зиму. Вступленіе Наполеона въ Москву не сопровождалось для семьи отца никакимъ прямымъ имущественнымъ ущербомъ, потому что она обыкновенно проводила зиму въ наемныхъ домахъ и въ Москвѣ значительной собственности не имѣла. Но помню, что отецъ мой говаривалъ, что съ 1812 года начался постепенный упадокъ въ дѣлахъ дѣдушки, по управленію имѣніями и по подрядамъ, которые онъ имѣлъ съ казною. Семенъ Ивановичъ велъ винокуреніе въ обширныхъ размѣрахъ и поставлялъ вино въ казну, по подрядамъ интендантства. Въ это смутное время, когда всѣ подвозочныя средства центральныхъ мѣстностей были захвачены въ распоряженіе правительства для перевозки войскъ, провіанта, раненыхъ или забираемы частными лицами для выѣзда изъ Москвы, дѣдъ мой не могъ выставить къ назначенному сроку извѣстнаго количества вина и впослѣдствіи былъ подвергнутъ за это, хотя и невольное, нарушеніе контракта уплатѣ крупной неустойки и въ тоже время лишился естественно и значительной доли дохода. Это обстоятельство послужило началомъ къ постепенно возраставшимъ затрудненіямъ въ его дѣлахъ и въ

концѣ концовъ привело къ продажѣ съ публичнаго торга его любимыхъ Свинушекъ, купленныхъ откупщикомъ Рюминымъ. Когда младшіе сыновья его, Александръ, Михаилъ, Андрей и Сергѣй, постепенно поступили въ военную службу (и всѣ также, какъ и старшіе два брата, сперва въ конную гвардію), то старикъ, отпустивъ дочерей своихъ на постоянное жительство къ родной теткѣ ихъ (сестрѣ ихъ матери) старой дѣвицѣ Елисаветѣ Михайловнѣ Юрьевой въ Москву, самъ поселился въ имѣніи умершаго брата своего Василія Ивановича Калужской губ., Лихвинскаго у., въ с. Ржавцѣ и тихо оканчивалъ тамъ свое существованіе въ томъ строго-благочестивомъ настроеніи, о которомъ я уже упоминалъ выше. Вотъ приблизительно все, что̀ я могъ запомнить изъ отрывочныхъ разсказовъ моего отца по этому поводу, къ чему могу еще присовокупить, что въ 1830-хъ годахъ старикъ только однажды рѣшился покинуть свое уединеніе и навѣстить дѣтей въ Петербургѣ. Въ то время дядя Аркадій былъ отцемъ многочисленнаго семейства, и отецъ мой былъ уже женатъ и, кажется, я только что успѣлъ появиться на свѣтъ Божій. Порадовавшись на дѣтей, изъ которыхъ старшій Аркадій уже занималъ видное мѣсто по Министерству Финансовъ, а Иванъ (отецъ мой) состоялъ въ свитѣ Е. И. В. генералъ-маіоромъ,—старикъ вернулся въ свое Ржавское уединеніе и въ томъ же году, въ самый день свѣтлаго праздника, тихо угасъ. Вслѣдствіе весенняго разлива рѣкъ, никто изъ его дѣтей не успѣлъ даже прибыть къ нему и находиться при его кончинѣ.

Возвращаюсь къ прерванной нити моего разсказа и прямо перехожу къ 1813 году и къ выступленію нашихъ силъ заграницу. Здѣсь самымъ крупнымъ явленіемъ, въ интересѣ моихъ записокъ и въ служебной карьерѣ моего отца, служитъ его назначеніе адъютантомъ при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ. Это случилось, кажется, въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1813 г., и на другой же день отцу было приказано вступить въ дежурство. Въ то время адъютанты не имѣли особой формы и носили полковую; но требовался эксельбантъ и еще какія-то особенности, составляющія принадлежности адъютантскаго званія. Помню разсказъ отца, что дядя Аркадій нарочно поскакалъ въ какую-то другую часть войска, чтобы добыть у какихъ-то друзей необходимые предметы, и отецъ мой на слѣдующій день уже былъ дежурнымъ при своемъ шефѣ. Съ этой минуты благоволеніе великаго князя приняло окончательную, опредѣленную форму и оставалось неизмѣннымъ до самой его кончины. Лично на себѣ отецъ никогда не испытывалъ не только вспышекъ гнѣва и неудовольствія, но даже и тѣхъ своенравныхъ выходокъ, которыя составляли такую тяжелую сторону въ характерѣ Константина Павловича. Кромѣ справедливой оцѣнки всѣхъ положительныхъ достоинствъ и заслугъ моего отца, какъ всегда исправнаго и отличнаго офицера и какъ строгаго и неуклоннаго исполнителя всѣхъ возлагаемыхъ на него порученій, въ великомъ князѣ часто проглядывало какое-то, вообще несвойственное ему при-

страстіе къ своему юному адъютанту. Неоднократно, по отзыву отца, какое-нибудь мелкое обстоятельство, которое несомнѣнно вызвало бы бурю надъ головою провинившагося, сходило отцу съ рукъ совершенно благополучно. Случалось даже, хотя и рѣдко, что Константинъ Павловичъ какъ будто и самъ поражался своимъ послабленіемъ къ любимцу и тогда объяснялъ это тѣмъ, что отецъ никогда не старался скрывать своей вины и прямо въ ней сознавался. „Я знаю и увѣренъ", говаривалъ въ такихъ случаяхъ великій князь, „что у него *сзади* ничего нѣтъ и что онъ постоянно весь тутъ!" И дѣйствительно проницательнымъ начальникомъ была сразу подмѣчена отличительная черта въ характерѣ отца. Трудно себѣ вообразить подобное отсутствіе, такъ называемой „задней мысли" въ чемъ бы то ни было; всегда, всюду и во всемъ онъ былъ весь на лицо со всѣми его высокими и дурными свойствами, со всѣми его сочувствіями и нерасположеніями до того очевидными и прозрачными, что онъ бывало самъ смѣялся, когда мы приходили въ ужасъ отъ его слишкомъ явнаго подчасъ неодобренія какой-нибудь личности, которая ему не нравилась. Эта откровенность его, даже когда она явно не высказывалась и не могла высказываться, напримѣръ въ его отношеніяхъ къ великому князю, тѣмъ не менѣе такъ ясно выражалась на его лицѣ и на всей его фигурѣ, что Константинъ Павловичъ, неоднократно, когда ему приходилось читать это неодобреніе въ чертахъ моего отца, говаривалъ: „конечно вамъ это не нравится, прошу не прогнѣваться и пр." Но въ сущности онъ именно это свойство и цѣнилъ въ своемъ неустрашимомъ подчиненномъ.

Въ теченіи всей кампаніи 1813 г. любимымъ воспоминаніемъ отца было *Кульмское* сраженіе, которое онъ считалъ первымъ, безусловнымъ и безспорнымъ торжествомъ союзныхъ войскъ и съ котораго совершился окончательно поворотъ въ успѣхѣ оружія, приведшій насъ къ стѣнамъ Парижа. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливался на всѣхъ подробностяхъ этого славнаго дня и всего болѣе на той минутѣ, когда, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, императоръ Александръ, въ сопровожденіи великаго князя Константина Павловича и блестящаго штаба, спустился въ Кульмскую долину, и ему представили плѣннаго Вандама съ остатками его корпуса. Съ большимъ уваженіемъ говорилъ онъ о графѣ Остерманѣ, главномъ виновникѣ торжества и въ особенности о начальникѣ его штаба, знаменитомъ впослѣдствіи А. П. Ермоловѣ, которому всего болѣе принадлежала честь побѣды. Кульмскій крестъ свой отецъ мой цѣнилъ очень высоко и когда, будучи сенаторомъ въ Москвѣ, былъ переименованъ въ 1860-мъ г. изъ генералъ-лейтенантовъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, то постоянно продолжалъ носить его на фракѣ. Съ грустью вспоминаю, что въ 1863 г., когда отецъ мой еще не оправился отъ только что постигшаго его нервнаго удара, въ Бозѣ почившій императоръ Александръ Николаевичъ, находясь въ то время

въ Москвѣ, пожелалъ соединить за обѣдомъ во дворцѣ немногихъ, остававшихся въ живыхъ участниковъ Кульмскаго боя, по случаю наступившаго 14 Августа того года пятидесятилѣтія со дня этой побѣды. Помню, что мы скрыли это обстоятельство и самое приглашеніе на обѣдъ, чтобы не возбудить въ отцѣ волненія. Помнится, что, заканчивая свой разсказъ о славной побѣдѣ при Кульмѣ, отецъ говорилъ, что въ этотъ день Константину Павловичу съ его свитою былъ предложенъ для ночлега находящійся вблизи поля сраженія роскошный замокъ знатнаго Богемца князя Клари и что отцу моему пришлось расположиться одному въ огромной залѣ дворца, гдѣ ему поставили кровать и огородили ее ширмами. Цесаревичъ какъ-то случайно зашелъ въ эту залу, и его очень забавляла оригинальная отцовская спальня, причемъ онъ со смѣхомъ замѣтилъ: „Ну тебѣ, братецъ, здѣсь, кажется, не будетъ тѣсно!“ Вообще ощущалось всѣми, что съ Кульмскаго дѣла всѣ колебанія и сомнѣнія исчезли, и союзныя войска безостановочно стали подвигаться къ предѣламъ Франціи. „Съ особеннымъ интересомъ“, говаривалъ мой отецъ, „вступали мы въ этотъ край, прославленный столькими міровыми событіями, сперва революціонными и кровавыми во имя свободы, а вслѣдъ затѣмъ не менѣе кровавыми во имя деспотизма и цезаризма и, быть можетъ, вслѣдствіе этого ожиданія встрѣтить нѣчто необыкновенное, мы были на первый взглядъ чрезвычайно разочарованы.“ Большинство населенія поражало своею необразованностью (по сравненію съ Прирейнскою частью Германіи), матеріальною нуждою, неприглядностью и даже какимъ-то безучастіемъ къ совершающемуся разгрому. Уже и тогда, повидимому, всѣ жизненныя, государственныя силы Франціи были исключительно сосредоточены въ нѣсколькихъ крупныхъ, городскихъ центрахъ и преимущественно въ Парижѣ; такъ что наши войска встрѣчали повсюду на пути своемъ скорѣе тупое любопытство, чѣмъ ожесточеніе и ненависть. Замѣтны были усталость и уныніе, послѣ столькихъ жертвъ и утратъ; поражало отсутствіе молодежи, обращенной всецѣло въ знаменитую Наполеоновскую „chair à canon *)“ и, кромѣ правильныхъ сраженій и стычекъ съ отступавшими Французскими войсками, не было почти никакихъ столкновеній съ мѣстнымъ населеніемъ. Это явленіе несомнѣнно должно было поражать нашихъ воиновъ, столь недавнихъ очевидцевъ народнаго, поголовнаго движенія въ предѣлахъ нашего отечества въ только что минувшемъ 1812 г., въ этомъ единодушномъ взрывѣ народнаго негодованія со всѣми его тяжелыми и необузданными явленіями, но и со всѣми признаками непочатой силы и непоколебимой вѣры въ историческое призваніе.

Наконецъ, побѣдоносныя полчища Европейской коалиціи достигли Парижа, и 18-го Марта 1814 г. на высотахъ Монмартра состоялась знамени-

---

*) Мясо для пушекъ.

тая капитуляція, передавшая всемірную столицу во власть союзниковъ. По словамъ отца, въ эту ночь, понятно, никто не думалъ о покоѣ; солдаты занимались чисткою и возможнымъ исправленіемъ аммуниціи, приготовляясь къ торжественному вступленію въ городъ; офицеры и штабная молодежъ, сразу позабывъ о всѣхъ ужасахъ и тягостяхъ прожитаго прошлаго, готовились насладиться столь прославленными Парижскими наслажденіями; словомъ, это была одна изъ тѣхъ ночей, которыя никогда въ жизни не забываются. Бывало, уже на старости лѣтъ, отецъ мой аккуратно каждый годъ присутствовалъ 19-го Марта на обѣдѣ, который графъ Закревскій давалъ всѣмъ участникамъ этого славнаго дня, и отецъ возвращался оттуда въ такомъ ясномъ и бодромъ настроеніи духа, какъ бы переживая вновь свѣтлыя впечатлѣнія этого столь торжественнаго момента въ нашей исторіи.

По отзыву отца моего, самымъ замѣчательнымъ явленіемъ было тогдашнее отношеніе къ намъ Парижскаго населенія. Оно встрѣчало побѣдителей, какъ бы своихъ освободителей отъ тяжелаго ига, и въ особенности императоръ Александръ Павловичъ былъ предметомъ восторженныхъ привѣтствій. Отецъ разсказывалъ, между прочимъ, что былъ самъ очевидцемъ, какъ во время торжественнаго молебствія на площади Согласія, когда войска проходили мимо союзныхъ государей, толпы Парижанокъ окружили со всѣхъ сторонъ сидѣвшаго на конѣ Русскаго императора; онѣ съ наивнымъ любопытствомъ разсматривали его; а одна изъ нихъ, одобренная его привѣтливымъ и благодушнымъ видомъ, вскочила даже ногою въ его стремя, чтобы лучше разсмотрѣть всѣ подробности парада, такъ что Государь съ улыбкою на устахъ рукою поддержалъ ее, чтобы она не упала. Во всѣхъ магазинахъ появились немедленно не только портреты союзныхъ монарховъ, но даже разные предметы дамскаго туалета „à la Alexandre I-er, и Государь не могъ показаться на улицу безъ привѣтствій и восторговъ толпы. Особенное любопытство возбуждали въ Французахъ наши козаки; объ нихъ ходили преувеличенные, почти баснословные разсказы; впрочемъ, по словамъ отца, и самымъ Русскимъ представлялось какъ-то особенно страннымъ, едва вѣроятнымъ, проходя аллеями Тюльерійскаго парка, натыкаться на казачьи пикеты Но родному самолюбію нашему было очень лестно сознавать, какъ быстро исчезло въ Парижанахъ вообще недовѣріе къ предполагавшемуся варварству сѣверныхъ нашихъ богатырей. Назначенный губернаторомъ Парижа нашъ генералъ графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Сакенъ съумѣлъ вскорѣ вселить такое всеобщее къ себѣ уваженіе и довѣріе, что, бывало, когда онъ входилъ въ театръ, то, не смотря на присутствіе коронованныхъ особъ, публика вставала, чтобы почтить привѣтствіемъ маститаго воина и, какъ извѣстно, при отъѣздѣ его, Парижъ поднесъ ему великолѣпную почетную саблю.

Здѣсь мнѣ приходится опять повторить почти тоже, что было мною сказано о первыхъ годахъ службы моего отца въ Петербургѣ. Покуда союз-

ные монархи рѣшали судьбы Европы, молодой адъютантъ великаго князя (тогда 24 лѣтній юноша) предавался съ увлеченіемъ молодости всѣмъ прелестямъ Парижской жизни. Получивъ, кромѣ награды по службѣ, 800 червонцевъ наградныхъ денегъ, онъ, по собственному отзыву, оставилъ ихъ всѣ въ Парижѣ и вспоминалъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ о своей тамошней жизни. Между прочимъ вспоминается мнѣ, что, въ числѣ посѣщенныхъ имъ Парижскихъ достопримѣчательностей, забрелъ онъ съ молодыми товарищами къ знаменитой въ то время прорицательницѣ m-lle Le Normand. Отцу она при этомъ не сказала ничего особеннаго: „Votre vie ira son train, et je n'ai rien à vous prédire de particulier, jeune homme“ *). Но когда подошелъ къ ней одинъ изъ его товарищей, то она, взглянувъ на его руку, оттолкнула ее, какъ бы съ ужасомъ и отказалась предсказывать ему его судьбу. Понятно, что онъ сталъ настаивать, и вся молодежъ съ любопытствомъ окружила ее. Наконецъ, гадальщица уступила, долго вглядывалась и пробормотала: „Vous ne mourrez pas d'une mort naturelle!“—„Je serai tué à la guerre?“ спросилъ онъ.—„Non“.—Alors en duel?—Non, non, bien pire que cela; ne me questionnez plus; je ne vous dirai plus rien“ **), и съ этими словами она закрыла лицо руками. Этотъ молодой человѣкъ былъ *К. И. Рылѣевъ*, и только послѣ событій 14 Декабря, отецъ вспомнилъ про это предсказаніе, на которое въ то время ни самъ Рылѣевъ, ни прочіе не обратили особеннаго вниманія.

Императоръ Александръ изъ Парижа долженъ былъ ѣхать въ Лондонъ на свиданіе съ Великобританскимъ принцемъ-регентомъ, и отцу моему, горячо желавшему побывать при этой исключительной обстановкѣ въ Англіи, удалось испросить согласіе цесаревича на поѣздку туда въ свитѣ Государя. Но въ послѣднюю минуту Константинъ Павловичъ раздумалъ и, отправляясь самъ прямо въ Петербургъ, пожелалъ, чтобы и отецъ сопутствовалъ ему въ его поѣздкѣ. „Сперва мнѣ было очень досадно отказаться отъ своей мечты“, говаривалъ отецъ; „но я вскорѣ утѣшился, потому что нашъ пріѣздъ въ Петербургъ, въ роли побѣдителей, доставилъ намъ такой пріемъ, такія празднества и увеселенія, что пришлось вскорѣ вполнѣ примириться съ этою неудачею“.

Въ 1815 году цесаревичъ Константинъ Павловичъ назначенъ намѣстникомъ вновь образованнаго Царства Польскаго и вскорѣ отправился въ Варшаву, чтобы приступить къ организаціи Польской арміи и всего новаго порядка управленія. Но, отъѣзжая въ Варшаву, онъ въ тоже время естественно, съ живѣйшимъ интересомъ желалъ слѣдить за ходомъ дѣлъ на Вѣнскомъ

*) Жизнь ваша пойдетъ своимъ чередомъ, и мнѣ нечего предсказать вамъ особеннаго, молодой человѣкъ.

**) Вы не умрете естественною смертью.—Меня убьютъ на войнѣ?—Нѣтъ.—Такъ на поединкѣ?—Нѣтъ, нѣтъ, много хуже этого; не спрашивайте меня больше; я ничего вамъ не скажу.

конгрессѣ и съ этою цѣлью испросилъ соизволенія Государя Императора отцу моему оставаться при Государѣ въ Вѣнѣ, чтобы сообщать ему подробно о всемъ имѣющемъ совершиться въ его отсутствіе. Подобное порученіе какъ нельзя болѣе совпадало съ желаніями моего отца и кромѣ того свидѣтельствовало о довѣріи, которымъ онъ уже пользовался въ то время у своего взыскательнаго шефа.

Вскорѣ, къ прямому своему назначенію отцу моему пришлось присоединить еще и другое порученіе. Между прочимъ возникъ вопросъ о формированіи Польской арміи и, не взирая на вполнѣ искренній энтузіазмъ Поляковъ въ то время и на желаніе ихъ доказать преданность и усердіе своему новому и великодушному монарху, представлялось неудобнымъ и нежелательнымъ образовать Польскую армію исключительно изъ однихъ національныхъ элементовъ. Вслѣдствіе этого и была образована въ Вѣнѣ особая коммиссія изъ нѣсколькихъ военныхъ лицъ, которымъ поручено было заняться составомъ будущей Польской арміи, со включеніемъ въ нее разныхъ частей Русскихъ войскъ, изъ тѣхъ корпусовъ и дивизій, которые и въ прежнее время находились въ Польшѣ или на ея границѣ и болѣе знакомы были съ мѣстными условіями и Польскимъ нарѣчіемъ. Кто были остальные члены коммиссіи, не упомню; знаю только, что и мой отецъ былъ включенъ въ ея составъ и во все время своей жизни въ Вѣнѣ принималъ дѣятельное участіе въ ея занятіяхъ. Засѣданія коммиссіи происходили во дворцѣ, въ одной изъ залъ, прилегающихъ къ внутреннимъ покоямъ Александра Павловича. На большихъ столахъ были разложены подробныя карты Царства Польскаго, съ обозначеніемъ мельчайшихъ пунктовъ и мѣстностей, гдѣ предполагалось размѣщеніе войскъ. На эти карты накалывались булавки съ разноцвѣтными головками, при чемъ цвѣтъ обозначалъ національность тѣхъ войскъ, которыя должны были входить въ составъ каждой размѣщаемой группы. Государь часто заходилъ лично въ эту залу, чтобы наблюдать за ходомъ занятій, и отецъ разсказывалъ, что однажды, въ одинъ особенно жаркій и грозный вечеръ, Государь удивлялся, какъ можно было заниматься въ этой душной атмосферѣ и прямо приказалъ всѣмъ присутствующимъ не только растегнуть, но и совсѣмъ снять долой сюртуки.

При этомъ отецъ говаривалъ, что, при всей своей молодости, онъ очень хорошо сознавалъ всю личную отвѣтственность при этихъ занятіяхъ по отношенію въ великому князю. Естественно, что въ будущемъ, при приведеніи въ исполненіе этихъ предположеній коммиссіи, ему, какъ адъютанту цесаревича и бывшему члену коммиссіи, всего болѣе придется трудиться надъ этимъ дѣломъ. „Я очень хорошо зналъ", присовокуплялъ отецъ, „что всякое затрудненіе, встрѣчаемое при выполненіи этого плана на мѣстѣ, неизбѣжно будетъ срываться Константиномъ Павловичемъ на мнѣ".

Государь, неоднократно заходя въ залу коммиссіи, не смотря на обычное ему благодушіе и умѣніе владѣть собою, выражалъ на лицѣ своемъ слѣды не только утомленія, но и раздраженія. Стали ходить слухи, что на конгрессѣ онъ уже не всегда встрѣчалъ прежнее безусловное согласіе на всѣ его намѣренія и предложенія, что князь Меттернихъ начиналъ часто возбуждать возраженія и затрудненія и даже Талейранъ, представитель Франціи, сталъ забывать, чѣмъ она была обязана личному участію и вмѣшательству императора Александра. „Однажды", разсказывалъ отецъ, „Государь взошелъ въ нашу залу съ какимъ-то особенно озабоченнымъ видомъ и, по выслушаніи нѣкоторыхъ словесныхъ докладовъ о нашихъ занятіяхъ, обратился ко мнѣ со словами: „Тимирязевъ, завтра я отправляю тебя къ брату въ Варшаву; всѣ нужные пакеты и депеши ты получишь отъ Волконскаго; а завтра утромъ зайди ко мнѣ, и я тебѣ дамъ еще письмо къ великому князю." Я поклонился, и Государь прошелъ въ свой кабинетъ. На другой день, когда я явился откланиваться, Александръ Павловичъ, передавая мнѣ собственноручное письмо къ цесаревичу, присовокупилъ: „И повтори еще брату отъ меня, чтобы, при первомъ отсюда распоряженіи, армія была готова къ выступленію". „Помню очень хорошо", продолжалъ отецъ, „что эти слова тогда же сильно меня поразили и возбудили необъяснимое недоумѣніе. О какомъ выступленіи арміи могла быть рѣчь послѣ только что такъ блистательно и такъ повидимому безповоротно оконченнаго похода, когда единственный нарушитель Европейскаго равновѣсія находился въ отдаленной, почетной ссылкѣ, и всѣ державы жаждали прочнаго и долгаго покоя? Понятно, что я не могъ дать самому себѣ никакого отвѣта на этотъ вопросъ и не счелъ себя въ правѣ сообщать кому бы то ни было о своемъ недоразумѣніи. Я выполнилъ данное мнѣ порученіе и затѣмъ уже былъ оставленъ великимъ княземъ въ Варшавѣ. По истеченіи очень недолгаго времени, сколько мнѣ помнится, отъ 10 дней до двухъ недѣль, въ то время, когда мы всѣ присутствовали въ дворцовой церкви на молебствіи по случаю годовщины какой-то побѣды Русскаго оружія, въ церкви распространился слухъ, что прибылъ курьеръ изъ Вѣны, что Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, высадился въ Каннѣ и что наша армія должна немедленно выступать." „Тогда только", продолжалъ мой отецъ, „выяснилось мнѣ значеніе словъ Государя, при отправленіи меня въ Варшаву, и чѣмъ болѣе я останавливался на этомъ предметѣ, тѣмъ несомнѣннѣе мнѣ представлялось, что когда Александръ Павловичъ произносилъ при мнѣ эти слова, онъ уже зналъ о намѣреніи Наполеона покинуть островъ Эльбу. Въ то время нашимъ военнымъ агентомъ при низложенномъ Французскомъ императорѣ состоялъ флигель-адъютантъ Чернышовъ (впослѣдствія князь и предсѣдатель Государственнаго Совѣта) и, во время моего пребыванія въ Вѣнѣ, мнѣ было извѣстно, что Государь весьма часто получалъ отъ Чернышова секретныя донесенія, остававшіяся тайною для всѣхъ. Во мнѣ вкоренилось убѣжденіе, что Але-

ксандръ Павловичъ не только зналъ, но ожидалъ попытки Наполеона вернуться во Францію, и даже не находилъ нужнымъ, въ данную минуту, принимать противъ этого какихъ-либо мѣръ. Вспоминая про то раздраженіе и недовольство, которое весьма часто высказывалось Государемъ по поводу происходившаго въ засѣданіяхъ конгресса, мнѣ думается, что онъ дозволялъ событіямъ развиваться естественнымъ путемъ, предоставляя себѣ право послѣдняго слова, когда наступитъ окончательная развязка. Опасаться чего либо существеннаго для общаго мира Европы отъ возвращенія Наполеона едва-ли было возможно, тѣмъ болѣе, что успѣхъ этого безумнаго предпріятія оказался впослѣдствіи совершенною неожиданностью для самаго Бонапарта, а между тѣмъ вновь наступившая тревога могла возстановить всецѣло ослабѣвшее нѣсколько первостепенное значеніе Россіи въ вопросахъ Европейской политики. Подобныя предположенія, основанныя чисто на собственномъ, инстинктивномъ убѣжденіи, естественно никогда не могли быть провѣрены мною какими-либо фактами или свѣдѣніями; самый характеръ ихъ былъ таковъ, что мнѣ въ то время и не могло даже прійти въ голову коснуться ихъ въ разговорѣ съ кѣмъ-либо. Но тѣмъ не менѣе во мнѣ самомъ это убѣжденіе осталось неизмѣннымъ".

Таковъ былъ приблизительно разсказъ моего отца, и даже въ то время, когда я его слышалъ отъ него (лѣтъ 30 спустя) чувствовалось, что это заключеніе не было результатомъ послѣдующаго, зрѣлаго размышленія; то былъ прямой выводъ минуты, невольно вытекающій изъ сопоставленія тѣхъ обстоятельствъ, которыя послѣдовательно развивались. Мнѣ не случалось никогда и нигдѣ читать и намека на подобное разъясненіе этого событія; но тѣмъ не менѣе я не счелъ возможнымъ не остановиться на немъ, потому что отецъ довольно подробно коснулся его въ своемъ разсказѣ и, быть можетъ, это поведетъ къ выясненію хода тогдашнихъ дѣлъ.

Событія 1815 года, завершенныя вторичнымъ съѣздомъ союзныхъ монарховъ въ Вѣнѣ, послѣ отреченія и ссылки Наполеона на островъ св. Елены, не ознаменованы въ моей памяти никакими особенными эпизодами въ личныхъ воспоминаніяхъ моего отца. Съ того времени наступаетъ для него продолжительный, почти десятилѣтній періодъ жизни въ Варшавѣ, въ званіи адъютанта великаго князя. Весьма трудно связать во едино и изложить въ нѣкоторой послѣдовательности тѣ отрывочные разсказы, которые приходилось мнѣ, такъ сказать, вытягивать изъ моего несловоохотливаго старика, и потому постараюсь лишь отмѣтить здѣсь отдѣльные штрихи, набросанные имъ съ свойственною ему рельефностью, излагая ихъ по мѣрѣ того, какъ они будутъ возникать въ моей памяти.

Такъ, между прочимъ, отецъ говорилъ, что Польскіе генералы, въ то первое время предполагавшагося возрожденія Польши, съ искреннимъ рвеніемъ приступили къ формированію и обученію войска и, зная, что цесаревичъ необыкно-

венно строгъ и взыскателенъ, изъ кожи лѣзли, чтобы ему угодить. Всѣ эти Хлопицкіе, Красинскіе, Курнатовскіе по два раза въ день выводили полки на городскія площади и производили долгія ученія, чтобы предстать съ честью на смотръ великаго князя. А между тѣмъ виновникъ всѣхъ этихъ хлопотъ относился къ этому по своему. Обѣдалъ онъ постоянно въ 3 часа, потомъ немного отдыхалъ, и въ 5 часовъ отправлялся кататься по городу съ дежурнымъ адъютантомъ. При этомъ никогда не было заранѣе извѣстно, какъ и въ чемъ онъ желаетъ выѣхать; но когда онъ выходилъ въ аванзалу, бралъ фуражку и начиналъ надѣвать перчатки, то объявлялъ, что ѣдетъ: въ колясвѣ, въ кабріолетѣ или верхомъ. Все это заранѣе держалось наготовѣ, и когда онъ сходилъ съ крыльца, потребованное уже должно было находиться у подъѣзда. При малѣйшемъ замедленіи, шталмейстеръ его Мих..... предпочиталъ уйти, чтобы не подвергнуться послѣдствіямъ минутной, но небезопасной вспышки. Проѣзжая по площадямъ, гдѣ происходили ученія, великій князь приказывалъ остановиться; генералъ подбѣгалъ къ экипажу, вытягивался подъ козырекъ, и начинался приблизительно слѣдующій разговоръ: „Qu'est-ce que vous faites-ici?"— „Nous exerçons, monseigneur!"—„Vous exercez! Est-ce que vous savez ce que c'est que des exercices militaires? Je ne sais pas, par quoi j'ai mérité cette punition de devoir commander à des ignares pareils! [1]) Пошелъ!"

И такимъ образомъ переѣзжали на другую площадь, и повторялось болѣе или менѣе тоже самое [2]).

Вотъ, бывало, въ подобныхъ случаяхъ, происходило то, о чемъ я уже упоминалъ выше. Покосившись на безмолвно-краснорѣчивый протестъ своего правдиваго адъютанта, онъ иногда проговаривалъ: „*Вамъ* (онъ всегда говорилъ *вы*, когда сердился) это, кажется, не нравится." Отецъ тогда позволялъ себѣ заявить, что по его мнѣнію они ужасно стараются угодить и заслуживаютъ во всякомъ случаѣ ободряющаго слова. „Вамъ такъ кажется, позвольте же мнѣ лучше знать!" Отецъ при этомъ говорилъ, что это именно происходило въ то время, когда вся наша армія находилась еще за границею въ походѣ и Польша была предоставлена совершенно собственнымъ силамъ. И

---

[1]) Что̀ вы тутъ дѣлаете?—Учимся, ваше высочество. — Учитесь! Да знаете ли вы что̀ такое воинское ученье? Не знаю, чѣмъ я заслужилъ это наказаніе командовать подобными невѣжами.

[2]) Страсть къ воинскому ученью, ко всевозможнымъ выправкамъ, выпушкамъ и всяческой муштрѣ была несчастною слабостью въ этомъ человѣкѣ, отъ природы добромъ и великодушномъ. Эту страсть безуспѣшно преодолѣвала въ немъ его державная бабка. По ея приказанію однажды выставлены были у его подъѣзда всѣ дворцовые трубочисты съ метлами. На вопросъ удивленнаго юноши, возвращавшагося домой съ прогулки, отвѣчали ему: „Это для васъ, по приказанію бабушки. Не угодно ли съ ними играть?" (Слышано отъ старыхъ людей). Великій князь Константинъ Павловичъ былъ человѣкъ не только добросердечный, но образованный и любознательный. О томъ свидѣтельствуютъ письма его къ маркизѣ Декюбьеръ и къ графу Васильеву. (Русскій Архивъ 1870 и 1882). П. Б.

тотъ же великій князь, 15 лѣтъ спустя, до того привязался къ Полякамъ, что во время Польскаго возстанія покинулъ Варшаву во главѣ всѣхъ Русскихъ войскъ, чтобы не сдѣлать ни одного выстрѣла и не пролить ни одной капли столь дорогой ему Польской крови! Какъ объяснить это противорѣчіе, тѣмъ болѣе, что, любя ихъ искренно, онъ все время, до конца своего пребыванія между ними, на каждомъ шагу ихъ раздражалъ. Впрочемъ, къ этому отецъ прибавлялъ всегда, что всѣ тяжелые, подчасъ даже жестокіе инстинкты Константина Павловича обнаруживались исключительно при видѣ воинскаго фронта: тогда онъ мгновенно весь преображался; глаза загорались, дыханіе спиралось, и онъ просто дрожалъ отъ волненія. Требованія его были настолько строги и педантичны, что почти ни одного ученія не обходилось безъ нѣкоторыхъ замѣшательствъ, и тогда уже горе провинившимся!

И тотъ же человѣкъ возвращался домой и садился за столъ самымъ радушнымъ, внимательнымъ и любезнымъ хозяиномъ, такъ что даже, когда ему въ разговорѣ случалось невольно прервать чью-нибудь рѣчь, то онъ немедленно останавливался и извинялся. Бывали случаи, что и въ пылу негодованія, передъ фронтомъ, онъ приходилъ въ себя, и съ возвращающимся сознаніемъ немедленно проявлялись присущія ему великодушныя, почти рыцарскія свойства.

Здѣсь представляется умѣстнымъ привести одинъ эпизодъ, разсказанный мнѣ отцомъ моимъ, по поводу умѣнія великаго князя поправлять свои невольныя увлеченія. Отецъ былъ какъ-то командированъ въ одинъ изъ Польскихъ городовъ (какой, не упомню) гдѣ была собрана вновь образованная изъ разныхъ сводныхъ частей драгунская, кавалерійская дивизія, поступавшая подъ начальство великаго князя. Отцу было поручено осмотрѣть ее подробно во всѣхъ частяхъ, подучить и подготовить по возможности къ августѣйшему смотру и донести, въ какомъ положеніи онъ ее найдетъ. Прибывъ къ мѣсту назначенія, онъ нашелъ эти полки въ весьма неудовлетворительномъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи. Главною тому причиною было, что эта дивизія была вновь образована изъ драгунскихъ частей взятыхъ по разнымъ кавалерійскимъ полкамъ, расположеннымъ въ южной части Россіи, по возвращеніи съ похода. Весьма естественно, что каждый полковой командиръ, которому приказано было выдѣлить изъ своего полка часть людей и лошадей для сформированія этого своднаго войска, отсылалъ туда все, что̀ у него было похуже и отъ чего ему желательно было избавиться или, по меньшей мѣрѣ, чего ему менѣе было жалко. Лошади были замореныя, мало выѣзженныя, люди недостаточно обученные, плохо обмундированные, полки въ своемъ новомъ составѣ не привыкшіе къ своему новому строю—словомъ, вся дивизія требовала времени и ремонта въ людяхъ и лошадяхъ, чтобы явиться на какой бы то ни было смотръ вообще и уже подавно, чтобы предстать предъ грозныя очи своего новаго верховнаго командира. Изъ четырехъ полковъ лучшимъ ока-

зался первый полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Бартоломей—толстый, неуклюжій, но въ высшей степени добросовѣстный и опытный кавалеристъ. Онъ уже успѣлъ хоть нѣсколько подкормить лошадей, подтянуть солдатъ и придать имъ нѣкоторый видъ регулярнаго строя. Отецъ провозился съ этою дивизіею недѣли двѣ, стараясь посвятить ее по возможности во всѣ тонкости ожидавшихъ ихъ требованій, и затѣмъ вернулся въ Варшаву. Докладывая великому князю о результатѣ своей поѣздки, отецъ не скрылъ отъ него печальнаго состоянія, въ которомъ онъ нашелъ это войско, объяснивъ, что нынѣшніе командиры за него не отвѣтственны и закончилъ свое подробное донесеніе заявленіемъ, что первый полкъ относительно еще гораздо лучше остальныхъ. „А кто имъ командуетъ?“ спросилъ великій князь.—„Полковникъ Бартоломей“.—„Какой вздоръ!“ воскликнулъ Константинъ Павловичъ; „можетъ-ли быть что-нибудь хорошее у этого толстяка?“—„Полкъ его положительно лучше другихъ“, повторилъ отецъ, „какъ вы сами изволите въ томъ убѣдиться на смотру“.—„Не можетъ быть“, отрѣзалъ великій князь и заговорилъ о другомъ. Наступилъ, наконецъ, день грознаго смотра и началось дефилированіе полковъ новой драгунской дивизіи передъ цесаревичемъ. Избалованный выправкою и щеголеватымъ видомъ не только гвардейскихъ полковъ, но и армейскихъ войскъ, усвоившихъ издавна всѣ тончайшія условія его взыскательныхъ требованій, великій князь, хотя и подготовленный моимъ отцемъ, естественно пришелъ въ ужасъ отъ того, что̀ предстало его очамъ. Онъ пропускалъ мимо себя ряды за рядами въ мрачномъ молчаніи, не здороваясь по обыкновенію съ людьми и, когда прошелъ первый полкъ, остановилъ рукою дальнѣйшее движеніе и, среди воцарившагося мертвеннаго молчанія и какого-то всеобщаго оцѣпененія, подозвалъ полковаго командира и, остановивши на немъ свой насмѣшливый взоръ, произнесъ: „Удивляюсь, полковникъ, какъ вамъ могла прійти въ голову мысль, что вы можете служить со мною. Вложите свою шпагу и извольте ѣхать куда вамъ угодно“. Бѣдный Бартоломей молча повернулъ свою лошадь и отъѣхалъ. Смотръ возобновился. По мѣрѣ того, какъ проходилъ второй полкъ въ несравненно худшемъ видѣ, чѣмъ первый, великій князь все болѣе и болѣе хмурился и, наконецъ, не вытерпѣлъ и подозвалъ отца. „Ты былъ правъ; первый полкъ все-таки лучше другихъ; пошли вернуть Бартоломея.“ Когда вся дивизія прошла и появился Бартоломей, великій князь подъѣхалъ къ нему, протянулъ ему руку и при всѣхъ громогласно произнесъ: „Прошу у васъ извиненія, полковникъ; я погорячился и сочту за особенное удовольствіе служить съ вами“.

Подобная черта искупаетъ много тяжелыхъ минутъ и для подобныхъ характеровъ имѣетъ большое значеніе.

Въ 1816 году императоръ Александръ посѣтилъ Варшаву и пробылъ тамъ довольно долго. Понятно, что Государь, въ угоду великому князю, все хвалилъ, всѣмъ оставался доволенъ, и кромѣ того военная часть въ отно-

шеніи смотровъ и маневровъ была дѣйствительно доведена цесаревичемъ до совершенства. Тѣмъ не менѣе, онъ, по своему тревожному, нервному характеру, еще задолго до пріѣзда Государя, начиналъ такъ волноваться въ своихъ приготовленіяхъ къ встрѣчѣ, что по отъѣздѣ Императора, всякій разъ просовывалъ кулакъ подъ талью сюртука и мундира, чтобы показать, насколько онъ похудѣлъ за это время. Къ этому волненію, присущему его природѣ, примѣшивалась, по мнѣнію отца, извѣстная доля отвлеченнаго, такъ сказать, рыцарскаго сознанія, что онъ, какъ братъ Государя, могъ расчитывать на полнѣйшее снисхожденіе въ могущимъ встрѣтиться неисправностяхъ и что именно, во имя этого преимущества, чувство деликатности обязывало его быть тѣмъ исполнительнѣе и исправнѣе въ служеніи престолу и отечеству. Вотъ почему онъ въ подобныхъ случаяхъ какъ будто хвастался тѣмъ, что худѣлъ отъ тревоги и этимъ способомъ невольно зажималъ рты всѣмъ его окружающимъ, которыхъ сбивалъ съ ногъ своимъ волненіемъ. „Мыслимо ли было намъ“, говаривалъ отецъ, „жаловаться на усталость и суматоху, когда братъ Государя не зналъ минуты покоя въ его присутствіи и дрожалъ, какъ послѣдній ротный командиръ, на смотрахъ при мысли, что какое-нибудь построеніе не совсѣмъ удастся.“

Въ этотъ пріѣздъ двора въ Варшаву, случился эпизодъ, весьма знаменательный въ службѣ моего отца и достойный упоминанія главнымъ образомъ потому, что онъ характеризуетъ весьма рельефно отношенія великаго князя къ его подчиненнымъ. Вотъ что говорилъ объ этомъ мой отецъ.

„Наступилъ послѣдній день пребыванія Александра Павловича въ Варшавѣ. Вечеромъ городомъ давался роскошный балъ въ честь державнаго гостя. Государь былъ очень въ духѣ, любезенъ со всѣми, танцовалъ „тампетъ“ и, уѣхавъ съ бала, не ложился спать, разрѣшилъ еще всѣ послѣдніе доклады и представленія цесаревича, сѣлъ въ коляску и отправился въ обратный путь въ Петербургъ. Между прочимъ на балѣ Государь подходилъ и ко мнѣ и сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее: „Всякій разъ братъ мой все болѣе и болѣе доволенъ твоею службою; благодарю тебя“. Столь милостивыя слова были настолько лестны и пріятны, что я счелъ себя съ избыткомъ вознагражденнымъ за всѣ утомительныя хлопоты послѣднихъ дней. Когда Государь съ великимъ княземъ уѣхали съ бала, мы всѣ тоже немедленно воспользовались свободою и разъѣхались по домамъ. Зная, что нашъ гость долженъ въ туже ночь выѣхать, я съ наслажденіемъ раздѣлся, легъ и тотчасъ уснулъ богатырскимъ сномъ. Не прошло и часа времени, какъ вбѣжалъ мой человѣкъ и объявилъ, что великій князь меня требуетъ. Раздраженный и недовольный вскочилъ я съ постели, наскоро одѣлся и отправился во дворецъ. Меня прямо провели въ уборную, гдѣ я засталъ Константина Павловича въ креслѣ, въ бѣломъ какъ снѣгъ пикейномъ халатѣ, съ сигарою во рту и въ необыкновенно-веселомъ настроеніи духа. „Фи, какая заспанная фигура!“ встрѣтилъ онъ меня; „какъ

ты думаешь, зачѣмъ я тебя вызвалъ?"—„Не могу знать, ваше высочество". —„Ну однако?"—„Вѣроятно какая-нибудь командировка".—„Ошибся", воскликнулъ великій князь, видимо наслаждаясь моимъ недоумѣніемъ и, помучивъ меня еще нѣсколько вопросами, вдругъ объявилъ: „Вотъ зачѣмъ!" и съ этими словами вынулъ изъ-подъ полы своего халата пару полковничьихъ эполетъ. Сюрпризъ былъ дѣйствительно неожиданный, тѣмъ болѣе, что прошло не болѣе одного года, какъ я былъ произведенъ въ ротмистры; но все значеніе этой награды заключалось именно въ этомъ сердечномъ способѣ ея осуществить. Видимо, Константину Павловичу доставляло такое искреннее удовольствіе порадовать своего адъютанта этою неожиданною монаршею милостью, что онъ не могъ выдержать до слѣдующаго утра и, пославъ тотчасъ по отъѣздѣ Государя за эполетами, придумалъ всю эту обстановку. На другой день я уже явился на дежурство въ полковничьихъ эполетахъ, къ немалому изумленію всѣхъ моихъ товарищей и сослуживцевъ." Таковъ былъ разсказъ моего отца, и нельзя при этомъ не поражаться тѣмъ контрастомъ свойствъ, которыя могутъ уживаться въ одной и той же натурѣ человѣческой. И ни въ комъ подобныя противорѣчія не встрѣчались въ такомъ изобиліи, какъ въ цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ. Но при этомъ, по отзыву отца, сердечныя движенія въ немъ всегда были вполнѣ сознательны, тогда какъ его вспышки гнѣва и ярости весьма часто были результатомъ минутнаго полнѣйшаго самозабвенія и отсутствія всякаго сознанія, и самые ихъ размѣры, не соотвѣтствовавшіе нисколько ничтожности вызвавшихъ ихъ поводовъ, свидѣтельствовали подчасъ о какой-то дѣйствительной, почти психической невмѣняемости.

Ѳ. Тимирязевъ.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

къ графу А. Х. Бенкендорфу *).

1837 года.

При этихъ письмахъ слѣдующая своеручная замѣтка получателя: „Lettres, dont Sa Majesté l'Empereur Nicolas I-er a daigné m'honorer, aux mois de mai et de juin 1837, lorsqu'après une longue et douloureuse maladie il m'envoya à Fall, pour y mieux soigner le rétablissement de ma santé. J'ordonne aux propriétaires de Fall, après ma mort, de conserver soigneusement *à Fall* ces documents flatteurs de la bienveillante amitié de mon Maître adoré. A. Benckendorff.“

Т.-е.: „Письма, которыми почтилъ меня Его Величество Императоръ Николай Первый въ Маѣ и Іюнѣ 1837 года, когда, послѣ продолжительной и мучительной болѣзни, онъ послалъ меня въ Фалль для лучшаго возстановленія моего здоровья. Я приказываю владѣльцамъ Фалля послѣ моей смерти тщательно хранить *въ Фаллѣ* эти лестныя доказательства благосклонной дружбы моего обожаемаго Государя. А. Бенкендорфъ“.

1.

S-t Pétersbourg, ce 24 mai 1837.

Vous pouvez aisément vous figurer, mon cher ami, avec quelle joie j'ai reçu vos deux lettres, avec le bulletin de votre médecin. Combien ne devons-nous pas rendre grâce au Dieu de bonté pour vous

*) Нынѣшній владѣлецъ Фалля (подъ Ревелемъ), внукъ графа Бенкендорфа, свѣтлѣйшій князь Петръ Григорьевичъ Волконскій, прошлымъ лѣтомъ, въ Фаллѣ, любезно дозволилъ намъ снять списки съ этихъ писемъ. Въ слѣдующихъ книгахъ нашего изданія появятся и другія бумаги изъ Фалльскаго архива. П. Б.

avoir conservé à tous ceux qui vous aiment, parmi lesquels j'espère que vous me rangez aussi. Ouï, remercions Dieu du fond de notre âme; car c'est Lui évidemment qui a voulu que vous fussiez sauvé. Vous étiez bien mal, mon cher ami, et c'est encore avec effroi que je pense aux affreux moments que nous avons passés en proie aux angoisses.

Maintenant il ne reste plus qu'à consolider votre convalescence, et pour cela être bien sage, prudent, patient et obéissant. Vous allez avoir près de vous la princesse Hélène, qui part ces jours-ci. Elle achevera votre guérison. Je me rejouis bien de ce que le beau temps vous permet de jouir en plein des charmes de votre campagne; la satisfaction de vous sentir au lieu de toutes vos affections ne peut qu'être bienfaisante pour votre santé. Ma femme et tous les miens vous font dire mille choses. J'ai de bonnes nouvelles de mon fils de Kostroma; on le reçoit partout à merveille. Aujourd'hui il doit être à Perm. Du reste, rien de nouveau à vous dire. S'il plaît à Dieu, d'aujourd'hui en huit nous pensons nous rendre à la côte chérie, *домой*. Nos exercices vont fort bien, et le zèle fait plaisir à voir.

Mes respectueux hommages à la comtesse et à tous les vôtres. Adieu, mon cher bon ami. Que Dieu vous conserve et vous rende la santé! Croyez à la tendre amitié de votre fidèle et affectionné *N.*

С.-Петербургъ. 24 Мая 1837.

Переводъ. Легко можете себѣ представить, мой милый другъ, съ какой радостью я получилъ ваши два письма вмѣстѣ съ бюллетенемъ вашего доктора. Какъ должны мы благодарить милосердаго Бога за то, что Онъ сохранилъ васъ для всѣхъ тѣхъ, которые васъ любятъ и къ которымъ, надѣюсь, вы причисляете и меня. Да, возблагодаримъ Господа отъ глубины нашей души, такъ какъ, очевидно, Его воля была на то, чтобъ жизнь ваша была спасена. Мой милый другъ, и я до сихъ поръ съ ужасомъ думаю о тѣхъ страшныхъ минутахъ, которыя мы провели въ мучительномъ безпокойствѣ. Болѣзнь ваша была очень трудна. Теперь остается только упрочить ваше выздоровленіе, а для этого нужно быть очень благоразумнымъ, осторожнымъ, терпѣливымъ и послушнымъ. Скоро будетъ съ вами княгиня Елена [1]), которая уѣзжаетъ на дняхъ. Она довершитъ ваше исцѣленіе. Я радуюсь тому, что хорошая погода позволяетъ вамъ вполнѣ наслаждаться прелестями вашей деревни: удовольствіе чувствовать себя

---

[1]) Падчерица графа Бенкендорфа, княгиня Елена Павловна Кочубей, дочь супруги графа Бенкендорфа Елисаветы Андреевны Донецъ-Захаржевской отъ перваго ея брака съ Павломъ Гавриловичемъ Бибиковымъ.

въ центрѣ всѣхъ своихъ привязанностей должно дѣйствовать благотворно на ваше здоровье. Моя жена и всѣ домашніе поручаютъ мнѣ передать вамъ тысячу любезностей. Я получилъ хорошія вѣсти отъ моего сына изъ Костромы; его повсюду принимаютъ какъ нельзя лучше. Сегодня онъ долженъ быть въ Перми. Впрочемъ я не имѣю сообщить вамъ ничего новаго. Если Богу будетъ угодно, мы намѣрены отправиться черезъ недѣлю на милый берегъ, *домой* [2]). Военныя ученья идутъ очень хорошо, и пріятно видѣть общее усердіе. Передайте мое почтеніе графинѣ и всѣмъ вашимъ. Прощайте, мой милый и добрый другъ. Да сохранитъ васъ Богъ и да возвратитъ Онъ вамъ здоровье. Вѣрьте нѣжной дружбѣ вашего преданнаго и любящаго васъ Н

2.

S-t Pétersbourg, ce 5 juin 1837.

Je profite du départ de Lwow, pour vous remercier, mon cher ami, pour votre bonne lettre que Doubbelt m'a apporté. Que Dieu soit mille fois béni pour votre bonne convalescence! Espérons que rien ne la troublera, et ne faisons nous-mêmes rien pour cela. Je mets en tête des choses *à éviter absolument* votre projet de venir ici pour le 25 juin ou 1 juillet. Ni l'un ni l'autre ne serait raisonnable, et loin de nous faire plaisir, la certitude du mal, qui peut en résulter pour vous, nous empoisonnerait le plaisir de vous revoir. Je vous supplie donc instamment, cher ami, et en besoin je vous ordonne de renoncer à ce projet, comme pouvant détruire tout le bien que votre séjour paisible a produit. Si vers le 15 juillet tout va bien, vous pourrez, en revenant ici, avoir tout le temps pour vous préparer pour notre grand voyage.

Rien de nouveau d'ici. Tout va bien, les troupes sont superbes, et l'été paraît vouloir s'établir. Aujourd'hui nous avons rendu les derniers honneurs au pauvre Сукинъ, et nous l'avons déposé près de l'église, à côté de ses prédécesseurs morts en place. Pendant la cérémonie, au moment où le corps passait devant la troupe, la poudre a éclaté et a frappé le mât du pavillon de l'Amirauté devant mes fenêtres, fondu le mât, mais n'a pas touché le pavillon. Bel augure que j'accepte pour notre flotte. Je compte rester ici jusqu'à Mardi et retourner à mes pénates. Péterhoff est méconnaissable et devient réellement bien joli et bien beau. Vous en serez surpris. Les manoeuvres commencent le 13 près de Tsarsko-Sélo et finissent le 15.

---

[2]) Т. е. въ Петергофъ, гдѣ жила тогда императрица Александра Ѳедоровна съ дѣтьми.

Mes respectueux hommages à la comtesse et mille chose à la société. Adieu, mon cher ami; soignez-vous bien et revenez-nous tout frais et gaillard. A vous pour la vie, votre tendrement affectionné *N.*

Ma femme vous dit mille choses.

С.-Петербургъ, 5 Іюня 1837.

Переводъ. Пользуюсь отъѣздомъ Львова [3]), чтобъ поблагодарить васъ, мой милый другъ, за ваше доброе письмо, доставленное мнѣ Дубельтомъ. Тысячу разъ благодарю Бога за ваше успѣшное выздоровленіе. Будемъ надѣяться, что ничто не помѣшаетъ ему и сами не будемъ дѣлать ничего, что́ могло-бы ему помѣшать. Во главѣ того, чего вы должны безусловно избѣгать, я ставлю ваше намѣреніе пріѣхать сюда къ 25 Іюня или къ 1 Іюля [4]). И то и другое было бы неблагоразумно и не доставило бы намъ удовольствія, такъ какъ увѣренность, что вы этимъ причинили бы себѣ вредъ, отравитъ удовольствіе видѣть васъ. Поэтому настоятельно умоляю васъ, милый другъ, а въ случаѣ надобности приказываю вамъ отказаться отъ этаго намѣренія, способнаго уничтожить всю пользу, доставленную вамъ спокойнымъ образомъ жизни. Если до 15 Іюля все пойдетъ хорошо, вы успѣете, возвратившись сюда, приготовиться къ нашему большому путешествію [5]). Здѣсь ничего новаго. Все благополучно, войска въ превосходномъ состояніи, и лѣто, повидимому, установляется. Сегодня мы отдали послѣднія почести бѣдному Сукину [6]) и положили его тѣло подлѣ церкви, рядомъ съ умершими на своемъ посту его предшественниками. Во время церемоній, въ то время, какъ тѣло провозили мимо войскъ, произошолъ взрывъ пороха, который поразилъ шестъ на павильонѣ Адмиралтейства, передъ моими окнами, разсѣкъ шестъ, но не коснулся павильона. Я принимаю это за хорошее предзнаменованіе для нашего флота. Я полагаю пробыть здѣсь до Вторника и за тѣмъ возвратиться къ моимъ пенатамъ. Петергофъ неузнаваемъ; онъ дѣйствительно дѣлается красивымъ и великолѣпнымъ. Вы будете имъ удивлены. Маневры начинаются 13-го подлѣ Царскаго Села и кончаются 15-го. Передайте мое почтеніе графинѣ и тысячу любезностей всѣмъ вашимъ. Прощайте, мой милый другъ; берегите себя и

---

[3]) Извѣстный композиторъ, Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ, состоявшій адъютантомъ при графѣ Бенкендорфѣ. Онъ получилъ образованіе въ инженерномъ училищѣ при Бетанкурѣ, и памятникомъ его тогдашней поѣздки въ Фалль остался такъ называемый Львовскій мостъ, своего рода чудо строительнаго искусства: такъ онъ легокъ и изященъ. Увидавъ этотъ мостъ въ Фаллѣ, Николай Павловичъ выразился: „Это Львовъ перекинулъ свой смычокъ!" Мы надѣемся познакомить читателей Р. Архива съ автобіографическими Записками А. Ѳ. Львова.

[4]) Т. е. ко днямъ рожденія Государя и Государыни.

[5]) На Вознесенскіе маневры, въ Крымъ и на Кавказъ.

[6]) Коменданту Петропавловской крѣпости.

возвращайтесь къ намъ свѣжимъ и бодрымъ. На всю жизнь нѣжно любящій васъ Н. Жена поручаетъ передать вамъ тысячу любезностей.

3.

Péterhoff, le 19 juin 1837.

Je dois vous remercier, mon cher ami, pour trois de vos bonnes lettres, auxquelles dans le tumulte de ma vie actuelle je n'ai pu répondre plus tôt. D'abord, je remercie Dieu de vous savoir heureusement continuer votre convalescence, et je vous remercie vous d'avoir été sage et d'avoir consenti à achever votre guérison sur place.

Depuis que je vous écris, j'ai fait mon métier de perpetuo mobile, qui appartient à cette partie de l'année. J'ai été fort satisfait des troupes aux manoeuvres qui ont eu lieu pour l'entrée au camp, moins de la conduite des généraux. Cependant j'en excepte le g. Lanskoy, qui pour la première fois commandait un grand détachement et s'est parfaitement bien tiré d'affaire. Il promet de faire un excellent et intélligent officier. Le g. B * * * *, par contre, a pris peur et m'a supplié de le dispenser du commandement, ce qui est assez pitoyable. Le temps qui avait été beau jusqu'alors, vint à changer dès le premier jour, et il a fait sensiblement froid. Ce soir je vais aller en ville pour faire sortir les cadets, qui doivent être ici demain soir. Les travaux de Cronstadt avancent grandement et promettent de devenir superbes. Vous serez étonné de tout ce qui a été créé de neuf et de l'air de grandeur de tout cela. C'est surtout l'arsenal et la place qui est devant qui font un superbe effet. Cette année toutes les fortifications de terre ferme seront tout-à-fait achevées. L'on travaille à faire au fort Alexandre, qui aussi sera une belle chose dans cinq ans. La cale en granit avance aussi beaucoup. Péterhoff s'embellit extrêmement, le théâtre est achevé et fait un charmant effet.

Voilà le roi d'Angleterre mort. La reine Victoria l'a remplacé, et le duc de Cumberland—roi de Hanovre. Voyons ce que cela va produire. Orlow part le 26 pour Londres pour complimenter la nouvelle reine et voir de quoi il en retourne. Un rapport de Wéliaminow parle de nouvelles infamies anglaises, et l'on se bat chaudement, mais l'on avance, et lui a occupé Pchad, où il travaille au fort qui doit défendre ce poste important. Raïewsky aussi occupe le point appelé Adler. Voici mes nouvelles. Maintenant adieu, cher et bon ami. Portez-vous bien et revenez-nous comme старый молодецъ. A vous pour la vie de coeur et d'âme, votre tendrement affectionné *N.*

Mes respectueux hommages à la comtesse et à toutes vos dames.

Петергофъ, 19 Іюня 1837.

Переводъ. Я долженъ благодарить васъ, мой милый другъ, за три вашихъ любезныхъ письма, на которыя не могъ отвѣчать ранѣе среди окружающей меня суматохи. Прежде всего благодарю Бога за то, что ваше выздоровленіе успѣшно подвигается впередъ, а затѣмъ благодарю васъ самихъ за то, что вы были благоразумны и согласились докончить ваше леченіе на мѣстѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ переписываться съ вами, я исполнялъ свойственное этой части года perpetuo mobile. Я остался очень доволенъ войсками на маневрахъ, происходившихъ передъ выступленіемъ въ лагерь, но былъ менѣе доволенъ поведеніемъ генераловъ. Однако я дѣлаю исключеніе въ пользу г. Ланскаго, который въ первый разъ командовалъ большимъ отрядомъ и очень хорошо сдѣлалъ свое дѣло. Изъ него можетъ выйти отличный и дѣльный начальникъ. Напротивъ того, ген. Б. [1]) испугался и умолялъ меня уволить его отъ командованія, что̀ очень непріятно. Погода, которая была до тѣхъ поръ хороша, перемѣнилась съ перваго дня, и холодъ былъ довольно силенъ. Сегодня вечеромъ я ѣду въ городъ для того, чтобъ присутствовать при выпускѣ кадетъ, которые должны быть здѣсь завтра вечеромъ. Кронштадскія сооруженія сильно подвигаются впередъ и обѣщаютъ быть великолѣпными. Вы будете удивлены всѣмъ, что̀ выстроено заново и величественнымъ видомъ сооруженій. Въ особенности великолѣпное впечатлѣніе производятъ арсеналъ и находящаяся передъ нимъ площадь. Въ этомъ году будутъ совершенно окончены укрѣпленія, возводимыя на твердой землѣ. Идутъ работы въ фортѣ Александръ, который также будетъ великолѣпенъ черезъ пять лѣтъ. Гранитная пристань также много подвигается впередъ. Петергофъ очень украсился; театръ оконченъ и производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Англійскій-то король умеръ! Его замѣстила королева Викторія, а герцогъ Кумберландскій сдѣлался королемъ Ганноверскимъ. Посмотримъ, что̀ изъ этого выйдетъ. Орловъ уѣзжаетъ 26-го въ Лондонъ, чтобъ привѣтствовать новую королеву; съ чѣмъ-то онъ оттуда воротится! Донесеніе Вельяминова сообщаетъ о новыхъ низостяхъ Англичанъ. Борьба идетъ горячая, но мы подвигаемся впередъ; онъ занялъ Пшадъ и работаетъ надъ укрѣпленіемъ, который долженъ защищать эту важную позицію. Раевскій также занялъ постъ, называемый Адлеромъ. Вотъ мои новости. Теперь прощайте, мой милый и добрый другъ. Будьте здоровы и возвращайтесь сюда какъ старый молодецъ. На всегда преданный вамъ сердцемъ и душою, нѣжно любящій васъ Н. Мое почтеніе графинѣ и всѣмъ вашимъ дамамъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ одна буква Б.

4.

Péterhoff, le 25 juin 1837.

Je viens vous remercier, mon cher ami, pour trois lettres que j'ai reçues de vous, les deux dernières par Worontzow et Doubbelt ce matin. J'espère que vos voeux me porteront bonheur. Je n'ai pas besoin de vous dire que si quelque chose me manque aujourd'hui, c'est bien de vous savoir absent; mais comme j'ai la conviction que c'est pour votre bien, il faut bien que je m'en console. J'ai revu hier au théâtre la princesse Hélène et m-elle Annette avec bien grand plaisir, et tout ce qu'elles, ainsi que Worontzow, ont pu me dire m'a bien fait plaisir. Aussi continuez seulement à être bien sage pour achever votre convalescence. C'est d'autant plus essentiel par le temps déplorable que nous avons depuis voilà onze jours: depuis deux jours surtout il ne cesse de pleuvoir. Dernièrement j'ai fait une alarme au camp qui a parfaitement réussi, excepté qu'avant de rentrer nous avons été trempés jusqu'aux os, comme il ne m'est presque jamais arrivé de l'être.

Hier j'ai eu des nouvelles de mon fils qui continue fort heureusement son voyage et a été parfaitement satisfait de son séjour à Orembourg, où toutes les classes l'ont parfaitement bien reçu. L'on me dit que l'on est satisfait de lui, et cela me fait heureux.

Hier nous avons ouvert le théâtre d'ici, qui a fort bien réussi; la salle est charmante; nous avons de nouveaux sujets pour la troupe française, vraiment distingués. Aujourd'hui tout le train habituel, fort bonne parade de la garde à cheval, dîner, et ce soir il y aura bal à Monplaisir. En voilà vraiment assez pour mes 41 ans, et pardessus tout cela, une pluie battante.

Demain je vais voir à Красное Село des épreuves d'artillerie, et Lundi nous aurons grande manoeuvre d'artillerie; puis relâche jusqu'après le 1. Puis tout le train habituel, ce qui fait qu'à peine j'y suffis. Pour la clôture je vous dirai que m-elle Annette était charmante ce matin. Bien mes respects à la comtesse et à vos dames. Adieu, mon cher bon ami; à vous pour la vie de coeur et d'âme. Votre tendrement affectionné N.

Ma femme vous dit mille choses.

Петергофъ, 25 Іюня 1837.

Переводъ. Благодарю васъ, мой милый другъ, за полученные отъ васъ три письма, изъ которыхъ два послѣднихъ доставлены мнѣ сегодня утромъ Воронцо-

вымъ [8]) и Дубельтомъ. Не нахожу надобности увѣрять васъ, что если мнѣ сегодня чего либо недостаетъ, это лишь вашего присутствія; но такъ какъ я убѣжденъ, что этого требуетъ ваша польза, то нахожу въ этомъ утѣшеніе. Я снова встрѣтилъ вчера съ большимъ удовольствіемъ въ театрѣ княгиню Елену и Анету [9]) и все, чтó я узналъ отъ нихъ и отъ Воронцова, доставило мнѣ большое удовольствіе. И такъ будьте по прежнему благоразумны и выздоравливайте окончательно. Это тѣмъ болѣе необходимо, что уже одиннадцать дней какъ у насъ прескверная погода; въ особенности въ теченіе двухъ послѣднихъ дней не переставалъ идти дождь. На дняхъ я приказалъ бить въ лагерѣ тревогу, которая превосходно удалась; только на возвратномъ пути мы промокли до костей такъ, какъ прежде мнѣ еще почти никогда не случалось. Вчера я имѣлъ извѣстія отъ моего сына, который продолжаетъ свое путешествіе очень успѣшно и былъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Оренбургѣ, гдѣ всѣ классы населенія приняли его наилучшимъ образомъ. Мнѣ говорятъ, что имъ довольны, и это дѣлаетъ меня счастливымъ. Вчера здѣсь происходило открытіе театра, которое очень хорошо удалось; зала прелестна; во Французской труппѣ есть новые актеры дѣйствительно прекрасные. Сегодня все идетъ по обыкновенію: очень хорошій парадъ Конной Гвардіи, обѣдъ, а вечеромъ балъ въ Монплезирѣ. Право, этого довольно для моего 41-го года, въ особенности когда сверхъ того идетъ проливной дождь. Завтра я отправляюсь въ Красное Село присутствовать на пробахъ артиллерійской стрѣльбы, а въ Понедѣльникъ у насъ будутъ большіе артиллерійскіе маневры; затѣмъ отдыхъ до 1-го. Потомъ опять все пойдетъ своимъ чередомъ, такъ что меня съ трудомъ на все это хватаетъ. Въ заключеніе скажу вамъ, что Анета была сегодня утромъ прелестна. Мое почтеніе графинѣ и вашимъ дамамъ. Прощайте, мой милый и добрый другъ; на всегда преданный вамъ сердцемъ и душой, искренно любящій васъ Н. Жена поручаетъ сказать вамъ тысячу любезностей.

5.

Péterhoff, le 3 juillet 1837.

Je viens vous remercier, mon cher ami, en mon nom et en celui de ma femme, pour les voeux que vous nous adressez pour la 20-me année de notre mariage. Que Dieu nous accorde le bonheur de conserver notre bonheur domestique pour aussi longtemps que possible!

---

[8]) Княземъ Михаиломъ Семеновичемъ, который съ ранней молодости былъ сослуживцемъ и пріятелемъ графа Бенкендорфа. Въ Фалльскомъ паркѣ есть скамья на память о немъ, съ Воронцовскимъ гербомъ и подписью: semper immota fides.

[9]) Старшая дочь графа Бенкендорфа, нынѣ Венгерская графиня Аппони.

Je suis charmé de bonnes nouvelles que vous me donnez sur votre état. Fasse le bon Dieu que rien ne vienne troubler votre convalescence, et sous ce rapport je n'approuve pas trop vos essais en téléga avec le gros Panow. Vous saurez déjà que le 1 de juillet nous avons eu un temps affreux, qui a fait remettre l'illumination à hier. Le premier jour nous n'avons pu avoir que la parade, puis le bal masqué du soir où il y avait foule et d'excellentes figures. Hier matin un temps magnifique est venu nous consoler. Il y eut d'abord parade des cadets, puis promenade à Alexandrie, puis bal et illumination. Le jardin était plein de monde, presque comme toujours, et tout s'est parfaitement passé, sans le moindre accident. Maintenant je m'accorde huit jours de repos, pour voir la flotte et m'occuper des cadets.

Nous attendons Michel d'un moment à l'autre et avec grand plaisir. Adieu, cher bon ami. Que Dieu vous conserve! A vous pour la vie. Votre affectionné Nicolas.

Mille choses à vos dames. Ici l'on se porte parfaitement.

5.

Петергофъ, 3 Іюля 1837 года.

Переводъ. Благодарю васъ, мой милый другъ, отъ моего имени и отъ имени моей жены, за ваши пожеланія по случаю 20-ти лѣтъ нашего супружества. Да поможетъ намъ Господь сохранить наше семейное счастіе такъ долго, какъ только можно! Очень радъ хорошимъ извѣстіямъ, которыя вы намъ сообщаете о положеніи вашего здоровья. Давай Богъ, чтобъ ничто не прервало вашего выздоровленія, и въ этомъ отношеніи я не очень одобряю ваши прогулки въ телѣгѣ вмѣстѣ съ толстымъ Пановымъ. Вамъ уже должно быть извѣстно, что 1-го Іюля у насъ была отвратительная погода, заставившая отложить иллюминацію на вчерашній день. 1-го числа у насъ ничего не было кромѣ парада и вечеромъ костюмированнаго бала, на которомъ было много народа и нѣсколько прекрасныхъ костюмовъ. Вчера утромъ насъ утѣшила великолѣпная погода. Сначала былъ парадъ кадетовъ, потомъ прогулка въ Александріи, затѣмъ балъ и иллюминація. Садъ, какъ всегда, былъ полонъ посѣтителей, и все прошло безъ малѣйшихъ неудобствъ Теперь я даю себѣ недѣлю отдыха, чтобъ осмотрѣть флотъ и заняться кадетами. Мы каждую минуту ждемъ съ большимъ удовольствіемъ прибытія Михаила [10]). Прощайте, мой милый другъ. Да сохранитъ васъ Господь! Вашъ навсегда, преданный вамъ Н. Тысячу любезностей вашимъ дамамъ. Здѣсь всѣ совершенно здоровы.

[10]) Великій князь Михаилъ Павловичъ возвращался съ заграничнаго леченія.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ПЕТЕРБУРГСКІЕ СТАРООБРЯДЦЫ.

I.

Прошеніе Петербургскихъ старообрядцевъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Слезно просимъ твоего милосердія къ настоящему быту нашему въ дѣлѣ совѣсти нашей и службы Богу.

Теперь мы не имѣемъ священника, и всѣ требы у насъ не выполняются. Милосердый Государь! Совѣсть побуждаетъ насъ въ сей душевной крайности просить всемилостивѣйшаго позволенія твоего имѣть намъ священника изъ старообрядческихъ церквей съ Иргиза или изъ Москвы съ Рогожскаго кладбища, какъ мы донынѣ имѣли оныхъ священниковъ съ высочайшаго соизволенія всепресвѣтлѣйшихъ, самодержавнѣйшихъ предшественниковъ твоихъ, и какъ сіе царское соизволеніе и тобою подтверждено при священнѣйшемъ короновaніи твоемъ и паче еще освящено монаршею милостію твоею на просьбу старообрядцевъ въ Москвѣ, которымъ тебѣ благоугодно было высочайше повелѣть отъ 19-го числа минувшаго Ноября сего года, чтобы они имѣли при себѣ священниковъ и діаконовъ по прежнему. А какъ мы, Санктпетербургскіе старообрядцы, отправляемъ богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ одинаково съ Московскими старообрядцами, то сію изъявленную имъ монаршую милость обрати и на насъ, великій Государь, милосердо, согласно изъявленной уже намъ высочайшей милости твоей отъ 22-го числа минувшаго Ноября о существованіи по прежнему здѣсь въ Санктпетербургѣ моленной, называемой Королевой.

Успокоенная совѣсть наша симъ милосердіемъ твоимъ къ намъ запечатлѣетъ въ душахъ нашихъ благоговѣйное чувство благодарности и вѣчнаго моленія къ Богу о твоемъ всегдашнемъ благоденствіи и августѣйшаго дома твоего.

Всемилостивѣйшаго Государя Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшіе:

Санктпетербургскій купецъ попечитель Никита Дратвинъ.

Санктпетербургскій купецъ попечитель Сергѣй Григорьевъ Громовъ.

Санктпетербургскій купецъ попечитель Яковъ Ивановъ Кошулинъ.

Санктпетербургскій 1-й гильдіи купецъ Федулъ Григорьевъ Громовъ, а вмѣсто его, за неумѣніемъ грамотѣ, подписалъ сынъ его Василій Федуловъ Громовъ.

Ржевской купецъ и коммерціи совѣтникъ Яковъ Филатовъ.

Романо-Борисоглѣбской 1-й гильдіи купецъ Іона Ивановъ Трутневъ.

С.-Петербургской 2-й гильдіи купецъ Константинъ Королевъ.

Ржевской 2-й гильдіи купецъ Григорій Немиловъ.

С.-Петербургскій купецъ Алексѣй Малыгинъ.

Ржевской купецъ Иванъ Малыгинъ.

Ржевской купецъ Севастіанъ Долгополовъ.

С.-Петербургскій купецъ Григорій Дмитріевъ.

С.-Петербургскій купецъ Ерофей Жуковъ.

Московской 2-й гильдіи купеческій сынъ Иванъ Гречюхинъ.

Московской 2-й гильдіи купецъ Емеліанъ Мотылевъ.

Московскій купецъ Тимофей Петровъ Лавровъ.

С.-Петербургскій купецъ Ѳедоръ Егоровъ Калмыковъ.

Московскій купецъ Зиновей Дмитріевъ Буренковъ.

Верейской 2-й гильдіи купецъ Василій Мартьяновъ.

Верейской 2-й гильдіи купецъ Иванъ Лупачевъ.

С.-Петербургскій купецъ Ѳедоръ Степановъ.

С.-Петербургскій купецъ Иванъ Шариковъ.

С.-Петербургскій купецъ Самойла Вырубовъ, а вмѣсто его, за неумѣніемъ грамотѣ, по его велѣнію подписалъ сынъ его Яковъ Вырубовъ.

Генваря 13 дня
1828 года.

II.

Записка Николая Павловича статсъ-секретарю Н. Н. Муравьеву.

Призовите къ себѣ г. Громова. Внушите ему, что я вовсе не воспрещаю ихъ обществу имѣть священника, но порядочнаго, извѣстнаго и правительству, хорошей нравственности, а не бѣглаго. Дозволяю устроить и церковь по образцу старовѣрческой; но не могу никакъ согласиться на пріемъ бѣглыхъ поповъ и имѣнье моленъ вмѣсто церквей или по крайней мѣрѣ часовень.

13 Генваря 1828 г.

(Списано съ подлинниковъ, изъ старообрядческихъ дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ и поступившихъ туда вмѣстѣ съ бумагами Петербургскаго собирателя Дирина). П. Б.

НОЧЬ СЪ 17-го НА 18-е ФЕВРАЛЯ 1855 ГОДА.

Разсказъ доктора Мандта.

Между 11—12 часами, блаженной памяти Императоръ отложилъ пріобщеніе Св. Таинъ до того времени, когда будетъ въ состояніи встать съ постели *). Изъ этого видно, что самъ онъ не думалъ, чтобъ его жизни угрожала неминуемая опасность, а врачъ усматривалъ пока еще слабые признаки такой опасности въ нижней части праваго легкаго, впрочемъ еще не теряя, въ этомъ часу ночи, всякой надежды на выздоровленіе.

Сдѣлавъ всѣ нужныя медицинскія предписанія, я не раздѣваясь легъ отдохнуть на постель. Докторъ Карель долженъ былъ оставаться въ комнатѣ больнаго, пока я не приду замѣнить его въ 3 часа утра; такъ было условлено и такъ постоянно дѣлалось. Въ половинѣ третьяго я всталъ и въ ту минуту, какъ я хотѣлъ отправиться на мой печальный постъ, мнѣ подали слѣдующую, наскоро написанную карандашемъ записку:

«Умоляю васъ, не теряйте времени въ виду усиливающейся опасности. Настаивайте непремѣнно на пріобщеніи Св. Таинъ. Вы не знаете, какую придаютъ у насъ этому важность и какое ужасное впечатлѣніе произвело бы на всѣхъ неисполненіе этого долга. Вы иностранецъ,—и вся отвѣтственность падетъ на васъ. Вотъ доказательство моей признательности за ваши прошлогоднія заботы. Вамъ говоритъ это дружески преданная вамъ А. Б.»

---

*) Въ извѣстной книжкѣ графа Д. Н. Блудова изложено, какъ императрица Александра Өедоровна убѣждала больнаго супруга пріобщиться Св. Таинъ. П. Б.

Войдя въ прихожую, я повстрѣчался съ великой княгиней Маріей Николаевной (она провела эти часы на софѣ въ своей комнатѣ). Она сказала, обращаясь ко мнѣ: «У васъ должно быть все идетъ къ лучшему, такъ какъ я давно не слыхала никакого шума».

Я нашелъ доктора Кареля на своемъ посту, а положеніе высокаго больнаго показалось мнѣ почти не измѣнившимся съ 12-ти часовъ ночи. Жаръ въ тѣлѣ немного слабѣе, дыханіе было нѣсколько менѣе слышимо, нежели въ полночь. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и отвѣтовъ касательно дыханія и груди (причемъ особенное вниманіе было обращено на правое легкое, совершенно согласно съ тѣмъ, какъ оглашено въ газетахъ), докторъ Карель ушелъ для того, чтобъ воспользоваться въ теченіи нѣсколькихъ часовъ необходимымъ отдыхомъ.

Было около 10-ти минутъ четвертаго, когда я остался наединѣ съ больнымъ Государемъ въ его маленькой непріютной спальнѣ, дурно освѣщенной и прохладной *). Со всѣхъ сторонъ слышалось завываніе холоднаго сѣвернаго вѣтра. Я недоумѣвалъ и затруднялся, какъ объяснить самымъ мягкимъ и пощадливымъ образомъ мою цѣль больному, который хотя и очень страдалъ, но вовсе не считалъ своего положенія безнадежнымъ.

Такъ какъ наканунѣ того дня вечеромъ, послѣ послѣдняго медицинскаго осмотра, еще не вовсе утрачена была надежда на выздоровленіе, то я началъ съ тщательнаго изслѣдованія всей груди при помощи слуховаго рожка. Императоръ охотно этому подчинился точно такъ, какъ съ нѣкотораго времени онъ вообще подчинялся всему, чего требовала медицинская наука.

Въ нижней части праваго легкаго я услышалъ шумъ, который сдѣлался для меня такимъ же зловѣщимъ, какимъ я въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ считалъ тотъ особый звукъ голоса, который происходитъ отъ образовавшихся въ легкихъ кавернъ. Я не въ состояніи описать ни этого звука, ни этого шума; но и тотъ и другой, доходя до моего слуха, не подчинялись моему умственному анализу, а какъ будто проникали во всю мою внутренность и дѣйствовали на всѣ мои чувственные нервы. Они произвели на меня такое же впечатлѣніе, какое производитъ фальшивая нота на слухъ опытнаго музыканта. Но этотъ звукъ и этотъ шумъ уничтожили всѣ мои сомнѣнія и дали мнѣ смѣлость приступить къ рѣшительному объясненію.

---

*) Это комната въ нижнемъ этажѣ Зимняго дворца, къ сторонѣ Адмиралтейства, съ такъ-называемаго Салтыковскаго подъѣзда на лѣво. Извѣстно, что Николай Павловичъ любилъ жить въ самой простой обстановкѣ. Блескъ и пышность дворца допускалъ онъ лишь какъ принадлежность своего сана. П. Б.

Зрѣло обсудивъ, что̀ слѣдовало дѣлать въ моемъ положеніи, я вступилъ въ слѣдующій разговоръ съ Его Величествомъ. Здѣсь я долженъ обратить вниманіе на то, что замѣченный мною особый шумъ въ нижней части праваго легкаго свидѣтельствовалъ о началѣ паралича въ этомъ важномъ органѣ и что вмѣстѣ съ тѣмъ для меня угасъ послѣдній лучъ надежды. Въ первую минуту я почувствовалъ что-то похожее на головокруженіе; мнѣ показалось, что всѣ предметы стали вертѣться передъ моими глазами. Но полагаю, что сознаніе важности данной минуты помогло мнѣ сохранить равновѣсіе способностей.

«Идучи сюда, я встрѣтился съ однимъ почтеннымъ человѣкомъ, который просилъ меня положить къ стопамъ Вашего Величества изъявленія его преданности и пожеланія выздоровѣть».

— «*Кто такой*»? Больной Императоръ все всемя говорилъ громкимъ и яснымъ голосомъ, съ полнымъ обладаніемъ всѣми умственными способностями.

«Это Бажановъ *), съ которымъ я очень близокъ и почти что друженъ».

Стараясь приступить къ дѣлу какъ можно мягче, я позволилъ себѣ это уклоненіе отъ истины. Я узналъ изъ устъ Его Высочества Государя Наслѣдника, который самъ пожелалъ провести эту ночь какъ можно ближе къ больному, что названная духовная особа находилась по близости. А то, что́ я сказалъ о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ Бажанову, вполнѣ согласно съ истиной.

— «*Я не зналъ, что вы знакомы съ Бажановымъ. Это честный (braver) и вмѣстѣ съ тѣмъ добрый человѣкъ*».

Затѣмъ—молчаніе, и съ намѣреніемъ или случайно Императоръ не поддержалъ этого разговора.

«Я познакомился съ г. Бажановымъ»,—продолжалъ я, спустя минутъ пять,—«въ очень тяжелое для насъ всѣхъ время, у смертнаго одра въ Бозѣ почившей великой княгини Александры Николаевны. Вчера мы вспоминали объ этомъ времени у Государыни Императрицы, и изъ оборота, который былъ данъ разговору, мнѣ было нетрудно понять, что Ея Величеству было бы очень пріятно, если бы она могла вмѣстѣ съ г. Бажановымъ помолиться подлѣ вашей постели

---

*) Василій Борисовичъ Бажановъ, скончавшійся 31 Іюля прошлаго 1883 года. Любопытная автобіографическая записка его напечатана въ 12-й книгѣ „Историческаго Вѣстника“ 1883 года. Къ сожалѣнію она обрывается на поступленіи духовникомъ къ Государю (5 Декабря 1848 года). Послѣ первой у него исповѣди, Николай Павловичъ отозвался, что онъ въ первый разъ въ жизни исповѣдался. Бажановъ пережилъ на 28 лѣтъ своего державнаго духовнаго сына и всегда съ любовію вспоминалъ о живомъ его благочестіи. П. Б.

объ умершей дочери и вознести къ Небу мольбы о вашемъ скоромъ выздоровленіи».

По выраженію глазъ Императора я тотчасъ замѣтилъ, что онъ понялъ значеніе моихъ словъ и даже одобрилъ ихъ. Онъ устремилъ на меня свои большіе, полные, блестящіе и неподвижные глаза и произнесъ слѣдующія простыя слова, немного приподнявъ и поворотивъ ко мнѣ голову:

— *«Скажите же мнѣ, развѣ я долженъ умереть?»*

Эти слова прозвучали среди ночнаго уединенія какъ голосъ судьбы. Они точно будто держались въ воздухѣ, точно будто читались въ устремленныхъ на меня своеобразныхъ большихъ глазахъ, точно будто гудѣли съ отчетливою ясностью металическаго звука въ моихъ ушахъ.

Три раза готовъ былъ вырваться изъ моихъ устъ самый простой отвѣтъ, какой можно дать на такой простой вопросъ, и три раза мое горло какъ-будто было сдавлено какой-то перевязкой: слова замирали, не издавая никакого понятнаго звука. Глаза больнаго Императора были упорно устремлены на меня. Наконецъ, я сдѣлалъ послѣднее усиліе и отвѣчалъ:—«Да, Ваше Величество!»

Почти немедленно вслѣдъ затѣмъ Императоръ спросилъ:

— *«Что́ нашли вы вашимъ инструментомъ? Каверны?»*

«Нѣтъ, начало паралича». — Въ лицѣ больнаго не измѣнилась ни одна черта, не дрогнулъ ни одинъ мускулъ, и пульсъ продолжалъ биться по прежнему! Тѣмъ не менѣе я чувствовалъ, что мои слова произвели глубокое впечатлѣніе: подъ этимъ впечатлѣніемъ мощный духъ Императора точно будто старался высвободиться изъ-подъ мелочныхъ заботъ и огорченій здѣшняго ничтожнаго міра.

Было ясно, что въ теченіи всей болѣзни это случилось въ первый разъ въ эту минуту, которую почти можно назвать священной. Глаза Императора устремились прямо въ потолокъ и по крайней мѣрѣ въ продолженіи пяти минутъ оставались неподвижными; онъ какъ будто во что-то вдумывался.

Затѣмъ онъ внезапно взглянулъ на меня и спросилъ:

— *«Какъ достало у васъ духу высказать мнѣ это такъ рѣшительно?»*

— «Меня побудили къ этому, Ваше Величество, слѣдующія причины. Прежде всего и главнымъ образомъ я исполняю данное мною обѣщаніе. Года полтора тому назадъ вы мнѣ однажды сказали: *«Я требую, чтобъ вы мнѣ сказали правду, еслибъ настала та минута въ данномъ случаѣ.»* Къ сожалѣнію, Ваше Величество, такая минута настала. Вовторыхъ я исполняю горестный долгъ по отношенію къ Мо-

нарху. Вы еще можете располагать нѣсколькими часами жизни, вы находитесь въ полномъ сознаніи и знаете, что нѣтъ никакой надежды. Эти часы Ваше Величество, конечно, употребите иначе, чѣмъ какъ употребили бы ихъ, еслибы не знали положительно, что васъ ожидаетъ; по крайней мѣрѣ такъ мнѣ кажется. Наконецъ, я высказалъ Вашему Величеству правду, потому что люблю васъ и знаю, что вы въ состояніи выслушать ее.»

Больной Императоръ спокойно внималъ этимъ словамъ, которыя я произнесъ почти безъ перерыва, слегка нагнувшись надъ его постелью. Онъ ничего не отвѣчалъ, но его глаза приняли кроткое выраженіе и долго оставались устремленными на меня. Сначала я выдерживалъ его взглядъ, но потомъ у меня выступили слезы и стали медленно катиться по лицу.

Тогда Императоръ протянулъ ко мнѣ правую руку и произнесъ простыя, но на вѣки незабвенныя слова:

— «*Благодарю васъ.*»

Слово *благодарю* было произнесено съ особымъ удареніемъ. Послѣ того Императоръ перевернулся на другую сторону, лицомъ къ камину, и оставался неподвиженъ.

Минутъ черезъ 6 или 8, онъ позвалъ меня, назвалъ по имени, и сказалъ: «*Позовите ко мнѣ моего старшаго сына*».

Я исполнилъ это пріятное порученіе (willkommene Botchaft), не уходя далѣе прихожей, и распорядился, чтобъ меня извѣстили, лишь только прибудетъ Его Императорское Высочество.

Когда я возвратился къ постели больнаго Императора, онъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ, такимъ голосомъ, въ которомъ не было замѣтно никакой перемѣны:

— «*Не позабудьте извѣстить остальныхъ моихъ дѣтей и моего сына Константина. Только пощадите Императрицу*».

«Ваша дочь Великая Княгиня Марія Николаевна провела ночь, какъ я самъ видѣлъ, на кожаномъ диванѣ въ передней комнатѣ и находится здѣсь въ настоящую минуту».

Вскорѣ прибылъ Его Высочество Наслѣдникъ; по его приказанію, извѣстили обо всемъ Императрицу; прибылъ и духовникъ, которому я сообщилъ о моей попыткѣ подготовить Императора къ пріобщенію Св. Таинъ. Съ той минуты, какъ былъ исполненъ этотъ долгъ (въ половинѣ 5-го) и до смерти (20 минутъ 1-го) умирающій отецъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ минутныхъ перерывовъ, видѣлъ своего старшаго сына стоявшаго на колѣняхъ у его постели и держалъ свою руку въ его рукѣ, чтобъ облегчить эту послѣднюю земную борьбу на столько, на сколько это позволяютъ законы природы.

Высокій больной началъ исполнять обязанности христіанина; затѣмъ слѣдовало исполненіе обязанностей отца, императора, и, наконецъ, даже милостиваго хозяина дома, такъ какъ онъ простился со всѣми своими служителями и каждаго изъ нихъ осчастливилъ прощальнымъ словомъ.

Такая смерть и такое почти превышающее человѣческія силы всестороннее исполненіе своего долга возможны только тогда, когда и больной, и его врачъ отказались отъ всякой надежды на выздоровленіе и когда эта печальная истина была высказана врачемъ и принята больнымъ съ одинаковою рѣшимостью.

Я считаю моимъ долгомъ записать здѣсь еще два вопроса, съ которыми умирающій Монархъ обратился ко мнѣ утромъ того дня (между 9-ю и 11-ю часами) и которые служатъ доказательствомъ того, съ какимъ удивительнымъ душевнымъ спокойствіемъ, съ какимъ непоколебимымъ мужествомъ и силою воли онъ смотрѣлъ въ лицо смерти.

Первый изъ этихъ вопросовъ былъ слѣдующій: «*Потеряю-ли я сознаніе, или не задохнусь-ли я?*»

Изъ всѣхъ болѣзненныхъ симптомовъ ни одинъ не былъ такъ противенъ Императору, какъ потеря сознанія; я зналъ это, потому что онъ не разъ мнѣ объ этомъ говорилъ.

Я понималъ всю важность этого вопроса, который былъ сдѣланъ самымъ спокойнымъ голосомъ; но внезапное рыданіе помѣшало мнѣ тотчасъ отвѣчать, и я былъ вынужденъ отвернуться. Только нѣсколько времени спустя я былъ въ состояніи отвѣчать:

«Я надѣюсь, что не случится ни того, ни другаго. Все пойдетъ тихо и спокойно».

— «*Когда вы меня отпустите?*»

Его Высочество былъ такъ добръ, что повторилъ мнѣ вопросъ, котораго я сначала не разслышалъ.

— «*Я хочу сказать*, присовокупилъ Императоръ, *когда все это кончится?*»

Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ заниматься медицинской практикой, я никогда еще не видѣлъ ничего хоть сколько нибудь похожаго на такую смерть; я даже не считалъ возможнымъ, чтобъ сознаніе въ точности исполненнаго долга, соединенное съ непоколебимою твердостью воли, могло до такой степени господствовать надъ той роко-

вой минутой, когда душа освобождается отъ своей земной оболочки, чтобъ отойти къ вѣчному покою и счастію; повторяю, я считалъ бы это невозможнымъ, еслибъ я не имѣлъ несчастія дожить до того, чтобъ все это увидѣть.

Изложено въ письмѣ къ близкому лицу за границу. Переведено съ неизданной Нѣмецкой рукописи.

Записка, вслѣдствіе которой Мандтъ рѣшился объявить Государю истину, приведена у него во Французскомъ подлинникѣ, именно: Je vous supplie, ne laissez pas aller les choses à mesure que le danger augmentera. Obtenez, insistez sur la Communion. Vous ne savez pas à quel point on y tient chez nous et quel affreux effet cela peut faire. Vous êtes étranger: tout retombera sur vous. Voilà une preuve de la reconnaissance que je vous ai vouée pour vos soins de l'année passée. C'est d'une amie de vous que cela vient. A. B.

Въ 1854 году Мандтъ успѣшно лечилъ отца той особы, которая писала эти строки. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА *).

Скоро по полученіи увольненія, г. Раевскій уѣхалъ съ семействомъ въ Карасанъ, имѣніе жены его на южномъ берегу Крыма. Тамъ онъ прожилъ года четыре и успѣлъ поссориться съ графомъ Воронцовымъ за пристрастное рѣшеніе его спора съ сосѣдними Татарами. Въ письмѣ къ графу Воронцову, Раевскій писалъ почти слѣдующее: «Я не прошу ни милости, ни даже справедливости вашей въ моемъ дѣлѣ. Я прошу только, чтобы вы, по добротѣ къ моему отцу и по всегдашнему ко мнѣ расположенію, признали меня Татариномъ. Тогда я и самъ найду вашу справедливость». Надобно признаться, что въ дѣлѣ этомъ Раевскій былъ не правъ. Кажется, въ послѣднее время характеръ его сдѣлался желчнымъ и раздражительнымъ. Такъ онъ разошелся съ Пушкинымъ (Львомъ), и не по винѣ послѣдняго. Кажется, въ 1845 г. Раевскій скончался отъ рака въ щекѣ, одинъ, въ имѣніи жены своей, въ Воронежской губерніи. Миръ душѣ его!....**)

Наканунѣ его выѣзда изъ Керчи пріѣхалъ его преемникъ. Я, какъ начальникъ штаба, поспѣшилъ къ нему явиться. Это было вечеромъ. Я долженъ былъ отвѣчать на множество вопросовъ, иногда довольно наивныхъ, которые показали мнѣ, что мой новый начальникъ вступаетъ въ темный лѣсъ. Съ нимъ былъ его личный адъютантъ Колюбакинъ, съ которымъ я уже встрѣчался въ Ставрополѣ. Изъ манеры его вмѣшательства въ разговоръ, я увидѣлъ, что при своемъ генералѣ il a le droit d'insolence***). Когда я сказалъ, что изъ четырехъ

---

*) См. 5 и 6 кн. Р. Архива 1883 г.

**) Н. Н. Раевскій скончался лѣтомъ 1843 года, но не отъ рака, а отъ какой-то накожной болѣзни на головѣ. Смерть постигла его на пути въ чужіе края, куда онъ ѣхалъ лѣчиться. П. Б.

***) Оно пользуется правомъ быть наглу.

нашихъ пароходовъ два только въ дѣйствіи, а два остальные по очереди осматриваются и чинятся въ Севастополѣ, Анрепъ сказалъ, что нужно просить адмирала Лазарева о приказаніи такъ исправить наши пароходы, чтобы они не имѣли надобности въ починкѣ. Колюбакинъ весело сказалъ: «Идея!.... Завтра же прикажу своему сапожнику, такъ вычинить мои старые сапоги, чтобы они уже болѣе не рвались».

Попробую сказать мое мнѣніе объ Анрепѣ, конечно не по первому впечатлѣнію, а по тому, какъ я узналъ его въ два года.

Іосифъ Романовичъ Камеке фонъ-деръ Геэ-Генантъ - Вольфеншильдъ-фонъ-Анрепъ происходилъ изъ старой Остзейской дворянской фамиліи. Въ послѣдствіи, къ его длинному имени Государь предоставилъ ему присоединить: графъ фонъ-Эльмптъ (имя и титулъ его супруги). Онъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и былъ камерпажемъ, кажется, въ началѣ царствованія Александра Павловича; потомъ онъ былъ адъютантомъ Дибича, а послѣ командиромъ кавалерійскаго полка. Этимъ полкомъ онъ командовалъ съ большимъ отличіемъ въ мирное время, а въ Турецкую войну 1828—1829 г., предъ назначеніемъ на Береговую Линію, онъ былъ начальникомъ Джаро-Бѣлоканской области и Лезгинской кордонной линіи. Тамъ онъ не удовольствовался охраненіемъ Грузіи отъ вторженія Лезгинъ, живущихъ по сѣверную сторону хребта, но предпринялъ покореніе этихъ враждебныхъ обществъ не оружіемъ, а силою своего краснорѣчія. Объ этомъ онъ просилъ разрѣшенія Головина, который представлялъ Государю. Совершенно для меня непонятно то, что ему предоставили ѣхать съ этой проповѣдью къ немирнымъ горцамъ; выражено только сомнѣніе въ успѣхѣ. Объ этой поѣздкѣ, со множествомъ эпизодовъ, Колюбакинъ, бывшій съ своимъ генераломъ, разсказывалъ съ большимъ юморомъ. Съ ними были переводчикъ и человѣкъ десять мирныхъ горцевъ, конвойныхъ. Они проѣхали въ непріятельскомъ краѣ десятка два верстъ. Одинъ пѣшій Лезгинъ за плетнемъ выстрѣлилъ въ Анрепа почти въ упоръ. Пуля пробила сюртукъ, панталоны и бѣлье, но не сдѣлала даже контузіи. Конвойные схватили Лезгина, который конечно ожидалъ смерти; но Анрепъ, заставивъ его убѣдиться въ томъ, что онъ невредимъ, приказалъ его отпустить. Вѣсть объ этомъ разнеслась по окрестности. Какой-то старикъ, вѣроятно важный между туземцами человѣкъ, подъѣхалъ къ нему и вступилъ въ разговоръ, чтобы узнать, чего онъ хочетъ? «Хочу сдѣлать васъ людьми, чтобы вы вѣровали въ Бога и не жили подобно волкамъ».—«Чтó же, ты хочешь насъ сдѣлать христіанами?»—«Нѣтъ, оставайтесь магометанами, но только не по имени, а исполняйте ученіе вашей вѣры».

Послѣ довольно продолжительной бесѣды, горецъ всталъ съ бурки и сказалъ очень спокойно: «Ну, генералъ, ты сумасшедшій; съ тобой безполезно говорить.»

Я догадываюсь, что это-то убѣжденіе и спасло Анрепа и всѣхъ его спутниковъ отъ вѣрной погибели: горцы, какъ и всѣ дикари, имѣютъ религіозное уваженіе къ сумасшедшимъ. Они возвратились благополучно, хотя конечно безъ всякаго успѣха.

Кто знаетъ Кавказъ, тотъ пойметъ, сколько нужно было неустрашимости, самопожертвованія и сумасбродства, чтобы пуститься на такое предпріятіе, которое ни въ какомъ случаѣ не могло имѣть успѣха, а изъ тысячи шансовъ одинъ такой, что проповѣдникъ не погибнетъ или не будетъ взятъ въ плѣнъ со всѣми своими спутниками. Такой подвигъ живо напоминаетъ Донъ-Кихота, отворившаго клѣтку льва и вызвавшаго его на честный бой. Анрепъ былъ рыцарь, но не плачевнаго образа. Высокій ростомъ, прекрасно сложенный, съ чертами лица пріятными и выразительными, онъ имѣлъ манеры изящныя, держалъ себя благородно и независимо. Въ его выраженіи было всегда что-то восторженное. Вообще воображеніе уносило его часто за предѣлы дѣйствительности. Оставаясь одинъ, онъ нерѣдко видѣлъ то, чего передъ нимъ не было, велъ разговоръ въ слухъ и произносилъ цѣлые монологи съ живой жестикуляціей. Умственныя способности и образованіе были не выше средняго уровня. Во всѣхъ дѣлахъ онъ прежде всего привязывался къ мелочамъ, изъ-за которыхъ ему не всегда видна была самая важная сторона дѣла. Онъ былъ честенъ и храбръ, опасность для него не существовала. Мнѣ случалось видѣть его подъ градомъ пуль, окруженнаго убитыми и ранеными, разговаривающаго спокойно и съ досаднымъ добродушіемъ. Анрепъ былъ добръ и со всѣми учтивъ. Я сказалъ бы, что онъ былъ и справедливъ, еслибы онъ не былъ пристрастенъ къ Нѣмцамъ. Вообще онъ былъ Остзейскій рыцарь до мозга костей. Въ его гербѣ было множество предметовъ, о которыхъ онъ мнѣ разсказалъ легенды. На его вопросъ, какой у меня гербъ? я отвѣчалъ шутя: «громъ въ чистомъ полѣ».—«Т. е. туча и молнія? —«Ничего нѣтъ: просто громъ.»—«Гм! значитъ у васъ совсѣмъ нѣтъ герба!» Это кажется его очень удивило.

Мадамъ Анрепъ, урожденная графиня Эльмптъ, особа совсѣмъ другаго рода. Она очень умная, великосвѣтская дама. При дворѣ и въ Петербургской аристократіи у нея было много короткихъ связей, чрезъ которыя она много разъ умѣла выручать своего мужа изъ неловкихъ положеній. Вообще она имѣла на него большое, но не дурное вліяніе. Она была уже не въ первой молодости, но сохранила свѣжесть и миловидность Бальзаковской 30 ти-лѣтней красавицы. Когда чрезъ нѣ-

сколько мѣсяцевъ семейство Анрепа пріѣхало въ Керчь, я бывалъ у нихъ почти каждый день и всегда видѣлъ между супругами дружбу и полную гармонію. Дѣти у нихъ были прекрасныя, и мать ихъ очень хорошо вела, хотя не всѣхъ одинаково любила.

Какъ нарочно, вслѣдъ за пріѣздомъ новаго начальника, посыпались съ Береговой Линіи непріятныя донесенія. Въ Тенгинское и Навагинское укрѣпленія горцы нѣсколько дней стрѣляли изъ ружей, вѣроятно, взятыхъ въ 1840 г. въ нашихъ укрѣпленіяхъ. Въ порохѣ и снарядахъ у нихъ не было недостатка, и они очень ловко устраивали на горахъ свои батареи, такъ что наша артиллерія не могла имъ сдѣлать почти никакого вреда. Кромѣ взятаго ими въ укрѣпленіяхъ, горцы получали порохъ Англійской работы, на контрабандныхъ судахъ. Въ этомъ снабженіи и подстрекательствѣ несомнѣнно участвовали Англичане. У Убыховъ и Шапсуговъ жилъ тогда Белль, Англичанинъ, котораго судно, Wixen, было взято нашимъ крейсеромъ въ 1834 г., въ Суджукской бухтѣ. Было извѣстно тоже о другомъ Англичанинѣ, Уркартѣ, имѣвшемъ близкое отношеніе къ Англійскому посольству въ Константинополѣ. Наконецъ, въ 1839 г. тайно пріѣхалъ къ горцамъ Лонгуортъ, секретарь того посольства. О всѣхъ этихъ замыслахъ и проискахъ мы имѣли прямое извѣстіе отъ нашего посланника въ Константинополѣ. Онъ прислалъ къ намъ двухъ своихъ агентовъ братьевъ, Андрея Хай-Джибермесова и Александра Давидсона. Это были два Черкескихъ мальчика, взятыхъ на воспитаніе миссіонерами Шотландской колоніи Каррасъ (близь Пятигорска). Они приняли христіанскую вѣру, научились грамотѣ поанглійски и порусски и отправились въ Царьградъ искать счастія. Тамъ они служили двойными шпіонами въ обоихъ посольствахъ и ознакомились со всѣми подробностями Англійской интриги. Г. Раевскій объявилъ Белля внѣ покровительства законовъ и назначилъ цѣну за его голову. Это надѣлало много шуму въ Европѣ, особливо когда Белль издалъ свое сочиненіе о пребываніи у горцевъ, переведенное и на Французскій языкъ. Въ этомъ сочиненіи есть много любопытныхъ свѣдѣній о горцахъ, а еще болѣе клеветы и умышленной лжи, высказанной съ остервенѣлою ненавистью къ Россіи.

Къ счастію, бомбардированіе двухъ укрѣпленій не сдѣлало другаго вреда, кромѣ пробитія ядрами казармъ во многихъ мѣстахъ. Въ Тенгинскомъ ядро разбило въ щепы колыбель, въ которой, къ счастію, не было тогда младенца. Это обстоятельство дало Анрепу поводъ выставить, до какой степени рановременна была всякая мысль объ учрежденіи при укрѣпленіяхъ гражданскаго населенія. Съ тѣхъ поръ объ этомъ проэктѣ Раевскаго уже болѣе и не поминалось.

Волненіе между горцами распространилось по всей линіи, и видно было, что возбужденіе враждебной предпріимчивости происходило изъ одного общаго источника. Въ тоже время Убыхи сдѣлали вторженіе въ Абхазію, но успѣли только сжечь нѣсколько малыхъ ауловъ. Они проходили въ оба пути мимо укрѣпленія Гагръ, чрезъ ущелье р. Жоадзехъ, заросшее лѣсомъ. Переходъ этотъ очень труденъ и возможенъ только въ одномъ мѣстѣ, по которому крѣпостная артиллерія не можетъ дѣйствовать, а гарнизонъ такъ слабъ, что не можетъ и думать о вылазкѣ противъ партіи, въ которой около 1.000 человѣкъ, хотя мѣсто переправы не болѣе двухъ верстъ отъ укрѣпленія.

Весною слабы гарнизоны и во всѣхъ укрѣпленіяхъ. Въ лѣтнія жары и осенью больныхъ лихорадкою очень много; но, по нуждѣ, больной можетъ стать съ ружьемъ на брустверѣ, въ случаѣ нападенія. Зимою болѣзни вообще ожесточаются, а весной имѣютъ несчастный исходъ. Тогда можно надѣяться только на здоровыхъ, а ихъ ряды бываютъ очень разрѣжены. Успѣхъ горцевъ въ одномъ мѣстѣ могъ повлечь за собою послѣдствія какъ въ 1840 г., если не хуже.

Болѣе серьезное покушеніе сдѣлано было Убыхами противъ укр. Головинскаго. Ихъ партія, до 2000 человѣкъ, собралась скрытно въ балкѣ, отдѣляющейся отъ укрѣпленія небольшимъ возвышеніемъ къ С. В-ку. Горцы знали, что днемъ крѣпостные ворота бываютъ отворены. Въ полдень десятка два конныхъ выскакали изъ-за возвышенія и во весь духъ бросились по берегу моря мимо одного изъ блокгаузовъ, къ воротамъ. По счастливой случайности, воинскій начальникъ приказалъ только передъ этимъ запереть ворота; удальцы расчитывали, вскочивъ въ укрѣпленіе, произвести замѣшательство, а въ то время конная партія сдѣлаетъ открытое нападеніе. Видя неудачу, конные пустили лошадей во весь опоръ, съ гласиса заставили ихъ сдѣлать отчаянный скачекъ чрезъ ровъ, на днѣ котораго были заостренныя палисады. Лошади конечно не могли перепрыгнуть и были ими проткнуты, а отчаянные горцы, въ тоже мгновеніе, бросились на эскарпъ и вскочили на брустверъ. Все это было сдѣлано съ невѣроятною стремительностію, но гарнизонъ былъ уже готовъ: удальцы заколоты штыками на брустверѣ, а атака пѣшей партіи отряжена безъ потери съ нашей стороны.

Я счелъ нужнымъ описать этотъ отчаянный подвигъ удальцовъ, чтобы показать, съ какимъ врагомъ мы имѣли дѣло. Я уже сказалъ, что Убыхи были самымъ храбрымъ и предпріимчивымъ народомъ изъ племени Адехè. Ихъ вражда къ намъ доходила до крайняго фанатизма и до сумасбродства, которыя возбуждали къ предпріимчивости и остальныхъ менѣе воинственныхъ горцевъ этого края.

Одновременно съ этимъ произошли безпорядки въ Цебельдѣ. Князья Шабатъ и Баталбей Маршани собрали шайку разнаго сброда, грабили въ Цебельдѣ и въ Абхазіи, гдѣ находили много сторонниковъ. Генералъ Муравьевъ настоятельно просилъ обезпечить Абхазію отъ Убыховъ постройкою башни въ ущельѣ Жоадзехъ и дать ему средства для движенія въ Цебельду и Далъ, для прекращенія безпорядковъ. Первое было очевидно необходимо; польза послѣдняго сомнительна, потому что шайка разбойниковъ всегда уйдетъ, а держать постоянно войска въ Цебельдѣ было невозможно. Однако Анрепъ не рѣшился въ этомъ отказать.

Донося объ этомъ своему Кавказскому начальству и представляя копію въ Петербургъ, Анрепъ просилъ позволенія отложить предполагаемое въ этомъ году занятіе линіи отъ Varениковой пристани къ форту «Раевскій» и дать ему время осмотрѣться.

Мы отправились на пароходѣ по Береговой Линіи. Видно было, что Анрепъ не ожидалъ такихъ размѣровъ своего командованія. Не разъ ему приходилось отдать справедливость своему предмѣстнику, который съумѣлъ сдѣлать возможнымъ такое развитіе новаго края. Новороссійскъ, благодаря разумной дѣятельности контръ-адмирала Серебрякова, принималъ видъ красиваго города. При меньшей враждебности горцевъ, тамъ начинали развиваться торговля и промышленность. Въ огромной бухтѣ, обрамленной горами, стояло болѣе десяти военныхъ и частныхъ судовъ. Вездѣ была видна большая дѣятельность. Геленджикъ принималъ тоже приличный видъ, хотя много еще оставалось въ немъ грязныхъ лачужекъ прежняго времени. Среднія укрѣпленія, въ которыхъ зданія, кромѣ пороховыхъ погребовъ, сосновыя, срубленныя въ Таганрогѣ, содержались въ большой чистотѣ и порядкѣ. Разсаженные внутри укрѣпленій деревцы, растенія и цвѣты, и виноградъ, вьющійся по трельяжу, давали укрѣпленіямъ видъ какихъ-то аббатствъ. Эта была уже непосредственная работа г. Раевскаго, который самъ развозилъ на пароходѣ и самъ распоряжался разсадкою всѣхъ этихъ растеній. Къ Югу отъ Навагинскаго укрѣпленія картина измѣняется, природа дѣлается роскошнѣе, а укрѣпленія съ строеніями, сдѣланными изъ мѣстныхъ матеріаловъ и при скудныхъ средствахъ, глядятъ гнило и мизерно. Въ довершеніе всего, войска, расположенныя въ Абхазіи, не получали довольствія, которое Раевскій умѣлъ выхлопотать для остальныхъ по морскому положенію. Одно, что́ непріятно поразило новаго начальника—это санитарное состояніе войскъ и особливо въ Абхазіи. Сухумъ казался каменнымъ гробомъ: нельзя было встрѣтить свѣжаго, здороваго лица, а еще лѣто и не начиналось.

По возвращеніи въ Керчь, г. Анрепъ сдѣлалъ, въ видѣ обозрѣнія, донесеніе обо всемъ, имъ найденномъ, и просилъ разрѣшенія въ этомъ году удовольствоваться только довершеніемъ работъ въ Новороссійскѣ, постройкою башни въ ущельѣ Жоадзехъ, гдѣ горцы могутъ переходить въ Абхазію, минуя Гагры; а осенью, когда спадутъ жары, собрать отрядъ въ укр. Св. Духа и двинуться сухимъ путемъ чрезъ землю Убыховъ для наказанія этого народа и чтобы разрушить обаяніе, которымъ онъ пользовался для возбужденія другихъ горцевъ противъ насъ. Прибывъ въ укр. Навагинское, отрядъ долженъ былъ построить на горѣ каменную башню, которая бы болѣе открыла мѣстность и сдѣлала невозможнымъ возобновленіе бомбардированія этого укрѣпленія. Послѣднее предпріятіе было очень серьезное и требовало довольно значительнаго отряда, который предполагалось перевезти въ укр. Св. Духа на судахъ Черноморскаго флота.

Высочайшее соизволеніе не замедлило, и мы тотчасъ же принялись за приготовленія. Въ распоряженіе ген. Муравьева назначены были два Черноморскихъ казачьихъ полка и 3-й баталіонъ Тенгинскаго полка, для постройки башни въ Грахъ. Г. Анрепъ предоставилъ ему, въ случаѣ необходимости, употребить часть этихъ войскъ для движенія въ Цебельду. Эти войска были на нашихъ пароходахъ и судахъ перевезены въ Гагры, въ началѣ Мая. Тенгинскимъ баталіономъ командовалъ подполковникъ Данзасъ, секундантъ А. С. Пушкина, отличный боевой офицеръ, свѣтски образованный, но крайне лѣнивый и, къ сожалѣнію, притворявшійся гоне́. Однимъ изъ пѣшихъ казачьихъ полковъ командовалъ войсковой старшина Бабичъ, котораго только впослѣдствіи мнѣ суждено было коротко узнать и оцѣнить по достоинству. Еще два пѣшихъ казачьихъ полка были доставлены въ Новороссійскъ, гдѣ предстояли невоенныя работы.

Въ Керчи, осмотрѣвшись, г. Анрепъ былъ пораженъ разнообразіемъ предметовъ своего управленія, и всего болѣе огромностію суммъ, проходящихъ чрезъ его управленіе. Этихъ суммъ бывало до 2-хъ милліоновъ въ годъ. Въ Керчи не было уѣзднаго казначейства; поневолѣ наши суммы должны были храниться въ частномъ домѣ, занимаемомъ управленіемъ безъ многихъ изъ тѣхъ мѣръ, которыя требуются для безопасности казенныхъ суммъ. При томъ же, въ самомъ расходованіи и разсылкѣ суммъ приходилось часто дѣлать отступленія отъ законнаго порядка, поспѣшности распоряженій, такъ какъ всѣ сообщенія съ Береговой Линіей дѣлались на пароходахъ, которые не имѣли опредѣленныхъ дней отхода. Я, кажется, уже сказалъ, что казначеемъ былъ провіантскій чиновникъ Еф. Герас. Лаврикъ, говорившій о себѣ, что учился грамотѣ на мѣдные гроши. Онъ былъ человѣкъ пожилой,

семейный, простой и честный. Онъ отлично велъ свое дѣло и 23 шнуровыя книги. Въ добавокъ къ 600 рубл. окладнаго жалованья, ему позволено было держать тысячъ до 40 свободныхъ казенныхъ денегъ въ серіяхъ вмѣсто кредитныхъ билетовъ. Никогда никакихъ безпорядковъ, начетовъ и жалобъ на него не было. Какая-то закваска честности и самоуваженія была положена во все управленіе Береговой Линіи. Съ того времени прошло 37 лѣтъ (1878), но я и до сихъ поръ съ наслажденіемъ и гордостію вспоминаю это время. Думаю, что это чувство раздѣляютъ со мною мои дорогіе сослуживцы, если кого-нибудь смерть до сего времени пощадила. Какъ бы то ни было, начальнику Береговой Линіи дѣйствительно было о чемъ задуматься; но и тутъ г. Анрепъ обратилъ особенное вниманіе только на способъ расходованія денегъ, на довольствіе писарей и выписныхъ командъ, ожидавшихъ отправленія къ своимъ частямъ. Этимъ довольствіемъ завѣдывалъ бравый унтеръ-офицеръ Лойко, человѣкъ пожилой, строгій и распорядительный. Надзоръ за нимъ имѣлъ дежурный штабъ-офицеръ маіоръ Миргородскій. Нижніе чины получали отъ казны продовольствіе по морскому положенію. Пища ихъ была не только хороша, но роскошна, такъ что когда я былъ прапорщикомъ и получалъ въ годъ 450 р. асс. жалованья, я не смѣлъ и мечтать о такой роскоши. Съ годъ Анрепъ возился съ учетомъ этихъ расходовъ и не разъ говорилъ мнѣ, что Лойко не даетъ ему спать спокойно. Наконецъ, бросилъ.

Съ новымъ начальникомъ мнѣ прибавилось много работы: самъ онъ ничего не писалъ. Работа меня не тяготила, я былъ молодъ и здоровъ. Навыкъ къ работѣ и особенно полное довѣріе г. Анрепа, при отсутствіи всякой формальности, значительно облегчали мой трудъ.

Лѣто 1841 г. прошло безъ особенныхъ событій. Вырубка лѣса въ ущельи Жоадзехъ и постройка тамъ башни сдѣланы Муравьевымъ безъ выстрѣла, но въ Абхазіи и Цебельдѣ безпорядки продолжались. Г. Муравьевъ нашелъ нужнымъ воспользоваться даннымъ ему позволеніемъ двинуться съ отрядомъ въ Цебельду. Онъ составилъ его изъ трехъ баталіоновъ, нѣсколькихъ горныхъ единороговъ и Абхазской милиціи, конной и пѣшей. До укр. Марамбы онъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія: враждебныя партіи, какъ и слѣдовало ожидать, укрылись въ Дальское ущелье. Муравьевъ сталъ ихъ преслѣдовать, кажется, именно потому, что это было очень трудно. Можно догадываться, что въ его воображеніи носились тогда Суворовъ, С-тъ Готардъ, Чортовъ мостъ... Горцы очевидно не ожидали движенія отряда въ Далъ и потому, когда войска изъ долины Амшкяля повернули къ Багадѣ,

большая часть ихъ бросилась въ аулы увозить свои семейства и имущество, и угонять стада.

Изъ Нижней Цебельды есть два пути для вторженія въ верхнюю часть долины Кодора, Далъ. Первый ведетъ чрезъ урочище Наа, противъ котораго есть порядочный бродъ чрезъ р. Кодоръ; второй путь чрезъ Багадскій мостъ, за которымъ оба пути сходятся, и дорога идетъ сначала по лѣвому берегу Кодора, а далѣе нѣсколько разъ переходятъ его въ бродъ. Въ краѣ вообще нѣтъ даже сносныхъ колесныхъ дорогъ. Туземныя двухколесныя арбы, запрягаемыя быками или буйволами, проходятъ по такимъ мѣстамъ, которыя для нашихъ четырехколесныхъ экипажей и для непривычныхъ лошадей недоступны. Но дорога чрезъ Наа, хотя трудная и идущая лѣсистымъ краемъ, возможна. Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ путь, избранный Муравьевымъ. Отъ Марамбы до Амшкяля мѣстность волнистая и открытая. За Амшкялемъ рѣдкіе перелѣски, далѣе къ Кодору начинается знаменитая Багадская тѣснина. На сотни саженъ тропа идетъ по карнизу скалы. Тутъ уже начинается гранитъ, между безпорядочными массами котораго вьется тропа. Спускъ къ Кодору крутъ и каменистъ и идетъ между рѣдкими деревьями и кустами. О Багадскомъ мостѣ я говорилъ выше. Перейдя на лѣвую сторону Кодора, дорога вступаетъ въ мѣстность болѣе доступную: между лѣсами и рощами начинаютъ являться хвойныя деревья, аулы горцевъ разбросаны по мѣстамъ живописнымъ, но трудно доступнымъ Между перелѣсками мало вспаханныхъ полей, но на тучныхъ пастбищахъ ходятъ большія стада барановъ и рогатаго скота. Далѣе къ Сѣверу мѣстность видимо подымается и противъ устья Аджгары принимаетъ суровый и величественный Альпійскій характеръ. Между еловыми и сосновыми лѣсами торчатъ гранитныя скалы; съ трехъ сторонъ видны вдали снѣговыя вершины Кавказа, приближающагося въ этихъ мѣстахъ къ своей наибольшей высотѣ.

Муравьевъ быстро прошелъ съ отрядомъ Багадскую тѣснину, не встрѣтивъ большаго сопротивленія. Пѣхота перешла по мостику и прикрыла его, по переходъ остальнаго отряда и особливо переводъ лошадей занялъ много времени и далъ горцамъ возможность собраться. Отрядъ двинулся вверхъ по лѣвому берегу Кодора и къ вечеру занялъ удобную позицію. На другой день войска были по частямъ посылаемы разорять и жечь аулы. Перестрѣлка не умолкала, и у насъ было нѣсколько раненыхъ. Къ отряду примкнули Цебельдинцы, конные и пѣшіе, съ Хрипсомъ Маршани, котораго аулъ въ урочищѣ Наа. Пораженные неожиданнымъ переходомъ отряда черезъ Багаду, они боялись за свои аулы и поспѣшили выказать свою вѣрность и

преданность. Нужно замѣтить, что въ отрядѣ было взято сухарей на 4 дня, патроновъ по 60; число зарядовъ для горныхъ единороговъ было очень ограниченное. Непріятель насѣдалъ, перестрѣлка не прекращалась. Извѣстна бережливость нашего солдата; можно было опасаться, что недостанетъ патроновъ и продовольствія. Между тѣмъ возвращеніе чрезъ Багаду сдѣлалось немыслимымъ, а движеніе чрезъ Наа потребуетъ по крайней мѣрѣ лишній день. Дальнѣйшее движеніе вверхъ по Далу не могло имѣть никакой цѣли. Г. Муравьевъ увидѣлъ себя въ положеніи опасномъ и приказалъ отступать. Извѣстно на Кавказѣ, что это гораздо труднѣе, чѣмъ идти впередъ: непріятель дѣлается дерзкимъ и предпріимчивымъ и пріобрѣтаетъ тактическія преимущества. Нервы Муравьева не выдержали. Онъ заболѣлъ, и дальнѣйшимъ движеніемъ распоряжался гвардіи капитанъ Лауницъ, адъютантъ Головина, бывшій адъютантъ графа Толя, офицеръ, заслужившій общее уваженіе. Говорили, что Муравьевъ выпилъ болѣе, чѣмъ могъ перенести.

Когда отрядъ достигъ Наа и расположился тамъ на ночлегъ, перестрѣлка прекратилась, а утромъ начались переговоры. Шабашъ уѣхалъ въ Псху, а Баталбей явился съ повинною головою и былъ конечно прощенъ. Это было кстати, потому что въ отрядѣ не было ни хлѣба, ни патроновъ. Пробывъ въ Марамбѣ нѣсколько дней, отрядъ возвратился въ Абхазію. Весь этотъ походъ стоилъ намъ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ; послѣдствіемъ же его было только временное спокойствіе въ Цебельдѣ и въ Абхазіи. Безпорядки возобновились, потому что были возбуждаемы, подъ рукою, интригами самого владѣтеля, который хорошо понималъ, что его значеніе въ глазахъ правительства очень уменьшится съ водвореніемъ спокойствія и порядка въ Абхазіи и въ сосѣднихъ обществахъ. Это значеніе было ему нужно еще и для борьбы съ сосѣдомъ и врагомъ своимъ, Мингрельскимъ Дадьяномъ, за Самурзакань.

Собственно Абхазія состоитъ изъ трехъ округовъ: Бзыбскаго, Абхазскаго и Абжуааскаго. Между послѣднимъ и Мингреліей находится округъ Самурзакань—спорный между владѣтелями Мингреліи и Абхазіи. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ долженъ бы принадлежать Абхазіи, такъ какъ его жители Абхазскаго племени, ничего общаго не имѣющаго съ Мингрельскимъ. Но этотъ округъ не разъ переходилъ изъ рукъ въ руки въ продолженіе вѣковой вражды сосѣдей. Дѣдъ князя Михаила Шервашидзе, Келемъ-бей, отнялъ его у Дадьяна. Это былъ человѣкъ большаго ума, храбрый и предпріимчивый. Его дѣянія получаютъ въ народѣ легендарный характеръ, какъ у Грузинъ царствованіе Тамары. Дадьяну приходилось плохо отъ своего неугомоннаго сосѣда. Старый

Кацъ-Маргани разсказывалъ, какъ онъ, въ молодости, ворвался съ партіей Абхазцевъ въ самый дворецъ Дадьяна, въ Зугдидахъ. Дадьянъ успѣлъ уйти, но жена его была въ домѣ. Кацъ очень комично разсказываетъ, какъ онъ ворвался въ комнату, гдѣ сидѣла владѣтельница. При появленіи его, княгиня встала съ дивана во весь свой гигантскій ростъ и показала непрошенному гостю кулакъ величиною съ порядочное ведро. Кацъ говоритъ, что онъ въ первый разъ въ жизни испугался и убѣжалъ, потому что полагалъ видѣть передъ собою не человѣка, а чорта.

Въ смутное время Абхазія, по смерти Келешь-бея, принявшаго подданство Россіи, Дадьяны стали интриговать въ Тифлисѣ о возвращеніи имъ Самурзакани. При Ермоловѣ имъ это не удавалось, а бар. Розенъ, хотя особенно благоволившій къ Дадьяну, рѣшилъ, что Самурзакань не принадлежитъ ни тому, ни другому, а непосредственно правительству, князья же Шервашидзе имѣютъ только помѣщичьи права на крестьянъ, лично принадлежащихъ имъ между Абжуааскимъ округомъ и р. Гализга. Въ Самурзакань назначенъ былъ приставомъ капитанъ Кириловъ. Надо признаться, что рѣшеніе это разумно, но обѣ стороны остались имъ недовольными. Мингрельцы продолжали свои интриги при содѣйствіи Тифлисскаго штаба, не благоволившаго къ владѣтелю Абхазіи. Сей послѣдній игралъ тогда ничтожную роль и былъ часто унижаемъ своими двоюродными братьями, владѣльцами округовъ Абхазскаго и Абжуааскаго, женатыми на Мингрельскихъ княжнахъ. При Раевскомъ все это измѣнилось. Онъ сдѣлалъ князя Михаила дѣйствительнымъ владѣтелемъ Абхазіи. Но этотъ новый порядокъ вещей еще не утвердился, и его прочность зависѣла отъ того, какъ на это будутъ смотрѣть преемники Раевскаго. Къ счастію, Анрепъ и Будбергъ во всемъ одобрили и поддержали систему принятую ихъ предмѣстникомъ. За всѣмъ тѣмъ, глухія козни, интриги и смуты продолжались въ самой Абхазіи. Самымъ злымъ и хитрымъ противникомъ Михаила былъ князь Дмитрій, владѣлецъ Абхазскаго округа. Я уже сказалъ, что впослѣдствіи Михаилъ его отравилъ. Этимъ дѣло не кончилось; измѣны, предательства, убійства и отравленія продолжались бы въ Абхазіи безъ конца, еслибы правительство, въ одно прекрасное утро, не лишило владѣтеля и владѣльцевъ всѣхъ политическихъ правъ, не удалило князя Михаила въ Россію и не объявило Абхазію непосредственнымъ владѣніемъ Россіи. Извѣстно, что послѣ тоже самое сдѣлано и въ Мингреліи, а гораздо прежде въ Гуріи. Тѣ которые видѣли эти богатыя провинціи и ихъ жителей, безсовѣстно эксплуатируемыхъ своими владѣтелями, не могутъ не порадоваться

благоразумнымъ мѣрамъ правительства, хотя эти мѣры недешево стоили государственному казначейству.

Съ половины Августа мы поселились въ укр. Св. Духа, куда, съ разныхъ сторонъ, начали собираться войска, назначенныя дѣйствовать противъ Убыховъ. Приготовленія и сборы производились довольно медленно, и ими не особенно торопились, потому что ранѣе начала Октября не предполагалось начать движеніе. Жары стояли тропическіе, и ни капли дождя. Несмотря на всѣ принятыя санитарныя мѣры, въ прибывающихъ войскахъ стали сильно развиваться перемежающіяся лихорадки съ весьма серьезными послѣдствіями. Хинной соли не жалѣли, но она только перерывала болѣзнь на нѣсколько дней. Въ числѣ заболѣвшихъ въ нашемъ штабѣ былъ мой добрый товарищъ А. И. Панфиловъ. Онъ ввелъ у насъ въ моду лѣкарство, которое ему присовѣтовалъ Англичанинъ, машинистъ на одномъ изъ нашихъ пароходовъ. Панфиловъ, молодой человѣкъ и полный энергіи, называлъ это лѣкарство «*столбухой*», употреблялъ его послѣ всякаго пароксизма и не оказывалъ болѣзни никакого уваженія. Оказалось, что въ этой «столбухѣ» было не менѣе 20 гранъ хинной соли, разведенной въ 20 капляхъ сѣрнаго эфира или кислоты и 24 унціяхъ воды. Все это принималось послѣ пароксизма и вообще дѣйствовало такъ хорошо, что многіе и не прибѣгали къ врачу.

Работы у меня было много, а тутъ какъ на бѣду всѣ мои сослуживцы заболѣли; здоровыми оставались я и два писаря, такъ что я долженъ былъ многія бумаги и распоряженія писать прямо набѣло. Когда приходилъ обѣденный часъ, мнѣ приносили обѣдъ, который я, отодвинувъ бумаги, ѣлъ на томъ же столѣ, гдѣ работалъ. Мы жили въ двухъ комнатахъ офицерской казармы. Въ одной былъ г. Анрепъ, въ другой я и Колюбакинъ. Оба они заболѣли перемежающейся желчной лихорадкой. Дня три я слышалъ и видѣлъ по обѣимъ сторонамъ отъ моего стола некрасивые припадки этой болѣзни; наконецъ, и меня свалило. Въ Сентябрѣ мы ходили на пароходѣ въ Абхазію, чтобы поторопить сборъ милиціи и другія приготовленія. Это было лично намъ очень полезно; возвраты лихорадки стали рѣже. Но въ укр. Св. Духа все возобновилось по прежнему. Въ отрядѣ было до 3 т. больныхъ; тѣхъ которые были труднѣе, пришлось отправить на судахъ въ госпитали Θеодосійскій и Фанагорскій, гдѣ они выздоравливали отъ одной перемѣны климата. Я пошелъ однажды навѣстить Ив. Павл. Корзуна, больнаго. Я нашелъ его въ сильномъ жару. Въ полубреду онъ мнѣ сказалъ своей невнятной скороговоркой: «Я ничего; я бы совсѣмъ былъ здоровъ, да вотъ проклятая меня мучитъ. Какъ погляжу на нее, такъ и меня начинаетъ трепать». Онъ указалъ на дверь сво-

его шалаша. Тамъ я увидѣлъ курицу, которая, опустивъ крылья и открывъ клювъ, тряслась въ лихорадкѣ. Ужасный климатъ; но въ Сухумѣ еще хуже. А какъ подумаешь, что есть люди, которые на всю жизнь обречены тѣмъ бѣдствіямъ, которыя мы терпимъ случайно и на короткое время, становится жутко. Въ Сухумѣ я зналъ штабсъ-капитана Николаева, изъ сдаточныхъ, который вышелъ въ отставку, прослуживъ въ Абхазіи и въ Сухумѣ 26 лѣтъ! Я кажется уже сказалъ, что въ Сухумѣ мы ежегодно посылали 16% штатнаго числа нижнихъ чиновъ на укомплектованіе, т.-е. средняя жизнь считалась тамъ почти *въ шесть лѣтъ*. Поневолѣ хочется спросить: по что гибель сія бысть?....

Въ концѣ Сентября прибылъ въ составъ отряда г. Муравьевъ съ милиціею Абхазскою, Мингрельскою, Имеретинскою, Гурійскою и Сванетскою. Онъ прошелъ изъ Гагръ сухимъ путемъ по узкой полосѣ между моремъ и береговыми скалами. Покорность Джигетовъ и тихая погода сдѣлали возможнымъ это движеніе по непрерывному дефиле въ 30 верстъ, гдѣ, по преданію, погибло войско какого-то Грузинскаго царя. Въ тоже время прибыли на пароходѣ владѣтели Абхазіи и Мингреліи. Послѣдній, князь Давидъ Дадьянъ, гвардіи полковникъ, лѣтъ 30, довольно благообразный, обрусѣлый и смотрѣвшій порядочнымъ человѣкомъ. Всѣхъ милиціонеровъ было около 3000 человѣкъ, большею частію пѣшихъ. Изъ нихъ Абхазцевъ было болѣе 2 тысячъ человѣкъ. Эта сволочь была нужна только по политическимъ соображеніямъ; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она была больше вредна, чѣмъ полезна. Всѣ остальные милиціонеры изъ христіанскихъ провинцій были вполнѣ надежны. Сванетская милиція въ первый разъ участвовала въ нашихъ походахъ. Въ ней было 60 милиціонеровъ съ владѣтелемъ, княземъ Ціоко (Михаиломъ) Дадишкаліани. Всѣ они были огромнаго роста, съ невѣроятно развитыми мускулами. Ихъ князь Ціоко, молодой человѣкъ, лѣтъ подъ 30, гигантъ красивой наружности, съ чертами лица довольно грубыми, но съ глазами и манерами очень симпатичными. Чрезъ нѣсколько дней, отправляясь на пароходѣ въ Абхазію, я зашелъ навѣстить его. У него была лихорадка. Чрезъ переводчика онъ сталъ просить меня отпустить изъ отряда его Сванетовъ послѣ его смерти. Не видя въ немъ ничего опаснаго, я сказалъ, что надѣюсь, по возвращеніи, найти его совсѣмъ здоровымъ.—«Нѣтъ, я очень скоро умру», сказалъ онъ спокойно: «въ моихъ мѣстахъ больныхъ не бываетъ, а если кто заболѣетъ, всѣ знаютъ, что онъ уже не встанетъ». Дѣйствительно, возвратившись дня черезъ четыре, я уже не засталъ его живымъ. Надобно было видѣть искреннюю горесть его подданныхъ: эти гиганты плакали и

визжали, какъ малыя дѣти. Тѣло князя обернули нѣсколько разъ холстомъ, намоченнымъ въ растопленномъ воскѣ, и повезли въ свои дальнія горы, которыя немногимъ и изъ нихъ пришлось увидѣть: большая часть ихъ была жертвою непривычнаго и губительнаго климата.

Въ тоже время скончался всѣми любимый Егоръ Егоровичъ фонъ-Бринкъ, бывшій Анапскимъ комендантомъ и только что произведенный въ генералъ-майоры. Онъ былъ похороненъ на берегу р. Мздымты. Но видно не суждено было костямъ его лежать въ этой землѣ: чрезъ нѣсколько дней, послѣ сильныхъ дождей, рѣка вздулась, оторвала часть берега, гдѣ была могила и унесла въ море гробъ нашего добраго товарища. На мѣсто его Анапскимъ комендантомъ назначенъ полковникъ Ротъ, Ѳедоръ Филипповичъ, съ которымъ мнѣ и послѣ случалось встрѣчаться по службѣ. Онъ былъ то что́ называютъ Allemand mauvaise tête. Въ юности Bursch, забіяка, дуелистъ въ молодости, безсмертный гусаръ въ Прусской службѣ; за тѣмъ командиръ Кубанской казачей бригады на Кавказѣ и сподвижникъ Засса въ его лихихъ наѣздахъ, Ротъ не отличался особенными умственными способностями, не имѣлъ времени пріобрѣсти основательныхъ научныхъ свѣдѣній, смутно вспоминалъ, что онъ протестантъ и имѣлъ очень шаткія понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ человѣческихъ и служебныхъ. Взамѣнъ всего этого у него были качества, которыя пріобрѣтали ему любовь, особливо молодежи: онъ былъ честенъ и справедливъ по своему; храбъ и склоненъ къ сумасброднымъ предпріятіямъ, страстно любилъ женщинъ, несмотря на свои далеко не молодыя лѣта; былъ отличный наѣздникъ и Черкесскій щеголь; высокаго роста, прекрасно сложенный и съ рѣзкими чертами лица. Г. Анрепъ былъ очень доволенъ его назначеніемъ. Когда Нѣмцы докуривали сигары и начинали говорить на своемъ природномъ языкѣ, Bruderschaft водворялся вполнѣ, иногда даже во вредъ службѣ и вопреки справедливости. Какъ Анапскій комендантъ, Ротъ былъ подчиненъ начальнику 1-го отдѣленія Черноморской Береговой Линіи, контръ-адмиралу Серебрякову. Эти два лица, сходныхъ только въ нравственныхъ принципахъ, находились въ постоянной и непримиримой враждѣ, которая могла кончиться кровавой катастрофой. Однажды (въ 1842 г.) я посѣтилъ отрядъ Серебрякова на Гостогаѣ. Когда мы пришли къ нему завтракать, Серебряковъ похвастался свѣжимъ сливочнымъ масломъ, которое ему изъ горъ прислалъ съ Черкесомъ одинъ Армянинъ. Соскабливая верхній слой масла на кусокъ хлѣба, онъ спросилъ: «гдѣ тутъ была собачка?» Переводчикъ его Армянинъ Богосъ Рафайловъ, его âme damnée, сказалъ ему нѣсколько словъ поармянски. Серебряковъ покраснѣлъ и нѣсколько разъ фыркнулъ въ усы. Когда мы остались одни, онъ спро-

силъ меня: «знаете-ли что̀ сказалъ мнѣ Богосъ, когда я искалъ собачку, чтобы дать ей хлѣба съ масломъ? Онъ поймалъ мою мысль и сказалъ: я уже ее кормилъ этимъ масломъ. Отъ самыхъ вѣрныхъ лазутчиковъ я имѣю свѣдѣнія, что Ротъ подкупилъ нѣсколько горцевъ убить меня или отравить. Можете вообразить, какъ пріятно мое здѣсь положеніе!»

Интересно однакоже, что въ Анапѣ тоже самое говорилъ мнѣ и Анрепу Ротъ о Серебряковѣ. Видокъ сказалъ бы: chercher la femme! И дѣйствительно, яблокомъ раздора была очень хорошенькая Черкешенка Салá, которую Ротъ взялъ въ плѣнъ въ одинъ изъ набѣговъ и держалъ въ своемъ домѣ, а Серебряковъ требовалъ ея въ Новороссійскъ, конечно для своего гарема. Вражда дошла до дого, что Серебряковъ, человѣкъ умный, имѣлъ безразсудство донести Анрепу рапортомъ о покушеніи Рота на его жизнь. Конечно это осталось безъ послѣдствій, когда Серебряковъ успокоился и взялъ назадъ свое донесеніе. Я распространился объ этомъ только потому, что этотъ эпизодъ довольно вѣрно выражаетъ характеристику времени и дѣятелей на Кавказѣ.

Наконецъ, 5 Октября прибыла эскадра Черноморскаго флота съ егерскою бригадою 13-й пѣхотной дивизіи, назначенной въ составъ отряда. Всѣ приготовленія кончены, и Анрепъ рѣшилъ выступленіе 8-го Октября.

По самымъ тщательнымъ распросамъ оказалось, что отъ устья р. Мдзымты къ устью р. Соче. гдѣ укр. Навагинское, существуетъ два пути: 1) по берегу моря и 2) по срединѣ земли Убыховъ большимъ обходомъ. Послѣдній путь удаляется отъ моря верстъ на 35, и онъ болѣе чѣмъ втрое длиннѣе перваго. Край, чрезъ который онъ проходитъ, довольно населенъ и имѣетъ общій характеръ горныхъ странъ. Горы покрыты густымъ лиственнымъ лѣсомъ. Самая дорога возможна для проѣзда туземныхъ арбъ, но, по трудности спусковъ и подъемовъ, горцы рѣдко ею пользуются; верховые же, большею частію при тихомъ морѣ, ѣздятъ по прибрежнему пути. Внутренняя дорога поднимается верстъ 20 по берегу Мдзымты, потомъ идетъ по одному изъ ея притоковъ, переваливается чрезъ водораздѣлъ и спускается по притоку Сочо, къ тому мѣсту, гдѣ находится аулъ Хаджи-Берзека, главнаго лица у Убыховъ и нашего закоренѣлаго врага.

Это направленіе нашего движенія вполнѣ соотвѣтствовало цѣли экспедиціи, т.-е. наказанію Убыховъ; но для этого нужно было имѣть твердые пункты для складовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога отходитъ отъ Мдзымты и гдѣ выходитъ къ р. Соче. Для этого не было ни времени, ни средствъ. Пуститься же безостановочно по этому пути бы-

ло бы болѣе чѣмъ рискованно. Это разстояніе отрядъ могъ пройти въ десять дней, а какъ мы должны были ожидать сильнаго сопротивленія, то этотъ срокъ марша легко могъ удвоиться. На такое время мы не могли поднять съ собою провіанта и зарядовъ. Перевозка больныхъ и раненыхъ поставила бы насъ въ крайнее затрудненіе при недостаткѣ вьючныхъ лошадей и рукъ для носки не могущихъ ѣхать верхомъ. Самый составъ отряда имѣлъ большія неудобства для такого движенія: на 11 баталіоновъ пѣхоты, изъ которыхъ 6 были въ первый разъ на Кавказѣ, мы имѣли 3 т. милиціонеровъ, изъ которыхъ болѣе 2 т. Абхазцевъ, ненадежныхъ для боя и крайне стѣснительныхъ при движеніи. Несмотря на неудобства и даже опасности этого пути, г. Анрепъ долго сохранялъ рѣшимость избрать его для движенія, и только продолжающіяся жары и санитарное состояніе отряда заставили его въ послѣдніе дни рѣшиться на движеніе по берегу моря, хотя и это направленіе имѣло своего рода неудобства и даже опасности.

По берегу моря нѣтъ никакой дороги; но когда море спокойно, между водой и горами, упирающимися въ море, образуется полоса шириною отъ 5 до 10 саженъ, покрытая мелкими камнями, округленными прибоемъ. При морскомъ вѣтрѣ и когда дѣлается прибой, эта полоса берега суживается и, наконецъ, совершенно исчезаетъ подъ волнами, которыя разбиваются о прибрежныя скалы. Тогда этотъ путь дѣлается совершенно непроходимымъ. Береговые отроги горъ перерѣзаны множествомъ горныхъ ручьевъ и рѣчекъ, образующихъ узкія и крутыя ущелья, поросшія лѣсомъ. Извѣстно было черезъ лазутчиковъ, что Убыхи сдѣлали множество прочныхъ заваловъ по прибрежнымъ горамъ, справедливо соображая, что нашему боковому прикрытію придется ихъ брать съ бою, безъ чего движеніе отряда невозможно. Хаджи-Берзекъ и другія лица, имѣющія вѣсъ въ народѣ, умѣли разжечь фанатизмъ Убыховъ, къ которымъ собрались искатели приключеній изъ Абадзеховъ и Шапсуговъ. Старый Хаджи при всѣхъ принесъ присягу, что скорѣе позволитъ на себя надѣть женскіе шаровары, чѣмъ пропуститъ Русскихъ въ свой край.

Съ другой стороны, береговой путь имѣлъ для насъ большія выгоды. Разстояніе тутъ только 28 верстъ, и мы могли имѣть содѣйствіе нашей эскадры; больные и раненые могли быть отправляемы немедленно на суда и находить тамъ удобное помѣщеніе и медицинскую помощь. Это значительно облегчало наше движеніе и давало возможность имѣть въ бою части въ большемъ составѣ.

7-го числа погода была тихая; море, какъ зеркало; днемъ легкій юговосточный, а ночью береговой вѣтерокъ обѣщали постоянную по-

году. Барометръ стоялъ очень высоко. Контръ-адмиралъ Станюковичъ, начальникъ эскадры и одинъ изъ лучшихъ адмираловъ флота, ручался за трое сутокъ хорошей погоды. Съ нимъ условились, чтобы его эскадра старалась идти сколько можно ближе къ берегу и обстрѣливала береговые завалы впереди нашего авангарда. Въ искреннемъ и разумномъ содѣйствіи адмирала и всѣхъ моряковъ нельзя было сомнѣваться.

По диспозиціи назначены были по два баталіона въ авангардъ подъ начальствомъ г. м. Муравьева, въ аріергардъ подъ начальствомъ подполк. Данзаса и въ правое прикрытіе подъ начальствомъ полк. Хлюпина, въ то время уже командира Тенгинскаго полка. Остальныя войска были въ колоннѣ, подъ начальствомъ гвардіи капитана Лауница, который въ то время былъ уже произведенъ въ полковники, но приказъ уже не засталъ его въ живыхъ.

Выступленіе назначено въ 3 часа утра, чтобы безъ шуму, до свѣта, пройти верстъ 10 по землѣ Хамышейцевъ, гдѣ нельзя было ожидать серьезныхъ дѣйствій. Ночь была безлунная и очень темная, но никакого замѣшательства не произошло; только Абхазская милиція не заняла своего мѣста въ колоннѣ. Я разослалъ офицеровъ искать ее, а самъ ожидалъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она непремѣнно должна была проходить. Но прошло полчаса, а ея не было; новые посланные прибѣжали мнѣ сказать, что она уже на мѣстѣ и что отрядъ уже двинулся. Оказалось, что 1500 человѣкъ пѣшихъ Абхазцевъ прошли отъ меня въ 15 саженяхъ, а я этого не подозрѣвалъ. Вѣковой навыкъ къ разбойничьимъ похожденіямъ заставилъ горцевъ приспособить такъ свою одежду, обувь и оружіе, что, при ночныхъ движеніяхъ, никакой шумъ или бряцаніе имъ не измѣняютъ.

Первый переходъ мы сдѣлали въ 13 верстъ. До р. Хамышъ почти не было перестрѣлки; она усилилась только по вступленіи отряда въ землю Убыховъ. Движеніе праваго прикрытія по горамъ было крайне затруднительно. Тамъ мы имѣли человѣкъ 20 раненыхъ; убитъ Цебельдинскій князь Заусханъ Маршани. Его милиціонеры начали неистово выть и визжать. Владѣтель Абхазіи сказалъ, что эта милиція безъ князя не можетъ драться и будетъ только лишнимъ бременемъ для отряда. Г. Анрепъ отпустилъ ихъ по домамъ.

Мы ночевали на берегу моря и безъ воды, которая въ рѣчкахъ и ручьяхъ оказалась горькосоленою. Съ флота намъ привезли столько воды, сколько возможно было удѣлить. Жара была сильная; скалы обращенныя на Юго-западъ раскалились днемъ и усиливали духоту. У насъ было болѣе 800 человѣкъ упавшихъ отъ изнеможенія. Боль-

шая часть ихъ конечно была на другой день опять въ строю, остальные отправлены на корабли.

Когда я, осмотрѣвъ и поставивъ правое прикрытіе, пришелъ въ свой шалашъ, ко мнѣ явился подполковникъ Бараховичъ, только что прибывшій на барказѣ изъ укр. Св. Духа. Онъ привезъ преданнаго намъ Джигета Дишануху Аранба. Послѣдній сказалъ, что въ пяти верстахъ позади насъ ночуетъ сборище Джигетовъ, тысячъ до восьми. По его словамъ, Джигеты не намѣрены дѣйствовать противъ насъ, но не скрываютъ, что если намъ придется отступать, они загородятъ намъ дорогу и соединятся съ Убыхами. Обстоятельства становились очень серьезными; я счелъ нужнымъ обо всемъ доложить Анрепу и просилъ, чтобы онъ уговорилъ владѣтелей Абхазіи и Мингреліи отправиться на пароходъ. Пользы отъ нихъ никакой не было, а въ случаѣ если кого нибудь изъ нихъ убьютъ, его милиція будетъ также парализована, какъ и Цебельдинская, и тогда наши боевыя средства значительно сократятся. Владѣтель Абхазіи, не отличавшійся храбростію, легко позволилъ себя убѣдить; но князь Дадьянъ очень просто сказалъ мнѣ: «Нѣтъ, Григорій Ивановичъ, гдѣ мои милиціонеры, тамъ и я. Если бы г. Анрепъ заставилъ меня отправиться на пароходъ, я счелъ бы это за кровную обиду для себя и для всего нашего дома». Конечно онъ остался при отрядѣ. Часовъ въ 11 ночи я возвратился въ свой шалашъ и только что успѣлъ роздать диспозиціи на слѣдующій день, меня начала трепать лихорадка.

На разсвѣтѣ началась въ правомъ прикрытіи сильная перестрѣлка. Его пришлось подкрѣпить двумя батальонами Виленскаго полка. Отрядъ двинулся, но часто долженъ былъ останавливаться, чтобы дать времени правому прикрытію проложить себѣ дорогу или выбить непріятеля изъ заваловъ. Въ этотъ день мы прошли 8 верстъ. Уже солнце было къ Западу, когда я увидѣлъ, что цѣпь прикрытія идетъ по самому гребню и въ большомъ безпорядкѣ. Я едва могъ найти начальника прикрытія и то не на горѣ, а внизу. Картина была трогательная. Полковника Хлюпина два солдата вели подъ руки, при немъ былъ его полковой квартирмистръ, прапорщикъ Романовскій и горнистъ, чрезъ которыхъ онъ распоряжался своею частію не видя ея. А когда-то это былъ отличный боевой офицеръ; но, съ пріемомъ полка, какъ это часто бываетъ, въ него вселился чортъ стяжанья: онъ разсчитывалъ, и очень вѣрно, что теперь имѣетъ 100 т. асс. годоваго дохода.

Я бросилъ лошадь казаку и побѣжалъ на гору, взявъ съ собою Романовскаго и трубача. Прикрытіе было въ крайнемъ безпорядкѣ; солдаты безсмысленно бѣжали впередъ, офицеровъ не видно, никто не

распоряжался. Съ величайшимъ трудомъ удалось остановить это безсмысленное движеніе. Тутъ были два баталіона Литовскаго и Виленскаго полковъ. Въ первый разъ мнѣ случилось видѣть стадный инстинктъ нашего солдата. Запыхавшись и безпрестанно стрѣляя не цѣлясь, люди бѣжали одинъ за другимъ. Когда я силой останавливалъ кого нибудь и спрашивалъ, куда бѣжишь, онъ, запыхавшись, говорилъ: „не могу знать", и только что я выпускалъ его изъ рукъ, опять пускался бѣжать и стрѣлять. Къ счастью начинало смеркаться, и горцы прекратили свои дѣйствія. Дойдя до конца боковаго прикрытія, я нашелъ тамъ столпившимися два или три баталіона; остальное пространство до аріергарда не было совсѣмъ прикрыто, такъ что Данзасъ долженъ былъ послать на гору изъ аріергарда одинъ баталіонъ, чтобы сколько нибудь прикрыться. Оказалось, что баталіоны столпились, потому что дошли до узкой, но съ отвѣсными берегами балки, чрезъ которую нельзя было перейти. Романовскій, человѣкъ молодой и смѣлый, нашелъ дерево, сломленное бурей и лежащее поперекъ ущелья. Въ темнотѣ онъ рѣшился перелѣзть по этому бревну, но оступился и полетѣлъ внизъ. Мнѣ удалось сдѣлать эту переправу съ нѣсколькими солдатами и занять противуположный берегъ. Остальной баталіонъ долженъ былъ спуститься на берегъ и такимъ образомъ обойти балку.

Я возвратился къ г. Анрепу довольно поздно и нашелъ его въ лихорадкѣ, которая вслѣдъ затѣмъ и у меня началась. Теперь мнѣ совершенно непонятно, какъ у меня достало силъ, чтобы выдержать эти три дня безпрерывной дѣятельности и пароксизмовъ. Помню только, что тогда это казалось легкимъ и естественнымъ. Молодость, молодость! Въ этотъ день у насъ было человѣкъ 150 раненыхъ и убитыхъ, но за то слабыхъ почти не было.

На разсвѣтѣ началась сильная перестрѣлка противъ 4 баталіона Тенгинскаго полка, занимавшаго позицію по правую сторону узкой балки. Баталіонъ былъ въ очень слабомъ составѣ; но на него можно было положиться: имъ командовалъ маіоръ Хромовъ, который впослѣдствіи женился на моей сестрѣ, Елисаветѣ. Вельяминовъ сказалъ бы: «отгрызется дражайшій». Но, на всякій случай, я послалъ ему на подкрѣпленіе два казачьихъ полка (каждый въ 500 человѣкъ), когда огонь усилился и оттуда несли двухъ офицеровъ и нѣсколько солдатъ раненыхъ. Отрядъ еще не двигался, и я отправился на гору къ Тенгинцамъ. Гора круто спускается къ морю уступомъ, который имѣетъ около 15 саж. вышины. За этимъ уступомъ идетъ довольно ровное мѣсто, покрытое рѣдкими, но высокими деревьями и постепенно возвышающееся къ Сѣверо-востоку. За этою отлогостію, имѣющею съ версту ширины, возвышается болѣе крутая гора, которая, кажется, состо-

вляетъ водораздѣльную линію. Она покрыта густымъ лѣсомъ. Нѣсколько ручьевъ, спадающихъ съ этой горы, образуютъ глубокія, но узкія ущелья, которыя разобщали наше правое прикрытіе, и особливо Тенгинцевъ, бывшихъ въ головѣ. Я нашелъ ихъ занимающими невыгодную позицію и всѣхъ лежащими. Меня заставили сдѣлать тоже самое, чтобы напрасно не подвергаться выстрѣламъ непріятеля, занявшаго завалъ въ близкомъ разстояніи. Нечего было и думать. Ударили въ барабанъ атаку, Тенгинцы крикнули ура!, и чрезъ минуту завалъ былъ въ нашихъ рукахъ, но положеніе наше отъ того не улучшилось. На близкій ружейный выстрѣлъ оттуда былъ другой завалъ, куда горцы отступили. Какъ мѣстность легко возвышается, то можно было видѣть, что позади этого втораго завала есть еще нѣсколько другихъ. Старымъ Кавказцамъ нечего было подсказывать: не останавливаясь на первомъ завалѣ, они двинулись впередъ и заняли одинъ за другимъ еще четыре завала. Тамъ позиція ихъ имѣла всѣ выгоды мѣстности, а для прикрытія ихъ лѣваго фланга поставленъ былъ казачій полкъ. Все это было сдѣлано въ какихъ нибудь полчаса времени. Между тѣмъ сильная перестрѣлка кипѣла по другую сторону балки, гдѣ было два баталіона Литовскаго и Виленскаго полковъ. Какъ цѣпь, такъ и резервы лежали, когда Убыхи рѣшились сдѣлать противъ этой части отчаянную атаку, которая, еслибы удалась, могла разрѣзать отрядъ на двѣ части. Горцы собрались большой массой въ лѣсу, на горѣ, и оттуда двинулись, молча и не стрѣляя, съ такою стремительностію, къ которой способны только горцы. Какъ говорятъ, ихъ было до 5 т. человѣкъ, и ихъ велъ самъ старый Хаджи Берзекъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они опрокинули бы наши два баталіона къ морю, но судьба и Тенгинцы спасли дѣло. Занявъ пять рядовъ заваловъ, Тенгинцы выдвинулись почти на версту впередъ Литовцевъ и Виленцевъ; не успѣли они занять свою позицію, какъ увидѣли, за балкой, густую толпу горцевъ, бѣжавшихъ съ горы и уже миновавшую ихъ. Хромовъ немедленно занялъ правый берегъ узкой балки и открылъ убійственный батальный огонь во флангъ и въ тылъ непріятелю, который не воображалъ имѣть сзади себя Русскія войска. Въ это же время Литовцы и Виленцы продолжали батальный огонь противъ непріятеля, ничѣмъ не прикрытаго отъ ихъ выстрѣловъ. Убыхи остановились, замялись и, поражаемые съ трехъ сторонъ, показали тылъ. Отступленіе, подъ жестокимъ огнемъ, было еще болѣе гибельно. Литовцы и Виленцы крикнули ура! и преслѣдовали бѣгущихъ до самаго гребня горы. При этомъ они сами попали подъ выстрѣлы Тенгинцевъ и козаковъ и потеряли нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. На горѣ обѣ части соединились, но онѣ уже были верстахъ въ двухъ отъ отряда. Непріятель могъ возобновить атаку, но онъ объ

этомъ и не думалъ. Потерявъ много людей, Хаджи Берзекъ уѣхалъ домой, сказавъ: «ну, я сдѣлалъ что́ могъ; пусть дѣлаютъ что́ хотятъ». Это было какъ бы сигналомъ для разброда остальной его партіи. Горцы быстро переходятъ отъ изступленной отваги къ упадку духа.

Когда я спустился къ берегу моря, то съ удивленіемъ узналъ, что отрядъ давно уже двинулся, но аріергардъ стоялъ еще на мѣстѣ ночлега. Какой-то Донской казакъ далъ мнѣ свою лошадь, и я пустился догонять переднія войска, которыя уже успѣли отойти версты двѣ. Я нашелъ тамъ печальную картину. Отрядъ двигался безъ боковаго прикрытія и потому наткнулся на завалы, сдѣланные горцами на самомъ гребнѣ прибрежныхъ высотъ. Оттуда посыпался градъ пуль, и въ одну минуту у насъ было болѣе 90 убитыхъ и раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ былъ гвардіи капитанъ Лауницъ, ѣхавшій рядомъ съ Анрепомъ. Я нашелъ Іосифа Романовича съ сигарою во рту, приказывающаго какому то капитану своднаго линейнаго баталіона взять эти завалы съ двумя ротами его баталіона. Онъ говорилъ такъ спокойно и учтиво, что мнѣ даже стало на него досадно. Отошедши нѣсколько шаговъ, я сказалъ капитану: «Вы возьмете эти завалы; не отступайте, потому что за вами будетъ Литовскій баталіонъ, которому приказано открыть батальный огонь по отступающимъ». Къ счастію, къ этой мѣрѣ не нужно было прибѣгать. Капитанъ (имя его, къ сожалѣнію, забылъ) сдѣлалъ свое дѣло скоро, хорошо и безъ большой потери, хотя завалы были гораздо сильнѣе, чѣмъ ихъ горцы обыкновенно дѣлали. Они состояли изъ друхъ рядовъ плетня, въ вышину человѣческаго роста, съ насыпанной между ними землей.

Но гдѣ же авангардъ, спросилъ я, когда все пришло въ свой порядокъ? «Муравьевъ ушелъ и, сколько я ни посылалъ ему приказаній, не остановился», сказалъ г. Анрепъ; «теперь онъ вѣроятно верстахъ въ двухъ отсюда». Я предложилъ Анрепу послать офицера съ приказаніемъ Муравьеву возвратиться къ отряду. Вызвался Нижегородскаго драгунскаго полка поручикъ Джемарджидзе, молодой человѣкъ лѣтъ 23-хъ, красавецъ и отличный офицеръ. Онъ поскакалъ по берегу, но не успѣлъ отъѣхать ста сажень, какъ нѣсколько пуль убили лошадь; его самаго выручилъ посланный бѣгомъ взводъ пѣхоты. Нечего было дѣлать: выставленъ новый авангардъ, хотя этимъ очень ослаблялись наши боевыя силы. Отрядъ продолжалъ движеніе. Не успѣли мы пройти съ версту, какъ г. Муравьевъ пріѣхалъ одинъ на Азовскомъ барказѣ. Онъ уже успѣлъ съ своимъ авангардомъ придти въ укр. Навагинское и занять гору, на которой предполагалось строить башню. Онъ вышелъ изъ барказа съ обнаженной шашкой и съ парой пистолетовъ за поясомъ, очень нетвердымъ шагомъ и въ весьма возбуж-

денномъ состояніи. На учтивый вопросъ Анрепа: гдѣ его авангардъ и зачѣмъ онъ такъ удалился отъ отряда? Муравьевъ не церемонясь сказалъ, что онъ ходитъ не Нѣмецкимъ, а Муравьевскимъ шагомъ, хотя, правду сказать, хвалиться тутъ нечѣмъ: въ это время шагъ его былъ совсѣмъ невѣренъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ разразился ругательствами противъ меня и, хватаясь за пистолетъ, сказалъ, что пріѣхалъ размозжить мнѣ голову. А я ѣхалъ рядомъ съ Анрепомъ, но онъ меня вѣроятно не видѣлъ. За что былъ этотъ гнѣвъ, такъ мнѣ и досихъ поръ осталось неизвѣстнымъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, Муравьевъ пустился одинъ впередъ съ обнаженною шашкой и продолжая свои бравады. Г. Анрепъ послалъ за нимъ баталіонъ; къ счастію, ему скоро надоѣло идти, онъ сѣлъ въ барказъ и возвратился въ укр. Навагинское. Въ первый день по выходѣ изъ укр. Св. Духа, Муравьевъ командовалъ авангардомъ и все время находился при немъ. Вечеромъ онъ сказался больнымъ и ночевалъ на барказѣ, гдѣ пробылъ и весь второй день; 10 Окт. онъ опять вышелъ на берегъ, но видно нервы ему измѣнили, и онъ ушелъ съ своимъ авангардомъ. Не думаю, чтобы онъ не зналъ, что на Кавказѣ бѣжать впередъ безопаснѣе, чѣмъ назадъ: непріятель, занятый боемъ съ главнымъ отрядомъ, не успѣваетъ занимать позиціи противъ переднихъ войскъ, идущихъ скоро и безъ всякихъ тяжестей. Поэтому-то и авангардъ Муравьева дошелъ до укр. Навагинскаго почти безъ выстрѣла.

Намъ оставалось пройти устье довольно широкой долины Хоста (если не ошибаюсь). Мѣстность была очень удобна для обороны и позволяла даже дѣйствовать массой конницы. Съ нашей стороны приняты были всѣ мѣры, но онѣ оказались безполезными: непріятель былъ тамъ въ незначительныхъ силахъ, а за этой долиной и перестрѣлка прекратилась. Въ 4 часа пополудни мы пришли въ укр. Навагинское. Я помню очень хорошо, что подъѣхалъ верхомъ къ флигелю, въ которомъ мнѣ отведена комната, но какъ меня сняли съ сѣдла и уложили въ постель, совершенно не помню. Я проснулся въ 11 часовъ утра слѣдующаго дня. Разбудилъ меня пароксизмъ лихорадки. Послѣдній день обошелся намъ недешево. Мы имѣли 300 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ, всего же въ три дня 512 человѣкъ, въ томъ числѣ и контуженные.

Я ни разу не упоминалъ о дѣйствіяхъ нашей артиллеріи. Это потому, что, по характеру мѣстности, она не могла принять почти никакого участія въ бою. Морская артиллерія имѣла, какъ говорится на Кавказѣ, только моральное дѣйствіе. Нельзя однакоже не отдать справедливости братскому сочувствію эскадры. Корабли держались на самомъ близкомъ разстояніи отъ берега; барказы и катера содержали безпрестанное сообщеніе съ отрядомъ и перевозили убитыхъ, ране-

ныхъ и заболѣвающихъ, которые на корабляхъ находили радушный пріемъ и пособіе.

На другой и на третій день Муравьевъ избѣгалъ встрѣчи со мною. Вѣроятно ему было стыдно своей выходки. Желаніе размозжить мнѣ голову прошло вмѣстѣ съ возбужденнымъ его состояніемъ. Лагерь расположился очень удобно; но съ правой стороны и за горою, гдѣ предположено строить башню, лѣсистая мѣстность вызывала горцевъ на безпрестанную перестрѣлку, причемъ у насъ ежедневно было по нѣскольку убитыхъ и раненыхъ. Предположено было вырубить лѣсъ на дальній ружейный выстрѣлъ. Можно было ожидать сильнаго сопротивленія. Наканунѣ этого дня Муравьевъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: «Завтра намъ обоимъ нужно быть на конѣ, а у меня и у васъ будетъ пароксизмъ. Хотите, я пришлю вамъ своего доктора? Онъ сдѣлаетъ такъ, чтобы завтра у насъ не было лихорадки». Я согласился и черезъ полчаса ко мнѣ явился докторъ Красноглядовъ съ 5-ю пилюлями порядочнаго размѣра. Я ихъ проглотилъ не долго думая, и чрезъ полчаса сидѣлъ глухой и съ сильнѣйшимъ шумомъ въ ушахъ. Красноглядовъ опять пришелъ съ одной пилюлей на ладони. «Не угодно ли вамъ принять и эту?» «Если нужно, то приму. Но сколько вы мнѣ дали грановъ хинины?—«Довольно».—«Однако».—«40 грановъ».— «А это что еще за пилюля»?—«Генералъ Муравьевъ принималъ, да вотъ одна осталась». Это было болѣе, чѣмъ наивно. Конечно я отказался отъ этой оставшейся пилюли. Долженъ однакоже сказать, что на слѣдующій день пароксизма у меня не было, и я, совершенно здоровый, цѣлый день былъ на конѣ.

До разсвѣта мы заняли лѣсъ, который предположено было вырубить. Войска сдѣлали сильныя засѣки, но горцы подползали на близкое разстояніе, стрѣляли съ деревьевъ и много разъ бросались въ шашки. Въ это время заложена башня, подвозились матеріалы, и для прикрытія сообщенія съ укрѣпленіемъ вырыта траншея отъ башни въ крѣпостной ровъ. Эти работы продолжались и въ слѣдующій день; ночью войска отступили, зажегши засѣки. Въ эти два дня мы имѣли до 100 чел. убитыхъ и раненыхъ.

Санитарное положеніе отряда было неудовлетворительно. Нельзя было и думать о серьезномъ движеніи въ землю Убыховъ, а сожженіе нѣсколькихъ ближайшихъ покинутыхъ горцами ауловъ не имѣло никакой цѣли, а могло стоить значительной потери въ людяхъ. Поэтому г. Анрепъ рѣшилъ кончить экспедицію этого года постройкой башни. Флоту было дано знать, что 12 Ноября отрядъ будетъ готовъ къ посадкѣ на суда, для перевоза въ Черноморіе и Севастополь. Но страшное затрудненіе предстояло въ перевозкѣ лошадей, которыхъ при от-

рядѣ было 2500 милиціонерскихъ, артиллерійскихъ, всякаго рода казенныхъ и офицерскихъ. Перевозка, можетъ, потребовала бы огромнаго количества транспортныхъ судовъ и то едва ли могла быть сдѣлана въ такое позднее время года и на открытомъ рейдѣ. Муравьевъ предложилъ отправить всѣхъ лошадей ночью по берегу моря. Счастливое обстоятельство благопріятствовало этому болѣе чѣмъ смѣлому предпріятію. Въ началѣ Ноября у горцевъ рамазанъ. Они ничего не ѣдятъ днемъ, но за то обжираются ночью. Всѣ распоряженія были сдѣланы въ возможной тайнѣ. По сигналу всѣ лошади выведены на берегъ моря 10 Ноября, часовъ въ 9 вечера, и г. Муравьевъ двинулся съ ними по берегу, сохраняя возможную тишину. Плескъ моря отъ небольшаго прибоя и темная ночь способствовали сокрытію этого движенія. Можно себѣ вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали извѣстія изъ укр. Св. Духа и изъ Гагръ. Десятка два - три горцевъ могли остановить и даже уничтожить эту беззащитную конницу. Къ счастію, у горцевъ не было даже карауловъ. Муравьевъ проѣхалъ рысью до укр. Св. Духа безъ выстрѣла, отдохнулъ тамъ полчаса и двинулся въ Гагры. Здѣсь, передъ разсвѣтомъ, говорятъ, было нѣсколько выстрѣловъ съ горъ, но безъ потери. Конная колонна благополучно пришла въ Абхазію. Это была большая услуга г. Муравьева отряду, и такое предпріятіе было совершенно въ его характерѣ. 12 Ноября прибылъ флотъ, началась амбаркація, и 15-я эскадра снялась съ якоря.

Экспедиція этого года была кончена. Всѣ предположенія были выполнены, исключая движенія внутрь земли Убыховъ, оказавшагося невозможнымъ, по огромному числу больныхъ въ отрядѣ. Замѣчательно, что милиціонеры, туземцы, страдали не менѣе нашихъ солдатъ, но легче переносили болѣзни. Устройство лазаретовъ не оставляло желать ничего лучшаго; хинная соль покупалась въ изобиліи; пища больныхъ и ихъ содержаніе были даже роскошны. Г. Анрепъ самъ, почти ежедневно, посѣщалъ лазаретъ. Не смотря на то, болѣзни все усиливались. Литовцы и Виленцы, хотя прибыли въ укр. Св. Духа гораздо позже Тенгинцевъ и казаковъ, но имѣли не менѣе больныхъ, по непривычкѣ къ климату, неумѣнію себя держать и, должно признаться, отъ малой заботливости своихъ офицеровъ. Тенгинцы болѣли, но не падали духомъ. До самой полуночи въ ихъ лагерѣ слышны были пѣсни и веселый говоръ. Это была послѣдняя экспедиція, которую я дѣлалъ съ Тенгинцами. Весною ихъ перевели на лѣвый флангъ, гдѣ произошли непріятныя событія, и военныя дѣйствія приняли небывалыя на Кавказѣ размѣры.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ*).

Славный профессоръ Д. И. Мейеръ, дѣлая историческій обзоръ законодательства, замѣтилъ между прочимъ: «Всякій человѣкъ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ пору дѣтства и юности, всякому народу дорого его прошлое; но мы должны благодарить судьбу, что родились въ нашемъ настоящемъ, а не въ прошломъ». Здѣсь рѣчь шла о временахъ давно минувшихъ. Но и въ недавнее, сравнительно время, столѣтіе назадъ, когда блескъ и пышность двора поражали современниковъ, въ глуши, вдали отъ трона, жизнь шла совсѣмъ особымъ порядкомъ, какъ будто въ другомъ царствѣ, за тридевятью землями, за моремъ-океаномъ. Разсказы людей близкихъ къ этой эпохѣ, сохранившіеся въ памяти, должны пролить свѣтъ на исторію провинціальной жизни, котораго не дадутъ ему оффиціальные памятники.

Право сильнаго давало себя знать всюду, въ Россіи и въ Малороссіи. Тамъ составлялись большія состоянія на счетъ слабыхъ, захудалыхъ людей. Захваты освящались временемъ и судомъ, который находился въ рукахъ людей вліятельныхъ въ краѣ. На подобные примѣры пріобрѣтенія немало случаевъ указываютъ въ Малороссіи.

Не лучше жилось и въ Оренбургской, нынѣ Уфимской губерніи. Разбои были столь обыкновеннымъ явленіемъ, что немало требовалось отваги, чтобъ съѣздить изъ уѣзднаго города въ губернскій. Служились молебны, семья ревмя ревѣла, провожая родителя какъ на войну. На ночь окна въ помѣщичьихъ домахъ запирались крѣпкими ставнями съ желѣзными болтами; въ дверяхъ сѣней вырѣзывались круглыя отверстія, чрезъ которыя помѣщики и прислуга могли стрѣлять въ непрошеннаго гостя; ружья всегда были наготовѣ. Разъ мой пра-

---

*) Эти разсказы и памятныя замѣтки писаны многоуважаемымъ И. С. Листовскимъ про себя и появляются въ печати по нашей просьбѣ. П. Б.

дѣдъ, Левшинъ, чуть не убилъ исправника, ради шутки помедлившаго объяснить, кто стучитъ въ дверь.

Проѣзжая на каникулы изъ Казани въ Уфу и обратно черезъ Мензелинское наше имѣніе, я останавливался на ночлегъ и приглашалъ столѣтняго старика Григорья поразсказать о старинѣ. Старикъ плохо уже видѣлъ, но сохранялъ память. Описывая колоссальную фигуру моего родственника Мильковича, (полковника гвардіи, которому императрица поручила розыскъ надъ раскольниками) разсказчикъ передавалъ, что въ Мензелинскѣ всѣ въ мундирахъ встрѣчали его за воротами и, между прочимъ, что обиженные находили въ немъ защиту отъ неправаго суда. «Поѣдетъ въ Мензелинскъ и весь судъ перепоретъ, и жаловаться никто не смѣлъ».

А каковъ былъ судъ—вотъ образчикъ. Когда Мильковичъ умеръ, единственною наслѣдницею его была моя прабабка Матрена Ивановна Басина, по мужѣ Левшина. Родственница ея Тюфилинова предъявила къ ней искъ за неправильныя будто дѣйствія ея отца по опекѣ малолѣтнихъ Мосоловыхъ. Здѣсь очевидна натяжка; но тѣмъ не менѣе искъ принятъ, въ обезпеченіе его всѣ имѣнія прабабки взяты въ опеку, вся движимость, представлявшая огромную цѣнность въ жемчугѣ, брилліантахъ, золотѣ, серебряной посудѣ, иконахъ съ золотыми окладами и драгоцѣнными каменьями, (чему осталась опись при дѣлѣ Казанской Гражданской Палаты), было сложено въ Казани въ кладовой каменнаго дома моей прабабки съ желѣзными ставнями и такими же дверями, которыя были запечатаны, а Тюфилиновой предоставлено было право жить въ этомъ домѣ. Три раза дѣло восходило до Сената, и каждый разъ онъ находилъ поводъ начать его снова въ первой инстанціи. Давно уже печати и замки каменной кладовой были въ распоряженіи ловкой истицы, а сокровища шли на утоленіе тяжбы судейской братіи. Наконецъ, черезъ 68 лѣтъ, въ 1846 году, дѣло рѣшено окончательно въ Сенатѣ. Искъ Тюфилиновой во всѣхъ частяхъ признанъ недоказаннымъ; имѣніе велѣно отъ опеки освободить и выдать уже старушкѣ моей бабушкѣ (прабабка умерла молодою). Конечно справедливому рѣшенію Сената немало способствовало то обстоятельство, что источники, изъ коихъ черпалъ судъ для себя живую воду, иссякли: Тюфилинова умерла, оставивъ двухъ внучекъ безъ всякихъ средствъ. Имѣніемъ въ Тамбовской губерніи, какъ значилось въ дѣлѣ, завладѣлъ контръ-адмиралъ Авиновъ и такъ какъ онъ владѣлъ безспорно болѣе десяти лѣтъ, то Уѣздный Судъ утвердилъ за нимъ владѣніе. Витебской губерніи, Городецкаго повѣта, селомъ Долгопольемъ завладѣлъ Любощинскій, и на томъ же основаніи за нимъ утверждено владѣніе. Земли въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ про-

даны по разрѣшенію Казанской Гражданской Палаты, и деньги получены Тюфилиновою. По разрѣшенію той же палаты Казанскій домъ моей прабабки проданъ былъ Тюфилиновою помѣщику Осокину. Гдѣ спрашивается и съ кого здѣсь искать? Такъ исчезло огромное состояніе.

Мнѣ памятенъ одинъ эпизодъ изъ этого дѣла, который не могу не привести какъ доказательство, насколько необходимо участіе высшей власти царской въ дѣлѣ правосудія и насколько этимъ участіемъ поддерживалось самое обаяніе власти. Я былъ ребенкомъ лѣтъ восьми, когда дѣло Тюфилиновой, въ третій разъ разсмотрѣнное въ палатѣ, рѣшено было въ ея пользу. Отецъ мой пропустилъ срокъ для аппелляціи и подалъ всеподданнѣйшую просьбу о возстановленіи пропущеннаго срока. Дѣло для насъ было нешуточное: кромѣ его потери намъ предстояло уплата 80 т. р. штрафовъ, какъ объясняла мать, поучая насъ молиться, чтобъ Господь вложилъ въ сердце Царя благое побужденіе въ пользу нашего дѣла.

Было 17-е Сентября, день имянинъ моей матери, и къ намъ въ Уфу съѣхались друзья моихъ родителей за 40, 100 и болѣе верстъ. Обѣдъ былъ въ залѣ. Наливали Шампанское, когда въ дверяхъ прихожей показался почтальонъ. Надо замѣтить, что въ ту пору въ Уфѣ не было обычая устраивать въ прихожей колокольчикъ и запирать двери. Почтальонъ держалъ въ рукѣ большой казенный пакетъ, заключавшій въ себѣ извѣщеніе статсъ - секретаря о возстановленіи Государемъ. срока аппелляціи по дѣлу Тюфилиновой. Я помню, какъ плакали мущины, поздравляя моихъ родителей. Само собою разумѣется, первый тостъ былъ за здоровье Виновника этой трогательной и радостной сцены, которая и теперь живо представляется моимъ глазамъ.

Кстати упомянуть здѣсь о другомъ подобномъ случаѣ въ моей жизни, который еще болѣе дать можетъ удостовѣреній, что произволъ правительственныхъ лицъ долго еще заставлять будетъ искать опоры въ благой волѣ Царя. Прошло болѣе тридцати лѣтъ послѣ описаннаго случая, новое царствованіе заявило уже себя крупными реформами, которыя должны были оказать содѣйствіе къ правильному подъему общества, усугубить вниманіе лицъ правительственныхъ къ своимъ обязанностямъ; но увы! безучастіе къ положенію другихъ всего рѣзче высказывалось тамъ, гдѣ по смыслу самаго закона предполагается самая надежная охрана правъ и личности каждаго. Я наслѣдовалъ отъ тещи моей два дѣла съ г-омъ У., (съ 1839 года начавшіяся), получившимъ значительное ея имѣніе въ Черниговской губерніи за 190 т. р. асс. по закладной о мнимыхъ его убыткахъ. Дѣла неправыя, но по нимъ состоялись рѣшенія Могилевской Гражданской Палаты 1845 и 1846 гг. Хотя эти рѣшенія не были объявлены опеку-

намъ малолѣтней тогда моей жены, о чемъ я заявлялъ Сенату; но Сенатъ, не принявъ этого во вниманіе, рѣшеніе палаты утвердилъ. Жена моя подала всеподданнѣйшую жалобу о пересмотрѣ дѣла въ общемъ собраніи Сената. Но какъ рѣшенія Сената исполняются немедленно, то У. явился вскорѣ съ исполнительнымъ листомъ и судебнымъ приставомъ описывать движимость, имѣющую для насъ особую цѣнность, какъ памятники фамильной старины, наслѣдованной отъ дѣда (графа Завадовскаго). Все дѣлалось нахально, какъ бы съ цѣлію принизить и натѣшиться положеніемъ противника. А жалоба еще не разрѣшена. Наступалъ новый годъ. Передъ вечеромъ сидѣлъ я съ женою въ кабинетѣ. Въ мысляхъ у каждаго было только что пережитая непріятность, а въ будущемъ—полная неизвѣстность. Легкій шумъ въ прихожей заставилъ предположить приходъ духовенства для служенія, по обычаю, всенощной; но вошедшій слуга подалъ почту, гдѣ большаго формата казенный пакетъ заключалъ въ себѣ такое же извѣстіе статсъ-секретаря о высочайшемъ соизволеніи на переносъ дѣла въ общее собраніе. Когда вслѣдъ за тѣмъ діаконъ возгласилъ: «востаните, Господи благослови», какая была теплая молитва, и не трудно угадать за Кого она возсылалась!

Хотя было всѣмъ извѣстно изреченіе Екатерины «лучше десять виновныхъ простить, чѣмъ одного невиннаго наказать», но судебная процедура была такъ обставлена, что изреченіе это не принималось въ руководство. Въ Уфѣ ходилъ одинъ Татаринъ, возвращенный изъ каторжной работы, съ обезображеннымъ лицомъ, вырванными ноздрями. Случайно открылась его невинность. Случай былъ слѣдующій. Одна мѣщанка, жившая въ Уфѣ, уходя утромъ на рынокъ, запирала дѣтей своихъ въ избѣ. Однажды, возвращаясь домой, она встрѣтила въ воротахъ знакомаго Татарина, часто бывающаго у нея, и спросила его: ты отъ насъ, что̀ дѣти? Татаринъ, замѣтно смущенный, отрекся, что не заходилъ. Несчастная мать нашла двери избы разломанными, троихъ дѣтей убитыми, а имущество разграбленнымъ. Татаринъ былъ обвиненъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ дѣйствительный злодѣй, умирая, открылъ свое преступленіе, разсказавъ подробно всѣ обстоятельства совершеннаго имъ злодѣянія. Вотъ какъ легко было обвинить и опозорить человѣка.

Давно уже отмѣнены были «позорящія человѣчество» пытки, а все казалось труднымъ безъ нихъ помощи раскрыть преступленіе, и онѣ продолжали практиковаться подъ нѣкоторыми видами въ отдаленныхъ уголкахъ отечества. Я помню, во дни моего отрочества, занималъ насъ одинъ слѣдственный процессъ по крупному злодѣянію. Отъ преступника не могли добиться сознанія. По этому поводу одинъ старый подъячій высказывалъ порицаніе современныхъ слѣдственныхъ пріемовъ:

«А мы, говоритъ, бывало селедочкой накормимъ, запремъ, а пить не даемъ. Вотъ поскучаетъ о водицѣ, помучается что жизни не радъ,— откроетъ всю истину. А нынѣ что?»

Обыкновенно Русскій человѣкъ примиряется съ осужденнымъ, коль скоро онъ преданъ въ руки правосудія и, считая его съ того времени несчастнымъ, надѣляетъ его милостынею. Это великая народная черта. Но я былъ свидѣтелемъ суроваго отношенія народа къ осужденнымъ. Въ Казанской губерніи были пойманы два разбойника, Быковъ и Чайкинъ. Первый собственноручно убилъ 105 человѣкъ, второй около 90. И какъ они убивали! Они тѣшились страданіями людей, напримѣръ, разрѣзали животъ беременной женщины и вынули младенца и т. п. Они были присуждены къ наказанію шпицрутенами первый 12 т., второй 10 т. ударовъ. Это было весною 1849 года; казнь исполнялась въ Казани на Арскомъ полѣ. Я не видѣлъ до того времени столь многолюдной толпы, какую собрало это зрѣлище. Боялись одного, чтобъ преступники не убѣжали изъ острога для новыхъ злодѣяній. Солдаты били ихъ съ ожесточеніемъ, въ противность уставу, выбѣгая изъ строя; а толпа равнодушно смотрѣла на вздутыя синія спины, съ которыхъ лентами слетала кожа и струилась кровь. Полнаго наказанія они не вынесли и умерли на другой или третій день.

*

Крѣпостное право давало себя знать возмутительными проявленіями, которыя шли рядомъ съ жестокостію нравовъ того времени. Въ Мензелинскомъ уѣздѣ была помѣщица Евг. Ив. Можарова. Жестокость ея въ обращеніи съ людьми, кажется, не знала предѣловъ. Близъ дома у нея былъ выстроенъ сарай, усыпанный пескомъ, среди сарая лавка, на которой растягивали провинившихся и сѣкли. Говорятъ, что этотъ сарай былъ и могилою для немалаго числа жертвъ. Бабушка моя, бывъ ребенкомъ, завезена была къ ней на одинъ день погостить. При ней Можарова, указавъ дѣвочкѣ на неубранную тряпку, дала знакъ идти. Бабушка моя видѣла, какъ мимо оконъ дома шла Можарова, за нею несчастная дѣвушка, а за послѣднею высокаго роста мущина, какъ оказалось въ послѣдствіи, исполнявшій обязанность палача. Черезъ нѣсколько времени тѣмъ же порядкомъ шествіе возвращалось. Но не прошло десяти минутъ какъ Можарова замѣтила на дѣвушкѣ запачканный фартукъ, и снова шествіе мимо оконъ; но дѣвушка уже не пришла назадъ. Что̀ сталось съ несчастною, неизвѣстно.

О дѣяніяхъ Можаровой дошло до Петербурга. Слѣдствіе подтвердило ея жестокость. Началось дѣло и перешло въ Сенатъ. Можаровъ поѣхалъ въ Петербургъ, жена съ нимъ. Онъ дѣлалъ обѣды для сенатскихъ секретарей, а Можарова, обрѣзавъ волосы и переодѣвшись ка-

зачкомъ, служила у стола, чтобъ имѣть случай слушать разговоры и избавиться отъ ненужныхъ свидѣтелей—прислуги. Посовѣтовали показать ее умершею. Разумѣется, это немалаго стоило. Можарова умерла для дѣла, которое «предали волѣ Божіей», а она втихомолку доживала свой вѣкъ. Наконецъ, мучительная болѣзнь сразила ее. Доктора приговорили разглаживать ее теплыми утюгами; но эта операція мало облегчала страданія умиравшей, которая, должно полагать, вину въ томъ клала на прислугу. Прислуга отъ времени до времени вскрикивала. Услыхавъ это, Можаровъ полюбопытствовалъ узнать причину. Оказалось, что умиравшая добыла вилку и ею колола своихъ гладильщицъ. Народная молва утверждала, что ея не приняла земля. Вѣрнѣе сказать, она ее поглотила, такъ какъ могила этой жестокой женщины дѣйствительно провалилась.

Не знаю, каково жилось при ней ея супругу. Въ разсказахъ онъ рисуется какимъ-то безотвѣтнымъ существомъ. Однако, передаетъ преданіе, узнавъ исторію съ вилкой, онъ усовѣщивалъ жену, напоминая ей о Богѣ. Правда, что Евгенія Ивановна не могла тогда уже встать съ постели и воздать хвалу своему супругу за заботу объ ея душѣ, что́ въ свою очередь могло придать и ему болѣе смѣлости; но извѣстно, что Евгенія Ивановна не баловала никого. Племянника своего, Пальчикова, за шалости запирала она съ лебедями, которые жестоко избивали крыльями несчастнаго ребенка.

Надо думать, что въ той мѣстности жестокое обращеніе не составляло единичнаго случая. Такъ мнѣ извѣстно, что однажды дѣвушка сосѣдей-помѣщиковъ прибѣжала къ моей бабушкѣ въ полномъ отчаяніи. «Матушка!» говорила она, «помолитесь обо мнѣ, а я бѣгу удавиться: нѣтъ болѣе моихъ силъ!» Бабушка моя ее успокоила, оставила у себя и, поѣхавъ къ сосѣдямъ, купила ее у нихъ. Эта несчастная была извѣстная въ Уфѣ и любимая всѣми нами «няня Дмитріевна».

Исчезъ типъ этихъ преданныхъ нянь, дѣлавшихся нераздѣльными членами барской семьи. Нашу Дмитріевну любила и дворня, какъ бы понимая, что она служитъ лучшимъ звѣномъ ея съ господскою семьею. Сидитъ эта няня всю ночь у изголовья больнаго ребенка, а какъ услышитъ звонъ къ утрени, ея мѣсто у больнаго занимаютъ другіе, а она вмѣсто отдыха бѣжитъ въ церковь, бьетъ поклоны и молится о спасеніи жизни своего питомца. И когда спала она и отдыхала, трудно было видѣть. Сколько эта неграмотная крѣпостная придавала энергіи, развивала самолюбія при учебныхъ занятіяхъ въ дѣтствѣ! А когда ея питомцы достигли болѣе зрѣлаго возраста, она тяготилась отдыхомъ и просила, чтобъ ей дали ключи отъ кладовой съ подваломъ. Въ угоду ей исполнили ея желаніе. Но старуха свалилась разъ

въ подвалъ и ушиблась. Разумѣется, болѣе ей ходить съ ключами не позволили. Оправившись, она просила, чтобъ ей хотя въ амбаръ позволили ходить; «не хочу я даромъ хлѣбъ ѣсть». Какъ ея ни убѣждали, но не могли отказать: старуха стала толковать отказъ недовѣріемъ къ ней. Отдали ей ключи отъ амбара. Хотя мы жили въ городѣ, но въ амбарѣ всегда былъ значительный запасъ разной муки, крупъ и т. п. припасовъ для многочисленной дворни и бѣдныхъ, которые ежемѣсячно 1-го и 2-го числа являлись съ мѣшками за полученіемъ. (Покойная матушка отличалась сердоболіемъ). Быть можетъ, старушка-няня, по своему христіанскому чувству, дорожила ролью посредницы по благотворенію. Разъ она упала въ закромъ и опять ушиблась. Снова взяли отъ нея ключи, и снова сѣтованія и слезы старухи. Наконецъ, чтобъ ее успокоить, ей поручили дѣлать чай. А чай у насъ былъ непрерывный, такъ какъ матушка принимала бѣдныхъ, странниковъ, монахинь, не говоря уже о привычкѣ къ чаю всѣхъ вообще, въ особенности въ восточной полосѣ Россіи. Когда пріѣзжали мы съ братомъ на лѣтніе каникулы, радость старухи была безпредѣльна. Она не знала чѣмъ ее выразить. По пріѣздѣ въ Уфу мы сейчасъ же перекочевывали въ ближайшую нашу деревню. Разумѣется, форменное платье на все лѣто оставлялось и замѣнялось пеньковымъ. Ложились бывало не рано; снимешь платье, а утромъ всѣ жилеты и галстухи вымыты, накрахмалены. И все это дѣло рукъ няни. А къ чаю всегда ея стряпни крендельки и лепешечки. Наконецъ, и чай уже не въ силахъ была наливать старушка. И ея питомцы, кромѣ меня, отсутствовавшаго, платили ей тою же данью, ухаживая за больною и перенося ее съ постели на другую. А за тѣмъ пышные похороны, выносъ гроба на рукахъ господами и близкими знакомыми изъ дома на катафалкѣ, сопутствіе всей семьи до могилы и слезы всѣхъ, начиная отъ нашей матери, свидѣтельствовали о томъ, какое мѣсто это маленькое существо, эта безотвѣтная крѣпостная, завоевала себѣ въ барской семьѣ.—Нельзя было не видѣть, что смягченіе въ обращеніи съ крѣпостными стало замѣтнѣе съ царствованія Государя Николая Павловича и, кажется, не будетъ ошибкою искать причину тому въ путешествіяхъ по имперіи Александра Благословеннаго. Это давало случай приносить личную жалобу Императору, чтó ускоряло дѣло и обезпечивало его правильный исходъ; да и самый примѣръ милостиваго обхожденія Императора съ крестьянами, которыхъ называлъ онъ «мои милые бородачи», сильнѣе дѣйствовалъ на окружающихъ, чѣмъ сухая мораль закона.

ПИСЬМО К. Н. БАТЮШКОВА КЪ Д. В. ДАШКОВУ.

Я долго ожидалъ писемъ отъ васъ, любезнѣйшій Дмитрій Васильевичъ, и наконецъ получилъ одно, которое меня совершенно успокоило. Вы жалуетесь на безпокойное путешествіе, на телѣги и кибитки, которыя намъ, конечно, достались отъ Татаръ *), а не хотите пожалѣть обо мнѣ. Я и самъ на дняхъ отправлюсь въ Москву и буду mutar ogn'ora di vettura, т. е. поѣду на перекладныхъ *по почтѣ.* Тамъ-то вы найдете вашего покорнаго слугу, въ домѣ К. Ѳ. Муравьевой. Еще разъ пожалѣйте обо мнѣ: я увижу и Каченовскаго, и Мерзлякова, и весь Парнассъ, весь Сумасшедшій Домъ, кромѣ нашего милаго, добраго и любезнаго Василья Львовича, который пишетъ мнѣ, что какой-то Веневъ, городъ вовсе неизвѣстный на лицѣ земномъ, будетъ обладать его особою.

Теперь поговорить-ли о Петербургскихъ знакомыхъ, напримѣръ о Батыѣ, о Тамерланѣ, о Чингисханѣ-поэтѣ, который *уничтожилъ* Расина, Буало, Лафонтена и проч.? Сказать-ли вамъ, что онъ написалъ оду на миръ съ Турками; ода, истинно ода, такого дня и года! Поговорить-ли съ вами о нашемъ обществѣ, котораго члены всѣ подобны Гораціеву мудрецу или праведнику, всѣ спокойны и пишутъ при разрушеніи міровъ.

Гремитъ повсюду страшный громъ,
Горами къ небу вздуто море,
Стихіи яростныя въ спорѣ,
И тухнетъ *дальній солнцевъ домъ*,
И звѣзды падаютъ рядами:
Они покойны за столами.

---

*) Намекъ на то, что Д. В. Дашковъ происходилъ изъ Татарскаго рода.

Они покойны. Есть перо?
Бумага есть? И все добро!
Не видятъ и не слышутъ...
И все перомъ гусинымъ пишутъ!

Пишутъ, и написали и напечатали два нумера съ вашего отъѣзда, и бѣдному доброму или бодрому лапушнику досталось по ушамъ. Вотъ и всѣ наши новости. Все идетъ по старому. Мы часто бываемъ, мы, т. е. Сѣверинъ, Трубецкой и Батюшковъ, мы бываемъ у Д. Н. Блудова, который даетъ намъ ужины, гулянья на шлюбкѣ, верхомъ и проч., и мы ужинаемъ и катаемся, louant Dieu de toutes choses *), какъ мудрецъ Гаро въ Лафонтеновой баснѣ. Не достаетъ васъ, любезнѣйшій Дмитрій Васильевичъ, и мы это чувствуемъ ежедневно; не достаетъ, по крайней мѣрѣ у меня, спокойствія душевнаго; и вотъ почему наши удовольствія не совершенно чисты. Но гдѣ они чисты? Развѣ въ домѣ сумасшедшихъ, или за синимъ океаномъ, вдали, въ мерцаніи багряномъ, или... Богъ знаетъ гдѣ! Я очень скучаю и надѣюсь только на войну:—она разсѣетъ мою скуку, ибо шпага побѣдитъ тогу, и я надѣну мундиръ, и я поскачу маршировать.... если.... будетъ это возможно. Но мы увидимся сперва въ Москвѣ, гдѣ я надѣюсь быть въ скоромъ времени. Тамъ-то я готовъ возобновить съ докторомъ Каченовскимъ вашъ ученый споръ, если не испугаюсь его желѣзнаго самолюбія и коварно-презрительной улыбки переводчика Иліады, Одиссеи, Энеиды и г-жи Дезульеръ; если не испугаюсь словообилія Иванова, и Калмыцкихъ глазъ Воейкова, и Жанъ-Жако-Мерсьеровскихъ порывовъ Глинки, который недавно получилъ Владимирскій крестъ, съ чѣмъ его отъ всей души поздравляю. Простите, любезнѣйшій Дмитрій Васильевичъ, любите меня столько, сколько я васъ люблю и уважаю, и вы меня очень любить будете; пишите чаще и адресуйте письма къ Сѣверину, который перешлетъ въ Москву, если оно меня здѣсь не застанетъ.

Батюшковъ.

9 Августа.
(Спб., 1812).

Кланяется вамъ М. А. Салтыковъ и его жена.

Адрессъ: Его высокоблагородію м. г. моему Д. В. Дашкову. Въ городъ Спасскъ, Рязанской губерніи.

*) Благодаря за все Бога.

ЗАПИСОЧКА ЖУКОВСКАГО КЪ Д. В. ДАШКОВУ.

Какъ я радъ, душа моя, что ты на меня прикрикнулъ: это заставило тебя написать мнѣ эту драгоцѣнную записку, за которую устами души и сердца тебя цѣлую. Возможно ли когда-нибудь намъ поссориться? Никогда, никогда! Впрочемъ я желалъ бы, чтобы ты подслушалъ, что́ я говорилъ съ Вьельгорскимъ, ушедши отъ тебя. Такого рода размолвки только новая, сильнѣйшая смазка дружбы. Благодарствую еще разъ за твою безцѣнную записку: она тронула меня до слезъ. А ты знаешь, что́ ты для меня, какъ ты высоко въ моемъ мнѣніи? Этого мнѣнія, которое въ тоже время есть и сладкое чувство, ничто никогда не измѣнитъ и не поколеблетъ; промѣнять къ тебѣ дружбу—была бы жестокая потеря въ жизни. Но этого никогда, никогда быть не можетъ. Обнимаю тебя съ сердечной благодарностію.

Съ современныхъ списковъ, сообщенныхъ въ 1869 году Прасковьей Алексѣевной Пушкиной (мать которой, Елена Григорьевна, была дружна съ Д. В. Дашковымъ и обоими поэтами). П. Б.

ПИСЬМО К. Н. БАТЮШКОВА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Искія, Августа 1-го 1819.

Начну письмо мое, по обыкновенію, упреками за то, что ты меня забылъ совершенно, милый другъ. Я пишу безпрестанно къ Тургеневу, пишу ко всѣмъ, иногда получаю (очень рѣдко) отвѣты, но къ досадѣ моей отъ тебя не имѣю ни строки. Думаешь ли, милый другъ, легко быть забытымъ тобою? Самъ Тургеневъ пишетъ такъ мало и не связно, что изъ гіероглифовъ его я вижу одно желаніе сказать: я живъ, то-есть будь здоровъ, какъ я, и потомъ Богъ съ тобою! Иногда онъ забываетъ примолвить что-нибудь о тебѣ, а пишетъ ко мнѣ въ Неаполь о дѣлахъ для меня совершенно нелюбопытныхъ. Но сердце мое невольно радуется, когда имѣю отъ него извѣстія, и день въ который получу письмо изъ Россіи есть лучшій изъ моихъ дней. Суди послѣ этого, хорошо ли тебѣ забывать меня? Увѣдомь меня о твоихъ занятіяхъ: что́ началъ новаго, что кончилъ? И отъ сюда я слѣдую за тобою, желая счастливаго пути твоему таланту. Иди, одна мольба: не упреди! Но ты иногда шагаешь исполиномъ и всѣхъ опереждаешь, между тѣмъ, какъ я здѣсь, милый другъ, въ страхѣ забыть языкъ отечественный,—совершенно безъ книгъ Русскихъ, и по нынѣшнему образу занятій моихъ нечасто заглядываю въ двѣ или три книги Русскія, которыя ненарокомъ взялъ съ собою. Вижу по всему, что могу умереть скорѣе членомъ Англійскаго клуба, нежели Русской Академіи, и что не заслужу мѣста въ статьѣ біографіи «Вѣстника Европы» или «Русскаго Вѣстника»: ибо ничего не написалъ похвальнаго и достодолжнаго и преподобнаго. Надобно тебѣ сказать нѣсколько словъ о себѣ. Я не въ Неаполѣ, а на островѣ Искіи, въ виду Неаполя: купаюсь въ минеральныхъ водахъ, которыя сильнѣе Липецкихъ, пью минеральныя воды, дышу волканическимъ воздухомъ, питаюсь смоквами, пекусь на солнцѣ, прогуливаюсь подъ виноградными аллеями (или омеками) при вѣяніи Африканскаго вѣтра,

и, что̀ всего лучше, наслаждаюсь великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ въ мірѣ; предо мною въ отдаленіи Соренто—колыбель того человѣка, которому я обязанъ лучшими наслажденіями въ жизни: потомъ Везувій, который ночью извергаетъ тихое пламя, подобное факелу; высоты Неаполя увѣнчанныя за́мками; потомъ Кумы, гдѣ странствовалъ Эней, или Виргилій, Баія, теперь печальная и тогда роскошная; Мизена, Пуцолли и въ концѣ горизонта гряды горъ, отдѣляющихъ Кампанію отъ Абруца и Апуліи. Этимъ не ограниченъ видъ съ моей террасы: если обращу взоры къ сторонѣ сѣверной, вижу Гаету, вершины Террачины и весь берегъ, протягивающійся къ Риму и исчезающій въ синевѣ Сорентскаго моря. Съ горъ сего острова предо мною какъ на ладони островъ Прочида; къ Югу Капрея, гдѣ жилъ злой Тиверій (злой Тиверій—эпитетъ Шаликова), островъ Венгонскій къ Сѣверу и островъ Понца, гдѣ по словамъ антикваріевъ (не сказывай этого Капнисту) обитала Цирцея. Ночью небо покрывается удивительнымъ сіяніемъ; млечный путь здѣсь въ иномъ видѣ: несравненно яснѣе. Къ сторонѣ Рима изъ моря выходитъ страшная комета, о которой мы мало заботимся. Такія картины пристыдили бы твое воображеніе. Природа—великій поэтъ, и я радуюсь, что нахожу въ сердцѣ моемъ чувство для сихъ великихъ зрѣлищъ; къ несчастію никогда не найду силъ выразить то, что́ чувствую: для этого нуженъ вашъ талантъ. Но воспоминанія всякихъ родовъ даютъ несказанную прелесть сему краю и приносятъ даже болѣе удовольствія сердцу, нежели красоты видовъ.

Посреди сихъ чудесъ удивись перемѣнѣ, которая во мнѣ сдѣлалась: я вовсе не могу писать стиховъ. Г. Хвостовъ сказывалъ мнѣ однажды, что три года былъ въ такомъ положеніи; но за то, могу сказать съ покойнымъ кн. Борисомъ *), что пишу на прозахъ довольно часто. Я никогда не былъ такъ прилеженъ. Къ несчастію, я не могу говорить о себѣ безъ внутренняго негодованія; здоровье мое ветшаетъ безпрестанно: ни солнце, ни воды минеральныя, ни самая строгая діэта, ничто его не можетъ исправить; оно, кажется, для меня погибло невозвратно. И грудь моя, которая меня до сихъ поръ очень рѣдко мучила, совершенно отказывается. Италія мнѣ не помогаетъ: здѣсь умираю отъ холоду; что́ же со мною будетъ на Сѣверѣ? Не смѣю и думать о возвращеніи. По пріѣздѣ моемъ жарко принялся за языкъ Италіянскій, на которомъ очень трудно говорить съ нѣкоторою пріятностью и правильностью намъ, иностранцамъ. Но это для меня было бы не безполезно, почти необходимо во всѣхъ отношеніяхъ:

---

*) Голицынымъ.

я хочу короче познакомиться съ этою землею, которая для меня во всѣхъ отношеніяхъ становится часъ отъ часу любопытнѣе. Для самой пользы службы надобно узнать языкъ земли, въ которой живешь; вотъ почему все вниманіе устремилъ на языкъ Итальянскій и вѣрно добьюсь если не говорить, то по крайней мѣрѣ писать на немъ. Между тѣмъ, чтобы не вовсе забыть своего (ибо по-русски можно сочинять исправно, какъ говоритъ Хвостовъ), я пишу мои записки о древностяхъ окрестностей Неаполя, которыя прочитаемъ когда-нибудь вмѣстѣ. Я ограничилъ себя сколько могъ однѣми древностями и первыми впечатлѣніями предметовъ: все что̀ критика, изысканіе оставляю, но не безъ чтенія. Иногда для одной строки надобно прочитать книгу, часто скучную и пустую. Впрочемъ это все маранье; когда-нибудь послужитъ этотъ трудъ! Ибо трудъ, я увѣренъ въ этомъ, никогда не потерянъ.

И такъ всѣ дни мои заняты совершенно. Въ обществѣ живу мало, даже мало въ него заглядываю, кромѣ того, которое обязанъ видѣть. Театръ для меня не существуетъ, и я въ Неаполѣ не сдѣлался Неаполитанцемъ. Вотъ моя исторія, милый другъ. Если прибавить, что я совершенно доволенъ моею участью, безъ роскоши, но выше нужды, ничего не желаю въ мірѣ, имѣю или питаю по крайней мѣрѣ надежду возвратиться въ отечество, обнять васъ, и быть еще полезнымъ гражданиномъ: это меня поддерживаетъ въ часы унынія. Здѣсь, на чужбинѣ, надобно имѣть нѣкоторую силу душевную, чтобы не унывать въ совершенномъ одиночествѣ. Друзей даетъ случай, ихъ даетъ время. Такихъ, какіе у меня на Сѣверѣ, не найду, не наживу здѣсь. Впрочемъ это и лучше! Какое удовольствіе, вставая поутру, сказать въ сердцѣ своемъ: я здѣсь всѣхъ люблю равно, то-есть ни къ кому не привязанъ и ни за кого не страдаю. Я за то ближе къ моимъ книгамъ, которыхъ число увеличиваю часто по неволѣ. Прости, милый другъ, сіи подробности, которыя я стараюсь извинить передъ тобою чувствомъ моей къ тебѣ дружбы и разлукою. Скажи Карамзинымъ (и себѣ), что я часто объ нихъ думаю и отдалъ бы все прекрасное за одинъ вечеръ проведенный съ ними. Это письмо я поручаю М. Е. Храповицкому, почтенному и доброму человѣку, нѣкогда моему начальнику, котораго супруга беретъ на себя трудъ доставить изъ Флоренціи шляпу Катеринѣ Андреевнѣ *). Она можетъ мнѣ заплатить за нее, если угодно, чаемъ и Сыномъ Отечества, или Русскими книгами, изъ числа коихъ не исключаю. Трудовъ Русской Академіи.

*) Карамзиной.

Ты вѣрно пишешь къ Дмитріеву; напомни ему обо мнѣ. Это дѣло еще поручаю твоей дружбѣ вмѣстѣ съ другими, а именно, увѣдомить меня о Сѣверинѣ, который не отвѣчалъ на мои многія письма. Я по совѣсти о немъ безпокоюсь: или онъ забылъ меня, разлюбилъ, или нездоровъ. Надѣюсь, что время если не вылѣчило (ибо время не лѣкарь великихъ несчастій), то по крайней мѣрѣ облегчило его грусть, и онъ вспомнилъ, что есть въ мірѣ сердца ему преданныя. Скажи Н. И. Тургеневу, что я его душевно уважаю, и чтобъ онъ не думалъ, что я варваръ; скажи еще, что я купался въ Тибрѣ и ходилъ по форуму Рима нимало не краснѣя; что здѣсь я читаю Тацита и Жіакони. Александра Ивановича обнимаю отъ всей моей великой души: я знаю, что онъ любитъ во мнѣ все, даже и мое варварство, ибо онъ угадываетъ, что я не варваръ. Вяземскому скажи, что я не забуду его какъ счастье моей жизни: онъ будетъ вѣчно въ моемъ сердцѣ, вмѣстѣ съ тобою, мой жукъ. Прошу тебя писать ко мнѣ; чего тебѣ стоитъ, когда ты имѣешь время писать ко всѣмъ фрейлинамъ, и еще время переводить какого-то Базельскаго Пиндара на какіе-то пятистопные стихи, и со всѣмъ этимъ—писать еще какъ Жуковскій! Будь здоровъ, мое сокровище. Не забывай меня въ землѣ льдовъ и снѣговъ и добрыхъ людей; я помню тебя въ землѣ землетрясеній и въ свидѣтельство беру М. Е. Храповицкаго, которому завидую: онъ увидитъ отечество и тебя. Прости.

ИЗЪ ЗАБЫТЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

I.

Братья-мошенники.

Пародія на „Братьевъ-Развойниковъ“ А. С. Пушкина.

Не стая птицъ, но какъ собаки,
Готовыя изъ-за костей
Загрысть и ближнихъ и друзей,
Такъ алчные вина и драки
Къ Булгарину, въ числѣ гостей,
Собрались разные писаки......

*

Какая смѣсь лицъ и умовъ,
Способностей и состоянья:
Изъ Нѣмцевъ, Поляковъ, Жидовъ,
Здѣсь Русскихъ критиковъ собранье.
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ:
Не вѣрить никакимъ законамъ.
Межъ ними зрится тотъ бѣглецъ,
Кто приставалъ ко всѣмъ знаменамъ:
Измѣнникъ, вѣстовщикъ и Ляхъ;
Песоцкій—букинистъ, Варягъ
Язвинскій, Шницъ, Межевичъ грязный
И Греча сынъ, и съ лѣнью праздной
Самъ Гречъ, дѣйствительный Цыганъ.
Шпіонство, злость, подрывъ, обманъ:
Вотъ узы избранныхъ мерзавцевъ.
Тотъ ихъ, кто по міру пустилъ
Двухъ или трехъ книгопродавцовъ;
Кто ближняго, изъ-за чернилъ,
Передъ правительствомъ чернилъ;

Кому смѣшна прямая честность;
Ума и генія кто не щадитъ,
Кого безчестье веселитъ,
Какъ Греча всякая извѣстность.

*

Раскрылись подлыя уста,
Рѣчь о писателяхъ заходитъ,
И на невинныхъ клевета
Изъ устъ въ другія переходитъ.
Но сплетень истощивъ запасъ,
Умолкли всѣ; ихъ занимаетъ
Ѳаддея стараго разсказъ,
И все вокругъ его внимаетъ.

*

Насъ было двое, Гречъ и я.
Взросли мы розно, наша дружба
Какъ баснь „Крестьянинъ и Змѣя".
Наскучила намъ честь и служба,
И согласились межъ собой
Мы издавать журналъ большой.
Въ сотрудники себѣ мы взяли
Такихъ же неучей точь въ точь,
Свои грѣхи на нихъ слагали,
А пикнуть — отгоняли прочь.
Бывало, въ пору ту глухую,
Статейку пустимъ удалую,
Бранимъ и хвалимъ подъ рукой,
И вѣсъ имѣемъ надъ толпой.
Кто не робѣлъ меня и Греча?
Сберется-ль гдѣ нибудь родъ вѣча,
Туда, какъ коршуны, летимъ,
Всѣхъ громче судимъ, осуждаемъ,
На счетъ хозяевъ пьемъ, ѣдимъ,
Всѣхъ, какъ Іуда, лобызаемъ,
И какъ Іуда продадимъ.
Но чтожъ? Попались молодцы!
Мы съ Пушкинымъ не совладали.
Онъ насъ клеймилъ; какъ подлецы
Съ тѣхъ поръ мы въ общемъ мнѣньи стали.
И я чуть не попалъ въ острогъ,

Но вынесть больше Греча могъ!
Онъ все гонялся за чинами,
Я бѣгалъ подъ двумя орлами;
Я уцѣлѣлъ—онъ изнемогъ!
И онъ твердилъ тогда всечасно:
„Мнѣ стыдно здѣсь, въ Парижъ хочу“,
И я себя ему напрасно
Въ примѣръ безстыдства приводилъ.
Онъ въ Петербургѣ всѣхъ стыдился
И путешествовать пустился;
Сюда статейки присылалъ,
Въ нихъ Русскимъ льстилъ, чужихъ ругалъ,
Но тѣмъ не выигралъ у трона,
Лишь за границею стяжалъ
Онъ имя Русскаго шпіона.
Но наша дружба верхъ взяла:
Вновь съ Гречемъ мы соединились;
Стыдливость глупая прошла,
А съ ней и честность удалилась.
Съ тѣхъ поръ мы злились на извѣстныхъ,
Душа рвалась при видѣ честныхъ,
Алкала денегъ, лжей и ссоръ;
Намъ тошенъ былъ журналъ правдивый,
Писатель, критикъ справедливый,
Поэтъ, художникъ и актеръ,
И въ юношѣ талантъ счастливый.
На всѣхъ двойной точили ножъ,
Всѣхъ подъ сюркупъ вели, и чтожъ?
Изъ всѣхъ лишь одного больнаго
Намъ страшно рѣзать старика:
На Николая Полеваго
Не подымается рука!.....

II.

Къ графу З.

(1849).

Немолодъ ты, неглупъ и не безъ души.
Зачѣмъ же въ городѣ все толки и волненья,
Зачѣмъ же роль играть Россійскаго паши
И объявлять Москву въ осадномъ положеньи?
Ты править нами могъ легко на старый ладъ,
Не тратя времени въ безсмысленной работѣ:
Мы люди смирные, не строимъ баррикадъ,
И всетишайше гніемъ въ своемъ болотѣ!
Какой же думаешь ты учредить законъ?
Какіе новые установить порядки?
Ужель мечтаешь ты, гордыней ослѣпленъ,
Воровъ искоренить и посягнуть на взятки?
За это не берись; простынетъ грозный пылъ,
И сокрушится власть, подобно хрупкой стали:
Вѣдь это мозгъ костей, кровь нашихъ Русскихъ жилъ,
Вѣдь это на груди мы матери всосали!
За то скажу тебѣ спасибо я теперь,
Что кучеръ Беринга не мчится своевольно
И не реветъ уже, какъ разъяренный звѣрь,
По тихимъ улицамъ Москвы первопрестольной;
Что Берингъ самъ позналъ величія предѣлъ:
Окутанный въ шинель, уже съ отвагой дикой
На дрожкахъ не сидитъ, какъ нѣкогда сидѣлъ,
Носимый бурею, на лодкѣ Петръ Великій....

Н. Ф. Павловъ.

III.

Русская пѣсня.

Чѣмъ я Западъ огорчила?
(Пѣть приходится Руси).
Али тѣмъ, что такъ любила,
Что и Боже упаси!
Родилась я съ добрымъ сердцемъ,
Вотъ въ чемъ горе все мое;
У меня ли всякимъ Шмерцамъ
Не раздольное житье?
О Германцахъ ужъ ни слова:
Имъ всѣ льготы и почетъ;
Имъ рожна еще какова
На Руси недостаетъ?
Денегъ имъ я сыплю груду,
На награды не скуплюсь,
И куда ни глянь, повсюду
Или Нѣмецъ, иль Кракусь.
Я ли ихъ не уважала?
Оскорбила ли когда?
И для нихъ—все мало, мало;
Только лаются всегда!
Наконецъ, чего же хочетъ
Алчный Западъ, дряхлый пёсъ?
Не поднять ли ужъ хлопочетъ
Вновь восточный онъ вопросъ?
Али Польское тутъ „дѣло?“
Пѣсня старая слышна:
„Еще Польска не сгинела!“
Лаетъ моська на слона!
Богъ ихъ знаетъ, въ чемъ тутъ сила?
А я все свое твержу:
Чѣмъ я Западъ огорчила,
И ума не приложу!

IV.

Въ патріотическомъ задорѣ
Не надо вѣчно бить въ набатъ,
О козняхъ злыхъ, о заговорѣ
Гремѣть въ попадъ и не въ попадъ.

*

И красный колоколъ и бѣлый
Мутятъ тревогою своей
Народъ съ испугу оробѣлый
И обуявшій отъ страстей.

*

На все и время есть, и мѣра;
Бѣда, когда ихъ перейдешь;
А въ заклинаньяхъ изувѣра
И правда самая есть ложь.

*

Въ двѣнадцатомъ году не даромъ,
Врагамъ на встрѣчу и въ починъ,
Патріотическимъ пожаромъ
Себя прославилъ Растопчинъ.

*

Но было ли бъ съ разсудкомъ сходно,
И что о немъ сказали бъ вы,
Когда бы послѣ ежегодно
Онъ Геростратомъ былъ Москвы?

V.

На б. А. К. М.

Ханыковъ былъ въ Бухарѣ,
А Любимовъ былъ въ Пекинѣ;
Увѣряютъ, что донынѣ,
Ни въ долу, ни на горѣ,
Ни въ пустыняхъ Туркестана
Не встрѣчали шарлатана,
Какъ вчерашній нашъ баронъ,
Многовральный пустозвонъ.

С. А. Соболевскій.

VI.

На И. И. Д.

Онъ при Уваровѣ-Французѣ
Былъ съ атеистами въ союзѣ;
Онъ при Шахматовѣ-монахѣ
Ѣлъ просфоры, жилъ въ Божьемъ страхѣ.
Теперь же, въ просвѣщенный вѣкъ,
Теперь—онъ честный человѣкъ.

VII.

Издателю „Вѣсти".

Вы не родились Полякомъ,
Но шляхтичъ вы по направленью,
И Русскій вы, сознайтесь въ томъ,
По Третьему лишь Отдѣленью.

*

Слуга вліятельныхъ господъ,
Съ какой отвагой благородной
Громите рѣчью вы свободной
Всѣхъ тѣхъ, кому зажали ротъ!

*

Не даромъ вашимъ вы перомъ
Аристократіи служили.
Въ какой лакейской изучили
Вы этотъ рыцарскій пріемъ?

Ѳ. И. Тютчевъ.

НЕКРОЛОГИ.

I.

Н. П. Розоновъ.

Николай Павловичъ Розоновъ, сынъ причетника изъ села Сѣнина (Серпуховскаго у.), родился 27 Апрѣля 1809 года и воспитывался въ Московской Семинаріи, откуда поступилъ на службу въ Московскую Духовную Консисторію. Онъ былъ правителемъ дѣлъ ея почти до самой своей кончины 12 Октября 1883 г. Съ ранней молодости Н. П. Розоновъ любилъ заниматься исторіею, и мало осталось людей, кто бы такъ основательно зналъ какъ онъ Московскую старину. Онъ изучалъ ее по бумагамъ консисторскаго архива, на разработку котораго положено имъ вдоволь усидчиваго, долголѣтняго, мало благодарнаго труда. Покойный Филаретъ не очень жаловалъ, чтобъ его подчиненные занимались чѣмъ-либо кромѣ прямой своей должности. Розоновъ тщательно скрывалъ свои обширныя розысканія, и только по кончинѣ строгаго владыки увидѣла свѣтъ его многотомная исторія Московскаго епархіальнаго управленія, сдѣлавшаяся теперь настольною книгою Русскихъ археологовъ. Общество любителей духовнаго просвѣщенія, общество исторіи и древностей, Московское археологическое поспѣшили выбрать его въ свои члены. Отдѣльныя изслѣдованія и замѣтки помѣщалъ онъ въ изданіяхъ этихъ обществъ и въ Русскомъ Архивѣ. Труды его отличались отмѣнною добросовѣстностью. Николай Павловичъ многимъ нашимъ ученымъ содѣйствовалъ своими знаніями, опытностью и указаніями. Человѣкъ оглядливый, осторожнаго ума и выдержки, онъ въ тоже время отличался самою любезною сообщительностью въ дѣлѣ науки.

Хвала памяти этого достойнѣйшаго ученаго!

II.

А. Ѳ. Томашевскій.

13 Октября 1883 скончался въ Москвѣ *Антонъ Францовичъ Томашевскій...* Звуки иноземные, но сердце, умъ, вся дѣятельность вполнѣ Русскіе. Это былъ одинъ изъ замѣчательныхъ людей уходящей отъ насъ эпохи, другъ С. Т. Аксакова, товарищъ по воспитанію и пріятель Ѳ. И. Тютчева, М. П. Погодина, В. П. Титова. Если его имя извѣстно менѣе нежели оно того заслуживаетъ, виною его крайняя, всегдашняя скромность: ни подъ одной изъ разнообразныхъ статей своихъ, въ Галатеѣ, Московскомъ Вѣстникѣ, Телескопѣ, Молвѣ, Москвитянинѣ, Русскомъ Архивѣ и пр., статей литературныхъ, критическихъ, политическихъ, онъ не подписывался. Развѣ изрѣдка буква Т. или какой-нибудь немногимъ извѣстный псевдонимъ означалъ его произведенія.

Предокъ А. Ѳ. Томашевскаго былъ православный Боснякъ знатнаго рода, Томашъ, покинувшій свою родину и переселившійся въ Малороссію отъ гоненій магометанства. Отецъ его былъ католикъ, но самъ онъ родился въ православіи и былъ убѣжденный, сознательный сынъ церкви. Онъ родился въ 1803 г. и воспитывался въ Орловской гимназіи, гдѣ однимъ изъ любимыхъ его преподавателей былъ Ѳ. Орелъ-Ошмянецъ, издававшій въ Орлѣ въ 1818 и 1819 г. рѣдкій нынѣ журналъ „Другъ Россіянъ“. Кончивъ ученье кандидатомъ словеснаго отдѣленія Московскаго университета, Томашевскій много лѣтъ сряду служилъ въ Московскомъ почтамтѣ, гдѣ завѣдывалъ почтовымъ училищемъ и нѣкоторое время былъ цензоромъ иностранныхъ газетъ. Въ 1830 г. ему велѣно было остановить тетради Всеобщей Аугсбургской Газеты, въ которыхъ помѣщено въ Нѣмецкомъ переводѣ составленное при Императорѣ Николаѣ, но не оглашенное и не приведенное въ исполненіе (по причинѣ Польскаго мятежа) положеніе объ увольненіи крѣпостныхъ крестьянъ съ землею.

Гражданское, законно-свободное преуспѣяніе нашего простонародья было любимымъ предметомъ Антона Францовича. Съ 1858 года, будучи президентомъ Комитета о просящихъ милостыни, онъ находился членомъ отъ правительства въ Московскомъ Губернскомъ Комитетѣ о помѣщичьихъ крестьянахъ, и въ тоже время умно и энергически дѣйствовалъ въ особомъ Комитетѣ, который подъ предсѣдательствомъ графа Закревскаго занимался устройствомъ уѣзднаго управленія и полиціи и правилами для разбора недоумѣній между помѣщиками и крестьянами. 19 Апрѣля 1861 г. ему объявлено особое высочайшее благоволеніе за полезное содѣйствіе въ великомъ государственномъ дѣлѣ. У него было родовое имѣніе подъ Черниговымъ. Въ старости онъ не могъ туда ѣздить, но позаботился устроить тамъ училище и

берегъ слѣдующую телеграмму, оттуда полученную: „Народъ села Довжика, празднуя открытіе училища, глубоко за васъ молитъ Бога и глубоко благодаритъ васъ, своего благодѣтеля“. Это простое заявленіе было Томашевскому дороже внѣшнихъ отличій. Хотя онъ дослужился до чина тайнаго совѣтника, но не искалъ выслуживаться и никогда не бывалъ въ Петербургѣ. Тихо, но бодро доживалъ онъ вѣкъ свой въ Москвѣ, любимый и уважаемый. Неувядающая любознательность и обширная начитанность, при твердомъ, наблюдательномъ и порою колкомъ умѣ, сообщали особенную привлекательность его бесѣдѣ. Онъ принималъ до конца живѣйшее, сердечное участіе въ современныхъ событіяхъ. Про него можно сказать словами князя Вяземскаго, что въ его любви къ отечеству было еще больше любви отеческой, нежели любви сыновней. И въ тоже время это былъ человѣкъ по преимуществу благоразумный, хотя и согрѣтый вѣрою въ великія судьбы Россіи, но въ сужденіяхъ трезвый. Кто зналъ Антона Францовича, всегда съ благодарностью помянетъ его.

III.

А. И. Кошелевъ.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка проживалъ въ Москвѣ, въ домѣ своемъ за Сухаревой башнею (на первой Мѣщанской улицѣ) отставной гвардейскій подполковникъ, вдовецъ, Иванъ Родіоновичъ Кошелевъ (1753 † 1818), родной правнукъ извѣстнаго въ новой нашей исторіи пастора Глюка, дочь котораго, Маргарита Ивановна (1689—1760), фрейлина и любимица императрицы Екатерины 1-й, была за его дѣдомъ (однимъ изъ первыхъ Преображенцевъ, шталмейстеромъ и Александровскимъ кавалеромъ Родіономъ Михайловичемъ Кошелевымъ). Иванъ Родіоновичъ служилъ нѣкогда генеральсъ-адъютантомъ при кн. Потемкинѣ, слылъ и былъ красавцемъ, но рано вышелъ въотставку. Въ 1797 г. лишился онъ жены своей, Елисаветы Петровны, ур. княжны Меншиковой (двоюродной сестры адмирала), которая оставила ему четырехъ дочерей; изъ нихъ старшей Екатеринѣ, бывшей впослѣдствіи за драматическимъ писателемъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Ивановымъ, не было 8 лѣтъ отъ роду, котда скончалась ея мать. Съ ихъ домомъ издавна находилась въ дружбѣ дочь Французскаго эмигранта (но принадлежавшая уже къ нашему исповѣданію) Дарья Николаевна Дежарденъ *). На ней Иванъ Родіоновичъ женился въ Бронницкомъ помѣстьѣ

*) Неизвѣстно почему, въ духовномъ завѣщаніи И. Р. Кошелева (въ Декабрѣ 1818) она названа два раза *Д. Н. Догеръ*, между тѣмъ какъ въ рукописной родословной, въ другихъ бумагахъ и въ общемъ преданіи она зовется Дежарденъ (Desjardins). Не было ли у нея двойное фамильное имя? Она родилась 9 Февр. 1778 г. Мать ея была Нѣмка.

своемъ Ильинскомъ, 21 Августа 1804 года, и отъ этого брака родился, 6 Мая 1806 года въ Москвѣ, достопамятный человѣкъ нашего времени *Александръ Ивановичъ Кошелевъ.*

Дѣтство его протекло подъ вліяніемъ отца, человѣка образованнаго, долго жившаго въ Англіи и учившагося въ славной Итонской школѣ. Но главною воспитательницею Кошелева была мать его († 1836), про энергію и умъ которой до сихъ поръ разсказываютъ знавшіе ее Москвичи. Мальчикъ съ раннихъ поръ отличался необыкновенною живостью. Въ 1812 году, на пути въ дальнюю Тамбовскую деревню, родители должны были его удерживать отъ лишнихъ разговоровъ съ крестьянами: когда кормили лощадей, онъ собиралъ вокругъ себя мѣстное населеніе, передавая имъ газетныя извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ.

На отрока и юношу Кошелева значительное вліяніе имѣла племянница Жуковскаго А. П. Елагина, жившая по сосѣдству съ домомъ его родителей. Дружба съ ея старшимъ сыномъ И. В. Кирѣевскимъ (1806—1856) на всю жизнь осталась святынею для Кошелева. Про него и въ глубокой старости не могъ онъ вспоминать равнодушно.

Ты сказалъ намъ: за волною
Вашихъ мысленныхъ морей,
Есть земля; надъ той землею
Блещетъ дивной красотою
Горней мысли эмпирей!

Завѣтныя области философіи и богословія рано привлекли къ себѣ Кошелева. Съ братьями Кирѣевскими и княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ предался онъ изученію классиковъ (въ особенности зналъ онъ по-гречески) и твореній Шеллинга. Художественная природа Кирѣевскаго восполняла собою трезвыя, по преимуществу логическія способности его друга. „Кошелевъ, пиши стихи!“ твердилъ ему Кирѣевскій. Но Кошелева, съ раннихъ поръ, влекла къ себѣ жизнь общественная и политическая. Онъ горячо слѣдилъ за тогдашними событіями. Аракчеевщина была въ полномъ ходу. Помѣщикъ села Грузина, повязавшись окровавленнымъ платкомъ своей убіенной Настасьи, держалъ въ рукахъ управленіе дѣлами. Пылкій юноша рвался къ дѣятельности, такъ что въ концѣ 1825 и началѣ 1826 годовъ матушка его каждую ночь заботливо держала для него на готовѣ зимнюю одежду, на случай, если его повезутъ въ Петербургъ. Родственники его были замѣшаны. Гроза миновала тогдашняго „архивнаго юношу“ (онъ служилъ у Малиновскаго съ 1823 г.).

Въ Петербургѣ пользовался большимъ вѣсомъ при дворѣ и въ обществѣ двоюродный братъ его отца, извѣстный масонъ и другъ князя А. Н. Голицына, нѣкогда жившій въ самомъ дворцѣ, Родіонъ Александровичъ Кошелевъ. Онъ пригласилъ къ себѣ въ домъ даровитаго 20-тилѣтняго юношу (въ Ноябрѣ 1826) и опредѣлилъ въ Департаментъ иностранныхъ исповѣданій, гдѣ А. И

Кошелевъ участвовалъ потомъ (1828) въ составленіи устава протестантскихъ церквей въ Россіи (въ формулярѣ его значится, что 1 Марта 1829 г. за эту работу пожалованъ ему бриллiантовый перстень). Служа въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Кошелевъ составлялъ, подъ вѣдѣніемъ графа Лаваля, извлеченія изъ заграничныхъ газетъ для представленія Государю. Обширныя родственныя связи (съ графами Мусиными-Пушкиными, князьями Долгорукими, Волконскими, Валуевыми, Волковыми и пр.), ставили его на виду въ высшемъ обществѣ; но онъ неохотно ими пользовался и предпочиталъ близость съ братьями Веневитиновыми, братьями Хомяковыми, В. П. Титовымъ, семействомъ Карамзина, Дашковымъ, Блудовымъ.

Въ 1832 году А. И. Кошелевъ ѣздилъ въ Лондонъ, состоя при графѣ А. Ѳ. Орловѣ, который посланъ былъ па Европейскую конференцію по устройству Бельгіи. Тутъ съ Кошелевымъ произошелъ случай, уже оглашенный въ нашей печати, но не совсѣмъ точно. На парадномъ обѣдѣ у нашего посла князя Ливена графъ Орловъ, говоря о своей поѣздкѣ куда-то въ Англіи, обратился къ Кошелеву и сказалъ: „И *ты*, Кошелевъ, со мною поѣдешь“. Юноша мгновенно и во все услышаніе (рѣчь шла порусски) отрѣзалъ: „Ну хорошо, я съ *тобой* поѣду“. Присутствующіе смутились. Орловъ показалъ видъ, будто не слышитъ, и къ чести его надо замѣтить, что никогда потомъ онъ не давалъ значенія этой минутной, почти безсознательной (какъ разсказывалъ самъ Кошелевъ) запальчивости. Гораздо позднѣе, въ 1849 году, будучи шефомъ жандармовъ, Орловъ оказалъ ему даже услугу, безъ всякой проволочки доставивъ заграничный паспортъ его супругѣ, которой необходимо было лечиться въ чужихъ краяхъ (а тогда полученіе паспорта сопряжено было съ чрезвычайными затрудненіями).

Вспоминая про первое свое заграничное путешествіе, Кошелевъ разсказывалъ, какъ ласково принимала его въ Веймарѣ великая княгиня Марья Павловна и какъ она не могла довольно наговориться съ нимъ порусски. По ея рекомендаціи онъ отправился къ Гёте. Тотъ принялъ его съ чиновничьею важностью и говорилъ только о Русскомъ дворѣ. Чтобъ какъ-нибудь перевести бесѣду на другой предметъ, Кошелевъ сказалъ, что привезъ ему поклонъ отъ Жуковскаго. „А Жуковскій! Онъ далеко пойдетъ! Онъ, кажется, уже дѣйствительный статскій совѣтникъ?“ Кошелевъ ушелъ раздосадованный; но на другой день карточка отъ Гёте и приглашеніе на вечеръ. Тутъ великій человѣкъ былъ уже совсѣмъ иной. Общество состояло изъ писателей и художниковъ, и разговоръ тому соотвѣтственный.

Въ формулярѣ Кошелева сказано, что въ 1832 г. онъ уволенъ отъ службы „за разстроеннымъ здоровьемъ“. Въ слѣдующемъ году видимъ его совѣтникомъ Московскаго Губернскаго Правленія. Его представляли къ повышенію, но тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудовъ частнымъ образомъ передалъ ему, что Николай Павловичъ три раза вычеркивалъ его имя. Въ

1835 г. Кошелевъ вышелъ въ отставку надворнымъ совѣтникомъ, каковымъ и оставался до самаго 1864 г. Въ Москвѣ (4 Февр. 1835) женился онъ на Ольгѣ Өедоровнѣ Петрово-Соловово, отъ которой имѣлъ сына Ивана Александровича и дочь Дарью Александровну Беклемишеву. Свободою отъ службы Кошелевъ воспользовался широко и многоплодно. Тутъ началась его обширная откупная и сельскохозяйственная дѣятельность. Цѣнить ее я не умѣю, по совершенному незнанію этихъ дѣлъ; должно однако замѣтить, что еслибы побольше землевладѣльцевъ такъ занимались своимъ хозяйствомъ, какъ въ Сапожковскомъ уѣздѣ занимался Кошелевъ, отечество было бы не въ накладѣ.

Общественная и государственная служба А. И. Кошелева въ два последнія царствованія всѣмъ извѣстна и многократно изложена въ газетныхъ о немъ статьяхъ.

Я познакомился съ нимъ въ 1853 году у пріятеля его А. С. Хомякова. Въ теченіе 1857 года былъ я его помощникомъ по изданію „Русской Бесѣды" и въ это время узналъ его близко. Это было желѣзное трудолюбіе и живость въ работѣ чрезвычайная. Дѣло такъ и кипѣло и спорилось подъ его руками, и было что-то заразительное въ его неустанной и строго-точной дѣятельности. И такимъ оставался Кошелевъ до послѣдняго дня жизни.

Миръ многозаботливой душѣ и вѣчная память многопотрудившемуся человѣку!

Петръ Бартеневъ.

ЗАМѢТКИ, ДОПОЛНЕНІЯ, ПОПРАВКИ.

I.

Въ біографіи Ѳ. И. Іордана, въ 6-й книжкѣ Русскаго Архива 1883 г., на стр. 396-й вкралась неточность. Отзывъ П. А. Плетнева относится не къ гравюрѣ Рафаелева Преображенія, какъ показываетъ слѣдующая выдержка изъ его письма къ славному художнику, отъ 17 Февраля 1862 г.

«Смотрю я на вашего Державина и не могу насмотрѣться вдоволь. Что за чудная прелесть работы вашей въ этомъ лицѣ великаго поэта! Тутъ не только возсозданіе безсмертнаго труда Тончи, но и вновь повторенная природа; опять воскресла жизнь, опять дышетъ геній, снова бьется сердце чуднаго человѣка. Да! Послѣ знаменитой побѣды вашей надъ Рафаелемъ, ничѣмъ не могли вы такъ порадовать Россію, такъ нераздѣльно слиться съ лучшими ея ощущеніями, какъ населивши всѣ ея библіотеки безсмертнымъ изображеніемъ такого гиганта, который, будучи по всему преимущественно Русскимъ, будетъ вѣчно жить въ сердцахъ нашихъ рядомъ и нераздѣльно съ однимъ Суворовымъ».

II.

Въ перепискѣ Кристина съ княжной Туркестановой, въ Русскомъ Архивѣ 1883 г., много говорится о знаменитомъ ожерельѣ, нѣкогда подаренномъ княжнѣ Лопухиной отъ Императора Павла, купленномъ у ея наслѣдниковъ помѣщичьими крестьянами и ими поднесенномъ своей госпожѣ. Это ожерелье, цѣнностію въ нѣсколько десятковъ тысячъ, и поднесеніе его Прасковьѣ Ивановнѣ Мятлевой (1772—1859 г., дочери фельдмаршала Салтыкова) возбудили въ то время немало толковъ; но немногимъ извѣстно, какъ отдарила помѣщица крестьянъ своихъ, зажиточныхъ обитателей села Порѣцкаго (Симбирской губ., Алатырскаго уѣзда, на рѣкѣ Сурѣ). Она выстроила имъ большое училище со всѣми приспособленіями, и въ немъ обучились грамотѣ десятки тысячъ людей, не только изъ многолюднаго села Порѣцкаго, но изъ всей округи. Имѣя трехъ дочерей, П. И. Мятлева ни одной изъ нихъ не оставила славнаго ожерелья, а приказала хранить его родовою собственностью, и нынѣ оно принадлежитъ ея внуку; самое же село Порѣцкое недавно перешло въ удѣльное вѣдомство.

СОДЕРЖАНІЕ РУССКАГО АРХИВА
1883 года.

Письма **Жуковскаго** къ Государю Императору Александру Николаевичу, съ предисловіемъ и поясненіями издателя. — Воспоминанія **А. П. Бутенева** 1812 и 1813 годы.— Письма **М. П. Погодина** къ С. П. Шевыреву, 1839—1864. (Шафарикъ.—Бенардаки.—Бодянскій.—Библіотека Моля.—Первые шаги „Москвитянина".—Погодинъ въ Даніи и у берлинскихъ профессоровъ.—Хомяковъ.—Увольненіе крестьянъ.—Участіе митрополита Филарета.—Три вечера въ Петербургѣ.—Чичеринъ и Герценъ.—Записки А. В. Зименки. — Шевыревъ за границею). Съ объясненіями **Н. П. Барсукова**.—Записки графини **Н. Н. Мордвиновой**.—Въ память В. А. Золотова. **Старушки изъ степи.**—Къ біографіи Жуковскаго. (Письма его матери и родныхъ).—Письмо **графа В. Д. Олсуфьева** къ митрополиту Филарету (о Кремлевскомъ колоколѣ, упавшемъ въ день присяги покойному государю Александру Николаевичу) 1855.—Записочки митрополита **Филарета** къ Е. П. Глазовой. Изъ памятныхъ замѣтокъ **П. М. Голенищева-Кутузова-Толстаго** (О Третьемъ Отдѣленіи).

Автобіографическія записки **графа Александра Романовича Воронцова** съ его портретомъ и съ послѣсловіемъ издателя.—Изъ памятной книги **Е. И. Раевской**. (И. Г. Бибиковъ —Князь Валерьянъ Голицынъ.—М. М. Парышкинъ).—Воспоминаніе о Московскомъ генералъ-губернаторѣ Н. А. Тучковѣ. **С. П. Шипова**.—Къ біографіи **Жуковскаго:** а) Его переписка о бракѣ съ М. А. Протасовой, б) Разсказъ А. П. Зонтагъ объ его человѣколюбіи. в) Его письма къ А. А. Прокоповичу-Антонскому. г) Его письмо къ Сперанскому о воспитаніи Государя Александра Николаевича. д) Его письма и шуточныя записки къ А. О. Смирновой. е) Его письмо къ графу Д. Н. Шереметеву объ увольненіи изъ крѣпостной зависимости родныхъ профессора Никитенки.—Разсказы и анекдоты про Петра Великаго.—Коронаціи императрицы Екатерины Первой: а) Разсказъ очевидца. б) Современное правительственное описаніе.

Приложенъ портретъ государственнаго канцлера графа А. Р. Воронцова. (Съ оригинальнаго портрета, хранящагося въ Одессѣ).

Записки артиллеріи маіора Елисаветинскихъ временъ **М. В. Данилова**. — Письмо графа **Н. Н. Панина** къ О. А. Поздѣеву объ охотничей собакѣ (1776).—Шуточное посланіе **А. В. Олсуфьева** къ князю Г. Г. Орлову.—Приживальщики и приживалки. Очерки недавно прошедшаго быта. **Старуши изъ степи.**—Письмо уѣзднаго дворянскаго предводителя въ мѣстному дворянину-помѣщику (1858).—Біографія графа **П. В. Завадовскаго** (Екатерининскаго любимца и перваго министра народнаго просвѣщенія) **И. С. Листовскаго.** Съ портретомъ графа Завадовскаго.—Записка **А. Н. Муравьева** о нуждахъ православной церкви въ Россіи.—Секретный приказъ Кавказскаго полководца **П. А. Вельяминова** Ладинскому (1818). Разсказы канцлера князя Горчакова объ А. С. Пушкинѣ (письмо князя А. И. Урусова къ издателю Р. Архива).—Письмо **Ѳ. В. Чижова** къ одному сановнику.

Записки Василія Александровича Нащокина, генерала временъ Елисаветинскихъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями **Д. И. Языкова.**—Бабушка Е. А. Бибикова (Изъ Записокъ ея внучки). Братья Олсуфьевы, оберъ-гофмейстеры Петра Великаго Переписка ихъ съ княземъ А. Д. Меншиковымъ (1717—1727). Со введеніемъ и примѣчаніями **гр. А. В. О.**— Воспоминанія **Григорія Ивановича Филипсона.**—Знаменательный циркуляръ въ началѣ прошлаго царствованія.—Композиторъ Сѣровъ на Петербургской гауптвахтѣ (1861).— Кіевскій генералъ-губернаторъ Н. Н. Анненковъ и М В. Юзефовичъ (по поводу Польскаго всеподданнѣйшаго адреса 1864 года)—Баратынскій. Замѣтки по поводу новаго изданія его стихотвореній 1883 года. Князь Я. Ѳ. Долгорукій, Петровскій дипломатъ и сенаторъ съ большимъ гравированнымъ его портретомъ.

Къ „Русскому Архиву" 1883 года приложены: I. Переписка Кристина съ княжною Туркестановой на Французскомъ языкѣ. II. Петербургскій Некрополь. Справочный историческій указатель надгробій на Петербургскихъ кладбищахъ В. И. Саитова. III. Большая гравюра на мѣди съ портретомъ славнаго князя Я. Ѳ. Долгорукаго.

Цѣна Русскому Архиву 1883 года съ пересылкою **десять** рублей.

ПОДПИСКА
НА
Русскій Архивъ
1884 года
(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ)

Русскій Архивъ, историческій сборникъ, преимущественно XVIII и XIX столѣтій, выходитъ въ 1884 году **шесть разъ** въ годъ, въ Генварѣ, Мартѣ, Маѣ, Іюлѣ, Сентябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ, книжками отъ 10 до 15 листовъ съ приложеніями, портретами и рисунками.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1884 году съ пересылкою и доставкою на домъ—**девять** рублей. Для Германіи—**одинадцать** рублей; для Франціи, Италіи Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ Конторѣ Русскаго Архива въ **Москвѣ**, на Ермолаевской Садовой въ домѣ 175-мъ, куда и обращаются гг. иногородные.

Въ **Петербургѣ**—у Полицейскаго моста, въ книжномъ магазинѣ Мелье; **въ Кіевѣ**, на Бульварно-Кудрявской улицѣ, въ домѣ Стефановича, у Марьи Михайловны Булгакъ.

Содержаніе Русскаго Архива 1883 года см. на оборотѣ.

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1884

2.

Стр.

1. Письма **Екатерины Великой** къ И. И. Неплюеву 1762—1765. Съ предисловіемъ и примѣчаніями 251
2. Достопамятный разговоръ Екатерины Великой съ княгинею Дашковой (1793)... 266
3. Жертва ревности князя Потемкина (В. Р. Щегловскій) 273
4. Письмо **князя Адама Чарторыжскаго** къ Н. Н. Новосильцову. (1812).......... 280
5. Разсказы изъ недавней старины. **И. С. Листовскаго** 283
6. Страницы прошлаго. **Ѳ. И. Тимирязева.** 298
7. Воспоминанія **Григорія Ивановича Филипсона.** (Посѣщеніе Кавказа княземъ Чернышовымъ.—Іеромонахъ Макарій.—Сванетская княгиня.—Подрядчикъ Вальяно.—Купецъ Митровъ. - А. И. Будбергъ.-Прощаніе съ Береговой Линіей.—Кавказская линія.—Воронцовское управленіе). 331
8. Изъ писемъ **Ѳ. В. Чижова** къ художнику А. А. Иванову....................... 391
9. Воспоминанія **Е. П. Самсонова.** (Лицейскій Пансіонъ.—Отрочество Александра Николаевича.—Польскій походъ 1831 г.—Жизнь у Н. А. Исленьева.—Унтеръ-офицеръ Батуринъ)..................... 423
10. Пушкинъ и Великопольскій. Три новыя письма Пушкина со стихами.......... 465
11. Письмо **А. Г. Родзянки** къ А. С. Пушкину................................ 470
12. Изъ замѣтокъ „Любителя Старины" на послѣднее изданіе сочиненій Пушкина.. 472

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Къ статьѣ „Страницы Прошлаго" портретъ И. С. Тимирязева.

II. Дневникъ княжны Варвары Ильинишны Туркестановой. (Августъ и Сентябрь 1818). На Французскомъ языкѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)
на Страстномъ бульварѣ.
1884.

ПИСЬМА И УКАЗЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ И. И. НЕПЛЮЕВУ.

Въ числѣ крѣпкихъ людей, пособившихъ Екатеринѣ воцариться и утвердиться на Русскомъ престолѣ, былъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ въ то время уже почти семидесятилѣтній старецъ, но еще дѣятельный и богатый долголѣтнею служебною и государственною опытностью (род. 1693, ум. 1773). Онъ принадлежалъ къ людямъ Петровскаго закала, т.-е. отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ, дѣловитостію и разнообразіемъ способностей и познаній: морякъ, дипломатъ, гражданскій и военный правитель, сенаторъ, отличный сельскій хозяинъ. Онъ былъ женатъ, имѣлъ уже дѣтей, когда Петръ потребовалъ его на тяжкую службу въ числѣ другихъ Новгородскихъ малопомѣстныхъ дворянъ и отослалъ учиться въ чужіе края морскому дѣлу. По возвращеніи оттуда, на экзаменѣ, въ присутствіи самаго Государя, Неплюевъ сталъ на колѣни, а Государь, „оборотивъ руку правою ладонью, далъ поцаловать и при томъ изволилъ молвить: „Видишь, братецъ, я и Царь, да у меня на рукахъ мозоли; а все отъ того—показать вамъ примѣръ". (Р. Арх. 1871 г., 641). Мозолистыхъ рукъ великаго преобразователя не забылъ во всю свою жизнь Неплюевъ и остался вѣренъ этому завѣту желѣзнаго трудолюбія. Екатерина дорожила имъ: онъ олицетворялъ собою государственное преданіе Петра Великаго, который любилъ Неплюева и считалъ его однимъ изъ наиболѣе удавшихся учениковъ своихъ.

28-го Іюня 1762 года, отправляясь съ войскомъ въ Петергофъ, Екатерина поручила Неплюеву, какъ старшему сенатору, въ охрану „отечество, народъ и сына своего". Въ эти роковые сутки каждая минута была дорога, и Неплюевъ безпрестанно посылалъ новой Государынѣ ѣздовыхъ съ донесеніями. Нѣкоторыя изъ этихъ донесеній намъ случалось читать. Въ одномъ изъ нихъ старый сенаторъ проситъ позволенія распорядиться, чтобы иконы обратно были вносимы въ церкви. Хотя иконоборство Петра III-го относилось только къ церквамъ домовымъ, но оно огласилось въ народѣ и окончательно остудило къ нему его подданныхъ. Извѣстно было, что въ Штетинѣ собрались Нѣмецкіе пасторы для обсужденія мѣръ къ распространенію у насъ Лютеранства. Въ Петербургѣ шептались о томъ, какъ Государь уговаривалъ полковыхъ священниковъ, чтобы они склоняли солдатъ ѣсть скоромное въ Петровъ постъ. Прибавимъ, что И. И. Неплюевъ крѣпко держался древняго благочестія, происходя по матери своей отъ славныхъ своею

приверженностью къ церковной старинѣ князей Мышецкихъ. Съ 1758 года находясь постоянно въ Петербургѣ членомъ Конференціи и въ родственной близости съ воспитателемъ великаго князя Павла, дѣловитый и заботливый о благѣ общемъ Неплюевъ долженъ былъ знать близко про высокія качества великой княгини, и хотя не принималъ прямаго участія въ ея возведеніи на царство, но съ первыхъ же часовъ ея воцаренія сдѣлался усерднѣйшимъ слугою Екатерины. На пути въ Москву, въ Царскомъ Селѣ, 1 Сентября 1762 года, Государыня возложила на Неплюева Андреевскую ленту. Его попеченію поручался Петербургъ, гдѣ, по примѣру Елисаветинскихъ продолжительныхъ отлучекъ, оставлены были только конторы двухъ главныхъ тогдашнихъ правительственныхъ мѣстъ, т.-е. Сената и Синода. Товарищами Неплюеву по засѣданію въ Сенатской Конторѣ, указомъ 19 Іюля, назначены: генералъ-полицеймейстеръ Корфъ, Алексѣй Григорьевичъ Жеребцовъ, Ѳедоръ Ивановичъ Ушаковъ и Иванъ Ивановичъ Костюринъ, и этой пентархіи подчинены еще Новгородская губернія и Остзейскія провинціи. Касательно Петербурга, Неплюеву данъ нижеслѣдующій указъ, состоявшійся по предложенію Панина (на сестрѣ котораго Неплюевъ нѣкогда былъ женатъ), какъ видно изъ бумагъ Екатерины (въ VII томѣ Сборника Имп. Русск. Ист. Общества, стр. 152): „въ разсужденіи важной новости общаго положенія и оставляемаго столь люднаго столичнаго города, въ которомъ такъ свѣжо еще остается въ памяти великое происшествіе... Неплюевъ же служитъ пятьдесятъ лѣтъ и обращался всегда въ отличныхъ дѣлахъ съ пользою“.

1 *).

Указъ нашему тайному дѣйствительному совѣтнику и сенатору Неплюеву.

На какомъ основаніи оставляемъ мы, по отсутствіи нашемъ въ Москву, теченіе государственныхъ дѣлъ въ Санктпетербургѣ, о томъ Сенату нашему дали мы знать особливымъ нашимъ отъ 19 Іюля указомъ. А вамъ, какъ старшему изъ назначенныхъ въ ономъ указѣ въ Сенатскую Контору сенаторовъ, препоручаемъ сверхъ того главное попеченіе о сохраненіи добраго порядка въ семъ столичномъ городѣ, высочайше при томъ повелѣвая, чтобы вы о всѣхъ оставшихся въ Санктпетербургѣ разныхъ командахъ имѣли свѣдѣніе и, принимая отъ нихъ репорты, командирамъ ихъ на всякія внезапныя приключенія и происшествія давали свои наставленія. Почему вы, кромѣ обыкновенныхъ конторскихъ репортовъ, можете доносить прямо на имя наше реляціями, какъ о состояніи города и въ немъ тишины, такъ и о добромъ во всѣхъ мѣстахъ порядкѣ.

*) Писанное своеручно отмѣчено вносными знаками.

Но чтобы вы, будучи главнымъ въ городѣ командиромъ, не имѣли недостатка въ содержаніи по характеру вашему благопристойнаго стола, а наипаче для празднованія торжественныхъ дней и для какихъ либо знатныхъ проѣзжающихъ чужестранныхъ, которые нерѣдко у васъ случиться могутъ, повелѣваемъ вамъ получать изъ нашей Статсъ-конторы на столъ вашъ, пока мы въ отсутствіи пробудемъ, по пяти сотъ рублей на мѣсяцъ. И оное время жить вамъ въ лѣтнемъ деревянномъ нашемъ дворцѣ *), въ крайнемъ флигелѣ съ стороны покоевъ любезнѣйшаго сына нашего, въ которомъ и пристойный караулъ нашей гвардіи подъ вѣдомствомъ вашимъ находиться будетъ.

Учинивши такой распорядокъ, твердо мы уповаемъ, что вы соизволенію нашему во всемъ соотвѣтствовать не преминете и что установленная тишина и благоденствіе въ семъ столичномъ городѣ и въ отсутствіе наше непоколебимы пребудутъ.

«Екатерина».

Августа 26 дня 1762 года.
(С.-Петербургъ).

2.

Иванъ Ивановичъ!

Получа вашу реляцію отъ 9 Сентября, въ резолюцію вамъ даю слѣдующее. Коронованіе мое, съ Божіею помощью, совершиться имѣетъ сего же Сентября двадцать втораго числа. Чего ради и вы въ Санктпетéрбургѣ сей день приличнымъ образомъ торжествовать имѣете, а именно: по отправленіи службы Божіей и молебствія, извольте сдѣлать во дворцѣ моемъ трактаментъ на счетъ казенной для тѣхъ персонъ, о которыхъ вы въ реляціи своей упоминаете. Полковъ же въ строй собирать не надобно, а произвесть пальбу пушечную изъ крѣпостей по прежнему обыкновенію торжественныхъ дней. Въ прочемъ, чтò можете придумать къ веселію своихъ гостей, то я отдаю на вашу волю и уповаю, что вами въ благопристойномъ учрежденіи ничего уронено не будетъ.

«Екатерина».

«Болѣе двухъ тысячъ не употребите».

1762 года Сентября 16 дня.
(Москва).

На подлинномъ письмѣ, мѣсто написанія письма означено: *Санктпетербургъ*; но это ошибка статсъ-секретаря: Государыня находилась тогда уже въ Москвѣ. 1-го Сентября 1762 г. она поѣхала изъ Петербурга короноваться въ Москву.

---

*) Гдѣ нынѣ Инженерная Академія или Михайловскій зàмокъ.

Приписка Н. И. Панина.

Ея Императорское Величество опредѣлить изволила полковъ въ строй не собирать при семъ торжествѣ, единственно съ тѣмъ дабы избѣжать выставливать солдатамъ погребъ, который хотя бы и умѣренъ былъ, однакожъ опасаться изволитъ слѣдствій таковыхъ, каковыми обыватели города въ недавно прошедшемъ времени обезпокоены были отъ пьяныхъ людей. Фейерверку уже быть невозможно за опозданіемъ времени къ пріуготовленію, а иллюминаціи въ городѣ необходимо быть должно. Какія изъ двухъ тысячъ издержки и на что именно сдѣланы будутъ, о томъ совѣтую счетъ прислать по порядку.

Н. Панинъ.

Первые годы Екатерина должна была соблюдать строгую бережливость. Елисавета, не смотря на военныя издержки Семилѣтней войны, оставила своему преемнику (какъ увѣряетъ преданіе) до 40 милліоновъ золотомъ; но для истощенія государственной казны (которая въ то время не была рѣзко разграничена съ казною личною и дворцовою,) достаточно было шести мѣсяцевъ безумнаго царствованія. Голодная толпа Голштинцевъ и разныхъ другихъ иноземцевъ безъ сомнѣнія накинулась на Елисаветинскія сбереженія. Немудрено, что и Фридриху Великому кое-что перепало. Тѣмъ не менѣе *двѣ тысячи* на все торжество и для того времени черезъ чуръ скудно. П. Б.

3.

Иванъ Ивановичъ!

Благопристойность, съ которою вы препроводили торжество моего коронованія, заслуживаетъ мое особливое къ вамъ благоволеніе; тѣмъ паче, что вы добрымъ вашимъ распорядкомъ участниками сдѣлали веселья вашего и полки нашей гвардіи, оставшіеся въ Санктпетербургѣ.

Дѣло о гренадерѣ Брусковѣ я прочитала и аппробую производство вами учиненное. Дай Богъ, чтобы всегда скорѣе открывалась невинность; а я неумышленныя слова ни за что вмѣняю, когда они ни моего, ни общаго покоя не нарушаютъ. Осторожностью однакожъ вашею довольна и надѣюсь, что вы и впредъ умыселъ не оставите разобрать съ простотою; въ отвращеніи перваго покажете вѣрность ко мнѣ и отечеству, а избавивши невиннаго отъ претерпѣнія, сохраните имя судьи благоразумнаго, которое я въ васъ всегда усматриваю. Впрочемъ тишина и благоденствіе въ Санктпетербургѣ мнѣ весьма пріятны. Господь Богъ да благословитъ тѣмъ и все наше любезное отечество. Москва, Октября 12 дня 1762 года.

«Екатерина».

4.

Иванъ Ивановичъ!

Получа прежнія ваши реляціи, черезъ сіе объявляемъ, что мы вашимъ наблюденіемъ тишины и добраго порядка въ городѣ весьма довольны, желая, чтобъ и впредь благословеніемъ Божіимъ въ такомъ же состояніи все пребывало. О семидесятипяти тысячахъ рубляхъ, которыя коммиссіею собраны и на лицо имѣются по сбору таможенному, яко принадлежащихъ въ нашъ Кабинетъ, мы повелѣваемъ, чтобы оныя деньги отданы были на руки статскому совѣтнику, секретарскую должность при Кабинетѣ нашемъ отправляющему, Бахиреву, о принятіи которыхъ ему уже и особливое отъ насъ повелѣніе дано.

Пребываемъ къ вамъ благосклонны.

«Екатерина».

1762 года Ноября 18 дня.
(Москва).

5.

Указъ нашему сенатору Неплюеву.

Бывшаго въ нашей службѣ генерала маіора графа Тотлебена сундукъ съ письменными дѣлами и въ немъ шкатулка его же Тотлебена, печатью запечатанная, оставлены въ вѣдомствѣ вашемъ при Сенатской Конторѣ. Въ помянутомъ сундукѣ письменныя дѣла, которыя понужнѣе, тѣ прикажите описать и опись къ намъ прислать. Но паче всего вы сами, съ нашимъ генераломъ и сенаторомъ Корфомъ и съ штатскимъ совѣтникомъ Эмме, находящуюся въ томъ сундукѣ шкатулку секретно распечатать имѣете и всѣ въ ней вещи приказать описать. А всего больше векселя или облигаціи, какія въ той шкатулкѣ есть, осмотрѣть и переводы оныхъ сюда прислать какъ наискорѣе, дабы можно было узнать, гдѣ, какая и въ чьихъ именно рукахъ денежная сумма онаго Тотлебена находится.

«Екатерина».

1762 года Ноября 19-го дня.
(Москва).

Какъ извѣстно, Тотлебенъ, еще при Елисаветѣ, обвинялся въ сношеніяхъ съ королемъ Прусскимъ. Любопытное и важное дѣло его и до сихъ поръ вполнѣ не разслѣдовано. Вотъ отличная задача для отдѣльнаго историческаго труда. Богатыя бумаги, къ тому времени относящіяся, у насъ имѣются, но не имѣется времени для ихъ разработки. П. Б.

6.

Привезенныя безъ досмотру въ Ригѣ и безъ пошлины три кипы изъ Франціи съ дамскими уборами, подъ нашимъ именемъ, намъ совсѣмъ неизвѣстны, и не знаю, почему на имя наше подписаны; ибо мы о томъ никому и никогда не приказывали, чего ради повелѣли мы ихъ отослать въ нашъ Сенатъ съ тѣмъ, чтобы онымъ кипамъ въ таможнѣ учиненъ былъ надлежащій осмотръ и взята указная съ нихъ пошлина. А впредъ въ таковомъ же случаѣ таможня поступать имѣетъ по прежнему нашему указу, то есть досмотръ чинить и пошлины надлежащія брать, хотя бы тѣ товары и на собственную нашу персону были адресованы; ибо, когда намъ понадобится что̀ особливо выписать откуда бы то ни было изъ чужихъ краевъ, тогда мы таможнѣ предварительно о томъ знать дать не оставимъ. Пребываемъ къ вамъ благосклонны.

«Екатерина».

1762 года Ноября 20 дня (Москва).

При Елисаветѣ во Франціи состояли на нашемъ жалованьи лица, обязанность которыхъ состояла въ выборѣ и указаніи модныхъ товаровъ и уборовъ. При тогдашнихъ депешахъ изъ Парижа случалось намъ находить пришитыми обращики дорогихъ тканей. Екатерина немедленно завела при дворѣ бережливую простоту и много лѣтъ по воцареніи держалась ея. П. Б.

7.

Иванъ Ивановичъ!

Отъ 21 сего мѣсяца мы репортъ вашъ и съ приложеніями получили. Учиненные вами, съ общаго съ генералитетомъ совѣта, распорядки для предохраненія въ городѣ и за городомъ тишины и спокойствія, мы весьма аппробуемъ, полагаясь на васъ, что вы и впредъ столько же благоразумныхъ мѣръ принимать въ подобныхъ случаяхъ не оставите. А каковъ къ генералу Корфу отъ насъ данъ указъ, съ онаго при семъ прилагается копія.

«Екатерина».

1762 года Ноября 26 дня.
(Москва).

Эти мѣры вѣроятно относились къ разнымъ предосторожностямъ по поводу такъ называемаго тогдашняго заговора Гурьевыхъ и Хрущовыхъ. П. Б.

8.

Иванъ Ивановичъ!

Обрѣтающемуся при таможенной коммиссіи совѣтнику Козмину позволяемъ мы для нуждъ его пріѣхать на нѣсколько времени сюда въ Москву. Сего ради, отпустя его, опредѣлите въ ту коммиссію на его мѣсто, пока онъ здѣсь пробудетъ, прокурора Ѳедора Сукина.

«У Козмина отецъ боленъ».

«Екатерина».

Въ Москвѣ, 9-го Декабря 1762 года.

9.

Иванъ Ивановичъ!

Оберъ-инспектора Шемякина, по прошенію его, на нѣсколько времени отпустите сюда въ Москву, ежели сія поѣздка не произведетъ въ дѣлѣ его какой остановки и онъ въ Петербургѣ при коммиссіи необходимъ не надобенъ. А какъ онъ прошеніе свое о томъ прислалъ къ намъ черезъ камердинера нашего Мишеля, то объявите ему при томъ, чтобы впредъ не дерзалъ употреблять къ тому комнатныхъ нашихъ служителей, которыхъ, какъ думаемъ, прикармливаетъ онъ къ себѣ по старому обыкновенію.

«Екатерина».

Въ Москвѣ, 20 Декабря 1762 года.

10.

Господинъ тайной дѣйствительный совѣтникъ.

Иностранная Коллегія приносила мнѣ жалобу, что таможенные сборщики, въ пренебреженіе именнаго указа, чинятъ чужестраннымъ министрамъ въ пропуску безпошлинно имъ позволенныхъ вещей не только остановку, но иногда и вовсе отказываютъ, о чемъ изъ оной Коллегіи двоекратно и въ Комерцъ-Коллегію уже писано, но никакого отвѣта оттуда не получено. Чего ради вамъ отъ Сенатской Конторы оныхъ сборщиковъ въ томъ поправить, дабы они впредь безъ продолженія времени, въ силу указовъ, пропускъ чинили, не дѣлая никакихъ къ тому привязокъ, что̀ для чужестранныхъ министровъ безпошлинно пропускать повелѣно.

«Екатерина».

«Изъ полицейскихъ репортовъ усмотрѣла я, что множество воровъ отосланы въ Губернскую *) и въ Сыскной Приказъ. Постараетесь, чтобы оныя дѣла скорѣе тамъ окончали и небезконечными сдѣлались».

Генваря 6-го дня 1763-го года.
Москва.

11.

Господинъ сенаторъ Неплюевъ.

Хотя указами и запрещено намъ подавать челобитныя и доношенія, но, не взирая на то, многіе отваживаются, а особливо такими недѣльными доносами и просьбами утруждать, кои не только до насъ, но ниже и не до какого правительства не принадлежатъ, какъ-то нынѣ присланнымъ къ намъ изъ Петербурга канцеляристъ Василій Михайловъ доношеніемъ показывалъ на бывшихъ въ Танбовской провинціи секретаря Перепелкина и нотаріуса Струкова въ похищеніи интереса съ 1728 по 1730 годъ, каковые уже преступники любезнѣйшей тетки нашей блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны именными указами 1741 Декабря 15 и 1744 годовъ Іюля 15 же чиселъ прощены. Онъ, отважась и за симъ, началъ тѣ дѣла возобновлять, а притомъ жалобы свои приносилъ на Сенатъ, на Кабинетъ и на бывшую Тайную Канцелярію въ неправосудіи, чего мы не находимъ. За которое его преступленіе по симъ законамъ подлежалъ онъ Михайловъ публичному наказанію и ссылкѣ въ каторжную работу; но мы, снисходя къ нему нашимъ матернимъ милосердіемъ, всемилостивѣйше отъ того освобождаемъ, а повелѣваемъ вамъ велѣть сыскавъ его доносителя наказать и выслать изъ Петербурга и къ дѣламъ никуда не опредѣлять, а притомъ обязать подпиской, чтобы онъ таковыми недѣльными доносами болѣе насъ не утруждалъ.

«Екатерина».

Въ Москвѣ, 5-го Марта 1763 года.

---

*) Т. е. въ Губернскую Канцелярію.

12.

Иванъ Ивановичъ!

Изъ собственной вотчинной конторы представлено мнѣ, что присутствующій въ ней ассесоръ Петръ Лукинъ умеръ; а какъ въ той конторѣ никого болѣе не осталось и въ отправленіи дѣлъ крайняя учинилась остановка, то постарайтесь вы, какъ по скорѣе по полученіи сего, опредѣлить, на время только, на мѣсто его честнаго, порядочнаго и знающаго въ случающихся тамо дѣлахъ человѣка. При томъ же освидѣтельствуйте и управителя Села Сарскаго Ѳедота Удалова, можетъ ли онъ къ исправленію той должности быть удобенъ и не мѣшаетъ ли ему глухота быть въ присутственномъ мѣстѣ.

«Екатерина».

Москва.
Марта 12 дня 1763 года.

13.

Иванъ Ивановичъ!

Въ лѣтнемъ дворцѣ потребно нѣкоторыя комнаты перестроить, а онѣ запечатаны. И для того препоручаю вамъ оныя при себѣ распечатать и, переписавъ всѣ находящіяся въ нихъ вещи, сохранять за вашими печатями въ другомъ мѣстѣ, гдѣ вы заблагоразсудите. Да и впредъ, есть ли для перестройки отъ Канцеляріи отъ строеній требоваться подобныя комнаты будутъ, то и съ ними поступать по тому жъ.

«Екатерина».

«Генералъ-поручикъ Бецкой проситъ, чтобъ оныя комнаты скорѣе очищены были».

Москва.
Апрѣля 6-й день 1763 года.

14.

Иванъ Ивановичъ!

Вашу реляцію о плутовствѣ (буде то найдется) оберъ-секретаря Брянчанинова и секретаря Веймарна въ утайкѣ бриллiантовыхъ вещей, я получила и вамъ благодарствую за непослабленіе таковыхъ бездѣльствъ, которыя отнюдь терпимы быть не должны. Старайтеся,

чтобъ сіе дѣло какъ наискорѣе въ Юстицъ-конторѣ приведено было къ концу и чтобъ до моего свѣдѣнія окончаніе онаго дошло.

«Екатерина».

«Я получила при томъ и другую вашу реляцію и весьма вашими распоряженіями довольна. Сожалѣю, что вы неможете».

1763 года, Апрѣля 24 дня.
Москва.

15.

«Иванъ Ивановичъ!»

«Я съ удовольствіемъ (узнала) изъ вашихъ трехъ послѣднихъ писемъ, съ какимъ попеченіемъ вы стараніе имѣете о всемъ томъ, что̀ полезно быть можетъ. Объ мостахъ и прожектѣ господина Бизюкина я оставляю себѣ къ вамъ обстоятельнѣе писать; а теперь только то сказать могу, что иной прожектъ полезнѣе не въ примѣръ, особливо для содержанія партикулярной и разоренной верфи, какъ Ольхина (взятая) въ потомственной откупъ. Видя (ваше) прилежаніе, усердіе и успѣхъ во всемъ что̀ предпріемлете, я весьма желаю знать ваше мнѣніе о дѣлѣ воеводы Мясоѣдова *). Оной воевода подряжалъ фуражъ изъ взятокъ очень дорогою цѣною. Сенатъ приказалъ дѣло изслѣдовать и, нашедъ его виноватымъ безъ сумнѣнія, приговорилъ онаго Мясоѣдова къ смерти; но нѣкоторые сенаторы (подали) свои голоса, не въ томъ, чтобы Мясоѣдова оправдать, ибо всѣ признаютъ его достойна казни, но прописываютъ, будто Сенату не дано власти безъ именнаго указа проговорить сентенцію и хотятъ, чтобъ дѣло было отослано въ Юстицъ-коллегію. Протестъ генералъ-прокурора, который того же мнѣнія, послѣ до меня уже дошелъ; а прочіе сенаторы говорятъ, что Сенатъ, не имѣя надъ собою аппелляціи, не можетъ дѣло Сенатомъ слѣдованное и производимое отослать въ нижнее мѣсто. Я же прошу васъ, единственно для моего свѣдѣнія, отписать ко мнѣ ваше на то разсужденіе, за тѣмъ, что воистинну не осталось уже съ кѣмъ здѣсь совѣтоваться».

«Екатерина».

Братовщина,
Маія 1763 года.

Подлинникъ вплетенъ въ книгу, причемъ послѣднія буквы, а иногда и цѣлое слово на краю строкъ не подлежатъ прочтенію, а расплетать невозможно за ветхостью обсыпающейся бумаги: отъ этого нѣкоторыя слова поставлены нами по домекамъ въ скобкахъ. Все письмо своеручное. П. Б.

---

*) Это былъ воевода Калужскій. Дѣло его разбиралось въ Сенатѣ въ присутствіи самой Государыни. П. Б.

16.

Иванъ Ивановичъ!

Таможенные откупщики жалобу приносятъ (какъ изъ приложенной при семъ записки усмотрите) на статскаго совѣтника Яковлева о вымышляемомъ притѣсненіи не токмо имъ откупщикамъ, но и всей коммерціи, которому однакожъ съ товарищи не инако надсмотръ надъ ними порученъ, какъ съ тѣмъ нашимъ повелѣніемъ, чтобъ онъ поступалъ не разрушая благосостоянія коммерціи. Вы сами знаете, что коммерція по большей части процвѣтаетъ вольностію и свободою, и что нашего никогда намѣренія не было такія строгости въ сіе откупное коммерческое дѣло вводить, чтобъ одни тутъ приказные порядки наблюдаемы были; но главный предметъ нашъ тотъ, чтобъ, такимъ ли или другимъ образомъ, только бы интересъ нашъ, положенный на откупщиковъ, въ казну нашу доходилъ; а въ порядкахъ, каковые оными откупщиками учреждаются для сборовъ, отнюдь имъ, яко знающимъ торгъ и купечество, помѣшательства не дѣлать. Коммерція есть дѣло по натурѣ своей такое, что одного часа непорядочнымъ учрежденіемъ кредитъ ея повреждается, который многими годами трудно напослѣдокъ бываетъ возстановить: ибо вся сила онаго зависитъ отъ корреспондентовъ кредитующихъ съ надеждою, которые, единожды будучи устрашены какимъ-либо притѣсненіемъ, не скоро паки въ таковыя мѣста повѣряютъ свои капиталы.

Ежели сихъ откупщиковъ жалоба праведная, то и предосторожность немедленно противъ сего зла взять надлежитъ, дабы обнадежить только казну нашу, что она положенную съ откупщиковъ сумму вѣрно получитъ; а какіе распорядки они къ сборамъ употребляютъ, въ томъ дать имъ волю, какъ они заблагоразсудятъ.

Сего ради извольте сіе дѣло въ Конторѣ Сенатской немедленно разсмотрѣть и изыскать такое точно учрежденіе, которое бы нашъ интересъ сохранило, а коммерцію оставило въ ея свободѣ и не налагало на купцовъ и на откупщиковъ отнюдь никакого утѣсненія.

Что̀ учините, о томъ намъ немедленно донести имѣете.

«Екатерина».

Въ Москвѣ,
Іюня 10 дня 1763 года.

17.

«Иванъ Ивановичъ!»

«Намѣреніе мое есть учредить коммиссію [1]) для разсмотрѣнія коммерціи, которой присовокупленъ будетъ трудъ разсмотрѣть всѣ государственные доходы, и однимъ словомъ все, что̀ до финанціи касается. Я желаю, чтобы вы подали мнѣ письменно, и для единственнаго моего извѣстія, ваше мнѣніе, какъ вы думаете что̀ служить можетъ къ инструкціи для той коммиссіи».

«Екатерина».

Получено
25 Іюля 1763 года.

18.

Указъ нашему тайному дѣйствительному совѣтнику и сенатору Неплюеву.

Чрезъ сіе повелѣваемъ вамъ во время отсутствія нашего въ Лифляндію имѣть въ семъ столичномъ городѣ главное попеченіе о сохраненіи добраго порядка и совершенной тишины. Чего ради о всѣхъ оставшихся въ немъ разныхъ командахъ всевысочайше повелѣваемъ имѣть вамъ свѣдѣніе и, принимая отъ нихъ репорты на имя наше, командирамъ ихъ на всякія незапныя приключенія и происшествія давать свои наставленія и о томъ къ намъ репортовать.

«Екатерина».

Іюня 20 дня 1764 года
С.-Петербургъ.

19.

Иванъ Ивановичъ!

На письмо ваше отъ 25 сего мѣсяца посылаю при семъ конфирмованный господина подполковника Ватковскаго докладъ.

«Екатерина».

«Я завтра водою отселѣ отправлюсь въ Балтійскій Портъ».

29 Іюня 1764 года
Екатериндаль [2]).

---

[1]) Эта коммиссія вскорѣ была учреждена, и въ ней дѣйствовалъ И. И. Неплюевъ. который отлично зналъ торговыя дѣла, какъ заграничныя по службѣ своей во флотѣ, такъ и внутреннія по долгому своему губернаторству въ Оренбургскомъ краю. Завѣтною его мыслію былъ торгъ съ Индіею. П. Б.

[2]) Подъ Ревелемъ. П. Б.

20.

«Иванъ Ивановичъ!»

«Курьеръ вашъ отдалъ мнѣ самой вашъ пакетъ съ приложеніями отъ 19 ч. Я очень скоро къ вамъ буду, а теперь писать некогда».

«Екатерина».

21.

«Иванъ Ивановичъ!»

«Получила я по дорогѣ отъ Пернау до сего мѣста, называема Абія, ваше письмо отъ 30 Іюня. Неслыханные пески и великія жары весьма мѣшкотнымъ сдѣлали нашъ путь. Я вчерась только три станціи переѣхала, и то болѣе половины шагомъ, и такъ не прежде Четверга пріѣду въ Ригу. Сожалѣю, что опять около Петербурга завелись шалости; однако надѣюсь, что вашимъ стараніемъ и новаго генералъ-полицеймейстера прилежаніемъ все скоро пресѣчется. Впрочемъ желаю вамъ здравствовать».

«Екатерина».

„Изъ Абія, 6 ч. Іюля 1764 г.

22.

Иванъ Ивановичъ!

Я весьма довольна умными и усердными вашими распоряженіями по Шлюссельбургской нелѣпѣ. Я спѣшу къ вамъ возвратиться, гдѣ увижу, надѣюсь, скорое окончаніе сего безумнаго дѣла. Князьямъ Голицынымъ и Вяземскому прошу поклониться отъ меня. Весьма жаль, что Апполонъ Ушаковъ утонулъ. Сумнительно, что братъ его зналъ его мысли; однако хорошо сдѣлано, что онъ арестованъ.

«Екатерина».

Рига, Іюля 11 ч. 1764 г.

23.

Иванъ Ивановичъ!

Рапорты ваши отъ 10 числа сего мѣсяца получили исправно. Чтó принадлежитъ до извѣстнаго Шлюссельбургскаго происшествія,

къ оному дѣлу надлежащія мѣры отъ меня не только приняты, но и съ довольнымъ наставленіемъ къ Никитѣ Ивановичу о томъ писано, а для слѣдствія и генералъ-поручикъ Веймарнъ въ Шлюссельбургъ отправленъ по именному моему указу. Буде уже въ городѣ слухи точные о томъ носятся, то смотрѣть только того, чтобъ они не имѣли никакого вреднаго слѣдствія, и тишина бъ пребывала ненарушимо.

«Екатерина».

Отсюда выѣдемъ въ четвергъ.

13 Іюля 1764 г. Рига.

Екатерина возвратилась въ Петербургъ 25 Іюля. Дѣло Мировича чрезвычайно заботило старика Неплюева. Въ Запискахъ своихъ (Р. Архивъ 1871) онъ говоритъ, что оно поразило его своею неожиданностью (такъ какъ даже и онъ не зналъ, гдѣ именно содержался Иванъ Антоновичъ) и что съ тѣхъ поръ, вслѣдствіе тревогъ и заботъ, сталъ онъ слѣпнуть. Въ Ноябрѣ уволился онъ вовсе отъ службы. Екатерина подарила ему въ Малороссіи обширныя волости Чеховскую и Ямпольскую.

24.

Иванъ Ивановичъ!

По знанію вашему состоянія и дѣлъ Оренбургской губерніи приказала я отправленному туда губернатору съ симъ къ вамъ явиться, желая, чтобъ нужныя наставленія въ разсужденіи тамошнихъ обстоятельствъ ему дали. Я уповаю, что ваши совѣты, оставшись въ его мысляхъ, многое подадутъ ему просвѣщеніе.

«Екатерина».

Декабря 6 дня 1764 года.
Царское Село.

25.

Иванъ Ивановичъ!

Письмо ваше я получила и за поздравленіе меня съ новымъ годомъ благодарствую; я поздравляю и васъ и желаю, чтобъ вы были веселы и здоровы. «Невѣсты ваши, сколько ихъ есть, тужатъ, что вы ихъ покинули; а мнѣ кажется, будто вы въ деревнѣ лучше видите нежели въ городѣ: имя ваше въ письмѣ ко мнѣ такъ хорошо писано, какъ вы въ тридцать лѣтъ не писывали».

«Екатерина».

1 Генваря 1765.
С.-Петербургъ.

26.

«Иванъ Ивановичъ!»

«Письмо ваше изъ Ямполя я получила и за поздравленіе съ днемъ рожденія моего благодарствую. Желаю, чтобъ спокойная теперь и беззаботная жизнь, а притомъ и лучшій противъ здѣшняго климатъ подкрѣпили ваши ослабѣвшія силы, возвратили вамъ зрѣніе и продлили вѣкъ вашъ».

«Екатерина».

28 Апрѣля 1765.
Царское Село.

*

Неплюевъ прожилъ еще около восьми лѣтъ и скончался въ имѣньи своемъ Лужскаго уѣзда, Петербургской губерніи, селѣ Поддубьѣ (Неплюевскомъ маіоратѣ) 11 Ноября 1773 года. Любопытныя автобіографическія Записки его помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1871 года съ обстоятельными объясненіями Л. Н. Майкова.

Вышенапечатанныя письма Екатерины любезно сообщены въ Русскій Архивъ въ подлинникахъ *) роднымъ праправнукомъ Ивана Ивановича, Глуховскимъ помѣщикомъ Николаемъ Николаевичемъ Неплюевымъ, авторомъ замѣчательной книги „Хлѣбъ Насущный“ (Москва, 1883), содержанію которой нельзя довольно сочувствовать. Искренно ему желаемъ такой же настойчивости и такого же успѣха въ его великомъ трудѣ, какіе имѣлъ его достопамятный прапрадѣдъ, неутомимый и искусный сѣятель просвѣщенія въ родной землѣ, постоянно учившійся у иностранцевъ, но въ тоже время крѣпко-вѣрный кореннымъ основамъ Русской жизни. П. Б.

*) Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, именно 2-е и 5-е уже были напечатаны въ VII томѣ Сборника Имп. Русскаго Истор. Общества, съ современныхъ списковъ. Изъ этого Сборника взяты нами письма 22-е и 23-е, не находящіяся въ семейномъ Неплюевскомъ сборникѣ. П. Б.

ДОСТОПАМЯТНЫЙ РАЗГОВОРЪ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ СЪ КНЯГИНЕЙ ДАШКОВОЙ [1]).

1793.

(С.-Петербургъ 1793. Первая половина Ноября).

Въ прошедшемъ Іюнѣ книжный торговецъ Глазуновъ обратился ко мнѣ съ просьбою о дозволеніи напечатать въ академической типографіи трагедію Княжнина, которую онъ только что купилъ у наслѣдниковъ этого писателя и которая носила названіе «Вадимъ Новгородскій». Я дала приказаніе отпечатать ее, но позабыла велѣть, чтобъ ее предварительно разсмотрѣли; впрочемъ, я никакъ не могла думать, чтобъ съ понятіемъ о трагедіи могло соединиться понятіе о чемъ-либо предосудительномъ. Шесть дней тому назадъ я получила отъ ея величества слѣдующую собственноручную записку: «Только что вышла въ свѣтъ трагедія «Вадимъ Новгородскій»; на заглавномъ листѣ ея значится, что она напечатана въ академической типографіи; говорятъ, что въ ней есть много язвительнаго противъ верховной власти. Вы хорошо сдѣлаете, если пріостановите ея продажу до тѣхъ поръ, пока я не прочту ее. Прощайте. А вы сами-то прочли ее?». Я отвѣчала, что дѣйствительно я позволила напечатать трагедію Княжнина, купленную однимъ книгопродавцемъ у наслѣдниковъ автора, но что этой книги у насъ [2]) нѣтъ въ продажѣ.

Это было въ Середу вечеромъ. Въ Четвергъ утромъ явился ко мнѣ Поповъ [3]). Мнѣ показалось, что̀ онъ что-то ёжится. Онъ сообщилъ мнѣ, что Императрица поручила ему передать мнѣ, чтобъ я относилась съ бо́льшимъ вниманіемъ къ тому, что́ у меня печатается. Въ

---

[1]) Извлечено изъ дружескаго письма княгини Дашковой къ брату ея графу А. Р. Воронцову въ Москву и послано не черезъ почту. („Арх. Кн. Воронцова“, кн. V-я). Подлинникъ писанъ въ перемежку, по французски и по русски.

[2]) Т.-е. при Академіи Наукъ, въ которой княгиня Дашкова была директоромъ.

[3]) Статсъ-секретарь Василій Степановичъ.

отвѣтъ на это я сказала ему, что съ моей стороны было весьма естественно предполагать, что въ трагедіи не можетъ быть рѣчи ни о чемъ другомъ, кромѣ любовной страсти, но что я ея не читала. Когда же онъ привелъ мнѣ изъ нея нѣсколько очень рѣзкихъ выраженій, я замѣтила ему, что авторъ въ исторической пьесѣ вложилъ въ уста республиканца свойственныя ему рѣчи; но что еслибы у насъ всѣ читали, я нашла бы неумѣстнымъ появленіе такой трагедіи; а такъ какъ читающая публика очень немногочисленна, то, по моему мнѣнію, слѣдовало бы пожертвовать сотни двѣ рублей и купить трагедію въ лавкахъ, въ которыя она поступила въ продажу: этимъ все бы и кончилось. Если же поднимется изъ-за трагедіи шумъ, то число читателей умножится, и съ ея содержаніемъ будутъ знакомиться изъ любопытства. Впрочемъ ея величеству нечего опасаться никакихъ другихъ впечатлѣній, кромѣ тѣхъ, которыя обыкновенно производятся трагическими тирадами, такъ какъ всѣ желаютъ продолженія ея жизни и ея царствованія.

Вечеромъ я отправилась ко двору и, представь себѣ, какъ я была удивлена, когда Императрица подошла ко мнѣ съ очень сердитымъ видомъ и сказала мнѣ: «Чѣмъ я заслужила, чтобъ вы печатали противъ меня такія оскорбительныя и ужасныя вещи?»—«Какія, ваше величество?» спросила я.—«И вы еще говорите, что мнѣ нечего опасаться!»—«Да, ваше величество», я такъ думаю.»—«Знаете-ли, что я сдѣлаю? Я прикажу сжечь эту трегедію рукою палача, а вѣдь на заглавномъ листѣ значится, что она печаталась въ Академіи.»—«Какъ вамъ будетъ угодно, ваше величество».—Этимъ разговоръ кончился. Она сѣла играть въ карты, и я также.

Въ Пятницу утромъ, мой секретарь пришелъ увѣдомить меня, что оберъ-полицеймейстеръ справлялся въ нашей книжной лавкѣ, есть ли тамъ въ продажѣ эта трагедія, на что книгопродавецъ отвѣчалъ ему, что у него никогда не было ни одного экземпляра трагедіи, но что она перепечатана въ 36-мъ томѣ Россійскаго Ѳеатра. Оберъ-полицеймейстеръ поручилъ моему секретарю [4]) просить у меня разрѣшенія на вырѣзку трагедіи изъ всѣхъ экземпляровъ этого тома, на что я и согласилась. Оберъ-полицеймейстеръ спрашивалъ, есть ли у насъ цензоръ. Г. Чихачевъ отвѣчалъ, что нѣтъ, что я ему приказала прочесть эту трагедію, но что онъ не успѣлъ этого сдѣлать. Секретарь, напротивъ того, отвѣчалъ, что есть цензоръ, что въ этой должности состоитъ г. Котельниковъ, къ которому все отсылается на пред-

[4]) Кого княгиня секретаремъ своимъ называетъ, мы не знаемъ. При ней, какъ при „директорѣ“ Академіи состоялъ „совѣтникомъ“ бригадиръ Николай Матвѣевичъ Чихачевъ. П. Б.

варительное разсмотрѣніе; но такъ какъ дѣло шло о такой маленькой брошюрѣ, то, по словамъ г. совѣтника, княгиня, вѣроятно, полагала, что онъ самъ успѣетъ ее прочесть. Но надо сказать, что (какъ я впослѣдствіи узнала) Чихачевъ въ родствѣ съ Княжнинымъ, что другой Чихачевъ, двоюродный брать того, который находится при мнѣ, состоитъ опекуномъ надъ дѣтьми автора, что онъ продалъ книгопродавцу эту трагедію, что ему не дали позволенія напечатать ее въ городскихъ типографіяхъ, такъ какъ вдова покойнаго предъявила свои права на это сочиненіе, что, наконецъ, этотъ опекунъ Чихачевъ уладилъ дѣло, давъ книгопродавцу письменное удостовѣреніе въ томъ, что онъ, въ качествѣ опекуна, продалъ ему въ пользу опекаемыхъ произведеніе ихъ отца. (Все это я слышала на слѣдующій день отъ Самойлова).

Вслѣдствіе того, что́ я узнала отъ моего секретаря, я приказала доставить мнѣ списки изъ журналовъ, какія приказанія даны мною въ теченіе лѣта касательно печатанія различныхъ произведеній частныхъ лицъ. Оказалось, что въ Іюнѣ я приказала напечатать эту трагедію съ платою по стольку-то съ листа на счетъ Глазунова; а въ журналѣ за Іюль мѣсяцъ было сказано, что если представленная къ напечатанію комедія «Чудаки» не содержитъ въ себѣ ничего достойнаго порицанія, то ее слѣдуетъ напечатать на счетъ книгопродавца по стольку-то за листъ.

Тогда я написала слѣдующее письмо къ Попову, такъ какъ онъ былъ присланъ ко мнѣ по этому дѣлу: «Прошу доложить ея величеству, что повинную голову и мечъ не сѣчетъ. Изъ приложенныхъ выписокъ увидите, что я виновата въ томъ, что не вспомнила приказать прочесть трагедію, тогда какъ о комедіи Чудаки, помысливъ, что можетъ быть сатиру на кого нибудь содержитъ, я приказала оную разсмотрѣть; что я очень сожалѣю, что въ одинадцать лѣтъ въ первой я не остереглась и что это проскочило; но что я думаю, что никто не возметъ на себя всегда всякое слово вспомнить; что мнѣ очень было прискорбно видѣть вчерась, что Государыня гнѣвна и что еслибы меня противу моего желанія не обременили Академіею, то бы и я, подобно другимъ штатсъ-дамамъ, только уваженіе, ласки и милости получала, и что я прошу, чтобъ онъ мнѣ далъ знать, что́ ея величество скажетъ».

Поповъ скоро потомъ ко мнѣ пріѣхалъ и сказалъ мнѣ, что Государыня сказала, что она сама жалѣетъ, что проскочило; но впрочемъ Поповъ сказалъ, что она гораздо мягче, а что и вчерась онъ слышалъ отъ камердинеровъ, что она, вставши изъ обѣда, господамъ какимъ-то [5]) казала въ спальнѣ эту трагедію, и слышалъ, что она сдѣлалась гнѣвнѣе, нежели поутру была. «А ваше сіятельство правы въ

---

[5]) Это были Самойловъ и Безбородко. *Примѣч. кн. Дашковой.*

томъ, что ежели дѣлать огласку о сей книгѣ, то даже списывать будутъ ее. Пусть бы, говорю я, Александру Николаевичу [6]) поручили сензуру, а то новой оберъ-полицеймейстеръ справедливо отказалъ многимъ сочинителямъ давать сензуру по новости своей и потому, что Жандръ отставленъ» [7]).

Я полагаю, что Поповъ это разгласилъ, но съ цѣлію повредить Самойлову. Подъ вечеръ сей послѣдній пріѣхалъ ко мнѣ и сообщилъ мнѣ, что онъ прямо отъ Императрицы, что она посылала за нимъ, и что она спросила его, куда и зачѣмъ онъ отправлялся въ то время какъ за нимъ пріѣзжалъ отъ нея курьеръ. Я хотѣлъ, отвѣчалъ Самойловъ, съѣздить къ княгинѣ Дашковой и попросить ее, чтобы она прислала ко мнѣ своего цензора и доставила мнѣ свѣдѣнія объ этомъ ассессорѣ Чихачевѣ.—«Но», спросила я Самойлова, «спокойнѣе ли она касательно того предмета, который не можетъ имѣть никакихъ дурныхъ послѣдствій въ теченіе ея царствованія?»—«Да», сказалъ онъ, «но необходимо вамъ объясниться съ нею; скажите ей, что вы не предполагали въ трагедіи иного содержанія, кромѣ любовной интриги».—«Трудно», сказала я, «объясняться съ монархами. Впрочемъ я этого не скажу касательно трагедій; напротивъ того, я думаю, что изъ ста трагедій не найдется десяти, въ которыхъ бы не было тирадъ противъ государей». — «Такъ обратитесь къ ней съ письмомъ».—«Я не вижу въ этомъ никакой необходимости; совѣсть моя спокойна; письмомъ къ Попову я извинялась въ томъ, что сдѣлала опрометчивость, не приказавъ прочитать трагедію, хотя въ сущности я и въ этомъ не могу себя упрекать, такъ какъ сказала на словахъ Чихачеву, чтобъ онъ ее прочелъ».—«Такъ вы такъ и скажите.»—«Я и этого не сдѣлаю, потому что она не можетъ имѣть противъ меня подозрѣнія, а моя вина заключается только въ неосмотрительности; съ его стороны она могла-бы считаться умышленною.» А за тѣмъ, ты знаешь слабость этого любезнаго человѣка: онъ началъ хвастать, что онъ не сообщилъ мнѣ и четвертой доли того, что̀ говорилъ въ мое оправданіе, потому что она сказала ему, что не хочетъ вѣрить клеветѣ, будто мы съ тобою принимали участіе въ сочиненіи Радищева. При этихъ словахъ я невольно захохотала и возразила, что еслибы ея величество сама сказала мнѣ, что она подозрѣваетъ меня въ дурныхъ замыслахъ противъ нея или противъ моего отечества, то я отвѣчала-бы, что этому не вѣрю и ссылаюсь на ея умъ и ея сердце, въ которыхъ я должна стоять выше подобныхъ подозрѣній».[8])—«Пожалуста пришлите

---

[6]) Т. е. генералъ-прокурору А. Н. Самойлову.

[7]) Все это, начиная съ письма къ Попову, въ подлинникѣ порусски.

[8]) Отсюда все порусски до словъ на слѣд. страницѣ: „Императрица вышла.“

сами мнѣ ценсора; вѣдь вы знаете, что я къ вамъ привязанъ. Я конечно ничего не скажу ему даже, что бъ убавить могло вашей власти по командѣ».—«Я очень буду рада», отвѣчала я ему, «чтобъ вы ему и инструкцію дали: но помните, что онъ нимало не виноватъ; онъ старикъ почтенный, я къ нему забыла отослать сію трагедію; онъ про нее и не зналъ.» — «Пожалуйте, пришлите и будьте покойны.» — Я таки спокойна и опослѣ завтра поѣду съ тѣмъ духомъ, какъ человѣкъ, который знаетъ, что его побранятъ за неосторожность, которую я въ тоже время въ совѣсти своей знать буду, что съ другаго на себя снимаю для его спасенія и для сокращенія безпокойствія ея, для того что во мнѣ она сомнѣваться не можетъ. — «Вы не говорите о Радищевой книгѣ: я это только изъ дружбы вамъ сказалъ». — «Если бы я другую душу имѣла», отвѣчала я, «то бы я тѣмъ паче желала съ нею говорить о сей книгѣ, что когда Козадавлева посадили въ комерцію, то Державинъ сказалъ при многихъ: «Вотъ какой я души человѣкъ, что я не сказалъ о Козадавлевѣ, что онъ участіе имѣлъ въ сочиненіи Радищева. Козадавлевъ противъ меня неблагодаренъ, меня злословитъ». Державинъ меня и брата злословитъ: я имѣю-де способъ изобличить обоихъ и не хочу. Для чего тогда Державинъ, почувствовавъ ужасъ къ слѣдствіямъ преступнаго сочиненія и зная прямыхъ сочинителей, маралъ и клеветалъ на честныхъ людей? Вышеупомянутая рѣчь мнѣ пересказана отъ честнаго и нелживаго человѣка, отъ Богдановича, при которомъ онъ говорилъ».

Суббота прошла безъ всякихъ новыхъ или какихъ либо переговоровъ отъ кого-нибудь. Въ Воскресенье я, по обыкновенному, утромъ поѣхала во дворецъ. Скоро изъ спальни вышелъ Самойловъ и, прошедъ нарочно мимо меня въ брилліантовую комнату, въ полъ-голоса мнѣ сказалъ: «будьте умѣренны, снисходительны». Казалось, что онъ боялся, чтобъ кто не примѣтилъ, что онъ промолвилъ со мною. Признаюсь, что мнѣ и жалко, и смѣшно было. Я сказала ему: «совѣсть моя чиста и спокойна».

Императрица вышла, и выраженіе ея лица показалось мнѣ очень серьознымъ. Я, по обыкновенію, подошла къ ней. Она, также по своему обыкновенію, пригласила меня въ брилліантовую комнату. Войдя туда, я подошла къ ней и сказала: «Я очень жалѣю о сдѣланной мною оплошности; прошу васъ извинить меня». За тѣмъ, не давая ей времени принять гнѣвный тонъ, я поцѣловала у ней руку, а она поцѣловала меня въ щеку. Она велѣла уйти Французу-парикмахеру и сказала мнѣ: «Однако признайтесь, что это непріятно».— «Я въ этомъ сознаюсь, потому-то и меня это огорчаетъ».—«Но мнѣ хотятъ помѣшать дѣлать добро: я его дѣлала сколько могла и для частныхъ людей, и для страны; ужъ не хотятъ-ли затѣять здѣсь такіе-же ужасы, какіе мы видимъ

во Францію?» — «Надѣюсь, что не найдется такихъ безумцевъ». — «Однако такіе есть, какъ вы сами видите.» — «Я никогда не слыхала иныхъ мнѣній и иныхъ желаній, какъ чтобы ваше царствованіе было продолжительно». — «Есть люди неблагодарные и есть люди фальшивые; а у кого дурное сердце, тотъ желаетъ несчастія другимъ». — «Извините, ваше величество: для этого недостаточно только дурнаго сердца; надо, чтобъ и голова была не въ порядкѣ; потому что дурное сердце можетъ располагать къ злости и мстительности, но не можетъ заставить желать своего собственнаго несчастія, несчастія своихъ дѣтей и пролитія потоковъ крови». — «Если монархъ есть зло, то это зло необходимое, безъ котораго нѣтъ ни порядка, ни спокойствія». — «Ваше величество уже сдѣлали мнѣ честь сообщить мнѣ это выраженіе, столь трогательное въ устахъ монаршескихъ, и я уже отвѣчала вамъ, что не въ ваше царствованіе можно считать это зломъ». — «Что̀ касается меня, то я могу легко выносить все что̀ будутъ говорить про меня, и если съ моей стороны преступленіе занимать то мѣсто, на которомъ я нахожусь (такъ какъ я сознаю, что не имѣла не него ни правъ рожденія, ни какихъ либо другихъ), то и вы раздѣляете со мной это преступленіе». Я пристально посмотрѣла на нее и имѣла достаточно деликатности, чтобъ не поддерживать разговора о такомъ сопоставленіи и такомъ признаніи. Она снова заговорила: «Это уже второе изданіе въ такомъ родѣ; есть уже и такое-же сочиненіе; да вѣдь это чѣмъ дальше, тѣмъ больше». — «Подобное проскользнуло въ первый разъ въ теченіе тѣхъ одинадцати лѣтъ, въ которыя я завѣдую Академіей. Это была также трагедія?» — «Нѣтъ, это было путешествіе. Теперь я буду ожидать третьяго». — «Мнѣ кажется, что я догадываюсь, о чемъ ваше величество изволите говорить; на этотъ счетъ есть анекдотъ, о которомъ многіе знаютъ. За годъ до изданія этого сочиненія, авторъ напечаталъ жизнеописаніе одного изъ своихъ друзей, молодаго человѣка, который пилъ, ѣлъ, спалъ и умеръ, какъ всѣ другіе, не совершивъ ничего, о чемъ стоило бы упоминать. Однажды, какъ мы собрались въ Россійской Академіи, г. Державинъ завелъ рѣчь о томъ, что у насъ плохо знаютъ Русскій языкъ, что у насъ знакомы только съ значеніемъ словъ, а все таки воображаютъ, что могутъ писать. За тѣмъ онъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ, что онъ только что прочелъ глупую книгу Радищева [1]) по поводу смерти одного изъ его друзей и спросилъ у меня, читала ли я ее. Я отвѣчала, что книги не читала, но что не думаю, чтобъ она была глупа, такъ какъ самъ авторъ не глупъ. Тогда Державинъ послалъ за книгою (онъ жилъ въ зданіи Академіи) и ссудилъ мнѣ ее. Прочитавъ ее, я убѣдилась, что авторъ хо-

[1]) „Житіе Ушакова“. См. XVIII вѣкъ, кн. IV-ю.

тѣлъ подражать «Сентиментальному Путешествію» Стерна, что онъ читалъ Клопштока и другихъ Нѣмецкихъ писателей, но не понялъ ихъ, и я сказала въ присутствіи многихъ, что онъ запутался въ метафизикѣ и сходитъ съ ума. Я тоже предсказывала Зуеву и, если бы у него не было жены, которая его удерживаетъ, его пришлось-бы посадить въ домъ сумасшедшихъ».—«Кто такой этотъ Зуевъ?»—«Онъ академикъ», отвѣчала я. Потомъ разговоръ зашелъ о Гершелѣ и его телескопѣ. За тѣмъ пришли великія княжны, всѣ пошли къ обѣднѣ, я осталась обѣдать, а вечеромъ отправилась къ графу Н. Салтыкову, который пригласилъ меня къ себѣ, потому что ожидалъ великаго князя Александра Павловича съ супругой. Марковъ, съ которымъ я заговорила о моемъ дѣлѣ, сказалъ мнѣ, что я вела себя прекрасно, какъ женщина съ умомъ и характеромъ, что я не должна тревожиться; что надо быть сумасшедшимъ, чтобъ меня подозрѣвать, что я во многихъ отношеніяхъ выше такихъ подозрѣній и что я должна считать это дѣло конченнымъ.

Дѣйствительно, о немъ болѣе не было рѣчи; но представь себѣ мое удивленіе, когда Новосильцовъ, обѣдая у меня съ женой, сказалъ мнѣ, что ея величеству донесъ на эту книгу Иванъ Петр. Салтыковъ, что графъ Ник. Ив.[10]) самъ сообщилъ объ этомъ Торсукову съ гнѣвомъ и скорбью. «Дуракъ», говорилъ онъ, «думаетъ подслуживаться доносами, а того не разумѣетъ, что ее самоё понапрасну мучитъ и тревожитъ» [11]). Марковъ уже говорилъ мнѣ, что люди безъ заслугъ и способностей, не зная какъ сдѣлаться необходимыми, тревожатъ ее своими выдумками и что она очень безпокойна. Дней десять тому назадъ, мнѣ говорили, что кредитъ Самойлова падаетъ съ каждымъ днемъ и что онъ держится только при помощи этой исторіи. Наконецъ, вчера Новосильцовъ сказалъ мнѣ, что ея величество была въ прошлый Понедѣльникъ очень разгнѣвана на Самойлова и сказала ему, что при Вяземскомъ она никогда не имѣла такихъ непріятностей и не видѣла такого безпорядка въ финансовомъ управленіи. Самойловъ былъ очень печаленъ до Четверга; въ этотъ день съ нимъ велись продолжительныя и интимныя бесѣды по поводу этой книги, а въ Пятницу онъ былъ внѣ себя отъ радости. Онъ сказалъ Новосильцову съ самодовольствомъ, что онъ все уладилъ и что, отзываясь хорошо обо мнѣ, онъ устроилъ это дѣло въ его настоящемъ видѣ.

Вотъ, мой другъ, очень долгое письмо и большія подробности; но такъ какъ я нахожу ихъ очень интересными и увѣрена, что и тебя они займутъ, то я уже второй день ихъ записываю. Скажу тебѣ въ

---

[10]) Салтыковъ же, жившій во дворцѣ.

[11]) Этотъ отзывъ про графа Н. П. Салтыкова въ подлинникѣ по русски.

заключеніе, что я очень рада тому, что была у этого Салтыкова; потому что, сама того не зная, этимъ доказала ему, что его злоба не была для меня гибельна и что я презираю его; но при первомъ удобномъ случаѣ я скажу въ его присутствіи, что у людей есть различные способы что иные изъ нихъ, по недостатку заслугъ и дарованіи, безпокоятъ и чернятъ честныхъ людей.

ЖЕРТВА РЕВНОСТИ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ Петербургѣ можно было встрѣтить высокаго сгорбленнаго старика, еще довольно бодраго, въ капитанскомъ мундирѣ Екатерининскихъ временъ, съ золотымъ Очаковскимъ крестомъ на груди.

Это былъ нѣкто Щегловскій.

Онъ началъ свою службу еще при Елисаветѣ Петровнѣ рядовымъ въ Кексгольмскомъ полку. Въ Семилѣтнюю войну онъ получилъ подъ Кольбергомъ тяжелую рану и попалъ въ плѣнъ. По возвращеніи въ Россію, онъ снова вступилъ въ службу и участвовалъ въ штурмѣ и взятіи Бендеръ, въ Крымскомъ походѣ служилъ во второй арміи и находился при взятіи Перекопа, Керчи, Еникале и пр. Въ 1771 году Щегловскій былъ въ томъ отрядѣ, который въ Судакскихъ горахъ мужественно выдерживалъ въ продолженіи 18 дней безпрерывныя атаки Турокъ. Здѣсь онъ получилъ рану въ шею, былъ задѣтъ стрѣлою въ голову, раненъ кинжаломъ въ руку и захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ маіоромъ Зоричемъ. Плѣнники были отправлены въ Константинополь, откуда Щегловскаго отвезли въ Архипелагъ, и здѣсь на островахъ онъ находился въ работахъ четыре года. По заключеніи мира, вернувшись на родину, онъ былъ зачисленъ на службу корнетомъ въ Ахтырской гусарскій полкъ и находился въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Екатерину въ ея поѣздкѣ изъ Кіева въ Херсонъ въ 1787 году. Въ слѣдующемъ году Щегловскій принималъ участіе въ переправѣ нашихъ войскъ черезъ Бугъ и во взятіи Березани. Въ этихъ дѣлахъ онъ отличился и получилъ отъ Потемкина награды: саблю, капитанскій чинъ и Георгіевскій крестъ. Другой крестъ полученъ имъ за Очаковъ. Наконецъ, въ 1789 году Щегловскій участвовалъ въ сраженіи при Фокшанахъ, гдѣ была захвачена непріятельская главная квартира и взято въ плѣнъ двое пашей и 960 нижнихъ чи-

новъ. Плѣнники были отданы подъ присмотръ Щегловскаго. По предписанію свѣтлѣйшаго прибывъ въ Ольвіополь, онъ въ 1790 г. получилъ отъ князя изъ Молдавіи приказъ сдать плѣнныхъ поручику Никорицѣ, а самому слѣдовать въ Яссы. Вскорѣ по пріѣздѣ въ этотъ городъ Щегловскій получилъ рапортъ поручика о томъ, что девять человѣкъ Турецкихъ офицеровъ убѣжали изъ плѣна. Онъ немедленно донесъ объ этомъ главному дежурству въ Яссахъ. Черезъ нѣсколько дней прибылъ офицеръ съ командою. Щегловскій за побѣгъ плѣнныхъ былъ безъ всякаго допроса и суда арестованъ и въ кандалахъ отправленъ въ Сибирь.

Причина гнѣва Потемкина заключалась, по словамъ Щегловскаго, вовсе не въ побѣгѣ плѣнныхъ офицеровъ, а совсѣмъ въ другомъ обстоятельствѣ: онъ имѣлъ счастіе, или скорѣе несчастіе, понравиться одной Польской княжнѣ, за которою ухаживалъ свѣтлѣйшій. Такъ объясняетъ это дѣло Щегловскій, и тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Извѣстно, что Потемкинъ и среди военныхъ тревогъ ревностно упражнялся въ наукѣ страсти нѣжной, и именно къ 1790 году относится письмо графа Чернышова изъ лагеря подъ Измаиломъ, въ которомъ читаемъ: «Кромѣ общественныхъ баловъ, бывающихъ еженедѣльно по два или по три раза, у князя каждый день собирается немноголюдное общество въ двухъ маленькихъ комнатахъ, великолѣпно убранныхъ; въ оныхъ красуется вензель той дамы, въ которую князь влюбленъ. Тамъ бываютъ одни приглашенные; даже адъютанты и приближенные князя въ это время не могутъ засѣдать въ пріемной; до такой степени важно это святилище. Впрочемъ, Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится, ибо ждутъ Браницкую, и уже посланъ офицеръ встрѣтить ее. Г-жа Л. должна немедленно пріѣхать и везетъ съ собою молоденькую дѣвушку, лѣтъ 15 или 16, прелестную, какъ амуръ. Говорятъ, что это П., но не знаю, которая; не П. ли это, жившая при дворѣ вмѣстѣ съ М.? Какъ бы то ни было, князю готовятъ жертву, которую добылъ генералъ Львовъ» *).

Щегловскій исчезъ моментально, и съ тѣхъ поръ о немъ не слыхали. Его увезли такъ поспѣшно, что не дали даже собрать пожитковъ: онъ едва успѣлъ захватить свой дорожный погребецъ, а остальное имущество и въ томъ числѣ драгоцѣнные подарки, полученные отъ Императрицы, было брошено.

---

*) Рус. Арх. 1871 г., стр. 387, смотри тамъ же соч. Державина, изд. Я. Грота. I, стр. 477 и др.

Пятьдесятъ лѣтъ прожилъ Щегловскій въ Сибири, сначала въ Тобольскѣ, а потомъ въ Иркутскѣ. Каково было тамъ жить, можно судить по слѣдующему.

Въ Иркутскѣ проживалъ поручикъ Любавичъ, сосланный въ Сибирь графомъ Румянцовымъ. Щегловскій познакомился съ нимъ. Однажды, когда Щегловскій былъ въ гостяхъ у городничаго, сему послѣднему доложили, что Любавичъ скоропостижно умеръ. Щегловскій, который еще наканунѣ былъ у Любавича, заподозрѣлъ убійство и потребовалъ, чтобы тѣло было подвергнуто освидѣтельствованію. При осмотрѣ на тѣлѣ покойнаго была найдена рана, тщательно замазанная свинцовыми бѣлилами. Оказалось, что квартирный хозяинъ убилъ Любавича, польстясь на его деньги. Послѣ этого случая жена городничаго уговорила Щегловскаго поскорѣе жениться, чтобы не подвергнуться участи своего пріятеля. Щегловскій женился. И дѣйствительно, жить въ Иркутскѣ одному было не безопасно. Въ погребцѣ у Щегловскаго хранилось около 6000 червонныхъ и серебро. По пріѣздѣ въ Иркутскъ онъ купилъ себѣ землю и домъ. Разъ, собираясь что-то купить, онъ хватился погребца, но погребецъ былъ украденъ. Вора не нашли. Прошло съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ. Однажды знакомый Щегловскому вахмистръ пригласилъ его къ себѣ за какимъ-то дѣломъ. Щегловскій пошелъ къ нему и увидѣлъ передъ домомъ вахмистра собравшуюся толпу народа. Оказалось, что вахмистра и его жену удавили. Въ комнатѣ, куда вошелъ Щегловскій, всѣ вещи были разбросаны, и среди комнаты онъ увидалъ свой погребецъ, раскрытый и пустой. Слѣдствіе обнаружило, что сторожъ, жившій у вахмистра, привелъ къ себѣ наканунѣ гостей, которые убили и ограбили хозяевъ. Сторожъ тоже былъ найденъ въ лѣсу убитымъ, а разбойники скрылись. Имущество убитыхъ взято въ судъ, но во время производства слѣдствія также украдено.

Оставшись безъ денегъ, Щегловскій занялся, по совѣту одного аптекаря, разведеніемъ и приготовленіемъ табаку. Приготовивши табакъ, онъ ходилъ по улицамъ и останавливалъ прохожихъ, спрашивая ихъ: «а нюхали вы мой табачекъ?» Табакъ пришелся по вкусу жителямъ; вскорѣ его стали выписывать и въ другіе города. Щегловскій открылъ семь лавочекъ въ разныхъ мѣстахъ Иркутска и разжился. Но введеніе откупа на табакъ сново разорило его.

Проживъ пятьдесятъ лѣтъ въ ссылкѣ, и, слѣдовательно, будучи уже въ глубокой старости, Щегловскій все еще не терялъ надежды на освобожденіе. Не рѣдко замѣчали, что старикъ, оставаясь одинъ въ комнатѣ, обращался къ портрету Государя, висѣвшему на стѣнѣ, и со слезами говорилъ: «Государь! освободи меня. Безвинно страдаю!»

Когда младшій сынъ Щегловскаго подалъ прошеніе о поступленіи на службу, дошло наконецъ до свѣдѣнія высшаго начальства, что въ Иркутскѣ живетъ уже около пятидесяти лѣтъ сосланный въ 1790 г. по ордеру генералъ-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго, за упущеніе 9-ти человѣкъ Турокъ, капитанъ Щегловскій. По докладу графа А. Х. Бенкендорфа, императоръ Николай, 22 Марта 1839 года, повелѣлъ: «сосланнаго въ Сибирь и лишеннаго чина бывшаго капитана Щегловскаго оставить свободнымъ и, во вниманіе къ нынѣшнему похвальному его поведенію, по бѣдности его, пожаловать ему тысячу рублей ассигнаціями».

Щегловскій хотѣлъ было лично благодарить Государя; но лѣта, недостатокъ средствъ и разстояніе въ 6000 верстъ удержали его отъ путешествія въ Петербургъ. Но когда въ Иркутскъ дошла вѣсть о томъ, какія монаршія милости получилъ казакъ Назимовъ, пришедшій изъ Сибири видѣть Царя, Щегловскій рѣшился ѣхать.

Пребываніе въ столицѣ было торжествомъ для старика. Государь прислалъ ему полную маіорскую форму Екатерининскихъ временъ, сшитую по указаніямъ извѣстнаго знатока А. П. Висковатаго: свѣтлозеленый мундиръ съ красными отворотами и золотымъ эполетомъ на лѣвомъ плечѣ, красный камзолъ съ широкимъ золотымъ галуномъ, треугольную шляпу съ бѣлымъ короткимъ султаномъ, полусаблю, шпоры, маіорскую трость, бѣлый суконный плащъ и напудренный парикъ съ буклями. Въ этой формѣ Щегловскій нѣсколько разъ являлся во дворецъ. На вопросъ покойнаго государя Александра II-го о томъ, за что его сослали въ Сибирь, Щегловскій отвѣчалъ: «Если ваше высочество дозволите сказать откровенно, всѣмъ бѣдамъ на свѣтѣ одна причина, и всѣ люди терпятъ за одну вину: Адама и Еву. Я потерпѣлъ за Еву».

Щегловскій былъ на Майскомъ парадѣ въ своемъ старинномъ мундирѣ, и зрители съ удивленіемъ смотрѣли на этого представителя прошедшаго столѣтія. Какъ Елисаветинскій столѣтній рядовой, онъ получилъ во сто разъ болѣе, чѣмъ другіе участвовавшіе въ парадѣ. Подарки сыпались ото всюду на Щегловскаго: онъ сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Извѣстный въ то время литераторъ и откапыватель Россійскихъ самобытностей, Борисъ Ѳедоровъ собралъ свѣдѣнія о Щегловскомъ, записалъ слышанныя отъ него воспоминанія и разсказы и издалъ все это въ 1844 году особою книжкою подъ заглавіемъ: «Стосемилѣтній старецъ въ Петербургѣ».

Щегловскій хорошо помнилъ, какъ Елисавета Петровна въ 1744 году пріѣзжала на богомолье въ Кіевъ. Ему было тогда лѣтъ десять. Онъ съ другими мальчишками бѣжалъ по улицѣ за Государыней, ко-

торая ласково кланялась народу и раздавала дѣтямъ конфеты и яблоки. Съ гордостью разсказывалъ старикъ, какъ онъ, въ 1787 году, сопровождалъ Екатерину II въ поѣздкѣ изъ Кіева въ Херсонъ, танцовалъ на балу и въ Малороссійской мазуркѣ перемѣнилъ четырехъ дамъ. Государыня аплодировала ему и подарила золотую табакерку. При переѣздѣ изъ Кинбурга, на обратномъ пути, Екатеринѣ пришлось ѣхать черезъ Сивашъ. Буря снесла мостъ, и надо было построить скорѣе новый. Государыня спѣшила выѣхать, а еще неизвѣстно было, готовъ ли мостъ. Потемкинъ послалъ Щегловскаго справиться объ этомъ. Щегловскій въ три часа сдѣлалъ 54 версты, загналъ нѣсколько лошадей и успѣлъ вернуться, пока Государыня останавливалась для обѣда. Войдя въ столовую, Щегловскій, едва переводившій дыханіе, доложилъ Потемкину: «Ваше сіятельство! Мостъ готовъ».—«Какъ?» съ удивленіемъ спросила Государыня: «Онъ уже успѣлъ съѣздить?» Она такъ была довольна быстрымъ исполненіемъ порученія, что сняла съ руки бриллiантовый перстень и подарила его Щегловскому.

Про фаворита Екатерины, Зорича, съ которымъ Щегловскій былъ вмѣстѣ взятъ въ плѣнъ Турками, онъ разсказывалъ слѣдующее: «Храбрый маіоръ Зоричъ былъ окруженъ Турками, защищался мужественно и рѣшился дорого продать свою жизнь. Многіе пали отъ руки его; наконецъ, видя необходимость уступить и поднятыя надъ собою сабли, онъ закричалъ, указавъ на грудь свою: *я капитанъ-паша*! Это слово— спасло ему жизнь. Капитанъ-паша у Турокъ, полный генералъ, почему и отвели Зорича въ Константинополь, гдѣ онъ былъ представленъ султану, какъ Русскій генералъ. Его умъ, важный видъ, осанка, разсказы о его мужествѣ, все побуждало султана отличить его, и онъ даже предложилъ Зоричу перейти въ Турецкую службу, съ тѣмъ чтобъ онъ перемѣнилъ вѣру. Обѣщаны почести и награды; Зоричъ отвергъ ихъ. Султанъ обратился къ угрозамъ и строгимъ мѣрамъ, но ничто не могло поколебать Зорича. Наконецъ, политическія обстоятельства перемѣнились, и султанъ, желая склонить Императрицу къ миру, согласился на размѣнъ плѣнныхъ, и въ письмѣ своемъ поздравлялъ Императрицу, что она имѣетъ столь вѣрныхъ подданныхъ, какъ храбрый Русскій генералъ Зоричъ, который отвергъ всѣ его предложенія. Государыня велѣла справиться, какой Русскій генералъ Зоричъ былъ въ плѣну у Турокъ? Ей донесли, что взятъ въ плѣнъ маіоръ Зоричъ, а генерала Зорича ни въ службѣ, ни въ спискахъ не значилось. Наконецъ, Зоричъ, возвращенный въ Петербургъ, былъ представленъ Императрицѣ.—«Вы маіоръ Зоричъ? спросила его Государыня.—Я, Ваше Величество, отвѣчалъ онъ, не запинаясь. «Съ чего же, продолжала Императрица, вы назвались Русскимъ капитанъ-пашею? Вѣдь

это полный генералъ».—Виноватъ, Ваше Величество, для спасенія жизни, и чтобы еще имѣть счастіе служить Вашему Величеству и Отечеству, я назвалъ себя полнымъ генераломъ.—«Будьте же вы полнымъ генераломъ, продолжала Императрица. Турецкій султанъ хвалитъ васъ, и я не сниму съ васъ чина, который вы себѣ дали и заслужили» *).

Въ Маѣ 1843 года Щегловскій ѣздилъ за пятнадцать верстъ отъ Петербурга въ Рыбацкую слободу, въ домъ поэта Ѳ. Н. Слѣпушкина на свадьбу, пробылъ тамъ до 5 часовъ утра, разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ и даже принималъ участіе въ танцахъ. Музыканты сыграли въ честь его самый старинный маршъ, какой могли припомнить, а Щегловскій спѣлъ пѣсню, которую сложили его солдаты на взятіе Березани:

Станемъ, братцы, веселиться,
Русскихъ славу прославлять!
Вы ребята боевые,
Пойте пѣсни удалыя!
За баталію была
Отъ Царицы похвала.
На Косу мы выходили,
И всѣхъ Турокъ побѣдили;
Тамъ Щегловскій капитанъ
Насъ впередъ повелъ на станъ.
Ну, ребятушки, ступайте,
И штыками прогоняйте!
Турки видятъ удалыхъ,
Призатихла наглость ихъ.
Турки, бросивъ свои шанцы,
Побѣжали, словно зайцы.
Мы прогнали ихъ полки.
Сильны Русскіе штыки!
Траншементы мы отбили,
И пашу мы полонили;
Тамъ Щегловскій капитанъ,
Насъ съ побѣдой поздравлялъ.

---

*) Оцѣнка этого анекдота сдѣлана въ Русскомъ Архивѣ 1879 г. № 5, въ біографіи Зорича, стр. 43, 68 и 78.

Вы, ребята, дѣломъ храбры
И въ Россіи стали славны;
Окончаемъ пѣсню тѣмъ:
Было страху Туркамъ всѣмъ.

Щегловскій собирался ѣхать обратно въ Сибирь, гдѣ его ждала семья. Но смерть захватила его. Онъ погребенъ въ Петербургѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ Александровской Лавры, гдѣ и теперь еще можно прочесть на его могилѣ: «Щегловскій Василій Романовичъ, гвардіи капитанъ, жалованъ двумя орденами за одержанную побѣду подъ Очаковымъ и Бендерами. Былъ въ Сибири 49 лѣтъ и, по прибытіи въ С.-Петербургъ, скончался въ 1845 году. Памятникъ ставила дочь его Ольга Щегловская».

ПИСЬМО КНЯЗЯ АДАМА ЧАРТОРЫЖСКАГО КЪ Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВУ.

№ 24. Sieniawa, ce 12 (25) décembre 1812.

Klaczewski que j'envoie à Pétersbourg est chargé de remettre à l'Empereur un mémoire sur les affaires de Pologne et sur la manière dont il convient de les conduire après les succès obtenus. Après de pareilles succès il faut faire de grandes et belles choses. Une conquète très-chère et fort ordinaire comme tant d'autres, serait trop peu et laisserait tout au même point. Le rétablissement de la Pologne dans le sens proposé est nécessaire à la Russie, à l'Angleterre, à toute l'Europe. C'est paralyser d'un trait les moyens de Napoléon dans le Nord. Ce doit être une des conditions de la paix générale, si l'on parvient à la conclure, et une manière de continuer la guerre avec succès, si l'on ne peut l'éviter. Dans le cas où la guerre continue, il s'agit de faire en sorte que les Polonais veuillent donner leur dernier sol et se faire couper la gorge pour la cause commune. Le grand-duc Constantin les effraye surtout. Ils craignent qu'il n'y aura pas de constitution qui puisse les garantir des violences d'un successeur d'Alexandre.

Au reste, je demande d'être instruit des idées et des désirs de Sa Majesté Impériale. Les ignorant, je n'ai pu présenter que des opinions et des hypothèses. Mais si je suis instruit, je crois avoir plus de moyens que tout autre pour combiner les désirs des deux partis, si tant il y a qu'ils soyent combinables, et pour parvenir vite à une fin. Je regrette de ne pouvoir vous envoyer une copie de mon mémoire. Mes conclusions me semblent sans réplique. Vous en jugeriez, peut-être, autrement; j'ignore quel est à présent votre avis sur cette matière. Mais, en me retraçant le genre de votre esprit et de votre coeur, il me paraît que vous devriez partager mon opinion. Au reste, on m'assure que

vous êtes hors des affaires. J'ai vu avec regret que vous n'aviez pas eu la place d'Angleterre.

Si ma patrie, après avoir cru renaître, périt décidément par vous autres, qui vous dites les protecteurs des opprimés et les défenseurs de la bonne cause, je ne sortirai plus de ma coquille, où cependant vous serez toujours sûr d'être bien reçu. Cette faveur ne sera pas banale. Je répète à l'Empereur mon instante prière pour ma démission. Si vous pouvez m'aider à l'avoir, n'y manquez pas: vous me rendrez par là un véritable service.

Mettez-moi aux pieds des dames. J'ai appris avec une grande joie que Stroganow s'en était tiré avec une légère blessure. Je ne lui écris pas, car il est sûrement à l'armée; non plus qu'à Kotchubey, ne sachant pas s'il se trouve à S-t Pétersbourg. Adieu, cher et bon ami; je vous embrasse avec une amitié qui durera tant que je vivrai.

Ne me compromettez pas.

Надпись: A s. e. monsieur de Novosiltzoff, sénateur etc. à S-t Pétersbourg.

Съ подлинника, любезно сообщеннаго въ Р. Архивъ Николаемъ Яковлевичемъ Макаровымъ. (Сличи Р. Архивъ 1875 г. I, 325 и далѣе). На обложкѣ письма значится, что оно получено отъ В. С. Новосильцова. П. Б.

ПЕРЕВОДЪ.

Сенява, 12 (25) Декабря 1812.

Клячевскому, котораго я посылаю въ Петербургъ, поручено передать Государю Императору записку о Польскихъ дѣлахъ и о томъ, какъ слѣдовало-бы ихъ вести послѣ достигнутыхъ успѣховъ. Послѣ такихъ успѣховъ надо совершить что нибудь великое и прекрасное. Завоеваніемъ, очень цѣннымъ и, подобно многимъ другимъ, весьма обыкновеннымъ, нельзя удовлетвориться, и это значило бы оставить все по старому. Возстановленіе Польши въ предложенномъ смыслѣ необходимо и для Россіи, и для Англіи, и для всей Европы. Оно однимъ разомъ парализовало-бы средства, которыми располагаетъ Наполеонъ на Сѣверѣ. Оно должно быть однимъ изъ условій общаго мира, если удастся его заключить и способомъ продолжать войну съ успѣхомъ, если нельзя будетъ избѣжать ея. Въ случаѣ если война будетъ продолжаться, надо сдѣлать такъ, чтобъ Поляки готовы были отдать свою послѣднюю копѣйку и жертвовать своею жизнію для общаго дѣла. Ихъ особенно пугаетъ великій князь Константинъ Павловичъ. Они опасаются, что никакая конституція не предохранитъ ихъ отъ насилій преемника Александра I-го.

Впрочемъ, я желалъ-бы знать мнѣнія и намѣренія Его Величества. Не будучи съ ними знакомъ, я могъ изложить лишь предположенія и гипотезы. Если же я ознакомлюсь съ ними, я вѣроятно буду болѣе всякаго другаго въ состояніи согласить желанія обѣихъ партій (если только они способны къ соглашенію) и скоро достигнуть развязки. Я сожалѣю, что не могу послать вамъ копію съ моей записки. Мои выводы, какъ мнѣ кажется, неопровержимы. Вы, можетъ быть, взглянете на нихъ иначе, но мнѣ неизвѣстно, какого вы теперь мнѣнія объ этомъ предметѣ. Однако, зная влеченія вашего ума и вашего сердца, я полагаю, что вы должны раздѣлять мое мнѣніе. Впрочемъ, меня увѣряютъ, что вы не у дѣлъ. Я съ сожалѣніемъ узналъ, что вы не назначены посланникомъ въ Лондонъ.

Если мое отечество, надѣявшееся возвратиться къ жизни, окончательно погибнетъ по вашей винѣ, не смотря на то, что вы выдаете себя покровителями угнетенныхъ и защитниками праваго дѣла, то я болѣе не выйду изъ моей скорлупы, въ которой, однако, вы всегда найдете радушный пріемъ. Онъ не ограничится одною пошлою вѣжливостью. Я снова обращаюсь къ Государю Императору съ настоятельной просьбой о моемъ увольненіи. Если вы можете помочь мнѣ получить его, не откажите мнѣ въ этомъ: вы этимъ окажете мнѣ настоящую услугу.

Передайте дамамъ выраженія моего уваженія. Я съ большой радостью узналъ, что Строгоновъ отдѣлался легкой раной. Я ему не пишу, полагая, что онъ при арміи; я не пишу и Кочубею, не зная, находится-ли онъ въ Петербургѣ. Прощайте, дорогой и добрый другъ; обнимаю васъ съ любовью, которая прекратится только съ моей жизнью.

Не выдавайте меня.

Надпись: Его пр-ву г-ну Новосильцеву, сенатору и пр. въ С.-Петербургѣ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ *).

Помню взятіе въ опеку имѣній тайнаго совѣтника Жадовскаго за злоупотребленіе помѣщичьею властью. О размѣрахъ этихъ злоупотребленій повторяли съ ужасомъ **). Впрочемъ, сколько я помню съ дѣтства, у сосѣдей я не подмѣчалъ въ прислугѣ запуганности. Все казалось просто какъ у насъ. У насъ былъ, напримѣръ, буфетчикъ Степанъ Петровичъ, вѣчно пьяный и ежедневно бившій посуду. Отецъ на него прикрикнетъ, пригрозится бывало, что велитъ его наказать; а Степанъ Петровичъ зналъ, что и завтра онъ еще побьетъ посуду и тоже услышитъ отъ своего барина. Но я не знаю ни одного случая, чтобъ отецъ мой кого-нибудь ударилъ. Таковъ былъ и мой дѣдъ. Прислуга смотрѣла на него какъ на праведника. Я помню, отецъ каждое Воскресенье дарилъ намъ по серебряной монетѣ и клалъ въ особый ящикъ своего бюро. Къ ярмаркѣ долженъ былъ составиться извѣстный капиталъ, который и долженъ былъ поступить тогда въ полное наше распоряженіе. Разъ, открывъ ящикъ бюро, онъ не нашелъ денегъ. Въ это время его камердинеръ подавалъ ему одѣваться. Отецъ посмотрѣлъ на него и съ укоризною сказалъ: «Такъ-то Антонъ Степанычъ!» Я понялъ, что отецъ обвинялъ его въ покражѣ, а Антонъ стоялъ красный и безмолвствовалъ. Тѣмъ исторія и кончилась. По кончинѣ отца онъ проворовался однако и пропалъ безъ вѣсти.

Такъ точно въ деревнѣ приходили бабы съ ягодами или по какимъ нибудь другимъ хозяйственнымъ дѣламъ, говорили онѣ съ моею

---

*) См. выше стр. 223.

**) Жадовскій былъ близкимъ лицомъ къ министру финансовъ графу Канкрину и мечталъ занять его мѣсто. Когда ему этого не удалось, онъ вышелъ въ отставку, пріѣхалъ въ Уфу и здѣсь обратился къ непозволительнымъ развлеченіямъ.

матерью смѣло, держали себя просто; и я не помню, чтобъ когда-нибудь ея лицо, при разговорѣ съ ними, не украшалось улыбкою. Въ прощенный день, т. е. послѣдній день масляной недѣли, многіе крестьяне пріѣзжали къ намъ въ городъ. Они кланялись въ ноги моей матери, цѣловали у нея руку и просили простить, если въ чемъ-нибудь передъ нею прегрѣшили или огорчили. «Богъ проститъ», отвѣчала мать; «меня простите, Христа ради».

Вотъ какія отношенія къ крестьянамъ я вынесъ лично изъ воспоминаній моего дѣтства. Не вездѣ они разрушены были положеніемъ 19 Февраля. Да и разрушили ихъ искусственно. Благодушныя свойства Русскаго народа, при участіи церкви въ его нравственномъ развитіи, могли поставить у насъ соціальный вопросъ своеобразно. На сколько живою осталась мѣстами нравственная связь народа съ помѣщиками, и теперь можно указать примѣры. Когда скончалась моя мать, не смотря на бездорожье (4 Марта), всѣ крестьяне изъ ближайшей къ Уфѣ деревни (33 версты) прибыли на погребеніе и не допустили ставить гробъ на катафалкъ: несли его до кладбища на рукахъ, наперерывъ добиваясь этой ноши, а катафалкъ слѣдовалъ пустой. Прошлымъ лѣтомъ я встрѣтилъ въ Петербургѣ одну Уфимскую помѣщицу Е. И. Ястребову. Она спѣшила домой, выражая между прочимъ тоску по своей деревнѣ. «Не повѣрите, какъ меня любятъ крестьяне», говорила она. «Когда умеръ мой сынъ, вмѣстѣ со мною плакали. А когда разъ ночью случился пожаръ, они не забыли меня; первой заботой ихъ было: не тревожьте нашу старушку, не будите ея, а мы до дома не допустимъ пожара. И не допустили, а я спала преспокойно». Говоря о подобныхъ доказательствахъ привязанности къ ней ея бывшихъ крѣпостныхъ, старушка прослезилась. Вотъ естественный историческій ходъ соціальнаго вопроса въ Россіи. Какая же разница между подобными отношеніями и битьемъ палками въ Кіевѣ среди дня порядочно одѣтыхъ дамъ рабочими! Откуда это?

Правда, когда судьба кинула меня въ Бѣлорусскій край, я къ удивленію замѣтилъ иное. Распредѣленіе крестьянскаго труда было не на тѣхъ основаніяхъ какъ заведено было у насъ. У насъ деревня раздѣлялась на двѣ половины, которыя почему-то назывались пятка̀ми. Первые три дня недѣли работалъ одинъ пято̀къ, слѣдующіе три дня другой. Приходился на недѣли праздникъ, счастье того пятка, на дняхъ котораго онъ случился. Дурная погода—помѣщикъ пріискивалъ отвѣчающее занятіе, но не измѣнялъ порядка. Въ Бѣлоруссіи дѣло велось не такъ. Никакихъ праздниковъ не полагалось, т. е. три дня въ недѣлю должны были работать всѣ безъ вычета. Въ ненастные дни рабочіе возвращались домой и работали на барщинѣ только въ погодли-

вые дни. Такимъ образомъ, при неблагопріятной погодѣ во время уборки хлѣба, крестьяне не успѣвали своевременно убрать со своего поля хлѣбъ. Второе, чтò поразило меня—это шинокъ въ каждой деревнѣ. Я помню, что откупъ, находя центральное положеніе нашей деревни между другими четырьмя выгоднымъ для себя, предлагалъ моей матери 1000 рублей за право открыть кабакъ; но мать ни за что не согласилась. А въ то время эта сумма была немаловажная.

Все это происходило отъ того, что помѣщики-Поляки, по своимъ политическимъ и религіознымъ убѣжденіямъ, смотрѣли съ полнымъ безучастіемъ на Русскаго мужика, которому не было иного названія какъ быдло.

Дворовая прислуга мужская, какъ помню я, была распущена, почти всѣ пьяницы. Праздность была причиною этого порока, а праздность являлась необходимымъ послѣдствіемъ многочисленности двороваго штата. Старшіе обыкновенно выѣзжали на подросткахъ, которые собственно и дѣлали дѣло. Гдѣ было 4—6 лакеевъ, рѣдко кого изъ нихъ можно было найти въ прихожей, кромѣ казачка. Развѣ пьяный забредетъ и заснетъ, развалившись на нарахъ. Случались такія сцены. Весною, послѣ ужина, вышли мы на одно изъ крылецъ нашего длиннаго дома; луна освѣтила дворъ; на муравѣ посреди двора обрисовалась лежащая черная фигура съ бѣлымъ щитомъ. Мы пошли къ ней. Оказалось, что это нашъ буфетчикъ Степанъ Петровичъ шелъ съ блюдомъ въ кухню черезъ дворъ, сошелъ съ дорожки, упалъ и заснулъ. Никто его не хватился, такъ какъ его отсутствіе, благодаря многочисленности прислуги, не было замѣтнымъ. Иногда прислуга выкидывала и лучшія штуки. Былъ въ Уфѣ помѣщикъ, полковникъ гвардіи В.; жена его, дочь какого-то Кавказскаго генерала, была (послѣ душевнаго потрясенія) очень странная, чтó конечно было замѣтно и для прислуги. Барыня, зимою, дѣлая въ возкѣ визиты, слышитъ звуки какого-то инструмента и не можетъ себѣ объяснить, чтó это такое. Оказалось, что лакей, сидя на запяткахъ, услаждалъ свое невольное странствіе дорогими звуками родной бàндуры. Когда же возокъ останавливался передъ подъѣздомъ какого-либо дома, онъ вѣшалъ инструментъ на кисти возка, а самъ шелъ докладывать о пріѣздѣ барыни.

Насъ очень забавляли разсказы объ оригинальномъ способѣ наказанія прислуги, придуманномъ одною старушкой М. Провинившагося лакея ставила она на колѣняхъ по серединѣ двора и заставляла вязать чулокъ. Или—горничная, не выполнившая ея приказанія, приглашалась въ гостинную, гдѣ должна была занять мѣсто барыни на диванѣ. Ей подавали чай. Провинившаяся кланялась въ ноги, просила ее простить и освободить отъ непривычнаго пріема и угощенія.

Отказывающихся идти на работу подъ предлогомъ болѣзни она призывала къ себѣ, помѣщала въ особой избѣ и, увѣряя, что при всякой болѣзни лучшее средство—діэта, предлагала больному кусочекъ бѣлаго хлѣба и рисовый супъ. Конечно, непривыкшій къ такому столу крестьянинъ выздоравливалъ и шелъ на работу. У насъ примѣровъ уклоненія отъ работъ положительно не было.

Женская прислуга пользовалась большею свободою въ отношеніи господъ и нѣкоторою фамильярностью, потому что она была ближе, такъ сказать, къ теремной ихъ жизни; всегда была на глазахъ, была опрятнѣе, нравственнѣе. Дѣдъ мой, будучи до брезгливости чистоплотенъ, имѣя лакеевъ, не позволялъ имъ служить у стола, а служили дѣвушки, всегда въ бѣлыхъ фартукахъ и такихъ же косынкахъ на шеѣ.

О грамотности прислуги, кажется, мало заботились. Но молодые наши лакеи были всѣ грамотные. Какъ только мои родители переѣхали въ Уфу, всѣхъ дворовыхъ мальчиковъ стали отдавать въ уѣздное училище. Одинъ изъ нихъ такъ скоро и хорошо писалъ, что, сопутствуя братьямъ, а потомъ мнѣ въ Казань, переписывалъ для насъ лекціи. Женскій же персоналъ оставался неграмотнымъ, только одна дѣвушка самоучкой выучилась читать и посвящала чтенію часы своего досуга. Впрочемъ, въ давнее время и въ той странѣ, близкой къ Сибири, это и не должно удивлять. Бабушка моя, Листовская, урожденная Каменьщикова, родилась въ Сибири въ 1769 г. Она умѣла только читать, а писать ея не учили. Не учили тамъ писать вообще всѣхъ дѣвицъ, чтобъ, выросши, не могли переписываться съ мущинами. Вотъ какая была дичь. А когда было заниматься этой перепиской, когда четырнадцатилѣтнюю выдали замужъ!

Но у дворни была своего рода наука, были люди просвѣщенные, свѣдущіе. Это тѣ, которые наиболѣе знали примѣтъ, повѣрій, разныхъ небывалыхъ исторій. Всѣ слушали ихъ со вниманіемъ, удивляясь обширнымъ познаніямъ разсказщика. Съ однимъ подобнымъ мудрецомъ мнѣ разъ довелось имѣть непродолжительный разговоръ. Когда я былъ студентомъ, въ Казани, одни наши знакомые квартировали въ домѣ Львовой. Домъ врѣзывался въ большой садъ, въ которомъ была оранжерея, а при ней старикъ-садовникъ. Гуляя, разъ въ саду передъ приближеніемъ грозы, я пожелалъ провѣрить свѣдѣнія старика и спросилъ его: знаетъ ли онъ отъ чего громъ? «А развѣ это можетъ кто знать?» Почему же не можетъ? конечно да. Старикъ погрозилъ мнѣ пальцемъ и таинственно сказалъ: «Иванъ Богословъ разъ спросилъ Спасителя: Господи, отчего это громъ и молнія? Господь ему отвѣчалъ: ты Иванъ Богословъ, да не многословъ. Вотъ что!»

Благотворительность выполнялась очень просто. Помощь бѣдному оказывалась по первобытному прiему, причемъ очень часто соблюдалось евангельское правило, чтобъ шуйца не знала, чтò творитъ десная. Дѣдъ мой, отецъ моей матери, уходя на службу, раскладывалъ на одномъ окнѣ мѣдныя деньги и садилъ у окна мальчика-лакея, вмѣняя ему въ обязанность подавать милостыню. Когда онъ возвращался домой и замѣчалъ, что денегъ осталось много, онъ дѣлалъ выговоръ слугѣ: «Вѣрно ты бѣгалъ и не раздавалъ какъ слѣдуетъ; а тутъ пожалуй приходили и ни съ чѣмъ ушли. Ты сытъ, а иному теперь по твоей милости нечѣмъ пообѣдать.»

Примѣровъ чудачества и самодурства не оберешься. Прiѣхавъ въ отпускъ въ свое небольшое Мензелинское имѣнiе, адъютантъ какого-то генерала, мой прадѣдъ Левшинъ, явился къ вышеупомянутому Мильковичу. Разумѣется, въ глуши свѣжему человѣку рады. Левшинъ разсказалъ, что у него на Украйнѣ порядочное имѣнiе, сто дымовъ, чтò равнялось 400 и болѣе душамъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ предложенiе моей прабабкѣ Басиной, племянницѣ Мильковича, которую тотъ любилъ какъ дочь, и Мильковичъ выдалъ ее за неизвѣстнаго ему человѣка. Когда Левшинъ съ молодою женою прибылъ къ мѣсту служенiя, въ Воронежъ, молодая конечно должна была сдѣлать генеральшѣ визитъ Старуха-генеральша, увидѣвъ передъ собою величественную фигуру молодой красавицы въ роскошномъ нарядѣ, всплеснула руками и вскрикнула: «ахъ, злодѣй, обманулъ!» Прабабка моя упала безъ чувствъ. Когда привели ее въ чувство, первый вопросъ ея былъ: «кто онъ?» Генеральша объяснила, что онъ человѣкъ хорошiй, но что въ его сватовствѣ, какъ она полагала, онъ непремѣнно долженъ былъ употребить какой-нибудь обманъ, чтобъ склонить ея родныхъ на бракъ, выдать себя за богача и т. п. Это успокоило мою прабабку, которая такъ была напугана выходкою хозяйки, что не могла принять ея фразу иначе какъ въ прямомъ смыслѣ.

Въ Уфѣ былъ нѣкто Демидовъ, богатый очень человѣкъ. Жена его выходитъ на крыльцо, чтобъ дѣлать визиты, а передъ крыльцомъ рогожный возокъ и пара клячъ въ мочальной сбруѣ. Раздосадованная, возвращается она въ комнаты, срываетъ съ себя наряды; мужъ выражаетъ удивленiе: «Что съ тобой, матушка?» — «Чтó это за шутки, замѣчаетъ она: лубочный возокъ и мочала!» — «Чтó ты, что ты, матушка, помилуй: Англiйская карета четверней». И дѣйствительно, у крыльца стояла уже щегольская карета. Демидовъ оправдывался, что чудачество у нихъ въ фамилiи наслѣдственное и разсказывалъ о разныхъ выходкахъ его родичей, въ томъ числѣ объ одной оригинальной свадьбѣ. Дядя его имѣлъ дѣло въ присутственномъ

мѣстѣ, гдѣ ему понравился молодой приказный. Онъ взялъ его съ собою и предложилъ жениться на своей дочери. Приказный принялъ это за шутку, но Демидовъ увѣрилъ его въ противномъ; а когда вошла его дочь, онъ представилъ его ей какъ ея жениха. Дѣвица поплакала и вышла за него замужъ. Когда на другой день свадьбы молодые пріѣхали съ поклономъ къ родителю и, возвращаясь отъ него, садились въ карету, въ каретѣ стояла свиная туша. Молодая, зная шутовство папаши, дернула мужа за рукавъ и сама проворно вскочила въ экипажъ. Туша оказалась начиненною золотыми.

Вотъ характерный разсказъ объ одной свадьбѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Былъ въ Уфѣ богатый помѣщичій домъ, Татары Тевкелевы. Дѣвица, дочь помѣщика, ходила въ Европейскомъ платьѣ и принимала участіе въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, какія тогда могла дать Уфа. На балахъ и въ собраніяхъ она имѣла случай сойтись съ молодымъ богатымъ помѣщикомъ Тимашевымъ. Объяснились другъ другу въ любви, она согласилась принять христіанство и выдти за него замужъ. Сговорились и о томъ, какъ устроить побѣгъ. Имѣніе Тевкелевыхъ было въ 90 верстахъ отъ Уфы. Къ назначенному времени по дорогѣ до Уфы были разставлены Тимашевымъ подставныя лошади. Однажды дѣвица гуляла въ саду, съ нею неразлучная Татарка-мамка. Но дѣвушка сумѣла ее выпроводить за чѣмъ-то въ домъ, а сама черезъ калитку въ поле, въ рощу, за которой на тройкѣ ждалъ Тимашевъ. Возвратилась мамка, не нашла барышни. Обошла садъ, нѣтъ ея! Она къ калиткѣ—калитка отворена. Она далѣе, покричала,—нѣтъ отвѣта. Тогда, смекнувъ въ чемъ дѣло, Татарка побѣжала въ домъ и объявила о случившемся господину. Сейчасъ скомандовалъ Тевкелевъ всю дворню на коней, и о дву-конь *) поскакала цѣлая орда за бѣглецами. Прискакалъ Тевкелевъ съ ордой своей къ берегу Бѣлой рѣки, а тамъ ни одной лодки; счастливая пара подплываетъ къ противуположному берегу. Тевкелевъ разражается проклятьями, ихъ далеко уноситъ утренній вѣтерокъ, а Тимашевъ уже ведетъ трепещущую свою подругу къ православному собору, что́ на берегу Бѣлой рѣки. Такъ породнились два дома Русскій и Татарскій.

Сильный страхъ навелъ на Уфу Пугачевъ. Небольшой городокъ, ничѣмъ незащищенный, безъ войска, не могъ, казалось, противустоять полчищамъ злодѣя. Но нашелся человѣкъ, который воодушевлялъ жителей, распоряжался обороной, былъ, такъ сказать, ея душею. Это

*) Каждый скачетъ на лошади, а другую держитъ въ поводу. Проскакавъ верстъ 15—20, пересаживается на другую лошадь, а первую держитъ въ поводу и т. д. перемѣняетъ лошадей.

былъ почтенный горожанинъ Дюкъ. Дочь свою сосваталъ онъ за одного молодаго человѣка. Бракъ долженъ былъ состояться по взаимной склонности. Но старикъ Дюкъ узнаётъ, что отецъ жениха присталъ къ злодѣю Онъ прогоняетъ его изъ дома, не вѣритъ его увѣреніямъ въ преданности отечеству и вѣрности царицѣ. По совѣту Дюка рѣшено не допускать Пугачевскихъ полчищъ до города, и встрѣтили ихъ на шестой верстѣ. Молодой человѣкъ идетъ впереди всѣхъ и смертію на ратномъ полѣ доказываетъ свою вѣрность. Дюкъ погребенъ близъ собора (нынѣ Троицкая приходская церковь). Вѣроятно когда-нибудь соборъ этотъ былъ обнесенъ оградою, и могила Дюка была въ ея чертѣ. Теперь нѣтъ и слѣдовъ могилы знаменитаго защитника города.

Городъ Уфа въ началѣ этого столѣтія былъ очень маленькій, улицы узкія, расположены по кряжамъ между оврагами. Гдѣ теперь одна Казанская улица, тогда были двѣ—Казанская и Рѣпная, такъ что по серединѣ нынѣшней Казанской улицы были еще домà. Каменныхъ построекъ не было ни одной. Жители были бѣдные, торговля ничтожная, населеніе въ окружности рѣдкое. Обыватели, благодаря обилію пастбищъ, держали коровъ, лошадей; но навоза съ дворовъ не вывозили. Черезъ это въ городѣ распространялось зловоніе. Губернаторъ Наврозовъ придумалъ остроумный способъ помочь бѣдѣ, не обременяя жителей: онъ велѣлъ вывезти навозъ на улицы и на улицахъ его сжечь. Это было въ 1819 году. Результатъ превзошелъ ожиданія: Наврозовъ думалъ сжечь только навозъ, а сжегъ весь городъ. Велѣдъ затѣмъ его уволили. Говорили и упорно, что онъ получилъ изъ Петербурга, неизвѣстно отъ кого, медаль съ надписью: «не намъ, не намъ, да и не вамъ». Не знаю, занимался ли потомъ Наврозовъ дезинфекціей другихъ городовъ. Я видѣлъ его лѣтъ двадцать съ небольшимъ спустя послѣ этого; онъ былъ еще довольно бодрымъ старикомъ.

Образованіе до тридцатыхъ годовъ было поставлено крайне слабо. Гимназія въ Уфѣ открыта, кажется, въ концѣ царствованія императора Александра 1-го. Въ уѣздахъ же стояла темь непроглядная. Въ дѣтствѣ моемъ въ мое распоряженіе былъ отданъ альбомъ немолодой уже дѣвицы Е. И. Исаевой, жившей около 1820-го года въ Мензелинскѣ. Альбомъ былъ исчерченъ стихами и прозой. Разумѣется, онъ оканчивался остроумнымъ произведеніемъ прошлаго столѣтія: «На послѣднемъ семъ листочкѣ напишу четыре строчки». Въ альбомѣ говорилось очень много комплиментовъ молодой тогда дѣвицѣ. Но забавнѣе всего была замѣтка какого-то разочарованнаго господина, которому приторною казалась лесть. Я удержалъ въ памяти слѣдующую галиматью: «Изъясненные въ семъ альбомѣ нѣкоторые пред-

разсудки не могутъ быть сочтены за имовѣрное, ибо какъ въ свѣтѣ все перемѣняется, такъ и въ народѣ духъ колеблется».

Но развитіе края во всѣхъ отношеніяхъ шло быстро. Городъ Уфа разростался; рѣка Бѣлая сдѣлалась торговымъ путемъ, образовались въ Уфѣ торговые дома; наконецъ, гимназія и семинарія. Духовенство облагородилось. Еще во второй четверти этого столѣтія оставались старики священники, поражавшіе своею грубостью. Такъ разсказывали объ одномъ священникѣ Ласточкинѣ, котораго сына я еще помню. Къ нему подходитъ дама принять причастіе, и ему показалось, что она мало для того раскрыла ротъ. «Чтó ты боишься что ли ротъ-то открыть? Ну, куда я тебѣ лжицу-то просуну.» Сконфуженная молодая особа, боясь повтореній подобнаго замѣчанія, открываетъ ротъ со всѣмъ усердіемъ; но не угодила тѣмъ старику. «Смотри, пожалуй: она никакъ ужъ и меня съ сосудомъ проглотить хочетъ!» Мало уступалъ ему и мой законоучитель, протоіерей Брѣевъ. Церковь Успенія была тогда деревянная, очень маленькая (это было уже въ сороковыхъ годахъ). Жена губернатора Балкашина любила бывать въ этой церкви, потому, быть можетъ, что избрала старика Брѣева своимъ духовникомъ. Становилась она на лѣвомъ клиросѣ и, при большомъ выходѣ, дѣлала земной поклонъ у самыхъ сѣверныхъ вратъ, стѣсняя тѣмъ старика при выходѣ изъ алтаря съ чашею. Онъ, встрѣтивъ близкую къ Балкашиной особу, говоритъ ей: «ты скажи своей-то губернаторшѣ—я ей на языкъ наступлю; чтò въ самомъ дѣлѣ она мнѣ подъ ноги лазитъ». Но старикъ этотъ былъ почтенный и всѣми уважаемый. Лѣтъ 30 онъ былъ законоучителемъ въ гимназіи; онъ соорудилъ трудами своими каменную церковь въ селѣ Подлубовѣ и двѣ каменныя церкви Покровскую и Успенскую въ Уфѣ. Всѣ свои достатки онъ клалъ въ церковь и домъ свой завѣщалъ ей. Преосвященный Іосифъ представилъ его къ алмазному кресту. Старикъ мечталъ объ этой наградѣ и мечталъ почему? Онъ расчитывалъ, что, продавъ эту драгоцѣнность, устроитъ иконостасъ для одного придѣла. Церковь была имъ выстроена съ расчетомъ, когда будутъ средства, устроить еще два иконостаса, и она будетъ трехпрестольною. Но скупой на подобныя награды для провинціальнаго духовенства Синодъ вмѣсто креста прислалъ награду полегче—свое благословеніе. Преосвященный Іосифъ пригласилъ старика къ себѣ и, соболѣзнуя о немъ, чтобы приготовить его къ горькой вѣсти, повелъ рѣчь о тщетѣ земныхъ почестей. Старикъ сейчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло. «Да ну, чтò тамо? Видно, изъ Синода что-нибудь получено?» перебилъ онъ архіерея. «Да, отецъ протоіерей, печально замѣтилъ владыко, Святѣйшій Синодъ посылаетъ вамъ свое благословеніе». «Вотъ тебѣ на! Я самъ сорокъ

лѣтъ благословляю!» съ горечью отвѣчалъ старикъ. Выходка была неожиданная и смѣшная; но старикъ былъ жалокъ. Уже послѣ его блаженной кончины, устроены два иконостаса, и церковь теперь трехпрестольная.

Когда пріѣхалъ въ Уфу военный губернаторъ, графъ Сухтеленъ, его дочери, дѣлая визиты въ каретѣ, завязли; карету едва вытащили. Сухтеленъ, чтобъ поднять Уфу, раздѣлилъ время своего пребыванія по полугодіямъ для Оренбурга и Уфы. Онъ положилъ начало сооруженію оригинальной архитектуры зданій городскихъ частей, устроилъ для прямыхъ сообщеній улицъ черезъ овраги дамбы, существующія и понынѣ. Жаль, что ранняя смерть прекратила дѣятельность на пользу края этого незабвеннаго для него человѣка. Преемникъ его, Перовскій, напротивъ, никогда не ѣздилъ въ Уфу и старался возвысить Оренбургъ, стянувъ туда всѣ учрежденія, какъ напримѣръ, институтъ, Башкирское управленіе и пр., въ эту песочницу, гдѣ отъ климата гибли дѣти, да не выносили его и взрослые.

Наконецъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, устроены были въ Уфѣ фонари и освѣщались конопляным маслом. Но вскорѣ замѣтили, что просвѣтители города, т. е. будочники, которые занимались фонарями, изобрѣли примѣненіе этого освѣтительнаго матеріала къ гречневой кашѣ. Тогда губернаторъ Талызинъ велѣлъ прибавлять въ масло скипидару.

До 1845 года не было даже тротуаровъ. Были завалины возлѣ домовъ, гдѣ весною раньше просыхала или протаптывалась тропа. Но переходъ черезъ улицу былъ затруднителенъ. Домъ нашъ угловой, и мы, глядя въ окна, забавлялись, какъ нарядныя горожанки на святой недѣлѣ, идя подъ качели, частенько въ грязи на нашей улицѣ оставляли свои башмаки. Весною улица наша превращалась въ рѣку, по которой плавали снесенные отъ воротъ мостики, плавали и ныряли гуси и утки! Но въ 1845 году губернаторъ Балкашинъ занялся устройствомъ шоссе, тротуаровъ, бульваровъ. Исчезла передъ нашимъ домомъ рѣка, къ немалой досадѣ гусей и утокъ; а освѣщеніе замѣнилось спиртовымъ. И. Ѳ. Базилевскій пожертвовалъ городу двѣсти фонарей, изъ которыхъ половину Перовскій велѣлъ доставить въ Оренбургъ. Принимая во вниманіе, что Уфа занимала въ шесть разъ бо̀льшее пространство противъ Оренбурга, нельзя признать дѣлежъ этотъ равномѣрнымъ. А съ волею жертвователя и вовсе не справлялись.

Извѣстно, что еще Монголы пріучили насъ платить дань и переносить это безропотно. «Привычка—вторая натура», говоритъ пословица. Царь Иванъ III избавилъ насъ отъ Монголовъ, но не избавилъ отъ дани, которую продолжали мы платить подъ разными видами уже

своимъ доморощеннымъ баскакамъ. Такъ платилъ и откупъ всѣмъ, начиная отъ губернатора. Губернаторъ Балкашинъ отъ этой дани отказался. Но сила привычки велика: откупъ, видя въ своихъ книгахъ по губернаторской статьѣ пробѣлъ, впалъ въ превеликую тоску и, чтобъ избавиться отъ нея, предложилъ освѣщать городъ спиртомъ. И все такимъ образомъ устроилось какъ нельзя лучше: совѣсть губернатора была покойна, откупъ избавился отъ тоски, а городъ отъ расхода.

Любимое занятіе помѣщиковъ по большей части составляла охота и преимущественно псовая. Предавались ей съ увлеченіемъ. Въ Сентябрѣ большая кампанія изъ Оренбургской и Симбирской губерній съѣзжалась въ Бугурусланскій уѣздъ, человѣкъ 15 и болѣе; каждый со псарней и псарями. Разбивались войлочныя кибитки для нихъ и многочисленной прислуги, и двѣ-три недѣли велась беззаботная кочевая жизнь. Днемъ охота, вечеромъ чай, разсказы, шутки. Здѣсь непремѣнно съ ними шутъ, Татаринъ Искачка, забавлявшій своими мѣткими остротами. Охота, пожалуй, вырабатывала особый типъ людей: расторопность, отвага, братство, откровенность, все это развивалось въ охотникахъ. Я зналъ одного помѣщика Каражкова, прожившаго большое состояніе на охоту. Разъ за обѣдомъ, въ обществѣ, онъ похвалился, что никогда, въ самую критическую минуту жизни, онъ не потеряется. Полно, Алексѣй Петровичъ, замѣтила жена, это теперь такъ говорится; а какъ придетъ такая минута, невольно потеряешься. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этого разговора. Каражковъ поѣхалъ разъ съ женою въ маленькихъ санкахъ безъ кучера. Путь лежалъ черезъ плохо, какъ оказалось, замерзшее озеро. Подъ лошадью обломился ледъ. Она прыгнула впередъ. Концы полозьевъ опирались на ледъ, и лошадь еще не обломила вторично подъ собою ледъ и не рванула впередъ; подъ санями была вода. «Соня, помнишь разговоръ? сказалъ Каражковъ, «подъ нами смерть, а я не растерялся. Бросайся на ледъ». Ледъ, надломленный уже, не вынесъ тяжести и обломился. «Держись за льдину, не унывай»—Не могу уже, отвѣчала жена: руки отказываются». «Минуту, минуту», убѣждалъ мужъ, поддерживая ее и самъ влѣзая на льдину, «я вижу обозъ; насъ сейчасъ вытащутъ!» Дѣйствительно, замѣтивъ ихъ, народъ сбѣжался къ озеру, и утопавшіе были спасены.

Въ критическую минуту нѣкоторые дѣлаются находчивыми. Когда я былъ студентомъ, мнѣ передавали забавный образчикъ находчивости одного студента. За Булакомъ (часть города) не было тогда мостовыхъ, а только деревянные тротуары, не было фонарей, и трудно было вечеромъ встрѣтить извощика. Но въ этой части города, доволь-

но близкой отъ университета, охотно селились студенты, тѣмъ болѣе, что отсутствіе удобствъ удешевляло квартиры. Одинъ студентъ отправляется на балъ въ мундирѣ, при шпагѣ и треуголкѣ. Подходитъ онъ къ перекрестку, нельзя перейти: во всю улицу лужа. На углу у тротуара прилавокъ съ холстинным навѣсомъ, гдѣ, при свѣтѣ фонаря съ сальной свѣчкой, калачникъ продавалъ калачи. Студентъ подходитъ къ калачнику и проситъ перенести его черезъ лужу, предлагая за этотъ трудъ гривенникъ. Для калачника, продававшаго калачи по грошу, такое предложеніе было очень выгоднымъ. Онъ нагнулся и предложилъ молодому человѣку лѣзть къ нему на спину. Но среди лужи ужасъ объялъ сѣдока: пьяный, видя передъ собою силуэтъ человѣка съ ношею на спинѣ, принялъ его за шарманщика и, слегка толкнувъ, повелительно произнесъ: «а, шарманка, играй!» Калачникъ думалъ было увѣрять пьянаго въ его ошибкѣ, но студентъ, нагнувшись, ему шепнулъ: «верти рукой».—«Да что я буду вертѣть», спрашиваетъ его недоумѣвающій калачникъ. «Верти!» Калачникъ сталъ вертѣть рукою, а студентъ на его спинѣ запѣлъ тоненькимъ голосомъ: «Ты не повѣришь какъ ты мила». (Въ то время каждая шарманка играла этотъ романсъ, а съ операми онѣ стали знакомить публику гораздо позднѣе). Пьяный, послушавъ немного, скомандовалъ «проваливай» и самъ побрелъ по лужѣ, отыскивая, гдѣ посуше и удобнѣе отдохнуть, а студентъ благополучно перешелъ черезъ Рубиконъ.

Такъ я зналъ одного бывшаго лектора университета, Грека Мастаки, которому студенты усыпали путь по корридору гремучимъ порошкомъ, и онъ прыжками шелъ по корридору. Мастаки получилъ изъ Греціи наслѣдство въ 70,000 р., но остался въ Казани доживать вѣкъ въ своемъ маленькомъ домикѣ на Ляцкой улицѣ. Онъ былъ скряга. Въ Казани одно время было страшное воровство. Полиція вмѣнила въ обязанность домохозяевамъ имѣть дворниковъ, а кто не въ состояніи ихъ имѣть, держать дворныхъ собакъ. Мастаки жалѣлъ даже на содержаніе собаки и, такъ какъ онъ былъ уже въ отставкѣ, значитъ имѣлъ много свободнаго времени для отдыха въ теченіи дня, то ночью принималъ на себя роль собаки: онъ садился на лавочку за воротами и лаялъ. Все таки старость, при порядочной тучности, брала свое, и Мастаки частенько дремалъ. Но точный въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей, просыпаясь, онъ не забывалъ своей роли и каждый разъ пробужденіе свое знаменовалъ лаемъ. Однако съ просонья не всегда удачно выходило у него подражанье, что̀ разъ заинтересовало проходившаго по этой улицѣ профессора Т. Онъ подошелъ къ дому Мастаки, луна освѣтила фигуру дремавшаго Грека.

Шаги Т. заставили его проснуться; но, вмѣсто привѣтствія, онъ встрѣтилъ Т. собачьимъ лаемъ.

Читалъ въ университетѣ до меня Латинскій языкъ Лукашевичъ. (При мнѣ онъ преподавалъ въ 1-й гимназіи). Студенты перевернули ему на каѳедрѣ кресло. Лукашевичъ, нисколько не смущаясь, сѣлъ на кресло спиною къ слушателямъ и сказалъ: «О-то, господа, мнѣ все равно читать чтó вамъ, чтó стѣнѣ».

Прежде обязанность инспектора студентовъ возлагалась на одного изъ профессоровъ; но попечитель Мусинъ-Пушкинъ измѣнилъ этотъ порядокъ, назначивъ инспекторомъ своего чиновника. Это очень возмутило профессоровъ, но сдѣлать противъ этого ничего нельзя было, потому что назначеніе инспектора вполнѣ зависѣло отъ попечителя. Лукашевичъ выходитъ разъ съ профессорами на крыльцо, у крыльца стоитъ экипажъ Мусина-Пушкина. Онъ, какъ бы не зная кому принадлежитъ экипажъ, спрашиваетъ кучера: «чей это экипажъ?»—«Г-на попечителя». «А! О-то служи, братецъ, служи Михайлу Николаичу: онъ тебя инспекторомъ сдѣлаетъ; о-то профессоромъ не можешь».

Былъ у насъ профессоръ Камбекъ, добрый и незлобивый Нѣмецъ. Небольшая суетливая фигура, съ однимъ глазомъ, рѣдкими, всклокоченными, сѣдыми волосами, въ очкахъ, одно стекло которыхъ всегда на лбу. Онъ читалъ Римское Право. Прежде предметъ этотъ читался на Латинскомъ языкѣ, а при мнѣ уже на Русскомъ, и вотъ образчикъ его Русской рѣчи: «эти сомнительности нельзя впередъ углубокиваться настоящія средствы». Онъ написалъ сочиненіе «Гражданское судопроизводство» и въ Москвѣ его напечаталъ. Возвратясь въ Казань, онъ принесъ эту книгу на первую же лекцію къ намъ въ аудиторію и объявилъ намъ, что онъ «еще сочинилъ книгу» и, не объясняя ея названія, прочиталъ: «печатать позволяется и пр.». Студенты на это ему отвѣчали, что «должно быть очень хорошо, а въ прочемъ и первое его сочиненіе «Исторія Римскаго Права» прекрасное».—«Да господа», отвѣчалъ Камбекъ, «могу сказать: пятьсотъ экземпляровъ было, ни одинъ не остался, всѣ сгорѣлъ». Передъ этимъ за годъ въ Казани былъ пожаръ. Камбекъ въ мое время, кажется, былъ единственный профессоръ, служившій предметомъ остротъ и насмѣшекъ студентовъ.

У Камбека было два предмета заботъ и попеченій, это—единственная семнадцатилѣтняя дочь и плющъ, покрывавшій чуть ли не половину стѣнъ его гостиной. Дѣвица была невѣстою профессора Т., когда преждевременная и неумолимая смерть похитила ее у несчастнаго старика. Братъ мой нѣсколько разъ приходилъ къ Камбеку за книгами, а потому получилъ приглашеніе на похороны. Онъ пришелъ рано и засталъ такую сцену: плющъ былъ срѣзанъ по самый корень

и имъ обвитъ гробъ молодой дѣвушки; у изголовья этого зеленаго гроба сидѣлъ старикъ Камбекъ и читалъ молитвы, а изъ единственнаго его глаза струилась слеза. Эта трогательная сцена такое произвела впечатлѣніе на моего брата, что онъ никогда съ тѣхъ поръ не могъ принимать участія въ шуткахъ надъ Камбекомъ.

Богословіе читалъ намъ знаменитый ученый, докторъ Богословія и философіи, архимандритъ Гавріилъ. Правду сказать, онъ очень небрежно относился къ своимъ обязанностямъ. Шутникъ, острый и словоохотливый, онъ по большей части занималъ насъ шутками и разсказами. Пріѣзжалъ онъ зимою изъ Зилантьевскаго своего монастыря (верстахъ въ пяти отъ университета) въ простыхъ санкахъ, на одной лошадкѣ съ боченкомъ въ ногахъ. Кучеръ довезетъ его до университета и ѣдетъ далѣе, 4 версты, въ рощу, называемую «Нѣмецкая Швейцарія», гдѣ былъ прекрасный ключъ. Тамъ наполнялъ онъ боченокъ водою и возвращался въ университетъ за архимандритомъ. «Съ чѣмъ это у васъ боченокъ, о. Гавріилъ?» спрашиваетъ его кто-нибудь изъ студентовъ. «Съ водочкой, братецъ, съ водочкой. Что же? Надо какъ-нибудь монастырскую скуку разгонять». «А когда вы будете архіереемъ?» спрашивалъ кто-нибудь Гавріила. «А нескоро, мой другъ, нескоро: вотъ, когда всѣ архіереи перемрутъ и половина архимандритовъ». Онъ впрочемъ говорилъ, что въ монахи пошелъ не по призванію, а по принужденію: уговорили, убѣдили, и онъ не могъ устоять. Болтаетъ онъ съ нами во время лекціи; отворяется дверь, входитъ ректоръ или помощникъ попечителя; Гавріилъ, какъ бы не прерывая, продолжаетъ читать лекцію. И какъ онъ ее читалъ! Толстый, рыжеватый, съ довольно краснымъ лицомъ, косой, немного косноязычный... Но все это забывалось. Оторваться не хотѣлось отъ его лекціи. Я покрайней мѣрѣ всегда радовался посѣщенію этихъ лицъ, потому что вмѣсто балагана я наслаждался тогда высокимъ краснорѣчіемъ Гавріила. Какъ часто ректоръ выходилъ изъ аудиторіи, по окончаніи его лекціи, съ глазами полными слезъ. Вотъ каковъ могъ быть Гавріилъ! Прежде обыкновенно онъ самъ и экзаменовалъ насъ, и не успѣетъ иной прочесть вопросы на своемъ билетѣ, какъ Гавріилъ беретъ билетъ и говоритъ: «да ну, будетъ, будетъ» и ставитъ 5. Наконецъ, архіепископъ Григорій, не взлюбивъ Гавріила по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, рѣшился съ нимъ покончить. Въ Маѣ 1851 года, на экзаменъ къ намъ онъ пріѣхалъ самъ и привезъ шестерыхъ архимандритовъ: ректоровъ и инспекторовъ академіи и семинаріи и профессоровъ. Экзамены были строгіе, отвѣты слабые. Гавріилъ видѣлъ свой конецъ, сидѣлъ сконфуженный. Когда вернулись мы съ каникулъ,

Гавріилъ былъ замѣненъ уже молодымъ магистромъ и отправленъ въ какой-то монастырь Иркутской губерніи, гдѣ пробылъ, должно полагать, около десяти лѣтъ, такъ какъ архіепископъ Евсевій, бывшій въ Иркутскѣ, кажется съ 1859 по 1861 годъ, оставилъ его тамъ *). Я слышалъ, что Гавріилъ писалъ бывшему своему слушателю, служившему тогда за оберъ-прокурорскимъ столомъ, д. с. с. Овчинникову: «Зябну я. Помоги, чтобъ перевели меня куда-нибудь, гдѣ потеплѣе», что́ онъ и исполнилъ.

Я былъ свидѣтелемъ курьезнаго диспута въ нашемъ университетѣ. Былъ въ Казани нѣкто Солнцевъ, бывшій прокуроръ, ученѣйшій мужъ. Онъ, окончивъ курсъ въ академіи со степенью доктора или магистра богословія, поступилъ въ университетъ и получилъ степень доктора правъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ обширныя познанія и по другимъ предметамъ, зналъ восточные языки. Онъ сильно пилъ, и эта слабость мѣшала его карьерѣ. Былъ онъ уже глубокимъ старикомъ, когда явился на диспутъ Наз., защищавшаго диссертацію на степень доктора восточныхъ языковъ. Солнцевъ, сдѣлавъ нѣсколько возраженій диспутанту, просилъ его повторить цитату, приведенную изъ какого-то писателя, положимъ Ибнъ-Фоцлана. Когда Наз. повторилъ, Солнцевъ сказалъ ему: «если-бъ Ибнъ-Фоцланъ слышалъ, какъ его читаетъ докторъ восточныхъ языковъ, онъ взялъ бы палку, да палкой тебя съ каѳедры!» Въ аудиторіи произошелъ шумъ, всѣ скорѣе спѣшили поздравить Наз., и трудно было разобрать съ чѣмъ: со степенью ли доктора или съ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ не случилось здѣсь Ибнъ-Фоцлана съ палкой.

Время моего студенчества было цвѣтущимъ для юридическаго факультета Казанскаго университета. Кромѣ такихъ солидныхъ профессоровъ, какъ Станиславскій, Осокинъ, у насъ былъ краса университета, Дмитрій Ивановичъ Мейеръ. Два года по семи часовъ въ недѣлю мы слушали у него гражданское право. Когда нѣкто Б. пріѣхалъ изъ Училища Правовѣденія со своимъ тощимъ «Кранихфельдомъ», чтобъ поступить на третій курсъ университета, насъ поразила сжатость, съ какою преподавались юридическія науки въ этомъ привилегированномъ спеціальномъ юридическомъ заведеніи. Б. не могъ выдержать экзамена и долженъ былъ остаться на годъ вольнымъ слушателемъ и

---

*) Замѣтка Павловскаго въ Русской Старинѣ 1879 г. (стр. 714), о Гавріилѣ, что онъ въ званіи миссіонера умеръ на пути къ Байкалу въ 1849 г. совершенно невѣрна. Быть можетъ, онъ принялъ другаго Гавріила; но преподаватель Казанскаго университета еще въ началѣ 1851 года читалъ намъ лекціи и никогда миссіонеромъ не былъ.

приготовляться. Но Мейеръ, кромѣ передачи намъ предмета необыкновенно разработаннымъ, приносилъ еще другую неоцѣненную услугу: онъ не упускалъ случая, чтобъ клеймить взяточничество, произволъ, словомъ, зло во всѣхъ видахъ и подготовлялъ тѣмъ честныхъ дѣятелей для государственной службы.

Въ 1852 году я окончилъ курсъ въ университетѣ. Вскорѣ война, за нею новое царствованіе и миръ. Я помню, съ какимъ рвеніемъ бросалась молодежь, люди со средствами, хорошихъ фамилій, въ провинціи, занимали мѣста секретарей, столоначальниковъ, имѣя одну цѣль—изгнать зло и водворить правду. Золотая пора! Какъ умѣли ею воспользоваться, отвѣчать можетъ послѣдующее время.

И. Листовскій.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛАГО *).

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ все болѣе и болѣе привыкалъ и привязывался къ своей дѣятельности и къ своей Варшавской обстановкѣ; ему уже трудно было измѣнять ее, и онъ весьма неохотно ѣздилъ въ Петербургъ, даже на самый короткій срокъ. Обыкновенно онъ отправлялся туда лѣтомъ къ 22-му Іюля, ко дню Ангела матери своей вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны и, тотчасъ послѣ Петергофскихъ праздниковъ, спѣшилъ обратно въ Варшаву. Большею частью онъ проживалъ въ Стрѣльнѣ, избѣгалъ по возможности всякихъ торжественныхъ пріемовъ, видимо тяготился уже чуждою ему придворною сферою и почти исключительно посвящалъ себя присутствованію при лагерныхъ ученіяхъ и маневрахъ и при смотрахъ тѣхъ гвардейскихъ частей, которыхъ онъ числился шефомъ. „Насъ подчасъ удивляло", говаривалъ отецъ, „что Великій Князь, столь ревнивый въ исполненіи своихъ обязанностей, постоянно повторявшій, что онъ первый изъ вѣрноподданныхъ Государя и какъ таковой обязанъ показывать на себѣ примѣръ неуклоннаго выполненія долга, живучи въ Петербургѣ, какъ будто находился въ какомъ-то раздраженномъ, недовольномъ состояніи. Это насъ тѣмъ болѣе поражало, что, начиная съ Государя Александра Павловича и обѣихъ Императрицъ, всѣ безъ исключенія старались угодить ему и предусмотрѣть все, что можетъ ему быть пріятнымъ. Это вниманіе естественно распространялось и на всѣхъ его окружающихъ, и мы всѣ очень любили эти поѣздки, гдѣ насъ баловали и ласкали, какъ почетныхъ гостей. Такъ напримѣръ, въ одинъ изъ таковыхъ пріѣздовъ, въ угоду Константину Павловичу, я былъ назначенъ, во время Петергофскихъ празднествъ, Петергофскимъ комендантомъ и помню, что это лестное для меня отличіе было въ тоже время сопряжено съ

---

* См. выше, т.-е. стр. 155.

Фото-Гравюра Шереръ Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

Иванъ Шиманъ...

такою усталостью и денною, и ночною отвѣтственностью за исправность постовъ и карауловъ, что мнѣ случалось въ полномъ мундирѣ засыпать мертвымъ сномъ на четверть часа на креслѣ или въ придворной линейкѣ, во время катанія по иллюминованнымъ аллеямъ Петергофскаго парка. Уже многіе годы спустя, послѣ цѣлаго ряда послѣдующихъ событій, при воспоминаніи объ этомъ особенномъ и въ то время необъяснимомъ настроеніи Константина Павловича, для меня постепенно выяснялось, что въ царской семьѣ тогда уже по всей вѣроятности обсуждался вопросъ объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія, и рожденіе 17-го Апрѣля 1818 года въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича послужило новымъ основаніемъ къ осуществленію намѣренія Императора Александра I-го назначить наслѣдникомъ престола Великаго Князя Николая Павловича.—„Я твердо убѣжденъ", говаривалъ отецъ, „что Цесаревичъ и самъ сознавалъ всю настоятельность этой государственной мѣры, что онъ искренно тяготился сознаніемъ, что ему можетъ предстоять въ близкомъ будущемъ эта непосильная, великая задача, и онъ вполнѣ сознательно отъ нея отрекался; но въ тоже время весьма естественно, что это сознаніе совершалось въ немъ не безъ внутренней борьбы, и это самовольное отреченіе давало себя всего болѣе чувствовать, когда онъ появлялся въ семьѣ и въ Петербургской обстановкѣ. Только послѣ брака съ княгинею Ловичъ это бремя какъ-бы окончательно спало съ его плечъ. Безповоротно обезпечивъ себя отъ возможности какой либо перемѣны, онъ совершенно вернулся къ прежнему своему настроенію и предался съ обычнымъ пыломъ и увлеченіемъ за военныя упражненія, за солдатскую выправку, за распеканія и за все то, что́ преимущественно поглощало его вниманіе. Предоставленный вполнѣ самому себѣ, онъ въ послѣдніе годы царствованія Александра Павловича все менѣе и менѣе стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ, и для такихъ порывистыхъ, необдуманныхъ и страстныхъ натуръ, какъ его, эта совершенная безотвѣтственность была крайне вредна. Отвыкая постепенно отъ всякаго не только противорѣчія, но и возраженія противъ его воли, онъ безпрепятственно предавался своимъ своенравнымъ вспышкамъ и, оставаясь добрымъ и даже великодушнымъ по природѣ, подчасъ доходилъ до такихъ увлеченій, которыя ложились всею своею тяжестью не только на непосредственныя жертвы его гнѣва, но и на всѣхъ его окружающихъ.

Отецъ неоднократно повторялъ, что при чувствѣ глубочайшей и искреннѣйшей преданности къ Великому Князю за его несомнѣнное, сердечное къ нему благоволеніе, онъ начиналъ поневолѣ тяготиться этимъ положеніемъ постояннаго свидѣтеля всѣхъ его вспышекъ и очевидца того неудовольствія, которое онѣ возбуждали вокругъ него. Послѣ восьми слишкомъ лѣтъ личной службы, въ званіи адъютанта, отецъ ожидалъ лишь первой возможности, чтобы выйти изъ этого положенія и покинуть Варшаву.

Въ 1823 году этотъ случай внезапно представился, и онъ упорно за него ухватился, чтобы осуществить свое давнишнее желаніе. Одинъ изъ младшихъ братьевъ моего отца, Александръ, служилъ въ то время въ Литовскомъ полку и по молодости лѣтъ совершилъ какой-то проступокъ, подлежавшій по своему свойству простому дисциплинарному взысканію. Неизвѣстно по какимъ причинамъ, по навѣту-ли образовавшейся постепенно вокругъ Цесаревича тайной полиціи или по какому либо другому поводу, но вмѣсто ожидавшагося ареста, дядя мой Александръ Семеновичъ прямо былъ посаженъ въ крѣпость, и наряжено формальное слѣдствіе. Отецъ мой, слѣдившій внимательно за этимъ дѣломъ и съ свойственною ему строгостью и безпристрастіемъ готовый отступиться отъ самаго близкаго ему человѣка, если онъ признавалъ его виновнымъ, въ данномъ случаѣ видѣлъ, что этимъ дѣломъ руководила какая-то подпольная интрига и, подъ вліяніемъ давно уже созрѣвавшаго намѣренія, немедленно подалъ въ отставку и просилъ генерала Куруту (ближайшую къ Великому Князю личность) доложить Его Высочеству, что, въ виду тяжкаго обвиненія, неповинно взведеннаго на его молодаго брата, онъ оставаться въ службѣ не можетъ. Курута нѣсколько дней не рѣшался доложить объ этомъ Константину Павловичу; а тѣмъ временемъ дѣло вполнѣ разъяснилось, дядя изъ крѣпости выпущенъ, съ увѣреніемъ, что это не будетъ имѣть никакого дурнаго вліянія на его послѣдующую службу. Но отецъ мой настоялъ на своемъ, и отставка его была принята. Когда отецъ черезъ г. Куруту хотѣлъ узнать, когда Его Высочеству угодно будетъ принять его, чтобы проститься съ нимъ, то Великій Князь, подумавъ немного, отвѣчалъ: „Не надо, пусть уѣзжаетъ; я не могу его видѣть!“

Такимъ образомъ совершилось разставаніе этихъ двухъ личностей, столь долго связанныхъ судьбою, и отецъ мой, оставляя Варшаву, никакъ не предполагалъ, что ему предстоитъ вновь вернуться туда и возобновить отношенія къ Великому Князю.

Находясь въ отставкѣ, онъ ѣздилъ навѣщать отца и сестеръ въ Тамбовское имѣніе; побывалъ у дяди Василія Ивановича въ селѣ Ржавцѣ, но болѣе всего прожилъ въ Москвѣ, и къ этой эпохѣ главнымъ образомъ относится его сближеніе со многими видными дѣятелями того времени и съ избраннымъ кружкомъ нашихъ великихъ поэтовъ и литераторовъ. Князь П. А. Вяземскій жилъ въ то время въ Москвѣ и, находясь съ нимъ въ самыхъ искреннихъ и дружескихъ отношеніяхъ, отецъ мой сблизился съ Жуковскимъ, Пушкинымъ, съ дядею его Василіемъ Львовичемъ, съ Соболевскимъ, съ графомъ Толстымъ (Американцемъ), Нащокинымъ, Денисомъ Давыдовымъ и съ блестящею молодежью того времени. Особенно цѣнилъ онъ и дорожилъ отношеніями къ Вяземскому, Пушкину и Жуковскому. Онъ часто говаривалъ, что любилъ всею душею перваго, восхищался и гордился вторымъ и почти благоговѣлъ передъ послѣднимъ. О связи съ Пушкинымъ и Жуковскимъ я, увы, могу говорить

только по воспоминаніямъ моего отца и матери; но князя П. А. Вяземскаго я зналъ лично, пользовался его благосклоннымъ расположеніемъ, такъ сказать по наслѣдству, и могъ лично убѣдиться въ прочности дружескихъ узъ прежняго закала. Какъ часто, бывало, этотъ почтенный старецъ (въ то время оберъ-шенкъ, состоявшій при покойной Императрицѣ Маріѣ Александровнѣ), пріѣзжая съ дворомъ на нѣсколько дней въ Москву, находилъ время, чтобы съѣздить за городъ въ Нескучный дворецъ, гдѣ мой отецъ, слабый и больной послѣ постигшаго его нервнаго удара, проводилъ лѣто, пробыть съ старымъ, немощнымъ другомъ цѣлый вечеръ и „тряхнуть стариною". Какъ бывало оживалъ мой старичокъ при этихъ посѣщеніяхъ; какъ разцвѣтала матушка, при видѣ его бодрости и какъ самому князю Вяземскому дышалось хорошо въ этой близкой, родной атмосферѣ, гдѣ воспоминанія черпались широкою рукою изъ полувѣковаго почти пространства, не омраченнаго никакими сомнѣніями и недоразумѣніями!... У меня остался особенно въ памяти одинъ изъ такихъ пріѣздовъ князя Петра Андреевича, и я позволяю себѣ описать его здѣсь, хотя онъ не согласуется съ хронологическимъ порядкомъ моего разсказа.

Государь былъ въ Москвѣ (въ Августѣ 1865 или 1866 г.), и мой старикъ, хотя и зналъ, что князь Вяземскій находился въ числѣ пріѣхавшихъ, но, въ виду предстоявшаго на другой день выѣзда двора, не надѣялся уже повидать его. Матушка отправилась навѣстить больную княгиню П. Н. Голицыну на Бутыркахъ; а мы съ сестрою оставались при отцѣ въ Александрійскомъ дворцѣ и готовились сѣсть обѣдать. Вдругъ къ крыльцу подъѣзжаетъ карета съ придворнымъ лакеемъ, и изъ нея выходитъ князь Петръ Андреевичъ. Отецъ просіялъ, все оживилось, и князь объявилъ, что урвался къ намъ обѣдать. Послѣ обѣда удалось убѣдить отца, что ему слѣдуетъ по обыкновенію немного отдохнуть; а мы съ сестрою, по желанію князя, отправились съ нимъ походить по прелестному Нескучному парку. День былъ Субботній или подпраздничный и, по возвращеніи съ прогулки, мы сѣли на террасѣ передъ дворцомъ. Солнце начинало уже садиться и послѣдними лучами освѣщало нашъ дорогой, завѣтный, величественный Кремль и куполъ Храма Спасителя. Въ это время раздался торжественный гулъ колоколовъ, призывающихъ ко всенощной. Картина была дѣйствительно величественная и поразительная! Маститый поэтъ повидимому весь поглотился охватившими его впечатлѣніями и началъ вспоминать и произносить вслухъ одно за другимъ лучшія стихотворенія Жуковскаго, Хомякова, Тютчева и свои, посвященныя Московскому Кремлю. Мы боялись дохнуть съ сестрою, чтобы не встревожить этого драгоцѣннаго вдохновенія и съ чувствомъ благоговѣйнаго умиленія слѣдили за проявленіемъ этого другаго, славнаго заката поэтической жизни, сохранившаго еще столько свѣжести, чуткости и силы впечатлѣній, чтобы немедленно отзываться на каждый призывъ красоты и гармоніи окружающей его природы. Еще долго по возвращеніи съ террасы, черты князя

сохраняли на себѣ какую-то особую печать торжественности и умиленія; а въ насъ это воспоминаніе осталось неизгладимымъ до сей минуты.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

19-го Ноября 1825 г. Государь Александръ Павловичъ скончался въ Таганрогѣ. Отецъ мой находился въ Москвѣ и тотчасъ послѣ присяги принесенной новому Императору Константину Павловичу, счелъ болѣе благоразумнымъ подвергнуть себя добровольному, домашнему аресту. „Я предвидѣлъ“ говаривалъ онъ неоднократно, „что всѣ мои Московскіе друзья и знакомые немедленно обратятся ко мнѣ съ распросами о томъ, чего слѣдуетъ ожидать отъ новаго Государя, мнѣ столь хорошо и близко извѣстнаго. Страшась лично за будущее насъ ожидавшее и съ другой стороны смутно предполагая, что еще должна совершиться какая-то перемѣна, о которой многое говорилось и обсуждалось еще въ бытность мою адъютантомъ при Великомъ Князѣ, я боялся смутить своими сомнѣніями и безъ того уже встревоженные умы окружающей меня среды. Ожиданія мои вполнѣ оправдались, и по цѣлымъ днямъ къ моей квартирѣ подъѣзжали экипажи посѣтителей, желавшихъ меня видѣть и распросить. Эта настойчивость была настолько сильна, что, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, я намѣренно легъ въ постель, чтобы подъ предлогомъ болѣзни избѣгнуть всякихъ посѣщеній и тяжелыхъ распросовъ“. Когда я спрашивалъ отца, не останавливался-ли онъ въ то время на мысли, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, ему лично предстояла-бы при новомъ Императорѣ блестящая будущность,—онъ возражалъ, что его опасенія за Россію и самого Великаго Князя были такъ велики, что положительно заслоняли собою всякое другое соображеніе. „Зная Цесаревича, какъ я его зналъ“, повторялъ онъ, „я не могъ вообразить себѣ, что̀ насъ всѣхъ ожидаетъ. Не говоря уже о томъ, что онъ по своему характеру и по всему своему прошлому не былъ приготовленъ къ подобному высокому и тяжкому призванію, въ продолженіи послѣдняго времени, послѣ окончанія войны 1814 года, онъ до того отвыкъ отъ Петербурга, отъ двора и отъ государственной среды, до того, такъ сказать, одичалъ въ своей Варшавской обстановкѣ и привязался къ Польшѣ и Полякамъ, что можно было ожидать самыхъ тяжелыхъ послѣдствій. Хотя мы всѣ очень ясно сознавали, что со времени вступленія его въ бракъ съ княгинею Ловичъ, онъ какъ-бы добровольно отступился отъ своихъ правъ на престолъ; но когда, послѣ принесенной ему присяги, прошло нѣсколько дней натянутаго ожиданія и не произошло никакой перемѣны, поневолѣ приходилось думать, что ея и не будетъ“. Князь Н. Б. Юсуповъ случился въ это время въ одномъ изъ своихъ имѣній и, узнавъ о кончинѣ Александра Павловича, поспѣшилъ въ Москву, гдѣ онъ состоялъ тогда президентомъ Кремлевской Экспедиціи. Ему выдана была на мѣстѣ подорожная, отъ имени Императора *Константина Павловича*, и на какой-то станціи подъ Москвою, онъ сидѣлъ въ станціонной комнатѣ, покуда ему перепрягали лошадей. Вдругъ

вбѣгаетъ къ нему сопровождавшій его молодой чиновникъ и, весь взволнованный, объявляетъ, что сейчасъ подъѣхалъ къ станціи какой-то проѣзжій курьеръ изъ Москвы и у него на подорожной значится, что она выдана отъ имени Императора *Николая Павловича*. Старикъ Юсуповъ страшно разгорячился, объявилъ юношѣ, что онъ велитъ его арестовать за распространеніе подобной нелѣпости; но когда молодой чиновникъ принесъ ему подлинную подорожную, пришлось повѣрить и убѣдиться, что это справедливо.

Наконецъ, совершилась присяга новому Государю и наступилъ предѣлъ всѣмъ колебаніямъ и тревогамъ.

Ко времени коронаціи, въ Августѣ 1826 года, Великій Князь Константинъ Павловичъ также прибылъ въ Москву, и отецъ мой часто повторялъ, что онъ любовался имъ во все это трудное для него время. Онъ держалъ себя съ такимъ тактомъ, такимъ вѣрноподданнымъ своего законнаго Государя; такъ искренно и сердечно отвѣчалъ на расточаемыя ему державнымъ братомъ вниманіе и почести, что всѣмъ ему преданнымъ лицамъ было отрадно это сознавать. Не могу утвердительно сказать, видѣлся ли Цесаревичъ съ моимъ отцомъ въ то время въ Москвѣ или нѣтъ; знаю только, что никакой перемѣны тогда въ судьбѣ отца не произошло, и онъ продолжалъ оставаться внѣ службы. Для того чтобы вызвать его вновь къ дѣятельности, потребовался другой рычагъ, и заря этой новой силы занялась на его горизонтѣ еще въ 1826 году въ образѣ моей матери.

Матушка моя происходила изъ рода Чернышовыхъ. Родной дѣдъ ея былъ извѣстный во времена Екатерины II-й и Павла „генералъ-фельдмаршалъ по флоту“ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ, котораго дочь графиня Екатерина Ивановна Чернышова состояла фрейлиною при Императрицѣ, сопровождала ее во время торжественнаго ея путешествія въ Крымъ и затѣмъ вышла по любви за красавца Ѳедора Ѳедоровича Вадковскаго—любимца цесаревича Павла Петровича, бывшаго въ его царствованіе генералъ-аншефомъ и шефомъ Павловскаго полка. Матушка моя Софья Ѳедоровна была младшею дочерью въ семьѣ и родилась 6-го Февраля 1799 года. Семнадцати лѣтъ, въ самомъ расцвѣтѣ красоты и молодости, вышла она замужъ за молодаго и красиваго полковника л.-гв. Семеновскаго полка П. М. Безобразова и послѣ пяти лѣтъ счастливаго брака овдовѣла и затѣмъ постоянно проживала въ кругу своей семьи, или съ старухой матерью въ имѣніи Пальнѣ, Орловской губ. Елецкаго уѣзда, или съ старшею сестрою своею Екатериною Ѳедоровною, находившеюся въ замужествѣ за Н. И. Кривцовымъ. Благодаря близкому знакомству съ симъ послѣднимъ, еще со времени кампаніи 1812 года, отецъ мой сблизился со всею семьею, и тутъ возникло впервыя то взаимное между отцомъ моимъ и матерью неразрывное чувство, которое навѣки связало ихъ другъ съ другомъ. Хотя матушка въ то время давно была вдовою и вполнѣ могла располагать собою и своимъ состояніемъ, но, по свойственной ей мягкости и кротости

характера, вполнѣ подчинялась волѣ и руководству матери. Бабушка моя Екатерина Ивановна была женщина необыкновенно умная и энергическая. Она прямо объявила отцу, что ни за что не согласится на бракъ ея дочери съ праздношатающимся человѣкомъ, который въ лучшую пору силъ и способностей ничего не дѣлаетъ и что она вообще, какъ дочь и жена военныхъ людей, терпѣть не можетъ „статскихъ рябчиковъ“, какъ она называла людей, носящихъ партикулярное платье. Для достиженія желанной цѣли, отцу пришлось покориться и позаботиться о прінсканіи себѣ службы. Въ это время проѣзжалъ черезъ Москву начальникъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ Дибичъ; онъ ѣхалъ на Кавказъ подготовить смѣну Ермолова и замѣну его Паскевичемъ, въ виду начавшейся уже Персидской кампаніи и ожидавшейся войны съ Турціею. Отецъ мой былъ хорошо извѣстенъ Дибичу по своей прежней служебной дѣятельности, и онъ явился къ нему, прося принять его на службу въ Кавказскій дѣйствующій корпусъ или въ свое непосредственное распоряженіе. Дибичъ выразилъ на это полное согласіе; но заявилъ только, что, по существующему порядку, отцу моему слѣдуетъ предварительно испросить на это согласіе Великаго Князя Константина Павловича, какъ бывшаго своего начальника. Отцу это условіе показалось въ то время весьма непріятнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ предвидѣлъ, что Цесаревичъ его отъ себя не выпуститъ; но, подъ вліяніемъ даннаго моей бабушкѣ слова, онъ вынужденъ былъ подчиниться необходимости и написалъ письмо генералу Курутѣ въ Варшаву, испрашивая разрѣшенія Великаго Князя поступить на службу на Кавказъ. Съ оборотомъ почты явился отвѣтъ, что Константинъ Павловичъ очень радъ его возвращенію на службу, но не иначе, какъ въ Варшаву и что онъ предлагаетъ ему вступить въ Гродненскій гусарскій полкъ, гдѣ онъ по старшинству придется старшимъ полковникомъ и дивизіонеромъ.

Не оставалось ничего другаго, какъ принять предложеніе, и въ тотъ же 1827 годъ, послѣ свадьбы, совершенной въ Москвѣ, отецъ и мать моя отправились въ Варшаву.

Теперь уже, въ подкрѣпленіе всего мною сказаннаго относительно неизмѣннаго и исключительнаго чувства расположенія и благоволенія, которыя Великій Князь питалъ къ отцу моему, я могу сослаться на свидѣтельство матушки. Для нея, съ минуты ея замужества до самой кончины, родъ человѣческій раздѣлялся только на двѣ категоріи: на тѣхъ, которые знали, уважали и цѣнили моего отца и на всѣхъ остальныхъ его не знавшихъ и къ нему равнодушныхъ. Къ первымъ она относилась вполнѣ пристрастно, прощала имъ все и вся и готова была защищать ихъ во всякое время. И это безошибочное чувство любящаго существа нельзя было обойти: оно всегда знало, кому можно и слѣдуетъ вѣрить и на кого можно положиться. Съ первыхъ же дней своего пріѣзда въ Варшаву, она почувствовала, что въ Великомъ Князѣ она нашла человѣка, умѣющаго цѣнить по заслугамъ ея мужа, и съ тѣхъ поръ

она неизмѣнно оставалась преданною его памяти и не позволяла при себѣ кому бы то ни было укорять или осуждать его. О прежнихъ недоразумѣніяхъ не было и помину и, хотя фронтовая служба отца въ Гродненскомъ полку не допускала прежняго постояннаго сближенія и общенія, но все же отецъ оставался близкимъ человѣкомъ. Очень часто, по словамъ матушки, звали ихъ запросто обѣдать въ Бельведеръ или вечеромъ совершенно по семейному на чашку чая. Княгиня Ловичъ своимъ простымъ, привѣтливымъ обхожденіемъ придавала этимъ вечерамъ совершенно интимный характеръ, и матушка, сознавая вполнѣ сочувственную атмосферу ее окружающую, позволяла себѣ, по живости своего характера, весьма откровенно укорять Великаго Князя въ его ежедневныхъ вспышкахъ и служебныхъ увлеченіяхъ. Вызываемая имъ на откровенность, она подчасъ прямо указывала на случившіеся за день или за два эпизоды его горячности и утверждала, что они не согласуются съ добротою его сердца и благородными свойствами его природы. Княгиня Ловичъ при этомъ одобрительно улыбалась, а Великій Князь оправдывался или добродушно отшучивался. Обыкновенно подобные споры кончались тѣмъ, что Великій Князь, какъ бы въ отместку за нападки матушки, предлагалъ ей разсказать кое-что изъ прошлыхъ любовныхъ похожденій моего отца въ Варшавѣ. При видѣ ужаса, изобразившагося при этой угрозѣ на лицѣ матушки, Великій Князь заливался звонкимъ смѣхомъ и наслаждался тѣмъ смятеніемъ, которое вызывалъ на лицахъ обоихъ супруговъ.

Я привожу эти мелочныя подробности для того, чтобы ярче отмѣтить, какъ просты и неизмѣнны были чувства Константина Павловича, разъ что онъ ввѣрился человѣку и полюбилъ его и какъ въ этой капризной, своеобразной природѣ сходились и сживались такія противоположные инстинкты и ощущенія.

Въ 1828 году, въ пріѣздъ Императора Николая Павловича въ Варшаву, отецъ мой былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ Е. И. В. съ оставленіемъ по прежнему въ Гродненскомъ полку. Въ началѣ 1829 года родился у него его первенецъ, который и поглотилъ собою всецѣло вниманіе матушки.

Тѣмъ временемъ въ Варшавѣ и во всей Польшѣ вообще постепенно созрѣвали и подготовлялись элементы будущаго возстанія и какъ всегда почти случается, всего менѣе это понимали тѣ, кому вѣдать надлежало. Великій Князь все болѣе и болѣе привязывался къ Полякамъ и, именно благодаря этому сознанію своего къ нимъ пристрастія, не допускалъ мысли, что они могутъ предпринять что́ либо противъ него. Принадлежа къ числу тѣхъ натуръ, которыя наиболѣе тяготѣютъ надъ тѣми, кто имъ особенно дорогъ и милъ, онъ не стѣснялся въ отношеніяхъ къ своимъ любимцамъ и муштровалъ ихъ по своему, въ особенности и даже исключительно въ строю. Съ другой стороны, всѣ его окружающіе, видя его пристрастіе къ мѣстному населенію, не рѣшались внушать ему какія-либо опасенія, и такимъ образомъ

онъ лично весьма часто раздражалъ Поляковъ безъ причины; а остальные, ради его, не смѣли ихъ касаться даже въ тѣхъ случаяхъ, когда и слѣдовало принять какія-либо мѣры. Отецъ мой часто повторялъ, что всѣ наиболѣе благомыслящіе и серьезные представители Польской національности не желали окончательнаго разрыва съ правительствомъ и употребляли усилія, чтобы не давать искрѣ вспыхнуть. Но всеобщее настроеніе было уже настолько враждебно, что малѣйшій поводъ могъ привести къ возстанію. И этимъ поводомъ послужили молодые юнкера изъ Польской шляхты, которые уже давно тяготились своимъ ненормальнымъ и тягостнымъ положеніемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Великій Князь весьма туго и неохотно соглашался на производство этихъ юнкеровъ (по истеченіи извѣстнаго, узаконеннаго срока) въ офицеры. При своемъ, съ годами все возраставшемъ педантизмѣ къ фронтовой службѣ, онъ чрезвычайно дорожилъ присутствіемъ въ солдатскихъ рядахъ этихъ опытныхъ въ шагистикѣ и относительно-развитыхъ молодыхъ людей и не желалъ съ ними разставаться. По отзыву отца моего, всѣ построенія и маневрированія были доведены до высшей степени совершенства, и Константинъ Павловичъ любилъ щегольнуть ими въ пріѣзды Государя Николая Павловича. Для достиженія этой цѣли, вышколенные, опытные и знающіе юнкера были лучшими и ближайшими руководителями въ строю, и замѣна ихъ новичками была бы особенно чувствительна и непріятна; поэтому и старались удержать ихъ во фронтѣ, съ нарушеніемъ всякихъ сроковъ выслуги и повышенія. А между тѣмъ строжайшая дисциплина нимало не ослаблялась въ отношеніи къ нимъ, и они подвергались всѣмъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ, существующимъ по закону для юнкеровъ: въ 9 часовъ вечера они обязаны были возвращаться на ночлегъ въ казармы; имъ возбранялось посѣщеніе театровъ и всякихъ увеселеній; малѣйшее упущеніе вело къ арестамъ и распеканіямъ—словомъ, они не выходили изъ категоріи учениковъ и школьниковъ, несмотря на то, что многіе изъ нихъ уже достигли зрѣлаго возраста. Недовольство этой молодежи и послужило тою искрою, которая произвела революцію 1830 года *).

Послѣдніе дни, предшествовавшіе возстанію, отецъ мой расхворался и не выходилъ изъ дома. За недѣлю скончался его первенецъ, мой старшій братъ. Потрясенный этимъ горемъ и простудившись на его похоронахъ, отецъ долженъ былъ полечиться, и ему налѣпили на грудь сильную шпанскую

---

*) Это было однимъ изъ ближайшихъ и видимыхъ поводовъ, но причины настоящія коренились глубже и не могли быть ясны современникамъ. Одною изъ нихъ, и самою главною, было увольненіе съ землею крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ, и приготовленное Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1830 г. Главныя основы этого увольненія, вполнѣ выработанныя еще въ Мартѣ того года, были посланы въ Варшаву къ Великому Князю на просмотръ. Въ Польшѣ знали, что это было сдѣлано изъ простой вѣжливости къ брату, и что протестъ сего послѣдняго не остановитъ Николая Павловича. Паны и шляхты (увлекшись обѣщаніями съ Запада) предпочли бунтовать. П. Б.

мушку. Въ роковой вечеръ, матушка (находившаяся въ то время въ интересномъ положеніи) сидѣла за работою въ кабинетѣ отца, который тутъ же лежалъ на диванѣ. Вмѣстѣ съ ними находился и старинный ихъ знакомый князь Голицынъ (извѣстный подъ именемъ „Jean de Paris"), и они толковали о томъ, что общественное настроеніе раздражено, что недовольство все возрастаетъ, что Великій Князь не хочетъ ничему вѣрить и т. д. Вдругъ раздался гдѣ-то въ ночной тиши ружейный залпъ, другой, третій... Бросились къ окнамъ; но ничего особеннаго не было замѣтно, и стрѣльба прекратилась. Вскорѣ въ дверяхъ показался камердинеръ отца и сдѣлалъ ему за спиною матушки знакъ рукою. Отецъ вышелъ изъ комнаты и въ передней засталъ вѣстоваго Гродненскаго полка, который объявилъ ему, что въ Варшавѣ бунтъ, что толпа обступила Бельведеръ, полкамъ велѣно выстраиваться и выступать. Отецъ вернулся въ кабинетъ, чтобы наскоро приготовить матушку, сбросилъ свою мушку, натянулъ кое-какъ мундиръ, вскочилъ на лошадь и ускакалъ въ полкъ. Покуда все это происходило, на улицахъ уже поднялось волненіе: бѣжалъ народъ, скакало войско, поднимались крики; толпа росла, и смятеніе сдѣлалось всеобщее. Бѣдная матушка въ страшной тревогѣ не знала, что́ предпринять, тѣмъ болѣе что старикъ Голицынъ до того испугался, что не отставалъ отъ нея ни на шагъ и еще усиливалъ ея опасенія. Черезъ полчаса прискакалъ ординарецъ отъ отца, съ записочкою, наброшенною карандашемъ, въ которой онъ поручалъ ей наскоро уложить въ каретныя важи и ящики наинужнѣйшія вещи и быть готовою къ отъѣзду изъ Варшавы на зарѣ вмѣстѣ съ главною квартирою и выступающими войсками. Можно себѣ представить, какая наступила суматоха въ домѣ. Прислуга потеряла голову; матушка, въ своемъ тяжеломъ положеніи, не находила ни въ комъ нужнаго содѣйствія; началась укладка и разборка вещей, причемъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, нужное не попадалось подъ руки, и оказалось впослѣдствіи, что многое совершенно безполезное попало въ ящики, а самое дорогое забыто. Но такъ или иначе, къ разсвѣту карета была подана, и когда отецъ прискакалъ, чтобы сопровождать матушку къ сборному пункту—къ Бельведеру, все оказалось болѣе или менѣе готовымъ.

Никакія убѣжденія, никакія мольбы не могли поколебать Великаго Князя въ его рѣшеніи покинуть Варшаву. Оскорбленный и пораженный въ своемъ чувствѣ въ Полякамъ, онъ со слезами на глазахъ все повторялъ, что не желаетъ предпринимать ничего противъ нихъ, не можетъ рѣшиться проливать ихъ кровь и предпочитаетъ предоставить ихъ собственной судьбѣ. Отецъ мой не любилъ распространяться на счетъ событій этой ночи; въ немъ, даже въ позднѣйшіе годы, слишкомъ страдало національное и военное самолюбіе при воспоминаніи о этихъ тяжкихъ минутахъ. Ему больно было касаться этой эпохи и высказывать свое откровенное мнѣніе, тѣмъ болѣе, что, даже въ это ужасное время всеобщаго смятенія и тревоги, выразилось со стороны Кон-

стантина Павловича новое доказательство сердечнаго вниманія и расположенія къ отцу: онъ былъ назначенъ начальникомъ отряда, сопровождавшаго и охранявшаго главную квартиру, и на первомъ же ночлегѣ Великій Князь объяснилъ ему, что онъ нарочно далъ ему это назначеніе, чтобы онъ могъ лично наблюдать въ пути за больною матушкою.

Тяжело было это продолжительное отступленіе, и уже конечно никому оно не было такъ тяжело, какъ самому виновнику его. Въ угрюмомъ или скорѣе грустномъ молчаніи по цѣлымъ днямъ Великій Князь ѣхалъ верхомъ подлѣ кареты княгини Ловичъ и какъ бы предоставлялъ окружающимъ военныя распоряженія. Его угнетало сознаніе лежавшей на немъ отвѣтственности, а всего болѣе томило скрытое и подавляемое, но очень ясно сознаваемое чувство недовольства и унынія, которое господствовало вокругъ него. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ прерывалъ молчаніе среди своихъ приближенныхъ, онъ старался пояснить, что для пользы дѣла слѣдовало сберечь это избранное войско, недостаточное для подавленія возстанія, съ тѣмъ, чтобы оно могло соединиться позднѣе съ собирающимися отовсюду корпусами и быть дѣйствительно полезнымъ. Иногда онъ какъ бы не вѣрилъ въ серьозный характеръ возстанія и поджидалъ депутаціи съ приглашеніемъ вернуться въ Варшаву. „Неужели это тѣ Поляки, которыхъ я такъ любилъ!“ часто восклицалъ онъ въ горестномъ волненіи, когда до него доходили слухи о вновь формирующихся бандахъ и о всеобщемъ революціонномъ порывѣ, охватившемъ Царство. Но при этомъ онъ упорно оставался вѣренъ своему первоначальному намѣренію не дѣлать ни одного выстрѣла противъ бунтовщиковъ и, во избѣжаніе столкновеній, часто приходилось измѣнять направленіе маршрута и уклоняться въ сторону отъ пунктовъ, гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, сосредоточивались стекавшіяся со всѣхъ сторонъ банды. Въ подобныхъ случаяхъ ночевать приходилось гдѣ попало, и однажды матушка провела ночь въ простой крестьянской хатѣ, въ комнатѣ смежной съ тою, которая была занята Великимъ Княземъ и его супругою. Выходъ былъ одинъ, и матушка слышала, какъ Константинъ Павловичъ подкрадывался на цыпочкахъ черезъ ея комнату на встрѣчу къ ординарцу, прискакавшему съ какимъ-то донесеніемъ. Изрѣдка, въ минуты относительнаго нравственнаго затишья, во время дневокъ или какихъ-либо остановокъ на пути, матушка позволяла себѣ высказывать откровенно свое мнѣніе, и выражать какъ женщина то, чего всѣ остальные не смѣли выговаривать. Цесаревичъ пускался тогда съ нею въ пренія, доказывалъ благоразуміе подобнаго образа дѣйствій и кончалъ восклицаніемъ: „Mais ils ne savent donc pas, combien j'aie les ai aimés *)“!

*) Да вѣдь они же не знаютъ, какъ я ихъ любилъ.

Повторяю снова, что отецъ упорно отмалчивался, когда заходила при немъ рѣчь объ этомъ отступленіи, и потому не могу привести никакихъ дальнѣйшихъ подробностей. Когда добрались до Слонима, гдѣ Великій Князь пробылъ нѣсколько дней во дворцѣ владѣльца этого мѣстечка Н. Н. Новосильцова, матушка, по случаю приближенія ея родовъ, почувствовала себя настолько ослабѣвшею, что уже не могла далѣе слѣдовать за войсками и осталась въ Слонимѣ. Новосильцовъ устроилъ ей особое помѣщеніе въ башнѣ своего дворца, занятаго Великимъ Княземъ и его свитою, и, по выступленіи ихъ оттуда, она такъ и оставалась въ этомъ помѣщеніи. Отецъ вынужденъ былъ оставить ее тутъ на попеченіи владѣльца, который дѣйствительно заботился о ней, какъ о своей родной дочери. Отцу удалось однакоже вернуться на нѣсколько дней въ Слонимъ ко времени родовъ и когда она благополучно разрѣшилась дочерью Ольгою, онъ поспѣшилъ отправиться въ свой полкъ, который въ то время, какъ и всѣ остальныя войска, вышедшія изъ Варшавы, уже соединился съ арміею графа Дибича. Отецъ говорилъ, что, не смотря на стремленіе его поскорѣе настигнуть главную квартиру, онъ по какому-то инстинктивному влеченію прискакалъ на нѣсколько часовъ по пути въ Витебскъ, куда уединился Великій Князь, когда состоялось назначеніе графа Дибича главнокомандующимъ. Константинъ Павловичъ отмѣнно ему обрадовался, но отецъ былъ пораженъ, до какой степени въ этотъ краткій промежутокъ онъ осунулся и измѣнился. Онъ постоянно повторялъ, „что пѣсенка его спѣта", что онъ уже не жилецъ на этомъ свѣтѣ и когда отцу пришлось съ нимъ проститься, онъ обнялъ его, благодарилъ неоднократно „за службу и за дружбу" и при этомъ даже прослезился. Отецъ говорилъ, что минута прощанія была и для него тѣмъ болѣе тяжела, что и ему самому какой-то внутренній голосъ говорилъ, что эта разлука послѣдняя. Такъ оно и вышло: не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и Великій Князь скончался въ Витебскѣ, не дождавшись даже окончанія военныхъ дѣйствій. Какой грустный конецъ столь громкой и богатой событіями жизни! Переходить Альпы съ Суворовымъ, вступать въ Парижъ во главѣ побѣдоносной гвардіи, отказаться отъ славнѣйшаго престола въ мірѣ и завершить земное существованіе въ скромномъ губернскомъ городкѣ! Какіе рѣзкіе переходы и какое обиліе крупныхъ явленій, втиснутыхъ въ тѣсные предѣлы одной жизни, сравнительно недолгой.

Впрочемъ, по словамъ отца, общій ходъ военныхъ событій въ Польшѣ не сразу принялъ энергическій наступательный характеръ. Графъ Дибичъ, этотъ живой, неутомимый начальникъ главнаго штаба въ царствованіе Императора Александра Павловича, этотъ прошлогодній, славный Забалканскій побѣдитель, былъ неузнаваемъ во время Польской кампаніи. Слабый и болѣзненный, медлительный и нерѣшительный, онъ растянулъ армію на громадномъ пространствѣ, утомлялъ ее постоянными передвиженіями, далъ время Польскимъ силамъ окончательно сформироваться, не воспользовался даже въ

достаточной мѣрѣ Остроленковскою полупобѣдою, чтобы твердо двинуться впередъ, и наконецъ окончательно занемогъ, просилъ объ увольненіи и скончался. Въ послѣднее время все бремя отвѣтственности лежало на начальникѣ его штаба генералѣ Толѣ (въ послѣдствіи графѣ и главноуправляющемъ путями сообщенія), который и вступилъ въ командованіе арміею, по кончинѣ фельдмаршала до прибытія новаго главнокомандующаго графа Паскевича. Съ его прибытіемъ все нѣсколько оживилось; но онъ объявилъ, что не двинется съ мѣста покуда не будетъ имѣть продовольственныхъ запасовъ, по крайней мѣрѣ на три недѣли. И дѣйствительно, работа закипѣла, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ военныя команды сами срѣзали хлѣбъ на брошенныхъ поляхъ, молотили его на мѣстѣ и подготовляли себѣ провіантъ. Затѣмъ уже армія начала подвигаться и постепенно подступила къ Варшавѣ. Когда на послѣднемъ военномъ совѣтѣ было рѣшено прямо начать со штурма Волы, главнаго центральнаго Варшавскаго укрѣпленія, то Паскевичъ приказалъ во главѣ каждой штурмующей колонны поставить вызванныхъ изъ гвардейскаго отряда охотниковъ. Это распоряженіе имѣло чрезвычайный успѣхъ: гвардейцы, естественно, пожелали показать себя, а армейскія войска не захотѣли отъ нихъ отстать, и штурмъ Волы произведенъ былъ съ несокрушимою стремительностію, несмотря на то, что въ самомъ его началѣ гр. Паскевичъ былъ легко контуженъ въ плечо и даже временно сдалъ командованіе генералу Толю. Послѣ паденія Волы, всѣ остальные форты и редуты сдались сами собою, и къ Паскевичу явились депутаты г. Варшавы съ капитуляціею. Въ дѣйствительности кампанія была кончена, и 27 Августа 1831 войска наши заняли городъ.

Здѣсь не могу не упомянуть о небольшомъ эпизодѣ, касавшемся лично до моего отца. За нѣсколько дней до прихода арміи къ Варшавѣ, отцу моему было поручено, во главѣ небольшаго отдѣльнаго отряда (состоявшаго изъ трехъ эскадроновъ Гродненскаго полка, нѣсколькихъ сотенъ казаковъ и нѣсколькихъ конныхъ орудій) двинуться къ мѣстечку Ленчицѣ, гдѣ на пути слѣдованія нашихъ войскъ, по дошедшимъ до главной квартиры свѣдѣніямъ, собрались довольно значительныя силы непріятеля. Выступивъ съ отрядомъ на зарѣ, отецъ мой подъ самою Ленчицею настигъ довольно многочисленное скопище Польскихъ волонтеровъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ большею частію косами, ножами, чуть не дубинами, и послѣ нѣсколькихъ залповъ изъ орудій естественно обратилъ ихъ въ бѣгство и, не потерявъ кажется ни одного гусара или казака, захватилъ много плѣнныхъ съ ихъ мнимыми значками и знаменами и въ тотъ же день привелъ весь этотъ жалкій сбродъ къ мѣсту расположенія своего полка. Когда онъ доложилъ о томъ по начальству, то получилъ изъ главной квартиры приказаніе составить о томъ подробную реляцію. Тогда онъ заявилъ, что не считаетъ себя въ правѣ писать какія-либо реляціи по этому поводу: онъ имѣлъ дѣло не

съ регулярнымъ войскомъ, а съ толпою оборванцевъ, которые не въ состояніи были оказать серьезнаго сопротивленія, и придавать этому дѣйствію какое-либо значеніе было-бы несправедливо и недобросовѣстно. На томъ дѣло и кончилось. По вступленіи нашихъ войскъ въ Варшаву, на третій день, 30 Августа, въ день именинъ Государя Наслѣдника Александра Николаевича, отецъ мой по званію флигель-адъютанта, въ числѣ прочихъ, находился во дворцѣ для принесенія Великому Князю Михаилу Павловичу (совершившему всю кампанію) поздравленій съ Августѣйшимъ именинникомъ. Прибылъ во дворецъ съ тою же цѣлью и Паскевичъ и, проходя мимо моего отца, остановился и спросилъ: „что же, представили вы реляцію о дѣлѣ при Ленчицѣ?“ Тогда отецъ повторилъ ему то, чтó выше сказано, и закончилъ тѣмъ, что по совѣсти составлять реляцію не приходится. Графъ Паскевичъ посмотрѣлъ на него съ привѣтливою улыбкою и сказалъ: „Вы, полковникъ, или слишкомъ скромны, или слишкомъ горды“, и пошелъ далѣе.

За взятіе Варшавы отецъ былъ произведенъ въ генералы и назначенъ въ свиту, такъ что онъ разстался со своимъ полкомъ и отправился къ мѣсту служенія въ Петербургъ, гдѣ матушка уже ожидала его. Вскорѣ новорожденная сестра моя Ольга скончалась, не выдержавъ Петербургскаго климата, и это новое горе сильно потрясло и безъ того отягченную беременностью матушку.—Въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня отцу было объявлено, что онъ командируется для осмотра какого-то корпуса въ южной арміи и чтобы онъ явился въ извѣстный день откланяться Государю и получить въ министерствѣ надлежащія инструкціи. Какъ ни тревожно было ему покидать матушку передъ самымъ временемъ родовъ, но онъ и не останавливался на возможности уклониться отъ служебнаго долга во имя частныхъ соображеній и въ назначенный часъ явился въ Зимній дворецъ. Государь подробно объяснилъ ему свои требованія относительно осмотра корпуса и, отпуская его, милостиво спросилъ: „А что твоя жена“? Отецъ отвѣчалъ, что здорова, на сколько ея положеніе дозволяетъ. „А чтó съ нею?“ спросилъ Государь.—Она всякій день ждетъ разрѣшенія отъ бремени. „Какъ же ты мнѣ этого не сказалъ прежде!“ воскликнулъ Государь:—„оставайся же, а когда все благополучно кончится, приди мнѣ сказать, и тогда поѣдешь“. Отецъ поблагодарилъ и остался. 14-го Іюня я появился на свѣтъ Божій и когда матушка послѣ 9-го дня встала съ постели, отецъ, послѣ какого-то развода, подошелъ къ Государю и доложилъ, что онъ готовъ ѣхать, но при этомъ воспользовался случаемъ, чтобы просить Государя быть моимъ крестнымъ отцомъ. Николай Павловичъ весьма охотно изъявилъ согласіе и объявилъ, что пришлетъ вмѣсто себя генералъ-адъютанта графа Куруту, прибавивъ: „Я увѣренъ, что тебѣ это будетъ пріятно, какъ старому его сослуживцу по Варшавѣ“. Матушка получила по этому случаю красивый брилліантовый фермуаръ отъ Государя.

Послѣ моихъ крестинъ отецъ немедленно отправился на Югъ инспектировать войско и по этому поводу ѣздилъ въ Кіевъ явиться къ фельдмаршалу графу Фаб. Вильг. Сакену, командовавшему южною арміею. По окончаніи командировки, отецъ оставался на мѣстѣ въ ожиданіи прибытія Императора Николая Павловича, который долженъ былъ въ окрестностяхъ Чугуева и Бѣлой Церкви смотрѣть войска и въ томъ числѣ инспектированный предварительно отцемъ моимъ корпусъ. Во время этой поѣздки Государя, случился небольшой эпизодъ, который живо сохранился въ памяти отца. Послѣ какого-то смотра или маневра, высшіе военные чины были приглашены Государемъ къ обѣду, и отецъ мой также присутствовалъ на этомъ обѣдѣ, въ составѣ государевой свиты. Николай Павловичъ былъ необыкновенно внимателенъ, даже сыновне-почтителенъ со старикомъ графомъ Сакеномъ. Онъ посадилъ его за столомъ на первомъ мѣстѣ, сѣлъ подлѣ него и весьма терпѣливо и благодушно выслушивалъ его старческіе разсказы. Маститый ветеранъ 1812 г. бывшій Парижскій губернаторъ, въ то время былъ уже очень старъ, слабѣлъ памятью, но словоохотливъ. Ободренный царскою ласкою, пустился онъ въ нескончаемые разсказы о старинѣ и наконецъ завершилъ обѣденную бесѣду слѣдующимъ воспоминаніемъ изъ своего прошлаго. „Помилуйте, Государь", говорилъ старикъ, „да настоящія времена—просто рай земной, по сравненію съ эпохою царствованія покойнаго родителя вашего Императора Павла Петровича. Вотъ уже было времечко—нечего сказать! Какъ теперь помню, я былъ въ то время комендантомъ въ Оренбургѣ. Сижу себѣ спокойно послѣ обѣда въ кабинетѣ и покуриваю трубочку. Все у меня, кажется, благополучно, опасаться нечего; вдругъ, говорятъ, фельдъегерь пріѣхалъ. У меня такъ духъ и захватило, и ноги подкосились; вѣдь въ тѣ времена пріѣздъ фельдъегеря непремѣнно предвѣщалъ какую-нибудь страшную бѣду. Входитъ и подаетъ конвертъ: вижу, что-то тоненькое, верчу въ рукахъ, а открыть страшно. Наконецъ распечаталъ и читаю: „Волею Божіею Государь Императоръ Павелъ Петровичъ скончался. Слава Богу!" И при этомъ восклицаніи, нашъ почтенный старецъ, въ увлеченіи своимъ разсказомъ, совершенно забылъ, передъ кѣмъ онъ находится и осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. Отецъ говорилъ, что при этихъ словахъ и при этомъ жестѣ фельдмаршала всѣ присутствующіе невольно уткнули головы въ тарелки и не смѣли поднять глазъ. Воцарилось мертвое молчаніе, вскорѣ прерванное Государемъ, который сдѣлалъ видъ какъ будто ничего не случилось, и обратился своимъ обыкновеннымъ голосомъ къ кому-то черезъ столъ съ служебнымъ вопросомъ; а бѣдный старикъ такъ и не догадался, въ какое неловкое положеніе онъ поставилъ всѣхъ слушателей своимъ наивнымъ разсказомъ.

Весну и осень отецъ обыкновенно проводилъ въ разъѣздахъ и командировкахъ по инспектированію войскъ, и по приготовленію ихъ къ высочайшимъ смотрамъ; все же остальное время въ году оставался въ Петербургѣ,

ограничиваясь очереднымъ дежурствомъ при Государѣ; но такъ какъ въ то время было всего двѣнадцать генералъ-майоровъ, состоявшихъ въ свитѣ Е. И. В., то это повторялось довольно часто. Дежурство тогда длилось цѣлые сутки съ ночлегомъ во дворцѣ, и дежурные, большею частію, приглашались къ царскому столу. Отецъ всегда вспоминалъ съ особеннымъ удовольствіемъ объ этихъ минутахъ, когда ему приходилось проникать во внутренній, такъ сказать домашній, бытъ царской семьи, и онъ неоднократно повторялъ, что въ этихъ случаяхъ господствовали полнѣйшая простота и непринужденность. Государь Николай Павловичъ, столь грозный, неприступный и величественный передъ фронтомъ, на площади, и въ публикѣ—въ семейной своей обстановкѣ совершенно преображался и за обѣдомъ, когда не присутствовало никого, кромѣ приближенныхъ и дежурныхъ лицъ, становился простымъ, радушнымъ хозяиномъ. Въ концѣ обѣда великіе князья, сыновья Государя (исключая Цесаревича Александра Николаевича) становились обыкновенно въ дверяхъ на часы съ маленькими ружьями въ рукахъ и, при проходѣ Государя, дѣлали на караулъ. Николай Павловичъ останавливался, зорко и серьезно слѣдилъ за выполненіемъ этихъ ружейныхъ пріемовъ и кромѣ того испытывалъ ихъ военную стойкость: онъ щипалъ ихъ довольно сильно, дѣлалъ гримасы, чтобы вызвать смѣхъ, но молодые воины не смѣли и глазомъ моргнуть, а не только пошевелиться, покуда Государь не пройдетъ и ихъ не отпуститъ.

Въ это время отецъ часто видался съ Жуковскимъ, Вяземскимъ, Пушкинымъ и всѣмъ тѣмъ кружкомъ, съ которымъ сблизился въ былое время въ Москвѣ. Пушкинъ въ то время былъ уже женатъ, камеръ-юнкеръ и много ѣздилъ въ большой свѣтъ и ко двору, сопровождая свою красавицу-жену. Этотъ образъ жизни часто былъ ему въ тягость, и онъ жаловался друзьямъ, говоря, что это не только не согласуется съ его наклонностями и призваніемъ, но ему и не по карману. Часто забѣгалъ онъ къ моимъ родителямъ, оставался, когда могъ, обѣдать и какъ школьникъ радовался, что можетъ провести нѣсколько часовъ въ любимомъ кружкѣ искренныхъ друзей. Тогда онъ превращался въ прежняго Пушкина: лились шутки и остроты, раздавался его заразительный смѣхъ, и всякій разъ онъ оставлялъ послѣ себя долгій слѣдъ самыхъ пріятныхъ, незабвенныхъ воспоминаній. Однажды послѣ обѣда, когда перешли въ кабинетъ и Пушкинъ, закуривъ сигару, погрузился въ кресло у камина, матушка начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Пушкинъ долго и молча слѣдилъ за ея высокою и стройною фигурою и наконецъ воскликнулъ: „Ахъ, Софья Ѳедоровна, какъ посмотрю я на васъ и на вашъ ростъ, такъ мнѣ все и кажется, что судьба меня, какъ лавочникъ, обмѣрила“. А матушка была дѣйствительно необыкновеннаго для женщины роста (2 арш. 8½ вершковъ) и когда она бывало появлялась въ обществѣ съ двумя своими близкими знакомыми, графинею Е. П. Потемкиной и графи-

нею Шуазель, то ихъ въ свѣтѣ называли „le bouquet monstre“. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что слово „monstre“ относилось въ данномъ случаѣ исключительно къ ихъ росту, потому что онѣ всѣ три были чрезвычайно красивы и точно составляли букетъ, на украшеніе любой гостиной.

Въ 1833 году, вслѣдствіе неурожая, обнаружился сильный недостатокъ хлѣба во многихъ мѣстностяхъ; но въ особенности бѣдствовали Новороссійскій край и Малороссія. Князь М. С. Воронцовъ (въ то время еще графъ) обнаруживалъ неусыпную дѣятельность, чтобы предотвратить по возможности надвигающееся бѣдствіе, и во ввѣренномъ ему Новороссійскомъ краѣ не только подготовлялъ и закупалъ въ Одессѣ значительные запасы хлѣба на правительственныя суммы, но оказывалъ и щедрую помощь изъ своихъ собственныхъ богатыхъ средствъ. Мѣры имъ принимавшіяся были извѣстны и въ Петербургѣ, и всѣ съ особеннымъ уваженіемъ и одобреніемъ отзывались о дальновидности и бдительности государственнаго человѣка и щедраго вельможи. Неменьшее бѣдствіе угрожало и Украйнѣ. Тамошній губернаторъ, не имѣя громадныхъ средствъ графа Воронцова и его обстановки, естественно, не могъ придавать своимъ дѣйствіямъ той широты и огласки, которая сопровождала всѣ дѣйствія Новороссійскаго магната. Начали поговаривать въ столичныхъ сферахъ, что въ Малороссіи этотъ столь важный вопросъ о народномъ продовольствіи ведется яко бы не съ должнымъ вниманіемъ, что этимъ губерніямъ грозитъ въ зимнее время, "полнѣйшая голодовка" и что мѣстная администрація подлежала бы за это строжайшей отвѣтственности. Въ это время отецъ получаетъ повѣстку явиться на слѣдующій день во дворецъ. Государь принимаетъ его въ кабинетѣ и объявляетъ, что онъ командируется въ Полтаву, чтобы ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ вещей и принять нужныя мѣры. При этомъ Государь коснулся слуховъ о бездѣйствіи мѣстныхъ властей и закончилъ свою рѣчь словами: „Поѣзжай, осмотрись, донеси мнѣ подробно и, если хоть малая доля того, что̀ говорятъ, справедлива, то оставайся тамъ и ожидай дальнѣйшихъ распоряженій“. Вмѣстѣ съ тѣмъ отцу моему былъ открытъ кредитъ на нѣсколько сотъ тысячъ рубл. для немедленной раздачи по уѣздамъ наиболѣе нуждающимся.

Когда эта командировка отца огласилась въ кругу его друзей и близкихъ знакомыхъ, то многіе поздравляли его съ блестящею будущностью, предполагая, что онъ замѣнитъ князя Репнина и въ чинѣ генералъ-маіора займетъ прямо высокій постъ генералъ-губернатора. Что эти предположенія не лишены были нѣкотораго основанія, доказывается еще слѣдующимъ, довольно замѣчательнымъ случаемъ. Покуда отецъ сбирался въ путь и въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ заготовлялись для него надлежащія инструкціи, онъ получилъ приглашеніе отъ Великой Княгини Елены Павловны заѣхать къ ней по дѣлу. Ея Высочество заявила ему, что, узнавъ о его командированіи въ Полтаву, она пожелала повидать его, чтобы поручить его вниманію свое Пол-

тавское имѣніе Карловку и просить его доставить ей свѣдѣнія, выполнено ли на мѣстѣ все то, что́ было ею предписано, для снабженія крестьянъ ея достаточнымъ продовольствіемъ. Отпуская моего отца, она съ улыбкою присовокупила приблизительно слѣдующее: „N'oubliez donc pas, général, si vous devenez notre seigneur et maître, que je suis une Полтавская помѣщица, et gardez moi vos bonnes grâces!“ *)....

Отецъ отправился въ путь, серьезно смущенный предстоявшею ему, повидимому, не легкою задачею. Когда онъ прибылъ въ Полтаву, то не засталъ тамъ князя Репнина, который воспользовался Суботою и двумя послѣдующими праздничными днями, чтобы съѣздить въ свое ближнее имѣніе. Это обстоятельство на первыхъ порахъ еще какъ бы усложнило дѣло; но, въ виду экстренности вопроса, отецъ, не ожидая возвращенія генералъ-губернатора, на другой же день образовалъ комитетъ изъ мѣстнаго губернатора, губернскаго предводителя дворянства и разныхъ другихъ должностныхъ лицъ. Каково же было его пріятное изумленіе, когда, приступая къ дѣлу, онъ съ самаго начала убѣдился, что всѣ необходимыя мѣры были приняты, многіе запасы уже сдѣланы и размѣщены на мѣстахъ по магазинамъ, подготовлены заподряды на будушее время; словомъ, что все обстоитъ какъ нельзя болѣе благополучно. Вполнѣ успокоенный на первыхъ порахъ и зная, въ какой мѣрѣ Государь озабоченъ положеніемъ этого дѣла, отецъ немедленно приступилъ къ составленію своего перваго всеподданнѣйшаго донесенія, въ которомъ изложилъ подробно все, что́ въ дѣйствительности оказалось, и присовокупилъ, что отправится по уѣздамъ для раздачи высочайшаго пособія и провѣрки на мѣстахъ, но что, по общему ходу дѣла, онъ уже и теперь убѣдился, что распространенные слухи не имѣли ни малѣйшаго основанія и что особенныхъ опасеній въ будущемъ существовать не можетъ. Тѣмъ временемъ вернулся князь Репнинъ, и отецъ мой, отправляясь къ нему, взялъ съ собою и свое донесеніе, готовое къ отсылкѣ въ Петербургъ. Старикъ былъ до того растроганъ, по прочтеніи этого рапорта, что со слезами на глазахъ благодарилъ отца и сообщилъ ему, что ему очень хорошо было извѣстно все, что̀ о немъ говорилось, что онъ исполнялъ свой долгъ по крайнему разумѣнію, но ожидалъ, что ему не сдобровать, тѣмъ болѣе, что командированное Государемъ лицо всегда могло найти достаточный поводъ къ осужденію его дѣйствій.

Такимъ образомъ отецъ, послѣ нѣсколькихъ поѣздокъ по губерніи, вернулся въ Петербургъ и лично подтвердилъ Государю, что никакихъ особенныхъ мѣръ принимать не предстоитъ надобности. Слѣдуетъ предположить, что всѣ тонкія

*) И такъ не забывайте, если будете нашимъ повелителемъ, что я Полтавская помѣщица, и не лишите меня вашей милости.

стороны этого порученія были вполнѣ извѣстны и оцѣнены Николаемъ Павловичемъ, потому что, при обычномъ въ подобныхъ случаяхъ объявленіи монаршей благодарности за успѣшное выполненіе возложеннаго порученія, въ текстѣ *курсивомъ* было пропечатано: „и за *вполнѣ добросовѣстное* выполненіе",... какъ это значится въ его формулярномъ спискѣ. Много лѣтъ спустя, отыскивая по порученію отца какіе-то нужные ему документы, я случайно нашелъ въ его бумагахъ письмо князя Репнина, адресованное въ Петербургъ тотчасъ послѣ выѣзда его изъ Полтавы. Оно было написано мастерски, по-французски, и у меня осталось въ памяти, что, говоря о рѣдкомъ наслажденіи встрѣтиться въ жизни съ личностью, одаренною истинно-благородными и возвышенными душевными свойствами, онъ приблизительно этими словами заканчиваетъ свою мысль: et c'est pour cette sensation si rare et si exquise, que je viens surtout vous remercier ici, cher général etc.." *) Помню какъ теперь, съ какимъ теплымъ и хорошимъ чувствомъ я глоталъ въ то время эти строки и естественно тотчасъ обратился къ находившемуся тутъ же отцу, прося разъяснить, по поводу чего именно было получено это письмо. Только тогда (это было въ деревнѣ, когда онъ находился въ отставкѣ) онъ вынужденъ былъ разсказать мнѣ все вышеизложенное по своей командировкѣ въ Полтаву, такъ что не попадись мнѣ случайно на глаза это письмо, я вѣроятно ничего бы не зналъ объ этомъ эпизодѣ въ его жизни. Черта достойная особеннаго замѣчанія въ характерѣ моего родителя; ее нельзя прямо назвать излишнею скромностью, потому что это свойство какъ-то не согласовалось бы съ крупными, всегда рѣшительными и твердыми его дѣйствіями. Нѣтъ, это скорѣе вытекало изъ его прочно-установившагося взгляда на все, что̀, по его мнѣнію, входило въ составъ основныхъ жизненныхъ началъ и не подлежало ни малѣйшему колебанію, а слѣдовательно и одобренію. Благодарить кого-либо за прямое выполненіе долга или восторгаться тѣмъ, что кто-либо поступилъ честно и благородно, представлялось ему также страннымъ и безразсуднымъ, какъ если бы вздумалось благодарить кого-нибудь за то, что онъ ходитъ ногами и смотритъ глазами. При подобномъ взглядѣ на человѣческое призваніе вообще, естественно, что онъ еще строже относился къ самому себѣ, и потому всякій намекъ на самовосхваленіе или подчеркиваніе дѣйствій было ему особенно не по нутру.

Чтобы еще болѣе выяснить эту особенность въ характерѣ отца, позволю себѣ нарушить здѣсь хронологическій порядокъ моихъ записокъ и привести кстати одинъ случай изъ нашего позднѣйшаго дѣтства, когда меня лично впервыя поразило это особенное душевное свойство отца. Мы жили тогда во Ржавцѣ (мнѣ было лѣтъ 12, сестрѣ же и брату много меньше). Матушка,

---

*) И за это-то чувство, столь рѣдкое и отмѣнное, въ особенности благодарю я васъ, любезный генералъ.

которая все время посвящала нашему воспитанію, учредила между прочимъ по вечерамъ, послѣ чаю, общія чтенія, чтобы пріучать насъ громко читать на всѣхъ языкахъ. Читали по очереди: одинъ день по-русски, другой по-французски, третій по-англійски, четвертый по-нѣмецки. Отецъ, бывало, лежитъ у стола на диванѣ во всю длину, съ закинутыми за голову руками и какъ будто ни въ чемъ не участвуетъ, а между тѣмъ все слышитъ и все подмѣчаетъ. Матушка сидитъ тутъ же съ работою и, прислушиваясь къ чтенію, изрѣдка поправляетъ насъ или вызываетъ насъ на обсужденіе прочитаннаго. Въ тотъ вечеръ, о которомъ я веду рѣчь, была моя очередь читать и, какъ теперь помню, во Французской книгѣ, которую я читалъ, разсказывалось, какъ одинъ почтенный отецъ семейства отпускалъ своего юношу-сына въ военную школу Сенъ-Сиръ и наканунѣ его отъѣзда давалъ ему свои послѣднія наставленія. „Avant tout, mon fils", читалъ я въ книгѣ, „soyez honnête!" *) Матушка, по мѣрѣ развитія этихъ наставленій, выражала про себя свое одобреніе; когда, постоянно молчащій и повидимому безучастный отецъ, отвѣчая на ея одобрительные звуки, произнесъ: „А я нахожу, что это просто глупо. Такія вещи не говорятъ; и, еслибы когда нибудь мнѣ показалось нужнымъ сказать Ѳедѣ „будь честенъ", то это доказывало бы, что я уже въ немъ не увѣренъ, а въ подобномъ случаѣ словами не поможешь. Есть вещи, которыя ясны какъ день или совсѣмъ непонятны...."

Помню, что меня поразили тогда эти слова и въ тоже время какъ-то сильно подняли въ собственныхъ глазахъ. Для меня, безъ малѣйшаго сомнѣнія, прозвучала въ нихъ глубокая увѣренность отца, что я не могу и не долженъ нуждаться въ подобномъ наставленіи, и эта увѣренность была мнѣ такъ отрадна, что это ощущеніе до сей минуты живетъ въ моей памяти. Кромѣ того, я былъ польщенъ этимъ серьезнымъ ко мнѣ отношеніемъ, какъ уже къ лицу отвѣтственному за себя; а ничто такъ не дорого въ извѣстные, очень юные годы, какъ возможность прослыть за взрослаго и уже возмужалаго человѣка. Можно, конечно, оспаривать отцовскую теорію и утверждать, что, кромѣ природнаго инстинкта, хорошія свойства прививаются намъ еще и словомъ, и примѣромъ; но я нахожу, что этотъ эпизодъ ярко рисуетъ цѣльную и рѣшительную натуру отца. Вспоминая теперь, на склонѣ моей собственной уже некраткой жизни, объ этихъ впечатлѣніяхъ свѣжей юности, я невольно не могу не остановиться на ежедневныхъ, ежечасныхъ проявленіяхъ нашей грустной дѣйствительности. Если бы кто-нибудь могъ предсказать мнѣ въ то время, когда я читалъ этотъ Французскій разсказъ и проникался теоріею, высказанною моимъ отцомъ по этому поводу, что мнѣ суж-

---

*) Прежде всего, мой сынъ, будь честенъ.

дено дожить до такой эпохи, когда подобная теорія должна обратиться почти въ анахронизмъ и когда всяческое и повсемѣстное хищеніе воцарится во всѣхъ семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ слояхъ,—то я навѣрное отказался бы этому повѣрить. Мнѣ почти приходится радоваться, что мой почтенный старецъ уже не отъ міра сего, что онъ могъ еще унести съ собою во всей неприкосновенности свою вѣру въ достоинство человѣка и убѣжденіе, что существуютъ такіе незыблемые, нравственные законы, которыхъ не можетъ поколебать никакая среда и никакое пагубное вліяніе....

Но возвращаюсь къ прерванному повѣствованію. Весною 1834 года отецъ мой вновь былъ потребованъ къ Государю, который объявилъ ему, что посылаетъ его въ Астрахань, гдѣ старикъ губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Пяткинъ, запутался въ распоряженіяхъ и самъ, такъ сказать, взывалъ о помощи. Вышли какіе-то безпорядки среди находившихся тамъ поднадзорныхъ, изъ которыхъ большая часть были Поляки, сосланные туда на жительство послѣ послѣдняго Польскаго возстанія. Пяткинъ вначалѣ не обратилъ на это явленіе должнаго вниманія, а потомъ поступилъ безтактно: придалъ всему дѣлу какое-то политическое значеніе и прислалъ встревоженное донесеніе, причемъ просилъ уволить его на покой. Государь, передавъ всѣ эти подробности отцу, приказалъ ему поспѣшить отъѣздомъ и, по прибытіи на мѣсто, донести, что̀ окажется, и во всякомъ случаѣ оставаться тамъ до назначенія преемника Пяткину. Порученіе было сложное и продолжительное, потому что въ то время не существовало ни желѣзныхъ дорогъ, ни пассажирскаго пароходства по Волгѣ. Путь былъ далекій, мѣстность полуазіятская, неизвѣстная; разлука съ семьею тяжкая. Но что же дѣлать? Пришлось наскоро собраться и ѣхать. Къ счастію, на мѣстѣ все оказалось не столь мрачнымъ, какъ думалось; приданы были какіе-то серьезные, политическіе размѣры почти ребяческой выходкѣ нѣсколькихъ поднадзорныхъ юношей. Пришлось двухъ или трехъ коноводовъ выслать въ другія мѣстности, и затѣмъ все затихло и не могло быть иначе въ мѣстности, на двѣ трети заселенной полудикими инородцами. Отправивъ свое донесеніе, отецъ остался въ Астрахани выжидать дальнѣйшихъ распоряженій, а тѣмъ временемъ генералъ Пяткинъ уже былъ уволенъ и готовился къ выѣзду. Съ оборотомъ почты отецъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ письмо, въ которомъ его увѣдомляли, что Государю Императору желательно, чтобы отецъ остался въ Астрахани въ званіи Астраханскаго военнаго губернатора, съ управленіемъ и гражданскою частью, и командира Астраханскаго казачьяго войска. Желаніе Государя въ данномъ случаѣ соотвѣтствовало приказанію и колебаться не приходилось.

Отецъ поселился въ Астрахани и пробылъ тамъ ровно 10 лѣтъ до 1844 года. Къ осени и матушка со мною (двухъ лѣтнимъ ребенкомъ) перебралась туда же, и такимъ образомъ все мое первоначальное дѣтство проведено на этой полуазіятской границѣ, на берегу Волги, чему я главнымъ

образомъ приписываю мое сердечное пристрастіе къ этой рѣкѣ; такъ что когда я, въ концѣ 70-хъ годовъ, былъ назначенъ Саратовскимъ губернаторомъ и вновь очутился на берегу Волжскомъ, то меня охватило какое-то родное чувство, и всѣ впечатлѣнія дѣтства опять прошли передъ моею памятью съ особенною живостью и ясностью.

Здѣсь я долженъ вернуться къ тому, что было уже мною говорено въ началѣ моихъ записокъ, гдѣ я указывалъ, что не считаю себя въ правѣ, такъ сказать, представлять прямо біографическій очеркъ моего отца и ограничиваюсь припоминаніемъ его разсказовъ, мнѣній и оцѣнки тѣхъ событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ или участникомъ. Не говоря уже о томъ, что я, какъ ребенокъ, не могъ въ то время слѣдить за его дѣятельностью и понимать ее, а ужъ онъ конечно ни въ то время, ни послѣ никогда о своихъ личныхъ дѣйствіяхъ не распространялся; но кромѣ того я, даже изъ уваженія къ его памяти, не могу себѣ позволить привести здѣсь даже и того, что впослѣдствіи мнѣ выяснилось изъ разсказовъ его окружавшихъ и его сослуживцевъ. Мнѣ такъ дорого въ немъ это высокое, щекотливое чувство собственнаго достоинства, которое всегда и во всемъ отдаетъ себя на судъ другихъ, не желая ничѣмъ подѣйствовать на эту свободную оцѣнку,—что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ его жизни, гдѣ приходилось бы исключительно говорить о немъ лично, я вынужденъ умолкать и касаться этого времени лишь въ общихъ чертахъ и какъ бы мимоходомъ.

Поэтому я могу только сказать относительно его десятилѣтняго управленія Астраханскимъ краемъ, что оно не носило обычнаго рутиннаго характера уже потому, что, съ свойственною ему энергіею, горячностью и высокою добросовѣстностью, онъ весь предался мѣстнымъ интересамъ и полюбилъ эти интересы всею душою. Эта особенность не только была ощутительна на мѣстѣ и пріобрѣла ему вскорѣ полнѣйшую и неограниченную преданность всѣхъ сословій мѣстнаго населенія, но и была извѣстна и цѣнима государемъ Николаемъ Павловичемъ. Помню, какъ единственный разъ, по возвращеніи изъ своей служебной поѣздки въ Петербургъ въ 1842 году, отецъ разсказалъ о своемъ свиданіи съ Государемъ. Въ тотъ день, когда онъ отправился въ Петергофъ откланиваться, Николай Павловичъ ѣздилъ въ Кронштадтъ и вернулся прямо къ обѣду, къ которому и отецъ былъ приглашенъ. Послѣ обѣда Государь вызвалъ отца къ себѣ въ кабинетъ и очень долго, подробно и внимательно выслушивалъ его доклады. По окончаніи онъ обнялъ его и простился съ нимъ; но когда отецъ уже подходилъ къ двери, Николай Павловичъ вернулъ его и сказалъ: „Обними меня еще разъ, Тимирязевъ; я за то особенно благодарю тебя, что ты такъ любишь свой край и такъ горячо стоишь за него.“

Если подобное живое отношеніе къ дѣлу и вдали, въ центральныхъ сферахъ, находило свой отголосокъ, то можно себѣ представить, какое значеніе

оно имѣло среди мѣстнаго населенія. При подобныхъ условіяхъ едва ли возможно, чтобы дѣятельность могла быть безплодна, и если присоединить къ этому строжайшее отношеніе къ собственнымъ дѣйствіямъ и въ тоже время зоркое наблюденіе, чтобы и другіе выполняли свой долгъ и свои обязанности, то естественно, что извѣстная доля успѣха не могла не проявиться. Не могу воздержаться, чтобы не привести по этому поводу словъ покойнаго фельдмаршала князя Барятинскаго. Отправляясь въ послѣдній разъ на Кавказъ въ званіи намѣстника, князь ѣхалъ на Астрахань и пробылъ тамъ два дня. Много лѣтъ спустя, встрѣтившись какъ-то съ отцемъ моимъ въ Москвѣ или Петербургѣ (не упомню), онъ обратился къ нему со слѣдующею фразою: „А знаете ли вы, генералъ, что вы измѣнили лѣтосчисленіе въ Астрахани. Когда я былъ тамъ, то меня удивляло, что, при опредѣленіи времени, когда что либо совершилось, прямо говорятъ: „Это было до Тимирязева, въ его время или послѣ него.“....

Каждые два года отецъ осенью уѣзжалъ со всею семьею изъ Астрахани, оставлялъ насъ на зиму въ Москвѣ, а самъ отправлялся по дѣламъ службы въ Петербургъ и проводилъ тамъ мѣсяца три, чтобы выторговать и добиться для излюбленнаго края всего, что̀ только оказывалось возможнымъ. Пользуясь личнымъ благоволеніемъ Государя и тѣмъ свободнымъ доступомъ къ нему, который предоставлялъ въ то время его свитскій мундиръ, онъ неоднократно успѣвалъ при личныхъ докладахъ достигать того, чего не добился бы годами переписки съ министерствами. Тогда это во многомъ облегчало его задачу и чрезвычайно радовало и ободряло его; но впослѣдствіи оказалось, что онъ этимъ накликалъ на себя грозныя тучи со стороны устраняемыхъ или обходимыхъ имъ, такъ сказать, властей, и въ концѣ-концовъ эти тучи разразились надъ его головою такою бурею, которая на долго прекратила всякую его дѣятельность.

Здѣсь будетъ нелишнимъ упомянуть о частномъ случаѣ, не лишенномъ извѣстнаго интереса, ради участія въ немъ Жуковскаго. Въ 1840 году, отецъ мой по обыкновенію довезъ насъ до Москвы, а самъ отправился въ Петербургъ по дѣламъ службы. Между прочимъ онъ захотѣлъ составить мнѣ маленькую библіотеку дѣтскихъ книгъ и учебниковъ, такъ какъ съ наступленіемъ восмилѣтняго возраста меня уже начали понемногу сажать за ученіе. Онъ какъ-то высказалъ свое намѣреніе при Жуковскомъ, который тотчасъ объявилъ ему: „Я самъ выберу всѣ книги для твоего сына; поѣдемъ вмѣстѣ“. И дѣйствительно, въ назначенный день и часъ, Василій Андреевичъ отправился съ отцемъ по книжнымъ магазинамъ. Онъ тщательно подобралъ все, что̀ находилъ нужнымъ и полезнымъ, и когда выборъ былъ оконченъ, онъ во главѣ всѣхъ купленныхъ книгъ положилъ иллюстрированное изданіе своей „Ундины“, надписавъ предварительно на заглавномъ листѣ собственноручно слѣдующія слова: „*Моему юному другу, на память отъ автора*“. Этотъ экземпляръ

Ундины по сіе время хранится мною, какъ драгоцѣнное воспоминаніе о нашемъ незабвенномъ поэтѣ.

Въ 1842-мъ году отецъ мой совершилъ свою послѣднюю зимнюю поѣздку въ Петербургъ, окончилъ тамъ благополучно свои дѣла, удостоился при отъѣздѣ того милостиваго отзыва Государя Николая Павловича, о которомъ я уже упомянулъ выше, и вернулся раннею весною въ Астрахань. А между тѣмъ эти административныя тучи, о которыхъ я говорилъ, настолько сгущались, что въ слѣдующемъ же 1843-мъ году осенью состоялось назначеніе сенаторской ревизіи въ Астраханской губерніи. Прибылъ вскорѣ въ Астрахань ревизующій сенаторъ князь П. П. Гагаринъ; а весною отецъ мой, по настоятельному ходатайству ревизора (прямо заявившаго, что мѣстное вліяніе губернатора такъ велико, что въ его присутствіи онъ приступить къ дѣйствительной ревизіи не можетъ!....), отецъ мой былъ отчисленъ по кавалеріи и покинулъ свой постъ.

Если бы подобный результатъ десятилѣтней чистой, безупречной и ревностной дѣятельности совершился прямымъ, административнымъ путемъ и такимъ образомъ завершилась бы окончательно продолжительная и не безполезная карьера отца, то я счелъ бы священнымъ долгомъ, вопреки столь извѣстнаго мнѣ и столь часто приводимаго на этихъ страницахъ отвращенія моего родителя ко всякаго рода личнымъ разоблаченіямъ,—я счелъ бы долгомъ передъ его памятью, говорю я, указать здѣсь подробно на всѣ тѣ тайныя побужденія и личныя соображенія, которыя руководили главными дѣйствующими лицами, заинтересованными въ подобномъ разрѣшеніи этого вопроса. Но въ данномъ случаѣ все это дѣло было результатомъ гласной ревизіи, производившейся по высочайшему повелѣнію; ревизія эта въ законномъ порядкѣ поступила на разсмотрѣніе 1-го департамента Правительствующаго Сената, затѣмъ по возбужденному въ ономъ тѣми же вліяніями разногласію переведена въ Общее Собраніе; оттуда по разногласію съ министромъ юстиціи перешла въ Государственный Совѣтъ и, послѣ 9-ти слишкомъ лѣтъ всесторонняго обсужденія, разсмотрѣнія и, такъ сказать, перемолачиванія и перебиранія, дѣло это представлено было на высочайшее утвержденіе въ такомъ видѣ, что воспослѣдовала всемилостивѣйшая резолюція приблизительно слѣдующаго содержанія: „Не взысканія, а награды заслуживаетъ Тимирязевъ; опредѣлить на службу и назначить сенаторомъ.“

Въ виду такихъ послѣдствій этого долгаго и тяжелаго испытанія, я не считаю возможнымъ въ дѣлѣ, касающемся столь дорогой для меня памяти, отступать отъ высокаго по своему достоинству примѣра, который отецъ мой проводилъ въ теченіи 9-ти лѣтъ съ такою рѣдкою стойкостью и съ такою выдержанною силою характера. Съ самаго дня его увольненія въ 1844 г. и до назначенія сенаторомъ въ 1853-мъ году никто и никогда не слыхивалъ отъ него не только слова, но и звука относительно его дѣла. Поселившись

съ семьею въ деревнѣ, въ селѣ Ржавцѣ, отецъ мой не покидалъ этого уединенія и даже, когда по ходу дѣла онъ былъ вызванъ Правительствующимъ Сенатомъ въ Петербургъ для подачи дополнительныхъ объясненій, то, кромѣ выполненія этого законнаго требованія и свиданія съ родными и друзьями, онъ не только не искалъ, но прямо избѣгалъ всякой встрѣчи, могущей въ его положеніи быть истолкованной какимъ нибудь намѣреніемъ напомнить о себѣ.

Да почіетъ въ мирѣ все то, что̀ когда-то такъ упорно мутило чистое и ясное русло отцовской жизни, что̀ причинило столько горькихъ, втайнѣ отъ отца пролитыхъ слезъ моей матери, что̀ такъ тяжко легло въ *матеріальномъ отношеніи* на нашъ семейный бытъ именно въ то время, когда наше воспитаніе требовало наибольшихъ затратъ. Не хочу и не смѣю касаться этого мутнаго источника на „Страницахъ Прошлаго", не запятнанныхъ ни единымъ нечистымъ воспоминаніемъ!

Итакъ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1844-го года, мы выѣхали изъ Астрахани, провели лѣто въ Тамбовской губ., Кирсановск. уѣзда, въ селѣ *Любичахъ*, у сестры матушки Екатерины Ѳедоровны Кривцовой, а на зиму перебрались въ Москву. Но уже въ теченіе этой зимы выяснилось, что наши стѣсненныя обстоятельства не дозволяютъ семьѣ проживать въ столицѣ, и съ весны 1845 года мы окончательно водворились въ Ржавцѣ. Въ то время, по военнымъ правиламъ, никто не могъ числиться на дѣйствительной службѣ, не занимая какой либо должности болѣе одного года, и потому отецъ мой, по истеченіи годоваго срока, былъ уволенъ въ чистую отставку и снялъ мундиръ. Помѣщикомъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова, онъ никогда не былъ; не имѣя понятія о сельскомъ хозяйствѣ, онъ и не старался казаться хозяиномъ. Время свое въ деревнѣ онъ проводилъ также, какъ проводилъ бы его и въ городѣ,—сидѣлъ постоянно дома, много читалъ, выслушивалъ доклады управителя, получалъ изъ Тамбовскаго имѣнія отчеты и вѣдомости, даже неоднократно ѣздилъ туда на короткое время; но все это его занимало по скольку оно было необходимо и касалось возможности удовлетворять тѣмъ семейнымъ нуждамъ, которыя ежегодно множились и возростали.

Матушка, напротивъ того, дышала полною грудью въ деревнѣ, и не тяготѣй надъ нею несноснымъ гнетомъ дѣло отца, она бы никогда не желала никакой перемѣны. Семья и природа—вотъ тѣ двѣ силы, которыя наполняли безъ остатка все ея существованіе. Лишенная въ Астрахани, въ теченіе 10 лѣтъ, наслажденія видѣть какое нибудь деревцо, какую нибудь растительность, за исключеніемъ тополя и виноградниковъ, она въ Ржавцѣ, окруженномъ лѣсами и зеленью, съ неудержимою страстью предалась садоводству. Жизнь ея была посвящена урокамъ съ нами и, въ часы перерыва, садкѣ деревьевъ и планировкѣ цвѣтниковъ и дорожекъ въ саду. Я, кажется, и теперь какъ будто еще вижу ее, какъ она, окончивъ съ нами какой нибудь урокъ, тороп-

ливо накидываетъ на голову шляпу (памела) съ широкими полями и зеленымъ вуалемъ, съ садовыми ножницами на шнуркѣ черезъ плечо и съ большимъ зонтикомъ въ рукахъ устремляется въ садъ, гдѣ ожидаетъ ее старый ея слуга и вѣрный сотоварищъ по садоводству Китай (собственно Титъ, но въ деревнѣ прозванный Китаемъ), который уже привезъ изъ ближней рощи много деревьевъ и кустовъ, предназначенныхъ къ разсадкѣ въ нашемъ саду.

Жили мы очень уединенно и, кромѣ извѣстныхъ дней въ году, когда собиралось сосѣдство, проводили время больше въ семьѣ съ придачею неизбѣжнаго количества гувернеровъ, гувернантокъ и домашнихъ учителей для меня, сестры Ольги и брата Александра. Чаще всѣхъ навѣщали насъ въ Ржавцѣ: Лихвинскій уѣздный предводитель С. П. Яковлевъ и ближайшая сосѣдка наша Е. П. Ергольская, поглощенная заботами о хозяйствѣ и о воспитаніи своихъ четырехъ дѣтей. Женщина, очень умная отъ природы, она съ большею энергіею выдержала борьбу съ множествомъ семейныхъ препятствій и затрудненій и всецѣло посвятила себя дѣтямъ и, соприкасаясь преимущественно этою стороною ко всѣмъ наиболѣе живучимъ струнамъ въ характерѣ моихъ родителей, она въ скоромъ времени сдѣлалась весьма близкою въ нашей семьѣ и до сихъ поръ сохраняетъ къ намъ истинно родственное расположеніе. С. П. Яковлевъ, натура весьма живая и воспріимчивая, не могла повидимому не заинтересоваться, въ лицѣ моего отца, цѣльнымъ, ярко выдержаннымъ типомъ только что сошедшей со сцены замѣчательной исторической эпохи, и для него также обратилось въ привычку весьма часто навѣщать нашъ замкнутый и довольно своеобразный семейный кружокъ. Его пытливому уму и нескончаемымъ разспросамъ я наиболѣе обязанъ запасомъ моихъ воспоминаній о прошломъ времени. Онъ настойчиво и съ увлеченіемъ наводилъ отца на разсказы о минувшемъ и умѣлъ подчасъ вызывать въ немъ нѣкоторую общительность. Какъ часто, бывало, проводили мы лѣтніе вечера втроемъ на балкончикѣ отца передъ его кабинетомъ, выходившимъ на широкій дворъ, трудами матушки обращенный въ сплошной цвѣтникъ, и тогда отецъ мой, уступая нашимъ распросамъ, иногда погружался въ воспоминанія своего прошлаго и рѣзкими, всегда мѣткими и сильными штрихами, отмѣчалъ событія, въ которыхъ онъ былъ очевидцемъ или участникомъ.

Но съ теченіемъ времени возникла для насъ, и въ особенности для меня, настоятельная потребность въ серьезныхъ учителяхъ, которыхъ въ деревнѣ имѣть было невозможно, и пришлось нѣсколько зимъ сряду проводить въ Калугѣ, находящейся отъ Ржавца въ 45 верстахъ. Нанимался скромный домикъ, перевозились деревенскіе экипажи, лошади и всѣ хозяйственныя принадлежности и, за исключеніемъ уроковъ, все остальное шло почти по старому. Въ то время губернаторомъ былъ Н. М. Смирновъ, и жена его, извѣстная Александра Осиповна (рожденная Россетъ) была старая знакомая моихъ родителей по дому Карамзиныхъ. Хотя она въ то время уже далеко не была такъ

увлекательна и интересна, какъ въ былое время; но все же имѣлось столько съ нею общаго въ прошломъ, что отецъ всегда съ удовольствіемъ видался съ нею, когда она бывала въ Калугѣ, а мы очень сблизились съ ея дѣтьми.

Но самымъ близкимъ, почти ежедневнымъ посѣтителемъ нашего дома сдѣлался Калужскій вице-губернаторъ Н. Н. Клушинъ (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта), человѣкъ энергическій, съ большимъ характеромъ и съ самостоятельнымъ образомъ мыслей и дѣйствій; онъ невольно былъ привлеченъ тѣми отличительными, рѣзко очерченными свойствами, которыя составляли столь рельефную физіономію въ природѣ моего отца, и вскорѣ привязался къ нему и ко всѣмъ нашимъ семейнымъ интересамъ. Это расположеніе его настолько распространилось на всю нашу семью, что до сей минуты мы съ братомъ и сестрою не утратили права считать его въ числѣ самыхъ близкихъ намъ друзей и самыхъ неизмѣнныхъ хранителей и почитателей памяти моихъ родителей. Всякій день къ вечернему чаю появлялся въ то время въ нашей семейной обстановкѣ Н. Н. Клушинъ, закуривалъ свою трубочку и послѣ первоначальнаго, невольнаго разговора о скудныхъ, мѣстныхъ интересахъ, бесѣда переходила въ область прошлаго, и весьма часто мой старикъ вызывалъ въ своей памяти образы былаго и своею своеобразною и всегда мѣткою рѣчью освѣщалъ многія историческія событія минувшей эпохи особенно рѣзкимъ и яркимъ свѣтомъ. Въ этой интимной, сочувственной атмосферѣ отецъ мой невольно сбрасывалъ съ себя подчасъ свою обычную молчаливость и сдержанность; но и въ подобныхъ случаяхъ, всегда вѣрный самому себѣ, онъ избѣгалъ говорить о своихъ личныхъ похожденіяхъ и даже среди этихъ дружескихъ изліяній и бесѣдъ никогда не касался своего выѣзда изъ Астрахани и послѣдующихъ фазисовъ этого дѣла. Н. Н. Клушинъ до того привыкъ къ нашему семейному кружку, что даже лѣтомъ и осенью неоднократно пріѣзжалъ погостить къ намъ въ Ржавецъ и, будучи въ то время весьма живаго и веселаго нрава, затѣвалъ у насъ разныя живыя картины, шарады въ дѣйствіяхъ и другія забавы, которыя доставляли намъ великое удовольствіе и радовали за насъ моихъ родителей.

Въ концѣ 1848 года изъ Правительствующаго Сената былъ полученъ вызовъ отца въ Петербургъ для представленія объясненій и, въ началѣ Января 1849 г., онъ отправился одинъ въ столицу, предварительно составивъ собственноручно всѣ отвѣты на многіе изъ предложенныхъ ему вопросовъ. При этихъ подготовительныхъ работахъ передъ его отъѣздомъ, онъ впервыя и невольно посвятилъ меня отчасти въ нѣкоторыя подробности этого дѣла. Мнѣ пришлось перебрать привезенныя изъ Астрахани и сложенныя въ его кабинетѣ кипы бумагъ и папокъ, чтобы подготовить ему возможность составить объяснительную записку. Помню только, что меня поразили тогда нѣкоторые факты, которые прямо вытекали изъ документовъ, проходившихъ черезъ мои руки. Такъ, напримѣръ, оказывалось, на основаніи статистическихъ данныхъ,

что за его десятилѣтіе доходъ съ казенныхъ рыбныхъ промысловъ возросъ приблизительно вдесятеро; доходъ съ соляныхъ промысловъ возвысился втрое; наоборотъ, поставка провіанта на лѣвый флангъ Кавказской арміи (эта операція совершалась въ то время въ Астрахани) производилась вдвое дешевле, и при этомъ сохранилось въ его бумагахъ чье-то письмо къ нему, гдѣ просятъ его и на будущій годъ не отказать въ своемъ содѣйствіи къ снабженію приморской линіи провіантомъ, такъ какъ только со времени участія отца въ этомъ дѣлѣ оно производится дешево и исправно. Когда я останавливался на этихъ фактахъ и спрашивалъ отца, извѣстны ли всѣ эти обстоятельства въ Петербургѣ; то онъ мнѣ отвѣчалъ, что несомнѣнно извѣстны, потому что онъ неоднократно слышалъ отзывы по всѣмъ этимъ статьямъ соотвѣтствующихъ министровъ, которые выражали ему свою восторженную признательность, въ особенности министръ финансовъ графъ Канкринъ, относившійся къ его дѣятельности съ особеннымъ сочувствіемъ. Помню также, что мнѣ удалось въ данномъ случаѣ преодолѣть его обычное нерасположеніе говорить о самомъ себѣ, и онъ согласился, наконецъ, составить краткую дополнительную записку по всѣмъ статьямъ дохода съ перечнемъ тѣхъ громадныхъ приращеній и прибылей, которыя были доставлены казнѣ во время его управленія Астраханскою губерніею.

Въ это время, по почину князя П. А. Вяземскаго, возникла мысль отпраздновать торжественно 50-ти-лѣтній юбилей литературной дѣятельности В. А. Жуковскаго. Самъ юбиляръ находился за границею, по случаю болѣзненнаго состоянія своей жены; но всѣ друзья его и товарищи по литературѣ рѣшили отпраздновать этотъ день—29-го Января, собравшись на литературный вечеръ къ князю Вяземскому, причемъ къ этому случаю подготовлены были разныя рѣчи и стихотворенія въ честь отсутствующаго виновника торжества и, между прочимъ, графомъ М. Ю. Вьельгорскимъ была составлена кантата на слова, сочиненныя княземъ Вяземскимъ. Отецъ мой весьма естественно готовился присутствовать на этомъ чествованіи столь высоко-чтимаго имъ поэта; но когда онъ узналъ, что Августѣйшій воспитанникъ Жуковскаго Цесаревичъ Александръ Николаевичъ выразилъ непремѣнное желаніе принять участіе въ этомъ торжествѣ, онъ тотчасъ заявилъ, что считаетъ лучшимъ не показываться на этомъ вечерѣ. Ему представлялось неделикатнымъ, покуда дѣло его не было окончено, ставить въ нѣкоторое, быть можетъ, затруднительное положеніе Наслѣдника Престола, при встрѣчѣ съ личностью, якобы навлекшею на себя неудовольствіе Государя Императора. Говорю *якобы*, потому что отецъ постоянно высказывалъ свое инстинктивное убѣжденіе, что Николай Павловичъ лично никогда не лишалъ его своего благоволенія и довѣрія, столь часто и столь рѣшительно имъ выраженнаго; но тѣмъ не менѣе, покуда дѣло его не было окончательно выяснено, отецъ признавалъ обязательнымъ для своего собственнаго достоинства избѣгать всего того, что́ могло

бы хоть въ малѣйшей степени быть истолковано въ видѣ желанія напомнить о себѣ. Лишь когда князь Вяземскій, графъ Блудовъ и другіе участники торжества убѣдили его, что этотъ вечеръ носитъ характеръ исключительно *частнаго*, дружескаго собранія и что лишать себя участія въ немъ, во имя подобныхъ, натянутыхъ соображеній, не согласовалось бы съ присущею ему прямотою дѣйствій—отецъ мой уступилъ и пріѣхалъ на это празднество. Въ какомъ порядкѣ происходило это литературное чествованіе, кѣмъ именно и что̀ было читано и декламировано, я перечислять здѣсь не берусь. Знаю только, что по истеченіи нѣкотораго времени сдѣланъ былъ перерывъ и, какъ только приглашенные поднялись съ своихъ мѣстъ, такъ Государь Наслѣдникъ черезъ всю почти гостиную быстрыми шагами направился къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ мой отецъ въ своемъ скромномъ черномъ фракѣ, съ Кульмскимъ крестомъ на груди. Протягивая ему обѣ руки, Цесаревичъ съ исключительно ему присущею привѣтливостью выразилъ ему удовольствіе, что видитъ его вновь въ Петербургѣ послѣ столь долгаго отсутствія. „Мнѣ только непріятно видѣть васъ въ этомъ непривычномъ костюмѣ", присовокупилъ онъ и затѣмъ съ полнѣйшимъ участіемъ началъ его разспрашивать о ходѣ его дѣла. Отецъ сообщилъ ему, что былъ въ то время вызванъ Правительствующимъ Сенатомъ и уже представилъ всѣ требовавшіяся отъ него свѣдѣнія. Цесаревичъ закончилъ свою бесѣду съ отцомъ выраженіемъ увѣренности, что дѣло это будетъ скоро окончено и что „онъ вновь вернется, къ своей прежней, столь полезной и достойной дѣятельности." Этотъ неожиданный эпизодъ произвелъ на отца самое отрадное впечатлѣніе; послѣ стольких лѣтъ томительнаго испытанія, подобное доказательство неизмѣнности добраго къ нему расположенія со стороны Наслѣдника Престола послужило ему весьма сильнымъ и твердымъ ободряющимъ ощущеніемъ. Ему уже становилось яснымъ, что и довѣріе Государя къ нему не пошатнулось, и оставалось только дотерпѣть до конца, покуда судебный формализмъ, предоставленный своему медленному, нормальному теченію, не приведетъ этого дѣла къ неизбѣжному окончанію. Выразившееся въ данномъ случаѣ вниманіе къ нему Цесаревича никогда уже не измѣняло ему со дня воцаренія Государя Александра Николаевича, который постоянно относился къ нему впослѣдствіи съ неизмѣннымъ благоволеніемъ, и когда въ 1863 году отца постигъ нервный ударъ, то Императоръ Александръ II, находясь въ то время въ Москвѣ, предложилъ ему на лѣто особое помѣщеніе въ Александрійскомъ загородномъ дворцѣ, и этимъ помѣщеніемъ отецъ мой пользовался ежегодно до самой своей кончины.

Но выраженной Цесаревичемъ надеждѣ, что дѣло отца скоро окончится, не суждено было такъ быстро осуществиться. Отецъ вернулся въ Февралѣ мѣсяцѣ 1849 года въ Ржавецъ, а судьба его рѣшилась лишь въ Мартѣ 1853 года.

Въ то время я уже состоялъ на службѣ при Калужскомъ губернаторѣ гр. Е. П. Толстомъ и проводилъ зиму въ Калугѣ. Вдругъ является ко мнѣ эстафета изъ деревни съ письмомъ отъ матушки, которая увѣдомляетъ меня о полученіи извѣщенія, что дѣло отца кончено и онъ принятъ вновь на службу прежнимъ чиномъ генералъ-лейтенанта и назначенъ сенаторомъ въ Москву. Въ то время управлялъ губерніею П. Н. Клушинъ и разумѣется отпустилъ меня немедленно въ Ржавецъ, сопутствуя меня всякими самыми душевными пожеланіями и поздравленіями. Я уже засталъ отца въ военномъ сюртукѣ (военная форма еще сохранилась у него въ цѣлости), и только тогда. глядя на его ясныя и спокойныя черты, я вполнѣ отдалъ себѣ отчетъ, какая нужна была сила воли, какая желѣзная стойкость характера, чтобы въ теченіи десяти долгихъ лѣтъ нести съ такимъ невозмутимымъ достоинствомъ, съ такою стоическою замкнутостью это тяжелое испытаніе, при полномъ сознаніи своей неповинности и правоты. О матушкѣ я уже не говорю; по одному только сіяющему лику этой неизмѣнной спутницы его жизни можно было судить о томъ, что̀ вынесла и выстрадала она за эти десять лѣтъ и съ какою непоколебимою вѣрою ожидала и дождалась она настоящей минуты торжества.

Послѣ спѣшныхъ сборовъ, отецъ мой отправился въ Петербургъ для представленія Государю. Описывая намъ впослѣдствіи это знаменательное для него свиданіе, отецъ мой разсказалъ намъ его довольно подробно; но при этомъ я могу еще сослаться здѣсь на свидѣтельство графа Ѳ. Л. Гейдена (нынѣ генералъ-адъютанта, въ то время свиты Е. И. В. генералъ-маіора и начальника штаба гренадерскаго корпуса), который въ тотъ же день, одновременно съ отцемъ, представлялся Государю и былъ очевидцемъ этого свиданія. Николай Павловичъ, подходя къ отцу, прежде всего обнялъ его и произнесъ приблизительно слѣдующія слова: „Очень радъ тебя видѣть, Тимирязевъ. Забудь прошлое; я страдалъ не менѣе твоего за все это время; но я желалъ, чтобы ты собою оправдалъ и меня.“ И когда отецъ могъ только въ отвѣтъ проговорить взволнованнымъ голосомъ, что онъ уже не помнитъ ничего кромѣ милостей Его Величества, Государь возразилъ: „И не долженъ помнить и не будешь помнить; я *заставлю* тебя забыть прошлое!“ И съ этими словами снова обнялъ его. И дѣйствительно, Государемъ было сдѣлано все, что̀ было возможно, чтобы и въ матеріальномъ отношеніи вознаградить нѣсколько отца за испытанныя имъ лишенія: ему назначена была аренда на 12 лѣтъ и пожалованъ участокъ земли въ Самарской губерніи.

Такимъ образомъ совершился нашъ переѣздъ въ Москву, гдѣ мой отецъ назначенъ былъ къ присутствованію въ I-мъ отдѣленіи 6-го департамента Правительствующаго Сената и вскорѣ занялъ мѣсто первоприсутствующаго, въ какомъ званіи и оставался до послѣдняго года своей жизни, когда по болѣз-

ненному состоянію уже не могъ продолжать дѣйствительной службы и сохранилъ лишь званіе сенатора.

Но вообще этотъ родъ службы не соотвѣтствовалъ характеру отца и не представлялъ достаточной пищи его живому уму и энергической природѣ. Уголовныя дѣла, восходившія въ то время до Сената, окончательно утратили свойство живаго дѣла. Доклады составлялись въ канцеляріяхъ, докладывались секретарями и оберъ-секретарями, обильно уснащались ссылками на статьи закона и рѣдко могли даже служить поводомъ къ какимъ-либо преніямъ въ засѣданіи присутствія. Видимо этотъ процессуальный порядокъ доживалъ свой вѣкъ; значеніе Сената пропадало, и приближалась эпоха судебной реформы, возвѣстившей свое приближеніе постепеннымъ водвореніемъ публичности засѣданій, начавшейся еще во времена отца моего. Не будучи юристомъ и вообще безъ всякой судебной подготовки, онъ руководился исключительно своимъ яснымъ умомъ и необыкновенно - здравымъ и прямымъ пониманіемъ вещей; но, сознавая, что самое учрежденіе утратило свои жизненныя силы и свою самостоятельность, онъ уже не могъ прикладывать къ этому дѣлу обычной своей энергіи и своихъ природныхъ способностей. Только однажды, въ концѣ 50-хъ годовъ, когда вѣянія новаго царствованія, вмѣстѣ съ свѣтлыми надеждами повсемѣстно ими возбужденными, неминуемо вызвали и крайнія ожиданія и требованія, въ формѣ распространенія разныхъ запрещенныхъ брошюръ и памфлетовъ, начиная съ Колокола и Полярной Звѣзды Герцена и кончая разными доморощенными воззваніями, только однажды, говорю я, минутно проявилась въ отцѣ прежняя его заботливая и живая дѣятельность. По вечерамъ появлялись въ его кабинетѣ оберъ-секретари его департамента для предварительнаго просмотра готовящихся докладовъ по рѣшенію участи этой молодежи, не желавшей или не могшей понять, что она, своими незрѣлыми, ребяческими увлеченіями, лишь тормозитъ нормальное, постепенное развитіе тѣхъ реформъ, которыя съ новымъ царствованіемъ и безъ того уже издавались слишкомъ спѣшною и щедрою рукою. Помню, что я какъ-то разъ вернулся вечеромъ домой и по обыкновенію прямо вошелъ въ кабинетъ къ отцу, котораго къ удивленію своему засталъ въ обществѣ одного изъ оберъ-секретарей Сената съ огромнымъ портфелемъ бумагъ и докладовъ. Я уже хотѣлъ было удалиться, когда отецъ вернулъ меня, говоря, что они кончили свои занятія и готовились пить чай. Къ сожалѣнію, я не могу теперь припомнить фамилію этого оберъ-секретаря; но у меня осталось въ памяти, что отецъ мой видимо относился къ нему съ особеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ. Изъ продолжавшагося при мнѣ разговора выяснилось, что они занимались тщательною, предварительною переборкою степени участія всѣхъ подсудныхъ дѣлу лицъ, дабы въ число обвиняемыхъ и привлекаемыхъ не могли попасть такія личности, имена которыхъ, хотя и упоминаются въ слѣдственномъ дѣлѣ, но которыя ни въ какомъ случаѣ не подлежали привлеченію

къ суду и не были замѣшаны въ дѣлѣ. При этомъ вспоминаются мнѣ слова моего отца, „что насколько должно быть безповоротно и строго наказаніе дѣйствительно тогда виновныхъ, настолько же слѣдуетъ относиться осторожно къ примѣненію того обоюдо-остраго оружія, которое именуется въ законѣ *оставленіемъ въ подозрѣніи*. Эта печать лишаетъ юношу возможности снисканія себѣ честнаго заработка“, говорилъ отецъ, „и поневолѣ ввергаетъ его въ ту единственную среду недовольныхъ, гдѣ эта печать служитъ ему не препятствіемъ, а напротивъ того аттестатомъ!“... Здѣсь опять сказалась во всей своей силѣ цѣльность натуры моего отца; онъ понималъ всегда возможность существованія только двухъ категорій: виновныхъ и невиновныхъ, и эта форма *оффиціальнаго подозрѣнія* плохо мирилась съ его категорическою, прямолинейною оцѣнкою. Много лѣтъ спустя, когда, по ходу событій, наступила тяжелая эпоха постоянныхъ покушеній, сопровождавшихся непрерывнымъ рядомъ арестовъ и судебныхъ процессовъ, не разъ вспомянулись мнѣ пророческія слова моего отца при видѣ той участи, которой подвергались многіе юноши, когда, будучи сперва подвергнуты аресту и отторгнуты отъ своихъ должностей и занятій, а затѣмъ, по неимѣнію противъ нихъ никакихъ уликъ, вновь отпущены на свободу, они, лишенные возможности найти себѣ какое-либо правильное занятіе, вынуждены были окончательно обратиться къ единственному доступному для нихъ ремеслу—заговорщиковъ.

За исключеніемъ вышеприведеннаго случая, отецъ мой и по годамъ, и по роду своего служенія, и по жизни въ Москвѣ, не принималъ участія во всѣхъ тѣхъ свѣтлыхъ начинаніяхъ, которыя такъ ярко освѣтили зарю новаго царствованія. Онъ въ числѣ прочихъ участвовалъ въ торжествѣ коронаціи, получалъ подлежащія ему очередныя награды, въ томъ числѣ въ 1860 году былъ переименованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, и тихо довершалъ свое земное поприще, являя собою образъ бодраго старца, сохранявшаго всѣ умственныя и нравственныя силы.

Великая реформа 1861 года встрѣчена имъ была въ высшей степени сочувственно; искренно радовался онъ осуществленію идеи освобожденія крестьянъ и при этомъ заботливо качалъ головою и упорно отмалчивался, при видѣ тѣхъ незрѣлыхъ, скороспѣлыхъ пріемовъ, которые сопровождали эту реформу. Но, неуклонно-вѣрный своему основному принципу буквальнаго выполненія всего того, что̀ принимало форму закона, онъ главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы въ своихъ имѣніяхъ не возбуждать ни малѣйшаго затрудненія къ правильному и мирному водворенію новаго порядка вещей; такъ что ни въ Тамбовской деревнѣ, ни въ Ржавцѣ мировымъ посредникамъ не предстояло никакого труда при составленіи уставныхъ грамотъ. Принадлежа по всѣмъ своимъ понятіямъ и убѣжденіямъ къ отжившей уже эпохѣ, онъ въ тоже время настолько сохранялъ въ себѣ живости ума и быстроты мышленія, что слѣдилъ съ величайшимъ интересомъ за всѣми проявленіями

наступившей эпохи возрожденія и въ особенности относился сочувственно къ предстоявшей судебной реформѣ, хотя и находилъ преждевременнымъ примѣненіе у насъ суда присяжныхъ. Въ общей сложности весьма естественно, что 70-ти лѣтнему старцу не по силамъ было уже слѣдовать за быстрымъ, порывистымъ движеніемъ послѣдующихъ молодыхъ поколѣній, и онъ и не слѣдовалъ за ними, но оставался вѣрнымъ воззрѣніямъ и принципамъ своей эпохи и своего времени и до конца не измѣнялъ имъ.

Въ 1863 году неожиданно, безъ всякой видимой причины, съ нимъ приключился ночью нервный ударъ, лишившій его движенія правою рукою и ногою и отчасти затруднившій свободу рѣчи. Но голова оставалась постоянно свѣжею, и онъ принялъ это испытаніе съ обычною силою воли и ясным ъ спокойствіемъ духа.

Послѣ лѣта, проведеннаго въ Александріи, силы его настолько возстановились, что онъ съ осени возобновилъ свои ежедневныя поѣздки въ Сенатъ и продолжалъ такимъ образомъ до 1866 года; но съ весны 1867 года видимо наступило постепенное угасаніе этого мощнаго, живаго и сильнаго организма *15-го Декабря* того же 1867 г. онъ тихо уснулъ на вѣки, окруженный всею своею семьею, не доживъ одного дня до 77-ми лѣтней годовщины....

Ѳ. Тимирязевъ.

Петербургъ, 28 Декабря 1883 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА *).

Я уже сказалъ, что въ 1839 г. предполагалось соединить два большіе отряда подъ начальствомъ генерала Граббе, взять Ахульго и занять аулъ Чиркей. Отряды дѣйствительно соединились подъ Ахульго; но взять его оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ думали. Впереди его была каменная башня, Сурхаеве, а къ ней можно было подойти только по узкому гребню, между двумя обрывами. Сдѣлано было нѣсколько неудачныхъ приступовъ, прежде чѣмъ рѣшились разбить башню ядрами и гранатами. Войска дѣлали человѣчески-возможное, но они били лбомъ въ каменную стѣну. По взятіи башни, нужно было еще штурмовать самое Ахульго. Вступили съ Шамилемъ въ переговоры. Заключили перемиріе, и Шамиль далъ своего сына въ заложники. Но перемиріе нарушено нами ранѣе срока. Ахульго взято штурмомъ. Шамиль бѣжалъ, а сынъ его остался въ нашихъ рукахъ или, лучше сказать, оставался, потому что теперь онъ Турецкій паша, и въ войну 1877—1878 г. командовалъ противъ насъ конницей въ Азіатской Турціи, вмѣстѣ съ Мусою Кундуховымъ, бывшимъ у насъ въ чинѣ генералъ-маіора.

По взятіи Ахульго, ген. Граббе не предпринималъ уже ничего противъ Чиркея и распустилъ отрядъ. Въ этой экспедиціи мы потеряли до 5.000 человѣкъ убитыми и ранеными. Граббе сдѣланъ генералъ-адъютантомъ, но войска потеряли къ нему довѣріе....

За Кавказомъ ген. Головинъ дѣлалъ съ отрядомъ движеніе въ Самурскій округъ и выстроилъ укр. Ахты, близь р. Самура, для обезпеченія Кахетіи съ этой стороны отъ вторженія Лезгинъ. Нѣсколько

---

*) См. выше стр. 199.

ауловъ было взято и уничтожено, но вообще военныя дѣйствія были незначительны.

Зимою 1840—1841 г. Шамиль опять началъ поднимать голову. Дагестанскія общества, одно за другимъ, покорились ему; въ Чечнѣ начиналось волненіе. Въ 1842 г. предполагались рѣшительныя наступательныя дѣйствія. Войска на Кавказской линіи усилены цѣлою 14 дивизіею изъ Крыма; туда же переведенъ и Тенгинскій полкъ, а оборона Черноморіи предоставлена собственнымъ средствамъ казаковъ.

Не смотря на это усиленіе, мы все-таки были вездѣ слабы, благодаря кордонной системѣ, съ давняго времени въѣвшейся въ нашу плоть. Каждый годъ строили новыя укрѣпленія и покидали прежнія, убѣдившись въ ихъ безполезности; прорубали просѣки, истребляли лѣса, которые черезъ нѣсколько лѣтъ опять заростали. Это была Сизифова работа, которой и конца не было видно. Граббе это понялъ, но уже поздно: слишкомъ далеко мы ушли по этому ложному пути. Событія показали это до очевидности. Нѣсколько успѣшныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ, нѣсколько малыхъ укрѣпленій доставшихся въ руки Шамиля, воспламенили весь край. Зимой 1841—1842 г. укрѣпленія въ Чечнѣ и Дагестанѣ одно за другимъ уничтожались горцами. Шамиль опять сталъ всесильнымъ въ этомъ краѣ и въ одно время угрожалъ Тифлису, Темиръ-Ханъ-Шурѣ и Грозной. Г. Граббе рѣшился идти съ большимъ отрядомъ въ Ичкерію, гдѣ, въ аулѣ Дарго, Шамиль устроилъ свое пребываніе.

Между укрѣпленіемъ Герзель-аулъ и Дарго вѣковой лѣсъ простирается на нѣсколько десятковъ верстъ. Въ Дарго не было никакихъ укрѣпленій, но лѣсъ составляетъ самую сильную крѣпость для горцевъ. Всѣ старые Кавказцы не ожидали никакого успѣха отъ этой экспедиціи: поймать самаго Шамиля невозможно, раззорить Дарго безполезно, потому что само по себѣ оно не имѣетъ никакого стратегическаго значенія; между тѣмъ потеря могла быть значительна при проходѣ черезъ лѣсъ, въ которомъ горцы могли заранѣе сдѣлать завалы и испортить дороги. Упрямство и громкія фразы взяли верхъ надъ благоразуміемъ и опытностію. Граббе двинулся въ Дарго. По мѣрѣ углубленія въ лѣсъ, препятствія, а съ ними и предпріимчивость горцевъ росли. Потерявъ много людей и видя невозможность достигнуть цѣли, Граббе приказалъ идти назадъ; но тутъ-то и началась главная драма. Оказалось, что горцы, позади отряда, сдѣлали множество заваловъ и испортили дорогу. Нужно было прокладывать путь штыками, а между тѣмъ непріятель насѣдалъ на аріергардъ и на боковыя прикрытія. Граббе отступилъ въ совершенномъ безпорядкѣ, потерявъ болѣе 4.000 убитыми и ранеными. Возвратясь въ Грозную, онъ донесъ

Государю почти въ слѣдующихъ словахъ: «Войска Вашего Императорскаго Величества потерпѣли въ Ичкеринскомъ лѣсу совершенное пораженіе. Отъ генерала до солдата всѣ сдѣлали свое дѣло. Виновенъ во всемъ одинъ я. Повергаю себя вашему правосудію».

Положимъ, что это была правда, но расчетъ былъ основанъ на фразѣ и на характерѣ Николая Павловича. Этотъ расчетъ былъ вѣренъ. Государь призналъ нужнымъ подождать возвращенія съ Кавказа военнаго министра князя Чернышова, котораго еще прежде предположилъ послать туда съ полною властію сдѣлать на мѣстѣ всѣ распоряженія и перемѣны, какія окажутся нужными. Необходимо было Государю видѣть положеніе дѣлъ на Кавказѣ не одпѣми глазами мѣстныхъ начальниковъ, взаимно враждовавшихъ; но можно очень сомнѣваться въ томъ, что выборъ лица былъ имъ хорошо сдѣланъ. Князь Чернышовъ совершенно не понималъ Кавказа, а ѣхалъ туда проконсуломъ съ огромной массой самонадѣянности.

Зима 1841—1842 г. прошла для меня въ служебной работѣ, въ которой недостатка не было, и въ пароксизмахъ лихорадки, которая возвращалась недѣли черезъ двѣ и болѣе, не смотря на пріемы хинина и на строгую осторожность. Г. Анрепа она тоже не покидала. Часто, послѣ пароксизма, онъ совѣтовался со мною, не отказаться ли ему отъ Береговой Линіи. Зимою къ нему пріѣхала его жена съ дѣтьми, но это мало оживило наше штабное общество: они жили прилично, но расчетливо и совершенно по-нѣмецки. По прежнему я въ общественныхъ удовольствіяхъ не участвовалъ, а проводилъ свободное время съ Майеромъ и своими сослуживцами.

Зимою шли приготовленія къ экспедиціи 1842 года. Предполагалось выстроить укрѣпленія на Варениковой Пристани и Гостогаѣ и устроить дорогу отъ Андреевскаго поста къ переправѣ черезъ рѣку Кубань. Послѣднее возлагалось на Черноморское казачье войско, что̀ очень не нравилось наказному атаману ген.-лейт. Завадовскому. Руководителемъ работъ къ нему назначенъ баронъ Дельвигъ, который и составлялъ проектъ и смѣту дамбы, мостовъ и переправы. Постройка укрѣпленій и дѣйствія въ землѣ Натухайцевъ поручена была контръ-адмиралу Серебрякову, который давно порывался къ сухопутнымъ подвигамъ.

Я уже сказалъ, что, мало по малу, мы такъ округлили свое положеніе, что имѣли подъ рукою и независимо отъ Кавказскаго начальства всѣ учрежденія для успѣшнаго хода своего управленія. Таже система, и съ тѣми же не всегда мягкими усиліями продолжалась и при Анрепѣ. Въ Петербургѣ намъ ни въ чемъ не отказывали, и это давало начальнику Береговой Линіи такой авторитетъ, что дѣла-

ло его почти самостоятельнымъ. Впрочемъ г-лу Граббе было и не до того, а Тифлисскій штабъ, при всемъ желаніи, немного могъ противъ насъ сдѣлать. Полемика продолжалась по прежнему.

Въ экспедиціи 1841 г. Анрепъ произведенъ въ ген.-лейтенанты и назначенъ ген.-адъютантомъ. Надѣвъ аксельбантъ, онъ дружески пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что этимъ онъ мнѣ обязанъ. Я не по лѣтамъ былъ молодъ и неопытенъ въ дѣлахъ человѣческихъ. Сознаюсь откровенно, что я тогда цѣнилъ его ниже его достоинства. Теперь, чрезъ 36 л. (1878 г.), вспоминая былое, я не могу понять, почему я не повѣрилъ его искренности. Возможно, что виною этой недовѣрчивости былъ отчасти извѣстный стихъ Пушкина, который не вѣрилъ многому, и въ томъ числѣ «безкорыстію Нѣмца въ службѣ». Анрепа уже нѣтъ на свѣтѣ; приношу искреннее покаяніе передъ его могилой. Впослѣдствіи я встрѣчалъ множество Русскихъ, которые далеко его не стоили.

Въ началѣ 1842 г. по Кавказу разнесся слухъ о грозномъ прибытіи военнаго министра. Говорили, будто, отпуская его, Государь сказалъ, что предоставляетъ ему полное право смѣнять или удалять всѣхъ, кого признаетъ нужнымъ, *безъ всякаго исключенія*. Послѣднее относили къ главнымъ лицамъ и особенно къ Граббе и Головину. Всѣ знавшіе за собою грѣшки трепетали. Мы получили офиціальное увѣдомленіе, что военный министръ прибудетъ въ Анапу въ первыхъ числахъ Апрѣля. Это заставило насъ только отложить выступленіе отряда Серебрякова; но я долженъ сказать, что отъ начальника до послѣдняго офицера на Береговой Линіи никто не трепеталъ отъ пріѣзда страшнаго гостя.

Въ началѣ Апрѣля мы прибыли въ Анапу. Военный министръ долженъ былъ придти на пароходѣ, кажется, изъ Одессы. Море было очень бурно, и гость нашъ опоздалъ нѣсколько дней противъ маршрута. Онъ зашелъ въ Севастополь и тамъ ожидалъ улучшенія погоды.

Воспользовавшись этимъ, г. Анрепъ съ легкимъ отрядомъ сдѣлалъ рекогносцировку для выбора мѣста на р. Гостогаѣ, гдѣ должно было строить укрѣпленіе. 13 Апрѣля отрядъ выступилъ изъ Анапы, а 14 возвратился, вполнѣ достигнувъ цѣли при незначительной перестрѣлкѣ, въ которой у насъ было человѣкъ пять раненыхъ. Распоряжался контръ-адм. Серебряковъ разумно и съ опытностію, которой онъ конечно обязанъ былъ памяти Вельяминова. Въ отрядѣ былъ Донской Нѣмчинова полкъ, составленный почти исключительно изъ офицеровъ и казаковъ, въ первый разъ участвовавшихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Донцы не пользовались уваженіемъ горцевъ; но я всегда былъ увѣренъ, что въ томъ виноваты исключительно начальники, не

умѣющіе употреблять этихъ казаковъ. Суворовъ атаковалъ казаками укрѣпленный городъ Кобринъ и полевыя укрѣпленія при Рымникѣ и Фокшанахъ.

Только что отрядъ поднялся на Керчигеевскій хребетъ (за которымъ на далекое разстояніе простирается открытая, волнистая мѣстность), человѣкъ пять конныхъ горцевъ подскакали близко къ цѣпи, чтобы показать свое удальство. Серебряковъ, улучивъ минуту, послалъ сотню Донцевъ обскакать и взять этихъ смѣльчаковъ. Лошади были свѣжія; казаки пустились съ большимъ одушевленіемъ. Въ глазахъ всего отряда продолжалась эта травля, и кончилось тѣмъ, что горцы были изрублены, и Донцы съ торжествомъ привезли ихъ оружіе. Между убитыми горцами былъ одинъ въ панцырѣ, съ колчанной саблей, лукомъ и стрѣлами. Этотъ случай, самъ по себѣ ничтожный, одушевилъ казаковъ. Еще нѣсколько такихъ дѣйствій, въ которыхъ заранѣе можно было быть увѣреннымъ въ успѣхѣ, высоко подняли духъ Донцовъ и родили въ нихъ самоувѣренность. Полкъ Нѣмчинова служилъ въ Анапѣ четыре года и сдѣлался грозою горцевъ. Я увѣренъ, что тоже самое можно сдѣлать съ каждымъ Донскимъ полкомъ; нужно только постепенно и осторожно развивать въ нихъ боевой духъ, а не пускать ихъ въ первый же разъ въ такое дѣло, гдѣ бы они обожглись. Не знаю какъ теперь, когда вступленіе въ войска и выходъ изъ онаго сдѣлались свободными; но въ мое время Донскіе казаки были только неопытны, офицеры же сверхъ того были не образованы, склонны къ пьянству и къ незаконной наживѣ на счетъ своихъ же подчиненныхъ. Разумѣется, были исключенія.

Въ Анапу стали съѣзжаться разныя лица для встрѣчи военнаго министра. Въ томъ числѣ пріѣхали Траскинъ и Завадовскій. Послѣдній собирался просить, чтобы съ Черноморскихъ казаковъ сняли обязанность строить дамбу и мосты къ Варениковой Пристани на счетъ войсковаго капитала. Въ разговорѣ объ этомъ Анрепъ старался убѣдить его, что это сообщеніе будетъ полезно для развитія торговли и промышленности въ Черноморіи. Завадовскій съ своимъ рѣзкимъ хохлацкимъ акцентомъ сказалъ: «Конечно, ваше п-во, Романъ Хведоровичъ; но кто же по сему шляху буде ходыты?» Такой неожиданный вопросъ поставилъ моего Нѣмца въ большое затрудненіе. Оказалось, что вѣдь въ самомъ дѣлѣ по этой дорогѣ ходить некому, по крайней мѣрѣ до полнаго покоренія Закубанскаго края. Единственное значеніе этого сообщенія въ настоящее время могло быть только какъ укрѣпленной переправы чрезъ Кубань для наступательныхъ дѣйствій противъ Натухайцевъ.

Этотъ разговоръ мнѣ передавалъ генералъ Анрепъ; самъ же я въ это время лежалъ въ пароксизмѣ лихорадки. Онъ былъ такъ силенъ, что я цѣлый день просидѣлъ дома. На досугѣ мнѣ пришло въ голову написать докладную записку отъ г. Анрепа военному министру о присоединеніи Мингреліи и Гуріи къ Черноморской Береговой Линіи и образованіи изъ этихъ двухъ провинцій 4-го отдѣленія, простирающагося до самой границы Азіатской Турціи. Я самъ былъ доволенъ своимъ произведеніемъ. На двухъ или трехъ листахъ съ полной увѣренностью были изложены военныя, политическія, торговыя и карантинныя соображенія, по которымъ эта мѣра была совершенно необходима. Признаюсь, мнѣ вспоминалось слово Раевскаго: «Mon cher ami, quand on n'a pas de bonnes raisons, on en donne de mauvaises»*). Я бы взялся въ нѣсколькихъ строкахъ опровергнуть всѣ эти доводы, сказавъ, что всѣ они справедливы на бумагѣ, на дѣлѣ же всѣ распоряженія въ Мингреліи и Гуріи несравненно скорѣе могутъ дѣлаться изъ Тифлиса, чѣмъ изъ Керчи, куда вся корреспонденція идетъ чрезъ Тифлисъ и Ставрополь. Надобно впрочемъ сказать, что этотъ край былъ въ забросѣ у Тифлисской администраціи, такъ какъ въ немъ не производилось никакихъ военныхъ дѣйствій. Положеніе народа, между безжалостнымъ грабительствомъ мѣстной аристократіи и нашей безучастной бюрократіей, было печально. Въ этомъ отношеніи передача этого края въ Береговую Линію была для него конечно благодѣтельна.

На другой день я прочелъ записку г. Анрепу. Ему очень понравилась мысль округлить свою область и сдѣлать ее дѣйствительно одною изъ самыхъ интересныхъ на Кавказѣ; но онъ боялся испортить свои отношенія къ корпусному командиру. Я предложилъ ему сначала завести разговоръ съ княземъ Чернышовымъ на этотъ предметъ и сдѣлать такъ, чтобы Чернышовъ усвоилъ эту мысль, какъ свою собственную. Для этого записка будетъ имѣть видъ памятной, а не представленія. Если это удастся, Чернышовъ вѣроятно и не упомянетъ о томъ, что иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ г. Анрепу. Чтобы не возвращаться къ этому предмету, я долженъ сказать, что наша затѣя вполнѣ удалась: Чернышовъ, изъ Кутаиса, послалъ это предположеніе Государю. Весь его авторитетъ состоялъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ это представленіе изъ Кутаиса, проѣхавъ Мингрелію въ нѣсколько часовъ. Высочайшее повелѣніе сообщено намъ въ Керчь съ фельдъегеремъ, который поскакалъ съ нимъ же въ Тифлисъ, гдѣ старый Головинъ еще писалъ своеручно опроверженіе нашей записки. Я

---

*) Милый мой другъ, за неимѣніемъ вѣскихъ доводовъ, представляешь слабые.

случайно видѣлъ этотъ интересный автографъ, написанный хорошимъ слогомъ, но въ тонѣ полемическомъ. Такъ напримѣръ, противъ каждаго параграфа нашей записки опроверженіе начиналось такъ: «Г.-адъют. Анрепъ, или, лучше сказать, генеральнаго штаба полковникъ Филипсонъ, говоритъ...» Можетъ быть, это зло; но это роняетъ достоинство Головина. Къ счастію, возраженіе не было представлено и осталось въ портфелѣ его преемника.

Наконецъ, пароходъ привезъ намъ жданнаго гостя. Князю Чернышову отведены были двѣ большія комнаты въ пашинскомъ домѣ, гдѣ квартировалъ комендантъ. Это было единственное нарядное помѣщеніе въ Анапѣ. Князь встрѣтилъ Анрепа очень любезно, что̀ съ нимъ не часто случалось: онъ былъ высокомѣренъ и съ старшими генералами нерѣдко обращался грубо. На другой день онъ желалъ видѣть войска отряда. Я это предвидѣлъ, и какъ Серебряковъ совсѣмъ не зналъ пѣхотной службы, то мы заранѣе сдѣлали двѣ репетиціи. Я написалъ ему на бумажкѣ всѣ командныя слова, начиная съ отданія чести до конца церемоніальнаго марша, и сказалъ, что если военный министръ отдастъ какое-нибудь неожиданное приказаніе, то я самъ прибѣгу къ нему съ этимъ приказаніемъ. Признаюсь, я былъ очень непокоенъ за хорошій исходъ этого оригинальнаго смотра. Оказалось, что и князь Чернышовъ раздѣлялъ это сомнѣніе. Онъ былъ пѣшкомъ; я конечно старался держаться близъ его. Когда Серебряковъ скомандовалъ перемѣну дирекціи, князь обратился ко мнѣ и сказалъ: «mais pour un marin, il ne se tire pas mal d'affaire» *). Нечего и говорить, что истый гвардеецъ упалъ бы въ обморокъ отъ нашего церемоніальнаго марша. Пѣшіе казаки особенно отличились. Князь Чернышовъ не утерпѣлъ, чтобы не замѣтить этого Анрепу, который очень просто отвѣчалъ, что здѣшнимъ войскамъ, обремененнымъ работами и походами, при весьма неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, нельзя и думать о нѣкоторомъ улучшеніи фронтоваго образованія. Вообще Анрепъ, какъ при этомъ, такъ и во все время пребыванія князя Чернышова на Береговой Линіи, держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и тактомъ. Кажется, князь и самъ оцѣнилъ это: ему вѣроятно ново было попасть въ край, гдѣ онъ не видѣлъ лакейства и гдѣ его никто не трепеталъ. На другой день онъ отправился съ г. Анрепомъ на пароходѣ; у меня былъ сильный пароксизмъ, и я отправился изъ Анапы только утромъ слѣдующаго дня и на другомъ пароходѣ.

Осмотръ Береговой Линіи продолжался пять дней. Военный министръ былъ всѣмъ доволенъ и въ самомъ лучшемъ расположеніи слу-

---

*) А вѣдь для моряка это не дурно.

шалъ разсказы подполковника Бараховича объ его подвигахъ и особливо о томъ, какъ онъ, въ одномъ десантѣ, при свалкѣ съ Турками и горцами, откусилъ носъ Турку. Казакъ, кончая свое повѣствованіе, сказалъ: «Звините, ваше сіятельство; зробить то я зроблю, а казать не умѣю, бо я не архитекторъ». Князь Чернышовъ спросилъ его: давно ли видѣлъ свое семейство?—«Та вже ма быть годывъ четыре. Махонькій сынишка по одному году, того ще и не бачивъ». Военный министръ приказалъ Вревскому (Павлу Александровичу) записать его дѣтей и объявилъ, что дочь будетъ принята въ Смольный монастырь, а двое сыновей въ морской кадетскій корпусъ. Такимъ образомъ хитрый казакъ достигнулъ своей цѣли буфонствомъ, которое сдѣлало бы честь хорошему актеру.

Князь Чернышовъ вышелъ на берегъ въ Редутъ-Кале и чрезвычайно любезно благодарилъ Анрепа за все что у него видѣлъ. Я прибылъ на рейдъ Редута наканунѣ вечеромъ, на другомъ пароходѣ. На берегу думали, что пріѣхалъ военный министръ, поднялась возня и тревога. На пароходѣ пріѣхалъ полковникъ Дружининъ и торопился ѣхать назадъ, чтобы успокоить ген.-лейт. Брайко, Тифлисскаго военнаго губернатора, выѣхавшаго встрѣчать и провожать министра до Тифлиса. Почтенный старикъ, всѣми уважаемый за доброту и благородство, цѣлую ночь просидѣлъ одѣтый во всю форму и въ перчаткахъ, боясь опоздать къ встрѣчѣ. На другой день рано утромъ Дружининъ опять пріѣхалъ на пароходѣ. У него былъ ознобъ. Когда я ему это сказалъ, онъ нервно отвѣчалъ: «Да какая лихорадка! Тамъ на берегу всѣ дрожатъ; я все смѣялся, а вотъ видно и самъ заразился».

Извѣстно, что опасенія многихъ главныхъ лицъ, по обѣ стороны Кавказа, сбылись: Граббе и Головинъ должны были оставить свои мѣста, хотя для этой перемѣны выждали время и дали благовидный предлогъ. Граббе при этомъ показалъ не только твердость характера, но упрямство, имѣвшее видъ бравады. Князь Чернышовъ недѣли двѣ разъѣзжалъ по его краю; а онъ, подъ разными предлогами, даже съ нимъ не хотѣлъ и встрѣчаться.

У насъ на Береговой Линіи пріѣздъ князя Чернышова имѣлъ слѣдствіемъ только образованіе 4-го отдѣленія линіи и разрѣшеніе нѣкоторыхъ нашихъ представленій, которыя оставались въ Тифлисѣ безъ движенія. За Кавказомъ и на Кавказской линіи князь предложилъ новую систему: занявъ всѣ выходы изъ горъ укрѣпленіями, оставаться въ оборонительномъ положеніи. Это значило еще усилить кордонную систему и передать въ руки Шамиля всю иниціативу дѣйствій. Запираніе укрѣпленіями выходовъ изъ горъ едва ли могло придти въ го-

лову кому-нибудь изъ знающихъ Кавказъ и горцевъ. Послѣдствія это доказали.

Мы возвратились въ Анапу, откуда отрядъ Серебрякова выступилъ 23 Апрѣля и приступилъ къ постройкѣ укрѣпленія на указанномъ мѣстѣ, на Гостогаѣ.

Горцы были въ большомъ сборѣ. 20 Мая мы поднялись по долинѣ этой рѣки, по мѣстности, покрытой перелѣсками и чрезвычайно плодородной. Вообще пространство отсюда до Анапы было житницею горцевъ. При самой первобытной обработкѣ земля давала огромные урожаи всякаго хлѣба. При рытіи рва укрѣпленія, я видѣлъ пластъ чернозема въ два аршина толщины. Народонаселеніе по долинѣ было довольно густо и зажиточно. Въ этотъ разъ мы не жгли ауловъ, хотя все время горцы не переставали вести перестрѣлку, въ которой мы имѣли небольшую потерю. 28 Мая генералъ Анрепъ сдѣлалъ рекогносцировку къ Варениковой Пристани, чтобы выбрать мѣста для укрѣпленія. Я уже говорилъ, что въ 1839 г. я составилъ глазомѣрный очеркъ мѣстности, на сколько могъ видѣть съ дерева, и что составленіе проектовъ дамбы и переправы высочайше возложено было на полковника Шульца и барона Дельвига. Когда уже они приступили къ дѣйствіямъ на мѣстѣ, Государь еще разъ взглянулъ на мой очеркъ и, поставивъ карандашемъ точку и букву А., сказалъ военному министру, что вѣроятно вотъ тутъ будетъ лучшее мѣсто для укрѣпленія. Чрезъ полчаса послѣ этого, фельдъегерь мчалъ уже точку А. на Варениковую Пристань и конечно, на разстояніи этихъ 2000 верстъ немало выбилъ зубовъ ямщикамъ и загналъ почтовыхъ лошадей. Объ его собственныхъ костяхъ не безпокоился никто, начиная съ него самаго, потому что большая часть прогоновъ осталась въ его карманѣ. «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

Изъ Варениковой Пристани мы возвратились прямою дорогою въ Анапу, откуда г. Анрепъ отправился въ Керчь, а я на пароходѣ по Береговой Линіи.

Убыхи вѣроятно рѣшились отмстить намъ за прошлогоднее пораженіе. Они рѣшительно атаковали Головинское укрѣпленіе и едва его не взяли. Ночью они подползли къ укрѣпленію и стремительно бросились по капители восточнаго бастіона. Гарнизонъ былъ готовъ, но артиллерія мало принесла пользы въ темную ночь, а непріятель былъ въ большихъ силахъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ перерубили палисады во рву, и шайка бросалась на брустверъ, не обращая вниманія на нашъ огонь, отъ котораго много горцевъ осталось во рву. Въ это же время были фальшивыя атаки на два сосѣдніе бастіона и заставили держать резервъ въ готовности. Когда непріятель ворвался въ

восточный бастіонъ, защитники его должны были отступить на право и на лѣво по банкету. Въ это время горцы, полагая, что дѣло кончено, бросились грабить ближайшія зданія: церковь, офицерскій флигель, артиллерійскую казарму. Поручикъ Завадскій, очень хорошій и опытный офицеръ, потерявъ болѣе половины своей команды, отступилъ изъ восточнаго бастіона къ южному, но нашелъ его уже занятымъ горцами. Не зная что́ дѣлается въ другихъ мѣстахъ и имѣя не болѣе 20 человѣкъ, Завадскій бросился къ западному бастіону и тамъ наткнулся на воинскаго начальника, маіора Берсенева. «Все пропало, маіоръ», сказалъ Завадскій въ отчаяніи. — «Ну хорошо; прикажите своей командѣ примкнуть къ резерву. Послѣ получите отъ меня приказаніе». Завадскій говорилъ: «Берсеневъ сказалъ эти слова такъ хладнокровно, что я началъ надѣяться, что не все еще пропало». Въ резервѣ оказалось человѣкъ 150 съ двумя горными единорогами передъ пороховымъ погребомъ. Берсеневъ стоялъ впереди и рядомъ іеромонахъ Макарій съ крестомъ и въ эпитрахили. Горцы распространились по казармамъ, грабили и спокойно уносили свою добычу чрезъ восточный бастіонъ, но не зажигали строеній, боясь взрыва пороховаго погреба. Объ остаткахъ гарнизона никто изъ нихъ не думалъ. Такъ прошло часа три. Когда стало свѣтать, маіоръ Берсеневъ сказалъ: «пора, съ Богомъ!. Отецъ Макарій благословилъ воиновъ, изъ которыхъ каждый зналъ, что отъ этого послѣдняго усилія зависитъ ихъ участь. Завадскій въ тишинѣ посланъ по банкету къ южному, другой офицеръ съ 40 человѣками къ сѣверному бастіонамъ. Имъ велѣно открыть сильный огонь и крикнуть ура! когда услышатъ два пушечныхъ выстрѣла. Маіоръ Берсеневъ приказалъ сдѣлать эти выстрѣлы картечью по діагонали укрѣпленія къ восточному бастіону, и всѣ три команды съ громкимъ ура! бросились туда въ штыки. На горцевъ напала оторопь. Они даже и не пробовали защищаться, а пустились бѣжать чрезъ восточный бастіонъ. Конечно число ихъ значительно уменьшилось: кто повелъ раненыхъ, кто уносилъ добычу. Укрѣпленіе было опять занято, но многіе горцы не успѣли выскочить изъ строеній и были тамъ убиты. Человѣкъ десятокъ засѣло между кирпичами разобраннаго пороховаго погреба; они не сдавались и всѣ были заколоты. Въ этомъ дѣлѣ у насъ убито и ранено 1 офицеръ и 60 нижнихъ чиновъ. Къ счастію, горцы не проникли въ лазаретъ, гдѣ было человѣкъ 60 больныхъ не могшихъ встать съ постели. Горцы говорили послѣ, что у нихъ была очень большая потеря. Во рву и внутри укрѣпленія собрано болѣе 120 труповъ.

Я прибылъ на пароходѣ на другой день послѣ событія. Берсеневъ еще не сдѣлалъ донесенія. Зная, что онъ тоже «не архитекторъ»,

я остался въ Головинскомъ сутки и составилъ самъ описаніе этого геройскаго дѣла, опросивъ подробно всѣхъ офицеровъ и многихъ нижнихъ чиновъ. Показанія всѣхъ были согласны. Всѣ приписывали свое спасеніе маіору Берсеневу и іеромонаху Макарію. Первый получилъ орденъ Св. Георгія 4 класса, второй Св. Владимира 4 степени съ бантомъ. Офицеры щедро награждены, нижнимъ чинамъ Государь пожаловалъ 40 знаковъ отличія военнаго ордена.

Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ объ іеромонахѣ Макаріи Каменецкомъ, личности очень оригинальной. До поступленія въ монахи, онъ былъ мѣщаниномъ одного изъ городовъ Костромской губерніи и промышлялъ шерстью. Онъ былъ грамотенъ не болѣе, какъ на сколько это нужно для его обиходу. Узнавъ о требованіи іеромонаховъ на Абхазскій берегъ, онъ перешелъ въ Балаклавскій монастырь Св. Георгія, посвященъ тамъ въ іеромонахи и посланъ въ укр. Головинское. Здѣсь онъ былъ въ своей сферѣ. Іеромонахамъ Береговой Линіи дозволено Синодомъ ѣсть всегда мясное, крестить и вѣнчать браки. Макарій вошелъ въ общество офицеровъ, которые постоянно проводили время у него, ѣли и играли въ карты. Отецъ Макарій держалъ банкъ и постоянно получалъ жалованье за всю свою паству. Не смотря на то, онъ былъ безкорыстенъ. Все, что пріобрѣталъ, уходило на гостепріимство и на пособіе нуждающимся офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Даннаго кому въ долгъ отецъ Макарій никогда не получалъ и не спрашивалъ. Самъ онъ велъ жизнь трезвую, пьянства и безобразія у себя никому не позволялъ. Никакой церковной службы онъ не пропускалъ и при этомъ былъ очень строгъ: тому же маіору Берсеневу, во время обѣдни, онъ послалъ причетника сказать, что если онъ будетъ продолжать разговаривать во время службы, то онъ прикажетъ его вывести изъ церкви. Въ случаѣ тревоги или нападенія, отецъ Макарій изъ первыхъ являлся на сборный пунктъ въ эпитрахили и съ крестомъ. Никто не видалъ, чтобы онъ суетился или терялъ голову въ опасныхъ случаяхъ. Всегда онъ находилъ случай сказать ободряющее слово своимъ спокойнымъ и почти веселымъ тономъ. Офицеры и нижніе чины его очень любили и уважали. Въ 1845 г. (кажется), онъ еще разъ также отличился при нападеніи горцевъ, былъ посвященъ въ игумены и потребованъ въ Петербургъ. Государь его очень обласкалъ и хотѣлъ сдѣлать преподавателемъ и наставникомъ въ кадетскихъ корпусахъ; но это не состоялось, потому что отецъ игуменъ оказался малограмотнымъ и очень не твердымъ въ богословіи. Его сдѣлали настоятелемъ какого-то монастыря въ Костромской губерніи. Отецъ Макарій былъ лѣтъ 42-хъ, средняго роста, съ живыми глазами и жиденькой темнорусой бородкой.

Я увѣренъ, что, въ случаѣ общаго бѣдствія, гдѣ народъ долженъ-бы самъ себя защищать, Макарій игралъ-бы важную роль; въ обыкновенное-же время и въ Костромской эпархіи едва-ли онъ долго останется настоятелемъ монастыря, а, можетъ быть, кончилъ уже и гораздо хуже.

Послѣ Головинскаго, Убыхи обратились къ Навагинскому укрѣпленію, но ограничились только стрѣльбой изъ двухъ или трехъ орудій, поставленныхъ въ опушкѣ лѣса съ Ю.-З. стороны. Канонада продолжалась двое сутокъ, не сдѣлавъ почти никакого вреда, но содержала въ постоянной тревогѣ гарнизонъ, очень ослабленный болѣзнями. Я пришелъ на пароходѣ во время этой канонады. По многимъ признакамъ видно было, что горцы въ большомъ сборѣ; можно было опасаться, что они рѣшатся на приступъ. Поэтому я поспѣшилъ въ Бомборы, чтобы сообщить начальнику 3-го отдѣленія о необходимости скорѣе подкрѣпить Навагинскій гарнизонъ. Муравьевъ былъ въ отпуску; его должность исправлялъ подполковникъ Плацбекъ-Кокумъ, господинъ огромнаго роста, съ рѣзкими чертами лица и длинными рыжими усами. Онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что командовалъ ротою лейбъ-гренадерскаго полка, въ которой произошли безпорядки и она была раскасирована. Воинскими доблестями онъ не славился. Онъ сказалъ мнѣ, что не можетъ отправиться въ Навагинское, потому что у него лихорадка. Какъ будто у кого-нибудь другаго ея не было! Я пошелъ на пароходѣ въ Сухумъ, взялъ тамъ роту 16-го баталіона и высадилъ въ Навагинскомъ, а адмирала крейсерующей эскадры просилъ, чтобы приказалъ одному изъ военныхъ судовъ держаться на траверсѣ рѣки Сочи для содѣйствія гарнизону въ случаѣ нападенія. Но Убыхи на него не рѣшились: простоявъ вблизи укрѣпленія еще нѣсколько дней, сборище разошлось.

Въ Сухумѣ я высадилъ Тржасковскаго и Лисовскаго, которымъ поручено составить по возможности полное описаніе, первому—Мингреліи и Гуріи, второму—Сванетіи. Эти провинціи, долженствовавшія войти въ составъ 4-го отдѣленія, были намъ почти неизвѣстны. Свѣдѣнія объ нихъ мы не надѣялись получить ни отъ Тифлисскаго штаба, ни отъ полковника Брусилова, который прежде завѣдывалъ этимъ краемъ, а по представленію Анрепа назначенъ начальникомъ 4 отдѣленія Черноморской Береговой Линіи. Это былъ человѣкъ свѣтскій, нѣкогда красавецъ, волокита, теперь молодой старикъ, бренчащій саблей и вспоминающій о своей бурной молодости. Личность впрочемъ довольно безцвѣтная. Онъ былъ въ милости у Тифлисскаго штаба, который для него сдѣлалъ довольно жалкую школьничью продѣлку: въ высочайшемъ повелѣніи сказано только о Мингреліи и Гуріи, но

не упомянуто о Сванетіи, которой половину составляетъ Рачинскій округъ Мингреліи и называется Дадіановскою Сванетіею; не смотря на то, корпусный штабъ, вопреки здравому смыслу, не включилъ ея въ составъ 4 отдѣленія, а подчинилъ лично Брусилову, подъ непосредственнымъ начальствомъ корпуснаго командира. Штабсъ-капитаны Тржасковскій и Лисовскій были въ штабѣ Береговой Линіи, первый—старшимъ адъютантомъ дежурства, другой—для особыхъ порученій. Оба они люди способные, образованные, твердаго характера и трудолюбивые. Оба знали Грузинскій языкъ, прослужа болѣе 10 лѣтъ въ томъ краѣ. Записки, которыя они представили въ 1843 г., составляли цѣлый фоліантъ, заключавшій въ себѣ вѣрную картину этого края и множество данныхъ, на которыя администрація обыкновенно мало обращаетъ вниманія. Поѣздка Лисовскаго въ Сванетію происходила при оригинальныхъ обстоятельствахъ. Край этотъ считался въ возмущеніи, и начальство собиралось усмирить его вооруженной силой. Это нисколько не помѣшало Лисовскому посѣтить всѣ главныя ущелья и населенныя мѣста и составить глазомѣрную карту. Сванеты живутъ въ вершинахъ Ингура, въ краѣ горномъ, почти недоступномъ и гдѣ совсѣмъ нѣтъ дорогъ, а во многихъ мѣстахъ по тропинкамъ нельзя проѣхать даже верхомъ. Въ такихъ случаяхъ Лисовскій нанималъ одного изъ гигантовъ-Сванетовъ, который сажалъ его верхомъ къ себѣ на шею и носилъ цѣлый день за одинъ рубль серебромъ. При этомъ Лисовскій былъ всегда въ офицерскомъ сюртукѣ и нисколько не скрывалъ своихъ дѣйствій.

Но въ чемъ же состояло возмущеніе, которое собирались усмирить? Стоитъ того, чтобы войти въ нѣкоторыя подробности и показать, до какой степени мы мало знали этотъ край и до какихъ нелѣпостей могло довести насъ наше высокомѣрное равнодушіе. Въ настоящее время у насъ часто говорятъ о томъ, что нужно *руссифировать* окраины Россіи и *ассимилировать* разныя народности, входящія въ составъ Имперіи. Прежде это дѣлалось, а теперь говорится; поэтому и явились два такихъ мудрыхъ слова.

Въ 1828 году отрядъ генерала Емануэля былъ въ Карачаѣ. Къ нему явилась какая-то знатная женщина съ большой свитой. Это была княгиня Гиго-ханумъ-Дадишкиліяни. Она назвалась матерью владѣтеля Сванетіи, малолѣтняго князя Ціоко, объявила желаніе поступить съ своимъ народомъ въ подданство Россіи и просила окрестить ея сына язычника. Въ отрядѣ Емануэля не оказалось никакихъ свѣдѣній о Сванетахъ, и изъ объясненій Гиго-ханумъ увидѣли, что этотъ народъ живетъ за Кавказскимъ хребтомъ, т.-е. внѣ района подчиненнаго командующему войсками Кавказской линіи. Емануэль

донесъ объ этомъ корпусному командиру. Баронъ Розенъ прислалъ княгинѣ подарки и пригласилъ пріѣхать съ сыномъ въ Тифлисъ. Ко времени ея пріѣзда получено отъ Государя повелѣніе окрестить Ціоко, наименовавъ Михаиломъ, принять присягу на вѣрноподданство и выдать князю Михаилу грамоту, въ которой онъ названъ наслѣдственнымъ владѣтелемъ Сванетіи и его роду присвоенъ титулъ сіятельства. На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось. Гиго-ханумъ, женщина огромнаго роста, энергическая и честолюбивая, довольна была подарками и грамотою съ золотою печатью. Сванеты, какъ и прежде, жили спокойно въ своихъ горахъ; Русская администрація не имѣла у нихъ представителей. Въ 1837 году на Кавказѣ ждали государя Николая Павловича. Это стало извѣстно и Сванетамъ. Отъ нихъ прибыла въ Кутаисъ депутація, во главѣ которой былъ князь Татарханъ-Дадишкиліани. Этотъ назвался тоже владѣтелемъ Сванетіи, просилъ его окрестить и дать грамоту. Государь въ Кутаисѣ не останавливался и изъ Тифлиса приказалъ исполнить просьбу Татархана, удостоилъ его быть воспріемникомъ, назвалъ Николаемъ, прислалъ богатые подарки, но грамоты не далъ, потому что грамота на владѣніе дана уже его старшему брату Михаилу. Татарханъ, какъ видно, человѣкъ практическій, удовлетворился этимъ; но когда все это узнала Гиго-ханумъ и увидѣла подарки, которые были гораздо богаче полученныхъ ею, бѣсъ зависти и честолюбія ослѣпилъ ее, и она стала интриговать противъ Татархана. Я уже говорилъ, что князь Михаилъ (Ціоко) умеръ въ 1841 г. въ нашемъ отрядѣ, въ укр. Св. Духа. Послѣ него остался сынъ Константинъ, почти мальчикъ. Гиго-ханумъ стала показывать грамоту съ золотою печатью, которую до сихъ поръ скрывала отъ всѣхъ и старалась составить партію, которая бы признала Константина дѣйствительнымъ владѣтелемъ Сванетіи и тѣмъ поставила Татархана въ роль его подвластнаго. Въ сущности оказалось, что Татарханъ не совсѣмъ младшій братъ Ціоко, какъ признало наше правительство, но его родной дѣдъ. Это былъ старикъ лѣтъ 90, бодрый и энергическій, имѣвшій въ горахъ большую славу. У него было дворовъ 700 подвластныхъ, и кромѣ того вся вольная Сванетія, до 5 т. душъ, готова была соединиться съ нимъ по первому его слову. У Ціоко было до 150 дворовъ подвластныхъ. Сванетія раздѣлялась на три части; Дадіановская, княжеская и вольная. Въ княжеской Сванетіи первенствовала фамилія князей Дадишкиліани, но ни одинъ изъ членовъ этой фамиліи не имѣлъ какихъ-нибудь политическихъ правъ надъ другими. По общимъ горскимъ обычаямъ, особымъ уваженіемъ и почетомъ пользовался Татарханъ, какъ по лѣтамъ, такъ и по своему личному характеру. Вольные Сванеты были или язычники, или

самые плохіе христіане; остальныя двѣ части были христіане. Они имѣли каменныя церкви глубокой древности. Тамъ сохранялись книги и предметы богослуженія, которымъ Сванеты, народъ вообще бѣдный, придавали огромную цѣну и никому не показывали. Языкъ Сванетовъ не похожъ ни на одинъ изъ языковъ сосѣднихъ народовъ; но богослуженіе производится у нихъ на Грузинскомъ языкѣ, который большая часть мущинъ знаетъ. Жилища ихъ состоятъ изъ каменныхъ за́мковъ глубокой древности, въ которыхъ помѣщается семейство владѣльца съ прислугой, домашнимъ скотомъ и запасами. Надъ за́мкомъ возвышается каменная башня въ 4 и 5 ярусовъ. Сванеты огромнаго роста, сильны и неутомимы, хорошо вооружены, миролюбивы, но готовы оказать отчаянное сопротивленіе для обороны своихъ почти неприступныхъ горъ. Образъ жизни ихъ совершенно первобытный. Женщины не красивы, но ростомъ и силой мало уступаютъ мущинамъ. Главное богатство ихъ скотоводство: зерновой хлѣбъ родится плохо въ этихъ высокихъ мѣстахъ. Торговли и промышленности почти не существуетъ; нѣсколько Армянъ и Грузинъ удовлетворяютъ неприхотливымъ потребностямъ Сванетовъ обоего пола. Изъ Сванетіи есть перевалъ чрезъ Кавказскій хребетъ въ верховья Кубани. На самомъ перевалѣ есть пещеры, которыя называются Базарьянъ-Турбинъ. Вѣроятно въ этихъ мѣстахъ происходила когда-то мѣновая торговля Сванетовъ съ Карачаевцами; впрочемъ отношенія сосѣдей не всегда были мирныя. Другой перевалъ ведетъ изъ земли Сванетовъ въ верховья Дала, чрезъ отрогъ хребта, всегда покрытый снѣгомъ. Нѣсколько тропинокъ ведутъ чрезъ черныя горы въ Мингрелію; всѣ онп очень трудны, а для полевой артиллеріи и невозможны.

Возвращаюсь къ смутамъ, вызваннымъ интригами Гиго-ханумъ и кончившимся трагически. Татарханъ нѣсколько разъ унималъ свою строптивую сноху и, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, собралъ сильную партію, подошелъ къ ея за́мку Эцери и вызывалъ ее, чрезъ посланныхъ, на судъ народный. Она заперлась въ за́мкѣ съ однѣми женщинами и стрѣляла по всѣмъ приближающимся для переговоровъ. Самъ Татарханъ со сборищемъ былъ въ верстахъ трехъ оттуда. Неизвѣстно, онъ ли приказалъ или безъ него распорядились обложить за́мокъ хворостомъ и зажечь. Женщины стали выбѣгать или бросаться въ пламя; сама же Гиго-ханумъ взошла на верхній этажъ башни и съ распущенными волосами, въ какомъ-то дикомъ изсгупленіи, кричала на распѣвъ страшныя клятвы и ругательства, пока дымъ не задушилъ ея. Внука ея Константина съ ней не было. Когда онъ узналъ о трагической смерти бабки, онъ ускакалъ въ Кутаисъ, гдѣ разсказалъ, что Татарханъ взбунтовался противъ Русскаго правительства и хо-

тѣлъ убить его, владѣтеля Сванетіи. Старшимъ въ Кутаисѣ былъ въ то время командиръ Донскаго казачьяго полка, полковникъ Буюровъ, старикъ довольно ограниченный. Онъ собралъ свой полкъ и двинулся въ Рачинскій округъ. Отошедъ верстъ 50 отъ Кутаиса, онъ встрѣтилъ своего урядника, который былъ тамъ съ командою худоконныхъ казаковъ и отрапортовалъ своему полковнику, что все обстоитъ благополучно. «Какъ благополучно? А Татарханъ?»—«Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, ни объ какомъ Татарханѣ не слышно.»—«Струсилъ подлецъ, узнавши, что я иду!» И съ тѣмъ возвратился въ Кутаисъ. Но тогда уже было получено изъ Тифлиса распоряженіе о составленіи довольно значительнаго отряда, подъ начальствомъ ген.-лейтенанта Симборскаго.

Въ это время Лисовскій, кончивъ свою рекогносцировку, пріѣхалъ въ Кутаисъ, для собранія нѣкоторыхъ свѣдѣній и приведенія матеріаловъ въ порядокъ. Четвертое отдѣленіе Береговой Линіи еще не было открыто, и Лисовскаго приняли тамъ почти за иностраннаго агента и эмиссара. Симборскій, старый артиллеристъ, человѣкъ честный и неглупый, былъ самый мелочной педантъ, всего болѣе боявшійся компрометировать свое начальническое достоинство. Онъ не хотѣлъ воспользоваться свѣдѣніями, которыя могъ ему сообщить Лисовскій о Сванетіи и выслалъ его изъ Кутаиса. Отрядъ его далеко не дошелъ до Сванетіи и удовлетворился тѣмъ, что къ нему явилась депутація съ принесеніемъ покорности и выдала атамановъ. Чтобы кончить этотъ длинный эпизодъ, скажу, что тотъ же самый Константинъ Дадишкиліани, въ послѣдствіи, измѣннически убилъ Кутаисскаго генералъ-губернатора князя Гагарина и былъ по военному суду казненъ.

Остатокъ лѣта я провелъ въ Керчи или въ отрядѣ Серебрякова. Военныя дѣйствія были тамъ незначительны. 25 Іюля кончена постройка и вооруженіе Гостогаевскаго укрѣпленія, отрядъ перешелъ къ урочищу Варениковой Пристани на Кубани и заложилъ тамъ укрѣпленіе. Несмотря на дѣятельную жизнь, безпрестанные разъѣзды и строгую осторожность, лихорадка у меня безпрестанно возобновлялась. Майеръ присовѣтовалъ мнѣ, хотя на время, уѣхать подалѣе изъ этого климата. Я рѣшился ѣхать въ Пензу, къ своей матери. Мнѣ разрѣшенъ былъ отпускъ на 4 мѣсяца съ производствомъ содержанія. Я отправился прямо изъ отряда въ 20-хъ числахъ Октября.

За экспедицію 1842 г., по представленію ген. Анрепа, я получилъ орденъ Св. Владиміра 3 ст.

Проѣзжая черезъ Воронежскую губернію, я заѣхалъ къ своему старому другу князю Гагарину, жившему тогда въ имѣніи второй

жены своей, урожденной княжны Щербатовой, Павловскаго у. въ с. Михайловкѣ. Было рано утромъ; я засталъ всѣхъ спящими. Нѣтъ нужды и говорить, съ какой искренней радостью встрѣтились крестовые братья. Двѣнадцать лѣтъ разлуки какъ будто слились въ одно мгновеніе. Но пробывъ вмѣстѣ пять дней и высказавъ все, что̀ у насъ было на душѣ, я не безъ грусти замѣтилъ, что жизнь бросила насъ не по одной дорогѣ и къ прежнему нашему облику прибавила нѣсколько чертъ совсѣмъ несходныхъ.

....Я засталъ князя Гагарина сельскимъ хозяиномъ и Павловскимъ предводителемъ дворянства. Имѣніе его жены оказалось до крайности разстроеннымъ. Онъ погрузился съ головою въ хозяйственныя хлопоты и въ жалкую тогда дѣятельность предводительства.

3-го Ноября я пріѣхалъ въ Пензу. Старушка мать, сестры и моя добрая нянька были очень обрадованы моимъ неожиданнымъ пріѣздомъ...

Въ первый разъ мнѣ случилось разсмотрѣть вблизи нашу провинціальную жизнь, со всею ея дикостью, пустотою и грязью. Вѣроятно Пензенская губернія была не изъ худшихъ въ Россіи. Губернаторъ, тайн. сов. Александръ Алексѣевичъ Панчулидзевъ, болѣе 30 лѣтъ былъ въ этой должности. Управленіе его было строгое, но патріархальное. Вся губернія говорила объ немъ, что Александръ Алексѣевичъ, хотя конечно.... того.... но за всѣ 30 лѣтъ никого несчастнымъ не сдѣлалъ. «Того» имѣло много значеній и въ томъ числѣ слѣдующее: когда какой нибудь чиновникъ уже слишкомъ изворуется или разопьется, къ нему является жандармъ съ приглашеніемъ отъ губернатора *на чай*. Чиновнику это лестно, но въ тоже время онъ какъ-то корчится и пожимаетъ плечами. Губернаторъ встрѣчаетъ его ласково, приглашаетъ въ кабинетъ и тамъ наединѣ колотитъ его своимъ березовымъ чубукомъ по спинѣ и мягкимъ частямъ. Послѣ этого чаю, Александръ Алексѣевичъ предупреждаетъ своего дорогаго гостя, что впередъ, если онъ не исправится, выгонитъ его изъ службы, и провожаетъ ласково до передней. Однимъ словомъ—отецъ, а не начальникъ! «Ни одного чиновника подъ судъ не отдалъ».

Но настоящій хозяинъ въ губерніи — былъ винный откупщикъ. Вся администрація была на его жалованьѣ. Главныя, нужныя ему лица получали деньгами и натурой; мелочь получала только натурой. Положеніе было опредѣлено съ большою точностію. Такъ напримѣръ, уѣздный землемѣръ, который конечно никакого отношенія къ откупу не имѣлъ, получалъ по ведру пѣннаго вина каждый мѣсяцъ, а въ двунадесятые праздники по штофу ратафіи и по бутылкѣ откупнаго рому. Чиновники Казенной Палаты, государственныхъ имуществъ и особли-

во полиціи были конечно болѣе облагодѣтельствованы откупомъ. За то же вся губернія была или пьяна или опохмѣлялась.

Дворянскіе и городскіе выборы производились тоже патріархально. Всѣмъ заранѣе было извѣстно, кого и въ какой должности желаетъ имѣть его превосходительство Александръ Алексѣевичъ. Храбрецовъ. которые бы рѣшились противорѣчить волѣ начальника губерніи, находилось мало и то развѣ между отпѣтыми или съ перепою.

Панчулидзевъ пригласилъ меня на балъ, который онъ давалъ дворянству, съѣзжавшемуся на губернскіе выборы. Огромныя залы губернаторскаго дома были полны, освѣщеніе и костюмы дамъ были великолѣпны; но для меня, какъ чужаго въ этомъ краѣ, не было ни одного знакомаго лица. Не скажу, чтобы каррикатуристъ не нашелъ богатыхъ сюжетовъ для своей кисти въ этой пестрой толпѣ. Хозяйка, особа всѣми любимая и уважаемая, показалась мнѣ утомленною и болѣзненною....

Въ концѣ Декабря мы поѣхали съ семьей въ нашу Чертовку, чтобы оттуда отправиться къ Казанскимъ роднымъ.... Приближался срокъ моего отпуска. Я пригласилъ матушку переѣхать ко мнѣ въ Керчь съ двумя младшими сестрами и моею доброю нянькою.

Въ концѣ Февраля я возвратился въ Керчь, натерпѣвшись немало отъ всѣхъ дорожныхъ невзгодъ. Выѣхавъ въ зимнемъ экипажѣ, я долженъ былъ перемѣнить его въ Воронежѣ на лѣтній и, пройдя по всѣмъ степенямъ весенней распутицы, встрѣтилъ въ Черноморіи весну и разцвѣтшіе піоны въ степи. Въ Керчи я нашелъ все по старому. Явился къ г. Анрепу и выслушалъ его разсказъ объ ужасномъ происшествіи, бывшемъ безъ меня.

Запасы строеній и строительныхъ матеріаловъ для Береговой Линіи дѣлались обыкновенно въ Декабрѣ или Январѣ мѣсяцѣ. Это порученіе имѣлъ постоянно инжен.-подполковникъ К-ій. Назначеніе цѣнъ зависѣло всегда отъ меня, и я старался смѣло и произвольно урѣзывать всѣ исчисленія ловкаго и незастѣнчиваго инженера. Торги на всю поставку производились въ Таганрогѣ, въ присутствіи градоначальника; но тамъ уже все заранѣе было улажено: цѣны на торгахъ состоялись выше назначенныхъ и, по частному приглашенію К-скаго, подрядъ оставался за г. Вальяно по назначеннымъ цѣнамъ и даже ниже. Можетъ быть, при другихъ людяхъ и обстоятельствахъ, цѣны могли бы и еще удешевиться; но я долженъ сказать, что онѣ были испорчены чрезвычайно дорогими подрядами, заключенными Ставропольскимъ штабомъ на 1837 и 1838 г. Эти цѣны, постепенно уменьшаясь, дошли вообще до 75% и менѣе прежнихъ. Не смотря на то,

я зналъ, что ихъ можно еще значительно сократить, но не умѣлъ, да и не имѣлъ времени это сдѣлать; а другаго расторопнаго инженера не было для этого порученія, крайне сложнаго по военнымъ потребностямъ и при необходимости все доставлять на срокъ, въ открытые рейды восточнаго берега Чернаго моря на парусныхъ судахъ Ростовской и Херсонской постройки. Затѣмъ мнѣ оставалось утѣшаться, что К—скій гораздо болѣе обкрадываетъ подрядчика, чѣмъ казну. Дѣйствительно, г. Вальяно, послѣ нѣсколькихъ крупныхъ подрядовъ для Береговой Линіи, раззорился и умеръ. Зимой, проектъ построекъ и заготовленій на 1843 г. дѣлался безъ меня. Разсмотрѣніе проекта и назначеніе цѣнъ г. Анрепъ взялъ непосредственно на себя. Эта работа измучила честнаго и щепетильнаго Нѣмца, а тутъ еще К-скій явился съ новымъ предложеніемъ. Подъ благовиднымъ предлогомъ большей прочности и безопасности отъ огня, онъ предложилъ въ укрѣпленіяхъ Береговой Линіи возводить зданія изъ Керченскаго камня, вмѣсто дерева. Ноздреватый известнякъ выламливается въ окрестностяхъ Керчи; изъ него легко выпиливаютъ четырехъ-угольные бруски въ 14 вершк. длины и 5—6 вершк. ширины и толщины. При правильной фигурѣ этихъ брусковъ и мягкости камня, строенія изъ нихъ возводятся очень быстро и легко. Въ Керчи изъ него строятся всѣ дома. Но перевозка камня обойдется гораздо дороже дерева. Зданія будутъ прочнѣе, только при условіи не допускать матеріала дурнаго качества. К-скій подалъ Анрепу записку, въ которой ловко и рельефно выставилъ выгоды такой замѣны; но въ концѣ концовъ оказывалось, что цѣны всего подряда должны были болѣе чѣмъ удвоиться. Это остановило Анрепа. Тифлисскій штабъ конечно не пропустилъ бы такой смѣты, да и въ министерствѣ встрѣтилось бы большое затрудненіе въ ассигнованіи суммы. К—скій рѣшился на отважный шагъ: наединѣ при докладѣ, онъ предложилъ Анрепу просто и ясно 15,000 руб. сер., если онъ исходатайствуетъ замѣну лѣса камнемъ и ему дастъ заготовку. Честный Нѣмецъ растерялся и приказалъ К—скому завтра же подать прошеніе объ отставкѣ. Анрепъ разсказывалъ мнѣ это съ нервною дрожью; но прошло нѣсколько дней послѣ ужаснаго происшествія, прошенія не было, обѣ стороны успокоились, а когда сумма была ассигнована, К-скій уѣхалъ въ Таганрогъ съ прежними смѣтами. Но достойный сынъ крещеннаго Жида понялъ, что ему нельзя оставаться на Береговой Линіи и что онъ въ послѣдній разъ уже имѣетъ Таганрогское порученіе. Поэтому онъ устроилъ такъ, что на торгахъ предложены цѣны въ полтора раза дороже исчисленныхъ, и что г. Вальяно сдѣлалъ, по частному приглашенію, самое незначительное уменьшеніе. Не смотря на то, К-скій заключилъ съ нимъ контрактъ

и прислалъ на утвержденіе г. Анрепу подъ предлогомъ краткости времени и невозможности достигнуть лучшихъ цѣнъ.

Это было уже не воровство, а грабежъ. Г. Анрепъ приказалъ написать ему, что по назначеннымъ ему цѣнамъ онъ долженъ считать этотъ контрактъ утвержденнымъ и если будетъ какая переплата, то она отнесется на его собственный счетъ. Если же ни онъ, ни г. Вальяно на это не согласны, то онъ К-скій долженъ объявить контрактъ неутвержденнымъ и немедленно возвратиться въ Керчь.

Между тѣмъ я въ Керчи нашелъ другаго надежнаго подрядчика. Это былъ купецъ 1-й гильдіи Митровъ, человѣкъ очень капитальный и оригинальный. Петръ Васильевичъ Митровъ былъ второй изъ пяти братьевъ. Они были староверы. Еще бывши крѣпостными, они занимались чумачествомъ: возили соль изъ Крыма. Сколотивши денжонокъ, они выкупились, заплативши барину 10,000 рубл. асс. за себя и семейства. Какъ видно, это была семья честная и строгой нравственности. Братья жили дружно и вмѣстѣ продолжали чумачество, увеличивая размѣры своего дѣла. Соляной приставъ ихъ очень полюбилъ. Однажды, какъ разсказалъ мнѣ Петръ Васильевичъ, приставъ сказалъ ему наединѣ: «Петръ, я получилъ указъ о введеніи новаго акциза на соль. Я его придержу дня три, а ты закупай соль на сколько у васъ хватитъ денегъ. Чрезъ три дня соль будетъ втрое дороже». Своихъ у нихъ было тысячъ двѣнадцать, да приставъ далъ взаймы десять тысячъ. Эти деньги они скоро воротили втрое и начали жить. «Дай Богъ ему царство небесное», прибавилъ старикъ Митровъ, «никогда мы не забудемъ его благодѣянія». Многое можно читать между строками въ этомъ наивномъ разсказѣ; но кто броситъ камень въ этихъ людей взросшихъ въ этой мутной средѣ и всосавшихъ понятія и принципы съ молокомъ матери? Безусловная правда — Богъ. Петръ Васильевичъ былъ бодрый старикъ лѣтъ 55. У него было своихъ 15 мореходныхъ судовъ, и его обороты солью простирались на многія сотни тысячъ рублей. Самъ онъ былъ малограмотенъ, конторы никакой не имѣлъ; всѣмъ распоряжался самъ, а если нужно написать, заставлялъ сына Ваню, мальчика лѣтъ 14, учившагося въ гимназіи. Жилъ онъ очень просто и былъ у сограждан въ большомъ уваженіи, но какъ раскольникъ, никакой общественной должности не занималъ. Его считали въ большомъ капиталѣ. Старшій братъ его былъ въ Одессѣ, другой въ Херсонѣ, третій въ Ростовѣ на Дону. Всѣ четверо жили въ согласіи и вели дѣла за одно. Пятый братъ Степанъ жилъ въ Таганрогѣ, но съ братьями не ладилъ и былъ въ плохомъ положеніи. Я зналъ только Петра и Ѳедота (Ростовскаго), младшаго

изъ пяти, писаннаго красавца лѣтъ 45. Оба они меня поражали здоровымъ толкомъ и большой смышленностью въ торговыхъ дѣлахъ. Петръ Васильевичъ долго отказывался отъ моего предложенія взять на себя инженерный подрядъ на томъ основаніи, что «наше дѣло соляное; отцы и дѣды имъ занимались, а это дѣло не нашего ума». Когда я ему расчиталъ, какія онъ можетъ имѣть выгоды, онъ слушалъ внимательно и сказалъ: «Это все такъ, да вѣдь надо сдать». Когда я объявилъ, что сдача ничего не будетъ стоить, онъ какъ будто съ испугомъ сказалъ: «Нѣтъ, Григорій Ивановичъ, мы этого не желаемъ. Эдакъ, примѣрно, я поставлю въ какое нибудь укрѣпленіе тысячу брусьевъ; бунтъ большой, но сверху будутъ лежать на подборъ самые худшіе брусья. Вы пріѣдете, посмотрите и скажете: вишь, старая собака Митровъ, какой скверный лѣсъ поставилъ». Кончилось однакоже тѣмъ, что Петръ Васильевичъ взялъ поставку по смѣтнымъ цѣнамъ, выполнилъ ее исправно, но на слѣдующій годъ отказался.

Абхазская лихорадка, покинувшая меня въ Пензѣ и Казани, опять возвратилась; но рецидивы были гораздо рѣже и пароксизмы не такъ сильны. Я считалъ себя здоровымъ; за то бѣднаго Іосифа Романовича Анрепа она совсѣмъ измучила. Нѣсколько разъ онъ собирался оставить свое мѣсто, но все откладывалъ. Жена заставила его рѣшиться.

Начальникомъ Береговой Линіи назначенъ свиты Его Величества г.-м. Будбергъ, родной братъ мадамъ Анрепъ отъ разныхъ отцовъ.

Нашъ новый начальникъ имѣлъ съ прежнимъ только общее, что былъ Остзейскій Нѣмецъ. Это былъ маленькій человѣкъ лѣтъ подъ 50, живой, юркій и вспыльчивый. Когда-то онъ переломилъ себѣ ногу; ее сростили неправильно, и отъ того часто открывалась рана. Будбергъ поѣхалъ въ Петербургъ, приказалъ себѣ снова переломить ногу въ томъ же мѣстѣ. Послѣ этой вторичной операціи, онъ едва замѣтно прихрамывалъ, но ходилъ много и скоро, почти бѣгомъ. Александръ Ивановичъ Будбергъ былъ человѣкъ не геніальный, но далеко не дюжинный. Онъ былъ хорошо образованъ и имѣлъ пріятныя свѣтскія манеры, безъ всякой щепетильности. Онъ умѣлъ быть начальникомъ и хорошимъ товарищемъ. Не смотря на то, что ему было далеко за 40 лѣтъ, онъ былъ холостъ. Долго онъ былъ адъютантомъ графа Дибича, котораго смерть (въ 1831 г.) застала Будберга въ чинѣ полковника. Въ это время онъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ, а по производствѣ въ генералъ-маіоры, оставался въ свитѣ Его Величества. Онъ имѣлъ много порученій въ Европѣ и въ Россіи, въ которой хорошо зналъ особливо военное вѣдомство. Въ Петербургѣ у него было много

связей. Онъ оставался всегда Остзейскимъ барономъ, но умѣлъ ловко устранять этотъ вопросъ.

Съ А. И. Будбергомъ я сошелся еще лучше, чѣмъ съ его предмѣстникомъ. Онъ имѣлъ ко мнѣ тоже полное довѣріе, но въ его отношеніяхъ ко мнѣ было менѣе солощаваго, а болѣе молодаго, искренняго и откровеннаго. Я съ благодарностію и съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ времени. Я старался удалить отъ него всѣ дрязги администраціи, и онъ могъ тѣмъ полезнѣе употребить свою дѣятельность на болѣе существенные предметы. Говорятъ, что послѣ меня онъ сдѣлался раздражительнымъ и тяжелымъ для подчиненныхъ; но это вѣроятно потому, что преемникъ мой, Н. И. Карлгофъ, человѣкъ впрочемъ очень почтенный, по принципу не хотѣлъ ничего принимать на себя, и всѣ служебныя мелочи и дрязги легли на А. И. Будберга.

Сдѣлавъ нѣсколько поѣздокъ по Береговой Линіи и осмотрѣвшись въ этомъ новомъ для него краѣ, Будбергъ сразу хорошо поставилъ себя относительно всѣхъ главныхъ лицъ своего командованія. Анапскій комендантъ, хотя и баронъ, но понялъ, что ему нельзя долѣе продолжать открытую войну противъ своего начальника, Серебрякова. Послѣдній убѣдился, что долженъ умѣрить свой воинственный пылъ, хотя ему вполнѣ было предоставлено предпринимать военныя движенія въ размѣрѣ его средствъ. Вообще дѣла въ первомъ отдѣленіи шли очень хорошо. Натухайцы дѣлались все болѣе ручными; мѣновая торговля шла въ большихъ размѣрахъ. Въ Анапу на торговую площадь приходило ежедневно по нѣскольку сотъ горцевъ съ разными своими произведеніями. Не смотря на то, о покорности Натухайцевъ не могло быть и рѣчи. Очевидно, этотъ вопросъ долженъ былъ рѣшиться не на южной, а на сѣверной сторонѣ горъ и въ связи съ другими народами племени Адехе́. Новороссійскъ хорошо обстроился и принялъ видъ красиваго города. Болѣзненность въ войскахъ, при большей свободѣ и лучшихъ условіяхъ жизни, значительно уменьшилась. Торговля стала развиваться. На рейдѣ было нѣсколько военныхъ судовъ; стали приходить и частныя суда, особливо Турецкія кочермы. Привозъ послѣдними товаровъ изъ Турціи конечно не совсѣмъ былъ согласенъ съ таможенными правилами, но начальство Береговой Линіи смотрѣло на это всегда снисходительно, и г. Будбергъ еще болѣе другихъ. Привозимые товары состояли изъ табаку, кофе, сахару и ситцу, правда, Англійскаго издѣлія. Все это составляло ничтожную сумму пошлинъ, а давало войскамъ удобства, которыя были неизлишни при ихъ тяжкой службѣ. Впрочемъ намъ было разрѣшено покупать въ Одессѣ (гдѣ въ это время было порто-франко) товары, *необходимые для офи-*

церовъ и нижнихъ чиновъ войскъ Береговой Линіи, и безпошлинно вывозить ихъ на казенныхъ судахъ. Конечно смыслъ этого разрѣшенія сдѣлался очень растяженнымъ, и въ числѣ вещей, необходимыхъ для войскъ оказались и предметы прихоти и роскоши.

Во второмъ отдѣленіи положеніе дѣлъ и войскъ мало измѣнилось. Укрѣпленія, по возможности, улучшались и принимали видъ красивый и опрятный; но въ нихъ, по прежнему, гнѣздилась лихорадка со всѣми ея гибельными послѣдствіями. Правительство ничего не предприняло для улучшенія быта войскъ; но оно было безсильно противъ вреднаго климата, особливо въ южныхъ укрѣпленіяхъ. Вмѣсто графа Оппермана начальникомъ втораго отдѣленія назначенъ полковникъ Альбрандтъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ 40, хорошо образованный, любимый всѣми товарищами, очень храбрый и рѣшительный, но, можетъ быть, слишкомъ восторженный. Въ сраженіи подъ Ахульго онъ потерялъ руку. Ему отрѣзали выше локтя, но такъ дурно, что операцію пришлось возобновить. Онъ выдержалъ эту муку съ необыкновенной твердостью, но и впослѣдствіи часто страдалъ. Онъ былъ вдовъ и имѣлъ двухъ сыновей-малютокъ. За рану ему дали 57 руб. прибавочнаго жалованья изъ инвалиднаго капитала. Это заставило его оставаться на службѣ, въ надеждѣ (какъ онъ говорилъ), что удастся потерять еще руку или ногу, и тогда дѣткамъ дадутъ что нибудь болѣе 57 рублей. Грустная, грустная исторія! Альбрандтъ не долго былъ начальникомъ втораго отдѣленія Черноморской Береговой Линіи. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна. Въ 1860 г. я зналъ его брата, генералъ-маіора корпуса путей сообщенія и начальника Кавказскаго округа этого вѣдомства. Это былъ человѣкъ строго-честный, ученый, очень добрый, но тоже восторженный и притомъ поэтъ, отъ чего было впрочемъ мало пользы для округа.

Въ Геленджикѣ была тогда другая оригинальная личность—полковникъ Витковскій, назначенный туда комендантомъ еще въ 1840 г. Это былъ добрый старикъ лѣтъ подъ 70, человѣкъ образованный, служившій всегда въ саперахъ. Высокаго роста, съ густыми, кудрявыми, серебряными волосами на головѣ, Витковскій былъ неукротимаго нрава и деспотъ съ подчиненными, а особливо въ семействѣ. Онъ только что женился въ третій разъ на дѣвицѣ лѣтъ 18, которую измучилъ ревностію и капризами. Въ Геленджикѣ у него былъ фактотумъ, поручикъ Левицкій, молодой человѣкъ способный, усердный и дѣятельный. При посѣщеніи Геленджика начальникомъ штаба генер. Коцебу, Витковскій представилъ ему, при почетномъ караулѣ, Левицкаго, какъ отличнаго офицера, который исполняетъ у него двѣнадцать должностей. «А прикажу. такъ и молебенъ отслужитъ», прибавилъ онъ въ

заключеніе. Коцебу сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ. Левицкій былъ въ восторгѣ; но только что Коцебу отошелъ отъ караула, ординарецъ передалъ Левицкому приказаніе коменданта идти на гауптвахту.—«Что́ тамъ случилось?»—«Не могу знать, ваше благородіе, приказали шпагу вашу отнести подъ знамя». По отъѣздѣ Коцебу, получивъ свою шпагу, Левицкій пошелъ къ Витковскому спросить, за что онъ былъ арестованъ? «Ни за что, дяденька; да я ужъ слишкомъ много насказалъ начальнику штаба о твоихъ заслугахъ, такъ и посадилъ тебя, чтобы ты не зазнался».—«Въ такомъ случаѣ, справедливо было бы, кажется, арестовать виновнаго, а не меня».—«Думалъ я объ этомъ, дяденька; да коменданта некому было бы караулить. Дружба дружбой, а служба службой. Садись-ка, да принимайся за дѣло». Послѣ Геленджика, Витковскій былъ произведенъ въ ген.-майоры и назначенъ комендантомъ въ Александрополь (Гумры). Тамъ, между многими другими выходками самодурства, онъ далъ предписаніе инженерному майору и плацъ-адъютанту жениться на его двухъ дочеряхъ отъ перваго брака, только что вышедшихъ изъ Смольнаго монастыря. Невѣстѣ майора онъ далъ въ приданое коляску, а невѣстѣ плацъ-адъютанта 1200 р. асс.—«Вы люди бѣдные», сказалъ онъ послѣдней, «можете ходить и пѣшечкомъ, а инженеръ денегъ наворуетъ, такъ и пусть возитъ свою жену въ коляскѣ». Въ 1846 г. Витковскій вышелъ въ отставку. Я его видѣлъ проѣздомъ чрезъ Ставрополь. Онъ нисколько не измѣнился.

Въ третьемъ отдѣленіи все шло по старому; возились съ Убыхами, съ Цебельдинцами, Абреками, съ Абхазскими интригами и особенно съ владѣтелемъ, котораго, правду сказать, очень избаловали: онъ ровно ничего не дѣлалъ для водворенія порядка въ своемъ краѣ, и всѣ грабежи и убійства въ Абхазіи сваливалъ на другихъ, а мы его же награждали. Такое отношеніе къ владѣтелю было отчасти вынуждено нашею слабостію въ Абхазіи. Санитарное состояніе войскъ не улучшилось. Особенно въ Сухумѣ, по прежнему, свирѣпствовали лихорадки. Нужно впрочемъ сказать, что въ Гаграхъ мы, на этотъ разъ, нашли лазаретъ пустымъ: не было ни одного больнаго. Покорность Джигетовъ, постройка башни въ ущельи и улучшенное довольствіе войскъ сдѣлали счастливую перемѣну въ этомъ мѣстѣ, считавшемся гибельнымъ и куда ссылали почти на вѣрную смерть. Изъ Сухума мы съѣздили въ Марамбу и посѣтили Редутъ-Кале, куда долженъ былъ пріѣхать новый корпусный командиръ, генералъ Нейдгардтъ, для обозрѣнія Береговой Линіи.

Замѣна Головина Нейдгардтомъ, а Граббе Гуркою была послѣдствіемъ посѣщенія Кавказа военнымъ министромъ. Кавказъ отъ этого

не выигралъ. Они ѣхали поправлять дѣла въ краѣ, котораго совсѣмъ не знали, учить другихъ, сами не учившись. Оба были предубѣждены противъ всего, что до нихъ дѣлалось на Кавказѣ, и оба были совершенно не въ силахъ улучшить это положеніе дѣлъ.

А. И. Нейдгардтъ былъ давно извѣстенъ какъ военный ученый и человѣкъ опытный въ Европейской войнѣ и въ администраціи. Въ кампаніи 1831 г. онъ былъ ген.-квартирмейстромъ арміи, послѣ того былъ ген.-квартирмейстромъ главнаго штаба Его Величества и наконецъ командиромъ 6 пѣхотнаго корпуса. Здѣсь онъ обратилъ на себя особенное вниманіе страстною дѣятельностію по части фронтовой службы. Педантизмъ онъ доводилъ до крайнихъ размѣровъ.

О Владимирѣ Осиповичѣ Гурко нѣтъ надобности много распространяться. Это былъ человѣкъ дюжинный. При хорошемъ образованіи, умѣньи себя держать съ достоинствомъ, глубокомысленно молчать, а иногда кстати говорить громкія фразы, онъ былъ скромный воинъ въ полѣ и могъ быть болѣе полезнымъ для кабинетной должности.

Старикъ Головинъ очень скромно покинулъ Кавказъ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ навѣстилъ его въ Москвѣ и потомъ разсказывалъ въ своемъ обществѣ: «Былъ у старика Головина. Онъ хорошо помѣстился въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ его предмѣстникъ баронъ Розенъ. Жаль только, что не могъ нанять больше, какъ на годъ; Нейдгардтъ далъ задатокъ»... Слова эти конечно стали всѣмъ извѣстны. Предсказаніе почти въ точности сбылось: Нейдгартъ и двухъ лѣтъ не остался на Кавказѣ.

Въ 1843 и 1844 г. дѣла въ восточной половинѣ Кавказа шли очень плохо, хотя туда была переведена изъ Крыма еще одна дивизія 5 пѣхотнаго корпуса. Я не буду говорить о подробностяхъ дѣйствій въ этомъ краѣ, мнѣ мало извѣстныхъ и къ нашему краю никакого отношенія не имѣвшихъ. Разскажу только одинъ эпизодъ, дающій понятіе о дѣлахъ и людяхъ.

Г. Гурко двинулся съ 15 баталіонами изъ Грозной въ Чечню и Сѣверный Дагестанъ, гдѣ Шамиль хозяйничалъ совершенно какъ дома. Кончилось тѣмъ, что Гурко призналъ невозможнымъ держаться въ полѣ и съ отрядомъ своимъ заперся въ крѣпости Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Это крѣпкое сидѣніе продолжалось тамъ такъ долго, что недостало продовольствія; войска ѣли конину. Гурко нѣсколько разъ посылалъ съ лазутчиками къ Нейдгардту убѣдительную просьбу о помощи, которой всѣ ждали съ нетерпѣніемъ. Наконецъ, въ одну ночь поднялась большая ружейная пальба на аванпостахъ. Привели горца, который счастливо выдержалъ огонь нашихъ войскъ и непріятеля, чтобы принести г-у Гурко конвертъ отъ корпуснаго командира и маленькую по-

сылку. Всѣ ждали хорошихъ вѣстей и ошиблись. Въ конвертѣ было предписаніе г. Нейдгардта ввести во всѣхъ войскахъ утвержденный имъ образецъ деревянной солонки, которую каждый солдатъ долженъ имѣть въ ранцѣ... Но помощь явилась съ другой стороны. Начальникъ лѣваго фланга, г. м. Фрейтагъ собралъ какихъ-то 7 или 8 баталіоновъ, пришелъ съ ними изъ Грозной и избавилъ отъ блокады своего командующаго войсками, сидѣвшаго въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ съ 15 баталіонами. Это было только начало спасительныхъ дѣйствій г. Фрейтага. Въ 1845 г. ему суждено было спасти своего главнокомандующаго, а въ слѣдующемъ году опять генерала Гурко, уже совсѣмъ уѣзжавшаго съ Кавказа. Можетъ быть, за эти-то дѣйствія онъ и самъ долженъ былъ покинуть этотъ край, гдѣ былъ однимъ изъ полезныхъ и замѣчательныхъ дѣятелей.

Г. Нейдгардтъ встрѣтилъ Будберга очень привѣтливо; мнѣ не сказалъ ни слова. Съ нимъ былъ генеральнаго штаба подполк. Бибиковъ, мой товарищъ по Военной Академіи. Онъ разсказалъ мнѣ много Тифлисскихъ сплетней и показалъ черновую Головина объ утвержденіи четвертаго отдѣленія, о чемъ я уже выше говорилъ. Изъ разсказовъ Бибикова и изъ того, что черновая Головина находилась въ дорожномъ портфелѣ, я понялъ, что Нейдгардтъ предупрежденъ противъ меня. Я старался держать себя какъ можно дальше.

Первое мѣсто посѣщенное корпуснымъ командиромъ было Сухумъ. Тамъ оставалось только двѣ роты гарнизона: остальныя были въ Цебельдѣ. Сухумъ конечно произвелъ непріятное впечатлѣніе на Нейдгардта, привыкшаго находить вездѣ педантическую чистоту и праздничный видъ. Здѣсь было все гнило, ветхо, уныло и болѣзненно. У насъ, со временъ Раевскаго, шла безконечная переписка объ ассигнованіи суммы на осушку вокругъ крѣпости болотъ, которыхъ міазмы губили несчастныя войска и жителей города. Отказъ былъ всегда изъ Тифлиса. Къ счастію, г. Нейдгардтъ лично убѣдился въ необходимости и неотложности этой мѣры; но возобновилась только переписка, а разрѣшеніе послѣдовало уже при князѣ Воронцовѣ.

Въ Бомборахъ встрѣтили на берегу полковникъ Гогенбахъ, за отсутствіемъ Н. Н. Муравьева, и владѣтель Абхазіи со множествомъ своихъ князей и дворянъ. Сцена была оригинальная и красивая. Въ укрѣпленіи все было прибрано и вычищено. Мошенникъ - смотритель провіантскаго магазина, давно состоявшій подъ слѣдствіемъ за неявку огромнаго количества провіанта, особенно угодилъ Нейдгардту. Онъ сдѣлалъ изъ своего магазина картинку. Строеніе и бунты были украшены разными фигурами изъ опорожненныхъ боченковъ и путевыхъ принадлежностей, кругомъ

мѣсто расчищено, выметено, усыпано песочкомъ, а изъ воткнутыхъ въ этотъ день деревцовъ съ листьями образованы аллеи... Нейдгардтъ былъ очень доволенъ и приказалъ записать имя смотрителя. Начало привело его въ хорошее расположеніе духа. Онъ пошелъ вдоль бруствера. На бастіонѣ стояли три орудія. Гарнизонный артиллеристъ, подпоручикъ изъ сдаточныхъ, отрапортовалъ отъ своей части и предупредилъ корпуснаго командира, что лафеты только что окрашены. Дѣйствительно, орудія и лафеты блестѣли, какъ съ иголочки. Нейдгардтъ замѣтилъ, что къ его пріѣзду не нужно было красить лафеты. «Никакъ нѣтъ, ваше в. п—во; теперь Іюнь, а въ этомъ мѣсяцѣ всегда красятъ лафеты гарнизонной артиллеріи». Это онъ солгалъ: до того они по крайней мѣрѣ десять лѣтъ не были крашены, да и не зачѣмъ было красить. Лафеты были до того гнилы, что изъ орудій нельзя было сдѣлать болѣе одного выстрѣла. Къ счастію въ Бомборахъ давно уже не приходилось стрѣлять. Объ этомъ и о негодности ружей у насъ нѣсколько лѣтъ велась рѣзкая и настоятельная, но безполезная переписка. Вѣроятно, она была въ Тифлисѣ доложена г. Нейдгардту, потому что онъ сказалъ Будбергу: «Александръ Ивановичъ, а вѣдь артиллерія-то у васъ не такъ дурна, какъ я ожидалъ». Въ это время мы были на бастіонѣ. Я подошелъ къ одному орудію, вывернулъ изъ гнилаго обода кусокъ дерева и бросилъ гнилушки съ запачкаными краскою перчатками. Все это было сдѣлано молча. Нейдгардтъ тоже молча посмотрѣлъ на меня и пошелъ дальше. И объ этомъ возобновилась переписка, но кончилась только въ 1854 г., когда мы сами уничтожили всѣ укрѣпленія Береговой Линіи.

Погода была прекрасная; море какъ зеркало. Обзоръ Береговой Линіи до Анапы продолжался трое сутокъ, довольно безцвѣтно и безъ особенныхъ случаевъ. Изъ Анапы мы приводили корпуснаго командира прямо къ Поти. Г. Будбергъ принялъ въ свое начальство сформированное уже четвертое отдѣленіе Береговой Линіи, и на возвратномъ пути изъ Сухума отправился въ Цебельду и Далъ чрезъ Багадское ущелье, чтобы ознакомиться съ краемъ. Я на другомъ пароходѣ пошелъ прямо въ Керчь, гдѣ меня ожидали кипы бумагъ.

Въ Августѣ пріѣхала въ Керчь моя мать съ младшей сестрой. Квартира у меня была очень просторная, но теперь она наполнилась нашимъ семействомъ и немалочисленнымъ крѣпостнымъ штатомъ. Мать моя была женщина не глупая и добрая; но сороколѣтняя возня съ крѣпостными, въ замужествѣ, развила въ ней до болѣзненности самолюбіе и раздражительность, отъ которыхъ страдали сестры и особливо прислуга. Нужно впрочемъ сказать, что крѣпостные люди ее любили и находили крутое подъ часъ съ ними обращеніе естествен-

нымъ. Женщина, пятьдесятъ лѣтъ служившая ей горничной, Матрена Озоновна, болѣе другихъ терпѣвшая отъ неровности характера своей госпожи, не покинула ея и послѣ освобожденія крестьянъ, не получала никакого жалованья и въ 1874 г. закрыла ей глаза. Сестры были очень добрыя дѣвушки и держали себя скромно и совершенно прилично. Младшая, Любовь, была миловидна, хотя ряба, съ умными и прекрасными глазами. Въ маленькомъ городкѣ, какъ Керчь, знакомства составляются скоро; въ штабѣ же было много офицеровъ и чиновниковъ. Наша жизнь устроилась такъ, что мы рѣдко оставались одни. Меня лично увольняли отъ всѣхъ свѣтскихъ условій: было некогда. Въ моемъ кондуитномъ спискѣ г. Анрепъ, на вопросъ: усерденъ ли къ службѣ? написалъ: «усерденъ свыше силъ». Это было не совсѣмъ правда; я дѣйствительно очень много работалъ, но это меня нисколько не тяготило: я, что̀ называется, втянулся. Лишеніемъ для меня было отсутствіе Майера, который проводилъ лѣто въ Карасанѣ съ семействомъ Раевскаго.

За то наша штабная семья все прибывала. Въ распоряженіе начальника Береговой Линіи назначены были начальники артиллеріи и инженеровъ для завѣдыванія этими частями на Береговой Линіи, полковники Радожецкій и Клименко. Первый былъ старый артиллеристъ, участвовавшій въ отечественной войнѣ и литераторъ. Его «Записки Артиллерійскаго Офицера» имѣли въ свое время успѣхъ. Онъ былъ человѣкъ не безъ способностей и не безъ образованія, хотя, по старому обычаю, говорилъ и писалъ «лаблаторія». Онъ недолго оставался въ этой должности; на его мѣсто назначенъ былъ полковникъ Бабушкинъ, человѣкъ пожилой, очень добрый и всѣми уважаемый. Онъ долго командовалъ батареей и былъ въ немилости у Артиллерійскаго Департамента. Когда-то онъ получилъ въ батарею холостые заряды въ большомъ количествѣ. По его представленію, ему разрѣшено было порохъ изъ лишнихъ зарядовъ передать въ пѣхоту для того же употребленія. При ревизіи его отчетовъ, ему сдѣлали запросъ, куда онъ дѣлъ рогожные пыжи отъ зарядовъ, переданныхъ въ пѣхоту? Вещи эти никакой цѣнности не имѣютъ и вѣрно были брошены; но Артиллерійскій Департаментъ восемь лѣтъ мучилъ его запросами, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и выговоровъ и едва согласился на удержаніе изъ его жалованья двойной стоимости пыжей, т. е. двухъ или трехъ рублей ассигнаціями. Этотъ департаментъ славился тогда своей мелочной придирчивостію. Разсказываютъ, что полковникъ Амосовъ, одинъ изъ извѣстныхъ тогда артиллерійскихъ офицеровъ, подалъ генералъ-фельдцейхмейстеру записку, по личному приказанію Его Высочества. Когда записка поступила въ департаментъ, сей послѣдній за-

просилъ Амосова, почему онъ не счелъ нужнымъ представить объ этомъ дѣлѣ департаменту? Амосовъ отвѣчалъ, что онъ всегда считалъ артиллерійскій департаментъ мѣстомъ нужнымъ, но представилъ записку, минуя его, генералъ-фельдцейхмейстеру, по личному приказанію Его Высочества. Говорятъ, эта острота дорого стоила Амосову.

Полковникъ Клименко назначенъ былъ на мѣсто полковника Постельса, который получилъ назначеніе начальникомъ инженеровъ Кавказскаго корпуса. За этого полезнаго дѣятеля Тифлисскій штабъ долженъ бы добромъ помянуть генерала Раевскаго. Клименко былъ инженеръ стараго времени, добрый, толстый и обжора. На г. Будберга онъ произвелъ непріятное впечатлѣніе своимъ проектомъ возобновленія Юстиніянова храма въ Пицундѣ. Это величественное зданіе, надъ которымъ пронеслось 13 вѣковъ, такъ сохранилось въ живописныхъ развалинахъ, что его легко можно было реставрировать въ прежнемъ стилѣ. Въ проектѣ Клименки ему данъ былъ видъ какой-то нелѣпой житницы. Будбергъ сказалъ: «это не архитекторъ, а каменьщикъ». Проектъ передѣланъ въ Петербургѣ и, по представленію Будберга, учреждена при этомъ храмѣ духовная миссія.

Между отъѣздомъ Постельса и назначеніемъ Клименко прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Подполковникъ К—ій пріѣхалъ изъ Таганрога, и я поручилъ ему, какъ старшему изъ инженеровъ, вступить въ эту должность и объявилъ, что съ будущаго 1844 г. заготовленіе инженерныхъ матеріаловъ и постройки въ Таганрогѣ будутъ возложены на бывшаго съ нимъ въ послѣдніе два года инженеръ-поручика Ната. Конечно, это очень не понравилось К-скому, хотя я постарался густо позолотить пилюлю. Въ концѣ осени, я поручилъ ему составить проектъ и соображеніе цѣнъ на заготовленіе, причемъ онъ, съ своей цинической усмѣшкой, замѣтилъ, что всѣ прежнія смѣты и соображенія подлежатъ радикальному измѣненію, отъ котораго можно ожидать значительнаго уменьшенія суммы подряда. Я конечно поддержалъ его въ этомъ благомъ настроеніи, вызванномъ увѣренностію, что не ему уже придется пользоваться барышами. Жидовская натура явилась тутъ во всемъ блескѣ. Недѣли черезъ двѣ, К—скій принесъ мнѣ толстую тетрадь, написанную его рукой и содержащую въ себѣ всѣ соображенія и исчисленія, сдѣланныя совсѣмъ на новыхъ основаніяхъ, которыя ему конечно были давно извѣстны, но до сихъ поръ онъ не считалъ нужнымъ объ нихъ говорить. Общая сумма заготовки уменьшилась отъ этого не много болѣе, чѣмъ на треть. При докладѣ мнѣ всѣхъ подробностей исчисленія, я вынужденъ былъ сдѣлать возраженіе: до такой степени сбереженія, особливо въ морской перевозкѣ, были значительны. К—скій, съ своей таинственно-цинической улыб-

кой, отвѣчалъ, что всѣ исчисленія вѣрны, и ошибки никакой нѣтъ. Я оставилъ его тетрадь у себя, чтобы разсмотрѣть еще на досугѣ, приказалъ у себя на квартирѣ переписать ее, провѣрилъ и, когда К—скій пришелъ съ докладомъ, приказалъ ему написать на его имя предписаніе отправляться въ Таганрогъ и приступить къ заготовленіямъ согласно сдѣланному имъ самимъ измѣненію, а поручику Нату принять отъ него дѣла инженернаго отдѣленія штаба. Это его очень озадачило, но возражать было нельзя: его собственноручная тетрадь была у меня. Конечно, и при этомъ исчисленіи, онъ въ убыткѣ не остался; но можно вообразить себѣ, что у него оставалось въ карманѣ въ предшествовавшія пять лѣтъ? Въ 1845 г. онъ вышелъ въ отставку, женился на дѣвицѣ Коваленской, молодой особѣ, которую онъ мучилъ ревностію, скаредностію и деспотическимъ обращеніемъ. Въ Таганрогѣ говорили, что у него 400 т. рубл. капиталу. Я его тамъ видѣлъ въ 1851 г.; онъ былъ богатымъ помѣщикомъ, но жилъ свиньей, какъ разворовавшійся Жидъ. Вскорѣ онъ умеръ въ большихъ мученіяхъ, не видя около себя ни одного любящаго лица.

Чтобы отдохнуть отъ воспоминанія объ этой грязной личности, скажу нѣсколько словъ о человѣкѣ, ему діаметрально противоположномъ. Антонъ Антоновичъ Натъ, инженеръ-поручикъ, былъ присланъ въ распоряженіе начальника Береговой Линіи въ 1840 г. вмѣстѣ съ другими офицерами этого вѣдомства. Онъ былъ родомъ изъ Финляндіи, воспитывался въ Инженерномъ Училищѣ и совершенно обрусѣлъ. Это былъ человѣкъ замѣчательно добрый, честный и благородный. При хорошихъ умственныхъ способностяхъ и общемъ образованіи, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ инженеровъ. При этихъ достоинствахъ онъ былъ скроменъ, даже до излишества, такъ, что его трудно было узнать и оцѣнить. Съ самаго пріѣзда на Береговую Линію, онъ подружился съ своимъ землякомъ, Сальстетомъ, а впослѣдствіи женился на падчерицѣ послѣдняго, дѣвицѣ Свентоховской. Дѣйствительно, въ обществѣ этихъ честныхъ и добрыхъ людей отъ многаго можно было отдохнуть.

1844-й г. былъ послѣднимъ годомъ моей службы на Береговой Линіи. Онъ прошелъ безъ особенныхъ событій; только въ началѣ года Будбергъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ. Это была общая для насъ радость, и мы ее отпраздновали пиромъ на весь міръ. Будбергъ умѣлъ привязать къ себѣ своимъ ровнымъ и ласковымъ со всѣми обхожденіемъ, при полномъ соблюденіи своего начальническаго достоинства. Въ мелочи администраціи онъ не вмѣшивался, и дѣла наши шли хорошо, хотя въ Тифлисѣ, по прежнему, насъ не долюбливали.

Въ началѣ 1845 г. былъ назначенъ на Кавказъ главнокомандующимъ и намѣстникомъ графъ М. С. Воронцовъ. 31 годъ тому назадъ онъ одержалъ побѣду надъ Наполеономъ, при Краонѣ, за что получилъ Георгія 2 степени. Послѣ того онъ былъ 21 годъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и имѣлъ репутацію либеральнаго вельможи. Его назначеніе на Кавказъ всѣхъ обрадовало. Ожидали многаго. Къ сожалѣнію во многомъ ошиблись.

Начальникомъ главнаго штаба арміи былъ назначенъ ген.-лейт. Гурко. Если бы онъ удовольствовался кабинетною работою, какъ его предмѣстникъ, то избѣгнулъ бы дурной славы за свои вмѣшательства въ военныя дѣйствія. На его мѣсто никто не былъ назначенъ. Наказный атаманъ Черноморскаго казачьяго войска, г.-лейт. Заводовскій, какъ старшій, принялъ титулъ временно-командующаго войсками Кавказской Линіи и Черноморія. Вскорѣ послѣ того я былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (30 Апрѣля) съ назначеніемъ начальникомъ штаба войскъ Кавказской Линіи. Эта высочайшая милость была исходатайствована графомъ Воронцовымъ и многимъ въ Ставрополѣ и Тифлисѣ не понравилась.

Пришлось оставить Береговую Линію и добрыхъ товарищей, съ которыми дѣлилъ я труды, радость и горе. Семилѣтняя служба на Береговой Линіи оставила мнѣ самыя живыя и пріятныя воспоминанія. Штабные захотѣли проститься со мною за хлѣбомъ-солью. На обѣдѣ былъ г. Будбергъ и до 40 офицеровъ всѣхъ вѣдомствъ. Были тосты и спичи. Когда Будбергъ ушелъ, прощаніе обратилось въ шумный кутежъ на распашку. Не было конца тостамъ и рѣчамъ, которые были только искренни, а намъ казались тогда и умными, и краснорѣчивыми. Мы разошлись далеко за полночь и не совсѣмъ вѣрными шагами. Съ того времени прошло 36 лѣтъ (1881 г.); но и теперь, 73-лѣтній старикъ, я съ тѣмъ же удовольствіемъ вспоминаю молодое, искреннее чувство, съ которымъ мы разстались. Со многими изъ тогдашнихъ товарищей мнѣ не пришлось встрѣтиться. Майеръ женился на Софьѣ Андреевнѣ Дамбергъ, имѣлъ двухъ сыновей-близнецовъ, изъ которыхъ одного, Григорія, я крестилъ. Въ 1846 году Майеръ умеръ. Вдова его долго была директрисой Кушниковскаго института дѣвицъ (въ Керчи). Мы съ нею встрѣчались друзьями и въ Керчи, и въ Петербургѣ, гдѣ она жила съ Раевской.... Сыновья ея воспитывались въ горномъ институтѣ и вышли хорошими горными инженерами.

Сальстетъ тоже женился на вдовѣ лекаря Свентоховскаго, въ домѣ котораго онъ долго квартировалъ. Это былъ поступокъ, какого слѣдовало ожидать отъ честнаго Шведа, но онъ едва ли ему доставилъ много семейнаго счастія. Съ нимъ мы опять встрѣтились въ 1855 г.

Онъ былъ полковникомъ генеральнаго штаба и назначенъ, по моему представленію, градоначальникомъ г. Ейска. Въ этой должности онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ, честно трудился, произведенъ въ г.-маіоры, овдовѣлъ и тамъ умеръ, оставя двумъ дочерямъ только небольшой садикъ, въ которомъ самъ работалъ. До послѣдней минуты жизни онъ сохранилъ дѣтскую доброту и прямодушіе, которое не всѣ умѣли цѣнить.

Натъ, какъ я уже сказалъ, женился на его падчерицѣ. Она была красавица, добрая жена и мать, и хорошая хозяйка. Съ Натомъ мы встрѣтились опять въ 1855 г. Я былъ тогда наказнымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска, а Нату поручено было составить и выполнить проектъ загражденія входа изъ Чернаго моря въ Азовское. Государю угодно было поручить мнѣ наблюденіе за этими работами. Этого порученія съ меня не сняли и въ то время, когда я былъ назначенъ командующимъ войсками праваго крыла. Конечно работалъ одинъ Натъ; я рѣдко могъ пріѣзжать въ Керчь и въ Ставрополѣ утверждалъ только подписанные Натомъ отчеты по этому милліонному дѣлу. Я имѣлъ къ нему неограниченное довѣріе и конечно не имѣлъ причины въ томъ раскаяваться. Кончивъ работы, Натъ, произведенный въ г.-маіоры, назначенъ состоять при Инженерномъ Департаментѣ. Тамъ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ тѣни и при скудномъ содержаніи. Натъ былъ отличный инженеръ и человѣкъ хорошо образованный. Его скромность доходила до излишества. Немногіе умѣли его цѣнить, и въ числѣ этихъ немногихъ былъ Тотлебенъ, его товарищъ по Инженерному Училищу. Послѣ смерти Ната онъ позаботился, чтобы похоронить его на счетъ казны и по возможности устроить положеніе его вдовы и четырехъ дѣтей, которымъ отецъ не оставилъ ничего, кромѣ честнаго имени. Слава Богу, что, хоть рѣдко, но еще являются такіе чудаки!

Платонъ Александровичъ Антоновичъ оставался на Береговой Линіи до ея упраздненія въ 1854 г. Онъ много и разумно работалъ, но въ тѣнь не прятался. Крымская война застала его полковникомъ. По заключеніи мира, онъ покинулъ военное поприще, и я встрѣтилъ его уже въ Петербургѣ въ 1865 г., когда онъ, уже г.-лейтенантъ, назначенъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. Надобно было ему имѣть особенную гибкость, практическій смыслъ и твердость воли, чтобы 14 лѣтъ оставаться въ этой должности, при всѣхъ перемѣнахъ лицъ, системъ и взглядовъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

Нареченный мой братецъ, Александръ Ивановичъ Панфиловъ, тоже пережилъ Береговую Линію и въ 1854 г. на военныхъ судахъ увозилъ гарнизоны и жегъ укрѣпленія, которыя при немъ занимались

и строились. Въ Синопскомъ сраженіи онъ принималъ дѣятельное участіе и получилъ Св. Георгія 3 степени. Въ защитѣ Севастополя онъ былъ начальникомъ отдѣленія обороны и провелъ 11 мѣсяцевъ на 4-мъ бастіонѣ. Его беззавѣтная, не шумливая храбрость и энергія доставили ему общее уваженіе. По заключеніи мира, онъ былъ нѣкоторое время послѣднимъ главнымъ начальникомъ Черноморскаго флота и портовъ и видѣлъ уничтоженіе этого славнаго и до сихъ поръ не замѣненнаго учрежденія. Я встрѣтилъ Панфилова въ Петербургѣ членомъ Адмиралтействъ-Совѣта и адмираломъ. Онъ нисколько не измѣнился. Это былъ морякъ одного типа съ Лазаревымъ, и ему недоставало только способностей и образованія сего послѣдняго. Я его похоронилъ въ 1870 г. Послѣ него остались вдова и двѣ дочери, да честное имя. Это былъ тоже, слава Богу, чудакъ. Миръ душѣ его!

Михаилъ Аргирьевичъ Цакни тоже пережилъ Береговую Линію, на которой началъ службу въ линейномъ баталіонѣ. Я его снова встрѣтилъ въ 1855 г. въ Екатеринодарѣ. По назначеніи меня командующимъ войсками, я взялъ его дежурнымъ штабъ-офицеромъ. Онъ былъ мнѣ вѣрнымъ и полезнымъ сотрудникомъ въ полѣ и въ кабинетѣ. Когда я былъ назначенъ (1860 г.) начальникомъ главнаго штаба арміи, онъ былъ помощникомъ командующаго войсками и за атамана управлялъ Черноморскимъ казачьимъ войскомъ. Преемникъ мой, Карцевъ, хотѣлъ было, по моему совѣту, назначить его г.-интендантомъ вмѣсто Колосовскаго. Это назначеніе не состоялось. Цакни болѣе года жилъ въ Крыму безъ дѣла и потомъ былъ назначенъ помощникомъ къ тому же Колосовскому. Еще годъ ходилъ Цакни аккуратно каждый день въ интенданство, читалъ газеты и журналы. Ив. Григ. Колосовскій хорошо понялъ, что Цакни не будетъ помогать ему въ его дѣлахъ.... Чрезъ годъ, когда Цакни выслужилъ срокъ къ полному пенсіону, онъ вышелъ въ безсрочный отпускъ и поселился въ Керчи, гдѣ я его встрѣтилъ въ 1880 году, мирнымъ гражданиномъ, членомъ клуба, старымъ холостякомъ и дядей нѣсколькихъ племянницъ. Тоже чудакъ своего рода!...

Судьба многихъ другихъ моихъ сослуживцевъ на Береговой Линіи мнѣ неизвѣстна. Могу сказать только, что всѣ они были люди честные, добросовѣстные работники и вѣроятно кончили очень скромно свою служебную карьеру. Прощаясь здѣсь съ ними, я не могу не сказать нѣсколько словъ о нашемъ общемъ начальникѣ А. И. Будбергѣ. Онъ оставилъ Береговую Линію, кажется, въ 1852 г., и на мѣсто его былъ назначенъ вице-адмиралъ Серебряковъ, умный и хитрый Армянинъ, со всѣми отличительными чертами своей національности. Будбергъ, генералъ-адъютантъ и генералъ отъ кавалеріи, не имѣлъ

постояннаго назначенія, а исполнялъ иногда дипломатическія порученія по указанію Государя. Въ одномъ изъ этихъ порученій, въ Молдавіи, онъ, кажется, не удержалъ живости своего характера, и тѣмъ обратилъ на себя негодованіе канцлера князя Горчакова. Онъ женился на дочери министра финансовъ Царства Польскаго, Фурмана, нажилъ множество дѣтей и умеръ въ Петербургѣ, гдѣ я его довольно часто видѣлъ. Онъ жилъ скромно на Васильевскомъ острову, въ четвертомъ этажѣ, и оставилъ дѣтямъ ничтожное состояніе. Тоже, слава Богу, чудакъ!

5-го Мая 1845 года я вступилъ въ должность начальника штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморія.

Новая моя резиденція, городъ Ставрополь, порядочно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я былъ тамъ въ первый разъ, десять лѣтъ тому назадъ. Городъ очень расширился, особенно въ нагорной части. Огромный пустырь, за домомъ командующаго войсками, на половину застроился. Явились большіе дома, каменные и деревянные, казенной архитектуры. Губернскія присутственныя мѣста помѣстились въ новыхъ огромныхъ зданіяхъ, для нихъ построенныхъ. Даже городской острогъ потерялъ свою прежнюю патріархальную наружность: его замѣнило огромное каменное зданіе, со всѣмъ тюремнымъ комфортомъ и съ титуломъ городской тюрьмы. Вообще видно было, что торговля и промышленность усердно разрабатывали единственный мѣстный источникъ обогащенія—казну. Въ Ставрополѣ и прежде не было и теперь почти нѣтъ коренныхъ мѣстныхъ жителей, а есть подвижное служащее населеніе или люди, которые кормятся Кавказскою войною. Только имъ было на руку крайнее усложненіе въ послѣднее время администраціи военной и гражданской. Впрочемъ грязь въ городѣ осталась таже самая, да не перемѣнился тоже и характеръ гражданской администраціи.

Для штаба войскъ утверждены новые обширные штаты; для дежурства выстроены новые дома, для генеральнаго штаба купленъ большой домъ генерала Петрова. Напрасно бы я сталъ искать тѣхъ двухъ холодныхъ комнатъ, въ которыхъ помѣщался въ мое время генеральный штабъ, и того дома, въ которомъ былъ сваленъ его архивъ. Все было чисто, чинно, просторно и роскошно. Все било въ глаза и, только осмотрѣвшись, можно было иногда пожалѣть о временахъ стараго Вельяминова.

Утвержденіемъ новыхъ штатовъ и нынѣшнимъ устройствомъ штаба обязаны ходатайству Траскина и тому авторитету, который онъ имѣлъ въ Военномъ Министерствѣ. Довольно неожиданно очутившись въ захолустьѣ, онъ захотѣлъ устроить тамъ свое министерство

и устроилъ. Бюрократія, съ его времени, страшно развилась, расходы казны упятерились. Но все это капля въ морѣ сравнительно съ Тифлисской администраціей.

Г.-лейт. Николай Степановичъ Заводовскій встрѣтилъ меня разумно и привѣтливо. Онъ былъ роста выше средняго, съ лицомъ типически-малороссійскимъ; держалъ себя совершенно прилично. Ему было за 60 лѣтъ. Съ перваго же раза онъ мнѣ сказалъ, своимъ рѣзкимъ хохлацкимъ акцентомъ, что во всемъ надѣется на меня, потому что самъ онъ временный, простый и не-письменный. Все это была неправда. Титулъ временно-командующаго онъ носилъ при мнѣ четыре года. Онъ былъ человѣкъ неглупый и очень хитрый; образованія не получилъ, но, что́ называется, натерся; кой-что читалъ съ пользой и во всякомъ случаѣ былъ выше обыденнаго уровня нашихъ генераловъ. Онъ притворялся простакомъ и не-письменнымъ, а на самомъ дѣлѣ былъ смышленъ и въ бумажныхъ дѣлахъ опытенъ. Его житейская мудрость выработалась въ долговременной службѣ, гдѣ онъ самъ долженъ былъ пробивать себѣ дорогу. Онъ хорошо понималъ, что можетъ держаться только безусловною преданностію и угодничествомъ графу Михаилу Семеновичу, и онъ эксплуатировалъ эту преданность во что бы то ни стало и съ совершеннымъ отрицаніемъ своей личности. Нравственныя правила его образовались въ казацкой атмосферѣ, но наружность была прилична и безупречна. Онъ съ 1828 года былъ наказнымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска и не попалъ подъ судъ, что́ почти безпримѣрно. Онъ былъ горячій патріотъ своего края, называлъ (въ интимной бесѣдѣ) Черноморіе—угнетенною націею и заботился о томъ, чтобы Китайской стѣной отдѣлить его отъ всей Россіи.....

Происхожденіе Н. С. Заводовскаго было очень скромное; онъ этого никому въ глаза не совалъ, но и не скрывалъ. Однажды я спросилъ его, почему онъ пишется Заводовскимъ, тогда какъ другіе пишутъ эту фамилію Завадовскій?—«Нэ, Григорій Ивановичъ, то фамилія графская, а мой отецъ былъ овчаромъ на войсковомъ овчарномъ заводѣ; съ того и назвали его Заводовскимъ».

Николай Степановичъ участвовалъ въ кампаніи 1813—1814 г. и былъ въ партизанскихъ отрядахъ г. Чернышова; послѣ этого командовалъ атаманскимъ полкомъ въ Петербургѣ до своего назначенія наказнымъ атаманомъ. Когда было утверждено новое положеніе для Черноморскаго казачьяго войска, составленное Чернышовымъ (тогда уже военнымъ министромъ), въ Черноморіи многіе были справедливо недовольны этимъ положеніемъ, составленнымъ въ кабинетѣ, безъ серьезнаго изученія края и его потребностей. Въ числѣ недовольныхъ

былъ и Заводовскій. Это вѣроятно узналъ князь Чернышовъ и, когда Заводовскій явился въ Петербургъ съ депутаціей благодарить Государя за дарованіе войску новаго положенія, Чернышовъ, только что возвратившійся съ Кавказа, принялъ его очень сухо. Когда депутація представлялась Государю, Заводовскій, по обыкновенію, прикинулся простякомъ, и рѣзкимъ хохлацкимъ выговоромъ доложилъ Государю, что казаки, по своей простотѣ, не могли понять благодѣтельныхъ видовъ правительства, но князь Александръ Ивановичъ открылъ имъ глаза, вразумилъ ихъ, объяснилъ, и имъ остается только повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества всеподданнѣйшую благодарность за новую высокомонаршую милость. На другой день, Государь благодарилъ князя, который не только никому ничего не говорилъ, но и совсѣмъ не былъ въ Черноморіи. Второй пріемъ министромъ депутаціи былъ самый ласковый: князь даже удостоилъ вспомнить прежнюю службу Заводовскаго, а этотъ нашелъ удобный случай сказать, что считаетъ его свѣтлость своимъ высокимъ учителемъ въ военномъ дѣлѣ, имѣвъ счастіе, подъ его начальствомъ, участвовать въ партизанскихъ дѣйствіяхъ въ Касселѣ, Гальберштадтѣ и Люнебургѣ. Этимъ онъ купилъ особенное расположеніе князя, котораго побѣднымъ реляціямъ 1813 г. мало вѣрили. Заводовскій и остальные депутаты получили щедрыя награды, и Государь самъ представилъ ихъ Императрицѣ. Здѣсь они разыграли дикарей, усердно помолились передъ иконой, при входѣ въ пріемный покой, низко поклонились и называли Государыню «матушка-царица». Хохлацкая простота всегда была для Заводовскаго раковиной улитки, куда онъ прятался отъ всякой невзгоды или неловкаго положенія.

Н. С. Заводовскій былъ два раза женатъ. Вторая жена его, Анна Павловна, вдова, урожденная Пулло, имѣла отъ него двухъ сыновей и дочь, и отъ перваго брака сына. Жили они въ домѣ Вельяминова *) скромно, но прилично. По Воскресеньямъ и большимъ праздникамъ у нихъ обѣдали всѣ власти военныя и гражданскія, такъ какъ Н. С. былъ въ тоже время начальникомъ Кавказской области съ правами ген.-губернатора. Дѣлъ гражданскихъ онъ боялся, и на него имѣлъ особенное вліяніе его правитель канцеляріи, ст. сов. Мартыновъ, который прежде былъ въ той же должности у графа Эссена и далъ Казаку Луганскому тему для сцены доклада секретаря недремлящему оку. Впрочемъ не одинъ Мартыновъ, а и многія другія гражданскія лица эксплуатировали неопытность Заводовскаго въ гражданскихъ дѣлахъ.

---

*) Т. е. въ домѣ командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи.

Очень скоро я убѣдился, что послѣ Керченской патріархальной простоты, я попалъ въ городъ, гдѣ есть преосвященный владыко, областной начальникъ съ правами генералъ-губернатора, есть его превосходительство гражданскій губернаторъ, ихъ превосходительства управляющіе палатами: казенной, судебной и государственныхъ имуществъ, губернскій жандармскій штабъ-офицеръ и проч., и проч., всѣ съ женами (конечно кромѣ архіерея) и съ легіономъ чиновниковъ, съ безконечными интригами, сплетнями и пересудами. Ставропольская губернія тѣмъ только и отличается отъ другихъ губерній, что въ ней было менѣе 120.000 душъ жителей, а чиновниковъ было столько, что приходилось по одному на сто душъ. Пропорція небольшая для народа! Противувѣсъ этому бѣдствію составляли и здѣсь: просторъ, плодородіе земли, большею частію дѣвственной, и громадныя суммы, которыя правительство тратило въ этомъ краѣ на содержаніе войскъ и на войну съ горцами.

Кавказская линія состояла (1845 г.) изъ пяти отдѣльныхъ частей: 1) Черноморской кордонной линіи, 2) праваго фланга, 3) центра, 4) Владикавказскаго округа и 5) лѣваго фланга.

Начальникомъ Черноморской кордонной линіи былъ г.-м. Рашпиль, начальникъ штаба, исправлявшій должность наказнаго атамана этого войска, человѣкъ неглупый и письменный, но очень пьющій. Линія занималась исключительно казаками; наступательныя дѣйствія состояли въ движеніяхъ за Кубань два или три раза въ годъ, для снабженія Закубанскихъ укрѣпленій: Афинскаго и Абинскаго. Лихихъ наѣздовъ не бывало; но, надобно отдать справедливость, прорывы горцевъ были рѣдки и обходились имъ дорого. Самымъ опаснымъ мѣстомъ было то, гдѣ соединялась эта линія съ правымъ флангомъ и землею Кавказскаго линейнаго войска. Горцы очень искусно пользовались разрозненностію этихъ двухъ войскъ, вторгались въ участкѣ одного и бросались на добычу въ предѣлы другаго. Эта разрозненность двухъ войскъ увеличивалась еще тѣмъ, что линейцы были Великороссіяне и большею частію раскольники, а Черноморцы — хохлы и православные.

Правый флангъ Кавказской линіи простирался отъ границъ Черноморіи до Каменнаго Моста на Малкѣ. Это управленіе состояло изъ трехъ главныхъ частей: Кисловодской, Кубанской и Лабинской кордонныхъ линій. Послѣдняя далеко не была доведена до конца и служила предметомъ частыхъ вторженій большихъ и малыхъ партій горцевъ. Впереди и съ лѣвой стороны Лабинской линіи и даже позади ея было нѣсколько обществъ мирныхъ горцевъ, которые составляли главную язву этого края. Они безпрестанно возмущались и снова поко-

рялись, но постоянно служили укрывателями или участниками въ набѣгахъ не-мирныхъ. Вторженіе этихъ партій и ихъ успѣхъ въ нашихъ предѣлахъ большею частію были удачны, но самая трудная задача для горцевъ была при возвращеніи въ свои предѣлы: тогда весь край былъ уже въ тревогѣ; казаки скакали на перерѣзъ или наѣдали на отступающаго непріятеля. Все зависѣло отъ умѣнья угадать направленіе горцевъ и отъ быстроты движеній. Со временъ Засса, наши дѣйствія приняли характеръ одинаковый съ дѣйствіями горцевъ. Это имѣло много неудобствъ, но развило единичную сметливость, ловкость и наѣздничество линейныхъ казаковъ. Ихъ лошади были большею частію изъ горскихъ табуновъ; ихъ одежда, вооруженіе, посадка на конѣ и всѣ пріемы были полнымъ подражаніемъ Черкесамъ.

Кисловодская кордонная линія имѣла главною цѣлію охранять минеральныя воды. Тамъ давно уже не было серьезныхъ вторженій, благодаря прикрытію Кубанской и Лабинской линій съ западной стороны, откуда только и можно было ожидать вторженія партій.

Начальникомъ праваго фланга былъ (1845 г.) г. м. Петръ Петровичъ Ковалевскій, изъ семейства, въ которомъ люди посредственные составляютъ рѣдкое исключеніе. Онъ былъ человѣкъ очень хорошій, способный, образованный, но, по своей тучности, можетъ быть, немного тяжелый для такой подвижной службы. Онъ былъ артиллеристъ, хорошо учился, въ первыхъ чинахъ состоялъ при г.-адъют. Шильдерѣ и участвовалъ во всѣхъ его опытахъ, затѣяхъ и изобрѣтеніяхъ, такъ что однажды, при представленіи Государю изобрѣтенной Шильдеромъ подводной лодки, едва ли не находился въ ней подъ водой. Въ немъ было много честнаго, симпатичнаго и молодаго, хотя ему было за 40 лѣтъ. Онъ былъ и на всегда остался холостякомъ. Впослѣдствіи времени (1855 г.) онъ былъ тяжело раненъ при неудачномъ штурмѣ Карса и умеръ отъ раны. При другихъ обстоятельствахъ онъ могъ быть хорошимъ боевымъ генераломъ. На правомъ флангѣ онъ долженъ былъ слѣдовать системѣ скаканія изъ одного конца въ другой, чтобы вездѣ встрѣтить или проводить непріятеля, который, при этой системѣ обороны края, имѣлъ всегда инціативу дѣйствій.

Центръ Кавказской линіи составляла Большая Кабарда и часть линіи по Малкѣ и Тереку до Моздока. Это былъ самый покойный уголокъ Сѣвернаго Кавказа. Нельзя догадаться о пользѣ этого отдѣла, если только не предположить, что онъ сдѣланъ для симметріи, а все управленіе учреждено для того, чтобы дать приличное положеніе князю Владимиру Сергѣевичу Голицыну. На Кавказѣ я его не видѣлъ, но хорошо помню, когда въ 1824 году, т. е. 21 годъ тому назадъ, онъ посѣтилъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ моихъ товарищей, Никифо-

ровыхъ, бывшихъ тогда въ юнкерской школѣ и воспитывавшихся въ Зубриловкѣ, имѣніи его отца. Это былъ высокаго роста, ловкій, блестящій фл.-адъютантъ императора Александра I. Онъ былъ тогда полковникомъ. Его пріѣздъ въ главную квартиру 1-й арміи надѣлалъ много шуму и скандалу. Онъ обыгралъ на два милліона графа Мусина-Пушкина, адъютанта главнокомандующаго, и былъ уволенъ отъ службы, а Мусинъ-Пушкинъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Финляндію, въ Петровскій пѣхотный полкъ. При этой игрѣ въ карты и на биліардѣ, ставки были и десятками тысячъ рублей, и сотнями душъ крестьянъ. Князь Голицынъ былъ очень остроуменъ, прекрасно свѣтски-образованъ, и объ немъ разсказывали множество анекдотовъ, особенно о времени пребыванія его съ Государемъ въ Парижѣ. Военныхъ способностей онъ не имѣлъ, строгими правилами нравственности не отличался. Долги заставили его вторично вступить на службу. По всему сказанному выше, онъ попалъ въ свою стихію, въ плеяду пройдохъ, вращавшихся вокругъ князя Воронцова, и тѣмъ болѣе, что онъ былъ какъ-то родственникъ или старый другъ княгини Воронцовой. Онъ жилъ въ укр. Нальчикѣ и занимался служебными дѣлами шутя. Въ послѣдніе годы онъ сдѣлался старъ и толстъ.

Къ Югу отъ центра было управленіе Владикавказскаго округа, состоявшаго изъ Малой Кабарды, Осетіи и части Военно-грузинской дороги къ Югу отъ ст. Николаевской. Должность начальника округа занималъ старый другъ моей юности, Петръ Петровичъ Нестеровъ. Я, кажется, имѣлъ уже случай говорить о немъ. Въ то время (1845 г.) онъ былъ полковникомъ, женатъ и имѣлъ сына Гришу. Это былъ человѣкъ съ хорошими военными способностями, большой мастеръ жить съ людьми, плохой и чрезвычайно лѣнивый администраторъ. Ему часто приходилось дѣлать военныя движенія въ землю Осетинскихъ обществъ, смежныхъ съ Чечнею. Эти предпріятія не всегда были удачны, часто стоили немало крови, не вели ни къ какой положительной цѣли, но въ реляціяхъ являлись съ большими украшеніями. Это былъ порокъ общій всѣмъ на Кавказѣ, отъ главнокомандующаго до послѣдняго офицера. Поэтому я объ этомъ болѣе говорить не буду. Понятно, что гдѣ всѣ лгутъ, новому человѣку трудно получить вѣрное понятіе о положеніи края, пока не научится переводить съ Кавказскаго языка на человѣческій.

Къ Востоку отъ центра и Владикавказскаго округа былъ лѣвый флангъ Кавказской линіи, до Каспійскаго моря и сѣвернаго Дагестана, подчиненный уже прямо главнокомандующему. Начальникомъ лѣваго фланга былъ Робертъ Карловичъ Фрейтагъ. Объ немъ издавна говорили, что онъ «Нѣмецъ, какихъ Русскихъ мало». Князь Гагаринъ.

бывшій его товарищемъ въ Кіевѣ, произносилъ эту фразу иначе, что́ давало ей другое значеніе. Мнѣ кажется, и то, и другое не совсѣмъ вѣрно. Это былъ человѣкъ умный, предпріимчивый, большой мастеръ жить съ людьми, но лѣнивый и въ администраціи беззаботный. Онъ былъ тогда командиромъ 2-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, а прежде командовалъ знаменитымъ Куринскимъ егерскимъ полкомъ. Его любили всѣ подчиненные и особливо прикомандированные гвардейскіе офицеры, которые пользовались его открытымъ гостепріимствомъ, ласковымъ привѣтомъ и готовностію представлять къ наградамъ за дѣло и безъ дѣла. Этотъ край былъ театромъ безпрестанныхъ военныхъ дѣйствій противъ Шамиля и подвластныхъ ему обществъ. Я уже, кажется, сказалъ, что послѣднія неудачныя дѣйствія Граббе, гдѣ мы теряли по 4 и 5 т. человѣкъ, придали имъ размѣры Европейской войны; но дѣла впередъ не подвигались, потому что въ Тифлисѣ не знали края и не въ состояніи были сдѣлать разумнаго плана для его покоренія. Не знаю, понималъ ли это Фрейтагъ; кажется, нѣтъ; по крайней мѣрѣ онъ довольствовался рутинною системою частыхъ набѣговъ и предпріятій, которыя пріобрѣли ему на Кавказѣ и въ Петербургѣ большую славу. Однажды, вѣроятно въ минуту откровенности, онъ сказалъ, что портеръ и Шампанское прославили его болѣе, чѣмъ его побѣды. Гвардейскіе офицеры, въ частныхъ письмахъ, стихами и прозою, воспѣвали его подвиги, и составили ему въ Петербургѣ какую-то легендарную извѣстность. Вообще надобно сказать, что въ эту эпоху, лѣвый флангъ и Владикавказскій округъ были излюбленнымъ краемъ всѣхъ искателей приключеній, отличій и наградъ. Случалось и нерѣдко, что предпринималась какая-нибудь экспедиція, стоившая немало крови, въ видѣ угощенія какого-нибудь посѣтителя. Эти походы доставили Русской литературѣ нѣсколько блестящихъ страницъ Лермонтова, но успѣху общаго дѣла не помогали, а были вредны кореннымъ дѣятелямъ, офицерамъ постоянныхъ войскъ, часто несшимъ на своихъ плечахъ бремя этой безпощадной войны и большею частію остававшимся въ тѣни. Какъ бы то ни было, однакоже г. Фрейтагъ былъ далеко выдающеюся личностію того времени на Кавказѣ. Въ Европейской войнѣ онъ могъ имѣть видную роль. Хотя былъ онъ такъ-называемаго «Турецкаго генеральнаго штаба,» но все же несравненно болѣе развитъ и образованъ, чѣмъ большинство нашихъ генераловъ. Военныя способности его были далеко не дюжинныя.

Восточную часть лѣваго фланга составлялъ Кумыкскій округъ, котораго начальникомъ былъ командиръ Кабардинскаго полка, полковникъ Викт. М. Козловскій. Его резиденція была въ укр. Хасавъ-Юртъ. Этотъ начальникъ имѣлъ свой опредѣленный и довольно

самостоятельный кругъ дѣйствій, требовавшій дѣятельности и энергіи по сосѣдству съ Лезгинскими племенами. Въ этихъ качествахъ у Козловскаго недостатка не было. Онъ былъ храбръ, хладнокровенъ, но не отличался ни умомъ, ни образованіемъ, и любилъ покутить. О немъ было безчисленное множество анекдотовъ, офицеры его любили; а у солдатъ сложилась легенда о томъ, что онъ знаетъ заговоръ отъ пули и холоднаго оружія. Онъ былъ Полякъ (Могил. губ.) и католикъ, но старался это скрывать. Онъ мнѣ разсказывалъ, что, бывши полковымъ командиромъ, ходилъ всегда по праздникамъ въ православную церковь и крестился по нашему, т.-е. съ праваго плеча на лѣвое; но вслѣдъ затѣмъ, подъ шинелью, онъ дѣлалъ католическій крестъ, т.-е. слѣва направо.

Куринскимъ полкомъ командовалъ полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій. Штабъ его былъ въ укр. Воздвиженскомъ, на р. Аргуни, выдвинутомъ впередъ къ самой опушкѣ лѣсовъ, покрывающихъ предгоріе. Б. Меллера я не встрѣчалъ, а извѣстенъ онъ былъ болѣе, какъ ловкій, чѣмъ предпріимчивый и храбрый начальникъ. 1-й бригадой 19-й дивизіи командовалъ г.-м. Полтининъ, который во Владикавказѣ мирно доживалъ свой вѣкъ. Тамъ же и на Военно-грузинской дорогѣ расположены были полки этой бригады. Навагинскимъ полкомъ командовалъ полковникъ Бибиковъ, бывшій адъютантомъ Вельяминова, человѣкъ безцвѣтный. Онъ убитъ въ Даргинскомъ походѣ и замѣненъ полковникомъ б. Ипп. Александр. Вревскимъ, съ которымъ я уже встрѣчался на Береговой Линіи. Полкъ онъ получилъ отъ князя Воронцова по особенному случаю. По смерти Бибикова оказались свидѣтельства въ томъ, что, во время Даргинской экспедиціи, въ полку утеряно и испорчено въ сраженіяхъ множество аммуниціи и оружія, такъ что цѣлый баталіонъ нужно было заново формировать. Свидѣтельства были законныя. Нужно было или произвести слѣдствіе объ ихъ несправедливости, или сознаться въ фактахъ, несовсѣмъ соотвѣтствующихъ донесеніямъ. Баронъ Вревскій предложилъ уничтожить свидѣтельства, если ему дадутъ этотъ полкъ. Князь Воронцовъ согласился, но требовалъ еще условія, чтобы Вревскій прекратилъ свой искъ противъ Волобуева и Закоркова. Искъ этотъ состоялъ въ томъ, что купеческій сынъ Иванъ Волобуевъ (за 30 лѣтъ извѣстный въ Ставрополѣ подъ именемъ Ваньки Каина) и коммиссіонеръ Закорковъ нанесли Вревскому личное оскорбленіе, отъ котораго онъ упалъ, а бывшій съ нимъ ф.-а. Т. получилъ ударъ по уху, причемъ у него сбита съ головы фуражка. Происходило это въ Желѣзноводскѣ, въ квартирѣ Волобуева, куда Вревскій и Т. привлечены были отчаяннымъ женскимъ крикомъ. Тамъ они нашли семейную сцену: полупьяный

Волобуевъ, замотавъ на руку косу своей жены, таскалъ ее по комнатѣ безъ милосердія. Слѣдствіе объ этомъ произведено толково и добросовѣстно командиромъ Хоперскаго полка полковникомъ Круковскимъ. По высочайшему повелѣнію, виновные преданы военному суду. Обвиняемые были богаты; денегъ не жалѣли, и суду было извѣстно, что князь Михаилъ Семеновичъ, а слѣдовательно и Заводовскій, желали прекратить это дѣло миромъ. Когда слѣдствіе поступило на разсмотрѣніе Заводовскаго, составленъ подкупленнымъ оберъ-аудиторомъ Кузьминымъ возмутительно-нагло неправильный докладъ, листовъ въ пятьдесятъ. Дежурный штабъ-офицеръ штаба, полковникъ Кусаковъ, оставилъ его у себя до моего пріѣзда въ Ставрополь. Я посвятилъ нѣсколько дней на разсмотрѣніе этого дѣла, прошнуровалъ докладъ оберъ-аудитора, въ своемъ докладѣ выставилъ всѣ умышленныя неправильности, сокрытіе фактовъ и изложеніе другихъ и явно-пристрастныя сужденія, представилъ его Заводовскому и просилъ о преданіи Кузьмина суду. Но я трудился напрасно. Вревскій *помирился*, Т. не претендовалъ, а Кузьминъ остался на своемъ мѣстѣ. Заводовскій просилъ меня оставить это дѣло, потому что «Михаилъ Семеновичъ этого желаетъ». По его мнѣнію, противъ такого аргумента нельзя было возражать. Съ грустью убѣдился я, что попалъ въ край, непохожій на Береговую Линію и мнѣ совсѣмъ несимпатичный.

Командиромъ Тенгинскаго полка былъ (1845 г.) полковникъ Хлюпинъ, мой старый знакомый. Начальникомъ 19-й пѣхотной дивизіи былъ г.-л. Иванъ Михайловичъ Лабынцевъ. Онъ жилъ въ заштатномъ городѣ Георгіевскѣ, и при немъ былъ только его дивизіонный штатъ. Всѣ войска были въ полномъ распоряженіи кордонныхъ начальниковъ. Лабынцевъ не могъ ими распоряжаться, но ему предоставлено было заботиться о хозяйственномъ благоустройствѣ. Конечно, онъ не дѣлалъ ни того, ни другаго, сидѣлъ себѣ въ Георгіевскѣ и ругалъ всѣхъ прохвостами. Понятно, что отъ такихъ ненормальныхъ отношеній начальствующихъ лицъ войска терпѣли, и служба отправлялась неправильно. А между тѣмъ былъ онъ человѣкъ совсѣмъ недюжинный. Съ первыхъ чиновъ на Кавказѣ онъ служилъ съ особеннымъ отличіемъ, былъ хладнокровенъ въ бою, храбръ беззавѣтно и пользовался большимъ довѣріемъ войскъ. О немъ тоже ходила между солдатами молва, что знаетъ заговоръ отъ всякаго оружія, потому что ни разу не былъ раненъ. Онъ былъ довольно уменъ, хорошо грамотенъ и опытенъ въ Кавказской войнѣ и въ военной администраціи. Его недостатки были: скупость и грубый неуживчивый нравъ. Онъ былъ холостъ и жилъ болѣе чѣмъ скромно. Все это конечно не было особенно симпатично новому главнокомандующему тѣмъ болѣе,

что Лабынцевъ не стѣснялся выражаться обо всѣхъ съ цинической грубостію, хотя не безъ своего рода юмора и остроумія, что дѣлало ему много враговъ. Когда въ одну изъ критическихъ минутъ Даргинской экспедиціи, ему дано было 6 или 7 баталіоновъ изъ войскъ 5-го корпуса для одного серьезнаго движенія, онъ подошелъ къ князю Воронцову и своимъ обыкновеннымъ, т.-е. грубымъ, тономъ сказалъ: «Что вы, ваше сіятельство, дали мнѣ эту кучу милиціи? Позвольте мнѣ взять баталіонъ или два Кабардинскаго полка; это будетъ вѣрнѣе». Это было при большой свитѣ князя и въ присутствіи командира 5 пѣхотнаго корпуса, г. Лидерса. Въ этомъ несчастномъ походѣ Лабынцевъ и Козловскій на плечахъ вынесли остатки отряда. Всѣ говорили, что имъ не сдобровать; это оказалось вѣрнымъ только для Лабынцева: Козловскій умѣлъ стушеваться. Лабынцевъ въ послѣдствіи былъ корпуснымъ командиромъ въ Россіи, произведенъ въ генералы по инфантеріи и выпросился на покой по арміи. Онъ женился, и, кажется, теперь (1882 г.) еще живъ.

Для усиленія Кавказской арміи, въ разныя времена, были переводимы изъ Новороссійскаго края всѣ три дивизіи 5-го пѣхотнаго корпуса съ ихъ артиллеріею. Изъ нихъ 1-я бригада 13-й дивизіи была расположена на правомъ флангѣ Кавказской линіи, 2-я бригада и вся 14-я дивизія отправлены на лѣвый флангъ въ составъ собиравшагося отряда для движенія въ Дарго, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго, или для занятія множества укрѣпленій, на смѣну тамъ Кавказскихъ войскъ; 15-я дивизія послана за Кавказъ. Г. Лидерсъ находился при князѣ Воронцовѣ, но ничѣмъ не распоряжался. Всѣ войска его корпуса, по полкамъ, баталіонамъ и ротамъ, были разобраны по всему Кавказу, въ распоряженіе мѣстныхъ кордонныхъ начальниковъ, и ихъ ближайшіе начальники могли только заботиться объ ихъ хозяйственномъ благоустройствѣ, да и то по мѣрѣ возможности и съ согласія кордоннаго начальника, который ни за благосостояніе, ни за образованіе, ни за сбереженіе войскъ не отвѣчаетъ. Трудно вообразить себѣ что-либо болѣе анормальное. Войска конечно терпѣли, особливо при общей неопытности въ краѣ новомъ и своеобразномъ; но всѣ были довольны, потому что въ Крыму было еще хуже, а впереди предстояли военныя дѣйствія и отличія! Я сначала думалъ, что такой порядокъ установился временно, для обращенія всѣхъ свободныхъ средствъ въ составъ отряда, которому предстояли рѣшительныя дѣйствія противъ Шамиля; но диспозиція и употребленіе войскъ остались тѣже и по окончаніи этой несчастной экспедиціи до самаго выхода 5-го корпуса съ Кавказа.

Штабъ 13-й пѣхотной дивизіи былъ въ Ставрополѣ; начальникомъ ея былъ г.-л. Степанъ Герасимовичъ Соболевскій. Счастливый случай доставилъ мнѣ удовольствіе провести цѣлый годъ съ моимъ старымъ полковымъ командиромъ, который, 20 лѣтъ тому назадъ, отечески приласкалъ меня, 17-лѣтняго юношу. Онъ нисколько не измѣнился: все тотъ же бронзовый цвѣтъ лица, женскія черты, но добрѣйшія глаза и улыбка. Въ головѣ ни одного сѣдаго волоса, хотя ему было 60 лѣтъ. Здоровье ему не измѣнило; по прежнему онъ не зналъ другихъ лекарствъ кромѣ кислой капусты, которая служила ему панацеей отъ всѣхъ недуговъ. Его всегдашнее хлѣбосольство развилось у него до страсти. Его квартира была противъ Армянской церкви, въ самой грязной части города. Съ 10 часовъ утра его фаэтонъ, запряженный четверкой жирныхъ вороныхъ лошадей въ-рядъ, отправлялся собирать гостей къ обѣду, а потомъ развозилъ по домамъ. Рѣдко кто пробирался къ нему пѣшкомъ, а въ экипажѣ никто не дерзалъ особливо съ тѣхъ поръ, какъ патріархъ Нерсесъ, проѣзжавшій чрезъ Ставрополь и желавшій отслужить обѣдню въ своей церкви, завязъ въ грязи и долженъ былъ просидѣть часа три въ своей каретѣ, запряженной восемью бѣлыми конями. Степанъ Герасимовичъ, какъ и всѣ начальники дивизій, оставался въ Ставрополѣ безъ всякаго дѣла. Въ концѣ 1846 г., остатки его дивизіи выступили съ Кавказа въ Севастополь. Для Степана Герасимовича началась опять прежняя жизнь, ученья и смотры безъ конца, и кормленіе всѣхъ званыхъ и незваныхъ. Это продолжалось недолго. Однажды, послѣ театра, плотно поужинавъ у своего знакомаго, онъ, закормившій на смерть двухъ адмираловъ, умеръ отъ удара, въ коляскѣ, на пути къ своей квартирѣ. Миръ душѣ его! Это былъ честный и добрый человѣкъ.

Однимъ изъ полковъ его дивизіи, Бѣлостокскимъ пѣхотнымъ, командовалъ полковникъ Густавъ Карловичъ Ульрихъ, бывшій маіоромъ и командиромъ 2 баталіона Таврическаго полка, когда, въ 1826 г., я туда прибылъ прапорщикомъ. Онъ былъ все тотъ же добрый и честный человѣкъ, всѣми любимый; но прежняя наклонность его къ спиртнымъ напиткамъ развилась въ страсть. Въ томъ же 1845 г. онъ долженъ былъ сдать полкъ полковнику Скалону, который не пощадилъ его при пріемѣ. Тогда это была обыкновенная исторія. Говорятъ, нынѣ лучше. Дай Богъ! Нехорошо, когда полковой командиръ дѣлается антрпренёромъ своего полка; но едва ли хорошо и то, если комитетъ, составленный изъ ему подчиненныхъ офицеровъ, получаетъ законное право дѣйствовать самостоятельно и до нѣкоторой степени контролировать своего начальника. Едва ли это не есть теоретическое измышленіе, которое происходитъ отъ того, что кабинетные или канцеляр-

скіе законодатели мечтают основать устройство военныхъ силъ на принципахъ гуманности и отвлеченной справедливости. Война есть олицетвореніе права сильнаго; войска устроены не для парадовъ, а для спокойствія, цѣлости и спасенія отечества отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Военное вѣдомство не цѣль, а орудіе, которымъ достигаются высшія, государственныя цѣли, до того важныя, что тутъ не мѣсто сантиментальности. Это орудіе можетъ хорошо дѣйствовать только при наименьшемъ раздѣленіи власти и при пассивномъ ей повиновеніи, хотя бы для того пришлось отступить отъ идеальной нравственности и даже до нѣкоторой степени нарушить права, которыми законно пользуются всѣ остальные граждане государства. Кажется, у насъ не совсѣмъ еще убѣдились въ этой истинѣ, и потому безпрестанно встрѣчаются въ военномъ законодательствѣ противорѣчія, какъ напримѣръ: учрежденіе полковыхъ комитетовъ, распоряженіе въ ротахъ артельнымъ хозяйствомъ выбранными ротою нижними чинами, а въ тоже время предоставленіе полковому командиру увольнять отъ службы офицеровъ безъ объясненія причинъ; устройство военнаго суда съ военными судьями, прокуроромъ и защитниками, суда, который вѣдаетъ всѣ преступленія лицъ военнаго вѣдомства, въ томъ числѣ и такія, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ его военному званію. Въ довершеніе всего, никакой коренной законъ не опредѣляетъ, какому именно суду подлежитъ обвиняемый гражданинъ: общему ли уголовному или военному? Наконецъ, и въ семъ послѣднемъ находятся двѣ формы суда: по общему военно-уголовному учрежденію или по полевому уголовному уложенію, это вполнѣ зависитъ отъ военнаго начальства. Такимъ образомъ, личный произволъ вносится не въ военное вѣдомство, гдѣ онъ можетъ имѣть извиненіе, а въ гражданскій бытъ, гдѣ онъ подрываетъ чувство законности, и безъ того у насъ мало развитое, и заставляетъ сомнѣваться въ правосудіи правительства. Разскажу случай, въ которомъ эта несообразность ярко высказалась.

Въ 1845 г. взводъ Бѣлостокскаго полка съ полусотнею Хоперскаго казачьяго полка составлялъ гарнизонъ укр. Эрсаконъ, построеннаго на срединѣ сообщенія Прочнаго Окопа съ укр. Надежинскимъ, въ разстояніи около 35 верстъ отъ обоихъ. Это маленькое укрѣпленіе было окружено жилищами мирныхъ горцевъ, разныхъ племенъ, которые, какъ извѣстно, были хуже немирныхъ. Поэтому Эрсаконское укрѣпленіе должно было соблюдать всѣ военныя предосторожности и, въ случаѣ нападенія непріятеля, должно было расчитывать только на свои собственныя силы, потому что подкрѣпленія можно было ожидать только изъ Прочнаго Окопа, съ которымъ Эрсаконъ имѣлъ сообщеніе одинъ или два раза въ году, когда приходила оттуда

колонна съ годичнымъ продовольствіемъ для гарнизона. Командиромъ взвода пѣхоты и воинскимъ начальникомъ былъ Бѣлостокскаго полка прапорщикъ Бѣлый, молодой человѣкъ очень ограниченнаго ума, малограмотный и совершенно не знающій ни края, ни обычаевъ Кавказскаго военнаго быта. Казаки были подъ его командою, хотя начальникъ ихъ, сотникъ Кузинъ (изъ плѣнныхъ Черкесятъ, воспитанный извѣстнымъ откупщикомъ Кузинымъ) былъ старше чиномъ. Кузинъ подчинялся Бѣлому, который очень ревниво охранялъ свои права воинскаго начальника. Однажды пріѣхалъ въ Эрсаконъ одинъ изъ Нагайскихъ князей, человѣкъ довольно значительный и коротко извѣстный всему гарнизону. Бѣлый принялъ его дружески въ своей квартирѣ, а вслѣдъ за тѣмъ призвалъ въ другую комнату Кузина, урядника и трехъ казаковъ и объявилъ имъ, что этотъ князь измѣнникъ и что онъ получилъ секретное предписаніе истребить его при первой возможности. Кузинъ просилъ показать ему это предписаніе. Бѣлый рѣзко отказалъ, сказавъ, что не имѣетъ права показывать секретное предписаніе и строго приказалъ убить князя, принимая, по военнымъ обстоятельствамъ и какъ воинскій начальникъ, всю отвѣтственность на себя. Казаки исполнили это приказаніе. Горецъ, снявшій оружіе и не ожидавшій измѣны, былъ изрубленъ топоромъ; а чтобы другіе горцы объ этомъ не узнали, Бѣлый приказалъ изрубить его дорогаго коня и бросить въ р. Эрсаконъ, а оружіе роздалъ казакамъ, не оставивъ себѣ ничего. Все это дѣлалось днемъ и на глазахъ всего гарнизона. Лично противъ этого горца Бѣлый не имѣлъ никакой злобы, а напротивъ принималъ его къ себѣ и угощалъ очень дружелюбно. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришла изъ Прочнаго Окопа колонна, подъ командою маіора Бѣлостокскаго полка. Бывшій въ гарнизонѣ юнкеръ, Полякъ, донесъ маіору объ убійствѣ мирнаго князя; маіоръ донесъ своему полковому командиру, этотъ своему дивизіонному начальнику, тотъ корпусному командиру, а г. Лидерсъ главнокомандующему. Кордонное начальство и командующій войсками ничего не знали, какъ вдругъ г. Заводовскій получилъ предписаніе князя Воронцова о преданіи военному суду по полевому уголовному уложенію Бѣлаго, Кузина и участвовавшихъ въ убійствѣ, урядника и трехъ казаковъ. Извѣстно, что такая форма суда учреждена собственно за преступленія, совершенныя въ военное время въ виду непріятеля, гдѣ улики на лицо, и судъ долженъ постановить приговоръ въ 24 часа. Прежде всего является вопросъ: считались ли наши военныя дѣйствія противъ Кавказскихъ горцевъ войною, и въ такомъ случаѣ былъ ли Кавказскій край объявленъ на военномъ положеніи? Оказывается, что послѣдняго никогда не было ни на бумагѣ, ни на дѣлѣ, а правительство

во всѣхъ дипломатическихъ сношеніяхъ старалось положительно выставлять, что военныя дѣйствія на Кавказѣ суть домашнее дѣло, въ которое никто вмѣшиваться не можетъ, и что по Адріанопольскому миру султанъ уступилъ Россіи край населенный горцами отъ Кубани до Абхазіи. Въ этомъ была своя смѣшная сторона. Султанъ уступилъ то, что́ ему никогда не принадлежало; но серьозныхъ возраженій въ Европѣ не было, а мы считали всѣхъ Кавказскихъ горцевъ Русскими подданными и только приводили оружіемъ къ повиновенію тѣхъ, которые не хотѣли признавать нашей власти. Наконецъ, въ данномъ случаѣ, убійство произведено надъ мирнымъ горцемъ, который и не думалъ отрицать своего подданства. Но во всѣ эти соображенія военный судъ не могъ вдаваться; онъ видѣлъ только, что главнокомандующій желаетъ взыскать съ виновныхъ скоро и съ особенною строгостію, и потому, въ 24 часа, постановилъ: Бѣлаго и Кузина разстрѣлять, урядника и трехъ казаковъ, участвовавшихъ въ убійствѣ, сослать въ Сибирь на каторжную работу.

Такой приговоръ глубоко возмутилъ меня, когда поступилъ на разсмотрѣніе командующаго войсками Кавказской линіи. По законамъ военнаго времени всякое приказаніе начальника должно быть исполнено подчиненнымъ, еслибы даже послѣдній видѣлъ явный вредъ для службы: исполненіе приказанія начальника снимаетъ всякую отвѣтственность съ подчиненнаго. Поэтому, наказанію подлежалъ только прапорщикъ Бѣлый, какъ воинскій начальникъ. Въ показаніяхъ предъ судомъ Бѣлый выказалъ крайнее тупоуміе, которое въ обыкновенномъ судѣ возбудили бы вопросъ о невмѣняемости. Онъ упорно стоялъ на томъ, что исполнилъ, по мѣрѣ силъ, долгъ вѣрноподданнаго, истребивъ одного изъ враговъ своего Государя. По военнымъ законамъ мирнаго времени, подчиненный долженъ исполнить *только законныя* приказанія своего начальника, въ противномъ случаѣ онъ является отвѣтственнымъ за свои дѣйствія. Поэтому Кузинъ и казаки подлежали бы наказанію, какъ пособники преступленія. Но справедливо ли было бы примѣнить этотъ законъ въ этомъ случаѣ? Могли ли казаки, которые родились и состарились подъ звукомъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, которыхъ дѣды и отцы легли въ этой безпощадной борьбѣ, вообразить, что край не на военномъ положеніи и что самой войны совсѣмъ нѣтъ и не было? Всю эту путаницу сдѣлало самовольное, чтобъ не сказать самодурное, распоряженіе князя Воронцова о преданіи виновныхъ суду по полевому уголовному уложенію. Законнаго выхода не было. Заводовскій представилъ всѣ эти соображенія главнокомандующему, который конфирмовалъ: всѣхъ сослать въ каторжныя работы на разные сроки, а Бѣлаго безсрочно. Ну, въ этомъ воз-

мутительномъ приговорѣ едва ли не оказался невольно правымъ Грекъ, Керченскій городской голова, сказавшій въ привѣтственной рѣчи князю Воронцову, что у него Аглицкая (вмѣсто ангельская) душа.

Вообще гуманно-либеральный вельможа началъ свое правленіе несимпатично. Послѣ несчастной Даргинской экспедиціи, стоившей намъ 5 т. человѣкъ и позорнаго отступленія, князь Воронцовъ принялся преслѣдовать преступленія и особенно продажу пороха горцамъ. Къ стыду нашему, послѣдняя производилась нерѣдко. Полки получали порохъ для обученія нижнихъ чиновъ стрѣльбѣ въ цѣль, чего никогда не дѣлалось, а порохъ оставался безъ употребленія и въ значительномъ количествѣ. Трудно допустить, чтобы полковой командиръ самъ занимался торговлею порохомъ, но онъ раздавался въ роты, гдѣ составлялъ лишнее обремененіе при храненіи въ ротныхъ цейхгаузахъ. Поэтому порохъ продавался нерѣдко казакамъ и мирнымъ горцамъ, а чрезъ нихъ достигалъ и до немирныхъ. Впрочемъ послѣдніе и сами дѣлали порохъ гораздо лучше нашего, а въ западномъ Кавказѣ получали изъ Англіи чрезъ Турцію. Какъ бы то ни было, такое постыдное злоупотребленіе необходимо было прекратить; но князь Воронцовъ употребилъ для этого утонченныя жандармскія средства съ подсылами, переодѣваніями, ловушками, обысками и безъименными доносами. Все это повело ко многимъ судебнымъ дѣламъ и строжайшимъ приговорамъ; а между тѣмъ зло было не такъ велико, чтобы огромная власть и средства главнокомандующаго и намѣстника не были достаточны для открытаго и законнаго уничтоженія злоупотребленій. Впрочемъ они не были уничтожены, несмотря на принесенныя жертвы. Когда г. Муравьевъ (въ 1854 г.) прибылъ на Кавказъ, онъ нашелъ въ полкахъ большіе негласные запасы пороха, въ которомъ вообще очень нуждались въ Россіи, при началѣ Турецкой войны 1853—1856 г. Онъ только предписалъ частнымъ начальникамъ сдать этотъ лишній порохъ въ артиллерійскіе склады, и это было тотчасъ исполнено. Отчего же, спросятъ, они этого прежде не дѣлали? А потому, какъ объяснилъ мнѣ одинъ полковой командиръ, что они опасались отвѣтственности за то, что цѣльная стрѣльба у нихъ никогда не производилась. Казалось бы такое оправданіе не уменьшаетъ, а увеличиваетъ вину частныхъ начальниковъ; но нужно вспомнить, что тогда Кавказскія войска были вооружены старыми кремневыми ружьями, до того негодными, что учить стрѣльбѣ изъ нихъ въ цѣль было совершенно безполезно. Порохъ отпускался по положенію, а не въ мѣрѣ надобности. Были случаи, что, для избѣжанія затрудненія въ храненіи большаго количества пороха, его топили въ водѣ.

Вообще въ правленіе князя Воронцова, и особливо въ первые годы, смертная казнь совершалась нерѣдко. Однажды въ Тифлисѣ повѣшаны были разомъ *девять горцевъ*, уличенныхъ въ разбоѣ, грабежѣ и убійствѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ преступники судились по полевому уголовному уложенію: иначе, въ пользу обвиняемыхъ непремѣнно явились бы смягчающія вину обстоятельства, и они не подверглись бы смертной казни, этому юридическому убійству, до сихъ поръ позорящему культурныя христіанскія націи. Князь Воронцовъ не зналъ законовъ, да и не хотѣлъ знать. Когда ему однажды доложили, что отдаваемое имъ приказаніе противно закону, онъ возразилъ: «Еслибы здѣсь нужно было только исполнять законы, Государь прислалъ бы сюда не меня, а Полный Сводъ Законовъ». Онъ часто прибѣгалъ къ суду по полевому уголовному уложенію, полагая, что форма суда безразлична, лишь бы судъ былъ правый и скорый.

Припоминаю другой примѣръ подобнаго незнанія, довольно рѣзко выдающійся. Ермоловъ, по усмиреніи Кабарды, устроилъ тамъ Кабардинскій временной судъ, гдѣ свѣтскіе судьи, подъ предсѣдательствомъ Русскаго штабъ-офицера, по возможности руководились тамошними законами и *адатомъ*, т.-е. обычаями края. Ермоловъ сдѣлалъ это для того, чтобы отнять у фанатическаго магометанскаго духовенства всегда вредное намъ вліяніе на народъ при совершеніи суда по *шаріату*, т.-е. по Корану. Князь Воронцовъ не хотѣлъ знать этого различія, говоря, что все равно по шаріату, или по адату, лишь бы дѣло было рѣшено правильно. Конечно, ближайшія къ нему лица должны бы были ему доложить о вредѣ, который произойдетъ изъ его распоряженія, но и они не всегда были виноваты: князь безпрестанно разъѣзжалъ и особенно по восточной половинѣ Кавказа, принималъ всѣхъ очень ласково, выслушивалъ внимательно безчисленныя просьбы мѣстныхъ жителей и тутъ же словесно отдавалъ приказанія, которыхъ часто нельзя было и измѣнить безъ особеннаго неудобства. Такихъ случаевъ было множество, и я только для образчика разскажу одинъ. Пріѣхавъ однажды въ Прочный Окопъ, князь былъ встрѣченъ казаками съ хлѣбомъ-солью. Ему поднесли два каравая и двѣ солонки, отъ двухъ кучекъ стариковъ, стоявшихъ отдѣльно. Это обратило вниманіе князя, и онъ спросилъ о причинѣ такого раздѣленія станичнаго общества. Одинъ изъ стариковъ наибольшей кучки отвѣчалъ: «Намъ, ваше сіятельство, нельзя быть вмѣстѣ; то люди, а мы—псы. Родимся мы, насъ никто не креститъ, церкви у насъ нѣтъ, вѣра наша запрещена; женимся мы безъ брака, околѣваемъ безъ покаянія и святаго причащенія». Князю доложили, что большая часть жителей этой станицы и всего Кубанскаго полка раскольники, что ихъ молельня запечатана, и

имъ не дозволяется никакого публичнаго проявленія своей ереси. У князя задрожали губы отъ волненія. Онъ сказалъ, что въ Россіи вѣротерпимость и тутъ же приказалъ, при всѣхъ жителяхъ, отпереть молельню и дозволить богослуженіе. Можно вообразить послѣдствія. Вѣсть объ этомъ разнеслась по всей Россіи; изъ Московской, Калужской, Саратовской и другихъ губерній, съ Дона и съ Урала раскольники бросились въ Прочный-Окопъ вѣнчаться у бѣглаго попа, который безпрепятственно отправлялъ богослуженіе, запрещенное во всей Россіи. Отмѣнить распоряженія князя никто не имѣлъ права, да и самая отмѣна могла только усилить народное волненіе. Величайшаго труда стоило ближайшему начальству исподволь и со многими несправедливостями возвратить дѣло къ его законному порядку, причемъ едва не дошло до кровопролитія.

Такія частныя разрѣшенія этого вопроса бывали въ Россіи и исходили даже и отъ верховной власти; но общій законъ остался неизмѣненнымъ, и потому положеніе раскольниковъ зависѣло и зависитъ (1882 г.) болѣе отъ становаго пристава. На Кавказѣ это недоразумѣніе могло имѣть въ 1845 г. особенное значеніе. Вообще въ линейномъ казачьемъ войскѣ сектантовъ было болѣе чѣмъ православныхъ; особенно въ Гребенскомъ и Моздокскомъ полкахъ казаки были почти поголовно старовѣры и фанатически держались своего ученія. Почти тоже можно сказать о Волжскомъ, Хоперскомъ, Кубанскомъ и Кавказскомъ полкахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это были лучшіе, самые храбрые и надежные полки. Лабинскій полкъ былъ составленъ изъ переселенцевъ съ линіи и изъ внутреннихъ губерній; кромѣ старовѣровъ, тамъ были молокане, духоборцы, суботники и даже скопцы. Владикавказскій полкъ и все Черноморіе состояли изъ Малороссіянъ, и между ними не было никакихъ сектантовъ. Въ гражданскомъ населеніи Кавказской области преобладало православіе, но внутри области жили Ногайцы-магометане (около 80 тыс. душъ), Армяне, Калмыки и нѣсколько иностранныхъ колоній. Сосѣдями были Осетинцы, считавшіеся христіанами, Чеченцы и Кабардинцы—строгіе магометане, Черкесы (Адехѐ) и Абазинскія племена, считавшіеся магометанами, но вполнѣ индефферентныя къ вѣрѣ. Область принадлежала къ Донской епархіи, и православное духовенство посвящалось въ Новочеркасскѣ. Духовенство казачьихъ войскъ подчинено было оберъ-священнику Кавказской линіи, въ Тифлисѣ.

Въ такомъ хаотическомъ состояніи была православная церковь въ этомъ обширномъ краѣ, въ виду разновѣрнаго и большею частію враждебнаго намъ населенія. Въ 1844 (кажется) году учреждена была новая епархія, въ которую вошло гражданское и казачье населеніе

всего сѣвернаго Кавказа. Первымъ епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ былъ назначенъ Іеремія, лѣтъ 45, человѣкъ ученый, строгой монашеской жизни, но желчный, честолюбивый и склонный къ фанатизму. Онъ принялся слишкомъ усердно и рѣзко за благоустройство своей епархіи и за обращеніе иновѣрцевъ, чѣмъ вооружилъ противъ себя особенно раскольниковъ, между которыми были люди почтенные и заслуженные. Въ Гребенскомъ полку Фроловы и Семенкины въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ были извѣстны своими военными доблестями и заслугами. Между ними были полковники и одинъ генералъ-маіоръ. Новый епископъ сталъ принимать крутыя и не совсѣмъ разумныя мѣры. Доходило дѣло до соблазнительныхъ сценъ, тѣмъ болѣе возбуждавшихъ неудовольствіе казаковъ, что офицеры ихъ были тоже раскольники, полковые командиры хотя изъ регулярныхъ войскъ, но или изъ иновѣрцевъ, или по разсчету, равнодушно относившіеся къ дѣламъ вѣры. Наконецъ, наказнаго атамана линейнаго войска, г.-л. Николаева, изъ Донскаго войска, подозрѣвали, что онъ самъ втайнѣ держится старой вѣры. Ясно, что преосвященный Іеремія не понялъ положенія края; но, вмѣсто того, чтобы объяснить ему и иначе направить его дѣятельность или, наконецъ, замѣнить его другимъ лицомъ, князь Воронцовъ исходатайствовалъ высочайшій указъ объ изъятіи линейнаго казачьяго войска изъ епархіи и подчиненіи его снова оберъ-священнику. Дѣло велось въ тайнѣ, и указъ неожиданно разрушилъ только что образованную епархію. Г. Заводовскій, какъ главный мѣстный начальникъ, гражданскій и военный, принималъ въ этомъ пассивное участіе, какъ слѣпое орудіе князя Воронцова. Вообще онъ благодушно покорялся ничтожной роли, которую далъ ему новый главнокомандующій и намѣстникъ.

Князь Воронцовъ распоряжался непосредственно всѣми военными дѣйствіями и обороною края въ восточной половинѣ Кавказа, назначеніемъ частныхъ начальниковъ и дизлокаціею войскъ. Часто бывая на этомъ главномъ театрѣ войны, князь давалъ приказанія и разрѣшенія, о которыхъ Заводовскій не всегда узнавалъ на мѣстѣ, а его штабу они были всегда неизвѣстны. Эти распоряженія, даже въ мелочахъ простой администраціи, часто были противны тѣмъ, которыя частные начальники получали изъ штаба войскъ Кавказской линіи. Многимъ изъ этихъ частныхъ начальниковъ, и даже нестаршихъ чиновъ, князь разрѣшилъ писать ему лично, безъ законныхъ формальностей. Если прибавить къ этому, что князь принималъ всякіе доносы, и даже безъименные, и для удостовѣренія въ ихъ справедливости предпринималъ, чрезъ особенныхъ агентовъ, тайныя розысканія, то

можно себѣ вообразить, какое вредное вліяніе такой порядокъ долженъ былъ имѣть на дисциплину и на правильный ходъ администраціи.

Весною обыкновенно начинались поѣздки князя преимущественно на лѣвый флангъ и въ Дагестанъ, а затѣмъ въ Пятигорскъ, гдѣ онъ проводилъ по мѣсяцу и болѣе. Вмѣстѣ съ нимъ двигалась его многочисленная свита и большая часть начальствующихъ лицъ, не для надобностей службы, а чтобы показать и напомнить о себѣ. Г. Заводовскій конечно былъ его неизмѣннымъ спутникомъ. На воды обыкновенно пріѣзжала и княгиня съ своими приближенными.... Тогда образовался какой-то дворъ съ безчисленными интригами и сплетнями. Ловкіе люди и съ податливой совѣстью пользовались такимъ положеніемъ. Злоупотребленія всегда были на Кавказѣ, но нерѣдко они находили извиненіе въ особенностяхъ края и нашего въ немъ положенія. При князѣ Воронцовѣ они по крайней мѣрѣ не уменьшились, несмотря на его старанія узнавать тайными путями все, что́ дѣлается въ его обширномъ краѣ и управленіи. Его окружала цѣлая плеяда людей съ темнымъ происхожденіемъ, съ эластическою совѣстью, но ловкихъ, свѣтски образованныхъ и эксплуатировавшихъ свою личную преданность. Князь очень часто былъ жертвою интригъ и лживыхъ извѣтовъ своихъ клевретовъ и тайныхъ агентовъ. Для образчика, стоитъ разсказать, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, исторію полковника Копьева.

Князь Воронцовъ какимъ-то секретнымъ путемъ узналъ, что командиръ Грузинскаго гренадерскаго полка ф.-а. Копьевъ дѣлаетъ большія злоупотребленія, кормитъ солдатъ негоднымъ хлѣбомъ и жестоко съ ними обращается. Князь, подъ какимъ-то предлогомъ, послалъ состоявшаго при штабѣ подполковника Грекулова въ г. Гори, полковой штабъ, и поручилъ ему сдѣлать подъ рукой секретное дознаніе. Грекуловъ, по возвращеніи, представилъ князю образчикъ негоднаго хлѣба, взятаго имъ въ музыкантской командѣ, изъ муки, поставленной Копьевымъ, имѣвшимъ полкъ на своемъ продовольствіи. Безъ производства формальнаго слѣдствія, князь отнялъ у Копьева полкъ и предалъ его суду за злоупотребленія въ продовольствіи полка и за жестокое обращеніе съ нижними чинами. Копьева привезли въ Тифлисъ арестованнымъ и заключили, какъ государственнаго преступника, въ Метехскій за́мокъ, гдѣ онъ съ особенною строгостію содержался болѣе двухъ лѣтъ. Государь, по первому донесенію князя Воронцова, лишилъ Копьева званія флигель-адъютанта; а отецъ его, старый самодуръ, предъ смертью, проклялъ сына и лишилъ наслѣдства. Всѣ эти обвиненія въ коммиссіи военнаго суда не подтвердились. Князь представилъ дѣло Государю безъ своего мнѣнія, такъ какъ сознавалъ,

что былъ вовлеченъ въ ошибку. Кстати сказать, что виновникъ этой ошибки, Грекуловъ, получилъ полкъ отъ Копьева и остался командиромъ послѣ того, какъ его клевета вышла наружу. Однакоже нужно же было чѣмъ-нибудь кончить это дѣло: нельзя же объявить виновнымъ князя Воронцова, намѣстника и главнокомандующаго? Генералъ-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ дѣло, постановилъ приговоръ: вмѣнить Копьеву судъ и арестъ въ наказаніе за слабое обращеніе съ своими подчиненными. Приговоръ былъ высочайше утвержденъ. Въ 1850 г. я видѣлъ Копьева командиромъ Полтавскаго полка въ 3-мъ корпусѣ, но конечно не флигель-адъютантомъ. Вскорѣ послѣ того онъ оставилъ службу и умеръ только въ 1881 г. Кажется, не нужно коментарія къ этому разсказу.

Порядокъ администраціи, установившійся при личномъ вмѣшательствѣ князя Воронцова, словесными приказаніями и разрѣшеніями на мѣстѣ, могъ имѣть иногда свои выгоды, но въ большинствѣ случаевъ производилъ замѣшательство и неопредѣленность отношеній въ служебной іерархіи. Особливо штабу войскъ Кавказской линіи эти неудобства были чувствительны. Я уже сказалъ, что, со времени Траскина, военная бюрократія развилась на Кавказѣ непомѣрно. Средства штабовъ Ставропольскаго и Тифлисскаго упятерились, и общій ходъ дѣла нимало отъ того не выигралъ.

Я сказалъ выше, что, по желанію князя, Заводовскій какъ бы устранился отъ распоряженій въ лѣвой половинѣ своего края, но штабъ его не могъ сдѣлать того же. По прежнему, наблюденіе за ходомъ дѣлъ, отчеты въ огромныхъ суммахъ, расходуемыхъ на военныя потребности, наблюденіе за выполненіемъ разрѣшенныхъ предпріятій и, наконецъ, инспекторская и хозяйственная части въ войскахъ лежали на этомъ штабѣ въ глазахъ главнаго штаба арміи и Военнаго Министерства. Въ казачьихъ войскахъ, линейномъ и Черноморскомъ, военное и гражданское управленія подчинены были командующему войсками на правахъ корпуснаго командира и генералъ-губернатора. Большая власть предполагала и большую отвѣтственность по закону и по совѣсти. Какъ бы въ замѣнъ тяжелой роли въ восточной половинѣ, князь Воронцовъ предоставилъ Заводовскому полную свободу распоряженій въ западной половинѣ его края. Онъ продолжалъ именоваться наказнымъ атаманомъ Черноморскаго казачьяго войска и ѣздилъ туда довольно часто. Военныхъ дѣйствій тамъ не было, объ администраціи военной и гражданской мало свѣдѣній переходило чрезъ границу войска. Нерѣдко мнѣ приходилось натыкаться на порядки и обычаи, которые мнѣ казались незаконными, а г. Заводовскому представля-

лись полезными и естественными. Вотъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ.

Однажды я увидѣлъ на одномъ докладѣ по военно-судному дѣлу собственноручную резолюцію г. Заводовскаго: «Казака NN, за третій изъ службы побѣгъ, наказать плетьми 30-ю ударами и послать на два года безъ очереди на службу въ Абинское укрѣпленіе». Я доложилъ Заводовскому, что по закону, этотъ казакъ долженъ быть наказанъ шпицрутенами и посланъ въ арестантскія роты на срокъ. «Но, Григорій Ивановичъ, по нашимъ казацкимъ правиламъ, казаки наказываются плетьми, а не шпицрутенами, а посылка въ Абинское укрѣпленіе на два года тяжелѣе, чѣмъ арестантскія роты». Разумѣется такихъ привилегій не существуетъ; но обычай этотъ давній, и никто противъ не протестуетъ. Вообще въ казачьихъ войскахъ отъ прежнихъ временъ сохранилось много обычаевъ, которые, своеобразно опредѣляя взаимныя отношенія казаковъ въ домашнемъ быту и на службѣ, имѣли и имѣютъ вредное вліяніе на народную нравственность. Неизбѣжная и наслѣдственная зависимость простыхъ казаковъ отъ пановъ, какъ въ служебномъ, такъ и домашнемъ быту, крайне тягостна для народа, который въ нравственномъ отношеніи несравненно выше своей аристократіи, или, какъ ихъ въ Черноморіи называютъ, пановъ. Вообще замѣчено, что чѣмъ болѣе въ казачьихъ общинахъ, по чему бы то ни было, ослабляется воинская доблесть, тѣмъ болѣе въ чиновничествѣ развивается кляузничество, лихоимство и стяжаніе всѣми, даже самыми безнравственными, способами. Въ этой огульной эксплуатаціи народа и казны, панамъ на Кавказѣ дѣятельно помогаютъ Греки и Армяне, такъ какъ Жидамъ тамъ запрещено пребываніе. Въ Черноморіи всѣ отрасли эксплуатаціи были тогда въ рукахъ знаменитаго Александра Лукича П. Его отецъ, Грекъ, была маленькій чиновникъ Керченскаго магистрата. У него было 23 человѣка дѣтей отъ одного брака; изъ нихъ двое сыновей, Иванъ и Александръ, были зачислены въ Черноморское войско, по особому ходатайству великаго князя Николая Павловича, въ 1816 г. и по счастливому для П. случаю. У великаго князя была въ Керчи огромная Датская собака; однажды онъ свистнулъ собаку, а въ двѣ противоположныя двери вбѣжали собака и П., который въ этотъ день былъ дежурнымъ чиновникомъ для порученій. Конечно, это недоразумѣніе было непріятно его высочеству. Онъ сказалъ чиновнику нѣсколько ласковыхъ словъ и, узнавъ, что у него 23 человѣка дѣтей, пожелалъ видѣть все его семейство. На другой день, градоначальникъ Стемпковскій представилъ великому князю цѣлый строй П. всѣхъ возрастовъ, и на правомъ флангѣ тщедушнаго отца съ здоровенной маменькой. Почтенный пат-

ріархъ всю жизнь съ умиленіемъ разсказывалъ о такомъ счастливомъ событіи. Молодые П. служили въ войскѣ съ отличіемъ, были полковыми командирами и оставили службу,—Иванъ подполковникомъ, а Александръ войсковымъ старшиною, т.-е. майоромъ. Оба занялись рыболовствомъ на своихъ заводахъ. У Александра оказались замѣчательныя коммерческія способности и предпріимчивость, при самой эластичной совѣсти. Начавъ съ малаго, онъ быстро расширилъ кругъ своей дѣятельности. Въ 1845 г. онъ былъ виннымъ откупщикомъ въ Черноморіи, поставлялъ по контракту для войска провіантъ, оружіе и аммуничныя вещи, содержалъ во всемъ войскѣ почтовыя станціи, арендовалъ Ачуевскій и всѣ другіе войсковые рыболовные заводы и, наконецъ, получилъ, уже при князѣ Воронцовѣ, монополію мѣновыхъ дворовъ для торговли съ горцами. Всѣ эти предпріятія взяты имъ были съ торговъ въ войсковомъ правленіи, и контракты утверждены атаманомъ и командующимъ войсками Кавказской линіи. Однимъ словомъ, П. сталъ полнымъ хозяиномъ въ Черноморіи. Онъ былъ очень дѣятеленъ и умѣлъ пріобрѣсти вездѣ сообщниковъ и заступниковъ. Всѣ власти въ войскѣ были у него на жалованьи, по положенію, и дѣлали все, что̀ ему угодно. Г. Заводовскій сказалъ ему однажды: «Братику П., полковымъ командиромъ ты былъ отличнымъ, а вотъ за коммерческія твои дѣла тре́ба бъ тебя повѣсить». Но этой опасности ему не предстояло. Какъ послѣ оказалось, всѣ свои торговыя предпріятія онъ велъ на капиталы самаго **, которому доставалась немалая часть прибыли. Какъ выше сказано, я этого не подозрѣвалъ и наивно приписывалъ мѣстному патріотизму его старанія лично распоряжаться въ Черноморіи и ревниво устранять всякое постороннее вмѣшательство. Понятно, что въ Черноморіи не могло быть протестовъ противъ его дѣйствій. Казаки говорили, что П. даетъ фирманы войсковому правленію, а когда онъ умеръ, спрашивали: «кто жъ теперь буде П.»?

Но труднѣе объяснить его отношенія къ Тифлисскимъ властямъ.

Однажды я получилъ строгое предписаніе князя Воронцова Заводовскому относительно П. По контракту, онъ, какъ содержатель Ачуевскаго и другихъ войсковыхъ рыболовныхъ заводовъ, имѣлъ право требовать изъ войсковыхъ соляныхъ рыболовныхъ складовъ до 30 т. пуд. соли тамъ, гдѣ ему будетъ нужно, и по цѣнѣ обошедшейся войску, т.-е. около 6 коп. за пудъ, безъ акцизу. Князь Воронцовъ, принимая въ соображеніе, что урожай соли на войсковыхъ соляныхъ озерахъ бываетъ иногда скудный и что, потребовавъ 30 т. пуд. разомъ изъ какого-нибудь склада, П. можетъ сдѣлать недостатокъ соли для народнаго продовольствія и потомъ продавать жителямъ соль по

произвольной цѣнѣ, строго предписывалъ требовать, чтобъ онъ, П., зимою представлялъ войсковому правленію вѣдомость, сколько и изъ какого склада ему нужно будетъ лѣтомъ соли изъ общей сложности 30 т. пуд., а войсковое правленіе должно ассигновать къ отпуску только то количество, которое не оскудитъ склада для удовлетворенія народнаго довольствія. Бумага написана была въ выраженіяхъ довольно рѣзкихъ, но незаконно и непрактично. Права содержателя рыболовныхъ промысловъ опредѣлены законнымъ контрактомъ, уже нѣсколько лѣтъ дѣйствовавшимъ; а количество соли, потребное въ каждомъ рыболовномъ заводѣ, опредѣлить заранѣе нельзя, потому что уловъ рыбы ежегодно колеблется въ количествѣ и по разнымъ мѣстамъ, и потому самая потребность соли для каждаго промысла изъ ближайшаго склада можетъ быть опредѣлена во время самаго улова или послѣ него. Я тотчасъ же доложилъ эту бумагу г. Заводовскому, который сказалъ: «О, поздравляю Александра Лукича съ праздникомъ! Но, что же дѣлать? Сообщите войсковому правленію копію для точнаго исполненія». Когда я возвратился отъ Заводовскаго, я нашелъ у себя П. Онъ уже зналъ содержаніе бумаги, хотя Екатеринодаръ отъ Тифлиса далѣе Ставрополя на 260 верстъ. Телеграфовъ тогда еще не было. Значитъ, благопріятели извѣстили его изъ Тифлиса, задержавъ предписаніе князя. П. просилъ меня отложить на нѣсколько дней исполненіе этой бумаги, до его возвращенія изъ укр. Воздвиженскаго, гдѣ въ это время князь находился. Я ему отказалъ, потому что получилъ приказаніе командующаго войсками тотчасъ исполнить. П. отправился къ Заводовскому и принесъ мнѣ отъ него собственноручную его записку, чтобы повременить исполненіемъ до десяти дней. Но столько времени и не было нужно: чрезъ недѣлю П. привезъ изъ Воздвиженскаго новое предписаніе князя Воронцова, гдѣ, *на основаніи личныхъ объясненій съ П.*, отмѣнялось прежнее распоряженіе и предписывалось Заводовскому поставить въ обязанность войсковому правленію отпускать откупщику рыболовныхъ промысловъ по его требованію и изъ указаннаго имъ склада до 30-ти тысячъ *и болѣе* пудовъ соли. О народномъ довольствіи не упоминалось. Если можно удивляться измѣненію распоряженія «на основаніи личнаго доклада откупщика» безъ всякаго удостовѣренія ближайшаго начальства, то прибавка слова «и болѣе» совершенно непонятна. На этомъ основаніи П. могъ забрать всю войсковую соль по 6 коп. и продавать жителямъ и другимъ рыболовамъ *по рублю за пудъ*. Надобно думать, что недешево ему обошлось это слово «и болѣе», котораго конечно нѣтъ въ контрактѣ. Разумѣется, было бы совершенно нелѣпо предполагать какія-нибудь корыстныя побужденія самого князя Воронцова;

но этотъ и многіе другіе случаи показываютъ, что между окружающими князя были лица не заслуживавшія его довѣренности. Народная молва приписывала такія темныя дѣла доктору Андріевскому, всегда находившемуся при князѣ и имѣвшему на него вредное вліяніе.

Изъ этихъ немногихъ разсказанныхъ здѣсь для образца случаевъ можно видѣть, въ какой несимпатичной средѣ приходилось мнѣ жить и служить. Я былъ молодъ, ретивъ и серьезно смотрѣлъ на свои служебныя обязанности. Заводовскій могъ мириться съ ролью ничтожества, которую возложили на него князь Воронцовъ и система управленія, имъ введенная; но меня возмущала очевидность, что, при этой системѣ, ни командующій войсками, ни его штабъ не могутъ имѣть никакой инціативы, къ которой я привыкъ на Береговой Линіи. Благоразуміе требовало ограничиться текущей администраціей и, если нельзя было сдѣлать много пользы, то по крайней мѣрѣ стараться помѣшать злу. Я работалъ много, но работа меня не утомляла, тѣмъ болѣе, что въ своихъ штабныхъ сотрудникахъ я находилъ полное участіе и содѣйствіе. Оберъ-квартирмистромъ генеральнаго штаба былъ полковникъ Павелъ Николаевичъ Броневскій, съ которымъ я скоро подружился. Онъ былъ изъ фамиліи, въ которой замѣчательные люди нерѣдки. Это былъ человѣкъ образованный, способный, характера твердаго до упрямства и рыцарски преданный Государю и монархическому началу въ Россіи. Въ послѣдствіи времени онъ былъ генералъ-маіоромъ, командовалъ особою колонною при штурмѣ Карса въ 1855 г., былъ раненъ и выдержалъ, безъ хлороформа, вылущеніе руки изъ плечеваго сустава. Въ продолженіи этой страшной операціи онъ курилъ трубку и упрашивалъ доктора не торопиться. Послѣ войны онъ былъ директоромъ Воронежскаго кадетскаго корпуса. Тамъ его не любили за большую строгость. Вѣроятно, рана имѣла вліяніе на его характеръ. Оставивъ службу, онъ женился, имѣлъ трехъ дѣтей и жилъ въ своемъ имѣніи, въ Тульской губерніи. Къ сожалѣнію, я потерялъ его изъ виду.

Дежурнымъ штабъ-офицеромъ былъ полковникъ Кусаковъ, мой старый знакомый. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ вѣрнымъ помощникомъ начальника штаба, былъ очень трудолюбивъ, несмотря на свою колоссальную толщину, очень опытенъ и зналъ основательно всѣ законы и постановленія. Его однакоже многіе не любили за его строгость въ преслѣдованіи всякихъ безпорядковъ и злоупотребленій. Вскорѣ онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, и на свое мѣсто рекомендовалъ мнѣ старшаго адъютанта своего дежурства, маіора Мошинскаго. О послѣднемъ я ничего не могу сказать, кромѣ хорошаго. Онъ оставался во все мое время въ этой должности, и я отъ души

жалѣю, что семейныя дѣла заставили его, уже послѣ меня, перейти въ провіантское вѣдомство. Послѣ Севастопольской войны онъ былъ преданъ суду за злоупотребленія и разжалованъ въ рядовые. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна. Между офицерами генеральнаго штаба и другими штабными было мало молодыхъ людей порядочныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, но никто особенно не выдавался.

Моя мать и сестры оставались въ Керчи. Когда я поѣхалъ навѣстить ихъ, моя сестра Елисавета была только что помолвлена за подполковника Льва Львовича Хромова. Это былъ молодой человѣкъ менѣе 30 лѣтъ, начавшій службу въ гвардіи, а въ то время командовавшій Черноморскимъ линейнымъ № 13 баталіономъ, стоявшимъ въ Анапѣ. Это былъ интересный для меня этюдъ. Онъ былъ отличный и храбрый офицеръ, очень хорошій начальникъ, но строгій до жестокости. Мнѣ кажется, его имя Льва, сына Льва, было не безъ вліянія на образованіе его характера. Онъ былъ малаго роста, но сильный и мускулистый; сросшіяся брови придавали его лицу выразительность. Основой его характера были тщеславіе и чрезмѣрное самолюбіе. Онъ не сомнѣвался, что онъ дѣйствительно левъ и сынъ льва. Я зналъ другой примѣръ вліянія имени на характеръ. Въ послѣдствіи я встрѣтилъ и коротко изучилъ генерала Рудановскаго, Леонида Платоновича. Кто-то сказалъ, что онъ храбрый сынъ мудраго, и это много имѣло вліянія на всю его жизнь. Жестокость Хромова, какъ и Рудановскаго, происходила отъ ихъ болѣзни, которая медленно развивалась: это былъ ракъ въ желудкѣ.

Осенью 1845 г., мать съ остальной сестрой, Любовью, переѣхала ко мнѣ въ Ставрополь, и мы широко устроились на квартирѣ, въ домѣ Масловскаго, гдѣ квартировалъ мой предмѣстникъ.

Волей-неволей я долженъ былъ познакомиться съ Ставропольскимъ обществомъ. Это были исключительно люди служащіе. Ставрополь искусственный городъ, такъ какъ и прежде его областнымъ городомъ былъ Георгіевскъ, а еще прежде Екатериноградъ. Постоянныхъ туземныхъ жителей тамъ не было, если не считать купечества, да и то было пришлое.

Начну обзоръ властей предержащихъ съ архіерея Іереміи, о которомъ я уже имѣлъ случай сказать нѣсколько словъ. Это былъ собиратель епархіи, строгой жизни монахъ, но желчный и болѣзненно самолюбивый; большое неудобство въ нашей церкви—это назначеніе епископами. Большею частію, лицъ, проходившихъ карьеру службы отъ профессора семинаріи или духовной академіи, инспектора или ректора. Они дѣйствительно бываютъ людьми учеными, въ ихъ смыслѣ этого слова, но не знаютъ ни мірской, ни монастырской жизни. Воз-

мутительное раболѣпство и безправіе духовенства и титулованіе владыкою, развиваютъ у архіереевъ гордость и тщеславіе, которыя особенно усиливаются отъ введеннаго императоромъ Павломъ жалованья духовенства чернаго и бѣлаго орденами. Очень, очень желательно внесть живую струю въ нашу церковь, заразившуюся тлетворнымъ духомъ чиновничества. Очень, очень желательно возвратиться къ духу древней православной церкви, гдѣ въ санъ епископа выбирали граждане не ученаго монаха, а достойнѣйшаго, часто даже и изъ міряиъ. Преосвященный Іеремія былъ со мною очень ласковъ, пока между нами не пробѣжала черная кошка. Онъ желчно изъявилъ неудовольствіе, что въ оффиціальныхъ бумагахъ я писалъ ему преосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь, а оканчивалъ порученіемъ себя его святымъ молитвамъ. Это показалось ему неуважительнымъ. Виновнымъ себя не признаю, но отъ души жалѣю, что это испортило мои отношенія къ такому достойному архипастырю.

Гражданскимъ губернаторомъ былъ г.-м. М. М. Ольшевскій, мой старый знакомый. Это былъ способный и грамотный человѣкъ, усердный и хорошій администраторъ, несмотря на свою толстоту и болѣзненность. Вокругъ него была толпа родственниковъ и кліентовъ, о которыхъ онъ очень заботился. При проѣздѣ князя Воронцова, онъ произвелъ, казалось, очень хорошее впечатлѣніе на новаго намѣстника. Въ его угодливости начальству и всѣмъ нужнымъ людямъ и въ рѣзкомъ тонѣ со всѣми остальными, проглядывалъ маленькій шляхтичъ Могилевской губерніи. Въ мое время онъ недолго оставался губернаторомъ. Заводовскому князь поручилъ передать Ольшевскому, чтобы онъ просилъ объ увольненіи его отъ своей должности, если не хочетъ быть уволеннымъ безъ прошенія. Когда я, въ разговорѣ съ Заводовскимъ, показалъ удивленіе такому деспотизму, онъ сказалъ, что князь «иміе хвакты». Возможно, что онъ самъ и представилъ эти «хвакты»; но все-таки дѣло, можетъ быть и справедливое, было сдѣлано темными, хамскими путями. Ольшевскій былъ назначенъ Бендерскимъ комендантомъ и умеръ въ чинѣ г.-лейтенанта.

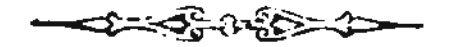
Управляющимъ Казенною Палатою (и слѣдовательно, по тогдашнему и вице-губернаторомъ) былъ д. с. с. Б—въ. Это былъ второй Пав. Ив. Чичиковъ, или по крайней мѣрѣ его братъ; кстати же и имя его было Яковъ Ивановичъ. Онъ былъ не старъ и не молодъ, не толстъ, но и не тонокъ, держалъ себя и говорилъ совершенно прилично. Въ его прошедшемъ была исторія Смоленскаго шоссе, причемъ д. с. с. (губернаторъ) Хмѣльницкій пропалъ, а статскій совѣтникъ Б. уцѣлѣлъ. Онъ былъ Смоленскій помѣщикъ; супруга его лицо безцвѣтное, а двѣ дочери, дѣвицы хорошо образованныя и миловидныя, но

обѣ горбатыя, а старшая еще и карлица. Я былъ въ ихъ домѣ persona grata, какъ возможный женихъ, въ чемъ однакоже скоро пришлось разочароваться. Они жили очень прилично, и въ ихъ гостепріимствѣ были претензіи на роскошь. Въ служебномъ мірѣ всѣ были довольны Б—мъ, но своихъ темныхъ выгодъ онъ не упускалъ. Младшая дочь ихъ бѣжала съ подполковникомъ Порожнею, Черноморцемъ, находившимся при г. Заводовскомъ, а старшая съ какимъ-то студентомъ. Папенька очень не щедро давалъ имъ; а когда умеръ, не оказалось въ домѣ ничего на похороны. Казакъ однакоже не унывалъ, и ночью распоролъ подушку, на которой лежала голова покойника и вынулъ оттуда 160 тыс. рубл. кредитными билетами. Какъ видно, пріобрѣтатель не хотѣлъ растаться съ ними и на одрѣ смертномъ!

Управляющій Палатою Государственныхъ Имуществъ былъ д. с. с. Л., человѣкъ способный и умный.... Онъ былъ учителемъ въ одной провинціальной гимназіи и вышелъ на широкій путь служебныхъ почестей женитьбой на отставной возлюбленной какой-то важной особы. Въ его управленіи было много темныхъ дѣлъ, но онъ очень ловко умѣлъ войти въ милость князя Воронцова, который ставилъ ему въ большую заслугу то, что онъ взялъ на себя поставку части провіанта для Кавказскихъ войскъ изъ туземнаго хлѣба. Понятно, что не такъ смотрѣли на это государственные крестьяне, которые принуждены были поставлять этотъ хлѣбъ по цѣнамъ, какія угодно было назначить ихъ управляющему. Все это, по истари-заведенному обычаю, дѣлалось *добровольно, наступя на горло.*

Губернскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ былъ полковникъ Юрьевъ, человѣкъ честный, смотрѣвшій на свои обязанности какъ на какое-то священнодѣйствіе. Онъ былъ безъ усовъ и бороды, и не отличался особенною бойкостію ума. Женатъ былъ на дочери Реброва, бывшаго правителя гражданской канцеляріи при г. Ермоловѣ и, съ перемѣной начальства, удалившагося отъ дѣлъ въ свое благопріобрѣтенное имѣніе въ Кавказской области. Какъ человѣкъ слабаго характера и какъ Кавказскій помѣщикъ, Юрьевъ, самъ того не замѣчая, былъ орудіемъ практическихъ запѣвалъ гражданскаго вѣдомства. Супруга его, съ вѣчно подвязанными щеками, была особа нравственная, но скучная и безцвѣтная и извѣстна была у молодежи какъ la chaste épouse du vertueux gendarme....

На этихъ словахъ обрывается разсказъ о Ставропольскихъ чинахъ.



Ѳ. В. ЧИЖОВЪ КЪ ХУДОЖНИКУ А. А. ИВАНОВУ.

Эти письма извлечены изъ бумагъ А. А. Иванова, хранящихся въ Румянцовскомъ Музеѣ, куда они переданы братомъ великаго художника. Біографическія свѣдѣнія о Ѳ. В. Чижовѣ находятся въ „показаніи", которое онъ написалъ о себѣ по требованію бывшаго „Третьяго Отдѣленія" и которое появилось во 2-й книгѣ Историческаго Вѣстника 1883 года. Его характеристика съ оцѣнкою его общественной дѣятельности, написанная И. С. Аксаковымъ, помѣщена въ Русскомъ Архивѣ 1878, I, 129. Къ Чижову могутъ быть отнесены старинные стихи:

Ты, коего душа есть пламень,
А умъ—холодный эгоистъ;
Подъ бурей рока твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти легкій листъ.

Со временемъ біографія его будетъ высоко-занимательною и поучительною книгою. Свои дневники, бумаги и переписку завѣщалъ онъ Румянцовскому Музею съ тѣмъ, чтобы они были вскрыты черезъ сорокъ лѣтъ по его кончинѣ, т. е. въ 1917 г. П. Б.

1.

Дюссельдорфъ (1842).

27 Іюля. Сію минуту я отъ Жуковскаго. Письмо ваше онъ получилъ и говоритъ: «Вѣдь эти господа чудаки; пишетъ, разумѣется проситъ отвѣчать, а адреса не посылаетъ; ну я и отвѣчалъ чрезъ посольство». Долго я у него оставался и скажу вамъ вотъ что: сдѣлать все будетъ моею задачею. Какъ я предполагалъ, Ж. человѣкъ, у котораго надобно быть надъ ухомъ. Во первыхъ, у него есть убѣжденіе, но не твердое (какъ мнѣ кажется и бо́льшая часть его убѣжденій), что вы собственно должны идти по дорогѣ *жанра*. Согласитесь, что я не могъ ничего сказать противъ. Я говорю только: «я ничего не видалъ у него въ этомъ родѣ; но если онъ въ genre выше, нежели въ исторической живописи, то это должно быть что нибудь необычайное». Онъ говоритъ: «Отчего?»—«Оттого, что въ достоинствѣ его картины теперешней нѣтъ мнѣній, нѣтъ разногласія: всѣ безъ различія націй и школъ ее превозносятъ. Я не могу вамъ представить моего сужденія; оно ничтожно, но общій голосъ что нибудь да значитъ». Онъ говоритъ: «Да, я знаю, что у него большой талантъ».

Извините меня, что я вхожу въ эти подробности; я вамъ передамъ потомъ весь ходъ. Еще говорю: задача моя—сдѣлать все. Завтра мы съ нимъ увидимся на выставкѣ, потомъ я пойду къ нему смотрѣть у него рисунки и не пропущу случая, чтобы не расшевелить его. Смотря по обстоятельствамъ, рѣшительное требованіе (если оно вы-

зовется возможностію и случаемъ) объявлю тогда, когда сближусь. Во всемъ этомъ вы лицо постороннее; я говорю, что съ вами познакомился и мало имѣлъ случая быть вмѣстѣ, потому что васъ докторъ отправилъ во Флоренцію. Однимъ словомъ, никакъ не опасайтесь: если мнѣ ничего не удастся сдѣлать, я никакъ уже ничего не испорчу. Продолженіе завтра. Еще одно: говорилъ онъ мнѣ такія истины, противъ которыхъ немного скажешь. Напримѣръ: «Да куда они пишутъ такія картины? Вѣдь и поставить некуда». Противъ этого я говорю: «Видите ли, предметъ картины Иванова таковъ, что онъ не могъ допустить меньшихъ размѣровъ». Онъ: «Знаете ли, еслибъ онъ писалъ меньше, сколько было бы уже теперь написано!» Чтó скажете противъ этого? И при томъ самъ говоритъ, что въ твореніяхъ художника высказывается его собственный міръ.

4 Августа. Не сердитесь на меня, ради Бога, и не думайте, что неисполненіе моего обѣщанія произошло отъ меня: я захворалъ, дьявольскіе дожди и сырость растравили боль въ ногахъ, и я пропалъ. Сегодня я обѣдалъ у Жуковскаго. Прежде всего одно: слушайте не сердясь; знайте, что вамъ говоритъ человѣкъ, уважающій васъ не на словахъ, а душою, всею душою преданный вамъ.

Сегодня я смотрѣлъ рисунки Жуковскаго; онъ не виноватъ въ своемъ заключеніи. У него рисунокъ вашей картины. Будь онъ у меня, я сказалъ бы тоже; тутъ нѣтъ и тѣни того произведенія, которое заставило меня благоговѣть предъ собою. Вопервыхъ, произведеніе фантазіи, безъ строгости. Но чтó мнѣ вамъ говорить: вашъ собственный судъ выше этого; для меня онъ былъ отрадою. Тутъ я еще сталъ бы больше уважать васъ, еслибы это было возможно. Подлѣ него игривая, легкая вещица, со всею прелестію—лавка Италіянскаго ювелира. Мы говорили съ женою Жуковскаго. Я, какъ умѣлъ, говорилъ о томъ чтó, отдѣльно отъ васъ, пріобрѣло мое уваженіе въ вашемъ твореніи. Онъ ни полслова. Вообще я не знаю его рѣшенія, но мы съ нимъ сошлись, и этого пока довольно. Посудите, подумайте и если не найдете сильныхъ препятствій не въ нападкахъ собственнаго оскорбленнаго достоинства (искусство выше этого), а въ разсчетѣ, то сдѣлайте такъ: напишите В. А. Жуковскому, что, получивъ письмо отъ г. Чижова и видя какъ В. А. принималъ полное участіе въ вашей работѣ, вы были въ восторгѣ отъ того, что ваше произведеніе нашло пріютъ въ сердцѣ человѣка, котораго вниманіемъ всякій имѣетъ право гордиться. Вы на него употребили большую часть того времени, котораго оно требовало, теперь окончаніе совершенно зависитъ отъ помощи Наслѣдника; безъ нея вы можете только то и то. Чижовъ вамъ писалъ, что В. А. отвѣчалъ вамъ; но, не получивъ его

письма, а слѣдовательно не зная рѣшенія, вы смѣете еще разъ безпокоить его вашею просьбою объ увѣдомленіи васъ, можете вы выждать чего-либо; отъ этого безусловно зависитъ ваша работа. Адресъ вашъ тамъ-то (къ нему адресъ: à son excellence monsieur de Joukowsky, conseiller privé et chambellan de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies *) à Düsseldorff.).

Простите меня, можете со мною дѣлать что́ вамъ угодно. Еслибы мой совѣтъ былъ диктованъ чѣмъ либо инымъ, кромѣ чистаго желанія знать, что вашъ трудъ пойдетъ и будетъ обезпеченъ, кромѣ истинной любви къ искусству, не смѣлъ бы и намекнуть объ немъ. В. А. объ васъ относится чрезвычайно хорошо, но не говоритъ ничего, рѣшается ли онъ что нибудь сдѣлать или нѣтъ. Можетъ быть, послѣ и скажетъ; я непремѣнно воспользуюсь первою минутою спросить его. Три или четыре дня пропустятся. Я буду въ Кельнѣ и Ахенѣ. Мы видѣлись съ Ж. думаю почти каждый день и будемъ имѣть время потолковать.

2.

9 Сентября, Дюссельдорфъ (1842).

Сегодня весь вечеръ пробылъ я у Жуковскаго. Говорили о всемъ; наконецъ, передъ уходомъ, я говорю, что́ велитъ онъ сказать вамъ. Онъ мнѣ разсказалъ то, что́ вы знаете. Я говорю: «Василій Андреевичъ, безъ всякаго права я буду говорить вамъ-то, чего удержать не могу. Для меня дѣло не объ Ивановѣ; онъ можетъ быть гонимъ судьбою, я не смѣю требовать, чтобы всѣ брали въ этомъ участіе; но дѣло объ искусствѣ». И тутъ я показалъ ему, что́ должна сдѣлать ваша картина, доказалъ, что другая величина ея не могла быть ни по предмету (это въ отношеніи къ искусству), ни по вліянію въ отношеніи къ ходу искусства въ Россіи. Я говорю: «Въ Эрмитажѣ есть его Магдалина; но говорили ли объ ней?» Наконецъ, я достигъ до того, что Жуковскій принялъ самое живое участіе. Онъ говоритъ: «Заочно я не могу сдѣлать; тѣмъ болѣе, на что я сошлюсь? Но вотъ путь: напишите вы (то-есть я, Чижовъ) ко мнѣ объ этой картинѣ, покажите все и важность ея, и трудность исполненія, и что́ будетъ слѣдствіемъ ея неокончанія. Я могу это письмо послать Наслѣднику».

Александръ Андреевичъ, какъ передать вамъ, что́ я чувствовалъ! Я бѣжалъ домой, я скакалъ, плясалъ по улицѣ. Будетъ или нѣтъ что-нибудь, но есть лучъ, хотя слабый лучъ надежды. И Богу угодно,

*) Тутъ Чижовъ ошибся: Жуковскій не былъ камергеромъ. П. Б.

чтобы этому лучу направиться съ моею помощію; за это я благодарю Бога болѣе, нежели за что-нибудь. Если это удастся для меня, это будетъ великою, величайшею милостію Творца; я васъ буду благодарить.

Вчера у меня было въ головѣ другое письмо, ваши строки меня перевернули. Александръ Андреевичъ, думалъ я, взгляните на Того, святой образъ Кого вы намъ передаете. Кто въ мірѣ былъ выше, святѣе этого человѣка! И Онъ долженъ былъ страданіями, мученіями и тѣла, и духа купить исполненіе своего назначенія,—муки, страданія всякаго рода: вотъ удѣлъ всякаго несущаго людямъ божественныя истины. Не смѣю, не имѣю права говорить вамъ это; но я Русскій; мнѣ ваша картина не только ваше произведеніе, мнѣ въ ней видна будущность цѣлой школы. Вчера была одна изъ немногихъ минутъ, когда я пороптал на мою бѣдность. Получай я пять тысячъ въ годъ, я бы раздѣлилъ ихъ съ вами, принудилъ бы васъ силою взять у меня и еслибы не взяли, это была бы демонская надменность. Служеніе истинное должно быть очищено отъ всякой гордости. Вы ей служите въ вашей картинѣ. Прочь въ этомъ отношеніи все внѣ святая святыхъ; изъ кущи гласъ: разуйте ноги, мѣсто къ которому подходите свято. Не знаю что́ пишу, но вы виноваты; ваша дружба позволяетъ мнѣ говорить, что́ я чувствую; если что-нибудь вамъ не понравится, скажите мнѣ, разругайте меня; оскорбить васъ ищетъ только форма; сущность вся полна глубокаго къ вамъ уваженія.

3.

Венеція, 25 Іюня 1843.

Хотя вы сами, Александръ Андреевичъ, вовсе не въ такомъ положеніи, чтобы повѣрять вамъ еще постороннія невзгоды; но бываютъ минуты, когда надобно попросить помощи, и эта минута именно для меня въ настоящее мгновеніе. Бьюсь какъ рыба объ ледъ, а изъ этого ничего путнаго не выходитъ: чѣмъ больше я знакомлюсь съ Венеціей и вообще съ Италіею, тѣмъ яснѣе для меня дерзость задуманнаго мною плана изобразить Венецію въ картинахъ. Чувствую я и вполнѣ понимаю, что я въ литературѣ тоже что́ Менгсъ въ искусствѣ, но только съ меньшею относительною ученостію. Что́ я ни читаю, вездѣ понимаю и понимаю отчетливо и красоты, и недостатки, понимаю все чего требуетъ хорошо написанная картина, въ какой бы формѣ литературной она ни высказалась; а между тѣмъ въ эту минуту чувствую и недостатокъ силъ. Не знаю, передавалъ ли я вамъ отчетливо планъ моей Венеціи. Я думаю до X столѣтія бѣгло пробѣжать ея исторію,

потомъ для каждаго дать одинъ (или по требованію времени и не одинъ) разсказъ, въ которомъ изобразилась бы внѣшняя и внутренняя жизнь республики. Чтобъ сужденія о ней не были ложны по сравненію съ пошлымъ настоящимъ временемъ, въ каждомъ вѣкѣ я хочу дать по эпизоду, заключающему разсказъ изъ какого-нибудь Италіанскаго государства—Милана, Генуи, Флоренціи, Неаполя и пр. и пр. Какъ ни много потребуется на ихъ изученіе, это меня не останавливаетъ, все это дѣло труда; но когда вздумаю объ исполненіи, отпадаетъ вся охота. Каждый изъ разсказовъ полная историческая картина. Этого съ васъ довольно, чтобы понять мое безпокойство и то, что при мысли объ исполненіи я теряю всю бодрость духа. Но прибавьте къ этому еще одно: каждая картина, кромѣ собственной своей цѣлости, должна составить часть общаго; каждый разсказъ, кромѣ своей собственной полноты, долженъ входить частію для обрисовки одной общей картины Венеціи. Въ каждомъ современчость должна высказаться такъ, чтобы не только было видно время и страна, но и жизнь ея, именно то состояніе, на какомъ жизнь Венеціи находилась въ ту минуту. Еслибъ я не понималъ всей важности и всей огромности, я былъ бы счастливъ. Разумѣется, я написалъ бы не лучше, такъ же плохо какъ и теперь; но дѣло въ томъ, что работая я не былъ бы потаеннымъ свидѣтелемъ ничтожности моей работы.

Я знаю ваше доброе и, кромѣ добраго, Русское сердце; простите, что я тревожу его, тогда какъ оно и безъ того многимъ встревожено; но еще разъ скажу тоже, съ чего началъ: бываютъ минуты, когда нужно выйти изъ заключенія и подышать свободнымъ воздухомъ. Чувство немощи ужасно душно.

4.

Венеція, 11 Іюля 1843.

Гоголь сдѣлалъ очень хорошо, что написалъ вамъ дружескій выговоръ; но, мой добрѣйшій Александръ Андреевичъ, никакіе выговоры васъ не исправятъ; не сердитесь на меня за это. Возросши и сформировавшись въ тишинѣ вашей мастерской, вы каждое происшествіе, хотя на шагъ отступающее отъ обычнаго хода вещей, считаете уже потрясеніемъ. Письмо Шаповаленки встревожило меня въ первую минуту не самымъ дѣломъ, а тѣмъ, какъ вы его примите. Доро́га жизни велика; простите меня, что я говорю въ видѣ совѣта, доро́га жизни длинна: пора привыкать встрѣчать и неудачи. Въ вашемъ дѣлѣ я пока ничего не вижу худаго, то-есть особенно сквернаго. Вы по-

шлите бумагу; этимъ все должно кончиться. А вамъ нѣтъ возможности жить безъ заботъ: не было печали, такъ черти накачали; не сердитесь—такая Русская пословица. Съ чего вы вздумали, что мы, или я лично, вамъ припишу безразсудность рекомендаціи Серебрякова. Стоитъ познакомиться съ нимъ, чтобы полюбить его всею душею и вмѣстѣ чтобы принять самое живое участіе въ его быту внутреннемъ, которому судьба не судила идти путемъ прямымъ, стойкимъ и гармоническимъ. Ваша дружба, а всего болѣе ваше сердце, пусть поддержатъ его въ продолженіи лѣта; правда, что это вамъ трудно, но еще было бы труднѣе отбросить его отъ себя: такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется. Къ зимѣ я прибуду къ вамъ и, можетъ быть, общими силами, *съ собственнымъ его совѣтомъ*, мы немного разбудимъ его усыпленіе. Знаете ли, на его мѣстѣ я уѣхалъ бы въ уединенное мѣсто, безъ полотна, безъ красокъ, много, много съ портфелью, библіею и честнымъ и благороднымъ словомъ самому себѣ: остаться тамъ извѣстное время, ведя самую трезвую и здоровую жизнь. Повѣрьте, что это нужно для его здоровья. Попросите его именемъ пріязни, это именно нужно въ физическомъ отношеніи, а за нимъ настроится и нравственное. Чтобы намъ съ нимъ подѣлиться? Мнѣ отъ него взять смѣлости исполненія, а ему передать бы этой глупой моей страсти вытаскивать изъ архива каждую мельчайшую подробность, и для чего? Для того, чтобъ чѣмъ болѣе вытаскивать, тѣмъ болѣе удостовѣряться въ трудности начинанія и не начинать ничего. Хорошо вы сдѣлаете, если не поѣдите въ Миланъ: зелень деревьевъ, лишь бы не очень въ сыромъ мѣстѣ, лучше для вашихъ слабыхъ глазъ, чѣмъ внимательное присматриваніе къ фрескѣ.

Не знаю что́ отвѣчать вамъ на голую фигуру Шаповаленки. Я бы думалъ такъ: предъ начатіемъ представить ему всю трудность, дать ему подумать и потомъ *въ тайнѣ* приняться за работу. Главное тутъ—ваша забота, то-есть вамъ надобно сообразить, можете ли вы столько ему отдать вашего времени, сколько потребуетъ смотрѣніе за такимъ труднымъ исполненіемъ. О средствахъ заботиться нечего; полторы тысячи вы имѣете въ рукахъ, за остальное я ручаюсь вамъ. Что̀ будетъ нужно мы получимъ изъ банка, существующаго для насъ подъ именемъ добраго и благороднаго сердца Г—на. Не думайте, чтобъ тутъ что нибудь на васъ обрушилось. Оба мы пока имѣемъ столько, чтобы судить о возможности предпріятія; я думаю, что если силъ Шаповаленки и не вполнѣ достанетъ, то этотъ трудъ двинетъ его очень далеко. Силъ дать никто не въ состояніи: что́ Богъ далъ, то и останется; но развить ихъ и укрѣпить—вотъ дѣло человѣческое.

Будетъ объ дѣлѣ! Какъ бы я хотѣлъ теперь обнять васъ, мой добрый Александръ Андреевичъ. Не смотря на занятія мои, все грустно и грустно. Впрочемъ и то дѣло! Зачѣмъ еще прибавлять хоть на волосъ къ вашему невеселью? Часто думаю я о зимнихъ сходкахъ, *если они состоятся.* Мы всѣ въ рукахъ судьбы, а я? Судьба повелѣваетъ мною въ образѣ женщины.....

5.

Ліонъ, 19 Мая 1844.

Вотъ уже совершенно неожиданно пишу вамъ изъ Ліона, гдѣ также неожиданно остаюсь третій день. Я думалъ пробыть здѣсь дня полтора и вчера готовъ былъ выѣхать, вовсе не имѣя охоты заходить въ картинную галлерею, надъ воротами которой надписано: *Hôtel des arts et de commerce;* но меня затащилъ одинъ Ліонскій знакомый и что же? я нашелъ двѣ вещи, которыя заставили остаться еще на день. Одна—рисунокъ Пуссеня «Крещеніе Спасителя». Вы не можете представить, какъ онъ перенесъ меня къ вашей картинѣ. Мои спутники не дали мнѣ хорошенько въ него вглядѣться, да къ тому же начинало темнѣть. Вторая — «Воскресеніе Христа» Перуджино. Это такая вещь, какихъ я немного видалъ въ Италіи; нижняя часть особенно, гдѣ стоятъ Божія Матерь и Апостолы, удивительна, удивительна. Вамъ не покажется странно, что Ліонъ владѣетъ такимъ сокровищемъ, когда услышите, что эту картину подарилъ городу Пій VII въ благодарность за превосходный пріемъ, какой ему здѣсь оказали. Есть еще кое-что любопытнаго; но эти двѣ вещи, особенно послѣдняя, были такимъ неожиданнымъ подаркомъ, что право у меня слезы навернулись отъ восторга.

Еще два дня, и я въ Парижѣ, то-есть я во Франціи; потому что все что̀ я ни проѣхалъ было только заднимъ дворомъ и переднею Парижа. Передать невозможно того чувства, какое испытываешь при путешествіи по Франціи; если не заставитъ необходимость, ни за что въ мірѣ не буду въ этихъ краяхъ въ другой разъ. Всѣ удобства жизни развиты, но о жизни нѣтъ и помину. Живутъ только въ Парижѣ; на Югѣ работаютъ, торгуютъ и занимаются промышленностію. Отъ этого во всемъ путешествіи я не встрѣтилъ ни одного сколько нибудь человѣчески-образованнаго человѣка: все, и разговоры, и думы, все торговля и промышленность, далѣе ея ни шагу. Сами эти господа при первомъ вопросѣ внѣ этихъ двухъ точекъ, сами говорятъ: о, поѣзжайте въ Парижъ, тамъ сосредоточено образованіе всего міра.

Для древностей я заѣзжалъ въ Арль, гдѣ остатки древняго театра, амфитеатръ, мавзолей, но еще больше и лучше въ Нимѣ, хорошо сохраненный амфитеатръ и превосходный храмъ — maison carrée. Въ Авиньонѣ во дворцѣ папъ—казарма: кажется, этого довольно. Въ той капеллѣ, гдѣ были фрески Джіотто, теперь сдѣланы два этажа казарменныхъ комнатъ; а гдѣ есть еще уголочекъ свода росписаннаго Джіоттомъ, онъ отдѣленъ рѣшеткою, но подлѣ рѣшетки и во всей остальной части комнаты стоятъ солдатскія кровати. Можете себѣ представить, какъ пріятно видѣть Джіотто, когда вы окружены казарменною атмосферою и когда подлѣ васъ одинъ надѣваетъ штаны, другой отпускаетъ солдатскія остроты, и между тѣмъ въ сосѣдней комнатѣ неумолкаемый барабанъ и солдатское ученье. Въ церкви есть остатки фрескъ, но они такъ испорчены, что ничего не видно, только еще кое-какъ сохранились надъ входомъ въ церковь. Я ухватилъ священника, началъ его распрашивать и узналъ отъ него, что это древнія фрески, писанныя *уже лѣтъ 200 или 300*. Замѣтьте, это говорилъ священникъ церкви, который, когда коснулось дѣло до настоящихъ вопросовъ палаты депутатовъ, преумно началъ мнѣ доказывать необходимость религіознаго воспитанія и говорилъ превосходно. Но здѣсь до того мало развито чувство изящнаго, что онъ же, смотря на надверныя фрески, прибавилъ: странно, что я не вижу головки ангела; казалось, что мѣсяца два она еще была, вѣроятно обвалилась въ это время. Разсказывать легче, слушать на мѣстѣ— сердце обмираетъ. Впрочемъ здѣсь за то развито другое: настоящіе споры палатъ о воспитаніи и объ устройствѣ тюремъ чрезвычайно интересны, и я жду не дождусь какъ бы скорѣе быть въ Парижѣ, чтобы слышать все и все обдумывать. Какъ много ни говорятъ пустаго, но очень много дѣльнаго; оно наводитъ на мысль. Въ Ліонѣ уже видно начало умственнаго и политическаго развитія. Южная Франція сильно богата.

6.

Парижъ, 31 Мая 1844 года.

Парижъ въ суетахъ, но я больше ожидалъ суеты, чѣмъ нашелъ; нашелъ же довольно спокойствія, разумѣется исключая неумолкаемаго движенія и тысячи магазиновъ, или вѣрнѣе одного непрерывнаго магазина. Пока объ искусствѣ сужу потому, что вижу на окнахъ въ магазинахъ гравюры. Вы меня пріучили смотрѣть гравюры: какъ ни пойду, васъ и вспомню. Рѣдко, рѣдко встрѣтишь что-нибудь класси-

ческое, все больше Вернетъ, Шопенъ, Вичтергальтеръ; этотъ, кажется, лучше всѣхъ. Что за фрески въ церквахъ, что за церкви, то-есть новыя, и Боже упаси!

Былъ я на лекціи Мицкевича. Что это такое? Мистикъ, въ высочайшей степени восторженный, но восторженный болѣзненно; не знаю, отъ его ли болѣзненной восторженности, или отъ трудности какъ-нибудь привести въ цѣлое его мистическія начала, только послѣ лекціи у меня сильно болѣла голова.

Вотъ еще чуть было не забылъ; есть на выставкѣ чемоданъ, куда складывается палатка съ двумя походными стульями, цѣна отъ 50 до 200 франковъ. Это славно для живописцевъ; я еще самъ хорошенько не видалъ, а какъ увижу и если найду, что очень хорошее что-нибудь, тогда напишу *). Поповъ уѣхалъ недѣли съ полторы до меня.

Правду вы пишете, что бѣда быть безъ дѣла, кто привыкъ къ дѣятельности; но не худо самому съ собой остаться: многое увидишь въ настоящемъ свѣтѣ, часто откроешь тамъ грязь, гдѣ казалось все чисто, и то покажется чистымъ, что̀ считалъ грязнымъ.

7.

Парижъ, 12 Іюня 1844 г.

Мои занятія идутъ хорошо, и до сихъ поръ они не оставляли времени войти дѣятельнѣе въ ходъ современнаго искусства; я даже этому радъ, потому что, входя понемногу, знакомясь мало-по-малу, по гравюрамъ, по выставочнымъ картинкамъ, по теперешнимъ зданіямъ, лучше приготовляешься встрѣтиться съ массою, именно массою Парижскихъ художниковъ. Былъ я между тѣмъ въ Люксамбургской галлереѣ, гдѣ одна новая Французская школа и выходя сказалъ самому себѣ: если это лучшія ея произведенія, гораздо лучше не имѣть школы, чѣмъ имѣть подобную; если не лучшія, зачѣмъ имѣть такую галлерею? Совершенно, какъ будто бы пришелъ въ мастерскую, гдѣ все только подмалевано, и къ этому ни въ сочиненіи, ни въ исполненіи рѣшительно нѣтъ никакого уваженія къ искусству. Что́ далъ талантъ, то и слава Богу. Но что̀ меня удивило, такъ мало tableaux de genre, едва ли есть три, четыре; правда, что всѣ историческія больше *genre*, нежели историческія дѣйствительно.

Самъ Парижъ любопытенъ чрезвычайно для наблюдателя, особенно если входить въ наблюденіе потихоньку, безпрестанно останавливаться, спрашивать себя и давать себѣ отчетъ. Съ перваго взгляда,

*) А. Н. Поповъ, привозившій Мицкевичу денегъ, отъ Хомякова, Шевырева, Н. В. Путяты и другихъ Москвичей. П. Б.

онъ, какъ и вся Францiя, богаты до того, что поражаютъ прiѣзжающихъ своимъ блескомъ. Сотни тысячъ магазиновъ, и все полно, все изящно, все со вкусомъ; куда ни подите, вездѣ бездна народу, иногда съ трудомъ пройдешь. Бѣдныхъ, то-есть нищихъ, почти нѣтъ; на всѣхъ особенно старыхъ улицахъ, безпрестанная ломка и постройка; все дѣятельно, слѣдовательно все процвѣтаетъ. *Caffé* и ресторацiй это ужасъ сколько, и въ самыхъ первыхъ придумано и привезено все, что̀ только можетъ придумать самый прихотливый, самый избалованный вкусъ. Я не могу проходить мимо безъ какого-то непрiятнаго чувства. Когда войдешь, дѣятельность торговли не столько слѣдствiе богатства, сколько раздробленiя. Богатыхъ торговыхъ домовъ очень немного, все остальное разбито по частямъ и разбросано по тысячамъ магазиновъ. Этому много способствуетъ возвышенiе потребностей низшаго класса и сближенiе его съ высшимъ: все хочетъ быть хорошо одѣто, отсюда общее магазинное стремленiе перещеголять другъ друга во вкусѣ и въ дешевизнѣ. Вездѣ стараются выставить самыя дешевыя цѣны. Какъ велико кажущееся общественное богатство, также точно и государственное. Доходы точно большiе, поэтому уплата долгу быстрая; но за то бѣдный классъ народа такъ жалуется на налоги и на притѣсненiя во взиманiи пошлинъ, что всѣ проклинаютъ правительство, и между тѣмъ силы и энергiя народная истощены, всѣ жалуются и терпятъ. Во дворцѣ вездѣ солдаты, и позже 10 часовъ нельзя проходить сквозь Palais Royal; всѣ смѣются, досадуютъ и терпятъ. Самыя лучшiя предположенiя, каково напримѣръ о новомъ устройствѣ тюремъ, должны быть остановлены за неимѣнiемъ денегъ. Каждая новая издержка ставитъ министерство въ самое затруднительное положенiе. Правительственный деспотизмъ часто выказывается такъ сильно, что хоть бы и гдѣ такъ въ пору. Недавно была подписка для поднесенiя почетной шпаги адмиралу Du Petit. Что же? Всѣ офицеры, которыхъ имена были въ числѣ подписчиковъ, посланы въ Алжиръ. На дняхъ были похороны *Лафита*; весь Парижъ его любилъ страстно; тѣ изъ Политехнической Школы, которые были на похоронахъ, арестованы; изъ жителей никто не могъ надѣть траура изъ опасенiя, что за это будутъ ужаснѣйшiя полицейскiя притѣсненiя. Когда подумаешь, что все это послѣ рѣкъ крови, дѣлается грустновато. Но Францiя дошла до своего: она хлопотала о силѣ средняго сословiя и выхлопотала. Въ самомъ дѣлѣ, теперь масса средняго сословiя въ высочайшей силѣ, и только. Среднее сословiе, не лично, а какъ сословiе, неприкосновенно и, даже можно сказать, что самъ король одинъ изъ его членовъ: до того малы его привилегiи. Но это еще не обезопасиваетъ свободы и благоденствiя каждаго. Что̀ еще бросается въ

глаза—множество женщинъ и дѣятельность ихъ въ общественномъ быту. Въ магазинахъ, во всѣхъ вообще, непремѣнно уже хоть одна женщина, въ модныхъ все женщины; въ трактирахъ, въ caffé, въ небольшихъ лавочкахъ, въ уличной продажѣ вездѣ женщины.

8.

Парижъ очень противо-художественный городъ; но я душевно радъ, что сюда пустился. Еслибы только одна встрѣча съ Мицкевичемъ, и этого уже довольно. Мы сошлись какъ будто старинные друзья: нравственная чистота этого человѣка, умъ воспитанный необходимостію наблюдать, душа вышедшая изъ горнила долгихъ страданій, и все это въ тѣхъ поэтическихъ образахъ, какими само Небо облекло каждое его слово. Повѣрите ли, что я упиваюсь наслажденіемъ его бесѣды, христіанской въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Убѣжденія его различны съ моими; я это ему сказалъ, но, не смотря на то, мы очень сблизились. Всѣ приходящіе къ нему Поляки привѣтствуютъ меня какъ брата; это тоже очень пріятно.

Здѣсь Борисполецъ, ученикъ Брюлова. Онъ бѣдный не говоритъ ни покаковски, кромѣ какъ порусски; поэтому я и пошелъ къ нему, не нуждается ли онъ, быть можетъ, въ моей помощи.

9.

Венеція, 24 Авг. 1844.

Когда нѣтъ внутри довольства, ко всему придираемся, чтобы быть недовольнымъ, и къ потерѣ денегъ, и къ погодѣ. Чтò ни толкуйте, какъ ни вертите жизнь, а послѣдній шагъ все-таки одинъ и тотъ же: «сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей!» Великая вещь религія. Не забуду я словъ Мицкевича; онъ говоритъ: теперь обѣдня стала мертвымъ трупомъ; но подумайте только одно, что каждое движеніе священника, каждое dominus vobiscum было выраженіемъ души не вмѣщающей въ себѣ всей полноты божества; все это шло не по условленной формѣ, а по чистому стремленію къ Богу.

Да, Александръ Андреевичъ, кто первый разъ пріѣзжаетъ въ Италію, тотъ въ Рафаэлевыхъ станцахъ и въ Леонардо да Винчи Тайной Вечери видитъ одну порчу времени и говоритъ отъ всей чистоты сердца: согласитесь, что все это уважаютъ потому, что Рафаэль, Рафаэль, Леонардо да Винчи, Леонардо да Винчи. Они правы; но вы,

котораго душа доступна красотѣ того и другаго, вы еще правѣе. Религія терпѣла больше фресокъ: изъ комнаты, гдѣ Тайная Вечеря, сдѣлали конюшню; изъ религіи и служенія сдѣлали торжище совѣсти, чести, чистоты и невинности, продавая ихъ за цѣну всѣхъ мерзостей человѣческихъ. Леонардо да Винчи не упалъ отъ невѣжества людей; зачѣмъ же возлагать то на религію и служеніе, что̀ принадлежитъ людскимъ гадостямъ? Дайте мнѣ обнять васъ, мой добрый другъ Ал. Андреевичъ: какъ хорошо въ минуту внутреннихъ скорбей склониться на помощь дружбы!

10.

Окрестности Загреба, 10 Іюня 1845 г.

Въ настоящую минуту я совершенно въ другомъ мірѣ. Надобно бы бездну вамъ разсказать, какъ мы съ Галаховымъ пріѣхали въ Загребъ (Аграмъ), когда былъ домашній сеймъ, на которомъ были двѣ сильныя партіи: одна Иллирійская, защищающая Славянскій языкъ и требующая народности, другая Маджарская, то-есть Венгерская противъ нея. Собраніе было шумно; кто съ саблею, кто съ палашемъ. Но до драки не дошло, потому что войско было съ заряженными ружьями. Три года тому назадъ была битва, и послѣ того войско держитъ въ почтеніи. Маджары на насъ смотрѣли съ ненавистью и говорили, что мы Русская пропаганда. За то противная партія только что не носитъ насъ на рукахъ. Близъ Загреба есть мѣстечко Крапика, откуда *по преданію* вышли три брата Чехъ, Лехъ и Мехъ и заселили или основали три царства, Чехію-Богемію, Лехію-Польшу и Мехію-Московщину. Это преданіе должно имѣть историческія основы, потому что здѣсь до сего времени всѣ основы всеславянства. Лица и Польскія, и Русскія, и Малороссійскія, говорятъ очень близко къ намъ, такъ что я все понимаю, и меня понимаютъ превосходно. Сильно насъ любятъ. А гостепріимства въ деревняхъ и описать нельзя. Я обѣдалъ у одного небогатаго помѣщика и впервыя собственными глазами увидѣлъ то, о чемъ разсказываютъ наши лѣтописи—круговую чашу. Она здѣсь имѣетъ значеніе. Хозяинъ выбираетъ урядника обѣда, и когда за полобѣдомъ подадутъ круглую чашу, урядникъ говоритъ первый тостъ и обращается съ нимъ къ сосѣду, прибавивъ нѣчто ему именно принадлежащее. Тотъ принимаетъ и тоже дѣлаетъ съ своимъ сосѣдомъ. Тема идетъ одна, но всѣ варіируютъ. При мнѣ все шло о Славянскомъ братствѣ, и я пилъ изъ полной чаши. Вообще здѣсь все полно жизни и движенія, хотя и сильно еще молодо. Свобода обще-

ственная сильна, но теперь взаимная вражда Маджаровъ съ Иллирійцами много испортила. Литература въ движеніи, и ничего нѣтъ больше кромѣ родины и роднаго.—Вы бы удивительно хорошо сдѣлали, еслибы зашли въ Венеціанскій дворецъ, нашли бы тамъ живописца Караса или Карача и привели бы его въ свою студію, какъ брата: это произвело бы живой эффектъ. Онъ не долженъ быть сильнымъ художникомъ, и вамъ тутъ ничего дѣлать не надобно.

Плохое состояніе здоровья заставило меня обратиться къ доктору, и вотъ меня перевезли за часъ ѣзды отъ Загреба, гдѣ устроено водяное леченіе. Здѣсь я остаюсь 10 дней и потомъ ѣду въ Бѣлградъ. Простота непомѣрная, природа чудная. Вообще, если бы необходимость заставила, то сюда пріѣхать почти ничего не стоитъ, а здѣсь жить тоже.

11.

Вѣна, 17 Августа 1845 г.

Языковъ пишетъ мнѣ очень часто, но мало утѣшительнаго. Еще меньше утѣшительнаго, когда случайно заглянешь въ ходъ нашей литературы. Петербургскіе журналы дѣятельны; но лучше и во сто разъ было бы лучше, если бы не было такой мерзкой, подлой дѣятельности: ничего своего, все цѣликомъ перепечатываніе съ Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго. Это ли литература? Съ другой стороны все свое ругаютъ непощадно. Одинъ ругаетъ Гоголя, другой Языкова и Хомякова. Я не защищаю Языкова, вы слышали мои понятія о Гоголѣ; но первый далъ намъ стальной Русскій стихъ, послѣдній единственный нашъ Русскій талантъ, Хомяковъ—полный самаго благороднаго Русскаго чувства. Не умѣю передать вамъ, какъ это сжимаетъ сердце. Задумываю свой журналъ въ Москвѣ, потому что Москвитянинъ, хотя и хорошъ по направленію, но исполненіе большею частію сильно плохо; да и направленіе не рѣзко проведено. Мнѣ только бы завести журналъ, а тамъ я уже найду редактора; самъ же буду всѣми силами стараться къ вамъ, хоть чрезъ годикъ или полтора.

12.

Вѣна, 1 Сентября 1845 г.

Завтра ѣду въ Россію. Что̀ надобно сказать вамъ, это то, что жизнь Славянская развивается сильно; нѣкоторыя племена смотрятъ на Россію какъ на солнце, долженствующее освѣтить періодъ новой жизни. По ихъ вѣрованіямъ, Русскій языкъ долженъ сдѣлаться язы-

комъ Славянъ, по крайней мѣрѣ книжнымъ и политическимъ; Русская вѣра—вѣрою Славянъ. Замѣтьте, эти люди не нашего исповѣданія. Здѣсь былъ У., нашъ министръ съ сыномъ. Я къ нему явился, разумѣется съ бородою. Онъ искусно уклонился, чтобы не слушать о движеніи Славянъ; но просилъ меня познакомиться съ сыномъ. Молодой человѣкъ лѣтъ 22, съ хорошими наклонностями. Я его уговорилъ ѣхать со мною въ Пресбургъ, средоточіе ревностныхъ дѣятелей Славянскаго міра. Это его увлекло, заставило сдѣлать небольшія пожертвованія и, что̀ мнѣ всего важнѣе, все дошло до ушей отца. Кажется, министръ намѣренъ хлопотать о позволеніи издавать мнѣ журналъ въ Москвѣ. Условія его, что тамъ не будетъ переводнаго съ Запада: все свое и еще Славянское. Славяне отъ этого въ восторгѣ.

13.

Кіевъ, 6 Сентября 1845 г.

Вотъ уже около недѣли, какъ я въ Россіи. Пока живу въ Кіевѣ и жду прибытія книгъ. Кіевомъ восхищенъ какъ нельзя болѣе. Самъ городъ всякій день восхищаетъ болѣе и болѣе. Виды чудо, древности много. Теперь отчищаютъ старыя фрески, но далеко имъ до Сербскихъ. Между ними нѣтъ ничего, кромѣ ликовъ святыхъ, и то недавней работы. Мозаики далеко лучше, особенно одна Богородица, именно въ Благовѣщеніи, превосходна: такого выраженія и такой работы въ мозаикѣ я не видывалъ. Златоглавый соборъ, церкви, все это сильно пріятно сердцу Русскаго. Въ обществѣ, особенно съ перваго шага, много ударяетъ. Борода сильно обращаетъ вниманіе, и привратники, видя ее, въ престранномъ положеніи, какъ принять? Купецъ не шелъ бы такъ смѣло: знать баринъ! Вообще не-бариномъ быть непріятно. Стремленія по искусству много, но построено на песочной основѣ: подуетъ вѣтеръ, развалится. Хвалится то, что̀ принимается за великое, а за великое принимается все, что̀ похвалится пріѣзжими.

Вообще и развообще въ обществѣ скучно, хотя и веселѣе чѣмъ я предполагалъ; но все скучно, именно потому, что мало Русскаго. Языкъ сильно господствующій—Русскій, и это уже слава Богу. Не знаю, почему меня принимаютъ чрезвычайно хорошо всѣ власти и полувласти. Это мнѣ послужило къ тому, чтобы потолковать о Шаповаленкѣ, и вотъ ему мое наставленіе. Всѣми средствами готовиться быть учителемъ, напирать сильно на два рода, на рисунокъ и на портретную живопись. Потомъ необходимо сдѣлать копію, если не двѣ, съ Венеціанскихъ картинъ, чтобъ изучить колоритъ. Тоже работать надъ

изученіемъ природы. Я пишу неопредѣленно, но я высказываю требованія. Если онъ пріѣдетъ, пока я въ Россіи, думаю, что я ему прііщу мѣсто и устрою его порядочно. Въ Кіевѣ требованіе—виды Кіева и портреты. Во всякомъ случаѣ, если онъ будетъ дѣлать небольшія копіи и небольшія собственныя работы, я ему ихъ сбуду. Это вамъ для свѣдѣнія. Не сердитесь, что все очень неопредѣленно: такъ многимъ занята голова, что обратиться сильно ни къ чему не можетъ. Сегодня я взялъ слово, что ему мѣсто будетъ, даже года чрезъ полтора или два, будетъ и въ университетѣ. Въ гимназіи учитель рисованія вмѣстѣ и учитель чистописанія! Да что же дѣлать прикажете: такъ по уставу.

Здѣсь мнѣ предлагаютъ читать лекціи, по 15 рубл. серебромъ за лекцію; но я не могу по моимъ правиламъ. Не смотря на частныя стремленія, судя по настоящему, здѣсь ничего еще пока устроиться не можетъ, потому что нѣтъ общественнаго средоточія. Университетъ вялъ до нельзя, только несетъ имя университета. Преферансъ главная связь общества и главный правитель въ дружескихъ бесѣдахъ. Дѣятельности мало. Ея сильно ищутъ власти, все дѣлаютъ и дѣйствуютъ хорошо, благородно, но часто не умѣя и не въ попадъ. Мои понятія объ Россіи и историческія доказательства того, что наше отечество должно стоять теперь на челѣ человѣчества, встрѣчаются съ восторгомъ; его весьма довольно, пока солнце грѣетъ, но по осени и по зимѣ имъ не согрѣешься. Москва, Москва, все въ ней матушкѣ! Поляки, все Поляки; Малороссіяне люди добрые, да ихъ вывести изъ ихъ недѣятельности трудновато. Литература спитъ, но иногда лѣниво потягивается, и то слава Богу, что тутъ уже нѣтъ ничего, не то что ничего, а есть сильное желаніе не имѣть ничего чужаго. Вы прескверно поступаете, что не пишете. Вообще, если уже меня свело въ братство съ вами, то будьте же братомъ. Мнѣ сильно не спокоится, когда я отъ васъ ничего не имѣю.

14.

Сѣкиринцы *), 20 Сентября 1845 года.

Ваши заботы объ Академіи бросьте къ чорту. Какъ будто бы вы ожидали чего-нибудь лучшаго! На минуту, то-есть на настоящее время, помните, что вы можете еще около двухъ лѣтъ существовать въ Римѣ; между тѣмъ дѣла пойдутъ и наши, и тамъ, другимъ путемъ, мы что-нибудь спроворимъ. Неужели вы думаете, что, уѣхавши изъ Рима, у меня все съ вами прекратилось? Первое, картина ваша Аполлонъ съ

*) Великолѣпное помѣстье Прилуцкаго уѣзда. П. Б.

любимцами, въ случаѣ крайности, можетъ быть сбыта за 2000 рублей ассигнаціями; разумѣется, въ случаѣ крайности. Потомъ, Москва не клиномъ сошлась; быть-можетъ мнѣ дадутъ позволеніе издавать журналъ: лишь бы пошелъ какъ-нибудь порядочно, раздѣлимъ послѣднія крохи. Однимъ словомъ, помните, что ваше положеніе лежитъ на сердцѣ людей вамъ принадлежащихъ, а число ихъ со дня на день увеличивается, и я увѣренъ, что увеличится, когда еще напечатаютъ мою статью, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится и число враговъ, намъ общихъ. Батюшка вашъ ждетъ вашего пріѣзда, но что же и какъ же иначе хотите вы отъ старика? Однако помните, что не на васъ однихъ возложенъ крестъ, и заставляете страдать людей самыхъ близкихъ! Гоголь любитъ мать, а обстоятельства заставляютъ предоставить ее горькой судьбѣ и постоянной разлукѣ съ нимъ. Судя по словамъ Галагана, батюшка вашъ очень впалъ въ дѣтскую старость. Что́ тутъ сдѣлаетъ ваше присутствіе? Разстроитъ ваше собственное здоровье: вотъ все. Въ его лѣта утѣшенія минутны, а горести постоянны. Разумѣется, вашъ пріѣздъ могъ бы поддержать его и повеселить на минуты; но потомъ образъ его жизни, его сужденія, его старческія привычки, все встало бы между имъ и вами. Въ мечтахъ все это инаково, и главное тутъ, что самый вашъ пріѣздъ безъ картины не будетъ ему утѣшеніемъ; да и вамъ не думаю, чтобы могло принести много пользы, даже просто безъ обиняковъ, рѣшительно ничего кромѣ потери денегъ, времени и нѣкоторыхъ непріятностей. Пишите мнѣ со всею обстоятельностію, со всею отчетливостію о вашемъ положеніи и дайте время: у меня есть столько смышлености, чтобы придумать лучшее изъ худшаго.

Кіевское начальство меня приняло восхитительно. Митрополита привлекла моя борода. Это было началомъ длиннаго разговора и кончилось различіемъ между иконописью и живописью. Я сильно это пускаю въ ходъ, и такъ какъ мнѣ открыты всѣ роды обществъ, то до сихъ поръ имѣю порядочный успѣхъ.

Общество Кіевское безжизненно до высочайшей степени; мало такой безжизненности: рѣзкое раздѣленіе между Поляками, служебною аристократіею и прочими остальными, большею частію служащими. Нѣтъ никакихъ точекъ соединенія; оттого въ сходкахъ или скука, или карты. Иногда волокитство, но и то скверно, потому что отъ нечего дѣлать все и всѣ сплетничаютъ. За то самъ Кіевъ чудо изъ чудесъ. Холмы разбиваютъ его на нѣсколько участковъ, и собственно это не городъ, а собраніе жильевъ красиво разбросанныхъ. За то куда поглядите, вездѣ глазу есть чего посмотрѣть. Съ одной стороны златоглавый монастырь, съ другой Подолъ разлившійся тысячами до-

мовъ по окраинѣ Днѣпра; потомъ самъ Днѣпръ съ своими рукавами и отмелями, наконецъ, полудикія окрестности. Все это такъ хорошо, что порядочный художникъ могъ бы чудесъ надѣлать изъ этихъ сокровищъ. Теперь производятся работы въ Кіевѣ въ художественномъ отношеніи, именно открываютъ фрески въ Софійскомъ соборѣ и уничтожаютъ иконостасъ, сдѣланный во времена усиленія Уніи. И точно, онъ рѣшительно католическое дѣло; его будутъ ломать. Это откроетъ мозаики, изъ которыхъ многія, особенно изображающая Благовѣщеніе, превосходны. Мнѣ кажется, что она далеко превосходитъ Римскія и Венеціанскія. Лице Богоматери полно выраженія, и техническая часть далеко совершеннѣе. Она изображена грядущею. Ея ликъ на одномъ боковомъ столбѣ; ангелъ благовѣствующій на другомъ, какъ это часто встрѣчается. Другія мозаики ниже по достоинству, но все это чрезвычайно какъ важно по своей древности. Вся эта церковь принадлежитъ XI вѣку; даже тамъ нашелся и гробъ Ярослава, только половина его въ стѣнѣ. Митрополитъ, говорятъ, сильно противился открытію фрескъ, и одною изъ причинъ была та, что Николай Чудотворецъ благословляетъ раскольничьимъ крестомъ. Но царь настоялъ, и теперь большая часть открыта. Онѣ далеко ниже (относительно) мозаикъ, и что̀ я говорилъ не видавъ ихъ, то и нашелъ: нѣтъ и сравненія съ Сербскими. Къ тому же между ними все изображенія святыхъ, нѣтъ ни одного полнаго сочиненія изъ Священнаго Писанія, что̀ было бы неоцѣненно для узнанія Византійской школы, ея направленія и того, какъ она умѣла передавать Евангеліе, оставляя его Евангеліемъ, а не писавши варіаціи на заданную тему. Въ Сербіи это видно превосходно.

Здѣшнее общество все помѣшано на доходахъ и на хозяйствѣ. Это бы еще ничего, даже было бы и хорошо; но второе, что отвратительно и отвратительно до того, что я можетъ-быть даже не останусь жить здѣсь, если не выторгую перемѣны,—это постоянныя насмѣшки и шутовскіе разсказы. На нихъ держится весь общественный разговоръ; прибавьте къ этому часто недовольство настоящимъ бытомъ, безпрестанный разладъ словъ съ дѣйствіями, и вы вполнѣ поймете, что въ такомъ кругу не много найдешь для того, чтобы питать и поддерживать внутреннее спокойствіе и невозмущаемость духа. Я выговорилъ себѣ, чтобы моя комната была святилищемъ, куда не приходилъ бы никто безъ моего приглашенія, чтобъ я не подчинялся никакому установленному часу; чтобъ меня не ждали къ обѣду, ни къ другимъ потребамъ дня, однимъ словомъ, я выговорилъ полную свободу и если на то будетъ хотя малѣйшее посягательство, я оставляю здѣшній край. Мои извѣстныя вамъ отношенія пока еще ничѣмъ

не объяснились, и пока все покойно. Вообще въ настоящую минуту мое положеніе безмятежно, но все зависитъ отъ случая. Къ матушкѣ я поѣду не прежде зимняго пути, потому что, не имѣя своего экипажа, въ перекладной тележкѣ не слишкомъ покойно. Дорогою я имѣлъ случай испытать, какъ много борода способствуетъ для сближенія съ страною: простой народъ принимаетъ за купца и не скрываетъ того, чтó скрыто было бы отъ барина. До сихъ поръ я ношу бороду и останусь съ нею дотолѣ, пока будетъ можно. Въ Кіевѣ мнѣ сказали, что нельзя представляться такъ генералъ-губернатору Бибикову; я имѣлъ до него важное дѣло, но отвѣчалъ, что лучше не пойду, а съ бородою не разстанусь.

15.

12 Октября 1845. Дегтяри (усадьба Соѳ. Ал. Галаганъ).

Въ отвѣтъ на ваши письма, только вчера мною полученныя, одно отъ Языкова, другое адресованное въ Кіевъ, много надобно было бы писать. Вы правы и очень правы, укоряя меня, а подобные укоры лучше всякаго пріятельскаго одобренія. Дѣло въ томъ, что точно мои намѣренія остаются большею частію одними намѣреніями, и при всемъ этомъ я не могу упрекать себя въ недѣятельности. Съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ въ Россію до сей минуты я не сдѣлалъ ничего, то-есть ничего не написалъ, не смотря на то, что все время былъ въ сильной дѣятельности, не считая страдательной и пріуготовительной работы, чтенія книгъ и дѣланія выписокъ. Въ чемъ же была моя дѣятельность? Въ Кіевѣ я нашелъ общество въ ужаснѣйшемъ состояніи. Молодое поколѣніе въ совершенной апатіи: нѣсколько часовъ на службѣ, и потомъ все за картами. Часто съ утра до вечера преферансъ, а иногда отъ утра до утра. Изъ нихъ нѣкоторые такого сложенія, что имъ выше преферанса нѣтъ занятій; но за то другіе, именно нѣкоторые изъ моихъ пріятелей, люди съ талантами. Первые дни я не обращалъ вниманія ни на кого, потому что былъ въ какомъ-то неумолкаемомъ восторгѣ: наша древняя святыня, чудное мѣстоположеніе, все говорящее о древней Россіи, родной языкъ, однимъ словомъ все въ Кіевѣ меня восхищало. Прошелъ первый восторгъ, и я ужаснулся той сферы, въ которую я вошелъ. Разумѣется, по моему характеру, я началъ говорить со всею силою; молодымъ людямъ не давалъ покоя, пробуя всѣми путями пробудить въ нихъ искру жизни. Не знаю, на долго ли, но успѣлъ перемѣнить картежные вечера на музыкальные; волею голоса, неумолкавшаго ни въ какомъ обществѣ,

успѣлъ поразбудить молодежъ и заставить слушать и говорить старыхъ съ бо́льшимъ уваженіемъ о Русскихъ художникахъ. Надобно вамъ сказать, что въ Кіевѣ множество любителей, которые за 10 р. сер. покупаютъ Рубенсовъ, Вандейковъ и пр.; въ нихъ мнѣ удалось произвести *желаніе* покупать Русскія картины, пока не дороже 500 или 800 рублей. Будь на готовѣ что нибудь у кого нибудь изъ нашихъ, копія или маленькій оригиналецъ, все было бы куплено даже и дороже; но дѣло въ томъ, что говоришь, говоришь, а спросятъ: да что же намъ покупать? Однѣ надежды. Въ Кіевѣ я былъ въ пламени и даже успѣлъ собрать 500 р. сер. на богоугодное дѣло, успѣлъ заставить купить собраніе медалей Славянскихъ у одного бѣднаго ученаго въ Сербіи. Пріѣзжаю въ Сѣкиринцы. Все ушло впередъ, все нашелъ я весьма и весьма возросшимъ, кромѣ того, кому именно нужно было возрастать болѣе другихъ. Кат. Вас. нисколько не состарѣлась, напротивъ ея неумолкаемая дѣятельность развила и сильно развила ея умственныя способности. Это меня и удивило, и восхитило. Графъ *) и жена его оба перемѣнились къ лучшему до того, что я отъ души обнимаю его и не могу не любить и не уважать ее. Онъ слѣдитъ за современностію, работаетъ надъ собою и работаетъ съ успѣхомъ, отзывается на все благородное безъ прежней мелкости взгляда. Словомъ, я его полюбилъ, какъ не любилъ никогда. Она развилась, стала прекрасною и превосходною матерью, не только не переставая быть примѣрною дочерью, но еще кажется возвысилась и въ этомъ отношеніи, сдѣлалась гораздо подвижнѣе; жаль одного, что больна сильно. Одно меня сильно опечалило, это мой ****. Прекрасная природа его не уничтожилась, сердце его осталось чисто и благородно; но воля, воля..... и остальныя ея крохи сгнили. Отъ этого онъ впалъ въ невыходимую апатію и въ нравственные пороки, какую-то глупую надменность ума, насмѣшливость и тому подобное. Разумѣется, присмотрѣвшись, я не поберегъ его самолюбія и въ третьемъ лицѣ публично отбрилъ всѣ подобныя мерзости; даже разъ дошло до того, что я сказалъ за обѣдомъ, что я считаю безнравственностію жить тамъ, гдѣ не уважаются въ людяхъ люди и гдѣ осмѣливаются насмѣхаться надъ тѣмъ, предъ чѣмъ сами смѣющіеся люди должны пасть въ безмолвномъ благоговѣніи, потому что только понять они ихъ не могутъ. Послѣ этого послѣдовало объясненіе на единѣ. Я объявилъ ****, что я его люблю и буду любить лично, но что для сохраненія чистоты нравственной и для того, дабы не огрубѣли самые тонкіе оттѣнки чувства нравствен-

*) Графъ Павелъ Евграфовичъ Комаровскій, женатый на дочери Екатерины Васильевны Галаганъ. Ѳ. В. Чижовъ былъ нѣкогда учителемъ въ этомъ домѣ. П. Б

наго, я долженъ отъ него отвернуться. Слава Богу, послѣ этого вскорѣ были именины Софьи Ал. *); началось его сватовство, которое къ счастію, кажется, не состоится; потомъ пріѣхалъ архіерей, такъ что я могъ свести себя непримѣтно съ каѳедры проповѣдника на братскую и дружескую руку. Все это, какъ вы видите, не сонъ и не бездѣйствіе. Соедините все это съ душевною болѣзнію, потому что видѣть такія явленія безъ участія не могъ бы и самый деревянный человѣкъ. Шаповаленкѣ деньги будутъ присланы; но теперь до того безденежно, что вы не повѣрите (это очень между нами): мнѣ было нужно 7 скудъ, всѣ отдали все, и едва набралось. Отъ чего? Какъ? Было бы долго говорить, да и вамъ это незанимательно. Между тѣмъ никто не выѣзжаетъ иначе какъ въ шесть лошадей, съ кучеромъ, форейторомъ и лакеемъ.

Все это объ обществѣ. Теперь обо мнѣ самомъ. Вотъ уже 15 дней, какъ я въ Дегтеряхъ, ничего не дѣлаю, но рѣшительно ничего. Ругайте; а узнаете, ругать будетъ нельзя. Бѣдная наша Софья Александровна въ ужасномъ положеніи; сами не знаемъ, временное ли состояніе или поврежденіе ума отъ ея сильнѣйшей болѣзни. Сначала сильная боль головная привела ее къ припадку въ родѣ бѣшенства, потомъ тише, тише. Вы скажите, что̀ же я тутъ? Не понимаю почему, по умѣнью ли, или, какъ она говоритъ, за доброту сердца, она меня въ этомъ состояніи очень любитъ, слушаетъ и при мнѣ тиха. Это одно. Второе, что я часто дѣйствую и въ домѣ для ея улучшенія. Второй день она лучше; даже со мною и еще съ одною дѣвушкою говоритъ постоянно умно. Вообще ея безуміе престранно: сохранена вся послѣдовательность сужденій, но переходы отъ одного къ другому престранные. Напримѣръ, однажды я прихожу утромъ; вдругъ она, увидѣвъ меня, начала спрашивать о Ѳед. Ив. Іорданѣ, и говоритъ: я люблю его, онъ добрый, онъ не пренебрегъ невѣдущей. Скажите это ему, но не говорите Сомову и Мокрицкому; я не хотѣлъ бы, чтобы знали о такомъ ея положеніи. Кажется, оно проходитъ. Во всемъ, даже въ припадкахъ, выказывается неимовѣрная доброта. Я думаю, что останусь здѣсь еще дня три. Вы пишете мнѣ о Петербургѣ; я не могу сказать, когда я буду, по крайней мѣрѣ знаю, что никакъ не раньше весны.

Языковъ охотно даетъ пріютъ всему, что̀ нужно; я напишу ему объ этомъ. Также, только что пріѣду въ Петербургъ, со всею

---

*) Софья Александровна Галаганъ, урожд. Казадаева, дочь извѣстнаго статсъ-секретаря. Она и упомянутая выше Екатерина Васильевна были за двумя братьями Галаганами. П. Б.

охотою займусь вашимъ дѣломъ съ Потемкинымъ *); но для этого вы, имѣя это въ виду, приготовьте мнѣ указанія на всѣ источники, откуда я могу узнать. Я нападу на Перовскаго и на всѣхъ, кто можетъ дѣйствовать, напишу нужныя по этому дѣлу записки и пущу въ ходъ. Только знайте, что Перовскій не министръ юстиціи, а внутреннихъ дѣлъ.

Дѣло о Сербіи очень важно и если только я буду имѣть средства, надобно было бы на будущій годъ пуститься безъ отлагательства. Я пишу статью объ этомъ, то-есть о Сербскихъ фрескахъ и вообще объ отличіи иконописи отъ живописи. Мнѣ теперь писать легче, потому, что вышло превосходное сочиненіе одного какого то архіерея объ иконописаніи. Оно написано съ большимъ умомъ, съ любовью и знаніемъ дѣла. Одного жаль, что писатель смѣшиваетъ иконопись съ живописью, отъ чего происходитъ неясность и неопредѣленность понятій. Между прочимъ замѣчательно то, что авторъ совѣтуетъ обращаться къ людямъ духовнаго званія, я тотчасъ и вспомнилъ ваше обращеніе къ отцу Герасиму.

16.

1845. Ноября 4. Сѣкиринцы.

Запрещеніе Гоголевскихъ «Мертвыхъ Душъ» у меня не выходитъ изъ головы и изъ сердца **). Вамъ больше, можетъ быть, чѣмъ мнѣ понятно это. Художникъ сосредоточилъ всѣ силы на лучшемъ своемъ произведеніи, высказалъ себя въ немъ истинно и истинно-достойнымъ образомъ, и стой! Теперь я перечитывалъ еще, то-есть въ третій разъ, его сочиненіе; оно меня восхищаетъ до того, что я сказать вамъ не умѣю. Самъ не постигаю, почему многое дѣлало при первомъ чтеніи иное впечатлѣніе. Даже и исполнительная часть превосходна. Есть промахи въ языкѣ, но до того незначительные, что ихъ можно поставить почти на ряду съ типографическими ошибками. Составъ языка превосходенъ; я читаю и не начитаюсь его.

Вотъ, Александръ Андреевичъ, гдѣ великій урокъ испытаній. Простите и ради Бога примите мои слова, какъ слова истиннаго друга. Ваше нравственное состояніе мнѣ ложится прямо на сердце; изо всего видно, что вы сильно разлажены внутри сами съ собою. Скажите, ради Бога, что въ вашемъ положеніи главное? То ли, что тотъ несправед-

*) Александръ Михайловичъ Потемкинъ, супругъ знаменитой Татьяны Борисовны. П. Б.

**) Пущенъ былъ слухъ, будто вторая часть „Мертвыхъ Душъ“ отъ того не выходитъ въ свѣтъ, что ее запретила цензура. П. Б.

ливо будетъ превознесенъ, то ли, что таковы или инаковы мнѣнія людей, или то, чтобъ вамъ исполнить все, чего требуетъ вашъ долгъ, какъ Русскаго дѣятеля, а еще главнѣе, какъ человѣка пришедшаго убѣжденіемъ къ тому, чтобъ поставить художническія добродѣтели своимъ непремѣннымъ долгомъ? Богъ съ ними, чтó кто и какъ думаетъ; дѣлали бы мы и были бы дружны съ своею совѣстію. Вотъ одна моя забота въ вашемъ дѣлѣ.

Весна рѣшитъ мое положеніе. О моихъ сердечныхъ дѣлахъ нечего и говорить. До сихъ поръ я не видалъ той особы... Вините меня, я не оправдываюсь; но послѣ завтра ѣду къ нимъ и буду до зимней дороги, а тамъ къ старушкѣ-матушкѣ. О дѣятельности моей скажу одно: нѣтъ дня, чтобъ не было самыхъ сильныхъ угрызеній. Я знаю, что имѣю, если не полный талантъ, то умѣнье говорить порядочно, знаю и не могу преоборота обстоятельствъ.

17.

Новгородъ-Сѣверскъ. 1845 г. Ноября 20.

Если бы вы меня теперь видѣли, вы бы разразились всею тучею упрековъ и браней. Браните, Александръ Андреевичъ, браните; но скрывать отъ васъ я не буду. Вотъ уже больше недѣли я живу сердцемъ, выхлопоталъ кое-что для ума, для занятій; но если нѣтъ ея подлѣ меня, если она не придетъ хотя разъ въ полчаса, занятія идутъ плохо, потому что съ нею соединено все: и умъ, и воображеніе. Если она тутъ,—не поцѣловать ея, не поцѣловать ея чудныхъ глазъ, не любоваться ею, мнѣ кажется преступленіемъ. Бываютъ минуты, я не знаю что дѣлать: встаю на колѣна предъ нею и молюсь ей. Чтò вы хотите, но это не женщина, или если и женщина, то только для того принявшая человѣческій образъ, чтобъ моленіе и благоговѣніе къ ней сдѣлать любовью. Она не понимаетъ существованія безъ меня; безъ меня она только влачитъ жизнь и страждетъ. Повѣрите-ли, что даже при мнѣ она видимо, тѣлесно, здоровѣетъ: она полнѣетъ; въ ея глазахъ видно, что она живетъ.... При мнѣ она вся въ движеніи, и спросите себя, чтò бы сдѣлали вы, еслибы имѣли такое существо? Не я увлекъ ее, не обстоятельства насъ сблизили; она дана мнѣ Богомъ, — *mia costarella*; только случай, ведомый счастіемъ, столкнулъ меня съ этою половиною. Она принимаетъ мои понятія, проситъ меня развить ихъ и когда я нетерпѣливъ, ея взглядъ, ея ласки, ея поцѣлуи все вставляютъ на

свое мѣсто: я начинаю объяснять и самъ смотрю свѣтлѣе на предметъ. Животворящими лучами любви ея согрѣваются мои понятія, и дѣло мое идетъ, кажется, лучше въ тѣ минуты, когда она, осѣнивъ меня своимъ ангельскимъ поцѣлуемъ, оставляетъ меня одного. Едва электричество ея поцѣлуя пройдетъ, она сама это почувствуетъ, и снова поцѣлуй подвигаетъ меня на новые труды. Еще около мѣсяца блаженства, потому что около 15 Декабря, едва откроется дорога, я ѣду въ Москву, потомъ къ матушкѣ.

Идеи мои встрѣчаютъ людей готовыхъ принять ихъ: этого уже довольно.

18.

6 Декабря (1845).

У насъ, повидимому, сильный застой въ литературѣ, но что̀ главнѣе всего и хуже всего, въ томъ, что̀ является не видно жизни и нѣтъ никакого средоточ.я.

Петербургъ торгуетъ чѣмъ-то, что̀ онъ зоветъ Европейскими понятіями, то-есть онъ за дешевую цѣну Брюссельскихъ изданій, Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ журналовъ покупаетъ обиходную одежду понятій и потомъ по мелочамъ распродаетъ это публикѣ. Читающіе читаютъ по привычкѣ; способны были бы и сосредоточиться, но это трудно: вопервыхъ, не на чѣмъ, вовторыхъ, сосредоточеніе дѣло нелегкое. Въ дѣлѣ литературномъ у насъ всѣмъ завладѣли журналы Петербургскіе двухъ родовъ: одни просто мелочные продавцы, незнающіе и слова «убѣжденіе», другіе повыше, именно это «Отечественныя Записки». Онѣ съ убѣжденіемъ незнакомы, потому что Богъ столько не далъ, чтобъ до него возвыситься. Это космополиты во всемъ, въ жизни, въ вѣрованіяхъ, въ добродѣтеляхъ и порокахъ, то-есть люди собирающіе все. Но и для сбора нужно что нибудь иное, не одинъ мѣшокъ и крючокъ, которымъ таскаютъ соръ изъ помойныхъ ямъ.

«Москвитянинъ» въ началѣ года шелъ превосходно. Рѣдко мнѣ попадались такъ превосходно составленныя книжки журнала; недоставало въ нихъ силы зиждущей; много было размаховъ на разрушеніе, но было и что-либо внутри, то-есть глубже однихъ внѣшнихъ образовъ. Теперь онъ ни на что не похожъ. Какой-то архивъ, то макалатурный листъ, то разговоръ за панибрата, однимъ словомъ чортъ знаетъ что.

Выходитъ на дняхъ книжка «Московскій Литературный Сборникъ», гдѣ помѣстится и мое письмо объ Русскихъ художникахъ въ

Римѣ, разросшееся и очень разросшееся. Не знаю, что̀ это будетъ. Знамя его—Россія; но какъ она понята, не знаю. Сологубъ издаетъ родъ журнала *Вчера и Сегодня*, щеголевато по языку, гладко по мыслямъ, не запачкано по намѣреніямъ, кажется и все. Это Русскій свѣтскій человѣкъ, у него все прекрасно; но досадно то, что Россія оставляется въ передней вмѣстѣ съ калошами и съ нѣсколькими выраженіями сказанными лакеямъ: сними, братецъ, калоши. Еще можетъ-быть тутъ не говорится: да ну, свинья, поскорѣе. Въ гостинной Русскій свѣтскій человѣкъ дѣлается Европейцемъ, говоритъ о политикѣ, благодаря памяти и чтенію журналовъ, объ искусствахъ, благодаря поѣздкѣ за границу, о философіи, благодаря Берлинскимъ лекціямъ. Оно хорошо и складно, а отъ чего-то собесѣдники скучали; онъ на нихъ сердится, что они его не понимаютъ; тутъ только бы понять, что-дескать, можетъ, я говорилъ не отъ сердца и не изъ глубины мышленія, иначе сердце поймется сердцемъ, мысль мыслію. Но всякій ѣдетъ на своемъ ослѣ; а что́ будетъ, то будетъ, а что̀ было, то было, а что́ есть, то есть.

19.

1846, Февраля 6, Озерово.

Москва приняла меня превосходно, но ничего не рѣшила въ отношеніи къ ходу моей дѣятельности; я нахожу необходимымъ осенью, если только найду какія-либо средства, отправиться снова въ Италію. Необходимо полнѣе сформироваться, болѣе накопить силъ и больше опредѣлить самому себѣ многое, что̀ теперь накопляется въ головѣ и сердцѣ и увлекаетъ за собою. Что̀ скверно въ Москвѣ и вмѣстѣ хорошо, это то, что тамъ образовались въ умственномъ мірѣ партіи: одни все видятъ въ Россіи (къ нимъ по душѣ принадлежу и я), все находятъ въ ней и ея старинѣ (тутъ я немного тише) и сильно въ душѣ враждуютъ съ Европою. Другіе все видятъ въ Европѣ. Эти послѣдніе сильнѣе не собственными силами—средствами. Европа даетъ имъ способъ обольщать людъ Русскій. Они въ нѣсколькихъ журналахъ набиваютъ листы всѣмъ, что̀ попадется въ Европѣ, и этою кой-какъ подготовленною пищею кормятъ умственные желудки. Наши лѣнивы, но ихъ бранить трудно. Все вызвать изъ самихъ себя нелегко, особенно когда этого требуютъ не въ тишинѣ и спокойствіи, а посреди борьбы мнѣній, при крикахъ общественныхъ споровъ и при грубыхъ выходкахъ противниковъ. Вы, можетъ быть, посовѣтовали бы имъ уединиться. Грѣшно, когда обществу необходимы благонамѣренные

руководители мнѣній, что они сами себя приносятъ ему въ жертву. Велика жертва, это правда; но таково велѣніе судебъ Божіихъ.

Не забудьте, что все это въ первопрестольномъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ. Въ Петербургѣ, кромѣ Царя, его семьи и народа, все какого-то космополитскаго направленія; тамъ и рѣчи не заводи объ истинно-русскомъ.

Теперь я внѣ Москвы, проѣхалъ чрезъ Владиміръ, Суздаль и прибылъ уже больше недѣли въ свою усадьбу, близь села Иванова. Благодаря моей бородѣ, я слышалъ и узналъ многое и все очень утѣшительное. Развитія мало, но на голосъ истиннаго Русскаго все откликается. Въ искусствѣ только скажите объ иконописи и защитите нашу родную, все напрягаетъ уши. Кстати, посмотрите-ка вы *Polla-d'oro*, что̀ находится въ Венеціанскомъ соборѣ Св. Марка: тамъ, на лѣво вверху, есть Воскресеніе Спасителя, совершенно наше Византійское. Вы можете увидѣть въ книгѣ Il fiore di Venezia.

Въ семьѣ моей, въ крестьянскомъ отношеніи я нашелъ много утѣшительнаго. Только одна матушка стара и ветха, за то сестры все стараніе употребляютъ, чтобъ быть благодѣтельницами крестьянъ; и я сообщаю Галахову мой планъ, какъ я предположилъ сдѣлать ихъ свободными хлѣбопашцами. Не знаю, удастся ли; но со стороны сестеръ есть согласіе.

20.

Мая 11. Новгородъ-Сѣверскъ (1847).

Говорить въ Москвѣ все равно, что̀ воду толочь; потому что тамъ говорятъ съ утра до вечера, и ухо до того прислушивается къ говору, что право не можетъ уже различить дѣльнаго отъ бездѣльнаго. Я радъ, что могъ прожить въ Москвѣ, могъ узнать ее сколько-нибудь: чудо сколько данныхъ для дѣятельности, и никакой существенной дѣятельности. Впрочемъ это ничего; были бы люди, которые могли бы устоять отъ всеобщаго потока жизни.

Самое важное понять жизнь Московскую и не поддаться ея мелочамъ, потому что ими она совершенно заграбаститъ въ свои владѣнія. Обѣды, вечера, утра. Первое, открыто отказаться отъ нихъ и выдержать. Впрочемъ и того теперь меньше. Теперь въ Москвѣ нѣтъ или очень мало общественнаго соединенія, всѣ живутъ кружками. Это тоже способствуетъ тому, чтобъ устояться больше самому въ себѣ. Но и въ этихъ кружкахъ тоже время считается ни за что: пріѣзжайте утромъ безъ дѣла (а дѣла нѣтъ, вообще говоря), вамъ рады; пріѣз-

жайте обѣдать—тоже; вечеромъ еще больше. Любите вы играть въ карты,—всѣ клубы полны отъ обѣда до разсвѣта. Молодежъ много толкуетъ о дѣятельности, и то слава Богу, что толки о ней начались. Завьялова очень не полюбили; мнѣ удалось сильно отстоять его; не его собственно я отстаивалъ, а художника предъ обществомъ, которое, кромѣ богатства, не имѣетъ никакого права судить его и имъ распоряжаться.

Поклонитесь Гоголю. Объ немъ множество глупѣйшихъ толковъ, и я самъ не читалъ, а говорятъ, будто бы «Отечественныя Записки» начали уже ругать его. Что у насъ за литература, трудно и опредѣлить. Петербургъ,—совершенно лоскутный рядъ въ дѣлѣ литературы: дѣятельность неимовѣрная, все перешиваютъ, перекраиваютъ, зазываютъ въ лавку, тащатъ за рукавъ и кричатъ во все горло. Что́ кричатъ? Кого ругаютъ? Что́ хвалятъ? рѣшительно все равно,—дѣло въ томъ, чтобы кричать, потому что пріѣзжій волею или неволею зайдетъ въ лавку. Москва—медвѣжья берлога: литераторы сидятъ и сосутъ лапу. Между ними множество образованности, начитанности, любви къ Россіи, умѣнья писать, и все ничего не далося. Разумѣется, все-таки здѣсь есть надежда, а въ Петербургѣ уже и того не жди.

21.

10 Октября 1847. Стародубъ.

Что́ вы думаете обо мнѣ, не получая ни одной строчки? Что́ бы ни думали, никакъ не опредѣлите моего положенія. Почти съ того дня какъ я разстался съ вами у Ponte Molo, начались со мною бѣды. Когда онѣ кончатся, это извѣстно одному Богу. Вѣроятно вы знаете о моемъ неожиданномъ и невольномъ путешествіи отъ Радзивилова въ Петербургъ. Это было первымъ неожиданнымъ для меня происшествіемъ при въѣздѣ въ Россію. Тѣмъ бы могли и кончиться бѣды мои, но вотъ его слѣдствія. Особа, съ которою было связано все мое личное, внѣ-общественное существованіе, услышавъ о томъ, что я гдѣ-то, а гдѣ именно, неизвѣстно, получила сначала легкій ударъ, потомъ потеряла зрѣніе, послѣ получила разлитіе молока. Я нашелъ ее въ страждущемъ состояніи; она начала поправляться, какъ вдругъ непредвидѣнныя обстоятельства до того взволновали ее, что только теперь, послѣ двухмѣсячныхъ страданій, она подаетъ кое-какую надежду на выздоровленіе, и то одну слабую надежду. Будетъ этого для моего частнаго быта. Для общественнаго—журналъ мой не состоялся;

можетъ быть, въ послѣдствіи его и позволятъ. Довольно съ васъ однихъ этихъ окончательныхъ рѣшеній моего положенія. Вы, болѣе нежели кто-нибудь, знаете дѣльность занятій и потому можете судить, каково оставлять то дѣло, къ которому готовилъ себя десяткомъ годовъ; но тутъ одно утѣшеніе: Богу извѣстно все лучше чѣмъ намъ, да будетъ Его святая воля! Съ нашей стороны нужно одно: увѣренность, что мы старались сдѣлать все, дабы пустить въ ходъ одинъ талантъ данный намъ Богомъ.

22.

24 Декабря (1847).

Богу угодно испытать меня и испытаніями показать мнѣ самому, дѣйствительно ли я призванъ быть исполнителемъ чего либо въ Его святыхъ, непреложныхъ предначертаніяхъ, или только по гордости далъ себѣ мѣсто далеко превыше силъ моихъ. Сегодня осьмой день, какъ меня постигло несчастіе. Я потерялъ все, что́ имѣлъ на землѣ. У меня есть мать, сестры, друзья; но потерявши ту, въ которой Богъ давалъ мнѣ зрѣть самого себя, я уже отрекаюсь ото всего. То все мое; но ни оно, ни я самъ, ничто не занимаетъ въ душѣ моей того мѣста, какое дано было этому небесному ангелу, посланному на землю для того, чтобы очистить и улучшить все и всѣхъ, что́ и кто ни соприкасался съ нею. Ваша душа чиста, ей чистота доступна; поэтому вы примите слова мои не за восторженность любовника, а за грусть человѣка, лишившагося счастія осязательно очами зрѣть присутствіе Божіе. Святая жизнь этого ангела, незлобивая душа ея, все являло ея святую природу; но послѣдніе четыре мѣсяца Богу угодно было показать, что избранные Имъ поколебались въ вѣрѣ и любви къ Нему. Четыре мѣсяца невообразимыхъ мученій, такихъ, что случалось сутки на трое слышно было одно скрежетаніе зубовъ и невольно, насильно вырывавшіеся крики, четыре мѣсяца почти безотдохновенныхъ страданій, и ни одного малѣйшаго ропота! Она при малѣйшемъ отдыхѣ только-что молилась Богу и всегда говорила одно: какъ ни велики мои страданія, но грѣхи мои заслуживаютъ бо́льшихъ. Александръ Андреевичъ, во всю мою жизнь я зналъ двухъ существъ такой высоты: Языкова и ее, и Богъ сподобилъ меня быть близку тому и другому. Она ввѣрилась мнѣ какъ дитя, любила меня какъ нѣчто высшее, и при этой истинно-неземной любви была строга ко всему не стоющему любви ея, строга не по разсудку, а просто по инстинкту той святости, которою преисполнена была чистая душа ея.

Въ самой любви она создала меня, и какъ дружба Языкова, такъ и любовь ея возвышали меня въ собственныхъ глазахъ моихъ. Теперь одна мольба къ Богу, чтобъ Онъ навелъ на путь, которымъ бы могъ я соединиться съ этими святыми душами въ другомъ мірѣ. Время излѣчитъ раны; пустоты не наполнитъ уже ничто, и не дай Богъ, чтобъ что-либо ея наполнило. Теперь молиться о ней, и молиться одно утѣшеніе. Молиться о ней я не могу и недостоинъ, и губы не произносятъ молитвъ; ей я молюся и считаю священнымъ, какъ мощи, все что́ послѣ нея осталося.... Даже странно! Все, что́ соединялось съ ея земною стороною жизни, для меня не такъ цѣнно, какъ то, что́ соприкасалось ея жизни страдальческой. Богу угодно послать испытаніе; прошу одного, выйти изъ него чистымъ, снести безъ ропота и утѣшиться не земными надеждами и мечтами, а однимъ упованіемъ въ вѣчность и покорностію волѣ Божіей.

Письмо это вызвано ею. Когда я думалъ писать къ вамъ, я не могъ превозмочь себя. Но у насъ есть дѣло, и память не позволяетъ отклоняться отъ дѣла, и я принудилъ себя. Дѣло это въ двухъ строкахъ. Если вы не получали денегъ, вы получите на дняхъ 1700 рублей; потомъ я думаю вскорѣ вышлются Языковскія деньги. Онѣ не посылаются, потому что еще не получены отъ братьевъ покойнаго; послѣ, когда я буду въ Петербургѣ, то-есть весною, я вышлю тѣ 2000, которыя я тамъ оставилъ еще прошедшаго года и которыя не безъ труда получились бы безъ меня.

23.

26 Декабря 1847.

Впервыя испытываю я такую горесть, какой никогда и представить себѣ не могъ. Грусть нападаетъ на меня минутами, постоянно же какая-то непонятная отрада молиться ангелу, улетѣвшему съ земли. Ея комната для меня священна, какъ церковь и даже священнѣе церкви. Оставаться въ ней одному, часто безъ мысли, предъ тѣмъ, что́ послѣ нея осталось—для меня невыразимое наслажденіе. Боюсь, когда придется обратиться къ дѣйствительной жизни; но любовь къ ней такъ свята, что она только можетъ укрѣпить силы. Теперь у меня какъ будто бы одною надеждою больше, что есть представитель за меня предъ Богомъ. На землѣ все такъ мимолетно, что даже, кажется, не будетъ грустно и жить: жизнь пройдетъ какъ сонъ. Дай только Богъ, чтобы въ ней приготовить себѣ будущее существованіе. Вѣрьте, что мнѣ рѣшительно все равно, въ счету я, или нѣтъ; одно лишь бы

исполнить то, что́ назначило Провидѣніе и не заснуть бы предъ приходомъ Жениха. Богъ далъ мнѣ счастіе на землѣ, больше просить не смѣю и даже не имѣю охоты; пора начинать за него расплачиваться.

Почтовая печать: Новгородъ-Сѣверскъ.

24.

Кіевъ, Марта 16, 1848 г.

У насъ, слава и благодареніе Богу, совершенное спокойствіе. Европейскія происшествія вызвали одно, именно движеніе войска. Несмотря на то, въ духовномъ отношеніи есть сильное бореніе, которое должно рѣшиться въ пользу Православія; именно этому будутъ способствовать самыя смуты на Западѣ. Люди западные поймутъ, что умъ человѣческій—не послѣдній рѣшитель задачъ человѣческихъ и, можетъ быть, болѣе обратятся къ тому источнику, безъ котораго трудно ждать улучшеній, къ Церкви. Если человѣку единично не суждено доходить до нея прямымъ путемъ, народу и народамъ еще труднѣе. Богъ ведетъ такъ или иначе; безъ несчастій трудно доискаться въ собственной душѣ своей до истины. Она тамъ на днѣ; надобно, чтобы горе и горе не условное, а истинное, потрясло душу до основанія. «Блаженъ же человѣкъ, его же обличи Богъ; наказанія же Вседержителева не отвращайся. Той бо болѣзни творитъ и паки возставляетъ: порази, и руцѣ его исцѣлятъ. *Шестижды отъ бѣды изметъ тя, въ седметъ же не коснеттися зло*». Трудно, очень трудно дойти до чего нибудь безъ сильнаго убійственнаго горя. Оно же и оселокъ силы духа: выдержишь, будешь служителемъ Божіимъ; падешь, значитъ и не годенъ былъ бы на дѣланіе. Не опасайтеся, Алек. Андр., писать ко мнѣ о чемъ хотите. Не спорю, самолюбіе всѣхъ насъ дѣлаетъ слишкомъ пріимчивыми и черезчуръ щекотливыми, но тоже горе и вхожденіе въ самого себя исцѣляютъ отъ многаго. Въ мірѣ искусствъ у насъ, внѣ Петербурга, очень за душу трогаетъ мысль объ иконописи; у меня написана давно полная программа сочиненія о различіи между иконописью и живописью, но оно требуетъ обширной начитанности. Главную часть чтенія берутъ на себя нѣкоторыя духовныя лица, и это облегчитъ мой трудъ. Въ Кіевѣ я нашелъ Библію въ Русскомъ переводѣ, рукописную. Не знаю, какимъ бы путемъ переписать ее, авось либо удастся, тогда подѣлимся, и для васъ тогда перепишется.

Время мое идетъ горьковато; еще придется здѣсь прожить по дѣламъ мѣсяца полтора, частію и для того, что мнѣ хочется прожить

хоть недѣлю въ Лаврѣ и поговѣть такимъ образомъ, чтобъ ничто не мѣшало уйти въ самого себя. Общество здѣсь сильно пошло и сильно беззаконно; притязанія на все, и ничто не оправдывается на дѣлѣ. За то Церковь спасаетъ Кіевъ. Богомольцы приходятъ со всѣхъ краевъ Россіи, это теперь самая сильная дѣятельность Кіева. Университетъ плохъ до нельзя. Изъ духовныхъ, особенно монаховъ, много людей глубокихъ и чистыхъ душею. Когда случится надобность, вамъ будетъ съ кѣмъ побесѣдовать. Внутреннее и внѣшнее мое состояніе таково, что я пока безъ всякихъ предначертаній. Все рѣшитъ поѣздка въ Москву и потомъ въ Петербургъ.

25.

Кіевъ, 13 Августа 1848.

Много есть у меня до васъ вопросовъ. Я встрѣтилъ иконописца-старообрядца; онъ получилъ ремесло по наслѣдству, мужикъ умный, много читалъ и записывалъ. Онъ, напримѣръ, спросилъ меня, съ которыхъ поръ у Римлянъ Богородицу стали писать въ верхней одеждѣ голубой (иногда зеленоватой), а нижней красной, между тѣмъ какъ по преданію должно быть на оборотъ, что̀ у насъ и сохранилось. Припомните Чимабуе и напишите мнѣ; онъ, кажется, въ этомъ слѣдовалъ преданію. Джіотто отступалъ.

Въ здѣшнемъ Софійскомъ соборѣ есть въ алтарѣ весьма любопытныя фрески, хотя и испорченныя позднѣйшими поправками. Въ нихъ передана жизнь Богородицы, между прочимъ два Благовѣщенія: одно когда Божія Матерь пряла, другое черпала воду. Они же переданы въ одной древней Русской книгѣ «Маргаритъ».

Еще вамъ вопросъ: къ кому бы адресоваться, если бы нужно было написать Св. Великомученицу Екатерину, сочиненія Фра-Анджелико, если вы припомните ту самую, что̀ я вамъ привезъ небольшую гравюру? Только надобно было бы сдѣлать портретъ—это не оскорбитъ никого, портретъ умершей и истинной великомученицы; потому что вся жизнь ея проведена въ нравственныхъ бореніяхъ, а смерть мученіями едва вѣроятными очистила ее еще на землѣ и дала узрѣть преддверіе рая. Въ иконописаніи мнѣ безпрестанно присообщаются факты; необходимо будетъ увидѣть Св. Софію въ Константинополѣ и церкви въ Сербіи, Болгаріи и вообще тѣхъ мѣстахъ древней Византіи.

Литература наша въ бо́льшемъ безмолвіи, нежели какъ она бывала когда либо. Не знаю, не рѣзко ли скажу; но, кажется, не является

ничего несущаго мысль, или проникнутаго чувствомъ. Такъ видно слѣдуетъ. Мы на распутіи между исполнившимъ свое Западомъ и будущимъ нашимъ призваніемъ. Послѣднее тяжело, требуетъ, чтобъ все сказалось выжавшись изъ души, иногда и сжавъ сильно, предварительно, душу. Назначеніе нашего писателя высоко; потому и жизнь его должна быть своего рода иночество; а кто изъ насъ къ нему способенъ? Въ общество глубоко въѣлся ядъ Запада; очиститься отъ него не легко.

26.

Кіевъ, Октября 22 (1848).

Въ Липкахъ, въ Гимназической улицѣ, въ домѣ Сорочинскаго, въ квартирѣ Ригельмана.

У меня скончалась матушка, оставивъ на меня трехъ сиротъ-сестеръ моихъ, все дѣвушекъ. Богу больше насъ извѣстно, какими путями вести насъ, истинно жестоковыйныхъ, къ пути Имъ намъ назначенному. Быть можетъ, земное одиночество, прямѣйшій путь къ той келейной жизни, о которой долженъ хлопотать всякій трудящійся въ наше время, когда повсюду, на всякомъ поприщѣ распутія и распутія. Если бы мои хлопоты по дѣлу покойной матушки позволили мнѣ что-нибудь сказать опредѣленное, я разумѣется вызвался бы пристроить всѣ ваши вещи въ Петербургѣ; но когда я тамъ буду, въ какихъ обстоятельствахъ, это мнѣ вовсе неизвѣстно. Я думалъ пробыть въ Кіевѣ не болѣе 4 недѣль, а живу уже девятый мѣсяцъ, и неожиданно, непредвидѣнно, противъ воли, долженъ былъ два раза ѣздить за 260 верстъ въ Умань и потомъ за 540 въ Одессу. Теперь предстоитъ еще поѣздка въ Умань, а потомъ къ моимъ сиротамъ, а послѣ.... Богъ голосомъ долга и совѣсти укажетъ путь. По соображеніямъ думаю, что въ Январѣ или Февралѣ буду въ Петербургѣ, гдѣ я вамъ слуга и безусловный исполнитель всего, что́ бы вы ни возложили на меня. Это вы, повѣрите, не слова; принимайте это какъ ожиданіе вашихъ порученій. Другъ друга тяготы носите, тако исполните завѣтъ Христовъ. Деньги вами полученныя—братскія, Языковскія или нѣтъ, это все равно.

Теперь обратимся къ другому. Голосъ изъ келіи, гдѣ разработываются частныя отрасли души человѣческой важенъ, важенъ и еще важенъ третично; безъ него литературныя сужденія бездушны и часто безтѣлесны, потому именно, а не по хладнокровію читающихъ, на которое такъ жалуются (безъ права) литераторы: потому именно они и

не находятъ отголоска въ общественномъ мнѣніи. Келья великая мастерская для всякаго дѣла, но выпросить ее у свѣта истинно (вы правы) трудно. И это законно. Богатство даромъ не дается, а богатѣе кельи земля, кажется, дать не въ состояніи. На покупку палатъ, на ихъ украшеніе требуется угожденіе вкусу общественному; на покупку кельи этого мало: здѣсь цѣною ея назначено страданіе, къ нему ведетъ страданіе внѣшнее, и все это подъ однимъ тяжелымъ условіемъ— глубокой покорности волѣ Божіей и безропотнаго перенесенія того, что́ кажется и не можетъ намъ не казаться горемъ и несчастіемъ. Не имѣя никакого права и вполнѣ чувствуя, что я ничѣмъ не заслужилъ келейныхъ благъ, я прошу ихъ у Бога, какъ великой Его милости. Въ мечтахъ, кажется, вижу возможность достигнуть до келейнаго уединенія: только опять къ Тому же Богу обратиться съ мольбою, чтобы далъ силу и умѣнье извлечь всѣ его сокровища.

*

Лица, знавшія Ѳ. В. Чижова въ послѣдніе годы его жизни († 67-ми лѣтъ 14 Ноября 1877) банковымъ и желѣзно-дорожнымъ дѣятелемъ, съ удовольствіемъ прочтутъ эти выдержки изъ дружескихъ писемъ его молодости: тутъ разгадка его позднѣйшихъ успѣховъ. Нельзя не подивиться богатству и разнообразію природы въ этомъ необыкновенномъ Костромичѣ, который былъ еще и профессоромъ математики, и шелководомъ, и во всѣ свои занятія и сношенія вносилъ живую душу, согрѣвавшую всякое его дѣло. То была настоящая Великорусская сила!

Мы не знаемъ дальнѣйшихъ писемъ Чижова къ Иванову († 1858). Кажется, что письменныя сношенія между ними прекратились. Великій художникъ, картина котораго теперь есть драгоцѣнное достояніе Москвы, имѣлъ въ Чижовѣ одного изъ первыхъ цѣнителей и въ тоже время дѣятельнаго друга: благодаря его настоятельной заботливости, Ивановъ получилъ возможность исключительно заняться своимъ безсмертнымъ трудомъ. Вотъ еще заслуга Ѳ. В. Чижова передъ отечествомъ. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ ЕВГЕНІЯ ПЕТРОВИЧА САМСОНОВА.

Глава первая.

Я покинулъ родительскій домъ на девятомъ году отъ рожденія, и всѣ впечатлѣнія до того времени весьма неясно, туманно отражаются въ моей памяти. Помню лишь, что въ 1822 году батюшка отвезъ меня вмѣстѣ съ братомъ въ Петербургъ и, сдавъ насъ обоихъ въ Царскосельскій Лицейскій Пансіонъ, уѣхалъ домой.

Бывъ тогда девятилѣтнимъ мальчикомъ, ничего, никого никогда не видавшій, робкій и запуганный, я попалъ вдругъ, какъ въ лѣсъ, въ общество 150-ти незнакомыхъ мнѣ мальчиковъ, болѣе чѣмъ на половину шалуновъ, безъ всякой опоры и поддержки.

Въ Лицейскомъ Пансіонѣ я пробылъ шесть лѣтъ и въ теченіе этого времени ничего особеннаго не припомню, что̀ бы заслуживало исключительнаго вниманія. Первые два или три года я учился довольно плохо, такъ что въ одномъ классѣ оставленъ былъ на два года. Шалостей важныхъ за мной никогда не водилось: я всегда слылъ благонравнымъ мальчикомъ, и меня всѣ любили, какъ товарищи, такъ равно гувернеры и учителя, въ особенности же въ послѣдствіи, когда съ большимъ прилежаніемъ я принялся за ученіе, многіе изъ профессоровъ меня исключительно фаворизировали и выставляли меня начальству, какъ весьма остраго, способнаго и благонадежнаго ученика. На шестомъ году нашего пребыванія въ пансіонѣ, братъ, кончивъ курсъ въ шестомъ классѣ, былъ выпущенъ, согласно его желанію, въ гражданскую службу съ чиномъ 10-го класса; я же остался еще въ 5-мъ классѣ пансіона. До этой поры, какъ Царскосельскій Лицей, такъ равно и нашъ Пансіонъ, состоявшій на однихъ съ нимъ правахъ, не заключали въ себѣ никакого признака военнаго званія; т.-е. мы не имѣли никакого понятія о военной выправкѣ: одѣвали насъ въ синія курточки съ такими же отложными воротничками; при встрѣчѣ съ начальниками мы просто кланялись и т. д. Въ это же время (это было кажется въ 1828-мъ году), пансіонъ нашъ подчинили главному управленію военноучебныхъ заведеній и насъ тотчасъ же переобмундировали въ синіе сюртуки съ стоячими красными воротниками, что́ намъ казалось чрезвычайно дико и безпокойно. Вскорѣ послѣ того въ первый разъ посѣтилъ нашъ пансіонъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній генералъ-адьютантъ Д.... Начальство наше, предваренное объ этомъ посѣщеніи, распорядилось выстроить всѣхъ воспитанниковъ въ нашей большой залѣ *по ранжиру*, т.-е. по росту. Обык-

новенно, въ торжественныхъ случаяхъ, мы становились по старшинству нашихъ успѣховъ въ наукахъ и поведеніи, а тутъ насъ стали равнять по росту, и это показалось намъ крайне неприличнымъ! Наконецъ пріѣзжаетъ Д...., входитъ въ залъ и привѣтствуетъ насъ словами: «Здравствуйте, дѣти!» Мы всѣ, разными голосами, отвѣчаемъ ему:—«здравствуйте», и зашаркали ногами въ видѣ поклона.

«Это что значитъ!» восклицаетъ Д.... «Да они отвѣчать не умѣютъ, чему-же вы ихъ здѣсь учите? Гг. гувернеры, пожалуйте ко мнѣ!».

Гувернеры подходятъ; въ числѣ ихъ были, сколько могу припомнить, два Француза, m-r Трико и m-r Меннэ, маленькіе, худенькіе, а послѣдній кривобокій, Сербъ Цвѣтковичъ, Нѣмецъ Будбергъ, со сведенною въ крючекъ лѣвою рукою, и Русскій Калинычъ, истинный болванъ, какъ физически, такъ и морально.

«Что же это такое значитъ?» возопилъ грозный начальникъ. «Вы не умѣете выучить вашихъ молодыхъ людей надлежащей учтивости? Развѣ такъ отвѣчаютъ начальству? Да и сами-то вы какъ стоите!» обратился онъ къ бѣдному m-r Меннэ. «Опустите ваши руки! Вотъ одинъ только порядочный человѣкъ! Какъ ваша фамилія?»

— «Калинычъ, ваше высокопревосходительство!»

«Молодецъ! Вотъ такихъ-то я и люблю», сказалъ Д.... и затѣмъ, обошедъ всѣ пустыя комнаты пансіона, уѣхалъ.

Лишь только затворилась дверь за вышедшимъ главнымъ начальникомъ, мы всѣ, какъ-бы по данному сигналу, расхохотались во все горло. По истеченіи нѣкотораго времени послѣ этого посѣщенія, намъ былъ присланъ новый директоръ, кадетскій полковникъ Ваксмутъ, невзрачный собою, но солдатъ и тѣломъ и душею, слывшій за строгаго, а по нашему просто ни чему неученый и злой человѣкъ. Съ прибытіемъ новаго директора, насъ начали понемножку учить ставить ноги вмѣстѣ, руки по швамъ и отвѣчать на привѣтствіе начальства не «здравствуйте», а «здравія желаемъ, ваше п—ство!» Потомъ пронесся слухъ, что скоро пожалуетъ къ намъ самъ Государь Императоръ и, дѣйствительно, въ тотъ-же годъ мы были осчастливлены его посѣщеніемъ.

Къ пріѣзду Николая Павловича мы всѣ были настолько уже хорошо образованы, что каждый зналъ свой ранжиръ; у всѣхъ каблуки были вмѣстѣ и руки опущены по швамъ панталонъ. Государь вошелъ и поздоровался съ нами. «Здравія желаемъ Вашему Императорскому Величеству!» былъ громкій и единодушный нашъ отвѣтъ, за двѣ недѣли до его пріѣзда нами заученный, при многократныхъ репетиціяхъ. Это необычное посѣщеніе Государемъ нашего пансіона не оставило во мнѣ никакихъ особыхъ впечатлѣній; помню только, что

Императоръ промаршировалъ по нашей залѣ и, обратясь къ сопутствующей ему свитѣ, сказалъ: «какъ бы тутъ хорошо маршировать моимъ кадетикамъ».

Этого было достаточно для куртизановъ, чтобы убѣдить Его Величество, что Лицейскій Пансіонъ ни къ чему не нуженъ и что гораздо было бы полезнѣе учредить въ этомъ прекрасномъ зданіи малолѣтній кадетскій корпусъ, что́ въ непродолжительномъ времени и было приведено въ исполненіе.

Здѣсь я позволю себѣ маленькое отступленіе отъ хронологическаго изложенія моей лицейской жизни описаніемъ нѣкоторыхъ эпизодовъ, къ той же эпохѣ относящихся. Не знаю, по какому случаю батюшка былъ знако́мъ съ весьма важной въ то время дамой, вдовой бывшаго Екатерининскихъ временъ генерала-аншефа Архарова. Эта добрѣйшая старушка (ей тогда уже было лѣтъ подъ восемьдесятъ), штатсъ-дама двора вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны, очень богатая и по старинному обычаю гостепріимная, окруженная разными приживалками и собачками, жила зимой открытымъ домомъ въ Петербургѣ, лѣтомъ же на собственной прекрасной дачѣ въ Павловскѣ. По пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, для поступленія въ Лицейскій Пансіонъ, батюшка представилъ насъ г-жѣ Архаровой, и съ тѣхъ поръ она насъ полюбила, какъ родныхъ и непремѣнно требовала, чтобы всѣ праздники, въ которые насъ отпускали изъ пансіона, мы проводили у нея, чѣмъ мы, конечно, не приминули воспользоваться, тѣмъ съ большею радостію, что, не имѣя никого, ни родныхъ, ни знакомыхъ, намъ пришлось-бы оставаться почти однимъ въ пустой шкатулкѣ (такъ называли мы нашъ Лицейскій Пансіонъ), по временамъ общаго роспуска. По истинѣ говоря, у насъ былъ еще и другой домъ въ Петербургѣ, который мы посѣщали-бы съ бо́льшимъ еще, пожалуй, удовольствіемъ: это домъ роднаго брата матушки, Николая Александровича Исленьева, бывшаго въ то время генералъ-адъютантомъ и командиромъ Преображенскаго полка; но по случаю крупныхъ раздоровъ, начавшихся между нашими родителями, въ которыхъ дядя принялъ участіе за матушку, намъ было строжайше запрещено отцемъ у него (дяди) бывать и съ нимъ видѣться. А потому требованіе Архаровой было для насъ истиннымъ счастіемъ, тѣмъ болѣе, что по случаю пребыванія ея въ теченіе лѣта въ Павловскѣ, мы всякую Субботу могли отправляться къ ней на Воскресенье и всѣ каникулы проводить въ ея семействѣ. Вмѣстѣ съ Архаровой жили ея двѣ дочери съ мужьями и дѣтьми, обѣ придворныя дамы. Старшая—графиня С.; мужъ ея былъ тогда камергеромъ, извѣстный во всемъ Петербургѣ модникъ и франтъ, въ сущности довольно пустой человѣкъ, промотавшій все

свое и женино значительное состояніе; у нихъ было двое дѣтей: Левъ и Владиміръ, мальчики нашихъ лѣтъ и закадычные намъ друзья и пріятели, и двѣ племянницы-красавицы дѣвушки, тоже графини С.....

Вторая дочь была замужемъ за Вас., тоже камергеромъ и, кажется, сенаторомъ; у нихъ, сколько припомню, было двое дѣтей, въ маломъ возрастѣ: дочь Анна, которую мы постоянно катали въ маленькой колясочкѣ по дорожкамъ Павловскаго сада, и сынъ Василій, къ которому былъ взятъ въ домъ учителемъ молодой человѣкъ Гоголь, впослѣдствіи нашъ знаменитый писатель и литераторъ, авторъ «Мертвыхъ Душъ» и проч.

Я нарочно съ нѣкоторою подробностію описалъ составъ семейства въ домѣ Архаровой (не поминая однако ни гувернеровъ, ни приживалокъ), чтобы пояснить, въ какомъ многолюдномъ обществѣ судьба предназначила мнѣ находиться съ самыхъ юныхъ лѣтъ моего возраста.

Кромѣ того, такъ какъ императрица Марія Θеодоровна также проживала со всѣмъ своимъ дворомъ, всякое лѣто, въ Павловскѣ и Архарова была, какъ ею, такъ равно и всѣми знавшими ее, любима и уважаема: то домъ ея положительно представлялъ собою какой-то волшебный фонарь и постоянный раутъ всей нашей аристократіи. Императрица тоже нерѣдко ее посѣщала. Я очень хорошо помню, что, въ одинъ прекрасный день, я тишкомъ забрался въ малину (тишкомъ потому, что тутъ былъ садовникъ Карпычъ, наша общая гроза),— вдругъ слышу шаги по дорожкѣ; не сомнѣваясь, что это идетъ грозный вертоградарь, я испуганный выскакиваю изъ кустовъ малины и о ужасъ! лицомъ къ лицу сталкиваюсь съ Императрицей.

— Qui êtes-vous, mon bel enfant? ласковымъ голосомъ спрашиваетъ меня добрѣйшая изъ женщинъ, потрепавъ милостиво рукою по щекѣ.

Я настолько нашелся, что поцѣловалъ эту дорогую ручку и, вѣроятно, отвѣчалъ удовлетворительно, потому что Государыня приказала мнѣ бывать у нея во дворцѣ, рекомендовала меня своимъ фрейлинамъ, и съ тѣхъ поръ я постоянно, когда бывалъ въ Павловскѣ, находился въ ихъ обществѣ. При этомъ нужно замѣтить, что въ то время дворъ вдовствующей Императрицы пользовался особенною репутаціею исключительно-счастливаго выбора лицъ его составлявшихъ, и, при переѣздѣ изъ Петербурга въ Павловскъ, всякій придворный этикетъ замѣнялся какимъ-то патріархальнымъ управленіемъ.

Обращаясь вновь къ моему повѣствованію о Лицейскомъ Пансіонѣ, я прибавлю по этому предмету только то, что въ концѣ того же 1828 года намъ было офиціально объявлено, что пансіонъ нашъ окончательно закрывается и дѣти младшихъ классовъ возвра-

щаются ихъ родителямъ, отъ насъ же старшинъ требовались заявленія, кто въ какое заведеніе желаетъ быть переведеннымъ? Я и въ числѣ многихъ другихъ графъ Б....., который, будучи ровно годомъ меня старше (мы оба родились 16-го Декабря, онъ 1811-го, а я 1812-го г.) состоялъ въ низшемъ классѣ, т.-е. 4-мъ, согласно нашему желанію, переведены въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Глава вторая.

И такъ въ 1828-мъ г., не припомню въ какомъ мѣсяцѣ, я былъ переведенъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ и записанъ л.-г. въ Московскій полкъ, согласно заявленному мною желанію. Отчего въ Московскій, а не въ какой-либо другой? Въ особенности отчего не въ Преображенскій, командиромъ котораго состоялъ, какъ я выше сказалъ, мой родной дядя и даже любимый дядя Н. А. Исленьевъ?

На это я затруднюсь въ настоящее время дать положительный отвѣтъ; но, какъ кажется или какъ помнится, это произошло вопервыхъ по разсчету отдалить отъ меня неудовольствіе отца за поступленіе на службу къ его врагу, и вовторыхъ по какому-то соображенію, что въ Преображенскомъ полку, изобилующемъ офицерами, производство изъ чина въ чинъ должно быть несравненно медленнѣе, чѣмъ въ однобригадномъ съ нимъ Московскомъ. Такъ или иначе, но я нарядился въ унтеръ-офицерскій мундиръ Московскаго полка.

Въ теченіе времени пребыванія моего въ Лицейскомъ Пансіонѣ, три старшія сестры мои были выданы замужъ. Матушка, съ младшей незамужней дочерью, Софьей, съ помощію дяди Н. А. Исленьева, переѣхала на жительство въ Петербургъ, гдѣ и наняла скромную квартирку вмѣстѣ съ братомъ Александромъ, состоявшимъ на гражданской службѣ въ департаментѣ внѣшней торговли. Достойно замѣчанія, что въ продолженіе шести лѣтъ я ни разу не былъ до́ма и никого не видалъ изъ членовъ нашего семейства, кромѣ батюшки, который, какъ я сказалъ выше, первыя четыре или пять лѣтъ пріѣзжалъ въ Царское Село ежегодно на одинъ, много на два дня, и брата Александра; такъ что по пріѣздѣ матушки съ сестрою Софіею мнѣ пришлось совершенно снова знакомиться съ ними.

Поступя въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ 16-ти лѣтъ, я былъ не по годамъ малъ ростомъ и вообще маніатюренъ, но, какъ кажется, довольно благовидной наружности. Прежде всѣхъ нашихъ переведенцевъ изъ Лицейскаго Пансіона, которыхъ было въ школѣ до тридцати человѣкъ, я преуспѣлъ по фронтовой части, и меня, какъ на показъ, стали посылать на ординарцы къ Государю и Великому

Князю, которые всегда были ко мнѣ милостивы; въ особенности Великій Князь Михаилъ Павловичъ, довольно часто посѣщавшій нашу школу, забавлялся мною какъ игрушкой. Бывало, пріѣдетъ, вызоветъ меня впередъ, велитъ взять ружье и начинаетъ въ присутствіи огромной публики самъ командовать мнѣ всякія эволюціи и ружейные пріемы.

«Вотъ чего я хочу, вотъ чего я требую!» бывало, обратится онъ къ нашему начальству, по окончаніи моей экзерсиціи.

Ротнымъ командиромъ нашимъ былъ Преображенскаго полка капитанъ Звегинцовъ, человѣчикъ очень маленькаго роста и далеко некрасивой наружности, но отмѣнно умный, благонамѣренный и вмѣстѣ съ тѣмъ очень строгій. Въ одинъ прекрасный день, по прошествіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ моего юнкерства, Звегинцовъ, подозвавъ меня къ себѣ, говоритъ: «По окончаніи ученія приходите ко мнѣ на квартиру, я имѣю съ вами переговорить».—Чтó бы такое это значило? думаю я самъ въ себѣ. Или это огромная честь, которой рѣдко удостоивались и подпрапорщики старшіе, какъ фельдфебель и унтеръ-офицеры; или же мнѣ предстоитъ огромная распеканція; но за что? Перебралъ всѣ свои дѣйствія: нѣтъ; ничего, кажется, такого не было, за что бы мнѣ могло достаться! Не менѣе того, съ трепетомъ въ сердцѣ, отправляюсь. Дверь отворилась. Пожалуйте!

«Еще разъ здравствуйте, Самсоновъ; я вотъ объ чемъ хотѣлъ съ вами переговорить: скажите, пожалуста, не имѣли ли вы какой-нибудь непріятности съ бывшимъ директоромъ вашимъ полковникомъ Ваксмутомъ?»

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, ничего подобнаго не припомню.

«Отложите въ сторону дисциплинарныя выраженія, вы здѣсь не на службѣ, и скажите мнѣ откровенно, не примѣчали ли вы какого-нибудь особаго къ вамъ нерасположенія полковника?»

— Нѣтъ, Александръ Ильичъ, откровенно признаюсь вамъ, что никогда подобнаго ничего не замѣчалъ.

«Странное дѣло! Надо вамъ сказать, что такъ какъ изъ пансіона вашего поступило къ намъ довольно значительное количество воспитанниковъ, то, для облегченія намъ наблюденія за ними, мы просили бывшее ваше начальство по секрету сообщить намъ отмѣтки о характерахъ и способностяхъ каждаго, и теперь посмотрите, противъ вашего имени поставлена помѣтка: *скрытнаго характера*. Ежели я рѣшился объясниться съ вами по этому предмету, то это потому что, отличая васъ отъ прочихъ вашихъ товарищей, я старался поближе наблюдать за вами и долженъ сознаться, что до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, ничего подобнаго не могъ замѣтить; по сіе время я вами

очень доволенъ, продолжайте вести себя также и впередъ и будьте увѣрены, что вамъ худо не будетъ».

— Благодарю васъ, Александръ Ильичъ, за ваше вниманіе, которое я глубоко чувствую и смѣло могу увѣрить васъ, что употреблю все свое стараніе, чтобы заслужить и оправдать ваше довѣріе.

За симъ мы разстались.

Каковъ же негодяй В., подумалъ я выходя отъ Звегинцова, и за что это онъ хотѣлъ замарать мою репутацію? Но ужъ спасибо же и Звегинцову, вотъ истинно-добрый и умный человѣкъ! Сумѣлъ взяться съ шестнадцатилѣтнимъ неиспорченнымъ, самолюбивымъ мальчикомъ! Дѣйствительно это съ его стороны ко мнѣ исключительное, могу сказать, довѣріе, произвело такое сильное на меня впечатлѣніе, что во все остальное время пребыванія моего въ школѣ постоянно воздерживало меня отъ всякихъ неодобрительныхъ поступковъ, несравненно болѣе всевозможныхъ угрозъ и наказаній.

До 1828 г. на лагерный, лѣтній сборъ войскъ подпрапорщики изъ школы отправлялись по своимъ полкамъ въ Красное Село; съ этого же года приказано было всей школѣ, какъ пѣхотныхъ, такъ равно и кавалерійскихъ юнкеровъ, въ полномъ ея составѣ ,слѣдовать въ лагерь въ Петергофъ вмѣстѣ съ прочими военноучебными заведеніями, гдѣ и были намъ разбиты палатки на правомъ флангѣ.

Тутъ начались безпрестанныя посѣщенія лагеря Государемъ и вообще всѣми членами Императорской фамиліи, которая всегда проводила лѣто въ Петергофѣ: разводы, зори съ церемоніею, тревоги, ученія и проч. и проч. Въ одинъ изъ Іюльскихъ жаркихъ дней, Государь пріѣхалъ въ лагерь, вызвалъ къ себѣ исключительно насъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, приказалъ выстроить въ коллону, какъ мы были въ курткахъ, безъ ружей и амуниціи, и самъ повелъ насъ въ нижній садъ передъ дворцомъ. Наверху у эстрады въ экипажѣ сидѣла Императрица, окруженная многими придворными *обоего пола особами*; фонтаны были пущены, и какъ извѣстно, съ горы внизъ течетъ по ступенямъ довольно быстрая каскада воды; противъ этой-то каскады Государь приказалъ намъ выстроиться фронтомъ.

— Ну, молодцы, обратился онъ къ намъ, маршъ на штурмъ къ Императрицѣ. Поспѣвшіе первыми получатъ отъ нея награды!

Въ одно мгновеніе всѣ мы были по поясъ въ водѣ, постоянно окачиваемые сверху. Ежели не самымъ первымъ, то однимъ, изъ самыхъ первыхъ, былъ я у коляски Государыни и получилъ изъ ея рукъ золотое колечко (очень долго у меня хранившееся, а потомъ не знаю куда и какъ пропавшее).

— Comment vous nommez-vous? спросила меня Императрица.

— Samsonoff, Votre Majesté.

— Bravo! Vous êtes donc parent à cette fontaine?

— Je crois que oui, Madame, vu que je suis tout aussi mouillé qu'elle *).

Отвѣтъ мой очень понравился и долго потѣшалъ всю публику.

Вскорѣ послѣ этого получено было нашимъ начальствомъ приказаніе назначить по одному изъ самыхъ благонадежныхъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ въ постоянные товарищи къ Наслѣднику, въ свободное отъ занятій время. Изъ кавалерійскихъ юнкеровъ былъ назначенъ Кавалергардскаго полка Мальцовъ, а изъ пѣхотныхъ подпрапорщиковъ—я.

Съ этого времени начинается мое близкое, такъ сказать, знакомство съ высочайшимъ дворомъ, о чемъ я и буду повѣствовать далѣе, въ слѣдующей главѣ.

Глава третья.

Начать съ того, что при первомъ же нашемъ посѣщеніи Его Высочества въ *котеджъ* «Александрія», гдѣ имѣла свое лѣтнее пребываніе Императорская фамилія, намъ заявлено было приказаніе постоянно называть Наслѣдника Цесаревича не иначе, какъ Александръ Николаевичъ, отнюдь же не Императорскимъ Высочествомъ.

При Наслѣдникѣ тогда состоялъ наставникомъ генералъ-адъютантъ Карлъ Карловичъ Мердеръ, человѣкъ отличнаго ума и прекрасныхъ душевныхъ качествъ, всѣми любимый и уважаемый; онъ сразу поставилъ насъ въ желаемыя имъ отношенія къ Великому Князю, т.-е. въ отношенія совершеннаго равенства и товарищества, на что самъ Наслѣдникъ, какъ ребенокъ очень добраго сердца и чрезвычайно мягкаго характера, поддался безъ всякаго затрудненія, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ къ тому уже привычку, воспитываясь съ самыхъ юныхъ лѣтъ съ двумя товарищами: Паткулемъ и Вельегорскимъ.

На основаніи этого принципа товарищества, нестѣсняемые придворнымъ этикетомъ, мы постоянно, всякое Воскресенье и всякій праздникъ, отправлялись въ Александрію и тамъ всѣ вмѣстѣ бѣгали, играли, катались, словомъ забавлялись всякимъ образомъ. Весьма часто Государь и Императрица, присутствуя при нашихъ забавахъ, сами принимали въ нихъ участіе, а иногда брали насъ съ собою кататься въ шарабанѣ или въ другомъ какомъ помѣстительномъ экипажѣ.

Иногда же, въ большіе праздники, компанія наша усиливалась избранными воспитанниками кадетскихъ корпусовъ, и тогда игры на-

*) Какъ ваше имя?—Самсоновъ, ваше величество.—Браво! И такъ вы родня этому фонтану?—Должно быть, Государыня, такъ какъ я тоже весь въ водѣ.

ши принимали большіе размѣры: заводились бары, лапта, пятнашки и прочія игры, требующія многочисленныхъ участниковъ. Чтобы яснѣе показать то равенство, которое по принципу желали ввести между нами, я разскажу маленькій эпизодъ оставшійся въ моей памяти.

Однажды мы играли въ бары въ присутствіи Императорской четы, собиравшейся ѣхать кататься. Нужно замѣтить, что игра въ бары состоитъ въ томъ, что всѣ играющіе, сговариваясь попарно, раздѣляются на двѣ партіи: одинъ идетъ въ одну, другой въ другую; потомъ для каждой партіи назначается городъ или предѣлъ ея владѣній; играющіе поочередно, покидая черту своихъ владѣній, выбѣгаютъ на середину и даже далѣе нейтральнаго поля, вызываютъ за собою преслѣдованіе противниковъ, которые въ свою очередь преслѣдуются товарищами вызывателя, и всякій пойманный внѣ предѣловъ своего города, считается плѣннымъ и тѣмъ лишается права принимать участіе въ игрѣ, до ея окончанія; конецъ же наступаетъ, когда одна изъ партій вся переловлена или же сдается. По сдачѣ города побѣдители садятся верхомъ на побѣжденныхъ, всякій на свою пару, и тѣ обязаны перевезти ихъ на своей спинѣ отъ одного города до другаго. Теперь возвращаюсь къ продолженію разсказа моего эпизода. И такъ Государь съ Императрицею, собиравшіеся ѣхать кататься, присутствовали при началѣ нашей игры, въ продолженіи коей они уѣхали и возвратились, когда все уже было конечно.

«Ну, что?» обратился ко мнѣ Императоръ,—«бѣготня кончена?»

— Кончена, Ваше Императорское Величество!

«Кто же выигралъ?»

— Мы выиграли.

— «И ѣзда была?»

— Была.

— «Ну-ка репетицію, я желаю видѣть эту операцію! Ты съ кѣмъ сговаривался?»

— Съ Александромъ Николаевичемъ.

— «Саша, давай спину!»

Наслѣдникъ подбѣжалъ, я сѣлъ ему на спину и, въ сопровожденіи подобной же кавалеріи, поѣхалъ отъ одного города до другаго.

По окончаніи лагеря, мы возвратились въ Петербургъ, въ нашу школу, которая была у Синяго моста, въ домѣ, нынѣ принадлежащемъ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, и вновь принялись за науки. Я учился недурно; но счастіе мнѣ благопріятствовало болѣе, чѣмъ я того заслуживалъ: большая часть нашихъ учителей, а въ особенности инспекторъ классовъ, свиты его величества генералъ-майоръ князь Голицынъ, почитали меня за невѣсть какого прилежнаго ученика. На

второй годъ пребыванія моего въ школѣ, удостоенный за успѣхи въ наукахъ и хорошее поведеніе награды, я произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры и получилъ серебрянный темлякъ. Очень хорошо помню, что въ это время батюшка пріѣхалъ какъ-то по своимъ дѣламъ въ Петербургъ и отправился повидаться съ мною въ школу; на лѣстницѣ встрѣтился онъ съ инспекторомъ княземъ Голицынымъ, который спросилъ его, что̀ ему надо? Батюшка сказалъ, что желаетъ повидаться съ сыномъ.

«Какъ фамилія вашего сына?»

— Самсоновъ.

«Ну, милостивый государь, поздравляю васъ: сынъ вашъ прекраснѣйшій молодой человѣкъ, онъ у насъ первый подпрапорщикъ во всей школѣ».

Батюшка, который самъ мнѣ передалъ этотъ разговоръ, настольку расчувствовался этимъ блестящимъ обо мнѣ отзывомъ, что заявилъ мнѣ, чтобы я просилъ у него, что̀ хочу себѣ въ награду. Непривычный къ такимъ любезностямъ, озадаченный, я положительно отказался высказать свое желаніе, предоставляя отцу избрать награду по его усмотрѣнію; но какъ припомню, внутренній голосъ шепталъ мнѣ: Ахъ, кабы часы! Какіе бы ни были, да часы, которыхъ у меня никогда и въ заводѣ не было. Въ тотъ же день батюшка купилъ и подарилъ мнѣ.... жестяную чернильницу!! Боже мой, какъ огорчила меня тогда эта награда! И по сію не могу вспомнить пору. Какъ мало ни былъ я избалованъ подарками, но я былъ уже юноша, мнѣ 17-й годъ, я наконецъ унтеръ-офицеръ, у меня серебряный темлякъ, и вдругъ жестяная черни.... тьфу! И выговаривать-то скверно!

Не менѣе того, я долженъ былъ принять подарокъ съ пріятной улыбкой и съ выраженіемъ полной благодарности поцѣловать ручку великодушнаго родителя. Сколько припомню, я со злости въ тотъ же день подарилъ эту несчастную чернильницу своему деныцику.—Выше я какъ-то сказалъ, что счастіе мнѣ покровительствовало болѣе, чѣмъ я заслуживалъ; теперь я вспомнилъ одинъ примѣръ, въ подтвержденіе этой истины. Мы сидѣли въ классѣ, не помню у какого учителя, но очень хорошо помню, что въ этотъ разъ я не только не зналъ урока, но даже не зналъ о чемъ идетъ дѣло и трепеталъ всѣмъ сердцемъ, чтобы меня не вызвали; каковъ же былъ мой ужасъ, когда я слышу голосъ учителя: Господинъ Самсоновъ, пожалуйте къ доскѣ! И въ тотъ самый моментъ отворяется дверь и входитъ инспекторъ. Ну! Конченое дѣло, пропала моя громкая репутація, погибъ человѣкъ! Не тутъ-то было!

«Самсоновъ, садитесь на свое мѣсто!» возглашаетъ князь Голицынъ и, обращаясь къ учителю: «Я знаю эти штуки! Какъ ни войду въ классъ, всегда вызываете лучшихъ учениковъ; спросите кого-нибудь другаго»...

Ну, какъ же не счастье!

Изъ школы я точно также продолжалъ по временамъ ходить въ гости къ Наслѣднику въ Зимній дворецъ, но, конечно, гораздо рѣже, чѣмъ въ Петергофѣ, и всегда меня удивляла и восхищала та простота, которая была поставлена въ основу его воспитанія. Очень помню, что разъ Наслѣдникъ Россійскаго престола обратился къ своему воспитателю со словами: «Что это, Карлъ Карловичъ, какой у насъ квасъ кислый?»—«Вамъ не нравится», отвѣчалъ Мердеръ; «пейте воду, вода прекрасная, Невская»; такъ тѣмъ дѣло и кончилось.

Послѣ обѣда, покатавши немного яйца (это было на Святой), Наслѣдникъ мнѣ говоритъ: «Пойдемъ къ папашѣ», и съ разрѣшенія Карла Карловича мы отправились чрезъ всѣ дворцовые апартаменты къ папашѣ, котораго застали вдвоемъ съ Императрицею, кушающихъ за обѣденномъ столомъ; намъ дали конфектъ и по бокалу шампанскаго, и мы отправились во свояси. Не есть ли это, дѣйствительно, дивная простота!

Я въ школѣ пробылъ два года и былъ уже, какъ сказано, произведенъ въ унтеръ-офицеры съ серебрянымъ темлякомъ, когда въ 1830 г. возгорѣлось Польское возстаніе и былъ объявленъ всей гвардіи походъ въ Польшу. Подпрапорщики перваго класса должны были слѣдовать въ этотъ походъ, каждый при своемъ полку. Мнѣ тогда былъ уже 18-й г., но я все еще былъ очень малаго роста и чрезвычайно худъ, такъ что я самъ, соображая трудности похода, въ особенности зимняго (мы выступили изъ Петербурга 31-го Января 1831 года) имѣлъ твердое убѣжденіе, что я его не вынесу; но тѣмъ не менѣе, я какъ сейчасъ помню, такое имѣлъ сильное желаніе идти на войну, что въ молитвахъ моихъ просилъ Бога послать мнѣ это счастіе, хотя бы мнѣ и суждено было не возвращаться изъ этого похода. Главное опасеніе мое состояло въ томъ, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ, долженствовавшій самъ лично осмотрѣть избранныхъ для отправленія подпрапорщиковъ, пожалуй оставитъ меня въ школѣ, за малымъ моимъ ростомъ, вслѣдствіе чего, въ день назначенный для этого осмотра, я набилъ себѣ столько бумаги въ сапоги (чтобы казаться выше), сколько въ нихъ могло помѣститься, и внутренно далъ обѣтъ отслужить три молебна, ежели эта опасность минуетъ меня. Опасность была дѣйствительно близка!

Насъ всѣхъ первокласныхъ выстроили въ одну шеренгу, и Великій Князь сталъ вызывать по очередно каждаго впередъ; дошла очередь и до меня, я вышелъ. Повертѣвъ меня во всѣ стороны: «Я тебя не пущу», нахмуривъ брови, сказалъ Великій Князь, «ты слишкомъ молодъ и малъ, не вынесешь похода».

— Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Высочество, бойко и глотая слезы, отвѣчалъ я,—мнѣ восемнадцать лѣтъ, и я чувствую себя совершенно крѣпкимъ и здоровымъ!

«Ну смотри, послѣ на меня не пенять, ступай!»

Восторгъ мой былъ такъ великъ, что я земли подъ собой не чувствовалъ и, кажется, позабылъ про обѣщанные три молебна. Во время приготовленія къ походу, я, какъ и всегда передъ тѣмъ, очень часто видался съ дядею Исленьевымъ, который внушилъ мнѣ благую мысль просить Великаго Князя о переводѣ меня въ Преображенскій полкъ, обѣщаясь съ своей стороны ходатайствовать въ томъ же смыслѣ. При первомъ же посѣщеніи Великаго Князя, я, осмѣленный его постоянными ласками, выступилъ впередъ и заявилъ мою просьбу.

— Что? Къ дядюшкѣ на баловство! Вздоръ, я тебя изъ своего полка не выпущу» (онъ былъ шефомъ Московскаго полка). Я повѣсилъ носъ; но не надолго... черезъ два-три дня вышелъ приказъ о перечисленіи меня въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Съ этого времени начались окончательные сборы къ походу; меня стали водить въ швальню Преображенскаго полка, для пригонки одежды и аммуниціи, сшили мнѣ овчинный полушубокъ, теплые сапоги, купили новую телѣгу для вещей съ кожаною покрышкою и тройкою лошадей простыхъ, но крѣпкихъ и надежныхъ, изъ коихъ пару въ упряжь, а третью подъ верхъ. Я былъ просто въ восхищеніи отъ моего экипажа, и немудрено! Это была первая моя собственность, послѣ жестяной чернильницы. Я поступилъ въ 3-ю роту, по избранію дяди, на руки къ аккуратному капитану Павлу Петровичу Шрейдеру, имѣя ротнымъ товарищемъ подпоручика Дм. Пет. Ѳедорова. И наконецъ, получивъ благословеніе матушки и по совершеніи напутственнаго полку молебна, 31 Января 1831 г., при 20%-мъ морозѣ, мы выступили изъ Петербурга.

Глава четвертая.

Не стану въ подробности описывать наше постепенное движеніе къ мѣсту первоначальнаго нашего назначенія, которымъ былъ гор. Вильна, какъ потому, что я этихъ подробностей теперь не припомню, такъ равно и въ виду нежеланія слишкомъ растягивать мой разсказъ, предоставляя себѣ нѣсколько останавливаться на тѣхъ этапахъ, ко-

торые оставили во мнѣ какое-либо впечатлѣніе. Скажу только, что все это путешествіе было для меня чрезвычайно пріятно: я былъ настолько тепло одѣтъ, что нимало не страдалъ отъ холода; очень уставать на переходахъ тоже не могъ, имѣя при себѣ верховую лошадь, а на дневкахъ, которыя бывали черезъ два и три дня, я просто наслаждался. Маршрутъ нашъ велъ насъ изъ Петербурга на Ямбургъ, Нарву и т. д. къ Остзейскимъ, а потомъ Польскимъ провинціямъ. Во всѣхъ городахъ, городкахъ и сколько-нибудь просвѣщенныхъ мѣстечкахъ, намъ готовились подобающія Императорской гвардіи, а въ особенности Преображенскому первому ея полку, встрѣчи и угощенія, обѣды, балы и проч. Я помню, что мы пришли въ маленькій городокъ Вилькомиръ, жители коего, не желая отстать отъ прочихъ своихъ собратій, разослали намъ приглашеніе на балъ слѣдующаго дня, а въ день нашего вступленія въ городъ было объявлено представленіе въ театрѣ. Разумѣется, мы всѣ, офицеры и подпрапорщики, не пропустили случая посѣтить и то и другое. Началось съ театра, въ которомъ мы вынуждены были сидѣть въ шубахъ, такъ какъ это было старое, ветхое, деревянное зданіе и, кажется, безъ печей; сидѣть намъ дѣйствительно было не очень покойно на деревянныхъ скамейкахъ, но за то актеры, закутанные по образу и подобію нашему, во все что́ у нихъ имѣлось теплаго, представляли собою рѣдкій примѣръ привычки къ сценѣ и необычайной развязности въ движеніяхъ: не смотря на таинственный полумракъ, царствовавшій на сценѣ отъ нѣсколькихъ зажженныхъ за кулисами свѣчей, нельзя было не замѣтить ихъ выразительныхъ гримасъ, относившихся къ публикѣ, а иногда угрожающихъ жестовъ, обращенныхъ къ несогласному и фальшивѣйшему оркестру.

Сначала мы сидѣли довольно смирно, но въ послѣдствіи нами овладѣлъ общій восторгъ, и офицеры наши начали выражать вслухъ тѣ впечатлѣнія (разумѣется, пріятныя), которыми они были преисполнены, къ немалому удовольствію, какъ самихъ актеровъ, такъ равно и прочей публики, наполнявшей театръ. Наконецъ, дошло до того, что въ одномъ изъ антрактовъ, кто-то намазалъ саломъ смычки вышедшихъ музыкантовъ, и, при всемъ ихъ усердіи и стараніи, ни увертюра слѣдующаго акта, ни акомпаниментъ пѣвуновъ состояться болѣе не могли. Счастливая выдумка была вознаграждена громкими рукоплесканіями и общею радостію, выраженною гомерическимъ смѣхомъ. Это театральное представленіе дало намъ ясное понятіе о веселомъ расположеніи духа Вилькомирскаго общества, такъ что на другой день, отправляясь на званый балъ, мы уже знали съ кѣмъ имѣемъ дѣло и такъ уже и приготовились. Дѣйствительно, балъ былъ совер-

шенно въ характерѣ театральнаго представленія, и мы, напрыгавшись и нахохотавшись до сыта, далеко за полночь возвратились по домамъ, многіе офицеры въ сюртукахъ на распашку по причинѣ неимѣнія всѣхъ своихъ пуговицъ, розданныхъ на память или въ *сувениръ*, какъ они выражались, Вилькомирскимъ дамамъ.

Мы трое, т.-е. Шрейдеръ, Ѳедоровъ и я, составляли одну артель и останавливались на одной квартирѣ, лучшей изъ всего ротнаго расположенія. Для отвода этихъ квартиръ всегда наканунѣ отправлялись впередъ ротные квартирьеры. Въ нашей ротѣ начальникомъ квартирьерской команды былъ унтеръ-офицеръ Казанцовъ, человѣкъ молодой, проворный, смѣтливый, и на немъ лежала исключительно обязанность приготовленія офицерской квартиры. Онъ, бывало, успѣетъ обѣжать всѣ окрестности, осмотрѣть всѣ мызы, фольварки и корчмы, освѣдомиться даже о числѣ и свойствахъ живущихъ въ нихъ и ихъ достаткахъ и имѣющейся провизіи и, въ самомъ, по его соображенію удобномъ помѣщеніи, назначаетъ нашу временную резиденцію. Такъ какъ мы шли по-ротно, то хотя мы и имѣли маршрутъ слѣдованія по числамъ; но отъ ротнаго командира зависѣло, и имъ всегда разрѣшалось, отводить квартиры, для болѣе удобнаго размѣщенія, въ особенности же на время дневки, не именно въ назначенномъ по маршруту пунктѣ, а и по окрестностямъ, въ недальнемъ разстояніи и даже въ сторону отъ большой дороги. Всякій день, бывало, идешь и думаешь: гдѣ-то я сегодня буду ночевать, а завтра проводить день дневки? И смотришь, бывало, при концѣ перехода, кто-то вдали стоитъ на дорогѣ, это вѣрно нашъ квартирьеръ? Подходишь ближе, такъ и есть это Казанцовъ

— Ну что, Казанцовъ, далеко-ли?—«Версты двѣ въ сторону, на мызѣ».—Хорошее помѣщеніе? — «Панъ уступаетъ свою гостиную и спальню».—А паненки есть?—«Есть и паненки».—Сколько? — «Три». —И хорошенькія?—«Ничего, хороши, при пукляхъ и подъ зонтиками». —Ну, поживемъ!

Потомъ, обыкновенно, начинаются разспросы квартирьера ротнымъ командиромъ по хозяйственной части: удобно-ли размѣщеніе людей (т.-е. солдатъ), хорошъ-ли у крестьянъ приварокъ, достаточно-ли для насъ фуража и провизіи? и т. д. и т. д.

Такъ, или почти такъ, продолжался весь нашъ походъ до Вильны. За одну станцію до этого города весь нашъ полкъ собрался вмѣстѣ, и мы съ церемоніею, подъ музыку, съ распущенными знаменами, яко какіе-то побѣдители, вступали въ Вильну, гдѣ насъ встрѣтилъ и осмотрѣлъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Въ Вильнѣ мы пробыли, сколько мнѣ помнится, около недѣли; обѣдамъ, баламъ, спектаклямъ и всякимъ чествованіямъ конца не было.

Наконецъ, мы выступили далѣе, получивъ маршрутъ до границы Царства Польскаго, мѣстечка Тихоцынъ. Очень забавно, что одинъ изъ нашихъ офицеровъ, поручикъ Языковъ (Александръ Петровичъ), встрѣтивъ въ обществахъ Вильны какую-то барышню по имени Емма, такъ ею восхитился, что въ продолженіе всего дальнѣйшаго похода писалъ это имя на всѣхъ недвижимыхъ предметахъ, попадавшихся на дорогѣ, т.-е. на верстовыхъ и другихъ столбахъ, на корчмахъ и домахъ и проч., на темныхъ мѣломъ, а на бѣлыхъ углемъ, всегда имѣвшимися у него въ запасѣ, и это продолжалось до самыхъ стѣнъ Варшавскихъ укрѣпленій, которыя судьба предназначила ему брать штурмомъ съ вызванными отъ всѣхъ полковъ гвардіи охотниками; такъ что по частымъ надписямъ на дорогѣ «*Емма*» всегда легко можно было отыскивать мѣсто расположенія Преображенскаго полка.

Съ выступленіемъ изъ Вильны, удобства нашего похода много измѣнились; мы пошли уже не по-ротно, какъ до того времени, а цѣлымъ полкомъ совокупно; вслѣдствіе чего размѣщеніе наше по квартирамъ было несравненно тѣснѣе, но за то общество офицеровъ становилось многочисленнѣе и разнообразнѣе. Не доходя до Тихоцына, пункта нашего назначенія, за три, или четыре дня, получено было у насъ приказаніе, какъ можно ускорить наше движеніе, форсированнымъ маршемъ спѣшить въ Тихоцынъ, тамъ оставить всѣ наши повозки, переложить необходимыя для насъ вещи на вьюки и тотчасъ-же слѣдовать далѣе уже на военномъ положеніи, не полкомъ, а цѣлою дивизіею, въ полномъ ея составѣ и съ артиллеріею, и располагаться уже не по квартирамъ, а на бивуакахъ. Въ исполненіе этого приказанія, мы всѣ три остающіеся перехода сдѣлали въ одинъ и, измученные до невозможности, пришли въ Тихоцынъ ночью; тутъ нужно было неотложно хлопотать объ устройствѣ вьюковъ, которые у насъ вовсе не были заготовлены, о сдачѣ повозокъ и проч. и проч. и на другое утро выступать уже въ боевомъ порядкѣ. Правда, что участіе мое въ этихъ хлопотахъ было не очень отяготительно, вслѣдствіе состоявшей надо мною бдительной опеки капитана Шрейдера и приставленнаго ко мнѣ дядькою унтеръ-офицера Ивана Журавлева; но все-таки мнѣ немного удалось уснуть въ эту памятную ночь, а на другое утро я, вмѣстѣ со всѣмъ выступающимъ войскомъ, опустилъ въ мое цѣломудренное ружье первую, грозную, на врага отечества, пулю.

Не припомню, въ какомъ именно мѣсяцѣ это было; но весна чувствительно вступала уже въ свои права, грязь была невылазная, и дождь не переставалъ лить, кажется, цѣлую недѣлю. Промоченные до костей, мы продолжали подвигаться форсированнымъ маршемъ впередъ; поспѣшность такъ была велика, что для отдыха намъ давали не

болѣе 4—5 часовъ ночи на сырой землѣ, и нерѣдко случалось, что только солдаты лишь усядутся обѣдать, вдругъ раздается команда: «Вываливай кашу! Надѣвай ранцы!» И опять впередъ. Къ довершенію удовольствія этого труднаго путешествія, артиллерія наша безпрестанно увязаетъ въ грязи, и нашихъ людей заставляютъ, по поясъ въ водѣ, вытаскивать огромныя батарейныя орудія.

Однимъ словомъ, мы всѣ до того были изнурены и измучены, что въ одинъ прекрасный дождливый день, когда очередная рота, шедшая во главѣ колонны, занималась вытаскиваніемъ загрязшей артиллеріи и тѣмъ остановила наше шествіе, всѣ, отъ генерала до послѣдняго солдата, ринулись на размокшую землю, и въ одно мгновеніе всѣ заснули мертвымъ сномъ. Это было на разсвѣтѣ; артиллерію вытащили, и она отправилась на указанную для всей дивизіи позицію. Тутъ только хватились, что въ дивизіи одного полка не хватаетъ. Гдѣ Преображенскій полкъ? Не видалъ ли кто Преображенскаго полка? Адъютанты скачутъ во всѣ стороны, и одинъ изъ нихъ наталкивается, наконецъ, не на двѣнадцать спящихъ дѣвъ, а на двѣнадцать благополучно почивающихъ ротъ л.-гв. Преображенскаго полка.

Въ особенности дождь и сырость мучили насъ; рубашки наши не просыхали, и неоднократно намъ приходилось ихъ мѣнять на открытомъ дождѣ. Мы никакъ не могли разъяснить себѣ причину этого спѣшнаго бѣгства впередъ, продолжавшаго цѣлыхъ 7 или 8 дней; но разгадка эта скоро сама представилась глазамъ нашимъ въ видѣ свѣжаго, только что покинутаго поля сраженія. Оказывается, что, въ предвидѣніи генеральнаго сраженія съ Поляками подъ городомъ Остроленкою, насъ торопили на помощь сражавшихся армейскихъ войскъ; но къ несчастію, при всемъ нашемъ усердіи, мы все-таки опоздали и явились уже на оставленный театръ горячей и стойкой битвы.

Это было для меня первымъ въ моей жизни зрѣлищемъ поля сраженія и потому глубоко врѣзалось въ моей памяти. На 8-й день, или правильнѣе на разсвѣтѣ 8-й ночи, измученный, мокрый, дремалъ я сидя на своей верховой лошади, неправильное движеніе которой заставило меня открыть глаза: передо мною лежалъ тяжело раненый Русскій солдатъ, съ оторванными съ лѣвой стороны рукою и ногою; лицо его выражало невыносимое страданіе. «Ради Бога», обратился онъ ко мнѣ при моемъ приближеніи, «пристрѣлите меня, или прикажите вашимъ солдатамъ меня штыкомъ приколоть, мочи моей не хватаетъ».

Сердце облилось во мнѣ кровью, и безпомощный я отвернулся отъ несчастнаго. Немного далѣе такой же страдалецъ подползъ къ случайно попавшемуся камню и, ударяясь о него головою, старался лишить себя жизни. Тутъ и тамъ въ разныхъ положеніяхъ разбросаны

мертвыя тѣла убитыхъ людей и лошадей, обломки лафетовъ артиллерійскихъ орудій, кое-гдѣ еще дымятся скорострѣльныя трубки взорванныхъ гранатъ и проч. и проч. При этомъ мнѣ представился случай повидать и подивиться хладнокровію и философіи нашего солдата: почти ни одного мертваго тѣла не видно было въ полной одеждѣ, у инаго была снята шинель, у всѣхъ—сапоги, а иной лежалъ и совершенно нагой. Это товарищи, оставшіеся въ живыхъ, разсчитывая, что на томъ свѣтѣ не нужны ни сапоги, ни одежда, разоблачаютъ покойниковъ, теряя изъ виду, что завтра, можетъ-быть, и имъ эти вещи будутъ совершенно безполезны.

Хуже всего то, что иногда и живые еще, но безнадежные, оставляемые за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, на произволъ судьбы, подвергаются таковому же разоблаченію, и эти несчастные, въ добавленіе къ неистовымъ страданіямъ отъ тяжкихъ ранъ, принуждены еще мучиться отъ холода; я видѣлъ двухъ страдальцевъ въ этомъ положеніи, сползшихся рядкомъ и вмѣстѣ покрытыхъ одною шинелью, и то были: Полякъ и Русскій! Видно, смерть примиряетъ всѣхъ, подумалъ я, покидая это печальное зрѣлище, произведшее на меня такое сильное впечатлѣніе, что много лѣтъ послѣ, я, безъ лихорадочнаго чувства, не могъ видѣть разсвѣта, ежели мнѣ прежде не удалось уснуть.

Глава пятая.

Дѣла наши въ Польшѣ шли очень плохо. Выступая изъ Петербурга, мы имѣли твердое убѣжденіе, что, прежде даже, чѣмъ мы успѣемъ дойдти до перваго пункта нашего назначенія, т.-е. до Вильны, мятежъ будетъ усмиренъ, и намъ, къ общему сожалѣнію, не придется и пороху понюхать; а ежели, паче чаянія, Поляки удержатся до прибытія гвардіи, то мы ихъ просто-на-просто шапками закидаемъ. На повѣрку же вышло совсѣмъ не то: Поляки держались не только противъ нашихъ войскъ, но даже нерѣдко случалось имъ выигрывать сраженія. По крайней мѣрѣ, слухи изъ арміи, до насъ доходившіе, были крайне неутѣшительны. Мы всѣ, не только офицеры, но и солдаты горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ; но это все какъ-то не удавалось: насъ постоянно передвигали съ мѣста на мѣсто, и мы все приходили или слишкомъ поздно или рано и непріятельскіе выстрѣлы слышали только издали. Дошло, наконецъ, до того, что вся гвардія, подъ командою Великаго Князя Михаила Павловича, очутилась отрѣзанною отъ дѣйствующихъ войскъ, и всякое сообщеніе съ главнокомандующимъ было одно время прервано. Въ одинъ прекрасный день (при этомъ случаѣ, разъ навсегда считаю нужнымъ оговориться, что по предмету хронологіи я сильно прихрамываю, и память моя поло-

жительно отказывается именовать, какъ нѣкоторыя мѣстности, въ которыхъ совершились какія-либо происшествія, такъ равно и мѣсяцы и числа, въ которыя эти происшествія совершились; конечно, я легко могъ бы извлечь эти свѣдѣнія изъ моего послужнаго списка, но признаюсь откровенно, мнѣ этого крайне не хочется, потому что я не имѣю претензіи писать исторію, а просто разсказываю свою жизнь со всею ея обстановкою, такъ какъ она представляется моей памяти). За симъ продолжаю мой разсказъ. И такъ, въ одинъ прекрасный день весь гвардейскій корпусъ получаетъ приказаніе, какъ можно скорѣе ретироваться и, переправившись чрезъ рѣку Наревъ, построиться въ боевой порядокъ. Зачѣмъ, для чего?.. Неизвѣстно! Не менѣе того приказаніе исполняется въ точности: всѣ полки, почти бѣгомъ, наталкиваясь одинъ на другой, переходятъ чрезъ мостъ въ версту длиною и располагаются на другомъ берегу Нарева.

Прошло часовъ пять послѣ нашего постыднаго бѣгства отъ мнимаго непріятеля, всѣ успокоились, ружья были составлены въ козлы; солдаты, отобѣдавъ кто какъ могъ и какъ умѣлъ, отдыхали, растянувшись на землѣ. Дядя Ник. Алек. со своимъ полковымъ штабомъ, въ числѣ коего я всегда былъ непремѣннымъ членомъ, сѣли за столъ, и только что намъ подали супъ, вдругъ... пушечный выстрѣлъ, потомъ другой, третій! Всѣ вскочили, тревога! Чтó такое? Надѣвай ранцы, разбирай ружья! Раздается команда. Въ пять минутъ вся гвардія была въ строю.

Первымъ зрѣлищемъ представился намъ л.-гв. кирасирскій Его Величества полкъ, несшійся маршъ-маршемъ черезъ мостъ съ той стороны Нарева, съ полковымъ его командиромъ ген. маіоромъ Ж. .. впереди, грозно державшимъ въ правой рукѣ пистолетъ. Сзади ихъ, въ дальнемъ еще разстояніи, начинали показываться на возвышеніи вытягивающіяся непріятельскія войска, выставившія впередъ два орудія,—причину всей этой тревоги. Храбрый ген. Ж..., проходя мимо насъ съ своимъ полкомъ, былъ порядочно нами ошиканъ и осмѣянъ. Суть дѣла оказалась вотъ въ чемъ: мы были, какъ я выше сказалъ, лишены сообщенія съ дѣйствующею арміею, и нашъ корпусный командиръ поставленъ былъ въ необходимость дѣйствовать самостоятельно, а потому при штабѣ его состояли разные жиды-шпіоны и развѣдчики, посредствомъ которыхъ онъ получилъ свѣдѣніе, что значительный отрядъ Польскихъ войскъ направляется намъ въ тылъ съ цѣлью отрѣзать насъ отъ Нарева, т.-е. отъ нашей границы. Во избѣжаніе исполненія непріятелемъ этого плана и была совершена нами слишкомъ быстрая переправа; а кирасирскій полкъ, оставленный на томъ берегу въ видѣ аванпостовъ, преисполненный своихъ казарменныхъ при-

вычекъ, счелъ нужнымъ разсѣдлать и размундштучить своихъ лошадей, а самому расположиться на отдыхъ. Неожиданно потревоженные ядрами подошедшаго непріятеля, кирасиры, имѣя во главѣ своего командира, бросились спасаться, кто какъ можетъ. Когда Поляки показались изъ-за горы и развернули на возвышенности свои силы, выдвинувъ предварительно впередъ два орудія, безпокоившія насъ своими ядрами, то, предполагая въ нихъ намѣреніе атаковать насъ черезъ рѣку, насъ построили въ боевой порядокъ и вызвали впередъ застрѣльщиковъ, въ числѣ коихъ находились всѣ наши подпрапорщики добровольцами, а слѣдовательно и я. Радость, по истинѣ, была общая; наконецъ-то, мечтали мы, удастся намъ показать себя въ дѣйствительномъ дѣлѣ и заслужить или пулю въ лобъ, или крестъ на грудь. Но увы! Ни того ни другаго не случилось; да и не могло случиться, по соображенію обстоятельствъ: не успѣвъ отрѣзать насъ отъ Нарева и атаковать въ тылъ, непріятель не имѣлъ никакой возможности, да и надобности, вести атаку съ фронта на свѣжій, готовый къ бою и отборный гвардейскій корпусъ, переправляясь черезъ быструю, широкую и болотистую по берегамъ рѣку, безъ всякихъ другихъ средствъ, кромѣ узкаго и длиннаго моста. Мало того, для вящей еще нашей безопасности, по распоряженію нашего начальства, мостъ былъ взорванъ, причемъ совершенно напрасно были убиты ядромъ Семеновскаго полка поручикъ Криднеръ и нѣсколько нижнихъ чиновъ, и такимъ образомъ всякая переправа дѣлалась немыслимою. Не менѣе того, мы продолжали стоять въ ружьѣ, выстроенные въ боевой порядокъ на самомъ берегу рѣки и тѣмъ служить какъ бы мишенью для двухъ выставленныхъ противъ насъ Польскихъ орудій; наша артиллерія въ числѣ нѣсколькихъ батарей нещадно громила эти дерзкія орудія, которыя ей, дѣйствительно, удалось сбить и заставить молчать по истеченіи двухъ или трехъ часовъ ожесточенной пальбы. Мы же все это время оставались, ежели неравнодушными, то совершенно безучастными зрителями, имѣя удовольствіе отъ времени до времени получать непріятельскія ядра въ наши невинныя колонны, уносившія нашихъ людей. Наконецъ, кто-то изъ штабныхъ подалъ благой совѣтъ корпусному командиру: отложивъ излишнюю и безполезную храбрость, отодвинуть корпусъ на нѣсколько саженъ далѣе; и, дѣйствительно, при совершеніи этого маневра, непріятельскія ядра, рикошируя по шоссе и не долетая до строя, завязали въ находившемся передъ нами болотѣ, такъ что деньщики наши, лишенные всякаго болѣе полезнаго занятія, бѣгали вырывать ихъ руками.

Тѣмъ и кончилось это пресловутое дѣло гвардейскаго корпуса подъ мѣстечкомъ «*Жолтки*», о которомъ всякій можетъ прочитать въ

любомъ изъ нашихъ послужныхъ списковъ съ повѣствованіемъ о нашемъ *мужествѣ* и *храбрости*, оказанныхъ при этомъ случаѣ. Въ послѣдствіи времени, мы крайне были удивлены, узнавъ, что многіе изъ состоявшихъ при штабѣ гвардейскаго корпуса, да чуть ли и не самъ корпусный командиръ, получили значительныя награды за это «*побѣдоносное*» дѣло.

Вотъ какъ часто, пишутся боевыя реляціи! Вотъ какъ часто жизнь и судьба многихъ людей зависятъ отъ большей или меньшей распорядительности начальника! Вся гвардія была преисполнена великолѣпнымъ духомъ; мы всѣ, до послѣдняго солдата, жаждали подраться, и насъ не пускали! Мы бы, кажется, проглотили этотъ дрянной Польской отрядишко съ его двумя пушками... а насъ заставили ретироваться передъ нимъ; да еще послѣ, какъ бы въ насмѣшку, награждаютъ и восхваляютъ за храбрость!

Сколько могу припомнить, послѣ этого *сраженія*, послѣ неоднократныхъ съ мѣста на мѣсто безпослѣдственныхъ передвиженій, въ продолженіе коихъ въ войскахъ нашихъ сталъ осязательно чувствоваться недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ (такъ что солдаты наши преимущественно питались собираемыми ими по дорогѣ грибами), насъ вмѣстѣ со всѣмъ корпусомъ стянули къ Польскому уже городу *Ломжѣ*, гдѣ находилась главная квартира дѣйствующей арміи и самъ главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Дибичъ Забалканскій. Не знаю, что̀ творилось въ высшихъ сферахъ въ это время; но очень хорошо помню, что мы съ полкомъ цѣлый мѣсяцъ простояли по квартирамъ въ окрестностяхъ *Ломжи*, въ большой деревнѣ *Купишки*.

Глава шестая.

Стоянка эта была для насъ довольно пріятна: всѣ офицеры полка были вмѣстѣ, придумывали всякія забавы и развлеченія, гулянія, посѣщенія г. Ломжи, гдѣ между прочимъ находился и нашъ полковой штабъ; вечеромъ собирались играть въ карты, пѣть хоровыя пѣсни и проч. Меня, какъ помню, въ особенности занимали воспитаніе и выѣздка моихъ лошадей; преимущественно моя верховая была отлично приручена и бѣгала за мною, какъ собака, что̀ не мало доставляло мнѣ удовольствія. Однажды вечеромъ, когда уже стемнѣло, нѣкоторые изъ нашихъ солдатиковъ, провѣдавъ, что недовѣрчивые крестьяне скрываютъ отъ насъ свое имущество, зарывая его въ землю въ лѣсахъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ, вздумали воспользоваться дешевой наживой и въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ отправились съ лопатами въ лѣсъ. Подкараулившіе ихъ мѣстные жители затѣяли съ ними драку, поднялся крикъ, гвалтъ; многіе другіе солдаты, случайно

находившіеся внѣ селенія, услыхавъ въ непроницаемомъ мракѣ, крики на Польскомъ нарѣчіи, вообразили себѣ внезапное нападеніе непріятеля и начали кричать: Поляки! Поляки! Кракусы! Разбирай ружья! Командиръ нашего третьяго баталіона, полковникъ Бѣлявцовъ, проходилъ въ это время по улицѣ селенія; крики эти, постепенно усиливавшіеся, его озадачили и, опасаясь потерять время на разбирательство ихъ причины, онъ приказалъ близъ находившемуся барабанщику ударить тревогу. Надо было видѣть, какая тутъ началась суматоха. Офицеры и солдаты спѣшили наскоро одѣваться и, выбѣгая на улицу, натыкались другъ на друга, перекликались, не зная въ темнотѣ куда бѣжать для занятія своего мѣста и т. д. Наконецъ, весь полкъ былъ подъ ружьемъ, все успокоилось, разобрали причину этой катавасіи, виновника приказано было наказать, и всѣхъ распустили на сонъ грядущій; но этимъ дѣло не кончилось. Мы, кажется, не сообразили, что находимся на военномъ положеніи, что вокругъ насъ расположены по деревнямъ всѣ другіе полки гвардейскаго корпуса, которые, услыхавъ, что у насъ бьютъ тревогу и не вѣдая тому причины, сочли своею обязанностію, и совершенно справедливо, послѣдовать нашему примѣру. Однимъ словомъ: отъ одного къ другому, отъ другаго къ третьему, и не болѣе, какъ черезъ часъ весь корпусъ былъ въ ружьѣ и въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній. Между тѣмъ корпусный штабъ, точно также поднятый на ноги, разсылалъ во всѣ стороны адъютантовъ и ординарцевъ для узнанія причины общей тревоги. Ночь была такъ темна, что многіе изъ посланныхъ вовсе не могли попасть къ мѣсту своего назначенія, иные же попадали въ ямы и канавы, и обстоятельство это разъяснилось не ранѣе, какъ съ наступленіемъ дня. Многіе полки, ожидая и не получая никакихъ дальнѣйшихъ приказаній, провели эту ночь въ строю, безъ сна. Вотъ что-называется гора родила мышь!

Войска наши продолжали бездѣйствовать, когда разнесся слухъ, что изъ Петербурга къ фельдмаршалу Дибичу пріѣзжалъ генералъ-адъютантъ графъ О. На второй или третій день по его пріѣздѣ, новый слухъ, что Дибичъ заболѣлъ холерою (которой въ войскахъ еще вовсе не было), а тамъ, черезъ день, мы получили свѣдѣніе о кончинѣ Дибича. Солдаты говорили, что О. пріѣзжалъ къ Дибичу съ приказаніемъ ему умереть, и онъ взялъ, да и умеръ! Такъ ли это, или иначе? Господь ихъ знаетъ; но оно дѣйствительно было на то похоже.

Вскорѣ послѣ кончины Дибича вновь возобновились военныя дѣйствія подъ главнымъ начальствомъ начальника штаба дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанта графа Толя, а тамъ въ непродолжи-

тельномъ времени пріѣхалъ графъ Паскевичъ Эриванскій и принялъ должность главнокомандующаго. Нельзя не сознаться, что со вступленіемъ Паскевича дѣла наши пошли гораздо успѣшнѣе; о выигранныхъ Поляками сраженіяхъ уже и слуховъ не было: ихъ вездѣ разбивали и тѣснили къ Варшавѣ. Нашъ полкъ имѣлъ случай участвовать въ нѣсколькихъ не особой важности перестрѣлкахъ съ непріятелемъ, которыя всѣ прописаны въ нашихъ формулярныхъ спискахъ, но о которыхъ я положительно особого ничего припомнить не могу; знаю только, что за одно изъ этихъ *сраженій* мы всѣ подпрапорщики (насъ было семь человѣкъ въ Преображенскомъ полку), *въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ сраженіи противъ Польскихъ мятежниковъ,* произведены были въ офицеры. Всегда говорятъ, что первый офицерскій чинъ бываетъ несравненно пріятнѣе всѣхъ послѣдующихъ; но этого я не испыталъ и весьма мало порадовался моему благородію. Мнѣ такъ было хорошо въ моей солдатской шинели; я находился подъ крылышкомъ у добраго дяди, который меня любилъ и берегъ, сколько могъ; никакая отвѣтственность меня не тревожила, никакая особая обязанность по службѣ на мнѣ не лежала; я былъ почти, что̀ называется, вольный казакъ. Съ офицерствомъ же начинались для меня караулы, дежурства, и прочія обязанности гарнизонной службы на ряду съ остальными офицерами; къ тому же и новая обмундировка моя немало меня затрудняла: мы постоянно стояли на бивуакахъ вдали отъ городовъ, и много потребовалось времени и хлопотъ, чтобы мнѣ обмундироваться въ офицерскую форму.

Продолжая наше передвиженіе изъ стороны въ сторону, съ мѣста на мѣсто, мы наконецъ, въ общемъ составѣ дѣйствующихъ войскъ, придвинулись къ стѣнамъ Варшавы, и во второй половинѣ Августа началось бомбардированіе этого города, весьма сильно укрѣпленнаго Поляками. Съ перваго же дня начала бомбардированія Варшавы, я былъ назначенъ безсмѣннымъ ординарцемъ (въ родѣ временнаго адъютанта) къ командующему всею пѣхотою гвардейскаго корпуса, почтенному и храброму генералъ-адъютанту Бистрому. За нѣсколько времени передъ тѣмъ я случайно купилъ у одного казака прекрасную, молодую, рыженькую кобылку, самъ ее отлично выѣздилъ подъ верхъ, и она мнѣ какъ нельзя лучше послужила при этомъ случаѣ. Польскія войска весьма часто дѣлали вылазки изъ города, и передовые полки гвардейскаго корпуса, при которыхъ безотлучно находился генералъ Бистромъ, а слѣдовательно и я, постоянно принимали участіе въ горячей перестрѣлкѣ съ непріятелемъ и въ атакахъ.

На второй или третій день сраженія подъ стѣнами Варшавы, я былъ очевидцемъ великолѣпнаго дѣла л.-гв. Гусарскаго полка. Изъ одной изъ заставъ города выступилъ значительный отрядъ Польской кавалеріи, направлявшейся на лѣвый флангъ нашей линіи. Л.-гв. Гусарскій полкъ, получивъ приказаніе атаковать этотъ отрядъ, бросился съ мѣста маршъ маршемъ впередъ, въ одно мгновеніе смялъ Польскую кавалерію, обратилъ ее въ бѣгство и пустился ее преслѣдовать. Увлеченіе было такъ велико, что гусары не замѣтили, какъ на плечахъ у непріятеля они вскочили въ предмѣстье города, за ними опустили шлагбаумъ, и они очутились, какъ въ мышеловкѣ, окруженные свѣжими войсками Поляковъ. Раздумывать было некогда, ретироваться невозможно; мы, сочувственные свидѣтели этого эпизода, почитали уже лейбъ-гусаровъ окончательно погибшими, и какова же была наша радость и удивленіе, когда, черезъ нѣсколько минутъ, мы увидали нашихъ храбрецовъ, выскакивающихъ изъ города чрезъ другую заставу!

Молодцы лейбъ-гусары, прорубившись сквозь окружившія ихъ войска и проскакавъ по улицамъ невзятаго непріятельскаго города, вылетѣли изъ близъ лежащей заставы въ глазахъ оторопѣвшихъ Поляковъ, не подумавшихъ остановить ихъ стремленіе; правда, что гусары оставили убитыми и ранеными въ стѣнахъ города почти четверть всего полка. Когда, по взятіи Варшавы, мы посѣтили военный госпиталь, то въ числѣ раненыхъ я самъ видѣлъ лейбъ-гусарскаго офицера Слѣпцова, получившаго въ этомъ дѣлѣ 17 ранъ холоднымъ оружіемъ, и я видѣлъ его совершенно уже выздоравливающимъ; но къ несчастію онъ скоро послѣ того умеръ жертвой своей невоздержности.

Послѣ нѣсколькихъ дней бомбардированія города, рѣшено было идти на приступъ передовыхъ его укрѣпленій, и на этотъ предметъ вызывались охотники изо всѣхъ пѣхотныхъ полковъ гвардіи; всего требовалось съ каждаго полка по четыре оберъ-офицера и не помню сколько нижнихъ чиновъ. Что всѣ, до единаго, офицеры Преображенскаго полка заявили желаніе идти въ охотники, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но что весь полкъ солдатъ пожелалъ принять участіе въ приступѣ, это доказываетъ великолѣпный духъ нашего войска.

Для соглашенія числа предложеній съ числомъ потребности, начальство наше нашлось въ необходимости принять жеребьевой способъ, какъ между офицерами, такъ равно и между нижними чинами. Изъ числа офицеровъ вытянули желанные билеты: поручикъ Языковъ (Александръ Петровичъ), подпоручикъ Хозиковъ (Ѳедоръ Николаевичъ) и прапорщики баронъ Розенъ (Александръ Григорьевичъ) и Челищевъ (Алексѣй Егоровичъ).

Наконецъ, 25-го Августа, въ день, назначенный для штурма Варшавскихъ укрѣпленій, избранные охотники наши, сопровождаемые искренними пожеланіями всѣхъ насъ, завидующихъ ихъ участи, отправились на свой блистательный подвигъ. Нечего говорить, что всѣ они во время приступа были въ головѣ штурмующей колоны и какъ офицеры, такъ и солдаты дѣйствительно показали собою примѣръ отличной храбрости.

Изъ всѣхъ офицеровъ, бывшихъ въ охотникахъ, оказался раненымъ одинъ Языковъ, и то очень легко въ ногу, прочіе-же вышли изъ дѣла совершенно невредимыми; но любопытно было видѣть, какъ близка была отъ нихъ смерть и какъ Провидѣніе хранило ихъ. Напримѣръ, прапорщикъ Розенъ, въ пылу общаго увлеченія, ворвался въ костелъ *Воли*, гдѣ были сосредоточены непріятельскіе резервы. Солдаты наши, занятые рукопашнымъ боемъ на валахъ укрѣпленій, какъ-то не вдругъ поспѣли за своимъ офицеромъ, и Розенъ очутился одинъ между сотнями Поляковъ. Одинъ ударъ штыкомъ, и дѣло его было порѣшеное! Нужно же было, чтобы Поляки до того потеряли головы, что вмѣсто того, чтобы колоть, повернули ружья прикладами, которыми и сбили Розена съ ногъ; въ этотъ самый моментъ подоспѣли солдаты и выручили его изъ весьма критическаго положенія. По окончаніи сраженія, когда поосмотрѣлись, на томъ же прапорщикѣ Розенѣ оказалось нѣсколько нанесенныхъ ему ударовъ, не причинившихъ ему ни малѣйшаго вреда; а именно: 1-е) лаковой кожи киверъ его былъ сверху разрубленъ, и ударъ оружія остановился на полвершка отъ головы, 2-е) одна пуля попала ему вскользь груди и остановилась въ ватѣ сюртука; 3-е) другая пуля попала въ металлическій знакъ, имѣвшійся у него на самомъ горлѣ, продавила этотъ знакъ, но до тѣла не дошла, 4-е) третья пуля попала въ кожаныя ножны отъ сабли, висѣвшія у самой ноги; ножны прострѣлены на сквозь, нога не тронута, и наконецъ 5-е) штыкомъ оказался у него проколотымъ сюртукъ, панталоны и все исподнее бѣлье насквозь, на тѣлѣ же ни царапины! Случай этотъ я разсказалъ въ подробности, какъ дѣйствительно рѣдкій примѣръ особеннаго покровительства Провидѣнія, и за то прапорщикъ Розенъ былъ исключительно награжденъ офицерскимъ Георгіевскимъ крестомъ.

На другой день приступа, т.-е. 26-го Августа 1831 года, Поляки сдали Варшаву съ тѣмъ, чтобы войску ихъ было безпрепятственно дозволено выступить изъ города, по направленію къ крѣпости Люблину. Эта уже была послѣдняя, такъ сказать, вспышка умирающей революціи, которой, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія, не сочли нужнымъ препятствовать, вслѣдствіе чего наши войска съ распущен-

ными знаменами и музыкой входили побѣдителями въ Варшаву съ одной стороны, въ то самое время, какъ Польская армія переходила мостъ черезъ Вислу, направляясь къ Люблину.

Гвардія наша осталась въ столицѣ Польши, расположившись бивуаками на ея площадяхъ; армія же отправилась въ преслѣдованіе за непріятелемъ. Но этотъ походъ уже продолжался недолго; недѣли черезъ двѣ или три Поляки безусловно сдались, повергая участь свою милосердію Русскаго Императора.

Глава седьмая.

Оканчивая предыдущую главу, а съ нею и описаніе Польской кампаніи, я позабылъ помянуть объ одномъ эпизодѣ этого времени, собственно ничего важнаго въ себѣ не заключающемъ, но интересномъ для меня какъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которомъ я имѣлъ возможность видѣть и любоваться хладнокровіемъ Русскаго солдата. Это было, кажется, на второй день осады и бомбардированія передовыхъ укрѣпленій г. Варшавы. Я стоялъ верхомъ позади своего генерала, который безпрестанно разсылалъ насъ, своихъ адъютантовъ и ординарцевъ, съ приказаніями въ дѣйствующіе полки нашей пѣхоты; въ это время вдругъ подъѣзжаетъ къ Бистрому солдатъ армейской пѣшей артиллеріи, на упряжной артиллерійской лошади, и доноситъ ему, что онъ присланъ отъ командира 5-й пѣхотной артиллерійской батареи полковника Павлова доложить, что батарея его стоитъ подъ картечнымъ огнемъ непріятеля и, разстрѣлявъ всѣ свои заряды, не можетъ даже отвѣчать на выстрѣлы Поляковъ, а потому и проситъ генерала сдѣлать распоряженіе о немедленномъ доставленіи зарядовъ въ 5-ю батарею. Генер. Бистромъ, подозвавъ меня, приказалъ мнѣ ѣхать къ полковнику Павлову и передать ему, что ему (Бистрому) вовсе неизвѣстно, гдѣ находится складъ артиллерійскихъ снарядовъ и такъ какъ онъ командуетъ пѣхотой гвардейскаго корпуса, то и распоряженія по означенному предмету до него совершенно не касаются, и чтобы онъ со своимъ требованіемъ обратился къ начальнику артиллеріи генералу Гербелю. Выслушавъ приказаніе Бистрома, я вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ артиллерійскимъ солдатомъ поскакалъ по указанному имъ направленію. По мѣрѣ приближенія нашего къ предмѣстьямъ города, все чаще и гуще стали летать намъ на встрѣчу непріятельскіе снаряды. Смотрю, мой солдатикъ остановилъ свою лошадь.—«Что жъ ты?» спрашиваю я его.—А вотъ, в. б—іе, поѣзжайте такъ прямо, вонъ на горкѣ-то прямо, такъ и наткнетесь на нашу батарею.—«А ты-то куда?»—Да мнѣ надобно еще въ другое мѣсто.—«Вздоръ, любезный! Тебя послали, такъ ты и долженъ пріѣхать съ отвѣтомъ», и съ этимъ словомъ

я схватилъ его лошадь подъ устцы и потащилъ съ собою. Подъѣзжаю къ мѣсту, и что́ жъ я вижу? Батарея въ 6 или 8 орудій стоитъ въ бездѣйствіи на какомъ-то огородѣ, буквально осыпаемая непріятельскою картечью, а прислуга, за неимѣніемъ болѣе полезныхъ занятій, упражняется прехладнокровно выкапываніемъ картофеля на ужинъ; нѣсколько человѣкъ были перебиты въ моихъ глазахъ, не успѣвъ окончить свою работу, что́ впрочемъ не помѣшало другимъ продолжать ее. Чего не сдѣлаешь съ такимъ войскомъ! Отыскавъ полковника, я передалъ ему приказаніе моего генарала и, что́ жъ оказалось? Дѣйствительно заряды были всѣ разстрѣляны, но за ними былъ посланъ офицеръ, который сейчасъ же ихъ и привезъ; а солдатъ мой самъ придумалъ себѣ эту командировку вслѣдствіе ненормальнаго расположенія духа. Его приказано было поставить на самое *видное* мѣсто!

Я выше сказалъ, что въ то время когда наши полки вступали побѣдоносно въ одну заставу Варшавы, Польскія войска выступали въ другую по направленію къ крѣпости Люблину и что за ними послѣдовала наша армія; а такъ какъ въ томъ числѣ было и нѣсколько гвардейскихъ полковъ, то Великій Князь Михаилъ Павловичъ тоже отправился съ ними, оставивъ въ Варшавѣ главноначальствующимъ моего генерала Бистрома.

Съ этого времени началась для меня и всѣхъ моихъ товарищей, адъютантовъ и ординарцевъ (въ числѣ первыхъ былъ Измайловскаго полка подпоручикъ Моллеръ, нашъ знаменитый живописецъ) довольно трудная служба. Мы обязаны были поочередно, и днемъ, и ночью, съ конвоемъ объѣзжать весь городъ для наблюденія за тишиной и порядкомъ; при наступленіи сумерокъ, ни одинъ обыватель не долженъ былъ выходить изъ дому безъ зажженаго фонаря; ни въ одномъ домѣ освѣщеніе не должно было продолжаться долѣе одинадцати часовъ, и приведеніе въ исполненіе этого приказанія лежало на нашей обязанности, такъ что неоднократно мнѣ случалось, слѣзая съ лошади у подъѣзда, въ походной, а иногда и загрязненной формѣ, входить во второй этажъ и при самомъ разгарѣ какого-либо вечера просить гостей разъѣзжаться по домамъ, а хозяевъ гасить освѣщеніе.

По истеченіи нѣсколькихъ дней пребыванія нашего въ Варшавѣ, генералъ Бистромъ, имѣя надобность доставить Великому Князю нѣкоторыя донесенія и сообщенія, возложилъ на меня эту обязанность. Мнѣ предписано было ѣхать курьеромъ, для отысканія Его Высочества (положительное мѣстопребываніе коего еще не было извѣстно) и врученія ему даннаго мнѣ конверта. До первой отъ Варшавы почтовой станціи я долженъ былъ ѣхать верхомъ со своимъ деньщикомъ, далѣе же по выданной мнѣ курьерской подорожной—на почтовыхъ лоша-

дяхъ. Очень помню, что, пріѣхавъ на означенную станцію (кажется Яблонка), я сошелъ съ лошади и отправился въ почтовый домъ, чтобы предъявить мою подорожную, и каково же было мое изумленіе и моя эмоція, когда я очутился въ комнатѣ наполненной пирующими офицерами Польской арміи? Первая мысль, что это летучій непріятельскій отрядъ, которые весьма часто являлись изъ лѣсу въ тылу нашихъ войскъ, крайне меня сконфузила; не менѣе того, не желая показать моей конфузіи, я самымъ какимъ только могъ грубымъ голосомъ потребовалъ отъ смотрителя лошадей и, вызвавъ его изъ дому, попросилъ объясненія этого неожиданнаго мною собранія. Выяснилось, что это Польскіе офицеры ѣдущіе въ Варшаву «зложить бронь», какъ они выражались, т.-е. сдаваться.

Такъ какъ на станціи не оказалось въ наличности лошадей, то, несмотря на мою досаду и угрозы, я нашелся въ необходимости продолжать мой путь, какъ его началъ, т.-е. верхомъ.

Слѣдующая станція была Люблинъ, которая только наканунѣ была сдана Поляками безъ боя, а потому, за неимѣніемъ времени устанавливать надлежащее управленіе, въ городѣ царствовала страшная неурядица; только-что назначенный комендантъ, хотя и принялъ меня съ подобающею военному курьеру заботливостію, но наотрѣзъ объявилъ, что ничѣмъ дальнѣйшему моему путешествію содѣйствовать не можетъ, такъ какъ ни почтъ, ни почтовыхъ лошадей не имѣется; чтò же касается до мѣста пребыванія Великаго Князя, то, согласно послѣднимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Люблинѣ, Его Высочество долженъ въ настоящее время находиться въ окрестностяхъ мѣстечка Щепёры, на двадцативерстномъ разстояніи отъ крѣпости. Чтò мнѣ оставалось дѣлать? Пообдумавъ хорошенько, я рѣшился, давъ отдохнуть моимъ лошадямъ и, выкормивъ ихъ, ѣхать далѣе опять-таки верхомъ. Этотъ планъ и былъ мною приведенъ въ исполненіе; но чтобы пуститься въ дальнѣйшій путь, по незнанію мѣстности, мнѣ необходимо было добыть себѣ проводника, тѣмъ болѣе, что уже начинало смеркаться. Не думая долго, я отправился въ первую попавшуюся мнѣ на дорогѣ корчму, наполненную Жидами, и по достиженіи, послѣ большихъ усилій, тишины и молчанія, я заявилъ во всеуслышаніе, что по казенной и самонужнѣйшей надобности мнѣ требуется проводникъ до мѣстечка Щепёры, что ежели найдется желающій принять на себя эту обязанность, то я заплачу ему чтó онъ пожелаетъ, въ противномъ же случаѣ я буду вынужденъ, на основаніи военнаго положенія, взять въ проводники силкомъ самаго корчмаря. Послѣ долгихъ криковъ, шума и гвалта, выискался наконецъ Еврей-охотникъ. Убѣдившись предварительно, что онъ твердо знаетъ

дорогу, я съ деньщикомъ своимъ пустился верхомъ въ путь въ сопровожденіи пѣшаго Жида. Опасаясь со стороны моего провожатаго Сусанинской измѣны, я предварительно далъ ему осмотрѣть мои два кобурные заряженные пистолета, а потомъ привязалъ его за руку къ моему стремени, и мы тронулись въ походъ. Сумерки скоро превратились въ темноту, и черезъ нѣсколько времени наступила такая черная ночь, какой до той поры я никогда не видывалъ; въ особенности же, такъ какъ путь нашъ лежалъ почти постоянно дремучимъ лѣсомъ, мракъ былъ такъ великъ, что я навѣсилъ себѣ на затылокъ бѣлый платокъ, чтобы деньщикъ мой могъ слѣдовать за мною. Путешествіе наше показалось мнѣ чрезмѣрно продолжительно; но наконецъ, не могу сказать чрезъ сколько времени, мы вышли на опушку и издали увидали бивуачные огни. Не имѣя положительныхъ свѣдѣній, какія это были войска, свои или непріятельскія, я передалъ своего Жида наблюденію деньщика, а самъ сторонкой, тѣнью отъ огня, осторожно приблизился къ кострамъ и, наконецъ, разсмотрѣвъ нашихъ артиллеристовъ, подъѣхалъ къ нимъ. Оказалось, что мѣстечко Щепёры тутъ и есть по близости, что въ немъ стоятъ пѣхота и артиллерія, но Великаго Князя нѣтъ, и гдѣ онъ, неизвѣстно. Былъ второй или третій часъ ночи; измученный, голодный, я не могъ ѣхать далѣе. Одинъ изъ солдатовъ взялся меня проводить въ домъ, гдѣ стояли ихъ офицеры; разбуженные моимъ стукомъ, они тотчасъ вскочили, зажгли огонь и, узнавъ въ чемъ дѣло, со свойственнымъ Русскимъ офицерамъ радушіемъ, принялись угощать меня чѣмъ могли: накормили, напоили и спать уложили меня, моего слугу, и даже Жидъ и мои лошади не были забыты. Тутъ я узналъ, что Польскія войска окончательно сдались безусловно, и наши полки возвращаются въ Варшаву. На другой день я легко отыскалъ штабъ Великаго Князя, передалъ порученный мнѣ конвертъ и отправился въ обратный путь вмѣстѣ съ нашими полками.

По возвращеніи въ Варшаву, мы вскорѣ получили приказаніе слѣдовать обратно въ Петербургъ. Распрощавшись съ добрымъ моимъ генераломъ Бистромомъ, который успѣлъ выхлопотать мнѣ за взятіе Варшавы орденъ Св. Анны 4-й степени на саблю съ надписью «за храбрость», я возвратился къ своему полку. Въ это время дядя Исленьевъ получилъ, какъ генералъ-адъютантъ, какое-то отъ Государя порученіе, вынуждавшее его, сдавъ командованіе Преображенскимъ полкомъ, на время обратнаго его слѣдованія, старшему по себѣ полковнику,—ѣхать впередъ отдѣльно. По отъѣздѣ дяди, мнѣ не захотѣлось слѣдовать съ полкомъ въ офицерской артели; я привыкъ болѣе или менѣе къ самостоятельной жизни, и мнѣ пожелалось воспользоваться большей свободой, вслѣдствіе чего я просилъ и получилъ

назначеніе слѣдовать впередъ съ командою хлѣбопековъ. Команда эта, не припомню въ какомъ числѣ рядовыхъ, при фельдфебелѣ и нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ, обязана была слѣдовать нѣсколькими днями впередъ полка и въ назначенныхъ пунктахъ останавливаться для печенія хлѣбовъ, которые и сдавались полку по его прибытіи на опредѣленныхъ этапахъ. У меня были въ полномъ моемъ распоряженіи дядина коляска, четверня лошадей съ кучеромъ и великолѣпный дядинъ поваръ, такъ что я путешествовалъ совершеннымъ бариномъ; не имѣя необходимости идти шагъ за шагомъ съ своей командой, я обыкновенно отъ этапа до этапа отправлялъ ее впередъ при фельдфебелѣ, а самъ не торопясь обгонялъ ее въ коляскѣ, по дорогѣ между станціями останавливаясь на мызахъ у Польскихъ пановъ, которые на перерывъ угощали побѣдоноснаго гвардейскаго офицера. Положеніе мое крайне мнѣ тогда нравилось, тѣмъ болѣе, что во мнѣ начиналъ развиваться сильный вкусъ къ охотѣ, и мои паны всѣми силами старались угождать ему, такъ что одинъ изъ нихъ подарилъ мнѣ лягавую собаку; ружье у меня уже было, свобода полная; ну какъ же не поохотиться! Пороху всегда достать можно, дроби тоже; одного у меня недоставало—это необходимыхъ охотничьихъ принадлежностей, какъ-то пороховницы, дробницы и проч. Въ мѣстечкѣ Маріамполѣ возъимѣлъ я желаніе попробовать достоинства моей лягавой собаки въ полѣ; за неимѣніемъ по близости мызы мнѣ была отведена квартира въ корчмѣ, большомъ одноэтажномъ каменномъ строеніи, въ которомъ на одной сторонѣ была изрядная чистенькая комнатка, гдѣ я и помѣстился, а въ другой—огромная комната для простаго народа, а за этой комнатой небольшая кухня, гдѣ расположился мой поваръ. Устроившись въ моей комнатѣ и пообѣдавъ довольно поздно, я началъ дѣлать нужныя приготовленія къ завтрешней охотѣ.

Теперь мнѣ предстоитъ разсказъ самаго непростительнѣйшаго и глупѣйшаго поступка изъ всей моей жизни, въ которомъ и въ настоящее даже время, по прошествіи 45 лѣтъ, мнѣ совѣстно сознаться и который могъ бы имѣть неисчислимыя для меня послѣдствія. Дѣло было подъ вечеръ; у меня передъ диваномъ на столѣ стояли двѣ зажженныя свѣчи; добытый мною порохъ въ количествѣ трехъ фунтовъ, за недостаткомъ другаго болѣе соотвѣтствующаго вмѣстилища, находился на томъ же столѣ въ простомъ холщевомъ мѣшкѣ; ужъ это одно близкое сосѣдство пороха съ огнемъ было величайшею неосторожностью, но я и на этомъ не остановился: нельзя же было таскать съ собою на охотѣ весь мѣшокъ и тамъ изъ него вымѣрять заряды? Необходимы были заготовленные патроны, а ихъ-то у меня и не оказывалось! Не думая долго, я разсыпалъ часть пороха на листѣ бу-

маги, изъ другаго листа сталъ дѣлать маленькіе пакеты; насыпа́ть въ нихъ зарядъ по мѣркѣ и потомъ печатать ихъ сургучомъ,—вторая неосторожность! Но и этого мало. Усмотрѣвъ частицу смокшагося пороха въ кускѣ и зная, что посредствомъ смоченнаго пороха производятся фейерверочные фонтаны, я не придумалъ ничего умнѣе какъ взять этотъ кусокъ въ руку и зажечь его на свѣчкѣ; фонтанъ произошелъ дѣйствительно великолѣпный, но только недолго я наслаждался имъ: часть искръ, какъ и слѣдовало ожидать всякому немного разсудительному человѣку, попала въ разсыпанный на столѣ порохъ, отъ него огонь сообщился мѣшку, и въ одно мгновеніе произошелъ общій взрывъ, и взрывъ настолько сильный, что меня отбросило на диванъ, три двойныя оконныя рамы вышвырнуло на улицу, и оба подсвѣчника съ загашенными свѣчами разметало по полу. Довольно скоро очнувшись, я вскочилъ на ноги и съ первою мыслію не произвести пожара, бросился въ темнотѣ тушить ногами тлѣвшійся на полу порожній мѣшокъ; потомъ, съ трудомъ отыскавъ дверь, выбѣжалъ въ сѣни, тутъ на силу могъ пробиться сквозь толпу хлынувшихъ изъ корчемной комнаты мужиковъ, испуганныхъ громомъ взрыва, которые, видя на мнѣ еще тлѣющій архалукъ, бросились меня спасать, полагая, что я застрѣлился. Освободившись, наконецъ, отъ моихъ непрошенныхъ спасителей, я отправился на кухню. Долго смотрѣлъ на меня Сергѣй (мой поваръ), не узнавая моего лица; наконецъ, бросился мнѣ на шею съ истерическимъ возгласомъ: «батюшка Евгеній Петровичъ, что́ это съ вами случилось!» Изъ этого возгласа я легко могъ заключить, что лицо мое должно было быть достаточно обезображено, и дѣйствительно, взглянувшись въ зеркало, я увидалъ, что на большей части лица кожа висѣла бахрамой, а тамъ гдѣ она не сошла, была черная какъ сапогъ. Въ надеждѣ съ горяча смыть эту черноту, я потребовалъ умыться съ мыломъ, и точно чернота пропала; но за то не возможно описать тѣ страданія, которымъ я подвергся отъ прикосновенія мыла къ обожженному и обнаженному тѣлу. Вскорѣ послѣ этой операціи лицо мое стало пухнуть, такъ что къ ночи лѣвый глазъ мой совершенно закрыло, правый же смотрѣлъ только въ щелочку и то очень мутно. Не имѣя никакихъ медицинскихъ пособій въ ничтожномъ мѣстечкѣ Маріамполѣ, я тотчасъ отправилъ гонца въ нашъ полкъ, находившійся въ двухъ или трехъ отъ меня переходахъ, съ рапортомъ о болѣзни и съ просьбою выслать мнѣ доктора. На другой день пріѣхалъ нашъ полковой штабъ-лекарь Дьяконенко, грубый, но отлично-добрый Малоросъ. Пожуривъ меня какъ слѣдуетъ, онъ сдѣлалъ на лицо полотняную маску съ прорѣзаннымъ однимъ правымъ глазомъ (лѣваго и мѣста не видно было: такъ онъ запухъ), намазалъ какою-то

мазью и велѣлъ носить не снимаючи, заявивъ при томъ, что на правый глазъ онъ надѣется, за лѣвый же крѣпко сомнѣвается. Я былъ тогда въ такомъ отчаянномъ положеніи, что надежда на сохраненіе хотя одного только глаза была уже утѣшеніемъ. Не велика ли милость Божія, сохранившая меня невредимо, послѣ такого происшествія? И не велика ли была моя глупость добровольно подвергнуться такому происшествію?

Глава восьмая.

По прибытіи нашего полка въ Маріамполь, моя обязанность была возложена на другаго офицера, а мнѣ дали разрѣшеніе ѣхать впередъ въ г. Ригу, чтобы тамъ придпринять правильное леченіе. Лѣченіе это было такъ успѣшно, что превзошло всѣ мои надежды и ожиданія; мало-по-малу начали изглаживаться всѣ послѣдствія бывшей со мною страшной катастрофы: сначала опала вся опухоль съ лица, открылись оба глаза, и я получилъ убѣжденіе, что зрѣніе не повреждено; потомъ обнаженныя мѣста на лицѣ начали затягиваться новой кожей, чтó придавало моей физіономіи довольно пестрый видъ, какъ это бываетъ послѣ кори или оспы и, наконецъ, новая на столько окрѣпла, что я могъ, прекративъ дальнѣйшее леченіе, ѣхать домой въ Петербургъ. Не менѣе того однако, пользованіе мое задержало меня въ Ригѣ около двухъ мѣсяцевъ, изъ коихъ одинъ я принужденъ былъ безвыходно просидѣть дома, второй же, съ принятіемъ нѣкоторыхъ предосторожностей, мнѣ дозволено было выходить на воздухъ. Пользуясь этимъ дозволеніемъ, я пустился посѣщать клубы, театры и, наконецъ, общества, въ которыхъ не безъ эфекта фигурировалъ на всѣхъ балахъ и танцовальныхъ вечерахъ; даже, сколько припомню, успѣлъ влюбиться въ дѣвицу баронессу Б., которая тоже казалась ко мнѣ не совсѣмъ равнодушною. Родители ея всѣми средствами ласкали меня и довольно ясно давали мнѣ почувствовать, что ежели бы я вздумалъ посвататься, то препятствія бы не встрѣтилось къ увѣнчанію моего благополучія; но къ моему счастію мысль о возможности жениться въ восемнадцать лѣтъ на дѣвушкѣ гораздо старше меня, мнѣ и въ голову не приходила; да къ тому же, еще одно обстоятельство, какъ помню, много охладило мой восторженный пылъ, это замѣчаніе, что моя возлюбленная... какъ бы поаккуратнѣе и приличнѣе выразиться... очень легко и скоро согрѣвается, т.-е. протанцовавъ немного, лицо ея ужасно краснѣетъ, и перчатки дѣлаются въ пятнахъ отъ сырости. Это мнѣ очень не понравилось, и, въ совокупности съ навязчивостію родителей, воздержало отъ дальнѣйшихъ глупостей. Я распрощался съ Ригою и покатилъ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ я поселился на житье у матушки, которая, имѣя весьма ограниченныя средства, занимала небольшую квартирку вмѣстѣ съ сестрою моею Софьею и братомъ Александромъ, за Литейной, въ Графскомъ переулкѣ въ низенькомъ деревянномъ одноэтажномъ домѣ Фрязина. Не смотря ни на скудность нашихъ средствъ, ни на тѣсноту нашего помѣщенія, я всегда съ особымъ удовольствіемъ воспоминаю эту эпоху моей жизни. Насъ было много родственной молодежи: насъ братьевъ трое, сестра Софья четвертая, двое Л., Х., Л. и кромѣ того нѣсколько нашихъ общихъ пріятелей; всѣ мы постоянно собирались вмѣстѣ въ домѣ Фрязина и чего, чего, Боже мой, тутъ у насъ не происходило и не придумывалось! Хохотъ, шумъ, радость, веселіе постоянныя. Покойная матушка, будучи всегда доброю, снисходительною и щедраго характера, не только не тяготилась нашими шумными собраніями, но всегда поощряла ихъ, угощая ненасытную молодежъ безъ церемоніи, чѣмъ Богъ послалъ.

По истеченіи нѣкотораго времени послѣ возвращенія изъ Польскаго похода, дядя Николай Александровичъ, собираясь ѣхать осматривать свои имѣнія, которыхъ у него было немало въ разныхъ губерніяхъ, предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ это путешествіе; я, разумѣется, съ радостію принялъ это предложеніе, и мы съ нимъ, въ прекрасномъ дормезѣ, въ сопровожденіи другаго экипажа съ прислугой, пустились въ путь. Это было въ 1832 году. Тогда наши Русскіе провинціальные города были далеко не то, что́ они въ настоящее время; свѣтское образованіе и просвѣщеніе едва, едва начинали проникать въ нихъ, а потому пріѣздъ знатнаго и богатаго, да притомъ же еще вдоваго и нестараго генералъ-адъютанта въ уѣздный и даже губернскій городъ, могъ быть почитаемъ за совершенно-необыкновенное событіе, и дѣйствительно насъ вездѣ принимали почти съ царскими почестями. Изъ этихъ почестей и на мою долю попадало малое толико, тѣмъ болѣе что молодой, хорошо воспитанный и несовсѣмъ дурной наружности гвардейскій офицеръ, въ красивомъ Преображенскомъ мундирѣ, не часто встрѣчался въ провинціальныхъ обществахъ, вслѣдствіе чего меня на расхватъ приглашали во всѣ порядочные дома, и губернскія маменьки и дочки меня угощали и ласкали à qui mieux, mieux. По пріѣздѣ въ Симбирскъ, мы помѣстились въ домѣ у губернатора Александра Михайловича Загряжскаго, стараго сослуживца дяди въ Преображенскомъ полку.

Въ Симбирскѣ мы пробыли около мѣсяца, въ теченіи коего не проходило ни одного дня безъ бала, танцовальнаго вечера, обѣда или другаго какого либо увеселенія и я, что́ называется, какъ сыръ въ маслѣ катался на всѣхъ вечерахъ, распоряжался танцами и обяза-

тельно всегда былъ въ первой парѣ въ мазуркахъ и котильонахъ. Тогда была въ Симбирскѣ одна барышня М. Д., которая болѣе прочихъ мнѣ нравилась и дѣйствительно была прехорошенькая и премилая особа; вслѣдствіе чего, начиная съ перваго вечера и до послѣдняго, всѣ котильоны и мазурки мы съ ней неразлучно танцовали; это такъ уже вошло въ обыкновеніе, что на эти танцы ея никто уже не ангажировалъ. Въ столицѣ это было бы немыслимо; но въ провинціи тогда нравы еще были настолько патріархальны и наивны, что оно никому не казалось страннымъ и неприличнымъ.

Въ доказательство наивности нравовъ того времени я разскажу забавный эпизодъ, происшедшій съ дядей Исленьевымъ. Николай Александровичъ на всѣхъ вечерахъ постоянно садился играть въ карты; нужно замѣтить, что онъ хотя игралъ и довольно крупно въ комерческія игры, но какъ богатый человѣкъ игралъ для препровожденія времени, не очень вникая въ игру, слѣдовательно довольно невнимательно и разсѣянно. Хозяинъ дома обыкновенно подбиралъ ему въ партію людей самыхъ чиновныхъ и почтенныхъ. На одномъ вечерѣ его посадили играть въ вистъ, и въ числѣ его партнеровъ ему былъ представленъ отставной генералъ К., котораго хозяинъ дома рекомендовалъ какъ отличнаго человѣка, но немножко въ игрѣ взыскательнаго и нетерпѣливаго; но дядя, будучи самъ весьма добрымъ и снисходительнымъ, не обратилъ никакого вниманія на это замѣчаніе, и сѣли играть. Пока Николаю Александровичу доставалось играть съ другими, все шло благополучно; но, наконецъ, дошла очередь и до г. К. Тутъ начались ему непрестанныя замѣчанія: зачѣмъ онъ пошелъ съ дамы бубенъ, а не съ маленькой и т. д. Видя, что его наставленія не дѣйствуютъ, г. К. попробовалъ обратиться къ Николаю Александровичу съ насмѣшливымъ вопросомъ: «Позвольте спросить, ваше превосходительство, вы въ деньги или орѣховую скорлупу изволите играть?» Но и это не помогло и, какъ нарочно, вслѣдъ затѣмъ дядя дѣлаетъ ренонсъ, и они проигрываютъ роберъ. Тутъ уже генералъ К., не будучи въ состояніи владѣть собою, вскакиваетъ съ своего мѣста, съ шумомъ отталкиваетъ свой стулъ, отправляется въ уголъ комнаты, бросается на колѣни передъ образомъ и во всеуслышаніе творитъ молитву: «Господи, разведи меня съ такимъ игрокомъ и не приведи болѣе никогда играть съ нимъ!» Разумѣется, эта выходка разсмѣшила всѣхъ присутствующихъ, а дядю болѣе другихъ, и самъ генералъ К., тотчасъ же опомнившись, пришелъ съ чистосердечнымъ и глубочайшимъ раскаяніемъ извиняться передъ Николаемъ Александровичемъ, который отъ всей души протянулъ ему руку, и все дѣло обращено было въ шутку.

Въ теченіи времени нашего пребыванія въ Симбирскѣ, встрѣчаясь ежедневно съ однимъ изъ моихъ товарищей, отставнымъ гвардейскимъ офицеромъ А..., я однажды получилъ приглашеніе побывать у него въ деревнѣ, недалеко отъ города находящейся, и мы вмѣстѣ съ нимъ туда отправились. Все семейство А . . ва состояло изъ старушки-тетки, весьма милой, радушной и очень богатой женщины, окруженной, какъ и слѣдовало по тогдашнему обычаю, нѣсколькими приживалками и несмѣтнымъ количествомъ прислуги. Она приняла меня какъ нельзя болѣе ласково, разсыпалась въ похвалахъ о своемъ миломъ племянничкѣ, котораго она безъ ума любила, распрашивала о Петербургѣ, въ которомъ она никогда не бывала и проч., и проч.; наконецъ, насъ позвали обѣдать. Старушка посадила меня возлѣ себя и усиленно заставляла кушать со всѣхъ подаваемыхъ блюдъ; но мнѣ было не до того; я невольно безпрестанно оборачивалъ голову назадъ и не безъ причины: за стуломъ у хозяйки стояла пожилая женщина въ сарафанѣ съ длинными сергами и бусами на груди, да къ тому же съ огромными усами и бакенбардами. Чтó такое? Я не могъ разъяснить себѣ этого чуднаго явленія. Наконецъ, хозяйка, замѣтивъ мое недоумѣніе, поспѣшила разсѣять его. «Ты, батюшка, я вижу дивишься на мою прислугу? Рекомендую тебѣ, батюшка: это у меня дуракъ, да презабавный, право! Знаешь, вѣдь наше дѣло деревенское, частенько бываетъ, что и соскучишься, чтó дѣлать? Ну и велишь позвать дурака, а онъ и почнетъ городить всякую чепуху, а не то какъ нибудь кривляться, прыгать станетъ; ну подъ часъ и разсмѣшитъ, и слава тебѣ, Господи!» Это былъ послѣдній офиціальный дуракъ, котораго мнѣ пришлось видѣть и которыхъ такъ много было въ старину; въ большей части старинныхъ богатыхъ барскихъ домахъ считали необходимостію имѣть этихъ дураковъ въ разныхъ оригинальныхъ костюмахъ; нерѣдко случались между ними и такіе, которые вовсѣ были не дураки, а, какъ тогда выражались, «отъ ума шутили». На моей памяти былъ еще въ Москвѣ всѣмъ извѣстный и всѣми ласкаемый дуракъ или шутъ Иванъ Савельевичъ, далеко въ сущности неглупый человѣкъ, составившій себѣ преизрядное состояніе своими шутками; про него между прочимъ разсказывали, что однажды онъ встрѣтился на улицѣ съ г. Р . . . . вымъ, недавно переведеннымъ сенаторомъ въ Москву изъ Петербурга; этотъ послѣдній, разговорившись съ Иваномъ Савельевичемъ, между прочимъ насмѣшливо спросилъ его: отчего въ Петербургѣ уже давнымъ давно не слыхать и не видать дураковъ, а въ Москвѣ они все еще не переводятся?—«Изволь, монъ шеръ, монъ фреръ, я тебѣ это какъ дважды два растолкую», отвѣчалъ Савельевичъ. «Отъ того, что

какъ только заведется дуракъ въ Петербургѣ, его тотчасъ переведутъ въ Москву въ сенаторы».

Выѣхавъ изъ Симбирска, мы отправилить съ дядей въ Курское его имѣніе. Въ самомъ близкомъ отъ его усадьбы разстояніи, жила въ своемъ помѣстьѣ всѣми уважаемая, богатая генеральша Л...ръ, съ которою дядя счелъ нужнымъ познакомиться, и мы на другой же день пустились къ ней съ визитомъ. Никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня этой милой старушкой. Г-жа Л...ръ, дочь давно умершаго заслуженнаго г. Л., дѣвица 80-ти лѣтъ, очень богатая, не имѣющая ни одной души родныхъ, живущая безвыѣздно въ своей деревнѣ и къ этому самаго милаго, веселаго характера, приняла насъ съ сердечнымъ радушіемъ и, какъ очень умная и, не смотря на свои преклонныя лѣта, твердая женщина, потѣшала насъ своимъ разговоромъ. Между прочимъ она разсказала намъ смѣючись довольно оригинальную исторію съ своими крестьянами. «Переваливъ на восьмой десятокъ моей жизни», повѣствовала г-жа Л....ръ, «и бывъ всегда довольна своими крестьянами, я вздумала упрочить еще при жизни моей ихъ благосостояніе. Думаю себѣ: я скоро умру, наслѣдниковъ по себѣ не знаю, кому еще достанутся? Дай, теперь же отпущу ихъ на волю! Собрала крестьянъ, ихъ здѣсь у меня считается болѣе тысячи душъ, и запашка у меня большая, такъ что дохода я получала отъ 15 до18 тысячъ. «Ну, говорю, православные, въ награду за вашу вѣрную и усердную мнѣ службу, я хочу отпустить васъ всѣхъ на волю на слѣдующихъ условіяхъ: отдаю вамъ всѣ мои земли и угодья въ вѣчное и потомственное владѣніе, кромѣ моей усадьбы съ тѣмъ, чтобы до конца моей жизни вы выплачивали мнѣ на мое содержаніе по двѣ тысячи рублей въ годъ, да сверхъ того, тоже до конца моей жизни, вы бы давали мнѣ, для уборки и очистки моего сада, по два работника въ день».—«Матушка ты наша!» воскликнули крестьяне, бросаясь на колѣни, «вѣкъ будемъ за тебя Бога молить, ангелъ ты нашъ хранитель!» и проч. и проч. Однимъ словомъ, благодарности ихъ и конца не было. Не могу не сознаться, что съ тѣхъ поръ крестьяне мои аккуратно исполняютъ свои обязательства, и деньги и работники доставляются исправно; только съ нѣкоторыхъ поръ видно имъ надоѣло работать у меня въ саду, вотъ они и ропщутъ, а иногда подойдетъ работникъ къ окошку, гдѣ я люблю сидѣть, да начнетъ меня усовѣщевать: «Матушка, грѣхъ тебѣ! Чужой вѣкъ зажила! Смерти на тебя нѣтъ! Долго ли намъ еще тутъ маяться?» Такіе озорники, право! А чтожъ мнѣ дѣлать? Видно такъ Богу угодно, вѣдь не руку же на себя въ ихъ угоду накладывать!» Вотъ интересный примѣръ чувства

благодарности Русскаго крестьянина, который, къ сожалѣнію, не составляетъ собою исключенія изъ общаго правила.

Пропутешествовавъ четыре мѣсяца по значительной части Великорусскихъ губерній, для осмотра всѣхъ имѣній, принадлежавшихъ Ник. Ал., мы съ нимъ возвратились въ Петербургъ, и по желанію дяди я помѣстился на жительство въ его прекрасномъ домѣ на Большой Морской, гдѣ мнѣ была отдѣлана очень роскошная и удобная квартирка, изъ трехъ комнатъ состоящая, и съ тѣхъ поръ, я, чтó называется, пустился въ свѣтъ, т. е. началъ посѣщать высшій кругъ Петербургскаго общества подъ покровительствомъ дяди и многихъ другихъ моихъ родныхъ, имѣвшихъ обширныя связи во всемъ городѣ. Кавалеры Аничковскихъ баловъ на расхватъ приглашались всюду, и потому въ теченіи зимы у меня почти ни одного не было свободнаго вечера, а иногда случалось ихъ два въ одинъ день. Лучшіе балы и вечера того времени бывали: у Австрійскаго посла графа Фикельмонъ, гр. Разумовской, гр. Воронцова-Дашкова, кн. Юсупова и проч., на которыхъ я всегда бывалъ непремѣннымъ членомъ. Эти дома были исключительно-аристократическіе и принимали только отборное общество; но были и такіе, которые давали великолѣпные балы, блескомъ и богатствомъ не только не уступавшіе первымъ, но превышавшіе ихъ, на которыхъ соединялись, какъ говорится, la ville et le faubourg. Я помню, что на одномъ изъ такихъ баловъ, я былъ свидѣтелемъ довольно смѣшной маленькой исторіи. Хозяйка дома, молодая, преумная и прелюбезная г-жа Л... ва, озабочиваясь, чтобы всѣмъ у нея было весело, подходитъ ко мнѣ съ вопросомъ, имѣю ли я даму на слѣдующую кадриль и, получивъ утвердительный отвѣтъ, обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ стоящему возлѣ меня молодому, очень красивому, но извѣстному фату флигель-адъютанту Д... ну и, узнавъ, что онъ никого еще не ангажировалъ, проситъ его пригласить танцовать не имѣющую кавалера фрейлину гр. М... нъ, довольно пожилую и некрасивую дѣву. «Merci, madame», отвѣчаетъ ей Д.. нъ: «je n'ai pas l'habitude de danser avec de la charogne comme ça!» — «Monsieur», возражаетъ бойкая хозяйка, «je vous prie de croire que je ne reçois pas de charogne chez moi et pour preuve, j'espère, que vous me priverez à l'avenir du plaisir de vous voir!» *) Сгорѣлъ мой бѣдный фатъ отъ стыда. Не зналъ чтó ему дѣлать. Онъ думалъ сказать что нибудь пикантное и умное и вдругъ не вышло!... Съ дамой

*) Благодарю васъ, милостивая государыня; не привыкъ я танцовать съ такою падалью.—Милостивый государь, прошу васъ вѣрить, что падали я къ себѣ не принимаю, и въ доказательство тому надѣюсь, что впередъ вы меня лишите удовольствія васъ видѣть.

что подѣлаешь?... Ужъ онъ вертѣлся, извинялся и бросился стремглавъ аганжировать предлагаемую особу. А я подумалъ: ай баба молодецъ!

Глава девятая.

Такимъ образомъ провелъ я двѣ зимы, разъѣзжая по Петербугскимъ салонамъ и танцуя на пропалую. Въ концѣ концовъ эта жизнь, пустая и безпокойная, такъ мнѣ надоѣла и опротивила, что я рѣшился перемѣнить ее и заняться чѣмъ-нибудь полезнѣйшимъ, вслѣдствіе чего на третью зиму я прекратилъ всѣ мои великосвѣтскіе выѣзды, ограничиваясь исключительно семейными и самыми интимными кружками. Всякое лѣто я проводилъ съ дядей на великолѣпной его дачѣ, на Каменномъ острову, и проводилъ весьма пріятно, занимаясь своими обязанностями службы (я исправлялъ тогда должность бригаднаго адъютанта), чтеніемъ хорошихъ книгъ, писаніемъ моего дневника, который ужасно увлекалъ меня и, смѣю сказать, сдѣлалъ мнѣ огромную пользу, потому что, занимаясь этимъ писаніемъ и, такъ сказать, бесѣдуя совершенно откровенно самъ съ собою, я разбиралъ себя до малѣйшихъ подробностей, вписывалъ всѣ замѣчаемые за собою недостатки, словомъ, вдумывался въ жизнь съ моральной точки зрѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ собою вырабатывался слогъ моего изложенія и укрѣплялся почеркъ далеко неудовлетворительный. Какъ мнѣ досадно, что этотъ дневникъ мой не сохранился у меня по настоящее время; и какъ и гдѣ онъ былъ мною утраченъ, положительно не знаю! Главнымъ же для меня удовольствіемъ и препровожденіемъ времени всегда была охота. Съ самаго начала Польскаго похода, эта наклонность начала развиваться во мнѣ въ значительныхъ размѣрахъ и въ особенности усилилась послѣ первой моей удачи, когда мнѣ довелось убить перваго медвѣдя. Это было въ окрестностяхъ Польскаго городка Вилькомира: медвѣдь бытъ обойденъ, и охота устроилась нашими полковыми охотниками; дядя Н. А. не иначе согласился дозволить мнѣ принять участіе, какъ съ условіемъ чтобы со мною вмѣстѣ стоялъ унтеръ-офицеръ нашего полка, надежный стрѣлокъ и охотникъ. Въ послѣдствіи предосторожность эта оказалась нелишнею: поднятый медвѣдь пошелъ прямо на меня, я выстрѣлилъ, онъ повернулъ назадъ и, отошедъ нѣсколько саженъ, въ виду нашемъ, повалился; я пришелъ въ такой восторгъ, что, не думая ничего, бросился бѣжать къ нему съ разряженнымъ ружьемъ и, не будь при мнѣ унтеръ-офицера, ухватившаго меня за фалды, я бы, кажется, такъ бы и вляпался въ лапы разъяреннаго звѣря, который, будучи смертельно раненъ, а не убитъ, рвалъ и ломалъ все попадавшееся ему въ когти. Не добѣжавъ нѣсколько

шаговъ, унтеръ-офицеръ, такъ удачно прервавшій мой восторгъ, выстрѣломъ въ голову прекратилъ страданія умирающаго звѣря. Съ тѣхъ поръ мое призваніе къ охотѣ получило патентъ, который по силѣ и мочи я въ теченіе всей моей жизни старался поддержать по мѣрѣ возможности. Въ описываемое мною время, я былъ уже опытнымъ и хорошо снабженнымъ всѣми принадлежностями охотникомъ, и потому, проводя лѣто на Каменномъ острову по близости Новой деревни, Калымяги, Лахты и прочихъ мѣстъ, славившихся тогда множествомъ дичи, я не пропускалъ случая пользоваться столь пріятнымъ сосѣдствомъ, и это занятіе удовлетворяло меня несравненно болѣе чѣмъ всѣ эти балы и выѣзды на зимніе вечера.

Въ одно изъ лѣтъ проведенныхъ мною на дачѣ Ник. Алек—ча случилось обстоятельство, которое такъ врѣзалось въ мою память, что я не могу лишить себя удовольствія разсказать его въ подробности. Нужно сказать, что покойный дядя, пользуясь весьма значительнымъ состояніемъ, имѣлъ, какъ я выше сказалъ, прекрасный собственный домъ на Большой Морской улицѣ и нѣсколько крѣпостныхъ людей въ своемъ услуженіи. Люди эти, хотя я по совѣсти долженъ сказать, весьма порядочные, никогда не удовлетворяли желаніямъ своего барина, и ему всегда хотѣлось найти хорошаго и въ особенности строгаго дворецкаго, который бы ближе присматривалъ за прислугой. Послѣ долгихъ поисковъ ему пришла мысль взять на означенную должность выходившаго въ отставку старшаго унтеръ-офицера Преображенскаго полка Батурина, завѣдывавшаго всею командой служителей полковаго госпиталя, извѣстнаго дядѣ, какъ полковому командиру, за отличнаго человѣка и строгаго служаку. Какъ сейчасъ смотрю я на этого Батурина: высокаго роста, очень моложавый, брюнетъ весьма пріятной и благородной наружности, всегда серьезный, рѣдко улыбающійся. Вздумано, сдѣлано! Ник. Алек. предложилъ ему 100 р. въ мѣсяцъ жалованья, одѣлъ его франтомъ, и Михаило Ивановичъ Батуринъ, съ солдатскимъ Георгіевскомъ крестомъ въ петличкѣ, вступилъ въ исправленіе должности дворецкаго и тотчасъ же началъ заводить надлежащій порядокъ въ домѣ, что разумѣется пришлось не по вкусу прислугѣ, которая немедленно же его возненавидѣла; но на это не обращено было никакого вниманія. Весною этого года Ник. Алек. вздумалъ сдѣлать кой-какія передѣлки въ домѣ, и потому, при переѣздѣ на дачу со всѣми чадами и домочадцами, Батуринъ былъ оставленъ въ городѣ, для присмотра за работами. По истеченіи нѣкотораго времени Ник. Алек. долженъ былъ отправиться на нѣсколько дней въ Царское Село и Графскую Славянку для осмотра расположеннаго тамъ баталіона, и я оставался одинъ на дачѣ. На другой

день по отъѣздѣ дяди, часовъ въ 7 утра, съ растеряннымъ лицомъ вбѣгаетъ въ мою комнату и будитъ меня мой камердинеръ: «Е. П., извольте вставать, у насъ несчастіе случилось!» Что такое?—«Сегодня ночью весь домъ обокрали; пожалуйте внизъ, сами увидите». Одѣвшись на скоро, я сошелъ и дѣйствительно нахожу слѣды пребыванія непрошеныхъ гостей. Домъ былъ низенькій, одноэтажный съ мезониномъ, окруженный стеклянной галлереею; нѣкоторыя двери изъ галлереи въ садъ были обыкновенно заперты и заставлены горкой цвѣтовъ; тутъ я нахожу горшки съ цвѣтами снятыми на полъ, скамейки, на которыхъ они стояли отставлены и двери настежъ отворены; у одной изъ дверей оставлены шерстяные носки, служившіе очевидно вору для смягченія шума походки; въ гостинной стоялъ у стѣны столъ, весь установленный разными болѣе или менѣе цѣнными бездѣлушками, какъ-то бронзовыми и фарфоровыми куколками, ящичками разныхъ величинъ, въ томъ числѣ нѣкоторые серебряные, а также два серебряные подсвѣчника и большая подзорная труба на высокой мѣдной ножкѣ. Всѣ вещи оказались разбросанными и многія покрадеными, подзорная труба была тоже похищена; въ кабинетѣ съ письменнаго стола, въ числѣ нѣсколькихъ вещей, украдена была деревянная копилка для мелкаго серебра, и въ ящикѣ стола, въ которомъ находились деньги, оставлено было долото, которымъ, какъ видно, воръ старался, но не успѣлъ сломать замка. Болѣе всего меня поразило то, что въ нѣкоторыхъ комнатахъ были оставлены наклеенными на мебели огарки свѣчъ, очевидно освѣщавшіе ночную работу. Какая смѣлость, какая дерзость! Тѣмъ болѣе, что у насъ были спеціальный сторожъ, обязанный всю ночь обходить кругомъ весь домъ и прославившаяся во всемъ околоткѣ своею злобою дворная собака. Никакого сомнѣнія допустить было невозможно въ томъ, что преступленіе совершено ежели не самимъ сторожемъ, то кѣмъ-либо изъ своихъ. Заарестовавъ немедленно сторожа, я тотчасъ послалъ за полиціею, и самъ принялся за производство слѣдствія по горячимъ слѣдамъ. Всѣ люди, раздѣляя мое убѣжденіе въ невозможности чужому, постороннему человѣку совершить такое смѣлое воровство, настойчиво требовали общаго обыска въ домѣ. Допрошенный сторожъ съ клятвою и божбой утверждалъ: «виноватъ, уснулъ маленько и ничего не видалъ и не слыхалъ; середъ ночи, правда, разбудилъ меня лай Сѣрки, но такъ какъ онъ скоро замолкъ, то я и не вставалъ и скоро опять уснулъ». Новое доказательство, что воръ былъ свой: пока онъ приближался, собака залаяла, когда же подошелъ ближе, Сѣрко призналъ его и замолкъ. По болѣе тщательномъ осмотрѣ мѣстности оказалось, что воръ, совершивъ покражу, вышелъ съ своею до-

бычей отворенною имъ дверью изъ галлереи въ садъ, гдѣ по дорожкамъ по росѣ еще видны были его слѣды, продолжавшіеся въ длину всего сада, вплоть до задняго забора, и тутъ прекращались.

Очевидно, что покраденныя вещи вмѣстѣ съ ихъ похитителемъ отправились черезъ заборъ, слѣдовательно искать ихъ въ предѣлахъ самой дачи было совершенно безполезно, что̀ и подтвердилось съ прибытіемъ полицейскаго офицера, сдѣлавшаго повсемѣстный обыскъ.

Обстоятельство это крайне меня заинтересовало; мнѣ захотѣлось во что бы то ни стало отыскать вора, и люди тоже, что̀ называется изъ кожи лѣзли, чувствуя, что невольно подозрѣніе падаетъ на домашняго. Въ числѣ способовъ для открытія истины, я придумалъ немедленно командировать троихъ изъ прислуги въ городъ на толкучій рынокъ, въ томъ предположеніи, что весьма часто воры стараются какъ можно скорѣе сбыть съ рукъ покраденныя вещи.

Отправивъ людей, я и самъ поѣхалъ въ городъ, въ домѣ засталъ работающихъ мастеровыхъ и дворника, но Батурина не было дома. Въ ожиданіи результата поисковъ на толкучкѣ, я объявилъ людямъ, что буду ждать увѣдомленія на квартирѣ Н. В. Бутурлиной. Черезъ часъ или болѣе, запыхавшись въ сильномъ волненіи, прибѣгаетъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ сыщиковъ. «Ну что, Владимиръ, ничего не нашли?» — Ничего-съ, но мы имѣемъ сильное подозрѣніе.—«На кого?»—На Михаила Ивановича.—«Никакъ вы съ ума сошли: изъ ненависти къ Батурину, вы готовы Богъ знаетъ что на него придумать, и на чемъ же основано ваше подозрѣніе?»—Вотъ извольте видѣть: пріѣхавши въ городъ, мы прямо отправились въ домъ, Мих. Иван. не было, а дворникъ намъ сказалъ, что онъ и не ночевалъ дома; тогда мы пошли въ его комнату и всюду тамъ вышарили; хотя краденыхъ вещей у него и не нашли, но вотъ ваша старая фуражка оказалась въ его комнатѣ.—«Это ничего не доказываетъ, старую фуражку я могъ выкинуть, и онъ взялъ ее какъ ненужную вещь; а вотъ интересно было бы знать, отъ чего онъ не ночевалъ дома и гдѣ находился?» Дворникъ говоритъ, что М. И. вѣроятно провелъ ночь у своей любовницы; мы знаемъ гдѣ она живетъ, позвольте намъ сбѣгать обыскать ея квартиру. Насъ тѣмъ болѣе разбираетъ подозрѣніе, что на толкучемъ рынкѣ намъ повстрѣчался самъ М. И. и на спросъ, что́ мы тутъ дѣлаемъ, мы, не желая сообщать о нашемъ несчастіи, отвѣчали, что такъ, молъ, прогуливаемся, да кстати пришли посмотрѣть, не попадутся ли посходнѣе манишки, вотъ Алексѣю нужны.—«Врете вы, отвѣчалъ намъ М. И., не манишки вы пришли сюда искать, а у васъ ночью была покража. Вы думаете, не знаю? Сколько разъ я васъ бранилъ за вашу безпечность; были бы осторожнѣе, и воровства бы не случи-

лось; ну да ладно, походите, поищите, да послѣ приходите ко мнѣ чай пить».—«Откуда бы ему», продолжалъ Владимиръ, «знать, чтó у насъ на дачѣ случилось: мы никому не сказывали; да и откуда такая великая милость, что зоветъ къ себѣ чай пить, когда допрежъ сего никогда этого не бывало?»

Умозаключенія Владимира мнѣ показались не совсѣмъ лишенными основанія.—«Ну, хорошо», отвѣчалъ я Владимиру, «я не только позволяю вамъ обыскать квартиру любовницы М. И—ча, но дамъ вамъ въ помощь полицейскаго офицера, котораго сейчасъ вытребую; но только знайте, что ежели ваше подозрѣніе не оправдается, то Батуринъ пóѣдомъ съѣстъ васъ за оскорбленіе, и мнѣ трудно будетъ защитить васъ».—Ну что дѣлать, видно наша судьба ужъ такая! Только позвольте».—«Съ Богомъ!» Мнѣ прислали изъ полиціи квартальнаго, и люди наши съ замираніемъ сердца отправились подъ его покровительствомъ. По прошествіи нѣкотораго времени вновь является ко мнѣ Владимиръ; но на сей разъ уже съ сіяющимъ лицомъ. «Нашли!» восклицаетъ онъ при моемъ появленіи. «Гдѣ, что?»—«У любовницы! Она было насъ не впускала, да квартальный приказалъ; ну ужъ пытала же она насъ и М. И. стращать и бранить-то всякими словами! А мы-то во всѣхъ уголкахъ перешарили—нѣтъ ничего! Просто въ отчаянность пришли, холодный потъ выступалъ; ну, думаемъ, дѣло дрянь! А дѣлать нечего, уходить нужно, да спасибо Алексѣю. «Дай, говоритъ, послѣднимъ дѣломъ на печкѣ покапаюсь; а печка-то всего на четверть отъ потолка; онъ влѣзъ на стулъ да руку туда и запустилъ, опять таки ничего! Недостать рукою-то до конца; дай, говоритъ, какую ни на есть палочку; да сталъ палочкою-то ковырять, анъ что-то отозвалось, онъ пуще, да и вытащилъ копилку, чтó на столѣ въ кабинетѣ стояла, только разломанная и безъ денегъ. Ну ужъ я болѣе ничего и дожидаться не сталъ, оставилъ ихъ тамъ съ квартальнымъ, а самъ сломя голову побѣжалъ къ вамъ».—Получа это невѣроятное свѣдѣніе, я тотчасъ вмѣстѣ съ Владимиромъ отправился въ нашъ домъ. Батуринъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ, какъ всегда разодѣтый франтомъ, съ Георгіевскимъ крестомъ въ петличкѣ и въ цилиндрѣ, лицо совершенно спокойное, какъ ни въ чемъ не бывало.—«Гдѣ ты сегодня ночевалъ?» спросилъ я его внезапно.—Провожалъ одного знакомаго въ отъѣздъ, такъ у нихъ и ночевалъ, отвѣчалъ онъ нисколько не сконфузясь. «Неправда! Ты нынѣшнюю ночь былъ и воровалъ у насъ на дачѣ!»—Тутъ былъ одинъ моментъ, что лицо его какъ бы передернуло, но тотчасъ же онъ справился: «Неправда, кто вамъ сказалъ?»—«Запираться нечего, украденныя вещи найдены у твоей любовницы».—«Покажите мнѣ ихъ, коли найдены; гдѣ жъ они?» Въ самое это время

подъѣхалъ квартальный съ нашими людьми и со всѣми покраденными вещами найденными въ мусорѣ на чердакѣ.—«Ну что́, и теперь будешь запираться?» обратился я къ стоящему какъ истуканъ и совершенно хладнокровному Батурину.—«Нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «теперь запираться ужъ нечего, укралъ такъ укралъ!» Это спокойствіе, это равнодушіе, это отсутствіе всякаго чувства совѣсти, стыда и даже страха предстоящаго наказанія, поразили меня какъ громомъ. Я долго не могъ выговорить слова; въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось встрѣтиться съ подобнымъ характеромъ, я смотрѣлъ на него и не зналъ что́ мнѣ дѣлать. Наконецъ, желая чѣмъ-нибудь расшевелить эту желѣзную, озлоббленную натуру, я началъ выяснять ему всю важность сдѣланнаго имъ преступленія, слѣдствіемъ котораго пропадаетъ вся его 25-лѣтняя непорочная служба, не говоря уже о неблагодарности его къ своему благодѣтелю и въ заключеніе представилъ ему всю строгость наказанія, которому онъ будетъ подвергнутъ на основаніи закона. И глазомъ не моргнулъ мой Батуриъ, выслушавъ мою проповѣдь, не шевельнулся, и когда я кончилъ: «Что тутъ долго разговаривать», обратился онъ ко мнѣ, «коли попался, то значитъ тому такъ ужъ и быть, отправляйте меня куда слѣдуетъ, и дѣлу конецъ!» Взорвала меня, наконецъ, такая безпримѣрная невозмутимость. «Долой съ него все господское платье!» крикнулъ я вкругъ стоящимъ людямъ, надѣньте на него какой-нибудь армякъ и отведите его въ часть». Съ истиннымъ наслажденіемъ бросились люди исполнять мое приказаніе, приговаривая съ насмѣшкой: «Вотъ, Михайло Ивановичъ, какихъ камердинеровъ себѣ дослужились!», и въ порывѣ своего довольствія они болѣе срывали, чѣмъ снимали съ него платье. Въ продолженіе всей этой сцены, Батуринъ ни на минуту не вышелъ изъ своей роли и съ невозмутимымъ спокойствіемъ, на веревочкѣ, отправился въ полицію. Сильное и горестное впечатлѣніе произвело на меня это происшествіе; я никакъ не могъ себѣ выяснить что́ за человѣкъ Батуринъ? Можетъ ли быть, чтобы это было первое его преступленіе? Такую безчувственность, такую ничѣмъ невозмутимую твердость, такой цинизмъ, можно только допустить въ закоренѣломъ душегубцѣ, разбойникѣ; а какъ же рядомъ съ этимъ 25-тилѣтняя безпорочная его служба, безукоризненное поведеніе, и та довѣренность, которою онъ постоянно пользовался отъ ближайшихъ своихъ начальниковъ? Странно, непостижимо! Но во всякомъ случаѣ Батуринъ былъ человѣкъ необыкновенный; мнѣ, по крайней мѣрѣ, во всю мою жизнь, никогда болѣе не приходилось встрѣчать подобнаго характера, не смотря на то, что въ послѣдствіи имѣлъ я возможность видѣть много преступниковъ и на судахъ, и въ мѣстахъ ихъ заключенія.

(Продолженіе будетъ).

ПУШКИНЪ И ВЕЛИКОПОЛЬСКІЙ.

Три новыя письма Пушкина.

Въ началѣ 1828 года появилась въ Москвѣ прекрасно отпечатанная, съ гравированными украшеніями, тетрадка въ четверку, подъ заглавіемъ: „Къ Эрасту. Сатира на игроковъ. Сочиненіе И. Великопольскаго“. Тутъ описывается въ посредственныхъ стихахъ несчастное положеніе одного юноши, котораго обыгралъ болѣе опытный игрокъ Дамонъ, и приводятся наставительныя разсужденія о пагубѣ карточной игры. Теперь подобная книжка не обратила бы на себя никакого вниманія, но въ 1828 году стихи у насъ читались на расхватъ. Вѣроятно и книжка Великопольскаго имѣла покупателей (хотя продавалась по 6 рублей). Въ одномъ изъ Мартовскихъ номеровъ Сѣверной Пчелы 1828 года напечатано объ ней извѣщеніе, съ отмѣткою, что врядъ ли наставленія сочинителя образумятъ людей, одержимыхъ страстью къ игрѣ.

Этой страсти, какъ извѣстно, предавался и нашъ Пушкинъ, особливо въ молодыя свои лѣта.

Готовъ бывалъ онъ въ эти лѣта,
Отъ вечера и до разсвѣта,
Допрашивать судьбы завѣтъ:
На лѣво ляжетъ ли валетъ?

Повѣсть „Пиковая Дама“ (въ которой, замѣтимъ кстати, есть цѣлая автобіографическая сцена) свидѣтельствуетъ, какъ хорошо зналъ онъ ощущенія карточной игры.

Уже раздался звонъ обѣденъ;
Среди разбросанныхъ колодъ
Дремалъ усталый банкометъ,
А я все тотъ же, бодръ и блѣденъ,
Надежды полнъ, закрывъ глаза,
Гнулъ уголъ третьяго туза.

Конечно, тѣ и другіе изъ приведенныхъ стиховъ появились въ печати уже только по смерти Пушкина; но его страсть къ игрѣ и увлеченія ею, которымъ онъ предавался, можно сказать, запоемъ, ни для кого не были тайною, тѣмъ болѣе, что общественное вниманіе устремлялось на него постоянно.

Пушкинъ прилежно и зорко слѣдилъ за всѣми произведеніями современной ему Русской словесности: онъ считалъ это даже своею обязанностью, иногда скучною, но неизбѣжною. Чуткій и раздражительный, онъ, можетъ быть, прочиталъ въ стихахъ Великопольскаго какіе нибудь намеки на себя; а слыть игрокомъ, особливо при тогдашнихъ его отношеніяхъ къ Государю, было ему вовсе невесело. Съ Великопольскимъ встрѣчался онъ и игрывалъ въ Псковѣ, куда ѣзжалъ изъ своего Михаиловскаго уединенія, въ 1826 году, поразвлечься отъ книжныхъ и письменныхъ занятій, повидать людей и тряхнуть стариною, т. е. покутить. Съ офицерами стоявшаго въ Псковѣ полка онъ сходился на вечернихъ попойкахъ, и если не ошибаемся, къ числу этихъ офицеровъ принадлежалъ Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій, по годамъ сверстникъ Пушкина, сынъ Тверскаго помѣщика, человѣкъ живаго ума и нрава (впослѣдствіи пріятель С. Т. Аксакова), любившій занятія словесностью и помѣщавшій элегическія стихотворенія въ тогдашнихъ альманахахъ.

Примите Невскій Альманахъ:
Онъ милъ и въ прозѣ, и въ стихахъ.
Вы тамъ найдете Полевова,
Великопольскаго, Хвостова....

Когда вышла „Сатира на игроковъ“, Пушкинъ находился временно въ Петербургѣ, и Сѣверная Пчела еще занимъ ухаживала. Въ началѣ 1828 г. Пушкинъ дозволилъ ей напечатать большой отрывокъ изъ Онѣгина (пріѣздъ Тани въ Москву), и въ фельетонахъ Булгарина появлялись восторженные отзывы объ его дарованіи. Въ Петербургъ тогда пріѣхалъ съ Туркманчайскимъ трактатомъ Грибоѣдовъ, считавшійся другомъ Булгарина и своимъ громкимъ именемъ озарявшій его. Порядочные люди еще водились съ знаменитымъ Ѳаддеемъ, и только черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ отозвался про него, что въ переулкѣ, пожалуй, онъ съ нимъ раскланяется, а въ людномъ мѣстѣ не хватитъ духу.

Булгаринъ выпросилъ у Пушкина и напечаталъ въ 30-мъ номерѣ Сѣверной Пчелы 1828 года (отъ 10 Марта) слѣдующіе стихи его, съ подстрочною замѣткою: „Имени сочинителя сихъ стиховъ не подписываемъ: ex ungue leonem. *Изд.*“ Принадлежность ихъ Пушкину оставалась неизвѣстною публикѣ до изданія Анненкова. Приводимъ ихъ изъ полнаго собранія сочиненій Пушкина, съ заглавіемъ, съ какимъ они появились въ Сѣверной Пчелѣ.

Посланіе къ В., сочинителю „Сатиры на игроковъ“ *).

Такъ, элегическую лиру
Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта—дѣльно міру:

*) Такъ какъ „Сатира на игроковъ“ вышла съ полнымъ именемъ сочинителя, то буква В. никого не скрывала. П. В.

Ему полезенъ розги свистъ.
Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ.
Съ какимъ усердьемъ онъ молился
И какъ несчастливо игралъ!
Вотъ молодежъ: погорячился
Продулся весь, и такъ пропалъ!
Дамонъ твой—человѣкъ ужасной;
Забудь его опасный домъ,
Гдѣ, впрочемъ, сознаюся въ томъ,
Мой другъ, ты велъ себя прекрасно:
Ты никому тамъ не мѣшалъ,
Эраста нѣжно утѣшалъ,
Давалъ полезные совѣты,
И ни рубля не проигралъ.
Люблю: вотъ каковы поэты!
А то, уча безумный свѣтъ,
Порой грѣшитъ и проповѣдникъ.
Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
Разсказъ мой.
Нѣкто мой сосѣдъ,
Въ томленьяхъ благородной жажды,
Хлебнувъ Кастальскихъ водъ бокалъ,
На игроковъ, какъ ты, однажды
Сатиру злую написалъ
И другу съ жаромъ прочиталъ.
Ему въ отвѣтъ, его пріятель
Взялъ карты, молча стасовалъ,
Далъ снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы, понтировалъ!
Тебѣ знакомъ ли сей проказникъ?
Но встрѣча съ нимъ была бъ мнѣ праздникъ:
Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать,
И до полдневнаго сіянья
Читать моральныя посланья
И проигрышъ его писать.

Поязвить иной разъ Пушкинъ былъ мастеръ: назвать посредственнаго стихотворца наслѣдникомъ славнаго Римскаго сатирика было очень зло; печатно уличить моралиста въ его собственной несостоятельности съумѣлъ онъ превосходно. Хотя всѣ эти сношенія имѣли значеніе легкой шутки; но Великопольскій очевидно обидѣлся стихами, появившимися въ Сѣверной Пчелѣ, и прислалъ Булгарину не дошедшее до насъ посланіе, въ которыхъ передавалось, какъ Пушкинъ проигрывалъ въ карты стихи свои.

Вотъ поводъ къ одному изъ нижеслѣдующихъ писемъ Пушкина. Всѣ три письма печатаются съ подлинниковъ, отысканныхъ въ бумагахъ Великопольскаго и переданныхъ намъ внукомъ его г. Чаплинымъ.

И. Е. Великопольскій († 7 Февраля 1868 года, 72 лѣтъ) только „хлебнулъ Кастальскихъ водъ бокалъ“ и за тѣмъ перестал заниматься словесностью. Женатъ онъ былъ на дочери славнаго медика-масона М. Я. Мудрова.

Намъ случалось встрѣчать его около 1856 года въ Москвѣ у С. Т. Аксакова и М. П. Погодина. Въ то время занятъ онъ былъ обширнымъ предпріятіемъ по новому способу обработки льна въ своемъ Старицкомъ имѣніи. Человѣкъ онъ былъ, что̀ называется, затѣйный, но терпѣлъ неудачи въ своихъ начинаніяхъ. П. Б.

Письма Пушкина къ Великопольскому.

1.

Милостивый государь Иванъ Ермолаевичъ.

Сердечно благодарю васъ за письмо, пріятный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Стихотворенія Слѣпушкина *) получилъ и перечитываю все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ удивленіемъ. Ваша прекрасная мысль объ улучшеніи состоянія поэта-крестьянина, надѣюсь, не пропадетъ. Не знаю, соберусь ли я снова къ вамъ во Псковъ; вы не совершенно отнимаете у меня надежду васъ увидѣть въ моей глуши; благодаримъ покамѣстъ и за то.

Кланяюсь князю Циціанову**); жалѣю, что не отнялъ у него своего портрета. Что̀ новаго въ вашихъ краяхъ?

Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Пушкинъ.

На черномъ сургучѣ извѣстная Пушкинская печать-талисманъ. Почтовый штемпель: „Опочка 1826. Марта 11“.

2.

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось,
Пѣвецъ любви то рѣзвой, то унылой;
Играешь ты на лирѣ очень мило,
Играешь ты довольно плохо въ штосъ.
500 рублей, проигранныхъ тобою,
Наличные свидѣтели тому.
Судьба моя сходна съ твоей судьбою,
Сейчасъ, мой другъ, увидишь почему.

Сдѣлайте одолженіе, пять сотъ рублей, которые вы мнѣ должны, возвратить не мнѣ, но Гавріилу Петровичу Назимову, чѣмъ очень обяжете преданнаго вамъ душевно Александра Пушкина.

3 Іюня 1826. Преображенское.

Писано на отдѣльномъ лоскуткѣ, а не по почтѣ.

---

*) Эти стихотворенія появились въ Петербургѣ въ 1826 г., подъ заглавіемъ: „Досуги сельскаго жителя, стихотворенія Русскаго крестьянина Ѳедора Слѣпушкина“. Имя сочинителя дало Пушкину поводъ къ одному острословію.

**) Это былъ армейскій офицеръ князь Ѳедоръ Ивановичъ Циціановъ. Можетъ быть, у его наслѣдниковъ сыщется упоминаемый Пушкинымъ портретъ.

3.

Любезный Иванъ Ермолаевичъ.

Булгаринъ показалъ мнѣ очень милыя ваши стансы ко мнѣ въ отвѣтъ на мою шутку. Онъ сказалъ мнѣ, что цензура не пропускаетъ ихъ, какъ личность, безъ моего согласія. Къ сожалѣнію, я не могъ согласиться.

Глава Онѣгина вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ,

и ваше примѣчаніе — конечно личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Прочія очень милы. Мнѣ кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда ли? По крайней мѣрѣ отзывается чѣмъ-то горькимъ ваше послѣднее стихотвореніе. Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбиваго друга, включить непріязненныя строфы въ 8-ю гл. Онѣгина? NB. Я не проигрывалъ 2-й главы, а ея экземплярами заплатилъ свой долгъ, такъ точно какъ вы заплатили мнѣ свой родительскими алмазами и 35-ю томами Экциклопедіи. Что́ если напечатать мнѣ сіе благонамѣренное возраженіе? Но я надѣюсь, что я не потерялъ вашего дружества и что мы при первомъ свиданіи мирно примемся за карты и за стихи.

Простите.

Весь вашъ А. П.

Сложено и надписано Пушкинымъ: „Евгенію Абрамовичу Баратынскому, въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ домѣ Энгельгарда, въ Москвѣ. Пр. дост. И. Е. Великопольскому“. Рукою Баратынскаго: „На Большой Екиманкѣ, у Калужскихъ воротъ, въ домѣ Еремеевой“.

ПИСЬМО АРКАДІЯ ГАВРИЛОВИЧА РОДЗЯНКИ КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Лубны, 10-го Мая 1825 года.

Виноватъ, сто разъ виноватъ предъ тобою, любезный и дорогой мой Александръ Сергѣевичъ, не отвѣчая три мѣсяца на твое неожиданное и пріятнѣйшее письмо. Излагать причины моего молчанія и не нужно, и излишне: лѣнь моя главною тому причиною, и ты знаешь, что она никогда не перемѣнится, хотя Анна Петровна *) ужасно какъ моетъ за это выраженіе мою грѣшную головушку; но, не не взирая на твое хорошее мнѣніе о моихъ различныхъ способностяхъ, я становлюсь въ тупикъ въ нѣкоторыхъ вещахъ, и во первыхъ, въ отвѣтѣ къ тебѣ. Но сдѣлай милость, не давай воли своему воображенію и не дѣлай общею моей неодолимой лѣни; скромность моя и молчаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны стоять вмѣстѣ обвинителями и защитниками ея. Я тебѣ похвалюсь, что, благодаря этой же лѣни, я постояннѣе всѣхъ Амадисовъ и Польскихъ, и Русскихъ. И такъ одна трудность перемѣны и искренность моей привязанности составляютъ мою добродѣтель; *слѣдовательно,* говоритъ Анна Петровна, *немного стоитъ добродѣтель ваша*; а она соблюдаетъ молчаніе, знакъ согласія, и справедливо. Скажи пожалуй, что вздумалось тебѣ такъ клепать на меня? За какія проказы? За какія шалости?

Но довольно, пора говорить о литературѣ съ тобою, нашимъ Корифеемъ.

Приписка А. П. Кернъ въ серединѣ письма:

«Ей Богу, онъ ничего не хочетъ и не намѣренъ вамъ сказать! Насилу упросила! Если бы вы знали, чего мнѣ это стоило! Самой бездѣлки: придвинуть стулъ, дать перо и бумагу и сказать—*пишите*. Да спро-

*) Кернъ, проживавшая тогда у родныхъ въ Малороссіи. П. Б.

сите, сколько разъ повторить это должно было! Repetitia est mater studiorum.»

Зачѣмъ же во всемъ требуютъ уроковъ, а еще болѣе повтореній? Жалуюсь тебѣ, какъ новому Оберону: отсутствующій, ты имѣешь гораздо болѣе вліянія на *ее*, нежели я со всѣмъ моимъ присутствіемъ. Письмо твое меня гораздо болѣе поддерживаетъ, нежели все мое краснорѣчіе.

Приписка А. П. Кернъ въ серединѣ письма:

«Je vous proteste qu'il n'est pas dans mes fers!» *)..

А чья вина? Вотъ теперь вздумала мириться съ Ермолаемъ Θедоровичемъ **); снова пришло остывшее давно желаніе имѣть законныхъ дѣтей, и я пропалъ. Тогда можно было извиниться молодостію и неопытностію, а теперь чѣмъ? Ради Бога, будь посредникомъ.

Приписка А. П. Кернъ въ серединѣ письма:

«Ей Богу я этихъ строкъ не читала!»

Но заставила ихъ прочесть себѣ 10 разъ. Тѣмъ-то Анна Петровна и очаровательнѣе, что, со всѣмъ умомъ и чувствительностію образованной женщины, она изобилуетъ такими дѣтскими хитростями. Но прощай, люблю тебя и удивляюсь твоему генію и восклицаю:

О, Пушкинъ, мотъ и расточитель
Даровъ поэзіи святой,
И молодежи удалой
Гіерофантъ и просвѣтитель,
Любезный женщинамъ творецъ,
Пѣвецъ Разбойниковъ, Цыгановъ,
Безумцевъ, рыцарей, Руслановъ,
Скажи, чего ты не пѣвецъ?

Моя поэма *Чуйка* скончалась на тѣхъ отрывкахъ, что́ я тебѣ читалъ; а двѣ новыя сатиры пошлю въ Мартѣ напечатать.

Аркадій Родзянко.

---

*) Увѣряю васъ, что онъ не въ моихъ оковахъ.

**) Т.-е. съ своимъ мужемъ. Къ этому относятся извѣстные стихи Пушкина въ посланіи къ Родзянкѣ:

„Хвалю, мой другъ, ея охоту
Поотдохнувъ рожать дѣтей".

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ ЛЮБИТЕЛЯ СТАРИНЫ НА ПОСЛѢДНЕЕ ИЗДАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА. (С.-Петербургъ, 1882 г.).

1) Для чего къ поэмѣ „Братья Разбойники“ присоединено добавленіе (начиная со стиха: *Умолкъ и буйной головою*), когда сама редакція замѣчаетъ, что при жизни поэта это добавленіе не печаталось? Не справедливѣе ли отнести его къ примѣчаніямъ, тѣмъ болѣе, что оно и не вяжется со смысломъ поэмы? Да не есть ли оно вдохновеніе досужихъ пріятелей и редакторовъ, такъ испестрившихъ своими вставками разныя стихотворенія Пушкина, забывая, какъ онъ былъ недоволенъ, когда Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ Альманахѣ „Сѣверная Лира“ 1829 г. напечаталъ нѣсколько его стихотвореній въ искаженномъ видѣ, и при томъ зная, что и опечатки его безпокоили и что онъ легко допускалъ точки, гдѣ слова или строки были нецензурныя?

2) Въ VII-мъ томѣ, содержащемъ въ себѣ письма Пушкина, есть безнужные выпуски, не означенные даже точками, какъ напр. на стр. 208. Это письмо въ Русскомъ Архивѣ (1870 г. стр. 1372) помѣщено полностію; а выпускъ *характеренъ*.

3) Вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о селѣ Каменкѣ (вѣрнѣе мѣстечкѣ), она значится возлѣ Кіева, тогда какъ Каменка (принадлежащая и теперь Давыдовымъ) находится среди Чигиринскаго уѣзда, въ 250 верстахъ отъ Кіева, а возлѣ Кіева нѣтъ никакой Каменки.

4) Зачѣмъ перефразировка примѣчанія наборщика къ стихотворной брошюрѣ Бестужева-Рюмина „Марѳа Власьевна Томская и Флоръ Савичъ Калугинъ“ 1828 года:

И къ удивленію людей
И этой *книжкѣ* пять рублей

напечатана въ VII-мъ томѣ, стр. 315? Нельзя же подобную перефразу къ портрету Козодавлева приписать Пушкину; да и читалъ ли Пушкинъ означенную брошюру, наполненную пустою болтовней?

5) Почему въ письмо Жуковскаго къ отцу Пушкина о смерти сына не вошли тѣ добавленія, которыя были напечатаны въ Русскомъ Архивѣ и не упомянуто, что это письмо впервыя помѣщено въ Современникѣ 1837 года?

6) Опущены Одесскія эпиграммы, а они составляютъ часть біографіи поэта.

7) Извѣстные стихи въ 30-хъ годахъ читались такъ:

Не вѣрю я Француза дружбѣ,
Россіи клятвамъ Поляка,
Не вѣрю чести игрока,
И безкорыстью Нѣмца въ службѣ.

и переписывались въ концѣ „Родословной“.

8) Слѣдовало что-нибудь сказать о пріятеляхъ Пушкина, такъ усердно трудящихся въ пользу памяти жены Пушкина, въ ущербъ несчастному поэту, и забывающихъ письма его къ женѣ, гдѣ онъ ее проситъ, чтобы она его поберегла...

9) Въ III-мъ томѣ, на стр. 392, стихотвореніе „Мицкѣвичъ“, снова напечатано съ поправками прежними, а не по рукописи автора, хотя редакція на стр. 466-й говоритъ о несходствѣ рукописи съ печатаемыми стихами.

10) На стр. 385-й I-го тома пропущены два стиха, обозначенные точками, тогда какъ въ изданіи сочиненій Пушкина 1870 года, стр. 317, эти стихи напечатаны, о чемъ редакція не упоминаетъ.

11) На стр. 496-й I-го тома стихи М. А. Щербинину редакція приписываетъ другому Щербинину, Михаилу Павловичу, Воронцовскому родственнику, что̀ невѣрно.

12) Въ III-мъ томѣ, на стр. 312-й, пропущенное Пушкинымъ слово сперва замѣнено Анненковымъ *гривой*, а теперь Ефремовымъ *лапой*. Кому эти своевольныя редакторскія вставки нужны, какъ и на стр. 401-й II-го тома въ стихахъ княжнамъ Урусовой и Хованской? Подобный произволъ редакцій только затемняетъ понятіе о состояніи и настроеніи духа поэта въ данное время.

13) На стр. 403-й I-го тома напечатана полстрока, когда эта строка напечатана полностію въ Библіографическихъ Запискахъ 1861 года, стр. 585, а на стр. 404-й того же тома пропущена строка на рифму *благія*, и не означена точками; какъ на стр. 2-й II-го тома пропущена строка: „Уже сіялъ твой мудрый геній“.

*

Въ Русской Старинѣ нынѣшняго года г-нъ Якушкинъ началъ печатать свои разслѣдованія Пушкинскихъ рукописей, хранящихся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ. Привѣтствуемъ его работу и желаемъ успѣха. Можно надѣяться, что, при его трудолюбіи, посчастливится ему извлечь еще новые, достойные Пушкинскаго имени, звуки и отыскать новыя дополненія къ біографіи великаго человѣка. Г-нъ Якушкинъ обѣщаетъ читателямъ указать „не-

брежность", съ которою будто бы г-нъ Бартеневъ занимался этими бумагами, изъ которыхъ извлечены имъ многія страницы, нынѣ вошедшія въ полное собраніе сочиненій Пушкина (изд. 1882 г.). Съ любопытствомъ ждемъ этихъ указаній; но теперь же считаемъ нелишнимъ напомнить г-ну Якушкину, что цѣли его и г-на Бартенева не одинакія. Ему дорогà каждая описка Пушкина; тотъ, напротивъ, извлекалъ только то чтò по его мнѣнію заслуживало извлеченія.—Не понимаемъ также, къ чему г-нъ Якушкинъ говоритъ о какой-то монополіи относительно рукописей Пушкина. Вѣроятно ему неизвѣстно, что г. Бартеневъ, нарочно ѣздившій въ г. Козловъ за этими рукописями, просто *пріобрѣлъ* у наслѣдниковъ Пушкина право напечатать то чтò найдетъ въ нихъ новаго и, по окончаніи своей работы, вмѣстѣ съ покойнымъ А. Е. Викторовымъ ходатайствовалъ, чтобы эти рукописи сдѣлались для всѣхъ доступными.

ПОПРАВКА.

Къ стр. 183-й. Во 2-мъ письмѣ императора Николая сдѣлана грубая ошибка въ текстѣ (соотвѣтственно повторенная и въ переводѣ): вмѣсто la *poudre a éclaté* надо: *la foudre a éclatée*, и ниже вмѣсто *fondu le mât* надо: *fendu* le mât.—Въ переводѣ *la cale en granit* передано невѣрно: это гранитный докъ, родъ сухаго канала, для постройки и починки кораблей.

Первый стихъ въ посланіи къ графу З.* (стр. 240) слѣдуетъ читать: „Не молодъ ты, не глупъ, не вовсе безъ души".

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1884 ГОДА.

(выпуски 1 и 2-й).

Письма **Екатерины Великой** къ И. И. Неплюеву 1762—1765, съ предисловіемъ и примѣчаніями 251

Достопамятный разговоръ Екатерины Великой съ княгинею Дашковой (1793). 266

Жертва ревности князя Потемкина (В. Р. Щегловскій) 273

Записки Московскаго мартиниста сенатора **И. В. Лопухина**. Новое изданіе съ примѣчаніями и портретомъ 1

Письмо князя **Адама Чаторыжскаго** къ Н. Н. Новосильцову, (1812) 280

Страницы прошлаго. **Ѳ. И. Тимирязева**, съ портретомъ И. С. Тимирязева 155 и 298

Письма **императора Николая Павловича** къ шефу жандармовъ графу А. Х. Бенкендорфу 1837 181

Императоръ **Николай Павловичъ** и Петербургскіе старообрядцы 190

Ночь съ 17 на 18 Февраля 1855 года. Разсказъ доктора **Мандта** 192

Воспоминанія **Григорія Ивановича Филипсона**. (Анрепъ.—Муравьевъ Амурскій.—Походъ въ землю Убыховъ.—Посѣщеніе Кавказа княземъ Чернышовымъ.—Іеромонахъ Макарій.—Сванетская княгиня.—Подрядчикъ Вальяно.—Купецъ Митровъ.—А. И. Будбергъ.—Прощаніе съ Береговой Линіей.—Кавказская линія. — Воронцовское управленіе) Съ портретомъ Г. И. Филипсона .... 199 и 331

Разсказы изъ недавней старины **И. С. Листовскаго** .... 223 и 283

Воспоминанія **Е. П. Самсонова**. Лицейскій пансіонъ. — Отрочество Александра Николаевича.—Польскій походъ 1831 г.—Жизнь у Н. А. Исленьева.—Унтеръ-офицеръ Батуринъ)...... 423

Письмо **К. Н. Батюшкова** къ Д. В. Дашкову 230

Записочка **В. А. Жуковскаго** къ Д. В. Дашкову 232

Письмо **К. Н. Батюшкова** къ В. А. Жуковскому 233

Изъ забытыхъ стихотвореній: Пародія на „братьевъ-Разбойниковъ“.—Къ графу З. (Н. Ф. Павлова).—Русская пѣсня (Чѣмъ я Западъ огорчила).—„Въ патріотическомъ задорѣ“.—На б. А. К. М. (С. А. Соболевскаго).—На И. И. Д.—Издателю „Вѣсти“ (Ѳ. И. Тютчева) 237

Некрологи. (Н. П. Розанова, А. Ѳ. Томашевскаго, А. И. Кошелева)....... 242

Письмо П. А. Плетнева къ Ѳ. И. Іордану 248

Пушкинъ и Великопольскій. Три новыя письма **Пушкина** со стихами...... 465

Письмо **А. Г. Родзянки** къ А. С. Пушкину 470

Изъ замѣтокъ „Любителя Старины“ на послѣднее изданіе сочиненій Пушкина............. 472

Изъ писемъ **Ѳ. В. Чижова** къ художнику А. А. Иванову................ 391

О Мятлевскомъ ожерельѣ.......... 248

Дневникъ княжны **В. И. Туркестановой**. 1818 (Августъ и Сентябрь) въ особомъ приложеніи..........................